

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

10

«ФЕНИКС»

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Санкт-Петербург

2004

ББК 83.3Р 1

8 Р 1

Л-659

Редакторы-составители М.М.Павлова и А.В.Лавров

ЛИЦА: Биографический альманах. 10. – СПб.: Феникс;
Дмитрий Буланин, 2004. 576 с., ил.

Л 659

ISBN 5-85042-046-0

ISBN 5-85042-058-4

ISBN 5-86007-472-X

В настоящем томе альманаха представлены впервые публикующиеся материалы к биографиям известных и малоизвестных деятелей культуры XX в.: очерки о писателе Георгии Эрастове и режиссере Юрии Ракитине; дневник актрисы Л.Д.Рындиной, жены Сергея Кречетова; практически полный свод переписки Валерия Брюсова с Людмилой Вилькиной, а также письма К.Бальмонта к ней; письма Андрея Белого к издателю А.М.Кожебаткину; воспоминания поэта Тихона Чурилина о встречах с В.Хлебниковым, В.Маяковским, Н.Асеевым. Все материалы обстоятельно откомментированы. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной культуры.

ISBN 5-85042-046-0

ISBN 5-85042-058-4

ISBN 5-86007-472-X

© STUDIA BIOGRAPHICA, 2004

© Издательство «Феникс», 2004

© Издательство «Дмитрий Буланин», 2004

Портреты

Бен Хеллман
ГЕОРГИЙ ЭРАСТОВ –
ПИСАТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ПРОПАЛ*

В истории русской литературы имя Г.П.Эрастова не встречается. Этот автор остался неизвестным не только читателям, но даже специалистам. Однако в начале XX века он активно участвовал в культурной жизни Петербурга – в качестве актера, журналиста и писателя. В период революции 1905 года он выступал как бесстрашный, антимонархически настроенный карикатурист и редактор сатирического журнала. Его первый роман «Отступление», основанный на впечатлениях о Русско-японской войне, привлек всеобщее внимание. Но вслед за этим Эрастов исчезает с литературного поля России. Только в царской охранке знали, что он переехал в Финляндию, где приобрел известность как драматург. После Финляндии он продолжил свою одиссею в Дании. Что с ним было потом, долгое время оставалось загадкой. Даже для детей его бывшей жены финской актрисы Эдит Эрастовой, рожденных во втором браке, он был просто «пропавший русский»¹.

Целью данной статьи является восстановление его жизненной и творческой биографии.

«Художественный путь Георгия Эрастова – пестрый, такой пестрый, каким может быть только путь русского художника в наше бурное время и, собственно говоря, даже пестрее, чем путь Горького»², – писал финский критик в связи с премьерой новой пьесы Эрастова в Хельсинки в 1907. Краткие сообщения в финской печати и

* В подготовке статьи мне оказали существенную помощь Павел Горякин (Санкт-Петербург), Харальд Епсен (Дания) и Ричард Дэвис (Лидз, Англия).

¹ См.: *Forslund B. Victor Sjöström: Hans liv och verk* <Виктор Шёстрём: Его жизнь и творчество>. Stockholm: Bonniers <1980>. В этой книге много недостоверных фактов: Эрастов называется Григорием, он якобы поэт, женился в 1905 (в действительности – в 1906) и «пропал» в 1907 во время поездки в Россию (Ibid. S.92).

² *L<indqvist> R. Stormhvirfeln: En intressant teater-premiär i närmaste perspektiv // Hufvudstadsbladet (Helsingfors). 1907. №56, 26 februari. S.4.* (Здесь и далее перевод наш.)

и автобиографический набросок, сделанный по просьбе его американского переводчика, позволяют представить начало этого пестрого пути³.

Г.П.Эрастов родился 15 июля 1875 в деревне Язвино⁴, расположенной в 25 километрах по железной дороге от Витебска в сторону Двинска (Daugavpils). Его отец Paul Edelman был немецким помещиком, мать Maria – полька, потомственная дворянка. Настоящее имя будущего писателя – Heinrich Edelman. Ни по происхождению, ни по языку русским он не был, но стал русским писателем и взял себе псевдоним, как он сам объяснил позже, «по семейным причинам» – как шаг в борьбе за личные убеждения, против «религиозного деспотизма»⁵. Новым именем он, по-видимому, хотел отмежеваться от наследия отца – как в национальном, так и в религиозном отношении.

Годы юности Эрастова связаны с Витебском, где он был членом немецкого Варваринского прихода (Barbara Kirche)⁶. После четырех лет обучения в гимназии он по желанию отца поступил в техническое училище, готовился в инженеры. Когда три года спустя отец умер, Эрастов бросил учебу. Старый художник-дилетант пробудил в нем интерес к изобразительному искусству, и, не получив никакой помощи от семьи, Эрастов уехал в Петербург, где ему удалось поступить в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. При поддержке профессора скульптуры Гуго Залемана (1859–?) он получил стипендию, а также позволение но-

³ О жизни Эрастова до 1906 см.: *Bernstein H. Georg Erastov. Russia's New Man: The Story of His Remarkable and Varied Career.* Руккопись. – Yivo Institute for Jewish Research. New York (далее – YIJR). Bernstein folders 23, 156; *Nycander F. Stormhvirfeln: En urpremiär. Ur «Stockholms-tidningen» // Nya pressen (Helsingfors). 1907. №74, 17 march. S.5; L<indqvist> R. Stormhvirfeln... S.4.* Задачу составления биографии Эрастова усложняет интервью, данное им в Копенгагене в 1912 (см.: *Fremragende russisk Forfatter dødsyng i København // Social-Demokraten. (København). 1912. №202, 23 july. S.1*). В этот период склонность писателя к небрежному обращению с фактами еще сильнее обострилась из-за его психической болезни. Датскому журналисту Эрастов среди прочего рассказал, что он еврейского происхождения, родился в деревне вблизи Санкт-Петербурга и вырос в состоятельной семье.

⁴ См.: Метрические книги Немецкого евангелического лютеранского прихода (Хельсинки) за 1890–1909 и за 1910–1929. – Helsinki Arkisto. Saksalainen evankelis-lutherilainen seurakunta (далее – Метрические книги, с указанием периода).

⁵ Письмо Эрастова Г.Бернштейну от 18 июня 1907. – YIJR. Bernstein folders. Далее письма Эрастова Бернштейну приводятся без отсылки на место хранения.

⁶ Метрические книги. 1890–1909.

чевать в мастерской. Когда Залеман уехал из Петербурга, Эрастов должен был временно уйти из училища и работать гостиничным портье. Затем ему удалось вернуться в Академию. Он снимал квартиру вместе с другими бедствующими студентами и для заработка рисовал портреты владельцев магазинов – в обмен на продукты.

Когда мать и младший брат переехали в Петербург, Эрастов опять был вынужден уйти из Академии. Чтобы содержать семью, он одно время работал канцеляристом в Морском министерстве и судовым инженером при конструировании броненосцев «Полтава» и «Сысой Великий»; оба были спущены на воду в 1894. Однако из-за болезни Эрастову пришлось оставить работу. Он пробовал свои силы как рекламный агент, карикатурист и фотогравер: изготовил серебряное блюдо с портретом Александра III и искусным орнаментом и лично преподнес императрице Марии Феодоровне, но вызвал скандал, закурив во время аудиенции в Аничковом дворце. Получив назначение на должность учителя в сибирской школе, Эрастов рассчитывал начать этим новый жизненный этап, но в дороге его настигла телеграмма с сообщением о серьезной болезни матери. Он выслал все имевшиеся у него средства на уход за ней и нарисовал вывеску для местной лавки, чтобы заработать на обратный билет в Петербург.

В 1897, когда ему было 22 года, Эрастов послал несколько рассказов и просьбу о денежной помощи Д.В.Григоровичу. Ему, наверное, было известно, что именно Григорович полвека тому назад открыл Достоевского и что он, благодаря своим контактам с Литературным фондом, имел возможность выделять финансовую поддержку бедствующим писателям. В качестве рекомендации Эрастов мог приложить письма от влиятельных людей, в том числе от профессора русского языка и литературы Александровского университета Гельсингфорса И.Е.Мандельштама (1846–1911).

Григорович обещал похлопотать о пособии в Литературном фонде, но о рассказах начинающего писателя высказался весьма сдержанно⁷. Эрастов почувствовал, однако, поддержку, и один из рассказов ему удалось напечатать в газете. Еще раньше, в 1895, он устроился в «Новости и биржевую газету», что послужило началом его десятилетней журналистской деятельности. В газете «Народ» он

⁷ Письмо Д.В.Григоровича от 15 сентября 1897 Генриху (Георгию) Павловичу Эдельману-Эрастову см.: *Капелюш Б.Н.* Рукописи и переписка Д.В.Григоровича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С.54.

напечатал рецензию на книгу английской писательницы Марии Корелли «История детской души: Повесть не для детей» (М., 1897). Не полемизируя с темой книги – «воспитание детей без веры, познания Бога и любви к Нему – есть преступление, хуже убийства», – он критиковал ее за условность, утрирование и неубедительные мотивировки⁸.

Как критик Эрастов уделял особое внимание изобразительному искусству. В «Историческом вестнике» он печатал рецензии: в одной из них приветствовал появление журнала «Искусство и художественная промышленность», в другой – полностью отрицал ценность нового журнала «Мир искусства», называя его «органом декадентов»⁹. В российском издании «Meyers Grosses Konversationslexikon» Эрастов возглавил отдел искусства и сам писал многие статьи.

Заказной работой были два последних выпуска книги «Санкт-Петербург в Петрово время» (1903). В этом историческом очерке о Петербурге, с момента его основания до смерти Петра Великого, Эрастов уделял особое внимание «тем историческим фактам и явлениям, на которых наиболее отразилась гениальная личность Петра, его заботы и стремления, его жизнь – монарха, реформатора и человека»¹⁰. Книга основывалась на большом количестве источников и выявила способности автора к популярно-историческому жанру.

Другой областью интересов Эрастова был театр. В Императорском Петербургском театральном училище он учился актерскому ремеслу у знаменитого актера Владимира Давыдова (1849–1925). В феврале 1900 он участвовал в постановке «Гамлета», осуществленной лично для Николая II в Мраморном зале Зимнего дворца. Пьеса была переведена великим князем Константином Романовым (К.Р.), который сам выступил в главной роли. Будучи членом театральной группы Мамонта Дальского (1865–1918), Эрастов впоследствии и сам сыграл Гамлета. Его первый собственный опыт написания драматических произведений относится к этому периоду¹¹.

⁸ См.: Народ. 1898. №467, 12 (24) апреля.

⁹ Эрастов Г.П. 1) «Искусство и художественная промышленность» // Исторический вестник. 1898. №12. С.1169-1171; 2) «Мир искусства»: Художественный журнал // Там же. 1899. №1. С.316-318. В этом журнале Эрастов поместил свой очерк «Облава на людей: Из недавнего прошлого» (Там же. №8. С.458-476).

¹⁰ Божерянов И.Н., Эрастов Г.П. Санкт-Петербург в Петрово время. СПб.: Х.Краузе, 1903. Т.2. С.58.

¹¹ В письме в Постоянную комиссию Литературного фонда Эрастов упоминает постановку своей пьесы в Ковно. – ИРЛИ. Ф.540. Оп.2. Ед.хр.652.

Давыдов предсказал Эрастову блестящее актерское будущее и согласился написать предисловие для его книги об актерской технике «Искусство чтения» (1903), в котором рекомендовал это пособие не только актерам, но и широкой публике. Он считал, что книга Эрастова «принесет существенную пользу, направляя читателя на путь истинного понимания искусства чтения и охраняя его от почти неизбежных увлечений ложным пафосом, комизмом и прочими крайностями, присущими “любительству”»¹². Книга была разделена на теоретическую и на практическую часть с приложением упражнений по чтению эпических, лирических и драматических произведений; ею можно было пользоваться для преподавания выразительного чтения в школе, а также для домашних постановок.

После краткого увлечения театральным делом Эрастов вернулся к журналистике и литературе. В 1900 вышел его перевод одиннадцати притч из «Так говорил Заратустра» Ф.Ницше. В предисловии к книге Эрастов показал себя знатоком творчества и эволюции философских идей Ницше, подчеркнул его оригинальность как философа и стилиста: «...Ницше делает выводы, поражающие своей необычностью даже современных мыслителей, выводы, глубокая проникновенность и самобытность которых граничат нередко с необыкновенной тонкостью восприятия, присущей психически больным натурам». В конце предисловия Эрастов согласился с высказыванием Вл. Соловьева о том, что «если бы и не было перед нами действительно “сверхчеловека”, то во всяком случае есть сверхчеловеческий путь...»¹³.

С 1901 Эрастов регулярно публикует в петербургской периодике и художественные тексты. В престижные издания их не принимали, приходилось довольствоваться такими журналами, как «Железнодорожник»¹⁴, «Русский паломник», «Шут» и газетой «Петербургская жизнь»¹⁵. Тема рассказа «Сказка о звездах» (1901) – переломный момент в жизни провинциального учителя. Толчком к его духовному пробуждению становится сказка о звездах, рассказанная ему умирающей бедной еврейской школьницей. Ее слова о том, что в каж-

¹² Давыдов В.Н. Предисловие // Эрастов Г.П. Искусство чтения: Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения. СПб.: Ф.И.Митюрников, 1903. С.4.

¹³ См. предисловие к кн.: *Ницше Ф. Так говорил Зороастр. Книга для всех и никого: Двенадцать притч из мистической поэмы.* СПб.: И.Д.Литвинов, 1900. С.10-11.

¹⁴ Эрастов Г. Делегат: Рассказ // Железнодорожник. 1903. №2-3.

¹⁵ Эрастов Г. Marche funebre: Рассказ // Петербургская жизнь. 1905. №829.

дом человеке есть божественный свет, который надо сохранить, заставляют его порвать с «законом приспособления» и с пошлостью своей среды¹⁶. К жанру легенды, особо привлекательному для Эрастова, относятся произведения «Мулла-проповедник» (1901)¹⁷ и «Таврийский раббан» (1903)¹⁸. Последнее является псевдоветхозаветной легендой о старом отшельнике Эссааре, подобно Соломону, мудро разрешавшему все людские споры.

В «Открытом письме Максиму Горькому» (1902) Эрастов в аллегорической форме обвинил писателя в обмане ожиданий читателей. Поднимая важнейшие жизненные вопросы и пробуждая надежды у народа, Горький в своем новом произведении, повести «Трое», якобы отказался от ожидаемых ответов. Описав кошмары человеческой жизни, Горький вывел на сцену силу, которую назвал «Разумной Волей», но и эту «мощную фигуру» он заставил погибнуть в борьбе с «Роком». В качестве эпитафии для своей курьезной брошюры Эрастов выбрал выражение «Светит, но не греет», звучавшее как приговор фальшивому проповеднику¹⁹.

К подобным упрекам трудно было относиться серьезно, и, по видимому, Горький никакого внимания не обратил на этот выпад²⁰. Бесспорно, однако, что «Открытое письмо Максиму Горькому» характеризует самого Эрастова – с его обостренной социальной совестью и тяготением к вопросам морально-этического характера.

Довелось Эрастову познакомиться и с высшим светом Санкт-Петербурга. В салоне князя Сергея Волконского (1860–1937), куда он попал, будучи причастным к изобразительному искусству и театру, он познакомился с видными сановниками, в том числе с бывшим министром внутренних дел И.Л.Горемыкиным (1839–1917). Горемыкин неосторожно пригласил неизвестного писателя провести лето в его загородном поместье. Приняв приглашение и побывав там, Эрастов написал серию изобличительных статей о личной жиз-

¹⁶ Эрастов Г. Сказка о звезде: Рассказ // Новая иллюстрация. 1901. №45. С.359-360; №46. 364-368; №47. 374-375.

¹⁷ Эрастов Г. Мулла-проповедник: Из сказок и басен Востока // Шут. 1901. №29.

¹⁸ Эрастов Г. Таврийский раббан: Рассказ // Русский паломник. 1903. №38. С.646-647.

¹⁹ Эрастов Г. Открытое письмо Максиму Горькому. СПб.: Ф.И.Митюрников, 1902. <С.3>.

²⁰ В 1912 Эрастов с гордостью рассказывал, что послал Горькому какое-то свое произведение и получил от него благодарственное письмо. См.: Fremragende russisk Forfatter dødssyg i København Social-Demokraten. S.1.

ни реакционного министра и «гнилости» его среды, раз и навсегда порвав с аристократией²¹. «Дворянско-гвардейскую черную сотню» он обвинил в подготовке государственного переворота и намерении устранить графа С.Ю.Витте, председателя Кабинета министров.

В 1904, когда началась Русско-японская война, Эрастов отправился в Маньчжурию, где он провел в общей сложности десять месяцев. В качестве вольноопределяющегося он участвовал во всех боях, вплоть до сражения за Ляоян в августе–сентябре 1904. В битве при Вафангоу в июне он был ранен шрапнелью. После возвращения в Санкт-Петербург в конце года он создал на основе пережитого и увиденного цикл очерков и рассказов о войне. В серии очерков «По застенному Китаю: Боевые и мирные впечатления» (1905) он подробно рассказал о своем приезде на фронт в марте 1904 и о поиске своей батареи. Описываются городские сценки, народная жизнь, местные обычаи, встречи с русскими поселенцами, посещения китайского театра и присутствие на казни преступников²². Эрастов всегда имел под рукой блокнот для рисования, и эти рисунки также появились в русской печати²³. О русской и китайской театральной жизни вблизи фронта рассказывается в двух очерках для журнала «Театр и искусство»²⁴.

Отголоски военных впечатлений встречаются и в рассказах Эрастова. Некоторым, как например «Комарик» (1905)²⁵ и «Во мраке» (1905)²⁶, он дал подзаголовок «Из боевой жизни». Герой последнего рассказа, Одинцов, ищет после боя своего брата среди раненых и павших. Эрастов пытается передать гнетущую атмосферу, в конце рассказа приведшую героя к эмоциональному взрыву: «Дикий крик

²¹ Эти статьи упоминаются Эрастовым в его неопубликованной автобиографии. См.: *Bernstein H. Georg Erastov. Russia's New Man...*

²² *Эрастов Г. По застенному Китаю: Боевые и мирные впечатления // Природа и люди. 1905. №23. С.352-356; №24. С.367-370; №25. С.380-388; №26. С.396-397; №36. С.567-571; №41. С.648-651.* Связь с журналом «Природа и люди» Эрастов установил через писателя А.Е.Зарина (см. его письма Зарину от 24 декабря 1904 и 7 апреля 1905. – ИРЛИ. Ф.123. Оп.2. Ед.хр.232). Зарин также помог Эрастову опубликовать рассказ «Тревога» в газете. См.: Воскресенье. 1905. №10.

²³ См., например: *Природа и люди. 1905. №23. С.355; №25. С.382; №41. С.648.*

²⁴ *Эрастов Г. 1) Мельпомена на войне: Из записной книжки военного корреспондента // Театр и искусство. 1905. №8. С.124-126; 2) В китайском городе: Из записной книжки туриста // Там же. №10. С.159-161.*

²⁵ Оpubл.: Родная нива. 1905. №1.

²⁶ Оpubл.: Живописное обозрение. 1905. №8. С.77-179.

вырвался из груди Одинцова и замер среди мрака и безмолвия ночи»²⁷. Еще один рассказ – «Выбыл из строя» (1906)²⁸ – о том, как война позволяет бывшему офицеру Павлушову вернуть честь и достоинство. Он – игрок из Петербурга, осужденный на ссылку и лагерь за расхищение казенных средств, и только геройская гибель на войне может вернуть ему доброе имя. Желанную смерть он встретил во время добровольной разведки.

Эрастов также начал работать над большим романом о Русско-японской войне. Под названием «В огненном вихре» он был опубликован в журнале «Родная нива» с портретом автора и иллюстрациями С.В.Животовского²⁹. В издательстве «Знание» обратили внимание на это произведение и заключили договор с автором на публикацию романа полностью в очередном альманахе. Это был важный шаг к признанию писательского таланта Эрастова.

С войны Эрастов вернулся в предреволюционный Петербург. События 1905 года стали водоразделом в его жизни. Прежде политически индифферентный, он превратился в революционера и – впоследствии – в политического эмигранта. Революция предоставила ему материал, который он в дальнейшем неоднократно использовал в своем творчестве. В ноябре 1905 Эрастов стал издавать сатирический журнал «Бурелом». Издание имело шумный успех, 100 тысяч экземпляров первого номера были раскуплены, но после выхода двух номеров журнал был запрещен. Начав нумерацию заново, Эрастов смог выпустить еще три номера, но затем был вынужден переименовать журнал. Под новым названием «Буря» в январе–феврале 1906 вышло два номера журнала, но после этого редакторская деятельность Эрастова закончилась очередным запретом³⁰.

Эрастов являлся не только издателем и редактором «Бурелома» и «Бури», он выступал в них как художник-сатирик и писатель. Две его миниатюры: «Сон. Quasi una символика» (1905) и «Однажды ночью» (1906)³¹ – это ночные видения, в которых автор красноречиво

²⁷ Там же.

²⁸ Оpubл.: Природа и люди. 1906. №46-47.

²⁹ См.: Родная нива. 1905. №18-33. С.166-287.

³⁰ После «Бури» следовал журнал «Буревал» (1906. №1-4) с такой же обложкой, как и у «Бурелома» и «Бури», но ни имя Эрастова, ни его псевдоним там не встречаются.

³¹ Эрастов Г. 1) Сон: Quasi una символика // Бурелом. 1905. 25 декабря (Рождественский номер). С.7; 2) Однажды ночью // Буря. 1906. №4. С.2-3. В первом номере «Бурелома» были также опубликованы стихотворения Эрастова «Скептик: Подражание Шумахеру», где заявлялось, что «хулиганы – посильней

выражает свои сомнения и разочарования. Басня «Сон» – горькое признание идеалиста. Опьяненный красотой северной весенней природы и песней ласточки, мотылек поднимается все выше и выше в небо, пренебрегая предостережениями других мотыльков, занятых повседневными делами. Но силы кончаются, и мотылек падает в грязь дороги, попадая в конце концов под колеса телеги. Умирая, он в последний раз видит цветущую природу и слышит песню ласточки. Рассказ «Однажды ночью» – открытый призыв к продолжению революционной борьбы. Отец и сын вместе ведут агитацию среди рабочих завода. Во время восстания сына зверски уродуют, и оба они вынуждены покинуть родину. Но и на чужбине, среди свободных людей, отец и сын продолжают мечтать о революции. Они понимают, что «там, где нет борьбы – нет жизни и что жизнь – борьба», и решают возвратиться домой.

Под псевдонимом «Nomenclus» Эрастов публиковал в «Буреломе» и «Буре» и свои сатирические рисунки. Среди них карикатура «Зачитался: Мыши подтачивают царский трон» была самой острой³². Царь Николай II спокойно читает официозные «Правительственные ведомости», не замечая, что за окном, на Дворцовой площади, уже разворачиваются события «Кровавого воскресенья». В самом дворце мыши грызут опоры его престола.

Этот рисунок и другие политические материалы журналов привели к аресту Эрастова³³. В качестве редактора-издателя он был при-

царя!» (1905. №1, 26 ноября С.3), и «Из песен о лесе дремучем» (Там же. С.6), содержавшее явный революционный призыв.

³² См.: Там же. С.5. Рисунок воспроизведен в кн.: Революция 1905–1907 годов и изобразительное искусство / Под ред. В.В.Шлеева. М.: Изобразительное искусство, 1977. Вып.1: Петербург. С.57; *King D., Porter C. Images of Revolution: Graphic Art from 1905 Russia*. New York, 1983. P.88. В последнем издании также воспроизведены два рисунка Эрастова из рождественского номера «Бурелома» – «Елка» и «31 декабря 1905».

³³ К запрещению «Бурелома» и привлечению его ответственного редактора к суду привели, кроме рисунка «Зачитался», также рисунок Эрастова «Собрался» (Бурелом. 1905. №2, 4 декабря. С.5), на нем изображен царь, готовящийся к бегству на своей яхте; статья «Так говорил Заратустра», подписанная псевдонимом «Андрей В.» (см.: Там же. №1, 26 ноября); стихотворение «К народу» В<ладимира> Т<рофим>ова (1874–1916) (Там же. №2, 4 декабря). См.: Дело I отделения канцелярии Главного управления по делам печати. По журналу «Бурелом». Донесение прокурора. – РГИА. Ф.776. Оп.8. Д.2169; Ф.1405. Оп.530 (1906). Д.431. Журнал «Буря» был запрещен после публикации в №5 статьи «89-й год» (под псевдонимом «Alex. St.»), стихотворений А.Рославлева «Никто не ждет» и И.Гурвича «Я вас не звал, былого тени...» См.: Дело I отделения канцелярии... – Там же. Оп.9. Д.33.

влечен к ответственности за оскорбление государя, но благодаря залому в 5 тысяч рублей, внесенному одним из его знакомых, смог выйти из одиночной камеры и ожидать суда на воле.

Судебное дело против журнала «Буря» должно было начаться 3 февраля 1906. Не дожидаясь решения суда, Эрастов уехал из Петербурга в Финляндию³⁴. В Гельсингфорсе он появился в феврале–марте 1906, никому не известный, нищий и без планов на будущее. Попасть в Финляндию значило, по его собственным словам, оказаться «за бортом литературной баржи»³⁵. За короткое время ему, однако, удалось создать себе в новой среде репутацию писателя.

В середине марта Эрастов посетил финского издателя К.Хольма, чтобы продать свой военный роман. Три первые главы, ранее опубликованные в «Родной ниве», были теперь переработаны. В пользу романа говорил тот факт, что в России издательство «Знание» оставило за собой право на его публикацию. Кроме того, Эрастов опять воспользовался рекомендательным письмом от профессора Мандельштама³⁶. За незначительную сумму издательство «К.Е. Holm» приобрело права на шведский и финский перевод будущего романа³⁷.

Эрастов закончил свой роман летом 1906, и в конце года он вышел под названием «Отступление» в 13-м сборнике «Знания»³⁸. В романе рассказывается о жизни в маньчжурском городе Ляоян и о битвах неподалеку от города. Название книги можно трактовать и как уход русской армии в сентябре 1904 и как отступление от позиций гуманизма. С беспощадным реализмом Эрастов описывает не только жертв войны, расстрелы и болезни, но и моральное «гниение» русской армии. Его критика сурова. Между офицерством и солдатами лежит глубокая пропасть. Казенные средства растрати-

³⁴ Датскому журналисту Эрастов рассказал летом 1912, что он убежал из России «при драматических обстоятельствах» (см.: *Fremragende russisk Forfatter dødssyg i København*. S.1), но за достоверность слов Эрастова в тот период невозможно ручаться.

³⁵ Письмо Эрастова Бернштейну от 18 июня 1907.

³⁶ См.: *Skriftställarlogen <Писательская ложа> // Nya pressen*. 1907. №321, 26 november. S.3.

³⁷ *Holm K.E. Förläggare och författare // Ibid*. №326B, 1 december. S.3.

³⁸ В России роман «Отступление» вышел в цензурованном виде, и эта версия текста послужила основой для всех переводов. Для запланированного английского перевода Эрастов намеревался восстановить вычеркнутые эпизоды, изменить рубрикацию глав и добавить одну главу (см. письма Эрастова Бернштейну от 13 апреля и за июнь 1907). Часть этих нереализованных планов отражена в материалах архива Бернштейна.

ваются беспечно, в притонах и публичных домах – бесконечное пьянство. К местному населению и восточной культуре русские проявляют только презрение, но развитие событий вскоре лишает их самоуверенности. Среди лиц, изображенных с симпатией – священник, разрывающийся между голосом совести и церковными обязанностями.

Авторизованный шведский перевод «Отступления» увидел свет в Гельсингфорсе и одновременно в Стокгольме спустя год после выхода романа на русском языке. В процессе подготовки книги между автором и издателем возник конфликт. Эрастов хотел добавить к переводу посвящение своей жене и финскому обществу за то, что его, выброшенного революцией из русской жизни, «приняли с теплотой и симпатией, позволявшими мне спокойно написать мою книгу»³⁹. Хольм, однако, на это не согласился, объяснив, что идея посвящения возникла слишком поздно и что его не было ни в рукописи, ни в напечатанном русском оригинале. Эрастов также был недоволен рекламным текстом к роману, в котором, между прочим, утверждалось, что в «Отступлении» описываются «веселые и темные стороны походной жизни». В возникшем конфликте Ложа шведских писателей Финляндии, в частности О. и Й. Рейтер и Ж.Аренберг, выступила в защиту своего русского коллеги⁴⁰. Печальным следствием инцидента было то, что Эрастов этим резким выпадом и угрозами судебного разбирательства окончательно испортил отношения со своим первым заграничным издателем.

Рецензии на «Отступление» были по преимуществу положительные. Рафаэл Линдквист назвал роман «серией блестяще нарисованных картин походной жизни, увиденных глазами поэта и колориста и переданных реалистическими и порой неподцензурными красками». Сравнение с «Красным смехом» Л.Андреева, годом раньше вышедшим в шведском и финском переводе, было неизбежным. У Линдквиста сравнение вышло в пользу Эрастова, поскольку повесть «Красный смех», по его мнению, была грубо тенденциозной⁴¹. Анонимный рецензент газеты «Hufvudstadsbladet» назвал Эрастова «заметным талантом», обладающим тонким чувством самых

³⁹ <Erastoff G.>. Konflikt mellan författare och förläggare // Nya pressen. 1907. №320, 25 november. S.5.

⁴⁰ См.: Skriftställerlogen // Ibid. №319, 24 ноября. S.4; <Erastoff G.> Konflikt...; Skriftställerlogen // Ibid. №321, 26 november. S.3; Reuter O.M., Reuter J. Protest // Ibid. C.7.; Holm K.E. Förläggare och författare. S.3; Julklappar // Fyren. 1907. Julnummer <Рождественский номер>. S.4.

⁴¹ L<indqvis>t R. Stormhvirfeln... S.4.

различных характеров. Роман, по наблюдению рецензента, был построен из не связанных между собою частей, «как картины калейдоскопа». Единственной мешающей деталью был признан «современный», немотивированный финал, противоречащий реализму Эрастова⁴².

Альма Сёдерельм, историк и первая женщина-преподаватель Гельсингфорсского университета, прочла «Отступление» с неподдельным интересом. Эрастова она назвала «выдающимся, талантливым рассказчиком», художником с развитым чувством формы. Как и Эмиль Золя в романе «Разгром», Эрастов описал распад и разложение армии; но если француз проявлял эпическое спокойствие, то Эрастов описывал пережитое с острым чувством. Поэтому роман «Отступление» стал «пламенной анафемой современной войне»⁴³. То же сравнение с «Разгромом» приводил Вернер Хумбле, который, как и автор романа, был ветераном Русско-японской войны. По мнению Хумбле, разница между двумя романами состояла в том, что общая картина у Эрастова не была совершенно безнадежной и мрачной, в нее вмещалось и много персонажей, вызывающих симпатию. Стиль «Отступления», по мнению критика, «блестящий и яркий», но местами Эрастов приближается «к весьма преувеличенным сценам» андреевского «Красного смеха». В одном только Хумбле не согласился с Эрастовым: исходя из своего собственного опыта, он полагал, что русские на самом деле относились слишком снисходительно к местному населению, а не слишком жестоко, как писал Эрастов⁴⁴.

«Отступление» стало самым крупным литературным успехом Эрастова. Кроме шведского перевода, роман вышел на финском, эстонском и французском языках⁴⁵. По словам автора, французский

⁴² A. Georg Erastoff: Reträtten // Hufvudstadsbladet. 1907. №340, 13 december. S.6.

⁴³ S<ö>d<erhjel>m A. Georg Erastoff: Reträtten // Nya pressen. 1907. №345, 20 december. S.6.

⁴⁴ H<umb>e V. Georg Erastoff: Reträtten // Veckans krönika. 1908. №1. S.4-5.

⁴⁵ Erastoff G. 1) Reträtten / Auktoriserad övers <Авториз. пер.> G.Procopé. Helsingfors: K.E.Holm; Stockholm: A.B.Sandbergs bokhandel, 1907; 2) Peräytyminen: Kuvia Mandshurian sotänäyttämöltä / Oikeutettu käännös <Авториз. пер.> S.Suomalainen (livut I–IX) ja anonyymi <и анонимного автора> (X–XIV). Helsinki: K.E.Holm, 1907; 3) Le Déroute / Trad. M.Redgar; J.Karmor; Préface A.Lantoine. Paris: E.Nourrit, 1909; 4) Taganeminie: Kirjaldused Vene-Jaapani sõjast / <Тõlk.> D.Hint. Tallinna: A.Pert, 1910. Отрывки из романа опубликованы в эстонских журналах «Sõna» (1908), «Koit: Kirjanduslik lisa» (1909), «Meie Kodumaa» (1910) и «Sakala» (1910).

перевод получил «блестящие отзывы», слух об этом прошел и в финской прессе⁴⁶.

Уже через год после своего приезда в Финляндию Георгий Эрастов, или Georg Erastoff, как он теперь именовался, мог назвать себя «акклиматизированным жителем Гельсингфорса»⁴⁷. 19 августа 1906 он женился на 19-летней актрисе Шведского театра Эдит Лундберг (Edith Lundberg; 1887–1945)⁴⁸. В ноябре он стал сотрудником шведскоязычного сатирического журнала «Fyren». Там уже во время революции были опубликованы рисунки и карикатуры из эрастовского «Бурелома»⁴⁹. Знакомство с ведущим переводчиком русской литературы на шведский язык в Финляндии, редактором-издателем журнала «Fyren» Рафаэлом Линдквистом оказалось полезным для писателя-эмигранта. Надписывая в подарок Линдквисту экземпляр книги «Открытое письмо Максиму Горькому», Эрастов поблагодарил своего финского друга: «Славному истолкователю русской поэзии и искусства перед сынами “Холодного севера”, уважаемому магистру Раф<азлу> Линдквисту на добрую память! Георгий Эрастов. Гельсингфорс 1906»⁵⁰. Линдквист же в своих воспоминаниях называл Эрастова «многосторонне талантливым писателем»⁵¹.

В «Fyren» Эрастов публиковал рассказы в переводе Линдквиста⁵² и рисунки на русские и финские темы⁵³, подписываясь иногда своей

⁴⁶ Письмо Бернштейну от 27 мая 1910.

⁴⁷ См.: *L<indqvist> i R. Stormhvirfeln...* С.4.

⁴⁸ См.: Центральный регистр приходов евангелическо-лютеранской церкви Хельсинки (Edith Alma Fredrika Lundberg, Ark. 3-118/1870); Метрические книги. 1910–1929 (Heinrich Edelman). Для того чтобы жениться, Эрастов 18 июня 1906 перевелся из католического прихода Витебска Barbara Kirche в Немецкий евангелическо-лютеранский приход Хельсинки. (см.: Метрические книги. 1890–1909). Есть сведения о том, что Эрастов еще раньше был женат. В письме в Постоянную комиссию Литературного фонда от октября 1901 он сообщал, что содержит жену и двоих детей. – ИРЛИ. Ф.540. Оп.2. Ед.хр.652.

⁴⁹ Fyren. 1905. №26, 13 december.

⁵⁰ Этот экземпляр книги хранится в коллекции Славянского отделения Библиотеки Хельсинкского университета.

⁵¹ *Lindqvist R. Sprakfålen: Hans vänner och ovänner. Helsingfors; Lovisa: Söderström & Co, 1943. S.172.*

⁵² *Erastoff G. En gång om natten <Однажды ночью> // Fyren. 1906. №47, 24 november. S.2-3; En dröm. Quasi una symbolica <Сон> / Övers. R.Lindqvist // Ibid. №51, 29 december. S.2.*

⁵³ См., например: *De tre gracerna eller Traskapatrullo di Helsingfors // Ibid. №45, 10 november. S.1; иллюстрация к стихотворению «Prins Maj» А.Будишева (пер. Р.Линдквиста): Ibid. №50, 22 december; Den ryska «frälsningsarméns» kadettkongress i Hfors // Ibid. 1907. №46, 16 november. S.4; Föregångsmannen //*

фамилией, иногда псевдонимом «Homunculus». После появления рисунка «De tre gracerna eller Traskapatrullo di Helsingfors» («Три грации, или Патруль-сброд из Гельсингфорса»), на котором изображен недисциплинированный русский солдатский патруль, гуляющий по столице Финляндии, командир русской роты пришел в редакцию журнала и купил двенадцать экземпляров этого номера: он хотел повесить рисунок Эрастова на стене казармы – в назидание своим солдатам⁵⁴. Вышла также отдельная открытка с этим рисунком.

Эрастов был хорошо принят в Финляндии, особенно в шведской среде страны. Но и среди финнов возник интерес к его творчеству. Рассказ «Однажды ночью» был переведен с авторской рукописи для журнала «Oikeus» (перевод А.Р.)⁵⁵, опытный переводчик С.Суомалайнен (S.Suomalainen) взялся за «Отступление», в 1909 рассказ «Villejä» («Дикие») вышел отдельным изданием⁵⁶. В этом рассказе Эрастов в последний раз вернулся к теме Русско-японской войны. Разыскивая врагов среди мирного китайского населения, которое подозревается в помощи японцам, русские офицеры проявляют жестокость и непонимание местной культуры. Варварами у Эрастова предстают русские, а не азиаты.

Еще до появления «Отступления» в шведском и финском переводах гельсингфоргская публика могла познакомиться с Эрастовым в качестве драматурга. Премьера его пьесы «Вихрь» в переводе Р.Линдквиста состоялась в Гельсинфорге в Шведском театре 5 марта 1907. Пьеса, видимо, не сохранилась ни в оригинале, ни в шведском переводе, но ее фабулу можно восстановить по газетным рецензиям⁵⁷. По словам автора, пьеса «Вихрь» была написана «на мотив русской борьбы за свободу»⁵⁸. В русском провинциальном городе живет археолог Старцев с дочерью Верой и сыном Владимиром, художником. Сюда приезжает писатель Одинцов, проповедующий «евангелие свободы» и призывающий к восстанию. Заводские рабочие бастуют и отправляются вместе с женщинами и детьми к резиденции губернатора. Невооруженных демонстрантов встречают

Ibid. №49, 7 december. S.4; Helsingfors efter prostitutionens avskaffande // Ibid. №50, 21 december. S.5.

⁵⁴ Lindqvist R. Sprakfålen... S.172-177.

⁵⁵ Erastoff G. Kerran yöllä // Oikeus. 1906. №6, 19 joulukuu. S.4.

⁵⁶ Erastoff G. Willejä. Tampere: Isak Julin, 1909. Русский оригинал неизвестен.

⁵⁷ Начало пьесы в английском переводе («The Whirlwind») хранится в архиве Бернштейна. Две фотографии постановки Шведского театра опубликованы: Veckans krönika. 1907. №10. С.152-153.

⁵⁸ Письмо Бернштейну от 13 апреля 1907.

ружейными залпами (явная параллель событиям «Кровавого воскресенья»). На происшедшее персонажи пьесы реагируют каждый по-своему. Настоящими революционерами являются рабочий Луценко и Вера Старцева. Вера влюблена в Одинцова, но, к ее разочарованию, когда начинается борьба, писатель показывает себя не с лучшей стороны. Он – герой только с пером в руке, красноречивый, который не готов рисковать своей жизнью. Ее брат, скульптор Владимир Старцев – «нервный, несчастный, сердечный, христоподобный человек»⁵⁹ – главный герой пьесы. Он понимает, что восстание – бесполезно, что результатом его будет лишь всеобщее одичание, но питает сочувствие к страдающим людям. Раненный в борьбе Владимир сходит с ума и в последнем действии возглашает анафему происходящему, стоя перед символической статуей революции. Пьеса завершается трагически: «Горе, смерть, безумие, разбитые иллюзии настигают всех, вовлеченных в вихрь событий. И проклятием бессмысленности и жестокости жизни заканчивается пьеса»⁶⁰.

Эрастов активно участвовал в работе над постановкой «Вихря». Он сделал акварельные эскизы сцен и костюмов главных персонажей⁶¹, во время репетиций находился рядом с режиссером Конни Ветцером (Konni Wetzler). Вечерами он любил сидеть в компании актеров в ресторане «Operakällaren». Там с ним познакомился Фредрик Нюкандер (Fredrik Nycander) – шведский критик и актер, участвовавший в «Вихре». Для стокгольмской газеты «Stockholms-tidningen» Нюкандер описал наружность Эрастова: «Бледное, бритое лицо, черные, пышные волосы, нервные глаза, оживленные жесты, как у всех русских»⁶². На вопрос Нюкандера о его впечатлении от генеральной репетиции Эрастов ответил, нервно жестикулируя, по-шведски: «Это ведь Финляндия, а не Россия». Он добился двадцати репетиций – значительное число для того времени, причем много труда было вложено в детали. В результате, по мнению автора, им удалось «у холодной, вялой финско-шведской публики вызвать “настроение” в русском понимании»⁶³. Даже статисты удачно превратились в толпу русских рабочих⁶⁴.

⁵⁹ С. в. Т. Svenska Teatern: Stormhvirfveln af Georg Erastoff // Framtid. 1907. №10, S.7.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ L<indqvis>t R. Stormhvirfveln... S.4.

⁶² Nycander F. Stormhvirfveln: En urpremiär...; перепеч.: Nya pressen. 1907. №74, 17 mars. S.5.

⁶³ Письмо Бернштейну от 18 июня 1907.

⁶⁴ Письмо Бернштейну от 14 августа 1907.

Большая статья Р.Линдквиста, появившаяся в «Hufvudstadsbladet» накануне премьеры, должна была вызвать интерес публики к писателю, имя которого пока ничего ей не говорило. Линдквист причислял автора «Вихря» к «школе Горького», но отметил, что среди учеников Горького Эрастов был «Фомой неверующим», более культурным и критически настроенным, чем сам мастер. «Вихрь» – первая в русской литературе пьеса о борьбе за свободу, написанная непосредственным участником этой борьбы. Острие пьесы направлено против пустого красноречия, настоящим героем предстает народ, молчаливо отдающий свою жизнь за свободу. При этом пьеса, по убеждению Линдквиста, была не пропагандистским, а исключительно художественным произведением⁶⁵. Эрастов сам подчеркивал, что для него «Handling» (действие) не являлось центральным в драматургии, хотя в пьесе использовались сценические эффекты и «кровавый фон русской жизни»⁶⁶.

На премьере «Вихря» зал был переполнен. Пьесу встретили бурными аплодисментами, автора вызывали на сцену. Казалось бы, это успех, но отзывы критиков были противоречивы. Хотя слова о «равнодушной, невежественной и скудной критике» (так возмущенно отозвался «Teaterfyren» – вероятно, псевдоним Линдквиста⁶⁷), безусловно, были преувеличением. В «Hufvudstadsbladet» Яльмар Линдер назвал сенсационным тот факт, что премьеры пьесы, написанной на чужом языке и предназначенной для чужой сцены, состоялась именно в Шведском театре Гельсингфорса. В своей пьесе Эрастов бесстрашно взялся за самую великую современную тему – борьба за свободу. «Вихрь – это движение среди народа за право и свободу, перерастающее в циклон, который шумно, неудержимо движется вперед, все и всех увлекая за собой, в своем неистовстве опустошая и разрушая»⁶⁸. Эрастов осудил революционное движение скорее с этической, чем с политической точки зрения. Под его суд попали ограниченные, эгоистичные «рыцари» пера и трибуны, и им он противопоставлял благородные поступки и вдохновенный патриотизм. По широте изображения персонажей и среды Эрастов приблизился к горьковским «Дачникам», но все же сказывалась слабость сюжета, недоставало драматического нерва. Автор хорошо

⁶⁵ L<indqvist> R. Stormhvirfeln... S.4.

⁶⁶ Письмо Бернштейну от 18 июня 1907.

⁶⁷ Teaterfyren. «Stormhvirfeln», publiken och kritiken // Fyren. 1907. №10, 9 mars. S.2.

⁶⁸ L<inder> H. «Stormhvirfeln» // Hufvudstadsbladet. 1907. №84, 6 mars. S.4.

владел театральными эффектами, но ему трудно давались живые, достоверные образы и естественный диалог.

Критик газеты «*Nya pressen*» сравнивал подстрекателя и соблазнителя народа Одинцова со Стенсгором из «Союза молодежи» Г.Ибсена и с финскими социал-демократами. Сатира в пьесе была острой, но в постановке Шведского театра она, по мнению критика, не работала; слова не обретали глубины. Действие пьесы было недостаточно динамичным, слишком много действующих лиц и слишком мало живых персонажей⁶⁹.

Финский поэт Эйно Лейно по поводу Эрастова отметил в «*Helsingin Sanomat*», имея в виду прежде всего «Вихрь», что это «весьма приятное знакомство». Русский драматург не был новатором или писателем первого ранга – для этого у него не хватало оригинальности и «гениального простодушия». «Но зато у него есть тот острый критический взгляд, который редко бывает у людей, находящихся внутри борьбы, профессиональное мастерство и здравое сомнение». В русской революции Эрастов видел гнилость не только в рядах черной сотни, но и среди самих революционеров. Автор владел мастерством драматурга и сумел создать захватывающее зрелище⁷⁰.

Премьера получила отклик и в «*Stockholmstidningen*». Фредрик Нюкандер отметил, что тематическая сфера «Вихря» – горьковская. Кроме того, в пьесе звучит стихотворение, похожее на «Песнь о Буревестнике» Горького⁷¹. Но разработка темы показала, что Эрастов – самостоятельный автор. Эта пьеса явилась «мужественной пощечинной тем апостолам свободы, у которых при случае не хватает смелости дать хороший пример, но зато щедро раздающим пустые фразы». Главной слабостью спектакля было то, что диалоги доминировали над действием. Два первых действия являлись затянутой экспозицией, но после них Эрастов уже расщедрился на эффекты⁷².

Критик социал-демократического журнала «*Framtid*» считал, что в «Вихре» не хватало связующих линий. Было много тривиального, но и много живых персонажей, свидетельствующих о «таланте, уме, умелости» автора⁷³.

⁶⁹ *Thf.* Erastoff: Stormhvirfveln // *Nya pressen*. 1907. №64, 6 mars. S.4; см. также: *Thf.* «Stormhvirfveln» // *Ibid.* №58, 28 februari. S.4.

⁷⁰ *L<eino> E.* Ruotsalainen teatteri: Stormhvirfweln // *Helsingin sanomat*. 1907. №56, 7 marraskuu. S.5.

⁷¹ Стихотворение Одинцова опубликовано в шведском переводе П.Линдквиста: *Thf.* Erastoff: Stormhvirfveln. S.4.

⁷² *Nycander F.* Stormhvirfveln: En uppremiär... S.5.

⁷³ *C. v. T.* Svenska Teatern: Stormhvirfveln af Georg Erastoff. S.7.

Премьера «Вихря» состоялась перед большим стечением публики, но уже на втором представлении, вследствие сравнительно сдержанной критики, зал был наполовину пуст. Пьеса шла семь раз, что немало для того времени. Маленький провинциальный шведский театр в Финляндии тоже проявил интерес к «Вихрю», но Эрастов не дал согласия на постановку – его не удовлетворила задуманная трактовка⁷⁴. Намечалась также постановка на финском языке⁷⁵, но этот план не осуществился.

По предложению Нюкандера Эрастов послал перевод «Вихря» в Швецию, а весной 1908 сам отправился в Стокгольм, чтобы на месте продать свою пьесу Альберту Ранфту, «королю шведских театров». Эрастова хорошо встретили в Швеции. В шведской прессе его называли «чрезвычайно симпатичной личностью», автором «сильного» романа «Отступление»; журнал «*Idun*» перепечатал шведский перевод его рассказа «Однажды ночью»⁷⁶. В литературном альманахе издательства «*Bonniers*» было опубликовано два новых рассказа о Русско-японской войне – «*Nattligt möte*» и «*Vildar*». Два года спустя там же был напечатан перевод психологического рассказа «*De lycklige*» («Счастливые»)⁷⁷.

Для того же дамского журнала «*Idun*» Эрастов написал цикл очерков о русской женщине. В них он поведал шведкам, что «женский вопрос» в России волнует в основном незамужних женщин. Красивые, здоровые и чувственные женщины, «самые удачные и совершенные образцы творческой силы природы», посвящают себя полностью семейным интересам, пока «незанятые», некрасивые и бедные женщины, зачастую более развитые и талантливые, целиком отдают себя «женскому вопросу». Для них это – борьба за право на жизнь, часто требующая высокой платы: в результате возникает «целая армия телесных и духовных инвалидов». В главе «Тепличные растения» Эрастов представил картину российского женского образования. Под внешним лоском он обнаруживает серость и моральное разложение. Молодые аристократки, выпускницы институтов, гото-

⁷⁴ Письмо Бернштейну от 14 августа 1907.

⁷⁵ *L<indqvis>t R. Stormhvirfveln. S.4; Thf. Erastoff: Stormhvirfveln. S.4.*

⁷⁶ *Erastoff G. Nattens gäster: Rysk verklighetsbild // Idun (Stockholm). 1908. №14. S.167.* Эрастов указал, что перевод сделан специально для «*Idun*», но на самом деле текст уже раньше был опубликован в Гельсингфорсе, правда, под другим названием – «*En gång om natten*».

⁷⁷ *Erastoff G. 1) Nattligt möte // Bonniers månadshäften. 1908. №8. S.583-594; 2) «Vildar» // Ibid. 1908. №8. S.586-594; 3) De lycklige // Ibid. 1910. №8. S.613-626.*

вились лишь к замужеству, к тому, чтобы стать «салонными дамами», – так что результатом такого «воспитания» было «физическое и духовное вырождение» целого поколения⁷⁸.

В последующих главах Эрастов рассказал о трудовой жизни русской женщины, о ее вкладе в искусство и в революционную борьбу, о том, каких успехов достигли женщины в области педагогики и медицины, но и о том, что на предприятиях нелегкий женский труд ценится очень дешево. Особое внимание Эрастов уделил русской гувернантке, находящейся в незавидном положении, «полном неприятностей и вечных унижений»⁷⁹. В мире искусства для русской женщины были открыты все двери: «Целая плеяда талантливых, образованных, серьезных артисток работают на многочисленных сценах России»⁸⁰. Среди писательниц Эрастов назвал Мирру Лохвицкую, Зинаиду Гиппиус, Ольгу Шапир (имевшую шведские корни по материнской линии) и Изабеллу Гриневскую (автора книги «Выставка в Стокгольме. 1897 г. Письма туриста»). Последняя глава его цикла очерков была посвящена роли женщин в революционной борьбе, особенно в связи с событиями 1905–1906 годов: «И в будущей истории о великой борьбе русского народа за свои человеческие права, за истину и свободу, русская женщина займет почетное место рядом с бойцами и мучениками, отдавшими свою жизнь за священное дело народа!»⁸¹.

Переговоры о постановке «Вихря» в Шведском театре Стокгольма ни к чему не привели⁸². Беспочвенными оказались и утверждения Эрастова, что его датский друг актер Роберт Динесен (Robert Dinesen; 1874–1972) осенью 1907 будет гастролировать в Копенгагене с «Вихрем», якобы уже переведенным на датский язык⁸³, так же как и его заявление о готовящейся постановке в парижском Театре Антуана⁸⁴. В дальнейшем эта неспособность различать желаемое и действительное оказалась губительной. Эрастов надеялся осуществить постановку «Вихря» и в России. Он послал пьесу в

⁷⁸ *Erastoff G. Ryska kvinnor i nutidslif och nutidskonst // Idun. 1908. №21. S.239.*

⁷⁹ *Ibid. S.250.*

⁸⁰ *Ibid. S.288.*

⁸¹ *Ibid. S.289.*

⁸² В письме М.Круну от 4 октября 1908 Эрастов утверждал, что Ранфт купил «Вихрь» для постановки. – Det kongelige Bibliotek (København). NKS 2955, 4°.

⁸³ См. письмо Н.Н.Ходотову (весна 1907). – РО ИРЛИ. Ф.555. (Архив Н.Н.Ходотова). Оп.2. Ед.хр.90. В дальнейшем письма Эрастова Ходотову приводятся без отсылки на место хранения.

⁸⁴ Письма Бернштейну от 17 мая – начала июня и 18 июня 1907.

Петербург своему другу-актеру Н.Н.Ходотову (1878–1932), указывая на те места в тексте, которые можно было бы смягчить для цензуры⁸⁵, но при этом отдавая себе отчет в том, что постановка пьесы немыслима в театрах России, «даже при идеальной свободе печати»⁸⁶. Тут он оказался прав.

После на шумевшей премьеры «Вихря» Эрастов был полон новыми литературными планами. Лето 1907 он провел на даче на маленьком острове под Гельсингфорсом⁸⁷, работая над новым произведением – пьесой «Месса жизни». Первоначально он собирался послать пьесу в «Знание» или в тот русский журнал, который, с его слов, уже выплатил за нее аванс⁸⁸, но когда работа была закончена, он понял, что и эту пьесу нельзя будет издать и поставить в России. Эрастов окончательно стал «русским писателем для иностранцев»⁸⁹, как и многие его соотечественники, подверженным «недугу хронической иногородности»⁹⁰.

Так же как и «Вихрь», текст пьесы «Месса жизни» не сохранился ни в оригинале, ни в шведском переводе Линдквиста, и ее содержание приходится восстанавливать на основе газетных рецензий. Тема пьесы – столкновение консерватизма и радикализма, но уже не в политической сфере, а в области религии. Мотив конфликта поколений имел, очевидно, глубокие автобиографические корни. Отец, звонарь в католическом городе, хочет, чтобы сын Герман стал священником. Жизнь сына должна стать мессой во славу Бога. Но Герман уходит из семинарии, чтобы вместе со своей возлюбленной Адой проповедовать «свободу, правду и любовь» вне стен церкви. Он обвиняет духовенство в порабощении народа с помощью суеверий: церковь стала «учреждением насилия и лжи». С помощью монаха-иезуита Хиеронимуса католическая церковь стремится уничтожить Германа, объявив его антихристом. Во время пасхальной службы отвергнутый любовник Ады убивает Германа по наущению Хиеронимуса. Монах объясняет смерть Германа чудесным вмешательством Бога и предостережением другим. Но в трактовке Эрастова Герман является героем, «мучеником своих идей, своей любви к свободе и людям».

⁸⁵ Письмо Н.Н.Ходотову (лето 1907).

⁸⁶ Письмо Бернштейну от 17 мая 1907.

⁸⁷ Письмо Бернштейну от июня 1907. Летний адрес Эрастова – Pentala vid

Snäijs.

⁸⁸ Письмо Бернштейну от 18 июня 1907.

⁸⁹ Письмо Бернштейну от 28 октября 1907.

⁹⁰ Письмо Бернштейну от 13 апреля 1907.

Премьера «Мессы жизни» состоялась в Шведском театре 7 февраля 1908. За несколько дней до премьеры Эрастов выступил в студенческом клубе с чтением пьесы по-русски, чтобы и русские жители Гельсингфорса, не владевшие шведским языком, могли воспринимать постановку. Свое чтение он иллюстрировал акварелями с изображением персонажей и сцен из пьесы⁹¹.

Одну из ролей в «Мессе жизни» играла жена автора Эдит Эрастова, а главную роль – гастролировавший датский актер Роберт Динесен. Зал был полон, и публика следила за действием пьесы с большим интересом; Динесена и Эрастова благодарили бурными аплодисментами⁹². По замечанию критика социал-демократического журнала «Kamrat», самое бурное одобрение выказал «верхний ярус»; то есть наиболее демократическая часть публики⁹³.

Драматург Александр Эквист, критик газеты «Hufvudstadsbladet», считал, что «Месса жизни» по своему антиклерикальному характеру ближе всего к настроениям 1870-х, нежели к современности. Обилие действующих лиц (27 ролей) и картин способствовало восприятию пьесы как совокупности самостоятельных эпизодов. Отмечалось, что в пьесе много отлично нарисованных характеров, но очевидны и явные недостатки в психологической мотивировке⁹⁴. Если Эквист находил тему пьесы устаревшей, то в социал-демократической прессе энтузиазма было больше. Критик журнала «Kamrat» написал, что «прославленный писатель» Георгий Эрастов создал шедевр, в котором выразил «грандиозную правду», желание свергнуть тиранов и освободить обездоленных⁹⁵. И К.Крюгер в «Framtid» считал, что Эрастов поднял важные вопросы – отделение церкви от государства и борьба против клерикализма. Автор придал пьесе своеобразную форму: не реалистическую, а «реалистически-символистскую». Персонажи были как бы «с природы», но в то же время и синтетического характера. В «Мессе жизни» утверждалось, что христианство выродилось, когда церковь стала слугой государства. У Эрастова друг против друга стоят иезуит, скрывающий безбожие и безнравственность, и Герман, представитель настоящего

⁹¹ См. об этом: Författaren Georg Erastoff // Hufvudstadsbladet. 1908. №30, 31 januari. S.6.

⁹² См. карикатуры: Fru Lindh och herr Dinesen i «Livets mässa» // Fyren. 1908. №7, 15 februari. S.15.

⁹³ Petter. Livets mässa // Kamrat. 1908. №3, mars. S.7.

⁹⁴ Ö

⁹⁵ Petter. Livets mässa. Ibid. S.6-7.

христианства. Герман видит гнилость церкви и умышленную лживость государственной религии. Он стремится к просвещению народных масс, но они оказываются по-рабски трусливыми и смиренными. В пьесе никаких рецептов не дается, но Герман становится героем; умирая, он морально побеждает своих противников⁹⁶.

Пьеса выдержала шесть представлений. Эрастов надеялся, что она пойдет также и на финском языке, но постановка Шведского театра осталась единственной⁹⁷.

В Финляндии Эрастов теперь был знаменитостью. «Автор “Вихря” скачет к Парнасу» – так было написано под рисунком в журнале «Fyren», изображающим длинноволосого Эрастова с арфой в руке на спине Пегаса, устремленного ввысь⁹⁸. Его фотография несколько раз публиковалась в семейном журнале «Veckans Krönika»⁹⁹. В рождественском номере журнала «Fyren» за 1907 год появился новый рассказ «En vanlig historia» («Обыкновенная история»), с подзаголовком «Из “Стихотворений в прозе”»¹⁰⁰. Это аллегория, в которой автор с грустью рассказывает о любовном треугольнике посредством картин, наблюдаемых им в природе. Мак любит лилию, но пролетающий шмель соблазняет ее. Утром в лилии обнаруживается червяк. Червяк съедает лилию, а мак увядает от грусти. Подобная форма кратких аллегорических рассказов явно привлекала Эрастова, но нельзя сказать, что в этом жанре он создал художественные шедевры.

В конце 1907 Эрастов ушел из «Fyren»¹⁰¹. Новое пристанище он временно нашел в гельсингфорсском журнале культуры «Argus», в котором в 1908 опубликовал две статьи – «Пессимизм в русской литературе» и «Эротизм и декаданс в русской литературе». Эрастов считал, что всеобщий кризис русского общества отразился в литературе в формах пессимизма и эротизма. Пессимизм, по мнению Эрастова, является национальной русской чертой, но если у великих писателей это состояние было естественным и бессознательным,

⁹⁶ Krüger K. Kampen mot kyrkan: Georg Erastoff. Lifvets mässa // Framtid. 1908. №8. S.6-7.

⁹⁷ Письмо Бернштейну от 28 октября 1907.

⁹⁸ См.: Fyren. 1907. №10, 9 mars. S.4.

⁹⁹ См., например: Veckans krönika. 1907. №10. S.153; 1908. №6. S.43.

¹⁰⁰ Erastoff G. En vanlig historia: Ur «Dikter pa prosa» // Fyren. 1907. Julnummer. S.16.

¹⁰¹ В декабре 1906 Эрастов еще указан в списке сотрудников журнала, но в соответствующем объявлении следующего года его фамилия отсутствует. См.: Fyren. 1906. №50. S.32.

подчиненным творческому акту, то современные «пессимисты», такие как М.Арцыбашев, С.Сергеев-Ценский, А.Серафимович и С.Юшкевич, исходили из искусственно выработанной философии жизни: у них рефлексия господствовала над спонтанным творчеством¹⁰².

Эротизм был тоже искусственным, умозрительным плодом. Эрастов находит его в разных облициях и полагает, что такие писатели, как М.Кузмин, М.Арцыбашев, С.Сергеев-Ценский, А.Каменский и Ф.Сологуб («Творимая легенда») своей «художественной порнографией» сознательно манипулировали самыми низкими инстинктами человека: «В лицах своих лучших людей Россия переживает трагическую борьбу между комплексным мировоззрением, базирующемся на уме, и более примитивным мировоззрением, основанном на чувстве...». Путь к выходу из этого кризиса Эрастов видит в новом произведении Л.Андреева «Рассказ о семи повешенных», который он рассматривал как «переворот, поворот из тьмы в свет»¹⁰³.

В «Hufvudstadsbladet» в марте 1909 был напечатан рассказ Эрастова «О чем рассказал череп» в переводе с рукописного оригинала Георга Прокопе¹⁰⁴. Перед рассказчиком на рабочем столе стоит череп, привезенный им из Италии. Табак и вино вызывают у героя ночные видения, и череп, когда-то принадлежавший молодому монаху, рассказывает свою историю. В этом повествовании противопоставляются природа и церковь. Природа – это любовь и свобода, а церковь – страх и рабство. Банальный и безвкусный, рассказ этот многословен и лишен чувства меры, но в очередной раз демонстрирует важность антиклерикальной темы для Эрастова. Он воплотил ее не только в драматической форме («Месса жизни»), но и в статье «Русская церковь и общество», опубликованной в социал-демократическом журнале «Framtid»¹⁰⁵. Эта статья – выпад против православной церкви во имя подлинного христианства. Требовавшее полной перемены, обновления жизни, христианство «в подлинном значении этого слова умерло в тот момент, когда возникла так называемая церковь, дерзко называющая себя “христианской”». Народу церковь дала «суеверие, ложь и невежество», но теперь русский

¹⁰² Erastoff G. Pessimismen i den ryska litteraturen // Nya argus. 1908. №14. S.3-5.

¹⁰³ Erastoff G. Erotism och dekadens i Rysslands litteratur // Ibid. №15. S.1-3.

¹⁰⁴ Erastoff G. Vad dödskallen förtalte: Ur en otryckt novellsamling / Övers. G.Procopé // Hufvudstadsbladet. 1909. №78, 21 mars. Впервые опубл.: Петербургская жизнь. 1906. №823.

¹⁰⁵ Erastoff G. Den ryska kyrkan och samhället / Övers. från manuskriptet // Framtid. 1908. №7. S.4-5.

народ проснулся и стал искать новую истину и нового Бога. Эрастов хотел верить, что «грянет день», когда русский народ «узнает этого Бога, найдет его внутри себя, и тогда “сфинкс” заговорит и провозгласит нам ту истину, которую выродившаяся “цивилизация” не знает. И тогда столетние стены церкви, поросшие мхом, сами по себе развалятся, несмотря на всех “реабилитаторов” христианства»¹⁰⁶. Эрастов здесь имеет в виду членов новых религиозно-философских объединений, пытавшихся соединить свой скептицизм и церковные суеверия в удобной для себя форме. Героями Эрастова были публицист и проповедник Г.С.Петров, Л.Толстой и священник, с которым он познакомился на Русско-японской войне.

Статья обратила на себя внимание не только читателей: в канцелярии генерал-губернатора тоже просматривали «Framtid», чтобы выяснить, можно ли привлечь Эрастова и журнал к ответственности за оскорбление верховной власти¹⁰⁷.

Со временем Эрастов ощутил, что для его литературной деятельности одной Финляндии недостаточно. Его пьесы шли в Шведском театре, рассказы и статьи печатали в шведской прессе страны, но сам он уже стремился к международной известности. Россия оставалась закрытой для него. Переговоры с редактором «Знания» С.П.Боголюбовым об издании «Отступления» отдельной книгой ни к чему не привели¹⁰⁸. Отказ был вызван, очевидно, не только политическими, но и художественными соображениями. Горький был невысокого мнения о романе Эрастова. Делая разбор очерков «На войне» В.Вересаева, он в письме редактору К.П.Пятницкому добавил: «Это самое плохое из всего, что нами напечатано о войне. Эрастова и то не обогнал В.Вересаев»¹⁰⁹.

В 1907 Эрастов послал Боголюбову новое произведение, рассказ «Тихий фиорд» – эпизод из жизни русского эмигранта, проводящего

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Материалы о возбуждении судебного преследования против газеты «Framtid» за помещение в №7 статьи Эрастова см.: Valtion arkisto (Helsinki). Дело канцелярии финляндского генерала-губернатора. Fb 411(1908).

¹⁰⁸ Письмо С.П.Боголюбова К.П.Пятницкому от 22 августа 1907 см.: Лит. наследство. Т.72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С.429.

¹⁰⁹ Письмо М.Горького К.П.Пятницкому от 16 марта 1908 см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. В 20 т. Т.6: Письма. М.: Наука, 2000. С.203. В том же томе приводятся неверные сведения о самом Эрастове, что лишний раз свидетельствует, что он остается неизвестным вплоть до наших дней: «Эрастов. Настоящая фамилия Демьянов Георг Павлович (1856–1936). Публицист, журналист» (С.610).

лето на острове близ Гельсингфорса. Среди «величавой гармонии природы» и глубокой тишины он познакомился с финской девушкой. Для него она – «сказка», мифический компонент идиллии. Осенью герой покидает «царство сурового, величавого покоя и молчания», финка возвращается к своей преподавательской работе. Русский эмигрант садится на корабль, отправляющийся в Швецию, «стремясь к новым, неведомым берегам», где его ожидает «новая жизнь и новые радости и печали». Лето в Финляндии было только фрагментом его жизненного пути.

Эрастов просил Боголюбова передать «Тихий фиорд» Леониду Андрееву на отзыв. Андрееву рассказ, однако, не понравился. «Какие сборники с Эрастовыми, Кипенами, Скитальцами...», – жаловался он Боголюбову¹¹⁰. «Тихий фиорд» был написан умело, но можно предположить, что его тема казалась Андрееву мелкой. Горький вернул рукопись, советуя не помещать ее в «Знание»¹¹¹. Под новым названием рассказ был напечатан осенью 1909 в петербургском журнале «Финляндия»¹¹². Очевидно, профессор И.Е.Мандельштам, член редакции журнала, в очередной раз помог Эрастову.

Эрастов понимал, что его пьесы не скоро будут играть в России, поэтому стал искать выход на европейские сцены. После премьеры «Мессы жизни» он планировал поездку в Швецию, Данию, Францию и Англию, чтобы там пристроить свои пьесы и договориться о переводах «Отступления»¹¹³. Дальше Стокгольма он, однако, не уехал, а обширная переписка не дала результатов. В поисках международного признания он выбрал Америку и обратил свои надежды на Германа Бернштейна (Herman Bernstein; 1876–1935) – журналиста и видного переводчика современной русской литературы. Инициатива знакомства исходила от Бернштейна. Прочитав «Отступление», он написал в «Знание» о своем желании перевести роман на английский язык. Переписка Бернштейна с Эрастовым началась весной 1907. В американской прессе Бернштейн инициировал рекламную кампанию, стремясь повысить интерес к Эрастову и запланир-

¹¹⁰ См.: Лит. наследство. Т.72. С.429.

¹¹¹ Письмо М.Горького К.П.Пятницкому от 3–4 сентября 1908 см.: *Горький М.* ПСС. Т.7: Письма. М.: Наука, 2001. С.6, 251. В этом томе в комментарии об Эрастове говорится: «Эрастов, начинающий писатель. Биографические сведения не найдены, за исключением того, что автор в 1908–1909 гг. проживал в Гельсингфорсе» (С.610).

¹¹² *Эрастов Г.* В тихих шхерах: Отрывки из дневника // Финляндия (СПб.). 1909. №13, 10(23) сентября. С.343–355.

¹¹³ Письмо Бернштейну от 11 февраля 1908.

ованному переводу. В «New York Times» он опубликовал большую статью Софии Витте, сестры графа С.Ю.Витте. Само название статьи было сенсационным: «В России родился новый Толстой? Эрастов, неизвестный писатель, показывает убедительную гениальность в “Отступлении”, новом романе сверхжесточкого реализма». Витте предсказывала Эрастову блестящее будущее в русской литературе: «Кто такой Эрастов? Никто не знает, молод он или стар, настоящее ли это его имя или псевдоним. Но какое это имеет значение? Эрастов это талант – новый, большой, мощный, яркий русский талант»¹¹⁴. Это произведение, по мнению критика, полное правды увиденного и пережитого, внушало читателю ненависть к войне вообще и к бессмысленной Русско-японской войне в особенности¹¹⁵.

Бернштейн также хотел использовать Эрастова в качестве политического комментатора и просил его высказаться о современном положении в России. Отрывки из письма Эрастова от 4 июня 1907, со слов Бернштейна, были опубликованы в «The Globe»¹¹⁶. Выброшенный за границу, Эрастов остро переживал события на родине. Свои строки о «судорогах самодержавия» в письме Бернштейну он закончил следующим образом:

И часто, думая о том, что теперь творится в России, – ловишь себя на мыслях мрачных.

Я люблю Россию, люблю за все то, что создало ее справедливую гордость – ее богатый, красивый и образный, единственный в роде своем, язык, отражение души народа, и вместе с Тургеневым готов верить, что не мог создать этот великий язык не великий народ, люблю, но и ненавижу порою!

И часто, в тяжелые минуты сомнений и злобы, думается, что земля наша стала бесплодной и черствой, что надо злобой и гневом, как плугом, вспахать, взрыхлить эту бесплодную землю, надо выворотить корчаги и камни, и тогда могут прийти сеятели новой жизни и строитель зданий новых, и родит тогда земля человека, а не раба, и будет этому человеку грядущего принадлежать жизнь не как любовница или проститутка покупная за деньги <так!>, а будет принадлежать ему полностью и по праву. Когда это будет – но что будет, нельзя не верить!

¹¹⁴ Witte S. Has a New Tolstoy Been Born to Russia? Erastov, an Unknown Author, Displays Impressive Genius in «The Retreat», a New Novel of Supremely Terrible Realizm // New York Times. 1907. 10 mars. Part 3. P.2. Статья датирована: «19 февраля (Одесса)». (Пер. с английского наш.)

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Публикация нам неизвестна. Статья опубликована между 4 июня и 31 июля 1907.

Американские публикации не только работали на растущую известность Эрастова, но и давали ему небольшие дополнительные доходы. Однако в процессе перевода «Отступления» на английский язык возникли неожиданные проблемы. Бернштейн уже успел перевести половину романа, когда заинтересованное издательство неожиданно отказалось от публикации на том основании, что роман может оказаться слишком шокирующим для американского читателя¹¹⁷. Не помогли ни подробное изложение сюжета романа в статье гр. Софии Витте, ни биографические заметки, которые Эрастов послал Бернштейну для американской печати. Роман «Отступление» в английском переводе так и не вышел.

Летом 1907 Бернштейн получил от Эрастова «Вихрь». Пьеса ему понравилась, и он быстро перевел ее под названием «The Whirlwind». Чтобы поддержать интерес Бернштейна к пьесе, Эрастов в письмах к нему преувеличивал – или, вернее говоря, лгал, о своих заграничных успехах. Доверчивый Бернштейн сообщил американцам, что роман «Отступление» переводится не только на шведский и французский, но и на английский, немецкий и японский языки¹¹⁸.

Откуда появился японский язык?

В одном письме Эрастов передал Бернштейну мысль своего финского издателя, что «Отступление» надо было перевести на японский язык, так как книга по своей теме могла бы иметь большой успех именно в Японии¹¹⁹. Пьеса «Вихрь» шла якобы четырнадцать (на самом деле семь) раз в Шведском театре, и она, мол, была включена в репертуар и будущего осеннего сезона¹²⁰. Эрастов уверял Бернштейна, что пьеса в том же сезоне будет поставлена не только в Гельсингфорсе, но в Стокгольме и Париже. Когда Бернштейн попросил подробнее рассказать о парижской постановке, поскольку в американском театре хотели сперва узнать, как встретили пьесу в Париже, прежде чем решиться на постановку в Нью-Йорке, Эрастов попал в неудобное положение¹²¹.

Уже через несколько лет после революции интерес к России в Америке упал, и Бернштейну трудно было найти театр, который бы заинтересовался «Вихрем». В виде рекламы он опубликовал боль-

¹¹⁷ См. письмо Бернштейна Эрастову от сентября 1908.

¹¹⁸ Газетная вырезка из неизвестного издания, приложена к письму Бернштейна Эрастову (лето 1907).

¹¹⁹ Письмо Бернштейну от 31 июня 1907.

¹²⁰ Письмо Бернштейну от 18 июня 1907.

¹²¹ Письма Бернштейна Эрастову от начала августа 1907 и после 22 сентября 1908.

шой отрывок из пьесы в своем переводе¹²². В декабре 1908 Бернштейн мог, наконец, порадовать Эрастова известием о том, что нью-йоркский Театр Дейвенпорта (Davenport Theatre) готов заключить с ним контракт. Эрастов спешит сообщить через гельсингфорсскую газету «Hufvudstadsbladet» о своих «американских успехах»: пьеса «Вихрь» переведена на английский язык Бернштейном, купившим права на постановки в Америке, Канаде и Англии. Пьеса принята, мол, для «большого числа представлений» новым Театром Дейвенпорта, «по всей видимости г. Эрастов поедет осенью в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на премьере»¹²³.

Эрастов оказался для Бернштейна утомительным корреспондентом. Он требовал моментальных ответов, его волновало «молчание» американца, он просил вернуть посланные тексты, при малейшем поводе угрожал обращением к адвокатам. Летом 1908 Бернштейн посетил Петербург и оттуда писал Эрастову в Гельсингфорс¹²⁴. Впоследствии выяснилось, что почта из России не дошла до адресата из-за цензуры, но тот уже успел заключить, что Бернштейн – обманщик. Все недоразумения были выяснены на следующий год, когда Бернштейн вновь приехал в Европу и лично встретился с Эрастовым в июне в Гельсингфорсе¹²⁵.

После отъезда Бернштейна Эрастов в начале июля провел «пару славных дней» у Леонида Андреева в Ваммельсуу. С собой он взял «Мессу жизни», и, если верить его словам, Андреев обещал поместить пьесу в альманахе «Шиповник». Эрастов, однако, вполне обоснованно боялся, что пьесу, несмотря на те изменения, которые он по просьбе Андреева сделал в тексте, не удастся опубликовать в России.

Андреев прочитал также рукопись нового романа Эрастова «Кошмар», но, испытывая наибольшую потребность в пьесах, просил Эрастова сосредоточиться на драматургии¹²⁶. Совместно с неким крупным капиталистом Андреев задумал организовать новый театр

¹²² Бернштейн упоминает об этом в письме 1908 года (после 22 сентября). По его словам, публикация состоялась в «Times», но ни там, ни в «New York Times» нами не обнаружена.

¹²³ Georg Erastoffs skådespel «Stormhvirfeln» // Hufvudstadsbladet. 1909. №109, 24 апреля. S.7.

¹²⁴ Бернштейн упоминает об этом в письме Эрастову (после 22 сентября 1908).

¹²⁵ В Гельсингфорсе Бернштейн остановился у капитана Макса Мёллера (Max Möller) по тому же адресу, которым Эрастов сам пользовался летом 1909: Mariegatan, 4.

¹²⁶ Письмо Бернштейну от 15 июля 1909.

и уже планировал репертуар (Эрастов имел в виду сотрудничество Андреева с промышленником А.Я.Левантом в связи с созданием Нового драматического театра).

Эрастов сообщил Бернштейну, что он, отдохнув после тяжелого труда над новым романом, собирается писать статьи для американской прессы, и обещал взять их с собой в Америку¹²⁷. Но той же осенью 1909 надежда на американскую постановку «Вихря» окончательно рухнула, когда выяснилось, что открытие Театра Дейвенпорта отложено на неопределенное будущее. Бернштейну пришлось доказывать недоверчивому Эрастову этот огорчительный факт с помощью газетных вырезок.

В конце концов осенью 1909 Эрастов отправился не в Америку, а в Данию.

Первым его датским знакомым был актер Роберт Динесен, в 1908 игравший в «Мессе жизни». Эрастову помогла и шведская финка, художница Сигрид Шоман (Sigrid Schaumann; 1877–1979), которая сообщила ему из Копенгагена об интересе датчан к современной русской культуре¹²⁸. По ее совету Эрастов в октябре 1908 связался с Марио Круном (Mario Krohn; 1881–1922), редактором журнала «Tilskueren». В своем письме Эрастов представился «русским писателем для заграницы», попавшим в такое незавидное положение из-за притеснений русской цензуры, выразил свою любовь к Дании: «эта страна дала мне, как и тысячам других русских, учителя в лице столь любимого у нас Георга Брандеса и такие явления, как Герман Банг, Йенс Якобсен, Драхман и многие другие, также пробуждающие живой и глубокий интерес к творческой жизни Дании»¹²⁹. Эрастов извинился за свой слабый немецкий язык, но уверял, что свободно читает по-шведски и по-датски.

Письмо Круну, по-видимому, осталось без ответа, и в датском журнале никаких произведений Эрастова не опубликовали. Но Эрастов не забыл о Дании. В марте 1909 он сообщил Бернштейну о своих планах провести лето или в Норвегии, или в Дании¹³⁰. Из Гельсингфорса, однако, он уехал только осенью и уже навсегда. В ноябре он пишет Бернштейну уже из Копенгагена, что ему «вследствие “не зависящих” <от него> причин» пришлось «экстренно» покинуть

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ См. письмо Эрастова С.Шоман от 30 сентября 1908. – Åbo Akademis bibliotek (Turku). Handskriftssamlingen. Samling Sigrid Schaumann.

¹²⁹ Письмо М.Круну от 4 октября 1908. – Det kongelige Bibliotek (København). NKS 2955, 4°. (Пер. с немецкого наш.)

¹³⁰ Письмо Бернштейну от 15 марта 1909.

Финляндию и переселиться в Данию, где он рассчитывает прожить «довольно долгое время»¹³¹.

Своему отъезду из Финляндии Эрастов дал прежде всего политические объяснения: «благодаря резкой перемене русской “политики” в Финляндии, я вынужден был покинуть раз и навсегда эту не особенно приятную страну и буду теперь в Копенгагене, где чувствую себя значительно лучше»¹³². Свое положение в Финляндии он с самого начала считал неустойчивым. Как политический беженец, Эрастов чутко реагировал на ухудшение атмосферы после поражения революции. Он жил в Гельсингфорсе, как «на проснувшемся вулкане»¹³³, боясь новой волны русификации и выдвижения «нового Бобрикова» на должность генерал-губернатора¹³⁴. Когда финская Конституция в очередной раз оказалась под угрозой, это сразу отразилось на положении русских в стране. Из России доходили слухи, что власти не забыли, что он бежал от суда. В августе 1907 жандармы провели обыск в петербургской квартире, где оставалась жить его мать. Корреспонденция, посылавшаяся ему в Гельсингфорс через Россию, а не через Швецию, не доходила¹³⁵. Французский перевод романа «Отступление» был запрещен в России, и все экземпляры конфискованы на границе¹³⁶. Эрастов имел серьезный повод опасаться преследований из-за своего нового романа «Кошмар», и он не напрасно хотел, чтобы шведский перевод его вышел не в Финляндии, а в Швеции.

В личной жизни Эрастова также произошли перемены. В Копенгаген он переехал после развода со своей финской женой¹³⁷.

¹³¹ Письмо Бернштейну от 12 ноября 1909.

¹³² Письмо Бернштейну от 9 декабря 1909.

¹³³ Письмо Бернштейну от 28 октября 1907.

¹³⁴ Письмо Бернштейну от 31 июля 1907. Н.И.Бобриков (1839–1904) – генерал-губернатор Финляндии (с 1898). Активно проводил политику русификации страны, чем заслужил ненависть финнов. Летом 1904 был застрелен молодым финским чиновником Э.Шоманом (Eugen Schauman).

¹³⁵ Письмо Бернштейну от 2 сентября 1907.

¹³⁶ Письмо Бернштейну от 15 марта 1909.

¹³⁷ Заявление на развод от 12 ноября 1909 см.: Метрические книги. 1890–1909. Эрастов был окончательно вычеркнут из регистра прихода Немецкой евангелическо-лютеранской церкви в 1949, так как о нем не имелось никаких сведений после его отъезда из Гельсингфорса в 1909. Эдит Эрастова (Edith Erastoff) после развода работала еще пять лет в гельсингфоргском Шведском театре, пока не переехала в Швецию. В Стокгольме она была актрисой Интимного театра (Intima Teatern) в 1914–1920 и Шведского театра в 1920–1923. В 1922 вышла замуж за актера и режиссера Виктора Шёстрёма (Victor Sjöström; 1879–1960). В 1920-е жила с мужем в Голливуде, где Шёстрём работал киноре-

Семейные проблемы возникли еще раньше. Летом 1907 Эрастов написал Бернштейну, что они с женой осенью переедут в новую квартиру, так как ждут прибавления семейства¹³⁸. В конце октября Эдит заболела, никакой новой квартиры еще не было. К зиме у них был еще общий адрес (Petersgatan, 9), но затем Эрастов уже не упоминает в письмах ни жены, ни ожидавшегося, но не рожденного ребенка. Осенью 1908 у него уже был отдельный адрес – Petersgatan, 12.

В Данию Эрастов приехал неизвестным и без средств, точно так же, как в Гельсингфорс в 1906. Он возлагал надежды на театр. В Копенгаген он привез новую пьесу «Продана», которая сильно отличалась от его предыдущих драматических произведений. По собственному определению автора, это была «пьеса-модерн», «психологический театр»¹³⁹. В камерной пьесе было лишь шесть ролей, и вопросы, поднимавшиеся в ней, не были напрямую связаны с Россией. Да и тематически пьеса «Продана» означала что-то новое для Эрастова, поскольку конфликт ее лежал не в сфере политики или религии, а был взят из мира искусства и частной жизни.

Эрастов противопоставляет в пьесе два типа художников. Даниил Брайдин – талантливый живописец, который не желает приспособиться к требованиям рынка, поэтому он не признан и беден. Его товарищ по Академии Роберт Кранц, напротив, разбогател и получил европейскую известность, он являет здесь пример «умного» художника, хорошо знающего вкусы публики. Различие двух художников ярко выявляется в их отношении к изображению обнаженного женского тела. Даниил принципиально отказывается идти на поводу у заказчиков и «раздевать» своих натурщиц, а Кранц пишет «чистую порнографию», при этом придавая своим картинам псевдоглубокое идейное содержание.

Другая проблема, поднятая в пьесе «Продана», связана с положением женщины в браке. Главная героиня пьесы Эллен (Елена) пытается помочь мужу достать деньги, чтобы он мог уехать в Италию и там полностью отдаться только своему искусству. Без ведома мужа она соглашается позировать обнаженной Кранцу, когда-то влюбленному в нее. В порыве ревности Даниил стреляет в законченную картину Кранца и случайно ранит жену, скрывшуюся за полотном.

жиссером. В 1913–1921 Эрастова снялась в 13 фильмах. Ее первая роль – Катюша в фильме «Gränsfolket» («Пограничный народ»). После развода у нее никаких контактов с Эрастовым не было.

¹³⁸ Письмо Бернштейну от 31 июля 1907.

¹³⁹ Письмо Бернштейну от 9 декабря 1909.

Он ранит Эллен не только физически, но и морально, так как не видит ничего возвышенного в ее поступке. Согласившись стать товаром в мире искусства, Эллен превратилась для него в «продажную тварь». Позиция Даниила помогает Эллен понять смысл картины на исторический сюжет, для которой она позировала: богатый купец на рынке покупает молодую нагую женщину – символ вечного рабства женщины в мире мужчин.

Эрастову, который должен был непрерывно бороться за место в литературной жизни и признание, была близка позиция Даниила. В уста своего персонажа автор вкладывает лично выстраданное:

Быть только художником – это половина дела! Надо быть дельцом, пронырливым торговцем! Надо идти на унижительные сделки с искусством и диким аппетитом публики, чтобы не умереть в нищете и раньше времени! Я чувствую, что эта ложная культура – наклонная плоскость, по которой катится и сползает в бездну жизнь, искусство, лучшие идеалы прошлого, и все стремится только к одному: деньги, деньги и деньги, какой угодно ценою! Ведь в наше время – все можно продать и все можно купить!¹⁴⁰

Выражая в своей пьесе протест против коммерциализации искусства, Эрастов в то же время сознательно идет навстречу вкусам публики и требованиям антрепренеров. Он был уверен, что «Продана» – «кассовая» пьеса, и рассчитывал на громкий успех и в Европе, и в Америке. Сразу после переезда в Копенгаген автор выступил с чтением своего нового произведения перед компетентной аудиторией. Кроме датских режиссеров и актеров, на чтении присутствовали «представители театров Стокгольма и Берлина». Сообщая об этом в письме Бернштейну, Эрастов, очевидно, имел в виду шведского писателя Даниэла Фаллстрёма (Daniel Fallström; 1858–1937) и немца А. Дитриха (Alf. Dietrich); он также писал Бернштейну о благоприятной реакции слушателей: общее мнение присутствовавших, что «Продана» – его самая сильная пьеса¹⁴¹.

В Дании Эрастов первое время жил у Роберта Динесена¹⁴². Актер работал в Театре Дагмар (Dagmar-Teater), самом значительном част-

¹⁴⁰ Продана: Драма в 4-х актах. Копенгаген, 1910. Рукопись. – Государственная театральная библиотека (Санкт-Петербург). Рукописный отдел. №51725. С.60.

¹⁴¹ Письмо Бернштейну от 9 декабря 1909.

¹⁴² Адрес Динесена – Vodroffsvej, 41. В декабре Эрастов переехал на St. Knuds Vej, 37 и месяц спустя на Nybrogade, 30 (теперь – Magstraede, 17). Здесь он, по всей видимости, снимал комнату у актрисы Ю.Винтер (Johanne

ном театре Копенгагена, и его коллеги сразу же проявили интерес к пьесе русского драматурга. Датская премьера пьесы «Продана» (податски «Solgt») должна была состояться в начале февраля 1910. Времени было мало, только два месяца, и переводчик Оге Маделунг¹⁴³ должен был передать готовый текст не позднее 22 января. Но автор был недоволен своей пьесой и начал вносить исправления. При этом он столкнулся с техническими проблемами, так как в Дании оказалось трудно найти русскую пишущую машинку. Своему переводчику Эрастов смог отдавать пьесу только частями, и, когда срок истек, перевод еще не был готов. Не согласившись на новый срок, Театр Дагмар исключил пьесу «Продана» из своего будущего репертуара¹⁴⁴.

Постановка не состоялась из-за небрежного отношения Эрастова к контракту. Бернштейну автор, однако, дал другое объяснение. Это он сам, якобы, решил убрать пьесу из репертуара Театра Дагмар после первых репетиций, так как был недоволен актрисой в роли Эллен. Теперь он рассчитывал на то, что пьеса будет поставлена в главном театре страны, Королевском театре (Det Kongelige Teater). Примадонна этого театра, знаменитая Бетти Нансен (Betty Nansen; 1873–1943), выразила свое желание выступить в главной роли. Только такая первоклассная актриса, как Бетти Нансен, может справиться со сложной ролью Эллен, – объяснял Эрастов Бернштейну¹⁴⁵. Несколько месяцев спустя, в мае 1910, Эрастов сообщил, что он сам намерен поставить пьесу и что у Нансен теперь появилась конкурентка на роль Эллен, – Анна Ларссен (Anna Larssen; 1875–1955).

В действительности все было не так, как писал Эрастов. Уже по приезде в Копенгаген он обратился в Королевский театр к Карлу Манциусу (Karl Mantzius; 1860–1921) – руководителю и актеру театра. В письме Манциусу он рекомендовал себя как русского автора пьес и романов, пишущего, как он дипломатично выразился, «видному артисту сцены и историку театра» в надежде на полезные советы¹⁴⁶.

Winther). В конце 1910 его адрес был Bagsvaerd Station, где также жил некий лейтенант В.Е.А. фон Бюлов (W.E.A. von Bülow).

¹⁴³ Aage Madelung (1872–1949) – писатель, проживший много лет в России; автор романа о русской революции 1905 года «Elsken varandre» («Любите друг друга», 1912).

¹⁴⁴ Переписку Валтера Кристмаса (Walther Christmas; 1861–1924), директора Театра Дагмар, с О.Маделунгом см.: Det kongelige Bibliotek. Ny kongelig Samling 2418, 2°. Koribogsblad 38 (22.01.1910), 39 (24.01.1910).

¹⁴⁵ Письмо Бернштейну от 31 марта 1910. Эрастов, вероятно, познакомился с Нансен в 1907, когда она гастролировала в Шведском театре Гельсингфорса.

¹⁴⁶ Письмо Эрастова Манциусу от 20 декабря 1909 см.: Det kongelige Bibliotek. Ny kongelig Samling 2955, 4°.

Когда Театр Дагмар отказался от его пьесы, Эрастов сразу передал перевод в Королевский театр. Прочитав его, Манциус заявил, что пьеса «талантливо и эффектно» написана, но ее можно поставить, только если найдется подходящая актриса для роли Эллен¹⁴⁷. Пьеса была передана профессору Отто Борхсениусу (Otto Borchsenius) на отзыв. Сцена примирения супругов в конце пьесы профессору не показалась убедительной, но в основном он считал, что пьеса полна удачных и интересных решений: «Картины сценически эффектны, и все персонажи достаточно индивидуализированы». Но, несмотря на похвалу, окончательное решение Борхсениуса было отрицательным: «В целом я все-таки не думаю, что это произведение сильно понравится нашей публике. Оно построено на особых художественных предпосылках. Сейчас, когда в репертуаре нет недостатка в хороших пьесах, можно обойтись и без него»¹⁴⁸. 21 мая Эрастову сообщили о решении: «при всем неоспоримо талантливом» в его пьесе, Королевский театр все-таки не принял ее для постановки¹⁴⁹. Когда Эрастов писал Бернштейну, он на самом деле уже знал, что никакой датской постановки пьесы «Продана» не будет.

Два крупных копенгагенских театра отказались от пьесы «Продана», но Эрастов все еще верил в нее. В качестве члена Датского союза драматургов он теперь мог рассчитывать на поддержку в распространении своих произведений и в вопросах, касавшихся авторских прав. В этот раз он обратил свой взгляд на Швецию. В марте 1910 Эрастов сообщил Бернштейну, что шведский перевод пьесы лежит в Стокгольме, в Королевском драматическом театре, где у него «хорошие контакты»¹⁵⁰.

В данном случае подразумевался Даниэл Фаллстрём – писатель и театральный критик, с которым они познакомились в Копенгагене. В письме от 16 марта 1910, написанном на своеобразной смеси датского и шведского языков, Эрастов просит Фаллстрёма «как Поэта и Критика» написать отзыв о его пьесе и передать его Туру Хедбергу (Tor Hedberg; 1862–1931) – новому руководителю Королевского драматического театра. Одновременно Эрастов жалуется в письме на положение своих дел в Дании. Еще недавно он ликовал, когда смог сменить «не очень приятный Гельсингфорс» на столицу Дании,

¹⁴⁷ Отзыв К.Манциуса от 12 апреля 1910 см.: Rigsarkivet (København). Det kongelige Teater og Kapels arkiv. Censurer 1909–1910. №87 («Solgt»).

¹⁴⁸ Там же. (Пер. с датского).

¹⁴⁹ Письмо П.Вейса (Peter Weis) Эрастову см.: Там же. Det kongelige Teaters Coriebog 1909–1910. №283с. №87.

¹⁵⁰ Письмо Бернштейну от 31 марта 1910.

но сейчас Копенгаген в его глазах превратился в «тщеславные, глупо-высокомерные “Афины Скандинавии”», в театрах которых, якобы, никакого искусства не было, «только ремесло, <нрзб.>, онанизм! Только королевские!» Болезнь и постоянная неустроенность жизни мешали Эрастову работать. Финансово он стал зависим от «скандинавских евреев» (другими словами, попал в долги) и теперь искал спасения в Швеции: «Хочу верить, что моя “Solgt” увидит свет в Стокгольме!»¹⁵¹

Фаллстрём был видным театральным критиком, но написал ли он одобрительный отзыв о пьесе Эрастова? Реакция Хедберга нам тоже неизвестна. Но другой руководитель Королевского драматического театра – Кнут Микаэлсон (Knut Michaelson), получив пьесу Эрастова от Датского союза драматургов в феврале 1910 с недостоверным сообщением о том, что она будет поставлена в Театре Дагмар в марте¹⁵², вернул текст уже через три дня, ссылаясь на то, что он больше не участвует в планировании репертуара¹⁵³. Мечта о постановке пьесы «Продана» в Швеции не осуществилась.

Но еще оставались американские театры.

Несмотря на неудачи с «Отступлением» и «Вихрем», Бернштейн был готов еще раз поддержать Эрастова. Пьеса «Продана» ему понравилась, и, кроме того, от самого автора он регулярно получал сведения о «крупных успехах» этой самой пьесы в Европе.

Эрастов последовательно вводил Бернштейна в заблуждение, возможно, надеясь, что действительность скоро догонит желаемое. Он рассказывал, что пьеса переведена на датский язык за десять дней; что в Театре Дагмар идут лихорадочные репетиции, в которых он лично участвует; что начальство театра ожидает крупной прибыли от его «кассовой пьесы». Положительные отзывы о произведении Эрастова давали якобы не только доктор Карл Манциус и актриса

¹⁵¹ Эрастов писал на «скандинавском» языке собственного изобретения, смешивая шведский и датский, ср.: «...det färfängliga, dumt-högmodiga “Skandinaviske Ateen”. <...> Här – ingen konst på teatrerna, handverk, <нрзб.> onanism! Bar de kungliga! Men sjukdom o. sorg om hvarige dags lief – det som skadar mig mycke i lugn der arbetel.. J. vill drömmar att min Solgt sir ljuset i Stockholm!» (Письмо Д.Фаллстрёму от 16 марта 1910. – Kungliga Biblioteket (Stockholm). Handskriftssamlingen. Brev till Daniel Fallström. EpF1b.

¹⁵² Письмо от 23 февраля 1910. – Kungliga Dramatiska Teaterns arkiv (Stockholm) (далее – KDTA). Inkommande skrivelser <Входящие письма> 1909–1910. E Ib;1.

¹⁵³ Письмо от 26 февраля 1910. – KDTA. Utgående skrivelser <Исходящие письма> 1909–1910. Kopiebok №2 (1909–1910). B Ia:2.

Бетти Нансен, но и маститый критик Георг Брандес¹⁵⁴. Бернштейн в очередной раз охотно верил словам Эрастова и сообщил американским читателям через «The New York Times»: «Некоторые из самых великих критиков в Европе, как, например, Георг Брандес, считают эту пьесу эпохальной и предсказывают ей универсальный успех»¹⁵⁵.

В письме от 31 марта 1910, в тот момент, когда последние надежды на Скандинавию уже рухнули, Эрастов написал Бернштейну, что пьеса уже в Стокгольме и что немецкий перевод скоро будет послан в Берлин и Вену. В постскриптуме он «уточнил»: пьеса «Продана» будет поставлена в Дании и в Швеции в начале сезона 1910/11 года и, кроме этого, пьеса «будет пристроена» в России и в Германии¹⁵⁶.

Поскольку в пьесе не затрагивалась политика, Эрастов мог надеяться на постановку ее и в России и ожидать грандиозного успеха. В связи с отсутствием в репертуаре русских театров хороших пьес на темы современности, он считал, что у него большие шансы. Последние пьесы Андреева и Горького – «Gaudeamus» и «Чудаки» – потерпели неудачу.

«Sic transit gloria mundi!» – ликовал Эрастов и сообщал Бернштейну осенью 1910, опять, очевидно, без всяких оснований, что его пьеса «Продана» будет поставлена в лучших театрах Москвы, Петербурга и Киева¹⁵⁷. Его петербургский агент Эдуард Адольфович Иванов, бывший его ученик, якобы сообщил о «жестокой борьбе» за его пьесу в России. В принципе уже было решено, что постановка состоится в Императорском Александринском театре, руководитель которого уже пьесу прочел. И Театр Суворина проявил интерес, и его примадонна Валентина Миронова сильно увлеклась ролью Эллен. И (как будто недостаточно сказанного) бывший Театр Коммиссаржеской, теперь театр Л.Андреева (Новый драматический театр), тоже заявил Эрастову о своем желании приобрести эту «прекрасную» пьесу. Ситуация была, по словам Эрастова, парадоксаль-

¹⁵⁴ Письма Бернштейну от 9 декабря 1909, 7 января, 2 февраля и 19 мая 1910.

¹⁵⁵ *Bernstein H.* Broadway soon to see strong Russian play «Sold» // *The New York Times*. 1910. 23 October. Part 5. P.9.

¹⁵⁶ Существует немецкий перевод пьесы под названием «Verkauft!», сделанный А.Дитрихом, но нет доказательств, что он когда-нибудь был послан за пределы Дании. Союз датских драматургов (*Danske Dramatikeres Førbund*) передал немецкий перевод на депонирование в Королевскую библиотеку. См.: *Det kongelige Biblioteket. Dramatisk bibliotek*. DDF 4.

¹⁵⁷ Письмо Бернштейну от 13 октября 1910.

ной: «На Императорскую сцену берут, а роман («Кошмар». – Б.Х.) жгут! Это русский анекдот!»¹⁵⁸

Переписка с Н.Н.Ходотовым, который был другом Эрастова в актерский период его жизни, раскрывает истину. С ним Эрастов связался сразу после своего приезда в Финляндию, в первый раз в надежде, что «Вихрь» при его помощи можно поставить в России, и потом, в 1910, в связи с новой пьесой. «Надоели и шведы, и датчане», – писал он Ходотову 24 ноября. Пьеса «Продана» создавалась для России, и именно там он хотел ее поставить: «Это греза моей души, тоскующей по русской сцене». «Если бы в Алек<сандринский> театр ее приняли – ее можно было бы чудесно поставить!» Только русская актриса могла бы дать «правду художественную» роли Эллен, и для роли Даниила не было более подходящего исполнителя, чем сам Ходотов. Эрастов просил Ходотова узнать о ситуации в Александринском театре, а также добивался у него совета относительно возможных постановок пьесы в Москве, Киеве и Саратове: «Или напиши мне, коль надо устроить пьесу в провинции, где есть крупная антреприза?»¹⁵⁹

Чтобы усилить интерес Ходотова и русских театров к пьесе «Продана», Эрастов в своем письме рассказал о внимании к ней в Америке. Так как в Скандинавии нельзя было найти актрису для роли Эллен («знаменитая» датчанка Анна Ларссен сыграла роль в закрытом спектакле, но после этого покинула сцену навсегда), то Эрастову пришлось «утешать себя» американской примадонной. Премьера пьесы «Продана» в роскошной постановке должна была состояться до Рождества в Нью-Йорке, и после этого театр поедет на гастроли в Лондон. Дирекция театра ожидала «сенсации».

В этот раз слова Эрастова имели под собой некоторые основания. В мае 1910 он получил от Бернштейна радостную телеграмму: нью-йоркский Театр Шуберта (Shubert's Theatre) заключил контракт на постановку пьесы «Продана». С разрешения автора Бернштейн хотел переработать текст для американской публики. Вся обработка Бернштейна свелась к тому, что действие пьесы было перенесено из России в Нью-Йорк, а персонажи получили английские имена. Премьера должна была состояться в сезон 1910–1911 года, для роли Эллен выбрали Бетту Калич (Betta Kalich)¹⁶⁰. Эрастов тщательно изучил присланную ему фотографию американской актрисы и решил,

¹⁵⁸ Письмо Бернштейну от 6 декабря 1910.

¹⁵⁹ Письмо Ходотову от 24 декабря 1910.

¹⁶⁰ См.: письмо Бернштейну от 19 мая 1910.

что наконец нашли идеальную исполнительницу. В Дании первоклассные актрисы – Бетти Хансен из Королевского театра, Анна Ларссен («гениальная Salome») из Театра Дагмар и Юханна Дыбвад (Johanna Dybwad) из Христиании (Осло) – сами поняли, что им не справиться с ролью Эллен и предпочли от нее отказаться. Но когда Эрастов в Копенгагене показывал фотографию Калич, то общая реакция была – «какая чудесная Эллен!»¹⁶¹ Ходотову Эрастов восторженно написал: «Это воплощение моей Эллен – изящное, яркое, искренне и очаровательно женственное (она не американка, но семитического происхождения!)»¹⁶².

Эрастов получил из Америки сто долларов аванса¹⁶³. Деньгами, обещанными по контракту, он решил оплатить поездку в Нью-Йорк. Свое присутствие во время репетиций он считал необходимым: пьеса, с его точки зрения, требует «массы настроений и пауз» и умелого режиссера. Как обычно, Эрастов сам сделал эскизы сцен и костюмов главных персонажей¹⁶⁴.

В октябре 1910 он уже «сидел на чемоданах» и огорчился, узнав, что все места в каютах парохода Датско-Американского общества распроданы¹⁶⁵. Но утешал себя мыслью, что его пьеса скоро пойдет на американской сцене. И, может быть, Театр Дейвенпорта наконец осуществит американскую премьеру «Вихря», когда там услышат о премьерке новой пьесы?¹⁶⁶ Эрастов попросил Бернштейна также послать в театры восторженные шведские рецензии на роман «Кошмар», переведенные им на русский язык¹⁶⁷. Английский перевод романа тоже был необходим, так как его автор окончательно мог бы решиться на поездку в Америку только с большим гонораром¹⁶⁸.

Работать над романом о России «на заре революции», получившим название «Кошмар», Эрастов начал еще летом 1907 в Финляндии. По его расчетам, эта работа могла быть закончена через 6–7 месяцев. С самого начала автор понимал, что издать роман в России будет невозможно и что ему придется искать переводчиков и издательства за границей. Эрастов рассчитывал, что гонорары за

¹⁶¹ Письмо Бернштейну от 13 октября 1910.

¹⁶² Письмо Ходотову от 24 декабря 1910.

¹⁶³ Письмо Бернштейну от 27 мая 1910.

¹⁶⁴ Письмо Бернштейну от 19 мая 1910. Несколько рисунков опубликовано в: *New York Times*. 1910. 23 October. Part 5. P.9.

¹⁶⁵ Письмо Бернштейну от 13 октября 1910.

¹⁶⁶ Письмо Бернштейну от 19 мая 1910.

¹⁶⁷ Письмо Бернштейну от 6 декабря 1910.

¹⁶⁸ Письмо Бернштейну от 27 мая 1910.

пьесе «Вихрь» дадут ему возможность спокойно трудиться над романом¹⁶⁹, но, когда эти деньги иссякли, работу пришлось приостановить. Когда Эрастов весной 1908 посетил Стокгольм, роман еще не был закончен, но все-таки писатель сумел продать права на шведский перевод в крупное издательство «Albert Bonnier». За перевод с рукописи этого «первого художественного произведения о русской революции» взялась известная переводчица Валборг Хедберг (Walborg Hedberg)¹⁷⁰. Шведский перевод романа – «Marridten» – появился осенью 1910 с датировкой: «май 1910 г., Копенгаген».

Работая над этим произведением, Эрастов был уверен, что у него «редкое понимание душевных драм революции». В романе можно усмотреть этапы его собственного жизненного пути. Сначала студент, потом представитель крупной фирмы и, наконец, свободный журналист, главный герой романа Владимир Карелин чутко следит за развитием общественной ситуации в России начала века. Герой приходит к мысли, что русская жизнь превратилась в кошмар – санкционированные властью погромы, жестокая эксплуатация рабочих, религиозный фанатизм в народе, бесстыдное декадентство в среде писателей, отсутствие гражданской совести и смелости у интеллектуалов. Ум окончательно победил сердце и душу. Все это Карелин воспринимает как торжество Хама.

Личным кошмаром Карелина оказываются его отношения с женщинами. Он разрывается между физической страстью, «половым рабством», и мечтой о свободе и чистоте. Ради холодной красоты Веры Криницкой, аскетичной революционерки, он отказывается от еврейки Раисы Гинцбург, олицетворяющей в его глазах неподдельную чувственность и возможность мещанского, самодостаточного счастья.

В Петербурге кипят революционные настроения, ходит по рукам запрещенная литература, проводятся подпольные собрания, агитаторы работают с народными массами. Карелин везде чужой, но он примыкает к революционерам, соблазненный их ненавистью к самодержавию и жадой справедливости. Как и в пьесе «Вихрь», революция увлекает всех за собой. На Карелина сильно влияет таинственный Александр Иванович с его девизом «Лучше смерть нескольких людей, чем жизнь миллионов в вечных, непрерывных муках»¹⁷¹. Именно Александр Иванович организует в январе 1905

¹⁶⁹ Письмо Бернштейну (июнь 1907).

¹⁷⁰ См.: Idun. 1908. №14. С.167. См. также письмо Эрастова М.Круну от 4 октября 1908. – Det kongelige Bibliotek (København). NKS 2955, 4°.

¹⁷¹ *Erastow G. Marridten: Roman. Stockholm, 1910. С.184.*

шествие народа к царю, предвидя его кровавый исход. Ад надо разоблачить посредством нового ада, чтобы народу стало понятно, что русский царь не от Бога, а, наоборот, идет против Бога.

За «Кровавым воскресеньем» последовали жестокие репрессии; Карелин заключен в тюрьму за связи с революционерами. Он узнает, что Вера Криницкая выбрала путь террора и осуждена на смерть за убийство царского генерала. Прообразом террористического акта в романе «Кошмар» послужило убийство полковника Г.А.Мина 13 августа 1905 Зинаидой Коноплянниковой¹⁷². На суде Вера пророчески говорит: «Ваша власть началась с пролития крови! Но обломки этой власти утонут в вашей собственной крови!»¹⁷³. Вера Криницкая отдает свою жизнь за освобождение родины, а Александр Иванович разоблачается как агент охранки и циничный провокатор, – еще одно эхо революционной истории России... а также пьесы «Вихрь» Эрастова.

Освободившись через четыре месяца, Карелин выходит из тюрьмы другим человеком. Он понял смысл происходившего и смысл своих страданий. Он готов отказаться от пути революции и террора, от пролития крови, от жертвования немногими во имя будущего счастья миллионов. Поняв, что обновление жизни начинается с каждого отдельного человека, он теперь полагает, что «нам надо прежде всего освободить самого себя, вырвать нашу связанную душу из ее рабства, и только тогда освобождение миллионов станет возможным! Можно ли дать свободу тем, чьи души спят?»¹⁷⁴. Чтобы разбудить души людей, надо их любить и страдать вместе с ними. «Вечная жажда любви и готовность к страданию» приносят счастье¹⁷⁵. Это и есть божественный путь, отказ от узкого казенно-церковного православия его матери и возвращение к тому светлomu, пантеистическому представлению о Боге, которое Карелин в детстве воспринял от своего любимого, рано умершего отца.

Эрастов опасался суровой реакции царского режима на свой роман и даже предполагал, что ему придется срочно уехать из Дании¹⁷⁶. Назвать царя антихристом – этого было более чем достаточно, чтобы начать судебное преследование. То, что опасения

¹⁷² О З.Коноплянниковой и ее казни на виселице Эрастов писал в своем цикле очерков о русской женщине «Женщины и революция» (см.: Idun. 1908. №21. S.289).

¹⁷³ *Erastoff G. Marridten. S.354.*

¹⁷⁴ *Ibid. S.381.*

¹⁷⁵ *Ibid. S.382.*

¹⁷⁶ Письма Бернштейну от 19 и 27 мая 1910.

Эрастова были обоснованными, подтвердилось, когда он узнал из газет, что русское правительство приказало финскому Главному управлению печати конфисковать в Финляндии все экземпляры шведского издания. Это был сильный удар по Эрастову в плане материальном, так как большая часть тиража была отправлена в Финляндию для продажи. Правда, он предположил, что сам факт преследования может быть использован в качестве рекламы¹⁷⁷. Власти запретили и финский перевод, который должен был скоро появиться в крупном гельсингфорсском издательстве «Otava», – он увидел свет в том же году, но уже не в Финляндии, а в американском штате Мичиган, в среде финских эмигрантов¹⁷⁸.

Стокгольмская газета «Dagens Nyheter» сообщила о действиях царской цензуры, но при этом успокоила своих соседей: финны ничего не потеряли, не прочтя «Кошмар». Один из критиков охарактеризовал роман как типичное постреволюционное произведение. Эрастов шел по следам Горького, но, увы, таланта Горького у него не было. В духе массовой литературы, в манере «Ника Картера», Эрастов выбрал из русской печати все ужасы, какие вообще можно было найти в русской жизни. Критик предположил, что Эрастов написал свой роман специально для зарубежного читателя, так как Россия в нем изображалась в соответствии с существующими стереотипами: «Россия – это кровь, убийство, грабеж, виселицы и эшафоты, изнасилования, разврат, самоубийства, погромы, депортации, палачи, казаки, гнилость, грязь и смрад, – или, словами Эрастова, – “бездны бесстыдных преступлений, залитых благоухающей кровью народа”». Критика возмущало, что романы Л.Н.Толстого на шведский язык переводятся с сокращениями, в то время как издательства охотно публикуют псевдосенсационные произведения вроде романа «Кошмар»¹⁷⁹.

Рецензия в «Hufvudstadsbladet», написанная Олафом Хоменом (Olaf Homén), была гораздо более мягкой и справедливой. Хомен поставил роман Эрастова в ряд произведений таких писателей, как Горький, Андреев, Арцыбашев, Сологуб и Куприн. «Кошмар» – роман о революции, но примечательно, что его идейная тенденция не была стандартной. Как и Достоевский, Эрастов выбрал любовь, а не насилие,

¹⁷⁷ Письмо Бернштейну от 6 декабря 1910.

¹⁷⁸ См.: Painajainen: Romaani. Hancock (Michigan): Työmiehen kustannusyhtiö, 1910.

¹⁷⁹ Marridten beslagtagen i Finland // Dagens nyheter (Stockholm). 1910. №14572, 29 november. S.5. Статья цитируется в: Ett ampert svenskt uttalande om Erastows Marridten // Hufvudstadsbladet. 1910. №328, 2 december. S.10.

евангелие, а не меч. В романе это решение было, правда, слабо обосновано: читатель видел только результат, а не сам процесс¹⁸⁰.

В провинциальной, очевидно, социал-демократической прессе Швеции «Кошмар» получил восторженные отзывы. Критик газеты «*Ny tid*» считал, что роман Эрастова был лучшей книгой осени 1910, первоклассным произведением, в котором видна правдивость пережитого. Перед читателем представлены «сцены, схваченные при вспышках молнии, с печатью несомненной истины, с ярко-пылающим пламенем исканий и любви к правде». Яркие персонажи, блестящий стиль, и, в конечном итоге, «все произведение таково, что никто не может прочесть его без сопереживания и сочувствия»¹⁸¹. Критик газеты «*Nya samhället*» также считал, что женские портреты в романе удачны, а сцены ужасов написаны превосходно. ««Кошмар» – это захватывающая книга, в то же время дающая массу прекрасных и глубоких картин»¹⁸².

Бернштейн получил «Кошмар» от Эрастова уже летом 1909, но в своих письмах о романе никогда не высказывался. Не помогли и обещания Эрастова взять с собой в Нью-Йорк «ремингтоновский оригинал», чтобы облегчить работу над английским переводом¹⁸³. В результате «Кошмар» вышел только на шведском и финском языках, на русском языке он никогда не появлялся, и рукопись можно считать пропавшей.

Сквозная тема писем Эрастова – жалобы на болезни. Вспомним, что он в 1890-е потерял работу судового инженера из-за слабого здоровья. Летом 1907 он написал Бернштейну о тяжелой болезни, заставившей его лечь в больницу. Врачи посоветовали ему избегать всяких волнений и даже запретили читать русские газеты¹⁸⁴. В декабре того же года его знакомый П.Введенский пишет Бернштейну по просьбе Эрастова, так как он сам был не в состоянии писать¹⁸⁵. В марте 1909 Эрастов извиняется, что не может написать длинное послание, поскольку слишком нервничает, принимаясь за рассказ о своих проблемах¹⁸⁶. Почтовый адрес его в ту пору: «Med. Dr. Heikki

¹⁸⁰ *H<ome>n O. Georg Erastow: Marridten // Ibid. 1910. №294, 29 oktober. S.6.*

¹⁸¹ *Loueur. Georg Erastow. Marridten // Ny tid (Göteborg). 1910. 18 oktober.*
(Перевод Эрастова для Бернштейна.)

¹⁸² *T.N. Georg Erastow. Marridten // Nya samhället (Sundsvall). 1910. 19 oktober.*
(Перевод Эрастова для Бернштейна.)

¹⁸³ Письмо Бернштейну от 13 октября 1910.

¹⁸⁴ Письма Бернштейну от 18 июня и 31 июня 1907.

¹⁸⁵ Письмо Бернштейну от 14 декабря 1907.

¹⁸⁶ Письмо Бернштейну от 15 марта 1909.

Boisman, Gördelgatan 9, Helsingfors». Специальность Хейкки Бойсмана (1865–1921) – нервные и психические болезни¹⁸⁷.

Переезд в Данию не улучшил физического и психического состояния Эрастова. Его здоровье, наоборот, быстро ухудшалось. Весной 1910 он мечтал о поездке в Каир в надежде поправить «расшатанное здоровье»¹⁸⁸. В ноябре он жаловался в письме Ходотову на болезнь сердца и паралич правой руки¹⁸⁹.

Тяжелое материальное положение угнетало его. В Данию Эрастов переехал с оптимизмом и верой в свои силы, но там ему не повезло так, как в Финляндии. Его пьесы не ставились, книги не переводились, статьи не публиковались. Несмотря на все свои усилия, Эрастов остался неизвестным в Дании. Мечты о крупном финансовом успехе за границей раз за разом терпели крах. Непонятно было, мог ли писатель Эрастов вообще выжить при таких обстоятельствах. «Если я оправлюсь материально, отдохну на свободе – я еще много имею, о чем можно сильно и красиво рассказать!», – писал он Бернштейну в мае 1910 года¹⁹⁰.

Последней надеждой оставался Герман Бернштейн с его связями в американском театральном и книжном мире. В Копенгагене Эрастов с нетерпением ждал известий об обещанных постановках пьес «Вихрь» и «Продана». Отсутствие хороших новостей заставило его опять усомниться в честности Бернштейна. «Вы, вероятно, стали миллионером?» – иронически спрашивал он своего переводчика в декабре 1910¹⁹¹ и с помощью датского адвоката В.Р.Ангело (W.R.Angelo) напрямую связался с Театром Шуберта, чтобы потребовать у него оставшиеся 300 долларов¹⁹².

Наконец после долгого молчания пришло долгожданное известие от Бернштейна: «Продана» будет поставлена! Премьера пьесы должна была состояться 7 апреля 1911, но не в Нью-Йорке, а в Филадельфии, в помещении «Lyric Theater». Театральный менеджер Шуберт передал пьесу Эрастова театральной группе «The City» на пробную постановку. В роли Эллен (в переводе Бернштейна – Helen Bryant) была не Бетта Калич, а Лусил Уатсон (Lucile Watson).

¹⁸⁷ См.: Helsingfors adresskatalog 1909–1910. Helsingfors, 1909. Del.4. S.91.

¹⁸⁸ Письмо Бернштейну от 31 марта 1910.

¹⁸⁹ Письмо Ходотову от 24 ноября 1910.

¹⁹⁰ Письмо Бернштейну от 19 мая 1910.

¹⁹¹ Письмо Бернштейну от 6 декабря 1910.

¹⁹² Недатированное (предположительно декабрь 1910) письмо W.R.Angelo в Shubert's Theater. – YIJR. Bernstein folders.

Эрастов радовался, но преждевременно. Постановка была разгромлена критикой, и театр не включил пьесу в свой репертуар. Шуберт тоже потерял интерес к ней.

В архиве Бернштейна сохранилась неподписанная рецензия, автор которой пытается объяснить причины неудачи. На его взгляд, в постановке не удалось индивидуализировать характеры героев и согласовать их с содержанием произведения, поэтому многие актерские возможности в пьесе не были реализованы, хотя было видно, что некоторые сцены при более профессиональной режиссуре могли бы стать довольно напряженными. Анонимный критик подозревал, что результатом «американизации» пьесы была потеря «атмосферы»¹⁹³.

Американский провал пьесы «Продана» совпал с ухудшением жизненной ситуации Эрастова.

Со станции Багсверда (около Копенгагена) весной 1911 он переехал к музыканту Реймару фон Бюлову в дом «Старый маяк» (Det gamle Fyrtaarn) на Драгэре (Dragør), вблизи Копенгагена¹⁹⁴. В письме Бернштейну фон Бюлов, по просьбе Эрастова, объяснял, почему писатель решил на оскорбительный для Бернштейна шаг – обратиться прямо к Шуберту, чтобы узнать о своем гонораре. Фон Бюлов рассказал, как он застал Эрастова совсем сломленным, попавшим в отчаянное положение: «Он бедный, как мышь, без единой копейки, и никаких других ресурсов, кроме денег, обещанных ему Шубертом»¹⁹⁵. Выбор был один – умирать от голода или попасть в психиатрическую больницу. Кроме того, старая мать Эрастова написала из Петербурга, что хочет в последний раз встретиться с сыном, но не имеет средств для поездки в Данию. Несмотря на собственные финансовые затруднения, фон Бюлов решил временно взять Эрастова к себе.

К письму фон Бюлова Эрастов добавил, «больной рукой» и неровным почерком, что хотел бы встретиться с Бернштейном, «с тем же чувством симпатии», как в Гельсингфорсе летом 1909. «В случае поправления здоровья» он обещал написать для Шуберта новую пьесу, «требующую балета и музыки и костюмов»¹⁹⁶. Об этом нереа-

¹⁹³ Play from the Russian: Trial Performance of «Sold» Given by «The City» Company. – YIJR. Bernstein folders. F#23-99 pp.

¹⁹⁴ Reimar von Bülow (1889–?) родился в Германии. В Данию он приехал в 1910 из Бразилии. По профессии – пианист. См. о нем: Folketaellingen <Перепись населения>. 1911. – Lokalhistoriska arkiv (Dragørs, Danija).

¹⁹⁵ Письмо фон Бюлова Бернштейну от 14 апреля 1911. – YIJR. Bernstein folders.

¹⁹⁶ Там же.

лизованном литературном плане он уже писал Бернштейну годом раньше. Ожидаемыми гонорами за роман «Кошмар» он надеялся обеспечить написание пьесы, такой же «интернациональной», как и «Salomé»¹⁹⁷.

Годом позже, летом 1912, и финны узнали о тяжелом положении Эрастова: газета «Hufvudstadsbladet» в материале под заголовком «Писатель Георгий Эрастов, смертельно больной и нищий, в Копенгагене» цитировала статью из датской «Social-Demokraten»¹⁹⁸. Эрастов переехал из дома фон Бюлова, где он прожил почти целый год¹⁹⁹, в жалкий домик во дворе на Rantzausgade, где журналист и застал его смертельно больного («опасная болезнь крови угрожает его разуму») и без денег на еду и лекарства. Он жил вместе с матерью, Марией Эдельман, приехавшей к своему обожаемому сыну из России приблизительно годом раньше. На датского журналиста Эрастов, несмотря на свою внешнюю непрезентабельность, произвел хорошее впечатление. Видно было, что это интеллигентный и образованный человек, который буквально гибнет от болезни и нужды в датской столице.

Положение Эрастова описывали в мрачных тонах: «Он очень болен. Он говорит по-немецки и также немного по-датски, но постоянно хватается за голову, память изменяет ему, он замолкает на середине предложения и потом начинает говорить по-русски, полагая, что он все время говорил по-русски. Он забывает имена, которые только что называл, и даже свои собственные произведения, названия которых он произносит то по-шведски, то по-немецки, то по-французски, он не может четко различать»²⁰⁰. Бессвязный рассказ Эрастова о своей жизни был запутан и полон неточностей. Шведская газета «Afton-Tidningen» ядовито замечала, что, несмотря на свое крайне тяжелое положение, русский писатель по-прежнему владеет искусством саморекламы. В действительности же он просто повторял все свои прежние мифы – о ранних успехах в России (все ведущие русские журналы и газеты якобы печатали его произведе-

¹⁹⁷ Письма Бернштейну от 19 мая и 13 октября 1910. Эрастов, по-видимому, в Копенгагене видел постановку оперы Рихарда Штрауса на либретто Оскара Уайльда с Анной Ларссен в главной роли.

¹⁹⁸ Författaren Georg Erastoff dödssjuk och utblottad i Köpenhamn. Växlingsrika öden // Hufvudstadsbladet. 1912. №201, 26 july. S.4.

¹⁹⁹ В адресной книге даются следующие сведения: «Erastow G. Forfattar. Dragør Frstrand. Dragør. R. v. Bülow. Pianist. Dragør Frstrand. Dragør». См.: Vejviseren 1912. København, 1912.

²⁰⁰ Social-Demokraten (København). 1912. №202, 23 july. S.1.

ния), о переводах «Отступления» и других его произведений не только на французский, но и на английский и немецкий языки, о своих пьесах, которые шли сперва в Швеции (!) и потом на немецких и английских сценах, и об американских успехах («большой театральный трест Шуберта» купил пьесу «Продана»). В статье последняя пьеса ошибочно, но символически точно называется «Livets smärta» («Тоска жизни»), так как журналист или, может быть, сам автор перепутал ее с пьесой «Livets mässä» («Месса жизни»).

Новыми в рассказах Эрастова были утверждения, что его жизнь после появления «Отступления» стала «вечной борьбой со шпионами» – поэтому он должен был бежать из Финляндии и из Швеции. Свой переезд в Данию он объяснил тем, что ему угрожала выдача в Россию. Теперь болезнь и депрессия мешали ему работать. «Нужда угрожает подорвать последние силы этого молодого писателя, который имел такой богатый дар». Все деньги кончились, мебель постепенно переходит в ломбард. В заключительной части приведены слова матери писателя: «Не дайте ему умереть, может быть, его можно еще спасти, ужасно будет, если этот большой талант пропадет в бедности и нужде».

Газетная публикация, по-видимому, способствовала тому, что Эрастова приняли в лечебницу для нервных больных доктора Эйнара Брюнихе в Горнбеке²⁰¹. О психическом состоянии Эрастова красноречиво говорит его письмо Карлу Манциусу, посланное в августе 1912 из больницы. Несмотря на то, что Королевский театр еще полтора года назад однозначно отверг пьесу «Продана», Эрастов спрашивает, когда она будет поставлена и какой у него будет гонорар. В газете он прочитал о 18-летней актрисе из Королевского театра в Лондоне, которую публика пятнадцать раз вызывала на сцену, и теперь он хотел узнать у Манциуса, можно ли ей дать роль Эллен и в Копенгагене²⁰².

Летом 1912 в интервью датскому журналисту Эрастов жаловался на своего американского переводчика-агента, открыто называя Бернштейна жуликом: будто бы Бернштейн присвоил себе гонорар, обещанный Эрастову дирекцией Театра Шуберта за постановку пьесы «Продана». В больнице Эрастов узнал из газет шокирующую новость: в Нью-Йорке идет «The Whirlwind» («Вихрь»), но автором

²⁰¹ Dr. Med. Einar Brüniche (1886–1932) – врач-невропатолог частной клиники в Горнбеке (Hornbaek) с 1905. См. о нем: *Christoffersen V.; Winslöv E. Den Danske Laegestand 1925–1936*. 9 ed. København, 1936. S.134.

²⁰² Письмо Манциусу от 19 августа 1912. – *Det kongelige Bibliotek (København). Ny kongelig Samling 2955, 4°*.

пьесы указан не он, а Г.Бернштейн! Через контору американского адвоката «Abbott & Coyne» он сразу связался с Бернштейном, чтобы узнать, где же его гонорар за пьесу «Вихрь», гарантированный ему контрактом, заключенным с ним, Бернштейном и Бутлером Дейвенпортом 13 февраля 1909²⁰³.

В своем ответе в нью-йорскую контору адвоката Бернштейн терпеливо разъяснил все недоразумения. Пьеса «The Whirlwind», которая действительно шла в Театре Шуберта, была не «Вихрем» Эрастова, а одноименной комедией известного французского драматурга Генри Бернштейна. Пьеса Эрастова действительно в 1909 была принята Театром Дейвенпорта, но так как здание театра до сих пор (в 1913) еще не построено, никаких постановок там не могло быть. Ситуация была неблагоприятной не только для Эрастова, но и для Бернштейна, ничего не получившего за перевод и за газетные заметки о пьесе. Перевод пьесы «Продана» тоже стал убыточным, когда Шуберт отказался от нее после неудачной пробной постановки в Филадельфии.

Бернштейн воспользовался случаем выразить свое негодование по поводу неоднократной лжи Эрастова о постановках его пьес в Лондоне, Берлине, Вене, Петербурге, Москве и других городах. Бернштейн, полагаясь на Эрастова, распространял эти фальшивые утверждения от своего имени в американских газетах. Если бы Эрастов был более корректен и в письмах, и в поведении, Бернштейн попробовал бы предложить его пьесы другим театральным менеджерам, но теперь он решил, что больше не будет иметь никакого дела с ним и его произведениями²⁰⁴.

Разрыв казался окончательным. И все-таки Бернштейн еще раз обратился к Эрастову – в недатированном письме, по всей вероятности, относящемся к осени 1913. Опять зашла речь о постановке пьесы «Продана» с Беттой Калич в главной роли, теперь уже под новым театральным руководством. В качестве рекламы хотели сначала снять фильм по пьесе. Условия контракта были те же самые, что и в контракте с Шубертом: 300 долларов за право на фильм плюс часть театральные доходы. Дело было срочное, и Бернштейн просил Эрастова ответить телеграммой до 1 декабря 1913. Очевидно, Эрастов принял предложение, но уже через несколько месяцев его терпение опять исчерпалось. Он связался с Бернштейном, но не наприя-

²⁰³ Письмо Бернштейну от 8 февраля 1913.

²⁰⁴ См. копию письма Бернштейна в адвокатскую контору «Abbott & Coyne» (весна 1913). – YIJR. Bernstein folders.

мую, а через русское консульство в Нью-Йорке, чтобы потребовать гонорар за «эксплуатацию» пьесы «Продана»²⁰⁵.

Неизвестно, получил ли Эрастов свои деньги, да и узнал ли он вообще, что план создания фильма действительно осуществился. Режиссерами фильма «Sold» были Эдвин Портер (Edwin S. Porter) и Хьюг Форд (Hugh Ford). Портер был известен как «отец эпического фильма» и один из первых режиссеров, понявших значение редактирования фильмов²⁰⁶. Однако его главная картина – «The Great Train Robbery» («Большое ограбление поезда») – была снята в 1903, а те его фильмы, которые вышли после 1906, уже не стали событием в киноискусстве. Фильм «Sold» стал одной из последних работ Портера, так как в том же году он ушел из киноиндустрии.

Премьера картины состоялась 5 августа 1915. В главной роли снялась одна из самых ярких звезд кинокомпании «Famous Players» – Полин Фредерик (Pauline Frederick). Большого успеха среди публики фильм не имел, но в прессе появились положительные отзывы. Кинокритик отмечал, что в пьесе Эрастова есть все элементы сильной эмоциональной драмы. В роли самоотверженной молодой жены П.Фредерик показала весь свой богатый драматический талант²⁰⁷.

В том же журнале критик Линд Дениг полностью согласился с этой похвалой, считая что «Sold» явился для актеров «Famous Players» творческой удачей.

Это – фильм, где все происходит с артистической гармонией. Действие последовательно держится на уровне серьезной драмы, сюжет тщательно мотивируется, пока не достигает развязки, по аналогии с развязкой третьего действия спектакля <...> Картина <...> производит впечатление тщательной проработкой всех деталей, это работа мастера, точно знающего, какого эффекта он хочет достичь.²⁰⁸

²⁰⁵ Письмо Бернштейну из Генерального консульства России в Нью-Йорке от 27 февраля 1914. – YIJR. Bernstein folders.

²⁰⁶ Lewis J. The Emergency of Film Art: The Evolution and Development of the Notion of the Motion Picture as an Art, from 1900 to the Present. 2 ed. N-Y; London, 1979, P.20.

²⁰⁷ Pauline Frederick in «Sold» // Moving Picture World. 1915. 31 July. Цит. по: www.stanford.edu/~gdegroat/PF/reviews/sold.htm.

²⁰⁸ Denig L. «Sold»: Pauline Frederick and Excellent Supporting Company Appear in Emotionally Forceful Famous Players Drama // Moving Picture World. 1915. 21 August. Цит. по: www.stanford.edu/~gdegroat/PF/reviews/sold.htm. Пер. с английского наш.

В киножурнале «Variety», однако, посчитали фильм «Sold» незначительным²⁰⁹; и сюжет слишком простой, и конец малоудовлетворительный (хотя семейное согласие было достигнуто и долги оплачены, но никаких гарантий успеха бедному художнику не давалось), и актеры играли, постоянно глядя в камеру.

Фильм, который был вторично выпущен в американские кинотеатры в 1919, считается утраченным.

Когда в Америке состоялась премьера фильма «Sold», ставшая апогеем карьеры Эрастова, сам автор уже покинул Данию. Поняв, что физическое и психическое состояние сына безнадежно, мать увезла его домой в Петербург. Это случилось, по-видимому, в 1914²¹⁰.

Всеобщая амнистия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых позволила писателю вернуться в Россию. Его имя опять стало появляться в русских литературных журналах. Сначала в 1913 за рассказ «Счастливые» ему присудили премию на втором всероссийском литературном конкурсе «Биржевых ведомостей»²¹¹. Тематически рассказ похож на сюжет пьесы «Продана»: в нем Эрастов раскрывает различные взгляды мужа и жены на любовь и верность в браке. В 1914 в московских журналах были опубликованы еще два его произведения – «Мулла-проповедник: Из сказок и басен Востока» и «Повесть: Стихотворение»²¹².

Можно было бы заключить, что Эрастов вернулся в русскую литературу, но это не так. Первая публикация рассказа «Счастливые», написанного в Копенгагене в мае 1910, состоялась в Стокгольме в том же году; «Мулла-проповедник» был впервые напечатан в 1901 в журнале «Шут»; возможно, и «Повесть», небольшое стихотворение о том, как начинается и умирает любовь, – тоже не новое произведение.

О последних годах жизни Эрастова мы никаких сведений не имеем. В апреле 1918 года его мать сообщила в Литературный фонд, что сын умер в бедности после «продолжительной болезни»²¹³.

²⁰⁹ *Sime*. Sold // Variety. 1915. 13 August. Цит по: Ibid.

²¹⁰ Мать Эрастова сообщила в Постоянную комиссию Литературного фонда, что ее сын «в изгнании» и что у нее не осталось никаких источников дохода. См. письмо от 23 ноября 1913. – ИРЛИ. Ф.540. Оп.2. Ед.хр.652. Л.22. В следующем, недатированном, письме она сообщает, что привезла больного Эрастова из Дании в Петербург. – Там же. Л.25.

²¹¹ Эрастов Г. Счастливые // Новое слово. 1913. №8. С.42-52. Здесь же (С.42) упоминается о его успехе в литературном конкурсе.

²¹² Эрастов Г. 1) Мулла-проповедник: Из сказок и басен Востока. Стихотворения // Остряк. 1914. №20; 2) Повесть: Стихотворения // Новости экрана. 1914.

№37.

²¹³ Письмо от 9 апреля 1910. – ИРЛИ. Ф.540. Оп.2. Ед.хр.652. Л.30.

Литературный путь Эрастова был недолгим – всего десять лет. Болезнь настигла его, когда писатель, возможно, еще не реализовал все свои способности. Главные произведения Эрастова – романы «Отступление» и «Кошмар» и пьесы «Вихрь», «Месса жизни» и «Продана» – дают представление о больших потенциальных возможностях автора. Русско-японская война и революция 1905 года явились главными темами его творчества, но следует отметить, что в своих последних произведениях Эрастов склонялся к психологизму, уходя от внешне эффектных сюжетов во внутренний мир своих героев.

Став политическим эмигрантом, Эрастов вынужден был работать для зарубежного читателя и зрителя. Все его главные произведения (кроме «Отступления») вышли только в переводах или были поставлены исключительно на зарубежной сцене. На это он сетует в письме из Дании к Н.Н.Ходотову:

Да, дорогой мой, не совсем веселое, трагикомическое «амплуа» быть в наше время «русским писателем для иностранцев» и утешаться тем, что после моей смерти, когда издохнет цензура, не будут меня коверкать и переведут на русский язык эту книгу («Кошмар». – *Б.Х.*)! Юмор вещь хорошая, но для человека одинокого и независимого, «за бортом» очутившегося, это юмор Гоголя!²¹⁴

Без поддержки отечественной прессы, издательств и театров трудно стать преуспевающим русским литератором. Не раз Эрастов, казалось, был близок к крупному успеху, но всякий раз приходилось разочаровываться.

Эрастов вернулся в Россию – умирать, но его произведения не вернулись. Многие из рукописей писателя пропали и, скорее всего, никогда не будут обнаружены. Пропал и американский фильм «Sold», снятый по его пьесе. Осталась только необычная, трагическая судьба.

²¹⁴ Письмо Н.Н.Ходотову от 24 ноября 1910.

Ю.Е.Галанина
ЮРИЙ РАКИТИН В РОССИИ (1905–1917)

Русский актер и режиссер Юрий Львович Ракитин (наст. имя Георгий Леонтьевич Ионин) родился 10 мая 1882¹ в Харькове, где его отец коллежский секретарь Лев (Леонтий) Алексеич Ионин служил секретарем при харьковском прокуроре². Детство и юность будущего актера прошли в небольших провинциальных городках – Козельске, Малоярославце, Калуге, Иркутске и других, он часто гостил в имениях родственников, где «глубоко проникся любовью к русской природе и еще застал последние мерцания стародавнего быта и уклада жизни помещичьих гнезд, подметив в них много трогательного»³.

В столицу Ю.Ракитин (тогда он еще звался Г.Л.Ионин) приехал в 1902⁴ и поступил на Драматические курсы при императорском Театральном училище в Петербурге⁵ в класс В.Н.Давыдова⁶, где учился до

¹ См. паспортную книжку Ракитина. – РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.433. Л.2об.

² Адрес-календарь Российской империи на 1882 год. СПб., 1882. Стлб.625.

³ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. М., 1999. С.192.

⁴ *Ракитин Ю.Л.* Воспоминания русского актера и режиссера / Публ. А.Б.Арсеньева // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2001. Вып.5. С.138 (далее – НА, с указанием страницы). К сожалению, в России архив Ракитина не сохранился, за исключением отдельных писем и разрозненных документов в различных хранилищах. В сербских собраниях находится только часть рукописного наследия Ракитина, относящаяся к эмигрантскому периоду его жизни. Среди этих материалов бесценными являются дневники режиссера, которые он вел на протяжении 40 лет. На основе этих материалов им были написаны «Воспоминания русского актера и режиссера» – серия очерков, которые печатались в эмигрантских изданиях «Новое время» М.А.Суворина (Белград), «Россия и славянство» (Париж), «Иллюстрированная Россия» (Париж), «Руль» (Берлин) и др.

⁵ Там же. С.138-157. Ученические работы Ракитина: Басманов в «Дмитрии Самозванце и Василии Шуйском» Островского, Скалозуб в «Горе от ума», Кочкарев в «Женитьбе» Гоголя; он принимал также участие в водевиле «Ночное» М.А.Стаховича (Там же. С.150).

⁶ Владимир Николаевич Давыдов (наст. имя Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – драматический актер, один из корифеев Александринского театра, в котором прослужил с 1880 и до конца жизни; прославился в ролях классического репертуара. С 1883 преподавал в Петербургском театральном училище.

1905. Здесь он познакомился с О.А.Глебовой⁷, которая пробудила в нем интерес к новому искусству. Позднее Ракитин вспоминал:

Глебова была всецело под влиянием декадентства. Певуче декламировала Бальмонта, Верлена, Бодлера, искала тонких изысканных эмоций и запахов. Это, конечно, не могло не влиять на мои вкусы и стремления. Позднее эти увлечения модернизмом сыграли большую роль в обеих наших жизнях. <...> Мы смутно искали и бессознательно тянулись к новому искусству, несмотря на то, что учитель наш не признавал никаких новых веяний, никаких новых настроений и исканий. <...> Олечка Глебова была вся в новых веяниях, вся в исканиях новой неясной, но ошущаемой уже тогда красоты. Я старался быть созвучным ей...⁸

Перед выпускными экзаменами молодой актер, чтобы не бросать тень на отца, который к тому времени, получив чин действительного статского советника, служил членом Тифлисской судебной палаты⁹, выбирает себе сценический псевдоним – Юрий Ракитин. Позднее он писал:

Почему «Ракитин», не знаю; чтобы избежать громких актерских фамилий на «-ский»? Может быть, из-за воздыхателя Ракитина в «Месяце в деревне»¹⁰. Увлечение этим спектаклем совпало с первой моей любовью к Олечке...¹¹

В экзаменационном спектакле «Вишневый сад» по чеховской пьесе, впервые поставленной в Петербурге¹², Ракитин исполнил роль Лопухина¹³. Эту работу отметил А.Р.Кугель в журнале «Театр и искусство»¹⁴. Станиславский обратил внимание на начинающего акте-

В 1902–1905 в классе Давыдова вместе с Ракитиным учились также О.Глебова, М.Кобецкий, Ф.Курихин, А.Феона, Ю.Слонимская и др.

⁷ См.: Вульф В. Из архива Юрия Ракитина // Театральная жизнь. 1990. №19. С.21-22. Не называя фамилии О.А.Глебовой, Ракитин упоминает ее в воспоминаниях о Блоке (*Ракитин Ю.Л. Две тени // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С.95-99*). Об О.А.Глебовой-Судейкиной см.: *Мок-Бикер Э. «Коломба десятилетиях годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993.*

⁸ Вульф В. Из архива Юрия Ракитина. С.21.

⁹ Адрес-календарь Российской империи на 1905 год. СПб., 1905. Стлб.644.

¹⁰ Эта пьеса Тургенева была поставлена в Александринском театре 18 ноября 1903.

¹¹ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. С.204.

¹² Режиссер В.И.Петров.

¹³ НА. С.145.

¹⁴ «Лопухин – г. Ракитин не ярк, но и не тускл» (*Ното новис. Экзаменационный спектакль // Театр и искусство. 1905. №16, 17 апреля. С.249*).

ра и пригласил его в Театр-Студию¹⁵ при МХТ, где с лета 1905 под руководством Мейерхольда велась работа по выработке новых сценических приемов. В частности, готовилась «Смерть Тентажиля» Метерлинка, в которой Ракитину была поручена роль короля Агловаля.

В этот период Ракитин знакомится со многими крупными деятелями культуры модернистской ориентации, в том числе и с В.Я. Брюсовым, возглавившим Литературное бюро Студии¹⁶. Несмотря на состоявшуюся генеральную репетицию, широкой публике спектакль показан не был. 24 октября 1905 было принято решение о закрытии Студии¹⁷. 28 октября Г.И. Чулков писал Брюсову: «Театр “Студия” прекращается ввиду революционных дней. Но часть труппы, с В.Э. Мейерхольдом, намерена на свой страх давать спектакли»¹⁸.

Осенью 1905 Мейерхольд приехал в Петербург. Он посещал знаменитые собрания на «Башне» Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, писателей, которые еще с лета 1904 «с дружеской активностью выполняли функции литературных агентов» мейерхольдовского «Товарищества новой драмы»¹⁹. В Петербурге ходили слухи о намерении Мейерхольда перебраться с труппой в Петербург²⁰. 21 декабря 1905 Мейерхольд писал актрисе В.П. Веригиной: «Сегодня приехал в Петербург; имею в виду здесь устроить то, что не удалось сделать в Москве <...>»²¹. Режиссер стремился собрать в столице участников бывшего Театра-Студии.

Ракитин также приехал в столицу и, ведя «жизнь около Мейерхольда в Петербурге»²², включился в деятельность по созданию те-

¹⁵ НА. С.152.

¹⁶ Волков Н. Мейерхольд: В 2 т. М; Л.: Academia, 1929. Т.1. С.212.

¹⁷ Мейерхольд в русской театральной критике: 1892–1918. М., 1997. С.418.

¹⁸ Цит. по: Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1999. С.342.

¹⁹ «Товарищество новой драмы» – труппа, организованная Мейерхольдом после его ухода из МХТ, с которой связано начало его самостоятельной режиссерской деятельности. Спектакли Товарищества шли в 1902–1904 в Херсоне, в сезон 1904/05 и весной 1906 в Тифлисе, летом 1906 – в Новочеркасске, Ростове-на-Дону и Полтаве. В 1906–1907 в Тифлисе труппа давала спектакли без Мейерхольда, часть постановок была подготовлена режиссером летом в Полтаве. Весной 1908 составленная Мейерхольдом гастрольная труппа «Товарищества новой драмы» выступала в городах южной и западной России.

²⁰ См. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной (ее подруге и домоправительнице Ивановых) от 28 ноября 1905. – РГБ. Ф.109. Карт.23. Ед.хр.15. Л.24.

²¹ См.: Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.58.

²² Название главы из хранящегося в Театральном музее Воеводины (Нови Сад) плана книги мемуаров Ракитина. Сообщено А.Б. Арсеньевым.

атра «Факелы»²³. На «Башне» в это время бывали актеры Е.М.Мунт, Б.Пронин, жена режиссера О.М.Мейерхольд и другие близкие Мейерхольду люди²⁴.

23 декабря 1905 Мейерхольд и его труппа встретились на «Башне», где обсуждалась постановка драматического произведения Вяч. Иванова. На следующий день Л.Д.Зиновьева-Аннибал сообщала М.М.Замятниной:

Приходил неожиданно Мейерхольд со своей труппой. Вчера было собрание нас, факельщиков, у Сюннерберга, большого моего друга и уважителя. Собрание было для прочтения Вячеславовой новой драматической пьесы в духе Орфея. Он читал ее на Среде (хотя в среду никто не оценивал ее художественно <...> <...>. И вот вчера Мейерхольд и целая группа художников <...> обсуждала постановку драмы «Факелов»²⁵. Хотят ею открыть театр под названием Пролог. Было интересно. Все, увы, страшно. Все горят энергией и идеалами. Но денег ни у кого, и все висит <...> в воздухе! Посмотрим, что скажет январь.²⁶

В театре «Факелы» предполагалась мейерхольдовская постановка «Смерти Тентажиля».

13 января 1905 Л.Д.Зиновьева-Аннибал писала М.М.Замятниной:

Я хотела, но не успела сказать подробнее о том чтении «Смерти Тентажиля» Мейерхольдом. Очень радостно было себя чувствовать оваянной истинным искусством. Пьеса у них разучена и против каждой группы реплик нарисована схема барельефа, какой должны образовывать фигуры актеров. Должны были ставить в Москве. Заказали декорации художникам Художественного театра и, когда декорации были готовы, отказались от них, потому что в них оказалось слишком много воздуха и перспективы, а барельефы групп должны были являться плоскими и неяркими, в стиле Средних веков. Все это рассказал Мейерхольд, а Сомов и Бакст <...> загорелись и стали один перед другим талантливее <так!> проектировать декорации: приблизи-

²³ См. упоминание имени Ракитина в письме Мейерхольда к Брюсову от 6 января 1906, опубли.: *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы: В 2 ч. М., 1968. Ч.1. С.92.

²⁴ См.: Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1980–1993. Кн.3. С.236 (далее – ЛН, с указанием тома, книги и страницы).

²⁵ *Иванов Вяч.* Факелы: Дифирамб // Факелы. Кн.1. СПб., 1906. С.5-9. Хоровой дифирамб Вяч. Иванова был поставлен Мейерхольдом осенью 1906 на первой «среде» театра В.Ф.Коммиссаржевской.

²⁶ РГБ. Ф.109. Карт.23. Ед.хр.15. Л.62-63об.

тельно: плоские, без теней <нрзб.> ярких красок, чтобы фигуры казались бледными. Освещение должно быть так устроено, чтобы ни одно тело не давало тени – отчего призрачность. Решали долго. Ночь должна быть от ярких, но темных красок и черных дверей и пола, но освещение дневное и т. д. Красиво было видеть их тонкость и вдохновение. А в другой раз был Нурок и столько же часов обсуждалась музыка.²⁷

18 января 1906 Ракитин вместе с другими актерами присутствовал на одном из значительных собраний у Ивановых. Вероятно, именно в этот день на «Башне» он познакомился с Александром Блоком²⁸. После того как выяснилось, что на создание театра «Факелы» в Петербурге нет средств, Мейерхольд снова уехал в провинцию. 10 февраля он получил письмо от Коммиссаржевской о приглашении в ее театр режиссером.

С 20 февраля по 23 марта Ракитин в составе мейерхольдовской труппы «Товарищество новой драмы» выступал в Тифлисе. По поводу первого спектакля – «Комедии любви» Ибсена – Мейерхольд писал жене: «Исполнители хромали <...>. Ракитин-Стювер был хорош»²⁹. В Тифлисе 19 февраля была показана готовившаяся еще в московском Театре-Студии «Смерть Тентажиля»³⁰. Сцена была закрыта тюлем, натянутым на раму, отчего силуэты были несколько размыты и создавалось ощущение таинственной призрачности³¹. Ракитин выступил в роли Агловаля, которую готовил еще в московском Театре-Студии. После спектакля, который произвел на публику ошеломляющее впечатление, «начались грандиозные овации. Поднесен был адрес. Читал его Ракитин в гриме Агловаля»³². Затем «Товарищество новой драмы» выступало в Новочеркасске и Росто-

²⁷ Там же. Ед.хр.7. Л.13-13об.

²⁸ См.: ЛН. Т.92. Кн.3. С.235-236.

²⁹ См.: Мейерхольд В.Э. Переписка. С.62.

³⁰ Волков Н. Мейерхольд. Т.1. С.224-240; см. также: Мейерхольд В.Э. Переписка. С.65.

³¹ Волков Н. Мейерхольд. Т.1. С.236.

³² Мейерхольд В.Э. Переписка. С.65. Приведем текст адреса: «Нам хотелось бы сегодня, в день постановки “Смерти Тентажиля”, приветствовать вас, творца идей “студии”, нового мистического театра Ибсена, Метерлинка, Верхарна, приветствовать вас, режиссера, давшего провинции артиста-творца. Мы бесильны выразить словами благодарность за то слово в театральной рутине, которого так жаждет провинция, и за ту трудную и неблагодарную, но интересную, благородную работу, которой вы хотите привить в публике новые вкусы и развить ее художественное понимание. *Учащаяся молодежь*» (Там же. С.238-239).

ве-на-Дону. Спектакли продолжились во время летнего сезона в Полтаве – с 4 июня по 16 июля. Полтавская критика отметила Ю.Ракитина, исполнившего роли доктора в пьесе Метерлинка «Чудо святого Антония», шедшей под названием «Сумасшедший», Гаева в «Вишневом саде», его выступления в «Сне тайного советника» И.Н.Потапенко, в «Гедде Габлер» Ибсена и в других постановках³³.

23 июля 1906 в письме к В.П.Веригиной Мейерхольд писал: «Была Полтава, но грезили. И все те же: Борис Пронин, Ракитин, Давидовский»³⁴. Режиссер-новатор называет Ракитина в числе людей, способных служить «театру исканий». После Полтавы Ракитин с актерами мейерхольдовской труппы А.Закушняком³⁵ и К.Давидовским³⁶ уехал к своим родным в Харьковскую губернию.

Актер испытывал сильное тяготение к Мейерхольду, который в свою очередь отвечал ему дружеским вниманием. С лета 1906 завязывается их многолетняя переписка.

Вероятно, установлению дружеских отношений способствовал эпизод, описанный Мейерхольдом в наброске автобиографии, относящемся к лету 1921, в котором режиссер рассказывает о своих выступлениях этого периода в провинции:

За репертуар сражаюсь с представителями полиции. А в Тифлисе после устройства спектакля в пользу нелегальной политической организации меня вызывают на допрос в жандармское управление. Вызываю грубое раздражение тем, что не дал в руки жандармам никаких нитей. После гастрольных спектаклей в Тифлисе в 1906 году, уехав оттуда, разыскиваюсь полицией по следам и в Москве. Знаю об этом по обыску у брата, жившего в Москве, где я останавливался перед отъездом в Тифлис по пути из Петербурга. Кем-то в Тифлисе был сделан на меня донос, будто я принимал участие в экспроприации на Эриванской площади.

³³ См.: Мейерхольд в русской театральной критике. 1892–1918. М., 1997. С.58; Творческое наследие В.Э.Мейерхольда. М., 1978. С.130-133,135.

³⁴ Мейерхольд В.Э. Переписка. С.67.

³⁵ Александр Яковлевич Закушняк (1879–1930) – драматический актер, участник полтавского (лето 1906) и тифлисского (1906/07) сезонов «Товарищества новой драмы». С осени 1907 до 1910 – в Театре В.Ф.Коммиссаржевской.

³⁶ Константин Алексеевич Давидовский (1882–1939) – драматический актер. С 1906 выступал в труппе «Товарищества новой драмы» в Тифлисе и Полтаве, с осени 1907 вместе с другими актерами товарищества вошел в труппу Драматического театра В.Ф.Коммиссаржевской; много выступал в провинции, где работал в труппах Марджанова, Соболищикова-Самарина и др.; последние 14 лет жизни – актер Театра им. Московского городского совета профессиональных союзов (с 1938 – Театр им. Моссовета).

О том, что разыскивают повсюду, о том, что при нем <?> имелась моя фотографическая карточка, мне сообщил актер Ракитин, дядя которого – прокурор в Тифлисе – имел дело это в руках. Донос вызван был, как мне кажется, отношением ко мне реакционной части общества, возмущавшейся моим репертуаром, волновавшим умы молодежи и рабочей аудитории; там я, между прочим, устроил вечер декламации, в программе которой преобладали Верхарн и Бальмонт с его бунтарскими ликами периода «Горящих зданий».³⁷

Впоследствии, в 1909, когда в связи с поступлением на службу в Императорские театры дворцовой полицией проверялась благонадежность Мейерхольда, из Губернского жандармского отделения Тифлиса был получен ответ об отсутствии неблагоприятных сведений о нем³⁸.

В конце июля 1906 Ракитин из Харьковской губернии писал Мейерхольду:

За портрет и надпись на нем обнимаю и благодарю милого Всеволода Эмильевича. О, если бы знали, как пусто, как тяжело без Вас, – мне тяжело вдвойне. Для меня Вы были – (положим, и есть) «всё». Из Вас я черпал... Вы наполняли мою духовную жизнь – работая на сцене, я думал о Вас, а не о публике. С Вашим ростом «тянулись» и мы. Вы были мне учителем не только на сцене, но и в жизни, потому что наша совместная жизнь была только стремлением к прекрасному. Чем больше я узнаю Вас как человека и как творца, тем больше я люблю³⁹ Вас <...>. Из Полтавы заехал к родным в деревню отдохнуть. Заташил с собой Давидовского и Закушняка. Смотрю с завистью, как Давидовский получает здесь Ваши письма, и сознаюсь, ревную. Вся деревенская идиллия испорчена не волнениями крестьян (как того следовало бы ожидать), а черносотенными разговорами здешних обывателей. Мы отмалчиваемся. В Питере буду в августе. Когда, еще не знаю определенно. Думаю, что в середине месяца. Увлекаемся теперь спиритизмом, у нас есть великолепный медиум. Задаем много вопросов о будущем, выходит иногда удивительно. О последних днях нашего пребывания на Украине вы наверно знаете от Бориса⁴⁰. Скажу немного. Барон был очаровательно

³⁷ Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч.1. С.312.

³⁸ РГИА. Ф.508. Оп.2. Ед.хр.1883. Л.16.

³⁹ «Написал “обожаю”, не хорошо, это институтское слово» (Примеч. Ракитина).

⁴⁰ Борис Константинович Пронин (1875–1946) – актер и театральный деятель. Учился в режиссерском классе Московского Художественного театра, активно участвовал в создании Театра-Студии при Художественном театре,

мил⁴¹. Один спектакль был обставлен прямо «под» экзотику. Это «На пути к браку». Мы часто и много гуляли – Нарбекова⁴², Будкевич⁴³, Унгерн, Закушняк и я. Устраивались вечеринки у барышень с поцелуями, с глинтвейном, но абсолютно без признака экзотики (эротика? – Ю.Г.). Костя Давидовский погибал у фонтана почти каждый вечер. Мой дядюшка Леонид⁴⁴ пришел в восторг не только от Вашего лица, но и от надписи, носил даже знакомым Вашу карточку, читая всем надпись, он велел Вас поцеловать при встрече. Нароков⁴⁵ последнее время дни и ночи пребывал у Рыжей дамы и у писательниц, теперь у него страшная дружба с Майданщиком. Давидовский часто без Вас играл Пёр Гинта <так!>, мы думали и грустили о Вас. От души желаем, чтоб у Ком<м>иссаржевской Вас также ценили и любили, как любят дома, в Товар<и>естве Новой драмы. У меня к Вам просьба: я по приезде в Питер представлю Вам свой план постановки «Балаганчика» Блок<a>⁴⁶, – мы с Вами поговорим об этом, – и тогда, если из этого что-нибудь выйдет, Вы напишете барону⁴⁷, чтоб он разрешил мне поставить его.⁴⁸

позднее – режиссер и артист театра В.Ф.Коммиссаржевской, режиссер-распорядитель «Дома Интермедий», основатель знаменитых литературно-художественных кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

⁴¹ Имеется в виду Родольф Адольфович (Рудольф Альфредович) Унгерн фон Штернберг (?–1924) – актер и режиссер, один из руководителей «Товарищества новой драмы», с осени 1907 – режиссер театра В.Ф.Коммиссаржевской. После ухода Мейерхольда остался художественным руководителем этого театра, однако вскоре покинул его, весной 1908 вместе с Мейерхольдом возглавил гастрольную труппу «Товарищества новой драмы».

⁴² Ольга Павловна Нарбекова (1876–1933) – драматическая актриса. С 1902 – в «Товариществе новой драмы»; в 1905 в Театре-Студии МХТ, позднее – жена А.Закушняка.

⁴³ Наталья Антоновна Будкевич (?–1928) – драматическая актриса. В 1902–1907 в «Товариществе новой драмы». С осени 1907 – в труппе Театра В.Ф.Коммиссаржевской; участвовала в гастрольной поездке Мейерхольда весной 1908.

⁴⁴ Неустановленное лицо.

⁴⁵ Михаил Семенович Нароков (наст. фам. Якубов; 1879–1958) – драматический актер, режиссер. Участник полтавского сезона «Товарищества новой драмы»; позднее – артист Театра В.Ф.Коммиссаржевской.

⁴⁶ См. письмо Ракитина к А.А.Блоку от 19 октября 1906; опубли.: ЛН. Т.92. Кн.3. С.252. Одновременно Ракитин просил Блока прислать текст лирических драм «Король на площади» и «Незнакомка», постановки которых намеревался осуществить в Тифлисе в сезон 1906/07 гг. Однако сведений о постановке драматических произведений Блока в Тифлисе в этот сезон не обнаружено.

⁴⁷ Р.А.Унгерну.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.1.

Получив приглашение Коммиссаржевской, режиссер мог участвовать в формировании труппы. К началу сезона в труппу были включены связанные с Мейерхольдом актеры: В.П.Веригина, Н.Н.Волохова, Е.М.Мунт, Э.Л.Шиловская, М.А.Бецкий, Б.К.Пронин и др.⁴⁹. Несмотря на то, что еще в конце февраля 1906 Мейерхольд рекомендовал Коммиссаржевской Ракитина («Советую взять и Ракитина <...>. Станиславский восторгался им»)⁵⁰, последний в их число не вошел.

Тем не менее летом он приезжает в Петербург. В плане воспоминаний Ракитина к лету 1906 относится запись о телеграмме К.А.Варламова и последовавшей за ней поездке в Павловск на дачу этого знаменитого артиста Александринского театра, где Ракитин прожил некоторое время и затем от Варламова уехал в Тифлис на зимний сезон⁵¹. В Тифлисе он вынашивал план постановки блоковских пьес⁵². За несколько месяцев до этого, 30 апреля 1906, Ракитин писал Блоку:

Многоуважаемый Александр Александрович.

Пишет Вам тот самый Юрий Ракитин, который встретился с Вами на одном из вечеров Вячеслава Иванова⁵³, выражал Вам свои восторги по поводу Ваших стихов и обменялся с Вами карточками. Забыли Вы меня или нет? Наверно, забыли – но это неважно. Дело в том, что мы хотели повидаться с Вами еще тогда, но я скоро после этого уехал в Тифлис играть вместе с Мейерхольдом и только теперь вернулся из турне. Пишу я Вам теперь, дорогой Александр Александрович, и прошу Вас назначить мне аудиенцию где-нибудь в кафе или у Вас или в ресторане. Простите за надоедание и смелость, но мне очень хочется о многом переговорить с Вами и рассказать Вам о чтении Ваших стихов у нас <в?> спектакле в Тифлисе⁵⁴. Будущую зиму буду играть

⁴⁹ См.: Творческое наследие В.Э.Мейерхольда. С.138.

⁵⁰ Мейерхольд В.Э. Переписка. С.64.

⁵¹ Сообщено А.Б.Арсеньевым.

⁵² См.: ЛН. Т.92. Кн.3. С.252. Воспоминания Ракитина о Блоке: *Ракитин Ю.Л.* Две тени. С.95-98. В последнем эссе Ракитин ошибочно относит визит к Блоку не к 1906, а к 1904. Рассказ Ракитина о посещении Блока см.: НА. С.155-157.

⁵³ Встреча могла состояться 18 января 1906, см.: ЛН. Т.92. Кн.3. С.236.

⁵⁴ Речь идет, очевидно, о спектакле 19 марта 1906. См.: *Веригина В.П.* По дорогам исканий // Встречи с Мейерхольдом: Сб. воспоминаний. М., 1967. С.36. В «Летописи литературы и искусств» журнала «Весы» сообщалось, что чтение стихов состоялось после постановки «Смерти Тентажиля» (шел дважды – 19 и 23 марта): «В дивертисменте исполнены были стихи Валерия Брюсова <...>, К.Д.Бальмонта <...> и Александра Блока из книги “Стихи о Прекрасной даме”

опять на Кавказе, так что в Питере я теперь случайный гость. Ради Бога, извините меня.

Адрес мой: Литейный, 9, кв. 39. Известите меня поскорее, так как моя мать скоро бросает квартиру <i>уезжает</i> отсюда, где же буду я, не знаю.⁵⁵

19 октября 1906 Ракинтин снова писал Блоку из Тифлиса:

Дорогой Александр Александрович, Ваш старый верный поклонник пишет Вам и обращается с огромной, огромной просьбой. Дело вот в чем (простите за нахальство). Пришлите, родной, хотя бы в рукописи, Вашу пьесу «Король на площади» и еще другую, которую Вы написали раньше, кажется, этим летом (названия не помню). Не откажите!! Вы доставите мне огромное счастье и наслаждение. Затем еще просьба: вышлите также Ваши сборники «Стихи о Прекрасной Даме» и «Нечаянную радость» с надписью мне (если последний вышел). Ради Бога, простите меня, но мне так тяжело здесь в Тифлисе одному без людей, без книг. – А вы – мой любимый поэт. Я же, со своей стороны, тоже доставлю Вам удовольствие (думаю, что это будет Вам приятно). В начале декабря у нас в тифлисском театре идет Ваш «Балаганчик» с музыкой Брюнелли (узнаете о ней у Всева Мейерхольда). Я Вам вышлю фотографии костюмов, сцен, гримов и опишу самым подробным образом всю постановку. Пьеса пойдет наверху. Я не успокоюсь, пока не увижу ее на сцене. Итак, вы помогите мне. Пришлите «Короля» и другую Вашу новую пьесу – мы их, если возможно, поставим в этот сезон. Не откажите и в книгах. Я тоже сделаю все, чтобы Вы были осведомлены о нашей постановке. И пьесы и книги умоляю прислать лично мне <...> Вечера у Вас не забуду никогда <...> Городецкому привет сердечный. Напишите, пойдет ли Ваша пьеса у Коммиссаржевской.⁵⁶

Летний сезон 1907 года Ракинтин проводит в Тирасполе Херсонской губернии, где дает спектакли товарищество московских арти-

“Все кричали у круглых столов...”, “По городу бегал черный человек...”, “Сбежал с горы и замер в чаше...”, “День был нежно-серый...”, “Балаганчик”)» (Весы. 1906. №5. С.94).

⁵⁵ РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.378. Л.1-2; опубл. с купюрами: ЛН. Т.92. Кн.3. С.252.

⁵⁶ Там же. Последняя фраза приписана сверху над текстом письма. В архиве Блока сохранилось еще одно, недатированное письмо Ракинтина к поэту, в котором он просит дать стихи в новогодний номер журнала «Рампа и жизнь». 23 марта 1914 Ракинтин встречался с Блоком у Мейерхольда на чтении пьесы «Любовь к трем апельсинам». См.: ЛН. Т.89: Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С.299-300.

стов⁵⁷. После тифлисской зимы 1906/07 гг. он предпринимает попытку изменить место службы. В плане его книги воспоминаний к этому времени относится следующая запись: «Телеграмма Мейерхольда о театре Коммиссаржевской. Поездка в Москву в Театральное бюро. Я ищу место. Мое возвращение в Худож<ественный> театр»⁵⁸.

В труппе МХТ Ракин с 1907 по 1911 сыграл 15 ролей, из которых выделились роли Курчаева («На всякого мудреца довольно простоты» Островского, 1910), Цалки («Miserere» С.Юшкевича, 1910), Калганова («Братья Карамазовы», 1910), а также роли в ранее поставленных спектаклях «Синяя птица» (Сахар) и «Три сестры» (офицер Родэ)⁵⁹. Станиславский, приблизивший к себе Ракина⁶⁰, оценил его ум и интеллигентность, его творческие способности. Еще в период Театра-Студии на Поварской Ракину «разрешалось и даже вменялось в обязанности присутствовать на всех репетициях»⁶¹, что было безусловным свидетельством признания актера Станиславским.

Так же случилось и во время подготовки спектакля Художественного театра по пьесе Тургенева «Месяц в деревне»⁶² – Станиславский почувствовал в Ракине, который был наблюдателем репетиционных работ, тонкость стилизатора⁶³. В тургеневском спектакле возвращение в прошлое было не только овеяно грустью ушедшей эпохи, но и напоминало о высоких чувствах, о благородном и изящном.

Успех во многом определен участком М.В.Добужинского, оформившего постановку. 9 декабря 1910 – в день премьеры «Месяца в деревне» – Ракин сообщал Мейерхольду:

Читал с большим успехом реферат о «Месяце в деревне», было приятно. <...> Пишу после премьеры «Месяца».

Декорации Добужинского⁶⁴ великолепны.

⁵⁷ См.: *Витоллис-Данский*. Тирасполь (Хер<сонской> губ<ернии>) // Театр и искусство. 1907. №34, 26 августа. С.562.

⁵⁸ Сообщено А.Б.Арсеньевым.

⁵⁹ Московский Художественный театр: Сто лет: В 2 т. М., 1998. Т.2: Имена и документы. М., 1998. С.146.

⁶⁰ *Станиславский К.С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1988–1999. Т.8. С.130, 131 (далее – Станиславский, с указанием тома и страницы).

⁶¹ Станиславский. Т.5. Кн.1. С.621.

⁶² Первый спектакль состоялся 9 декабря 1910. См.: *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. С.244.

⁶³ Московский Художественный театр: Сто лет. Т.2. С.146.

⁶⁴ О премьеры «Месяца в деревне» Добужинский вспоминал: «Произошло то, что еще не случалось в Художественном театре: аплодировали декорациям при поднятии занавеса. Среди всяких комплиментов, которые меня весьма стесняли,

Хорошо играют Коренева⁶⁵, Болеславский⁶⁶ (Беляев) и Константин Сергеевич – Ракитина. Много стиля. Принимают хорошо, хотя в газетах будут писать сдержанно.⁶⁷

За неделю до постановки в МХТ тургеневского «Месяца в деревне», 1 декабря 1909, на «вторнике» московского Литературно-художественного кружка Ракитин выступил с чтением реферата «Под стеклами оранжереи», посвященного пьесе Тургенева⁶⁸. Реферат имел большой успех и был оценен как «настоящее стихотворение в прозе»⁶⁹. Опубликованному в еженедельнике «Рампа и жизнь» фрагменту выступления Ракитина предшествовали два эпиграфа – цитата из стихотворения Бальмонта «Памяти И.С.Тургенева» и знаменитое высказывание Дягилева о смерти быта⁷⁰.

больше всего мне было радостно то, что говорил Станиславский и артисты, – что декорации им давали большой подъем и помогали их настроениям» (*Добужинский М.В.* Воспоминания. С.244). См. также: *Соловьева И.* «Месяц в деревне»: Художественный театр, 1909 // Театр. 1976. №7. С.101-110.

⁶⁵ Лидия Михайловна Коренева (1885–1982) – артистка МХТ, исполнительница роли Верочки, близкий друг Добужинского.

⁶⁶ Ричард Валентинович Болеславский (наст. фам. Стрженицкий; 1887–1937) – актер и режиссер МХТ, один из организаторов 1-й Студии МХТ.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.2. Резко отрицательную рецензию во время гастролей МХТ в Петербурге дала традиционно враждебно настроенная к МХТ газета «Новое время» (см.: *Беляев Ю.* Театральные заметки // Новое время. 1910. №12253, 24 апреля), в ней были негативно охарактеризованы все достижения постановки: декорации, костюмы, режиссерская работа, актерское исполнение.

⁶⁸ Частично опубл.: *Ракитин Ю.Л.* Под стеклами оранжереи // Рампа и жизнь. 1909. №37, 13 декабря. С.829-830.

⁶⁹ Там же. 1910. №36, 6 декабря. С.817.

⁷⁰ С.Дягилев в своей речи «В час итогов», произнесенной на обеде, устроенном в его честь деятелями культуры Москвы 24 марта 1905, говорил: «...я закончил свои долгие объезды вдоль и поперек необъятной России. И именно после этих жадных странствий я особенно убедился в том, что наступила пора итогов. Это я наблюдал не только в блестящих образах предков, так явно далеких от нас, но главным образом в доживающих свой век потомках. Конец быта здесь налицо. Глухие заколоченные майораты, страшные своим умершим великолепием дворцы, странно обитаемые сегодняшними милыми, средними, не выносящими тяжести прежних парадов людьми. Здесь доживают не люди, а доживает быт. И вот, когда я совершенно убедился, что мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости. Это говорит история, то же подтверждает эстетика» (цит. по: Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилове: В 2 т. М., 1982. Т.1. С.193).

Ракитин писал:

Открылось окно в темный, запущенный сад, и в комнату ворвалась струя свежего воздуха. Красивую стильную дворянскую комнату с овальными портретами предков, литографиями в синих бумажных рамках, раскрытым на столе Грандиссоном⁷¹, с пальцами у окна, маленьким клавикордом и голубыми пастушками у зеркала. В атмосферу чуть-чуть затхлого, но изысканного аристократизма, утонченных чувств и словно застывших неясных желаний, ворвался ветер – плебей. Произвел переполох, смутил, взволновал красивое тепличное царство и понесся дальше, оставив по себе смуту неожиданности и смятение чувств.

Словно молодость жизни, настоящая прекрасная молодость, брызжущая весельем и здоровьем, ворвалась, нашумела, смутилась от неожиданной обстановки и ушла...⁷²

Дворянская усадьба Тургенева, по словам Ракитина, – это «культурный оазис» «среди беспредельных пустынь российской дикости». И продолжает мысль:

...Когда душу не смущают повседневные заботы; когда нет стесняющих простор личности тисков; когда нет долга, общественных обязанностей и материальной зависимости – растет душа, разворачиваются на полном просторе самые интимные ее потребности. В мире внутренних переживаний тонет и исчезает мир внешних событий. Создавшаяся таким образом для роста личности обстановка не может не быть признана тепличной.⁷³

Барскую усадьбу из произведения Тургенева Ракитин связывает с усадебной жизнью начала XX века – с «Вишневым садом» Чехова. Текст написан в мае 1909 и передает атмосферу первых бесед Станиславского с труппой. В день премьеры тургеневского спектакля Ракитин подарил рукопись своего реферата Станиславскому с дарственной надписью: «Милому, дорогому Константину Сергеевичу с чувством беспредельной любви и изумления. Настоящему Ракитину – ненастоящий Ракитин»⁷⁴.

Однако работа Ракитина в театре не всегда удовлетворяла Станиславского, что отражалось на занятости актера в новых постановках. Весной 1910 состоялась премьера спектакля по пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты», в которой театр должен

⁷¹ Имеется в виду роман С.Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» (1754).

⁷² Ракитин Ю.Л. Под стеклами оранжереи.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Соловьева И. «Месяц в деревне»... С.103.

был продемонстрировать новаторский подход к классической пьесе⁷⁵. В.Азов (В.А.Ашкенази) в рецензии на спектакль писал о том, что Художественный театр вместо того, чтобы «передать атмосферу Островского», превратил постановку в «галерею отдельных ярких фигур» (Качалов, Станиславский, Бутова, Леонидов, Москвин), далеких от замысла драматурга. Тем не менее среди тех исполнителей, кто остался верен духу Островского, рецензент назвал Ракитина⁷⁶. Молодому актеру была поручена небольшая роль гусара Курчаева. Критика оценила работу Ракитина весьма снисходительно. Я.Львов писал: «За г. Ракитина молодость, несомненное дарование, против него его неопытность и робость. Но у его Курчаева настоящее ребячество, настоящий порыв»⁷⁷.

По характеристике Сергея Яблоновского (С.В.Потресова), в спектакле Художественного театра, «несмотря на прекрасное воспроизведение эпохи в костюмах, обстановке и проч.», ничего не осталось от Островского: «А если и был, то Островский-модерн, с немалой примесью Чехова». Тем не менее, Яблоновский признавал: «И все-таки это очень хороший спектакль; многое интересно, свежо, умно». О Ракитине–Курчаеве рецензент писал: «По-видимому, г. Ракитин еще слишком неопытный, несделанный актер, да и сущность его дарования, поскольку она чувствуется, заключается в дэндизме, от которого Курчаев очень далек»⁷⁸.

По поводу этой рецензии Станиславский отмечал: «Бутову и Самарову, которые очень хороши, – хвалят очень (значит, понимают). Ракитина и Врасскую ругают (значит, понимают)»⁷⁹.

Действительно, в рецензии наряду с Ракитиным критиковалась Врасская: «Как-то мало интересна и Машенька – г-жа Врасская; нет юности». Бутова же и Самарова, наоборот, заслужили похвалу критика:

⁷⁵ Премьера состоялась 11 марта 1910. Произведение было оценено как «прекрасная современная пьеса» (Голос Москвы. 1910. №58, 12 марта. С.4). В работе над пьесой Островского помог опыт постановок чеховских пьес. «...Краски Островского зажглись внутренним тихим светом, <...> у него сознательно отброшены элементы так называемого быта. <...> У художественников Островский очеловеченный и углубленный. И от этого он неожиданно широк, лиричен и задумчив» (Львов Як. «На всякого мудреца» в Художественном театре // Новости сезона. 1910. №1943, 13–14 марта. С.5–6).

⁷⁶ См.: Азов В. Вечер Островского // Речь. 1910. №108, 23 апреля. С.5.

⁷⁷ Львов Як. «На всякого мудреца» в Художественном театре.

⁷⁸ Яблоновский С. Художественный театр. «На всякого мудреца довольно простоты» // Русское слово. 1910. №58, 12 марта. С.5.

⁷⁹ Станиславский. Т.5. Кн.1. С.517.

Манефа – г-жа Бутова. До сих пор, сколько мне приходилось видеть, Манефу изображали чем-то вроде московской свахи, а тут полный необыкновенной яркости и оригинальности, кажется, не появлявшийся еще на сцене образ; это юродивая. Здесь и кликушество, и, вероятно, эпилепсия, и самое доподлинное шарлатанство, – все смешалось, перепуталось и создало эту отвратительную бабу, с не то безумными, не то пьяными глазами, с сумасшедшими выкриками, конвульсивными движениями. Вы содрогаетесь, когда Турусина целует руку этого отвратительного существа, но вы понимаете, что этот монстр может наводить на Турусиных священный трепет, понимаете, почему она не говорит, а вещает, почему не слушают ее, а внимают ей. Здесь гипноз. <...> Без всяких «но» принадлежат все наши похвалы г-же Самаровой за роль матери Глумова. Ярко, сочно, правдиво, полно комизма и искренно претворено.⁸⁰

О спектаклях Художественного театра Ракитин постоянно писал Мейерхольду, избрав его своим конфидентом; в письмах изливал неудовлетворенность службой в московском театре, рассказывал о внутритеатральных событиях. Так Ракитин постепенно превратился в некоего «агента» Мейерхольда в театре Станиславского. О готовящейся постановке «Братьев Карамазовых» он писал осенью 1910: «Мы Смердим и Карамазим. “Скучно”. Когда откроемся, неизвестно»⁸¹. 26 октября 1910 Ракитин сообщал Мейерхольду: «Карамазовы прошли у нас с большим шумом, что есть большой показатель успеха»⁸².

Премьера «Братьев Карамазовых» была показана в течение двух вечеров – 12 и 13 октября 1910. Спектакль стал одной из наиболее значительных постановок МХТ. Крупнейшие критики называли его «событием в духовной жизни русского общества»⁸³. Ракитин исполнял роль Калганова. Роль была незначительной, на сцене Калганов появлялся лишь в одной сцене – «В Мокром», тем не менее был замечен критиками, его называли «настоящим милым, славным русским мальчиком», отмечали, что он «хорош» в эпизодической роли⁸⁴. Тем не менее, как известно по записям Станиславского, режис-

⁸⁰ Яблоновский С. Художественный театр...

⁸¹ См. недатированное письмо Ракитина в Петербург. – РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.4-5об.

⁸² Там же. Л.6об.

⁸³ История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977–1987. Т.7. С.160. Автор инсценировки – Вл. И. Немирович-Данченко, режиссеры – Вл. И. Немирович-Данченко и В.В.Лужский.

⁸⁴ См.: Новости сезона. 1910. №2049, 14 октября. С.6,7; Рампа и жизнь. 1910. №42, 17 октября. С.687.

сер находил, что в «Братьях Карамазовых» Ракинтин отмечен критикой незаслуженно, просто потому, что принято отмечать молодых⁸⁵. В письмах Ракинтин упоминал и постановку пьесы С.Юшкевича «Miserere»⁸⁶ (режиссеры Вл. И. Немирович-Данченко и В.В.Лужский), премьера которой состоялась 17 декабря 1910. Актер исполнил роль Цалки, которая прошла незаметно, был отмечен лишь его «отличный» грим⁸⁷.

Тем не менее руководитель Художественного театра считал возможным посвятить Ракинтина (одного из немногих) в идеи своей «системы», над которой работал с 1908. 10 января 1911 Станиславский поручил О.В.Гзовской начать знакомить с этой системой избранный круг артистов театра, среди которых названо имя Ракинтина⁸⁸.

Однако позднее в своих записях, называя фамилии тех «художественников», которые создали его театр, Станиславский записывает: «А остальные, которые не занимались, – не застыли ли они?» и далее перечисляет имена актеров, среди которых упомянут и Ракинтин⁸⁹. Станиславский считал своей ошибкой то, что он допустил переход Ракинтина в 1911 на службу из Художественного театра в Александринский к Мейерхольду⁹⁰. Как сообщает современная исследовательница театра, автор интересных работ о Ракинине, Наталья Вагапова, в дневниках эмигрантской поры Ракинтин писал, что его дружба с Мейерхольдом послужила «причиной охлаждения» к нему Станиславского⁹¹.

Ракинтин испытывал безусловное тяготение к Мейерхольду и предлагал ему свою помощь. Он собирается прислать материалы к постановке «Царя Федора Иоанновича» А.К.Толстого, достает Мейерхольду нужные журналы. Когда в Петербурге Мейерхольд готовился к открытию «Дома интермедий», Ракинтин снабдил его всем необходимым арсеналом бланков и ордеров из канцелярии Художественного театра⁹². Именно благодаря его усилиям оказались воз-

⁸⁵ Станиславский. Т.5. Кн.1. С.526.

⁸⁶ См.: РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.6-7.

⁸⁷ <Б/п.> Miserere // Театр (Москва). 1910. №770, 18 декабря. С.7.

⁸⁸ Станиславский. Т.7. С.497.

⁸⁹ Там же. Т.5. Кн.1. С.546.

⁹⁰ Там же. С.520.

⁹¹ Вагапова Н.М. Юрий Ракинтин – трагический весельчак // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. М., 1996. С.267.

⁹² Осенью 1910 Ракинтин писал Мейерхольду: «Всегда дорогой сердцу моему милый Всеволод. Рад был чем-нибудь быть тебе полезным. Посылаю все, что достал в Художеств<енном> театре – из бланков <так!>, кроме кассовых рапор-

можны в Москве в октябре 1911 гастроли уже прекратившего свое существование «Дома интермедий».

Отсутствие значительных ролей в Художественном театре, неудовлетворенность своим положением, равнодушие к рождавшейся в это время системе Станиславского – все это сблизило Ракитина с актером Художественного театра Н.Ф.Балиевым⁹³, который также тяготился своей работой в театре Станиславского и мечтал «о новом, живом, веселом театре в противовес “мертвечине”» МХТ⁹⁴. Ракитин участвовал в организуемых Балиевым капустниках Художественного театра⁹⁵, из которых позднее выросла знаменитая «Летучая мышь».

8 февраля 1910 по просьбе Ракитина К.А.Сомов обратился к М.А.Кузмину с предложением «написать очень маленькую комедию или сцену в духе 18 века» для капустника Художественного театра⁹⁶. Так началось знакомство Ракитина с Кузминым, перешедшее вскоре в довольно тесную дружбу.

В «Летучей мыши» Ракитин с первых дней становится своим человеком. Руководителем и бессменным конферансье «Летучей мыши» был Н.Балиев. Его помощником был Н.Л.Тарасов⁹⁷, пайщик и

тичек – ордером (они переплетены в отдельную книгу и перенумерованы <так!>). Театральный дневник ведется в обыкновенном журнале. <...> Я передал Томашевскому: Все, что нужно в Москве «Интермедии», пусть обращаются ко мне. – Рад быть полезным. А тебе лично особенно готов помочь, чем могу. <...> Я передал Мих<айлу> Мих<айловичу> Томашевскому> правила нашего театра и все, что достал. <...> Рад, если чем услужил! Не забывай, что всегда готов открыть тебе сердце» (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.4-5об.).

⁹³ Никита Федорович Балиев (наст. имя Мрктыч Бальян; 1877–1936) – актер и режиссер. С 1906 по 1911 – в Московском Художественном театре. См. о нем, например: *Брутян Л.* Радость творчества. Ереван, 1979. С.76-86; *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. См. воспоминания Ракитина о Балиеве: *Ракитин Ю.* Весельчак №1 // Московский наблюдатель. 1992. №9. С.47-51.

⁹⁴ Там же. С.49.

⁹⁵ Капустники МХТ устраивались во время Великого поста в 1902, 1903, 1908 – для узкого круга лиц. 9 февраля 1910 состоялся первый платный капустник для широкой публики.

⁹⁶ К.А.Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С.107. Ср.: «забавен Ракитин в роли рыжего» (Новости сезона. 1910. №1940, 10 марта. С.6-7).

⁹⁷ Николай Лазаревич Тарасов (наст. фам. Торосян; 1880?–1910) – поэт, актер, переводчик, автор пародий и нескольких комедий, двоюродный брат Балиева. Сын армянского купца первой гильдии из Екатеринодара, был членом крупного мануфактурного дома Тарасовых, известного на Северном Кавказе, обладал солидным капиталом. «Когда дела Художественного театра после

один из членов дирекции Художественного театра, блестящий денди, талантливый человек, во многом определявший художественный вкус «Летучей мыши»⁹⁸. В воспоминаниях о Балиеве Ракитин писал:

Помещалась первоначально «Летучая мышь» в подвале дома Перцова со двора. В верхних этажах были расположены прекрасные студии для художников <...> Две таких студии <...> занимал неистовый искатель красоты и новых форм Борис Пронин, один из учеников МХТ <...> Этот самый Борис Пронин и рекомендовал Балиеву подвал в доме Перцова.⁹⁹

В ноябре 1910 вся Москва было потрясена самоубийством Н.Л.Тарасова¹⁰⁰. В первых числах ноября Ракитин писал Мейерхольду:

...всех нас, а также и меня постигло огромное несчастье: застрелился наш товарищ, а мой большой друг, дивный человек Н.Л.Тарасов. – Я потерял голову, все время не отходил от усопшего, был с Балиевым, с которым он жил, и с сестрами Н<иколая> Лаз<аревича>. <...> Что будет теперь с «Летучей мышью» – не знаю. Мы все страшно подавлены и угнетены. Теперь не до веселья. Лично я в каком-то угаре – сижу обалделый. Это был один из самых близких людей для меня в Москве.¹⁰¹

Несколькими днями позже Ракитин снова упоминал Тарасова в письме Мейерхольду: «С этой ужасной смертью Тарасова я потерял голову. <...> Если бы ты знал, как много потерял я в этом человеке. Все свободное время я проводил там. Это была прекрасная личность»¹⁰².

1905 г. пошатнулись и Вл. И. Немирович-Данченко искал денег, в Берлине А.Л.Вишневский ему указал на Тарасова. Последний действительно дал театру 30 тысяч и сделался его пайщиком. С тех пор он принимал в делах театра самое ближайшее участие, жил жизнью Художественного театра. Он был одним из учредителей и вдохновителей кабаре «Летучая мышь», которому он и при открытии и все время его существования давал крупные денежные субсидии; «Это был человек удивительно остроумный, утонченный, настоящий денди, душа кружка артистов, художников, который группировался вокруг него» (Н. Н.Л.Тарасов // Рампа и жизнь. 1910. №45, 7 ноября. С.732). Ракитин посвятил Тарасову значительную часть мемуарной заметки о Н.Ф.Балиеве (*Ракитин Ю. Никита Федорович Балиев: Памяти друга // Иллюстрированная Россия* (Париж). 1937. №45-47; перепеч. в сокращенном виде: *Московский наблюдатель*. 1992. №9. С.46-51).

⁹⁸ Брутян Л. Радость творчества. С.81.

⁹⁹ Ракитин Ю. Весельчак №1. С.50.

¹⁰⁰ Об этом см. в воспоминаниях А.Коонен: *Коонен А. Страницы жизни*. М., 1975. С.80-81.

¹⁰¹ ИРЛИ. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.1004/28. Л.2.

¹⁰² Там же. Л.1-1об.

В это время круг литературных знакомств Ракитина весьма обширен. В.А.Подгорный¹⁰³ в одном из писем 1908 года упоминал: «Ракитин – душа московского общества, принят везде и всюду, имеет успех»¹⁰⁴.

Молодой актер сотрудничает в журнале «Рампа и жизнь». Редактор-издатель журнала Л.Г.Мунштейн (Lolo)¹⁰⁵ – талантливый пародист, ценимый Брюсовым, автор злободневных произведений, использовавших, в частности, сюжеты русской классической литературы. В 1896 он опубликовал свой «роман-фельетон в стихах» «Онегин наших дней». Впоследствии этот жанр широко эксплуатировался Ракитиным. В журнале Ракитин публикует заметки о театральной жизни, реферат о тургеневском «Месяце в деревне» и стихи. При этом иногда он использует псевдоним «Кавалер де Грие»¹⁰⁶, его французский аналог или просто криптоним «G». В «Рампе и жизни» Ракитин опубликовал стихотворение, посвященное Борису Мосолову¹⁰⁷, филологу-романисту, благодаря которому, возможно, Ракитин и познакомился с творчеством французского писателя Поля Скаррона¹⁰⁸:

НАД КНИГОЙ СКАРРОНА

(Б.С.Мосолову)

Люблю, освободив мою мечту из плена,
В осенний грустный час погрезить о былом

¹⁰³ Владимир Афанасьевич Подгорный (1887–1944) – драматический актер; был связан с Ракитиным по Театру-Студии Художественного театра и «Товариществу новой драмы».

¹⁰⁴ Цит. по: Ваганова Н.М. Юрий Ракитин – трагический весельчак. С.268.

¹⁰⁵ См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.4. М., 1999. С.150-152.

¹⁰⁶ Вероятно, Ракитин видел свое сходство с героем романа аббата Прево в том, что он, оставив в Тифлисе семью и обеспеченное существование, подобно кавалеру де Грие, «обладая всеми качествами, сулящими ему самую блестящую будущность, <...> предпочитает жизнь темную и скитальческую всем преимуществам богатства и высокого положения» (Прево А.-Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. М., 1978. С.6. (Лит. памятники)).

¹⁰⁷ Борис Сергеевич Мосолов (1886–1941) – филолог, критик, позднее – режиссер. Окончил в 1911 романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Близкий друг Вяч. Иванова и М.А.Кузмина. Помогал Мейерхольду в подготовительной работе над «Маскарадом» (см.: Мейерхольд В.Э. Переписка. С.137).

¹⁰⁸ Поль Скаррон (1610–1660) – французский поэт, романист и драматург, создатель жанра бурлеска и поэм-трагедии, пародировавших античные сюжеты и испанские «комедии плаща и шпаги». В 1652 Скаррон женился на Франсуазе д'Обиньи, впоследствии маркизе де Ментенон, фаворитке Людовика XIV.

И, уронивши том Скаррона на колена,
Следить, как тонет мир в тумане голубом.

И надо мной цветет испанская новелла,
И страсть кипучую сменяет скрежет шпага,
Ведь у поэта нет фантазии предела,
И где царит любовь, везде повержен враг!

И весь уйдя во власть пленительной интриги,
Откинувши ничтожность нашей суеты,
И весь под обаяньем старой милой книги,
И кажется, что тот герой влюбленный – ты!

Что ты поверг врага и что «она» с тобою,
Что в замке вас сейчас благословит прелат,
Что будешь ты храним заботливой судьбою,
И жизнь сулит тебе веселый маскарад.

.....

О, как мне тяжело проститься с сладким бредом,
В который заманил, завлек меня Скаррон,
И я читаю вновь, укрывшись мягким пледом,
Обряд веселого поэта похорон.

Страницы эти мне и дороги и милы,
Дождю и грусти я себя настроил в тон...
Как трогают слова, что у «его» могилы
Начертаны женой – мадам де Мантенон.

О, я прошу, друзья мои, пусть надпись эта
И мой венчает гроб. Скопируйте точь в точь:
«Прохожий, не шуми, не разбуди поэта:
Он первый раз заснул спокойно – в эту ночь».¹⁰⁹

В стихотворении, как и в других произведениях Ракитина, заметно подражание стилистике и тематике произведений М.Кузмина.

В это время Ракитин выступает на многочисленных вечерах, участвует в деятельности Московского Литературно-художественного кружка¹¹⁰, в котором с осени 1910 исполняет обязанности секретаря

¹⁰⁹ Рампа и жизнь. 1911. №36, 4 сентября. С.13. Подпись: «Юрий Ракитин».

¹¹⁰ Московский Литературно-художественный кружок был организован в 1898 с целью сближения писателей, художников и других представителей искусств посредством устройства вечеров, выставок, публичных лекций и собраний (см.: Устав Московского Литературно-художественного кружка. М., 1898). По характеристике В.Ходасевича, «в Кружке происходили постоянные бои молодой литературы со старой». Эти литературные скандалы в значительной сте-

комиссии по организации исполнительских собраний¹¹¹, что в большой степени способствовало сближению Ракитина со многими литераторами. В Литературно-художественном кружке 1 декабря 1909 Ракитин читал свой реферат «Под стеклами оранжереи» – о пьесе Тургенева «Месяц в деревне». 14 января 1910 на вечере литераторов, в котором принимали участие М.Волошин, Б.Зайцев, Н.Петровская, А.Ремизов, А.Толстой и другие, Ракитин прочел стихи М.Кузмина¹¹².

28 января 1911 в Кружке прошел вечер, посвященный старинному водевиллю, его организатором и режиссером был Ракитин¹¹³. Этому вечеру он придавал большое значение. Еще 26 октября 1910 в письме к Б.А.Садовскому, с которым он был знаком по «Летучей мыши», Ракитин просил написать для московского кабаре «маленькую пьеску, буффонаду или арлекинаду, одним словом, что хотите, минут на 10»¹¹⁴. В недатированной записке актер уточнял: «Мне пришло в голову – нельзя ли начать Ваш пролог от лица Репетилова. Он выходит на публику со словами “Тьфу, оплошал”. И вся речь идет от лица Репетилова. Восхваление водевиля»¹¹⁵.

7 января, получив текст монолога, Ракитин писал Садовскому:

Огромное, страшное спасибо за прелестные, удивительные стихи. – Это было для меня радостью настоящей. Читал их кое-кому, и все в восторге. Пролог будет много выше самого вечера. Спасибо, спасибо, спасибо. <...> Кроме того, что Вы вскрываете ту полную очарования эпоху, которая отзывается в нашем сердце

пени привлекали в кружок публику (см.: *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. М., 1991. С.375). Активное участие в деятельности кружка принимал В.Я.Брюсов, с 1910 ставший его председателем. На сцене читали доклады К.Бальмонт, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Д.Мережковский и др.

¹¹¹ См.: Московский Литературно-художественный кружок. Отчет за 1910–1911 гг. М., 1911.

¹¹² *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С.263.

¹¹³ Вероятно, обращение Ракитина к водевиллю не было случайным; идея могла быть подсказана актеру Мейерхольдом, который придавал большое значение этому жанру, связанному с «балаганным течением» в театре, благодаря свойственным водевиллю «различным трюкам, имеющим специфически театральное значение» (см.: *Мейерхольд В.Э.* Лекции. 1918–1919 / Сост. О.М.Фельдман. М., 2000. С.43).

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.1.

¹¹⁵ Там же. Л.2. «Тьфу, оплошал» – первые слова роли Репетилова в комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие четвертое, явление 4). В опубликованном тексте монолога Садовского «Репетилов» эти слова отсутствуют. См.: *Садовской Б.А.* Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб., 2001. С.288–289. (Новая Библиотека поэта).

прекрасной далекой сказкой, кроме того, что Вы с какой-то «антикварной» любовью роетесь в малейших деталях быта – кроме всего этого, Вы вдыхаете во все Ваше творчество ту одухотворенность, что все начинает жить и приводит в восторг умиления прошлым даже самых завзятых «интеллигентов»... Я томлюсь в театре, где вообще неспокойно, а теперь в особенности. Много работы, перемена режима с «правления» снова на дирекцию¹¹⁶, олигархия снова превращается в монархию. Может быть, это к лучшему. И так «Скучно». Праздники: Рождество и Новый год – это время, полное самых милых радостных воспоминаний, теперь проходит серо в утренниках и вечерних спектаклях – мажешь «физиономию» дважды в сутки, что<-то> изображаешь, и так день за день. Мой вечер водевилей подвигается туго, что-то будет – не знаю.¹¹⁷

На вечере 28 января были разыграны водевили П.Каратыгина «Дон Ронудо де Калибрадос, или Что за честь, когда нечего есть», его же «Вицмундир» и старый французский водевиль «66»¹¹⁸. О выступлении Ракитина М.А.Волошин писал: «Перед поднятием занавеса Ю.Л.Ракитин, в гриме Репетилова, прочел пролог в стихах Бориса Садовского; стихи были хороши и давали дух старой Москвы 20-х–30-х годов; выход Репетилова был неожиданен и эффектен»¹¹⁹.

Удачное исполнение монолога, написанного Садовским, привело к дальнейшему сотрудничеству актера с поэтом, к которому Ракитин, высоко оценивший его способность к стилизации, еще несколько раз обращался с просьбой написать для него текст короткой сценки. При этом Ракитин детально описывал сюжетную канву, т. е. фактически задавал план, сценарий будущего выступления.

Вскоре после вечера водевилей, 14 февраля 1911, посылая Садовскому 25 рублей за монолог – часть выплаченной Ракитину за вечер суммы, актер напоминал ему: «Жду с нетерпением монолог Карамзинского юноши»¹²⁰. Однако в тот же день планы актера меняются,

¹¹⁶ Сообщение о собрании учредителей Московского Художественного театра, на котором Немирович-Данченко был избран директором-распорядителем, см.: Рампа и жизнь. 1911. №11, 13 марта. С.8.

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.3-Зоб.

¹¹⁸ См. сообщение о программе предполагавшегося вечера: Рампа и жизнь. 1910. №49, 5 декабря. С.803.

¹¹⁹ Волошин М. «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. С.239-240. Газета сообщала, что монолог Репетилова был прочитан Ракитиным «с большим вкусом» (Русские ведомости. 1911. №24, 30 января. С.5).

¹²⁰ РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.4.

и вслед за денежным переводом Ракинтин послал Садовскому письмо, в котором извещал:

Ваш пролог имел такой большой успех, что я решаюсь просить Вас сделать следующее. Вот в чем дело. На нашем капустнике¹²¹ мне очень хочется появиться в баре (американский бар). Он будет сделан у нас около сцены. Мне хочется появиться там в костюме поэта начала прошлого столетия (с длинными волосами, в <о> фраке, жабо и т. д.), появиться в разгар веселья, когда звучит музыка, льется вино и царят женщины. Поэт входит и озирается с недовольным видом. Находит, что это все вульгарно. Что это за мотивы, что за туалеты? Он обращается к оркестру с просьбой сыграть что-нибудь его времени, старинное, ну хотя бы менуэт. Затем описывает под музыку прелести прежнего бала, затем просит сыграть полонез (или что найдете нужным – полагаюсь на Ваш выбор). Оркестр играет, и он продолжает читать, повествуя о величии того времени. Здесь можно, конечно, перечислить имена и т. д. Затем он просит оркестр сыграть какую-нибудь польку, здесь тоже начинает рассказывать о барышнях в бандо, о кокетстве того времени. Затем идет вальс, и он грезит о своих увлечениях. Наконец все сменяется мазуркой, поэт вдохновляется, приходит в азарт. Вскакивает на стул с бокалом, пьет за старое веселье. За гусар, за звон шпор, за лихие усы и т. д. Наконец опять вальс, и он со слезами на глазах приходит в себя, говоря о том, что все это невосвратно. Мечтает. И вдруг оркестру кто-то из публики велит играть ой-ру. Это выводит поэта из грез, он в неистовстве. Это его шокирует. Это танец челяди. Это оглушает его. Он стоит растерянный и убегает, заткнув уши. Вот приблизительно схема того, что хотелось бы мне. В стихах хотелось бы передать характер каждого танца. Здесь можно вспомнить знаменитых танцовщиков и танцовщиц того времени – Истомину и т. д., Вы знаете это лучше меня. Размер мне хотелось бы Онегинский. Количество вроде прошлого монолога, не больше. Сделайте это, дорогой мой, ради Бога. Я Вас не осрамлю. Вы понимаете, что мне хочется. Буду это репетировать все с оркестром <...>. Стихи нужны скоро, в середине 1-ой недели поста <...>¹²²

Летом 1911 Ракинтин работал над либретто балета, который упоминается в его переписке с Мейерхольдом. 27 июня он писал:

¹²¹ В 1911 капустник состоялся 20 марта. Исполнял ли Ракинтин монолог Садовского, нам неизвестно.

¹²² РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.5-9.

Мне грустно, что ты обвиняешь меня в том, будто бы я под влиянием Коровина¹²³ переделал свой балет. Это не совсем так. Ты знаешь, как важно все выслушивать, все с благодарностью принимать, а делать в конце концов то, что подсказывает тебе твоя душа. Ты сам еще мудрее меня в этом отношении. Я это наблюдал неоднократно. И вот из своей беседы с Коровиным я выбрал все нужное мне и далеко не все принял его. Так же будет и с балетмейстером Горским¹²⁴. Коровин меня тянет очень к земле, к реальному началу, но я его уже значительно поколебал и думаю, когда я ему прочту свой текст, он со мной согласится. Или мы выработаем какой-нибудь *modus vivendi*. Если мой балет вообще будет принят – если верить Коровину, то, конечно, я во многом обращусь к тебе за благословением, так как ты самый большой для меня авторитет во всем, что касается сцены. Трудность балетного либретто заключается в красочном представлении, в композиции, которую художник-поэт должен чувствовать заранее. Здесь не место психологии, логичности фактов, коллизии и т. д. Здесь все должно быть просто и ярко, наивно <и> сильно, в смысле сцен и положений. Вот поэтому здесь нужно большое провиденье режиссера. Как то или другое в твоём замысле будет звучать по выполнению.

Теперь, когда у меня ясно в голове, что я хочу, мне не страшны ни коровинские цыгане, которых он непременно хочет, ни условность эпохи. Бог его знает, что получится из всего этого. 1<-й> акт послал композитору. Ответа нет. Ильинский¹²⁵ музыкант старой школы. Может быть, то, что ему нравилось в замысле, не понравится в выполнении.¹²⁶

О балете Ракин писал Мейерхольду и 21 августа 1911: «Балет свой снова немного переделал, вернув к старому, теперь займусь 3-им актом»¹²⁷. К сожалению, никаких дополнительных сведений об

¹²³ Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) – живописец, заведующий художественно-декоративной частью Императорских театров.

¹²⁴ Александр Алексеевич Горский (1871–1924) – с 1900 и до конца жизни балетмейстер Большого театра в Москве.

¹²⁵ Александр Александрович Ильинский (1859–1920) – композитор, автор балета «Нур и Анитра» (1907), поставленного в Большом театре, оперы «Бахчисарайский фонтан» (1911) и других музыкальных сочинений, в том числе музыки к трагедии «Царь Федор Иоаннович» А.К.Толстого, шедшей в Художественном театре. Преподавал в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества (1885–1905) и с 1905 – в Московской консерватории.

¹²⁶ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.9-11об.

¹²⁷ Там же. Л.12об.

этой постановке обнаружить не удалось. Замысел балета, возникший у Ракитина, не случаен: он снова увлечен пластическими идеями Мейерхольда. Именно в это время в «Доме интермедий» Мейерхольдом была поставлена пантомима «Шарф Коломбины», характерные черты балета, отточенность жеста и движения критики видели в мейерхольдовской постановке «Дон Жуана» Мольера¹²⁸.

Пытаясь решить проблему репертуара, Мейерхольд, ранее обращавшийся к модернистской драматургии, стремится найти новые пути, выработать новые для себя художественные приемы. Создав осенью 1910 «Дом интермедий» и осуществив постановку «Дон Жуана», Мейерхольд от литературных пьес обратился к традициям той, представлявшейся ему истинной, театральности, которые видел в народном театре – с его занимательностью, стремительными и парадоксальными поворотами сюжета, трюками, шутками и фантастикой. Вероятно, именно в эти свои планы и идеи режиссер посвящает Ракитина во время встречи с ним поздней весной 1911¹²⁹. В судьбе Ракитина эта встреча стала переломной – появилась надежда сотрудничать с режиссером, которого он так высоко ценил.

17 мая 1911 Ракитин писал Мейерхольду:

Позволь тебя поблагодарить о<t> всей души за ласку и внимание, которые ты дарил мне в Петербурге, позволь тебя еще раз мысленно поцеловать и поблагодарить. Ты своим спектаклем, «Шарфом Коломбины»¹³⁰, затем своими мыслями, беседами раздул снова потухающие уголья в моем сердце. Опять мне хочется достигать, опять у меня мутится сладко голова от каких-то неясных возможностей. В тебе, кроме большого обаяния, бродят дерзновения, они пьянят и притягивают к тебе моряков, скитающихся в молочных сырых туманах жалкого современного творчества. Думаю, что они не обманут. <...> Пиши мне, дорогой, если будет свободная минута, буду рад с тобой поболтать и погрезить. Не знаю, я к тебе чувствую большую нежность и доверие. Верь и ты

¹²⁸ См.: Волков Н. Мейерхольд. Т.2. С.144.

¹²⁹ Согласно паспортной книжке, Ракитин прибыл в Петербург после окончания сезона, 15 апреля 1911. – РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.433. Л.14. В начале мая 1911 труппа МХТ приехала в Петербург для участия в организованном Литературным фондом 3 мая выступлении «художественников», показавших петербургским зрителям отрывки из «Братьев Карамазовых», «Дяди Вани» и «На всякого мудреца довольно простоты» (см.: Рампа и жизнь. 1911. №19, 8 мая. С.8).

¹³⁰ 4 мая 1911 специально для труппы Художественного театра был устроен вечер «Дома интермедий». См. пригласительный билет на вечер: РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2762.

мне. Знай, никог<да> не выдам твоего сокровенн<ого>. Поговори при случае с Головиным¹³¹, если обо мне упоминать несколько раз в зиму, это подготовит мое письмо.¹³²

27 июня 1911 Ракитин вновь пишет Мейерхольду:

Я выехал из Петербурга с большим багажом, и он мною не растрочен и не потерян. Знай, дорогой друг, что нет у меня большого властителя моих дум, чем ты! Моя мечта работать с тобой и около тебя. Скажу смело, что я для тебя могу быть очень полезен, во-первых, как человек одной с тобой религии, как человек, научившийся тебя понимать, схватывать с полуслова, потому что много воспринял через тебя, а также как журналист, составивший себе хоть маленькое имя. Поэтому рано или поздно мы должны соединиться, нам будет легче бороться, а пока мы должны всячески поддерживать друг друга. Как же я могу забыть или не хотеть написать о самом большом, что захватило меня, так давно ничем не захваченному. <...> С отвращением думаю об Москве и о театре, прямо как в гимназию возвращаешься с каникул.¹³³

Обстановка в Художественном театре все более тяготила Ракитина. Об атмосфере, царящей там перед началом сезона, он писал Мейерхольду:

В Художественном театре бываю редко. Свистопляска газет вокруг «Живого трупа» продолжается.¹³⁴

Теперь говорят, что подлинный толстовский текст с пометами Л<ьва> Н<иколаевича> находится у Южина. Итак, все по-ста-

¹³¹ Александр Яковлевич Головин (1863–1930) – театральный художник. С 1898 участвовал в выставках группы «Мир искусства». С 1901 – в петербургских Императорских театрах. Оформил ряд спектаклей Мейерхольда: в Александринском театре – «У врат царства» К.Гамсуна (1908), «Дон-Жуан» Мольера (1910), «Маскарад» Лермонтова (1917), в Мариинском – «Орфей и Эвридика» Глюка (1911) и «Каменный гость» Даргомыжского (1917).

¹³² РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.8-8об.

¹³³ Там же. Л.9-11об.

¹³⁴ Имеются в виду события, связанные с постановкой пьесы Л.Толстого в Художественном театре. Текст неизданной пьесы «Живой труп» после смерти Толстого получил у его наследников Вл. И. Немирович-Данченко. Необходимо было осуществить постановку до выхода пьесы из печати. Из опасения, что во время подготовки спектакля текст Толстого может быть стенографирован и издан преждевременно, репетиции велись в строгой секретности. Мейерхольд пытался добиться согласия руководителей МХТ поставить пьесу Толстого в один день и в Москве, и в Петербурге, но МХТ, заплативший 1000 рублей за право первой постановки, отказал петербургскому режиссеру в этой просьбе. Премьера пьесы «Живой труп» в МХТ состоялась 23 сентября 1911.

рому. Лужский юродствует на репетиции, играет сам за всех¹³⁵. Закатывает истерики, поет и кривляется. Станиславский собирает вокруг себя актеров по вечерам и заставляет их «входить в круг»¹³⁶. Все сидят с собачьими глазами и лгут ему – теперь, кажется, там отличается наш А.П.Нелидов¹³⁷. Немирович везде понемногу. Были у нас цыгане¹³⁸. Пели во главе со стариком «Невечернюю». В антракте ели арбуз и дыню. Наши актеры плакали, но трудно поверить их слезам. Они плачут и от свежей икры, и при виде крупных раков, и от бутылки Сухого Уайт-Стар – это чисто по-московски, у них так все близко к сердцу приваливают <так!>. Вот они и сочатся. <...> Пока крепко обнимаю тебя, дорогой мой. Часто вспоминаю нашу прогулку по ночному Кремлю. Нашу беседу. Я так благодарен тебе за эту прекрасную ночь. Передай от меня привет дорогому Александру Яковлевичу¹³⁹. – Мосолову и Соловьеву¹⁴⁰ – кланяйся от меня. <...> Насчет «Интермедии» решится в начале сентября, я очень надеюсь.¹⁴¹

Противоречия между исканиями Мейерхольда и практикой Художественного театра к этому времени окончательно оформились, и Мейерхольд впервые открыто декларирует свой новый творческий метод, противопоставляя его идеям Станиславского и Немировича-Данченко. Причем делает это с помощью Ракитина, актера МХТ! Под впечатлением разговоров с Мейерхольдом Ракитин готовит статью в форме интервью, в котором мастер излагает свое кредо.

¹³⁵ В процессе подготовки спектакля были использованы приемы системы Станиславского, затягивавшие работу, что привело его к конфликту с Немировичем-Данченко, а затем и к частичному отходу Станиславского от репетиционных работ.

¹³⁶ «Круг» – один из терминов системы Станиславского.

¹³⁷ Анатолий Павлович Нелидов – драматический актер. С 15 июня 1911 был зачислен в МХТ, но пробыл в театре немногим более двух месяцев. Принимал участие в занятиях Станиславского «по системе». После ухода из Художественного театра Нелидов писал Станиславскому: «Вы оставили в моей душе много светлого, хорошего. Я все же нет-нет, да и подумаю о Вашей системе. И знаете – я сравнивать стал ее с евангелием. Она – эта система, была раньше и давно» (см.: *Радищева О.* Станиславский и Немирович-Данченко: История театральных отношений: В 3 кн. М., 1999. Кн.2. С.123).

¹³⁸ См.: <Б/н.> Цыгане в Художественном театре // Голос Москвы. 1911. №188, 17 августа. С.4.

¹³⁹ Имеется в виду А.Я.Головин.

¹⁴⁰ Владимир Николаевич Соловьев (1887–1941) – драматург, в дальнейшем режиссер, ближайший сотрудник Мейерхольда периода «Студии на Бородинской» (1913–1916).

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.12-12об.

17 мая 1911 Ракин сообщал:

Статья моя почти готова, жаль только, что она появится в печати, когда нет аудитории, все наши уехали – Москва пуста! Мне советует Туркин¹⁴², редактор «Голоса Москвы», пустить ее перед вашим приездом и вообще осенью – тогда бы она сыграла двойную роль, муслируя вас и погружая всех в историю персонажей comed'ии dell'arte.¹⁴³

Ракин придавал большое значение этой статье. 27 июня 1911 он снова пишет Мейерхольду:

Теперь относительно статьи моей о тебе. Совершенно заслуженный упрек. Для всякого автора важна аудитория, это прежде всего. <...> Поэтому статья об «Интермедии» и о В.Э.Мейерхольде, наконец, об Новом Александринском театре будет напечатана тогда, когда все вернутся бодрые к театру. Если «Дом интермедии» не будет существовать, я, как публицист, буду звать об его возрождении, доказывая огромное значение этого художественного предприятия. Если он будет существовать, то я буду приветствовать его возрождение. Наконец, перед приездом в Москву «Дома интермедий» придется много писать об нем. Все это мной предусмотрено!¹⁴⁴

21 августа, когда начались репетиции в театре, Ракин писал Мейерхольду:

Посылаю тебе напечатанную беседу с тобой. Она уже здесь вызывает легкое негодование и недоумение. Туго воображают. Цель достигнута.

В намеках трудно что-либо вскрыть, в особенности разным Лучиным, Красовым и т. д.¹⁴⁵

Упомянутая статья была напечатана в еженедельнике «Рампа и жизнь» за подписью «G.», под которой скрылся Ракин¹⁴⁶. Внешне

¹⁴² Н.В.Туркин – один из постоянных сотрудников еженедельника «Рампа и жизнь», сотрудник «Голоса Москвы».

¹⁴³ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.8-8об.

¹⁴⁴ Там же. Л.11-11об.

¹⁴⁵ Там же. Л.12. Николай Дмитриевич Красов (наст. фам. Некрасов; 1867–1940) – актер и антрепренер, управляющий Театральным бюро до 1910. Администратор, один из пайщиков и казначей театра В.Ф.Коммиссаржевской. Мейерхольд перед поступлением на службу в театр Коммиссаржевской передавал мнение опытного провинциального антрепренера: «...пока Красов у нее, мне там делать нечего, так как хозяйственные его меркантильные соображения всегда будут мешать проявлению настоящего искусства» (*Волков Н. Мейерхольд. Т.1. С.225*). Установить личность Лучина не удалось.

интервью выглядело почти безобидно, но в нем содержался довольно серьезный подтекст – это был выпад против практики Художественного театра.

Прежде всего, Мейерхольд отмечал в истории театра постоянно происходящую борьбу двух театральных элементов – «литературщины» и «театральности». Намеренно оставляя в тени и не расшифровывая понятие «литературщины» (его режиссер относил в первую очередь к Художественному театру, в репертуаре которого видное место занимала классическая драматургия), Мейерхольд сосредоточил свое внимание на «театральности», которую определяет как нечто «зрелищное», связанное с «масками, подмостками, декорациями, румянами и т. д.», – т. е. возвращающее театр к великим традициям прошлого. Режиссер сообщил, что «сценическая стилизация», многочисленные опыты которой он дал в прежних постановках, в дальнейшем трансформируется в новый прием, определяемый им как «гротеск». Мейерхольд полагал:

...основное в гротеске – это постоянное выведение зрителя из одного, только что угаданного им плана восприятия, в другой, которого он никак не ждал.

Затем: всякий жест, всякий шаг, всякий поворот головы, словом, всякое движение рассматривается как элемент танца, понимаемый так, как его понимали в старо-японском театре. Меня очень интересуют эксцентрики, их ритмическая смена в большой поспешности от одного движения к другому в самых непредвиденных скачках; получаешь то, чего не ждешь в данный миг...¹⁴⁷

Более поздние записи лекций Мейерхольда, относящиеся к 1918–1919, в которых режиссер развивал идею о вечной борьбе за право властвования литературного и театрального направления на сцене, развивают позиции этого интервью 1911 года, которому и Мейерхольд, и Ракитин придавали большое значение. В одной из лекций он говорил: «Литература властно стремится использовать сцену в своих целях. Здесь это тот театр <...>, который рассматривается как кафедра, удобная для проповедования интересных новых идей»¹⁴⁸. Представителем такого течения в России Мейерхольд называет Тургенева:

В пьесах, которые мы называем литературными, характерно то, что здесь всегда преобладают всякого рода тонкости психологии. Поступки людей оцениваются здесь больше по их внутрен-

¹⁴⁶ См.: *Г. Новые пути: Беседа с Вс. Э. Мейерхольдом // Рампа и жизнь. 1911. №34, 21 августа. С.2-3.*

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ *Мейерхольд В.Э. Лекции. 1918–1919. С.41.*

ним психологическим мотивам, чем по внешним признакам, доступным непосредственному наблюдению. Пьесы, которые вытекают из литературы, отличаются тем, что действие здесь сводится к простому диалогу. Вместо настоящих действий нам дается ряд разговоров, <из> которых мы должны заключить о действиях. В отношении же театра как такового мы должны заметить, что он требует прежде всего действия. И мы видим, что настоящий театр возник не в недрах литературы.¹⁴⁹ Настоящий театр возник в другом месте, он возник в балагане.

Высказанные в интервью новые идеи Мейерхольда не были восприняты в Художественном театре¹⁵⁰, однако эта публикация круто изменила жизнь Ракитина. В конце августа 1911 Ракитин был в Петербурге, встречался с А.Я.Головиным, и перед ним снова забрезжила надежда перейти на службу в Александринский театр к Мейерхольду. 28 августа он писал ему:

Вернулся в Москву совершенно отравленным Вами с Александром Яковлевичем. Мне хочется поблагодарить тебя за вчерашний удивительный – в моей жизни – день, когда передо мной снова загорелась потухнувшая надежда на мое возрождение. О, если бы сбылось! Если бы – я получил телеграмму от Вас. – Мучительно и жгуче рвусь из этих стен, где я сам «живой труп». Константин Сергеевич с Владимиром Ивановичем, говорят, страшно ссорятся, атмосфера сгущается!¹⁵¹ Помоги же мне выйти из этого круглого темного коридора. Ты так чувствуешь и знаешь все мною выстраданное. Если есть хоть какая-нибудь новость в моем деле, напиши поскорей. Знай, что великую радость и великую печаль приму лучше неизвестности. Не забывай, что хотя я и хочу не думать об<о> всем этом, но еще больше тем самым думаю. Подними же меня хоть немного на гору, ты, человек высот! Ведь я задыхаюсь в долине, среди тупой старообразной толпы. Жду каких-нибудь известий.¹⁵²

¹⁴⁹ Там же. С.41, 42.

¹⁵⁰ Выступление Мейерхольда и предложенный режиссером термин «гротеск» вызвали ироническую реакцию В.Бebutова, бывшего ученика Мейерхольда, недавно поступившего в Художественный театр (см.: *Бebutov В.* Еще о новых путях: Письмо в редакцию // *Рампа и жизнь.* 1911. №35, 28 августа. С.10). Определение понятию «гротеск» Мейерхольд дал в статье 1912 года «Балаган» (*Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч.1. С.224-225).

¹⁵¹ Осложнения отношений были вызваны сомнениями Немировича-Данченко в «практической надобности» системы Станиславского. См.: *Радищева О.А.* Станиславский и Немирович-Данченко... Кн.2. С.118.

¹⁵² РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.13.

12 сентября Ракинтин снова возвращается к этой теме:

Если бы ты знал, как счастлив я, что буду работать с тобой, жить твоими увлечениями. Как я благодарен тебе за твою поддержку меня. Тысячу раз спасибо. Сделаю все, чтобы поддержать доброе слово обо мне Александра Яковлевича и твое. <...> Расставаться с театром не жаль, а с Москвой, с кружком тяжело, но впереди «Маскарад», беседы с тобой в твоей милой комнате, и я улыбаюсь и радуюсь бесконечно.¹⁵³

Одновременно Ракинтин хлопочет о московских гастролях «Дома Интермедий»:

Теперь о делах «Интермедии». Дирекция кружка вместе с нашей комиссией на заседании решила пригласить Дом интермедии на один вечер – с платой 1500 рублей. Затем вам дается 5 вечеров, непосредственно следующих за вечером для членов кружка. Плата вам очень скинута, и вы, вместо 200 руб<лей> – обычная вечеровая плата, будете платить только 150 руб<лей> за вечер – но, конечно, вперед – т. е. перед началом вечера. Аванс в размере 300 рублей могу выслать вам по первому требованию. Я очень рад, что все, что обещал, так хорошо устроилось. Очень прошу тебя приехать, хотя на один первый спектакль. Если я буду уже в Петербурге, то тоже постараюсь вырваться с тобой, если же буду занят, все сделают и без меня. Ваши гастроли предположены в начале октября. Мне писал Пронин и Зноско¹⁵⁴, последнему я ответил вчера, а Борису передай, пожалуйста, чтобы уже приступал к организации. Ваш репертуар для кружковского вечера намечен из «Шарфа Коломбины» с прологом Кузмина, «Голландки Лизы» и пьесы Потемкина. В последующие же спектакли Вы можете менять программу. Извести меня насчет просцениума. Если бы приехал Зноско-Боровский, было бы очень хорошо.¹⁵⁵

Гастроли «Дома интермедий» в Москве состоялись 3–6 октября 1911. Их организация оказалась возможной благодаря Юрию Ракинтину, его неутомимой энергии и преданности Мейерхольду. Накануне начала спектаклей «Голос Москвы» сообщал:

Литературно-художественный кружок для своего исполнительного собрания пригласил из Петербурга «Дом Интермедий». После исполнительного собрания «Дом Интермедий» останется

¹⁵³ Там же. Л.15.

¹⁵⁴ Евгений Александрович Зноско-Боровский (1885–1954) – театральный критик и драматург; с 1909 по 1912 – секретарь редакции журнала «Аполлон». В «Доме Интермедий» шла комедия Зноско-Боровского «Обращенный принц».

¹⁵⁵ Там же.

на гастролы 4, 5 и 6 октября. Только благодаря инициативе Литературно-художественного кружка «Дому Интермедий» представляется возможность дать гастролы. Перевозка декораций, бутафории, костюмов и проезд артистов, около 30 человек, требует непомерно больших расходов, поэтому «Дом Интермедий» ограничивается постановкой пьес 1-го цикла. В этот цикл входит «Шарф Коломбины», пантомима, считавшаяся гвоздем театра в минувшем сезоне.¹⁵⁶

Перед отъездом Ракитина из Москвы в Художественном театре состоялись теплые проводы актера. По сообщению газеты «Русские ведомости», «артист прочитал свое длинное стихотворение, в котором прощается с Художественным театром, с «<Летучей> Мышью», с отдельными артистами, москвичами¹⁵⁷. В ответ прочитаны несколько стихотворений¹⁵⁸. Еженедельник «Рампа и жизнь» опубликовал длинное прощальное послание, с которым к Ракитину от имени «Рампы» обратился В.И.Качалов. Оно было написано Лоло (Л.Мунштейном), и в нем упоминались Мейерхольд, Кузмин, директор Литературно-художественного кружка знаменитый психиатр Н.Н.Баженев и др.:

Вы уезжаете, о, Юра,
Вы покидаете Москву.
Тяжка мне Ваша авантюра...

¹⁵⁶ Голос Москвы. 1911. №225, 1 октября. С.4. О состоявшемся 3 октября первом спектакле сообщалось: «Лучший номер – пантомима в трех действиях “Шарф Коломбины”, разработанная по Артуру Шницлеру. <...> Чрезвычайно сильно разыграна эта вещица, полная какого-то веселого кошмара. Пахнет гофманщиной эта трагедия под звон бубенцов полишинеля. Волнуют танцы Коломбины (г-жа А.Ф.Гейнц), и трудно выделить среди других исполнителей кого-либо – прекрасно выдержаны почти все роли, и впечатление жутко-кошмарное на бердслеевском фоне декораций г. Сапунова. “Исправленный чудак” М.Кузмина и “Блэк энд уайт” – значительно слабее» (Там же. №227, 4 октября. С.4). Однако, как отмечала пресса, спектакли прошли «со слабым художественным и материальным успехом», московская публика отнеслась к спектаклям «сурово и, в сущности, не совсем справедливо» (Рампа и жизнь. 1911. №41, 9 октября. С.7). Первая картина «Шарфа Коломбины» «кончилась под дружное шиканье» (Русские ведомости. 1911. №227, 4 октября. С.4).

¹⁵⁷ Фрагмент этого стихотворного прощания Ракитина с Москвой приведен в журнале:

...Я напишу при свете лампы
Свой поэтический каприз –
И вам пришлю в страницы «Рампы»,
Где был приют моих маркиз...

(Рампа и жизнь 1911. №41, 9 октября. С.13).

¹⁵⁸ Русские ведомости. 1911. №228, 5 октября. С.4.

Посыпал пеплом я главу.
Желаю вам успеха, славы,
За стих дерите по рублю,
Хоть «Рампе» ставите рога вы,
Но я вас все-таки люблю.

Стремясь к одной заветной цели,
Вы покорили все сердца.
Вы крайний правый, но... сумели
Найти в Баженове отца.
Вы отрицаете реформы,
Как паж, верны вы королю.
У нас различные платформы¹⁵⁹,
Но я вас все-таки люблю.

На берегу Невы холодной,
Чтоб душу нежную согреть,
В объятьях музыки благородной
Вы пребывать должны и впредь.
Хоть Мейерхольду¹⁶⁰ вы послушны,
К его примкнувши кораблю,
И к Кузмину ... равнодушны...
Но я вас все-таки люблю!

Хоть Луи Кенз¹⁶¹ прямой ваш предок,
А я не граф и не маркиз, –

¹⁵⁹ О своей политической позиции Мунштейн впоследствии иронически писал в стихотворной автобиографии:

И – я, как все, считал священной
Одну лишь книгу: «Капитал»,
И я на лире вдохновенно
О Революции бряцал.

(цит. по: Русские писатели. 1800–1917. Т.4. С.151).

¹⁶⁰ В 1909 в составленном из эпиграмм «Словаре сценических деятелей» Лоло писал о Мейерхольде:

Вздумал слишком спозаранку
Он пролезть на пьедестал.
Мельпомену наизнанку
Выворачивать он стал.
К счастью – он не кончил дела...
Храм искусств не пострадал:
Мельпомена уцелела, –
Он... не влез на пьедестал.

(Рампа и жизнь. 1909. №19, 9 августа. С.524).

¹⁶¹ Французский король Людовик XV, период правления которого связан с утвердившейся свободой нравов, пышностью и расточительностью двора.

Скажите «Рампе» так и эдак
И не смотрите сверху вниз.
Забыть о предках не пора ли?
О, я вас к предкам не пошлю.
Хоть кверху носик вы задрали,
Но я вас все-таки люблю.¹⁶²

На службу в Императорские театры Ракинтин был принят с 1 октября 1911 помощником режиссера и актером, назначенное содержание составляло 2100 рублей в год¹⁶³. Газета сообщала: «Артист Художественного театра г. Ракинтин приглашен в труппу петербургского Александринского театра, в режиссерское управление этого театра. Будет он выступать и в качестве актера. Первая постановка, в которой примет участие г. Ракинтин, – лермонтовский “Маскарад”»¹⁶⁴.

Однако из-за этого газетного сообщения Ракинтину пришлось оправдываться перед Мейерхольдом – в письме от 16 сентября:

Очень грустно и обидно, что в светлые дни надежды вкрались темные пятна. На заметку в «Русских ведомостях», с которыми я ничего не имею общего, я не обратил внимания, хотя читал; там было буквально сказано, что я перехожу в Александринский театр в распоряжение режиссерского управлен<ия> и приму участие в постановке «Маскарада». Клянусь, не больше! Писал это Эфрос¹⁶⁵, которому все рассказал Качалов, последний слышал это в театре от Немировича-Данченки. Так что я лично здесь ни при чем. По получении твоего письма я тотчас же говорил с Эфросом по телефону, а затем написал ему письмо, где прошу его опро-

¹⁶² Опубл.: Рампа и жизнь. 1911. №41, 9 октября. С.13. Позднее стилистику этого стихотворного прощания, прочитанного Качаловым, Ракинтин повторит в своем стихотворном послании Качалову:

Качалов! В грустный час досуга,
когда лишь прошлое в уме,
я вспомню ласкового друга
в домашней, легкой пижаме.

Ваш Дима, Нина Николавна...
как я обедать к вам ходил
всегда к пяти часам исправно.
Качалов, я ведь Вас любил!

(цит. по: *Шверубович В. О людях, о театре и о себе.* М., 1976. С.71).

¹⁶³ См. служебное дело Ракинтина. – РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.433. Л.17.

¹⁶⁴ Русские ведомости. 1911. №210, 13 сентября. С.4.

¹⁶⁵ Николай Ефимович Эфрос (1867–1923) – критик и историк театра, постоянный сотрудник «Русских ведомостей».

вергнуть сообщение о моем окончательном приеме, а также о том, что я привлечен к постановке (в заметке было «приму участие»). Я просил написать, что еще совершенно не знаю, какая работа ждет меня в Александринском театре. Это он напечатает немедленно¹⁶⁶. Я не виноват, что Немирович после разговора с Теляковским сказал публично в театре о моем уходе из театра. Мне все это очень противно. Знай одно: иду я за тобой как ученик и друг. И только стоя на страже твоих художественных интересов, я вижу для себя залог истинного искусства. Заметку пришлю немедленно.¹⁶⁷

Вероятно, для Мейерхольда, очень ревностно оберегавшего от чужих глаз и ушей вынашиваемые им планы постановки «Маскарада», претензии на участие в его работе показались бестактностью. Раkitин был допущен до работы над драмой Лермонтова лишь на начальном этапе¹⁶⁸. Первое время в Александринском театре Раkitину самостоятельных работ не давали. В конце ноября – начале декабря 1911 он писал Б.Садовскому:

Думаю часто о Вас в суете и грохоте страшного города. <...>
Читал дважды в концертах Ваш пролог. «Мальтийского рыцаря»¹⁶⁹ отдаю играть пока ученикам Театрального училища (Им-

¹⁶⁶ Упомянутая заметка-уточнение нами не обнаружена.

¹⁶⁷ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.16-16об.

¹⁶⁸ Осенью 1911 Раkitин писал Садовскому: «Работаю над “Маскарадом” Лермонтова» (Там же. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.13).

¹⁶⁹ Пьесе Садовского «Мальтийский рыцарь» Раkitин получил от автора в период перехода из Художественного театра в Александринский. В письме от 5 августа 1911 актер писал: «Счастлив, что есть пьеса, предвкушаю ее услышать, поставить и сыграть» (Там же. Л.10. Датируется по почтовому штемпелю). В недатированных письмах Садовскому Раkitин приглашает поэта на «обсуждение предполагаемого бала и вечера времен Павла I в залах кружка Полонского (Петровское училище)», который устраивался Раkitиным и Озаровским (обсуждение должно было состояться в пятницу 28 декабря 1912, см.: Там же. Л.16); упоминает начало репетиций «Мальтийского рыцаря» (Л.23-24). Пьеса была поставлена в петербургском Троицком театре в марте 1915, вскоре после пьесы Раkitина «Мемории Амура» (отзывы о пьесе см.: Речь. 1915. №68, 11 марта. С.5; Театр и искусство. 1915. №11, 15 марта. С.188). О ее постановке Садовской писал в своих «Записках»: «В марте один небольшой петербургский театр поставил мою пьесу из времен Павла. Старый барский слуга вышел на сцену в валенках; барышня походила на кокотку; ложечник, т. е. цимбалист, аккомпанировал себе, постукивая двумя деревянными ложками одна о другую (режиссер понял слово ложечник буквально). Ролей никто не знал, но пьеса прошла с успехом» (Садовской Б. Записки. 1881–1916 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Т.1. М., 1991. С.178).

ператорского) класса Озаровского¹⁷⁰. Очень жалею, что не имею водевиля «Камеристка»¹⁷¹, не откажите прислать. Затем прошу Вас, дорогой друг, поверить мне на слово. На будущий год, наверно, мне придется в Александринском театре ставить пьесу самостоятельно. Очень бы мне хотелось, чтобы пьеса эта принадлежала бы Вашему перу. <...> Это первое, теперь второе: так как я читал Ваш пролог здесь дважды, и он имел успех. Хорошо бы написать другой, но петербургский. Понимаете, в духе старого доброго Петербурга времен Пушкина, Лицея и блестящей плеяды поэтов. Написать его от лица какого-нибудь второго разрядного <так!> поэта, кутилы, малого – душа на распашку, лицейского приятеля Пушкина, хотя бы Вяземского¹⁷². Я, может быть, путаю, но Вы меня понимаете... Знайте, что я сделаю все, чтобы провести Вас на Императорскую сцену и никому иначе. Ваш монолог имел такой успех, что двое из наших актеров приходили ко мне с просьбой – переписать. <...> Зная Вас и твердо веря в Вас, буду делать все, чтобы вы заняли место в Алексан<дринском> театре – и, поверьте, если удержусь я – будете и Вы!!¹⁷³

Эти же темы звучали и в следующем письме Ракитина, написанном несколькими днями позже:

За это время я прочел еще раз Ваш монолог, ей Богу, все время читал с большим успехом. Вы бы теперь не узнали меня сравнительно с Москвой, когда слышали меня. Теперь, умоляю, напишите к 15 января другой. 20 <января> большой концерт у Карабчевских¹⁷⁴, где будут сливки Петербурга. Умоляю, напишите опять тем же грибоедовским размером и непременно от имени Репетилова. Только Репетиллов в Петербурге. Можно провести

¹⁷⁰ Юрий Эрастович Озаровский (1869–1924) – драматический актер и режиссер.

¹⁷¹ Опуubl.: Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. С.290-307.

¹⁷² П.А.Вяземский не был соучеником Пушкина по лицее. Образование он получил в Петербургском иезуитском пансионе и пансионе при Петербургском педагогическом институте.

¹⁷³ РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.11-13.

¹⁷⁴ Николай Платонович Карабчевский (1851–1925) – видный петербургский юрист, писатель и публицист. 20 января 1912 московская газета «Новости сезона» с издевкой писала, что Ракитина «по сообщениям петербургских газет, пригласил известный адвокат Карабчевский увеселять публику на банкете. Сразу человек в дело пошел. Но удобно ли режиссеру Императорских театров фигурировать в качестве увеселителя на банкетах?». На вечере у Карабчевского в январе 1912 Мейерхольд осуществил первую постановку пантомимы «Влюбленные» (см.: Волков Н. Мейерхольд. Т.2. С.220-221; Мейерхольд В.Э. Переписка. С.385).

ряд сравнений – с Москвою. Можно подчеркнуть, что Репетилов не пользуется в Петербурге таким успехом, что здесь чиновничество. Можно задеть Булгарина, вставить какой-нибудь случай с Пушкиным и с его кружком. Можно показать его страшным либералом. Наконец, упомянуть про Александринский театр, сравнить его с Малым. Упомянуть про Дюра, Щепкина и т. д. Одним словом, умоляю. Так же как умоляю приехать самому на этот вечер. Затем необходимо сговориться о пьесе, которая должна быть написана для Александринского театра. Здесь еще есть старые актеры, которых уже в Москве нет, разве Ольга Осиповна Садовская, Ермолову не считаю, она почти не играет. Кожебаткину¹⁷⁵ передам лично монолог Репетилова, будя в Москве <с> 23 по 24 декабря. Ради Бога, посвятите его мне, когда будете печатать.¹⁷⁶

Вероятно, благодаря именно этой просьбе Ракитина, в конце 1911 Садовским был написан недавно опубликованный монолог «Репетилов»¹⁷⁷, действие которого действительно происходит в Петербурге, актеры Александринского театра сравниваются с московскими, упоминаются Пушкин, Щепкин и Дюр. В дальнейшем в недатированных письмах к Садовскому Ракитин упоминает его пьесу, предназначенную для Александринского театра, которую Садовской должен закончить¹⁷⁸, сообщает, что некоторые из его товарищей заинтересовались пьесой Садовского и хотят поговорить о ее постановке¹⁷⁹. Тем не менее на сцене Александринского театра пьесы Садовского не были поставлены.

В это время Ракитин вошел в круг петербургских литераторов. Несколько произведений посвятил ему М.Кузмин¹⁸⁰, сблизившийся с осени 1911 с братом актера – Сергеем Львовичем Иониным, моло-

¹⁷⁵ Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884–1942) – секретарь редакции издательства «Мусажет», владелец издательства «Альциона».

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.19.

¹⁷⁷ См.: Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и моноло- ги. С.288-289.

¹⁷⁸ В одном из писем Ракитин просит Садовского явиться в контору Императорских театров к Н.А.Котляревскому: «Скажите ему, что пьеса почти готова. За это время, умоляю, приготовьте окончательно монологи Давыдову. Пойдем в пятницу». – РГАЛИ. Ф.464. Оп.1. Ед.хр.110. Л.14.

¹⁷⁹ Там же. Л.21.

¹⁸⁰ См.: «Уж прожил года двадцать три я..» (1912), «Возвращение дэнди», «Письмо перед дуэлью» (1913) (Кузмин М. Стихотворения. М., 2000. С.261, 264-266). Кроме этого, Кузмин посвятил Ракитину рассказ «Ванина родинка» (1911); см.: Кузмин М. Подземные ручьи: Избранная проза. СПб., 1994. С.70-80.

дым правоведом, которому посвящен цикл Кузмина «Оттепель»¹⁸¹. По-прежнему Ракитин выступает организатором различных вечеров, возможно, пытаясь хоть как-то реализовать свои творческие возможности и этим компенсировать свою удаленность от серьезной работы в Александринском театре.

Ракитина называли основателем «Бродячей собаки». Поступив на службу в Императорские театры на место Б.К.Пронина¹⁸², принятого туда с 1 февраля 1911, но отстраненного спустя восемь месяцев «на основании полученных о нем неблагоприятных сведений»¹⁸³, Ракитин сохранил дружеские отношения с будущим Hunddirektor'ом. Вероятно, в пору организации «Бродячей собаки» опыт Ракитина, приобретенный благодаря долгому общению с Н.Ф.Балиевым, был очень ценен. Менее чем через месяц после неудачных гастролей в Москве «Дома интермедий»¹⁸⁴ в петербургской прессе сообщалось: «По инициативе г. Ракитина, бывшего артиста Московского Художественного театра, в Петербурге устраивается новое кабаре по типу московской “Летучей мыши”»¹⁸⁵. Почти сразу же после этой публикации последовало опровержение. В письме в редакцию Ракитин писал: «Настоящим письмом опровергаю это ни на чем не основанное сообщение. Я не только не являюсь организатором этого начинания, но не принимаю даже косвенного участия ни в каких частных театральных предприятиях»¹⁸⁶.

Только что начавший службу в Императорских театрах Ракитин явно боялся вызвать нарекания со стороны дирекции в связи со своей деятельностью вне казенной сцены. В то же время, как верный оруженосец, он был готов преданно служить Мейерхольду, потерпевшему крах с «Домом интермедий». Их интересы оказываются

¹⁸¹ Кузмин М. Стихотворения. С.158-164.

¹⁸² См. сообщение в журнале: «На место пом<ощника> режиссера Александринского театра г. Пронина приглашен из Художественного театра г. Ракитин» (Студия. 1911. №1, 1 октября. С.31).

¹⁸³ Дело С.-Петербургской конторы Императорских театров о службе помощника режиссера русской драматической труппы Бориса Константиновича Пронина. 1 февраля 1911 г. – РГИА. Ф.497. Оп.5. Ед.хр.2578. Л.7. Возможно, поводом к отстранению Пронина от службы в Императорских театрах послужили его запутанные и сложные семейные отношения (см.: *Прилежаева-Барская Б.М.* Бродячая собака / Публ. Р.Д.Тименчика // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып.23. СПб., 1998. С.397).

¹⁸⁴ См. отзывы: *Обозрение театров.* 1911. №1535, 6 октября. С.17; №1541, 12 октября. С.14.

¹⁸⁵ Там же. №1560, 31 октября. С.13.

¹⁸⁶ Там же. №1562, 2 ноября. С.11.

близки: Ракитин хочет создать театр, похожий на «Летучую мышь», Мейерхольд стремится возродить «Дом интермедий» – театр малых форм, близкий к кабаре.

Действительно, на первых порах организации «Бродячей собаки» Мейерхольд был причастен к ней¹⁸⁷. Затем последовал неожиданный и ничем не мотивированный отход мастера от будущего кабаре. Не скрывалась ли причина этого в слишком отчетливой подражательности петербургского кабаре московскому, в нежелании Мейерхольда следовать образцам театра, с которым он постоянно полемизировал? Не в этом ли и секрет последующей нарастающей неприязни Мейерхольда к Ракитину, спектакли которого вскоре стали называть «сколками» с постановок Художественного театра¹⁸⁸?

В связи с этим интересны куплеты, которые должны были исполнить Мейерхольд и Ракитин на вечере в «Бродячей собаке», посвященном 1812 году (вечер не состоялся). Текст Мейерхольда был следующим:

А я враг принципиальный,
Кабаре не выношу.
И людей кружок опальный
Вызов мой принять прошу.

Ракитин должен был вторить Мейерхольду:

Я всецело подражаю,
Мэтр мой, конечно, он,
Хоть люблю, но не бываю,
Я ведь не Наполеон.¹⁸⁹

Тем не менее слухи о Ракитине как основателе «Бродячей собаки» имели хождение и после открытия кабаре. Московская театральная газета сообщала:

Ю.Л.Ракитин, бывший артист Художественного театра, перешедший в режиссерское управление Александринского театра <...>, широко развил в Петербурге свою деятельность. Он сделался там «Петербургским Балиевым». И в Москве ему не давали покоя лавры нашего присяжного увеселителя, но место было прочно занято, и ему ничего не оставалось, как греться в лучах славы руководителя «Летучей мыши», помогая ему в устройстве кабаре. В Петербурге, этом городе чиновников, конкурировать

¹⁸⁷ Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985. С.169-170.

¹⁸⁸ Левинсон А. Бенефис вторых режиссеров Александринского театра: «Мендель Спивак» – «Фиаметта» // Речь. 1915. №120, 3 мая. С.6.

¹⁸⁹ Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки». С.170.

Ракитину оказалось не с кем, и он благодетельствовал петербуржцев устройством подвала под названием «Бродячая собака». В подвале этом собираются все артистические кружки Петербурга, и Ракитин сразу стал центром.¹⁹⁰

В марте 1912 Ракитин получил краткосрочный отпуск для поездки в Москву¹⁹¹ на капустник Художественного театра, который состоялся 14 марта. Однако, как сообщали «Новости сезона», «Балиев в качестве руководителя капустника был не в ударе; чувствовалось, что он был в подавленном настроении, и у него как-то не клеилось. Остроумие его не находило поддержки в зрительном зале <...>. Не помог ему и Ракитин, который специально приехал из Петербурга, чтобы с апломбом прочитать довольно неудачные стихи и понаговорить кучу комплиментов своим друзьям из театра и прессы»¹⁹².

Вероятно, внеочередной отпуск в разгар сезона был предоставлен Ракитину за участие в организации традиционного маскарада Театрального общества, который прошел в Мариинском театре 28 января 1912. Подготовка к маскараду, устроителями которого вместе с Ракитиным были артисты И.В.Лерский¹⁹³ и А.А.Усачев¹⁹⁴, началась в середине января. В недатированном письме М.Кузмину Ракитин писал:

Дорогой Миша, по поручению Марии Гавриловны Савиной я приглашаю тебя принять участие в Маскараде Театрального Общества, имеющем быть за неделю до масленицы. Сегодня, 14-го января, у меня в 9 часов вечера заседание для раздачи работ, заказов и т. д.¹⁹⁵

Готовился маскарад основательно. М.Г.Савина лично объезжала премьеров всех театров, чтобы заручиться их согласием на участие в вечере. По пышности и остроумию маскарад 1912 года затмил все подобные увеселения прошлых лет. Программа была полна разнообразными сюрпризами и продолжалась до 4 часов утра. Тучный В.Н.Давыдов в детском костюмчике изображал семилетнего «цыган-

¹⁹⁰ *He Мы*. У рампы // Новости сезона. 1912. №2333, 20 января. С.8.

¹⁹¹ Прощение Ионина Ю.Л. об увольнении в отпуск с 13 по 15 марта 1912 г. – РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.433. Л.20.

¹⁹² Новости сезона. 1912. №2349, 17 февраля. С.7.

¹⁹³ Иван Владиславович Лерский (наст. фам. Герцак; 1873–1927) – драматический актер. С 1907 – в труппе Александринского театра, исполнитель комедийных и характерных ролей.

¹⁹⁴ Александр Александрович Усачев (1863–1937) – драматический актер, с 1891 по 1937 – в Александринском театре.

¹⁹⁵ РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.343. Л.9-10об.

ского вундеркинда» Манюшу Воронину, которая, как значилось в программе, «поет весь цыганский репертуар и знает 4 правила арифметики»¹⁹⁶. Столь же корпулентный К.А.Варламов распевал песенку с опереточной артисткой В.И.Пионтковской и танцевал паде-де с М.М.Петипа. М.Г.Савина выступала в смешной пьеске, оплакивая своего мужа, которым вместо снаряда зарядили пушку и отправили на Луну. Была представлена пародия на балет в исполнении драматических актеров – своеобразная балетная «Вампука» – и множество других номеров. Ракитин, наряду с организаторской деятельностью, участвовал в написании текстов некоторых номеров¹⁹⁷ и выступал как актер¹⁹⁸. В процессе подготовки вечера возникла идея повторить часть номеров этого вечера 1 февраля на «закрытом капутнике», организуемом «группой бывших учеников В.Н.Давыдова для образования фонда его имени»¹⁹⁹.

За участие в подготовке маскарада вместе с Лерским и Усачевым Ракитин был награжден бесплатной поездкой в Египет, в Александрию. Для него это место было связано с М.Кузминым, совершившим в 1895 путешествие в Египет, со знаменитыми «Александрийскими песнями» этого поэта.

Перед отъездом Ракитина из Петербурга Кузмин посвятил ему свое стихотворение:

Уж прожил года двадцать три я,
Когда увидел, пьян и горд,
Твой плоский и зеленый порт,
Блаженная Александрия!
С жасмином траурный левкой
Смешался в памяти бродячей,
Но воздух нежный и горячий
Все возмущает мой покой.
Когда нога твоя коснется
Златого, древнего песка,
Пускай к тебе издалека
Мой зов, как ветер, донесется.
И пусть мохнатая звезда
В зеленых небесах Каноба,
Когда задумаетесь оба,
Засветит вам, как мне тогда.

¹⁹⁶ Обозрение театров. 1912. №1646, 28 января. С.22-23.

¹⁹⁷ См.: Там же. №1639, 12 января. С.12.

¹⁹⁸ См.: Там же. №1646, 28 января. С.22-23.

¹⁹⁹ Речь. 1912. №22, 23 января. С.4.

Но пусть ваш путь не так печально
Окончится, как мой давно,
Хотя нам все присуждено
С рождения первоначально.
Я верю, деньги все прожив,
Вернетесь счастливо в Одессу,
И снова милого повесу
Увижу я, коль буду жив.²⁰⁰

По возвращении из путешествия Ракитин отправился в Крым, где участвовал в организации нескольких художественных вечеров. Первый вечер, им организованный, был намечен на 10 июля 1910, но был отменен²⁰¹. 2 июля 1912 «вечер слова, жеста и гармонии» состоялся в Коктебеле²⁰², 4 и 12 июля – в Феодосии (выступление Ракитина на этих вечерах было положительно оценено в газетных откликах²⁰³); концерты продолжились 14-го – в Евпатории, 15-го – в Симферополе, 16-го – в Севастополе. Принимал ли в них участие Ракитин, установить не удалось. 22 июля он выступал в Феодосии²⁰⁴.

Осенью 1912, когда открылся сезон в Императорских театрах, Ракитин был занят подготовкой спектаклей в Михайловском театре, где по инициативе Н.А.Котляревского²⁰⁵ для учащейся молодежи ставились классические произведения европейской драматургии. Во все времена работать над произведениями Шекспира, Шеридана, Мольера, Лопе де Вега и других было мечтой любого режиссера. Однако дирекция Императорских театров не уделяла должного внимания этим спектаклям. Как правило, использовались уже имевшиеся костюмы и декорации, изготовленные для других постановок,

²⁰⁰ Кузмин М. Стихотворения. С.261-262.

²⁰¹ Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина... С.251.

²⁰² Сестры Герцык. Письма. М., 2002. С.437.

²⁰³ 4 июля Ракитин читал «Хирургию» А.П.Чехова, 12-го – монолог Репетилова. См.: Юг. 1912. №728, 8 июля. С.3; Южные ведомости. 1912. №161, 15 июля. С.6.

²⁰⁴ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина... С.303. Позднее, в 1916, Ракитин снова выступал в Феодосии (Там же. С.404).

²⁰⁵ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) – литературовед, в 1909–1917 – заведующий репертуаром русской драматической труппы Императорских театров, включивший в репертуар Михайловского театра спектакли по классическим произведениям для учащейся молодежи. По этому поводу Н.Ходотов писал в воспоминаниях: «На этих спектаклях начали выдвигаться молодые силы театра, но главным образом “гастролировали” в них жена нового управляющего актриса Пушкарева и Юрьев, дорвавшийся до своего излюбленного трагического репертуара» (Ходотов Н. Близкое-далекое. Л.; М., 1962. С.223).

маститые актеры пренебрегали участием в этих спектаклях, соответственно и критики далеко не всегда удостоивали их вниманием.

Впервые в качестве режиссера Ракитин выступил в Михайловском театре при постановке «Двенадцатой ночи» Шекспира, шедшей под названием «Крещенский вечер» (премьера состоялась 26 сентября 1912). Пьеса шла в декорациях А.Шервашидзе²⁰⁶, была использована старинная английская и итальянская музыка XVI века, отдельные музыкальные фрагменты были написаны М.Кузминым. Незадолго до премьеры Ракитин счел необходимым выступить в печати по поводу предстоящей постановки. Он писал:

В некоторых газетах промелькнуло известие, будто бы я воспользовался постановкой Московского Художественного театра, это – неверно: пьеса шла у москвичей за много лет до моего поступления в театр. Постановка сделана мной совершенно самостоятельно. Я счел бы крайне недобросовестным пользоваться чужим трудом, даже несмотря на совершенную форму.²⁰⁷

Характерно, что намеки на подражательность МХТ появились до того, как спектакль был показан критикам и публике, но ярлык был прицеплен: выходец из театра Станиславского, постановщик «литературных» спектаклей по классическим произведениям, по мнению рецензентов, не мог ставить иначе, чем в Москве.

По поводу первой постановки молодого режиссера рецензент «Биржевых ведомостей» писал: «Молодой режиссер Ракитин – ученик Варламова по школе, затем Станиславского и Мейерхольда – ничем пока не проявил ни своей индивидуальности, ни своих художественных симпатий. Пьеса поставлена без всяких мудрований и выдумок». В спектакле чувствовалась «внутренняя принужденность» актеров, «все было “по-нарочному”»²⁰⁸.

Резко критическую оценку режиссерской работы Ракитина дал в кугелевском еженедельнике «Театр и искусство» Н.Тамарин (Н.Н.Окулов), постоянный обозреватель спектаклей Михайловского театра. В стиле отрицательных отзывов А.Р.Кугеля о режиссерских спектаклях Московского Художественного театра, Тамарин, похвалив актерское исполнение, обвинил Ракитина в бесцеремонном отношении

²⁰⁶ Александр Константинович Шервашидзе (наст. фам. Чачба; 1867–1968) – живописец и театральный художник.

²⁰⁷ Ю.Л.Ракитин о постановке «Крещенского вечера» в Михайловском театре // Биржевые ведомости. 1912. №13143, 14 сентября. С.5. (Веч. вып.).

²⁰⁸ *Solus <Арабажин К.И.>*. Михайловский театр. «Крещенский вечер, или Все, что хотите». Комедия в 7 картинах В.Шекспира, перевод П.Гнедича // Там же. №13165, 27 сентября. С.4. (Веч. вып.).

к произведению великого драматурга, выразившемся во введении неуместного шутовства, фарса, вульгаризации отдельных эпизодов²⁰⁹. Несколькими днями позже обстоятельный разбор постановки Ракитина дал «представитель мейерхольдовского лагеря» В.Н.Соловьев. Он писал:

Не соглашаясь с общим планом постановки, я отдаю должное работе молодого режиссера Ю.Л.Ракитина. Пьеса поставлена грамотно, местами сохранены традиционные приемы английского старого фарса и самый стиль «комедийной игры» Шекспира. Но чувствуется влияние сценических форм «Дон Жуана» и постановок «Дома Интермедий».²¹⁰

Положительную оценку спектаклю Ракитина дал и С.Ауслендер в авторитетном «Ежегоднике Императорских театров»²¹¹. По мнению этого критика, режиссеру удалось решить сложную задачу – соединить два основных мотива пьесы: лирический романтизм и комическую буффонаду. Всем лирическим сценам режиссер придал преувеличенный декламационный тон, поставив героев в некую позу самолюбования, позволившую объединить лирические сцены с гротесковой буффонадой.

В середине октября «Новости сезона» сообщали об очередном спектакле «Крещенский вечер»: «на днях эту постановку смотрел директор Императорских театров Теляковский, которому она так понравилась, что он распорядился перенести “Крещенский вечер” на Александринскую сцену. Г. Ракитину будут даны новые ответственные постановки»²¹². Действительно, с весны 1913 Ракитин был назначен режиссером Императорских театров, годовое содержание его увеличилось до 3000 рублей в год, а с 1 сентября 1914 – до 3600 рублей²¹³. Заслужив признание дирекции Императорских театров, Раки-

²⁰⁹ Тamarin Н. <Окулов Н.Н.> Михайловский театр // Театр и искусство. 1912. №40, 30 сентября. С.756-757.

²¹⁰ Соловьев Вл. Михайловский театр («Крещенский вечер» Шекспира) // Новая студия. 1912. №5, 5 октября. С.11.

²¹¹ Ауслендер С. Михайловский театр: «Крещенский вечер, или Что хотите», комедия В. Шекспира // Ежегодник Императорских театров. 1912. Вып.5. СПб., 1912. С.97-100. Позднее, в годовом обозрении постановок сезона, Э.Старк также высоко оценил постановку Ракитина, см.: Старк Э.А. (Зигфрид). Обзор сезона 1912/1913 гг. // Ежегодник Императорских театров. 1913. Вып.4. СПб., 1913. С.119.

²¹² Черный пудель. У рампы // Новости сезона. 1912. №2466, 14–15 октября. С.12.

²¹³ Контракт Дирекции Императорских театров с Ю.Л.Иониным на 1913/1914 и 1914/1915 гг. – РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.433. Л.27, 30.

тин привлекался к устройству различных юбилейных торжеств. Так, в январе 1913 он входил в состав комиссии по празднованию 100-летия В.В.Самойлова²¹⁴.

В 1913 праздновалось 300-летие Дома Романовых. В Александринском театре с 21 по 23 февраля шли юбилейные спектакли, постановка которых была поручена А.И.Долинову²¹⁵ и А.Л.Загарову²¹⁶. 2 октября в Михайловском театре в связи с юбилеем Ракин ставит для учащейся молодежи «Сцену из русской истории в память событий 1613 года». Этот масштабный спектакль был посвящен различным периодам русской истории: восшествию на престол царя Федора Иоанновича, истории Бориса Годунова, Лжедмитрия, Смуте, Минину и Пожарскому. Были представлены отрывки из драматических произведений А.С.Пушкина, А.Н.Островского, А.К.Толстого и других авторов, причем сложность заключалась в том, что одни и те же роли в разных произведениях, несмотря на разницу трактовок образов исторических персонажей разными авторами, исполняли одни и те же актеры. Заканчивалось представление торжественным апофеозом с участием хора Архангельского. Спектакль шел в новых декорациях Шервашидзе, с музыкой М.Кузмина. Так постепенно Ракин становится постановщиком торжественных, пафосных спектаклей, посещаемых Двором. Тем временем Мейерхольд, осуществивший в этот же юбилейный год на Мариинской сцене постановку оперы Р.Штрауса «Электра», в которой шла речь об убийстве царственных особ, оказался в весьма неловком положении и никогда более не участвовал в постановке придворных зрелищ²¹⁷.

Об этой постановке Ракина Н.Тамарин отзывался следующим образом:

²¹⁴ См.: Речь. 1913. №23, 24 января. С.7; см также: *Старк Э.А.* Обзор сезона 1912/1913 гг. С.148.

²¹⁵ Анатолий Иванович Долинов (1869–?) – драматический актер и режиссер. С 1897 по 1918 – в Александринском театре. В 1908–1913 преподавал в Петербургском театральном училище.

²¹⁶ Александр Леонидович Загаров (наст. фам. Фессинг; 1877–1941) – драматический актер и режиссер.

²¹⁷ В 1921 Мейерхольд писал: «За десять лет пребывания моего на этих (Императорских. – Ю.Г.) сценах ни разу (и я горжусь этим) мне не поручали никаких торжественных спектаклей для царских особ. Наоборот: мы (я и Головин) послужили однажды мишенью для жестоких нападков со стороны желтой прессы за то, что в дни торжеств по случаю трехсотлетия Дома Романовых осмелились поставить на сцене Мариинского театра оперу Р.Штрауса “Электра”, где есть сцена обезглавления царских особ» (*Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч.1. С.314).

Особенно намуслил режиссер г. Ракин в сцене кн<язя> Пожарского, говорившего и жестикулировавшего среди расставленных, подобно игрушечным солдатыкам, неподвижных воинов на каком-то зеленом холмике среди «голубого эфира»; так же «нарочно» поставлена сцена у польского короля Сигизмунда с расположенными в шеренгу в четыре яруса статистами. Особенно претенциозен и аляповат апофеоз: «Избрание на царство Михаила Федоровича». Вереница статистов расставлена вьющейся вверх спиралью, причем у всех руки «по-иконописному» застыли в «благочестивом устремлении»; наверху фигуры царя с матерью – опять в неестественных позах; все скомпоновано в стиле лубочных картинок. Зачем эта фальшивая археология? Лучше бы было вместо того, чтобы это изощряться в разных «вывертах», в результате которых было впечатление скуки от спектаклей, поставить целиком одну пьесу Островского «Минин».²¹⁸

Далее критик делал выводы, нелицеприятные для Ракина:

Но ведь опомнится когда-нибудь дирекция театров, убедится, что как режиссеры-самозванцы ни сядут, все ж они не будут годиться «в музыканты» и что никакие выдумки гг. Ракиных не смогут публику заставить забыть о том времени, когда на их месте были настоящие режиссеры: Потехин, Карпов, Санин.²¹⁹

Очевидно, для выражения верноподданнических чувств у Ракина не хватило воображения, хотя спектакль, особенно апофеоз, он ценил, о чем сообщал в письме к Э.А.Старку²²⁰.

Наконец две недели спустя после помпезного исторического спектакля, 16 октября 1913, Ракин поставил в Александринском театре пьесу В.В.Бярятинского «Комедия смерти» с участием Н.Васильевой, Е.Тиме, Н.Коваленской, Ю.Корвин-Круковского и Б.Горин-Горайнова, шедшую в один вечер с водевилем на музыку Оффенбаха «Званный вечер с итальянцами», в котором играли К.Варламов, В.Давыдов, Н.Ходотов, Е.Тиме (музыка М.Кузмина, декорации А.Шервашидзе). Пьеса Бярятинского повествовала о событиях, происходящих у гроба только что скончавшегося человека, но внимание драматурга не столько было привлечено к глубокой трагедии близких, сколько сосредоточено на фарисействе его родственников и знакомых.

²¹⁸ Тamarin Н. 1-й спектакль для учащейся молодежи «Сцена из русской истории в память событий 1613 года» // Театр и искусство. 1913. №40, 6 октября. С.782.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ РГАЛИ. Ф.871. Оп.1. Ед.хр.68. Л.5.

Ю.Слонимская писала в «Ежегоднике императорских театров»: «Режиссеру г. Ракитину удалось в постановке избежать панихидной толпы и загромождения драмы ненужными подробностями, и талантливая пьеса кн<язя> Барятинского воплотилась на сцене с должной простотой»²²¹. Э.А.Старк, один из серьезнейших критиков своего времени, назвав «Комедию смерти» произведением, далеким от совершенства, отмечал: «Поставлена пьеса режиссером Ракитиным очень хорошо, выдержанно; приложены все стремления к тому, чтобы до конца выявить и правильно осветить авторский замысел. И играли тоже отлично. <...> Вообще ансамбль был отменным. Почаще бы!»²²². Большой поклонник традиций Московского Художественного театра, Старк переносит свои симпатии на режиссерские работы бывшего «художественника» Ракитина, о которых в дальнейшем постоянно отзывается в панегирических тонах.

В связи со второй частью вечера – водевилем Оффенбаха – Старк отмечал знаменательность возвращения к водевилю – этому жанру с его простым весельем, буйной радостью души – в эпоху увлечения театра психологией²²³.

Тем не менее анонимный рецензент газеты «Речь» на следующий день после премьеры отмечал грубость «комедийного элемента» в пьесе и в исполнении²²⁴.

Любовь Гуревич, известный петербургский критик этого времени, в газете «Речь» неодобрительно отзывалась о пьесе Барятинского – из-за отсутствия «внутренней цельности» – и отмечала, что роли сатирических персонажей «разыграны с нарочитой карикатурностью

²²¹ Слонимская Ю. Впечатления сезона: Александринский театр // Ежегодник Императорских театров. 1914. Вып.2. <СПб., б.г.>. С.84.

²²² Зигфрид. Александринский театр // Театр и искусство. 1913. №42, 20 октября. С.831-832.

²²³ Там же. Эту же оценку спектакля Старк повторил в «Ежегоднике Императорских театров» в годовом обзоре спектаклей Александринского театра. По его мнению, «Комедия смерти» «великолепно была поставлена молодым режиссером Ю.Л.Ракитиным, умно, с большим художественным тактом, со вкусом, с тщательной отделкой всех деталей, в надлежащем тоне. Актеры играли превосходно, каждый в отдельности и все вместе, так что ансамбль вышел чрезвычайно стройный» (Старк Э.А. Обзор сезона 1913–1914 гг. С.-Петербург. Александринский театр // Ежегодник Императорских театров. 1914. Вып.5. С.125). Тем не менее, упоминая эту постановку в менее солидном издании – газете «Петербургский курьер», Старк отмечает, что пьеса Барятинского, не обладающая большими достоинствами, вообще «не должна была ставиться на сцене Александринского театра» (Зигфрид. Итоги сезона Александринского театра // Петербургский курьер. 1914. №106, 9 мая. С.7).

²²⁴ См.: Речь. 1913. № 284, 17 октября. С.5.

дурного тона». В целом постановку водевиля Гуревич назвала «настоящим балаганом», в котором до уровня художественного зрелища поднялся лишь Варламов, и даже Давыдов вносил на сцену только «сухую подделку под веселость»²²⁵.

10 января 1914 Ракитин показал в Михайловском театре свои постановки комедий Мольера «Ученые женщины» и «Проделки Скапена». Наибольший успех имел фарс «Проделки Скапена» с Гориным-Горяиновым²²⁶ в главной роли – постановка, наполненная «бесшабашным весельем и неиссякаемой изобретательностью»²²⁷. Значительно сложнее обстояло дело со спектаклем «Ученые женщины», относившимся к жанру комедии нравов и содержащим элементы «серьезной сатиры и серьезного нравоучения»²²⁸. Чтобы объединить две эти пьесы в одном спектакле, Ракитин сделал ряд купюр в тексте «Ученых женщин» и ввел элементы буффонады в постановку этой комедии. Критика отметила разностильность исполнения отдельных ролей, несогласованность в общем стиле постановки.

По мнению Н.Тамарина, «ошибкой режиссера является трактовка пьесы также как фарса, тогда как Мольер написал пьесу-сатиру, и играть ее надо, воздерживаясь от клоунады»²²⁹, поэтому неуместны были карикатурные, утрированные выражения чувств, нелепые прыжки и беготня по сцене героев и особенно введенная режиссером сцена драки, отсутствовавшая у Мольера. Критик заключал: «в общем, постановка “Ученых женщин” казалась нам как бы пробной, сделанной начерно, не в окончательной отделке. От наших артистов и талантливого режиссера, более удачливого в постановке второй части спектакля, можно ожидать лучшего»²³⁰.

Критик «Обозрения театров», отметив в постановке недостаток «утонченного, слегка жеманного галльского остроумия и наивной, при всей своей манерности, грации», тем не менее, назвал эту работу

²²⁵ Гуревич Л. Александринский театр // Там же. №283, 16 октября. С.7.

²²⁶ Борис Анатольевич Горин-Горяинов (наст. фам. Горяинов; 1883–1944) – русский драматический актер; с 1911 по 1917 – в Александринском театре.

²²⁷ Батюшков Ф. Мольеровский спектакль на сцене Михайловского театра // Ежегодник Императорских театров. 1914. Вып.2. С.92-96.

²²⁸ Вогак К.А. К постановке комедий Мольера «Ученые женщины» и «Проделки Скапена» на сцене Михайловского театра // Любовь к трем апельсинам. 1914. №2. С.51.

²²⁹ Тамарин Н. Михайловский театр. Спектакли для учащейся молодежи: Мольеровский вечер. «Ученые женщины», перевод Д.Д.Минаева. «Проделки Скапена», перев<од> П.П.Гнедича // Театр и искусство. 1914. №3, 19 января. С.54.

²³⁰ Там же.

Ракитина «одним из серии удачно задуманных спектаклей для учащейся молодежи в Михайловском театре»²³¹. Столь же положительно оценил спектакль Э.Старк, писавший, что «обе пьесы превосходно поставлены молодым режиссером г. Ракитиным, умно подчеркнувшим разницу в стиле между “Учеными женщинами” и “Проделками Скапена”, хотя я лично нахожу, что первую он несколько отяжелил, и даже есть в ней местами кое-какие грубоватости, которые было бы желательно сгладить»²³².

Критический отзыв на спектакль дал мейерхольдовский журнал «Любовь к трем апельсинам». К.А.Вогак, один из ближайших сотрудников Мейерхольда по его Студии и по журналу, назвал введение буффонады и купюры в тексте пьесы Мольера «Ученые женщины» посягательством режиссера на ее «основные особенности», составляющие «истинную сущность» произведения. Постановка французских пьес оценивалась с точки зрения итальянской комедии масок, на которую была ориентирована деятельность Студии Мейерхольда, выпускавшей журнал. Ракитин к Студии был непричастен. Вогак критиковал режиссера за то, что спектакль был поставлен без просцениума, который помог бы вести действие практически среди зрительного зала; что актерским диалогам не доставало четкости. Он писал: «Правда, наши современные актеры мало опытны в исполнении легких комедий в манере итальянской комедии интриги. Поэтому многие диалоги звучали не совсем так, как следовало бы, им не хватало четкости, чеканности»²³³. Безусловно, статья Вогака была инспирирована Мейерхольдом, и в критическом отзыве его соратника впервые отчетливо прозвучала личная неприязнь Мейерхольда к Ракитину.

До конца сезона Ракитин поставил водевиль «Лев Гурыч Синичкин» Д.Ленского и короткую пьесу Д'Аннунцио «Сон в весеннее утро». Премьера была показана 19 апреля, за несколько дней до окончания сезона. Критика отмечала: «В постановке Ракитина многое задумано не без вкуса и особенно удались сцены со статистами старых времен. Жаль только, что режиссер погнался за излишним реализмом в обстановке комнат»²³⁴. По мнению Э.Старка, в поста-

²³¹ *Казль*. Мольеровский спектакль // *Обозрение театров*. 1914. №2322, 13 января. С.13.

²³² *Зигфрид*. Михайловский театр // *Петербургский курьер*. 1914. №1, 11 января. С.7.

²³³ *Вогак К.А.* К постановке комедий Мольера «Ученые женщины» и «Проделки Скапена» на сцене Михайловского театра // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. №2. С.50-53).

²³⁴ *Речь*. 1914. №107, 21 апреля. С.4.

новке «чего-то не хватало», «как-то мало было смешно. Несмотря на то, что ставивший пьесу молодой режиссер Ракитин усердно над ней поработал, тщательно обдумав все частности, ему не удалось добиться легкости и искрометного веселья <...>. Перед водевилем был поставлен “Сон в весеннее утро” д’Аннунцио. Только в Александринском театре можно встретить столь противоестественное соединение стилей в одном спектакле... И даже то обстоятельство, что г-жа Тхоржевская очень хорошо играла безумную Изабеллу, несколько не оправдывает этой нелепости»²³⁵. Пьеса Д’Аннунцио удалась режиссеру меньше, считал критик, не было единства стиля в исполнении.

Несмотря на критические отзывы, Ракитин продолжал деятельность по организации вечеров. С началом войны он включился в устройство различных благотворительных представлений. 26 ноября 1914 принял участие в грандиозном праздновании Георгиевского дня в столице, призванном поддержать боевой дух защитников отечества. Это действо, организованное Е.В.Сухомлиновой, женой военного министра, представляло собой серию ночных благотворительных концертов и происходило одновременно в нескольких самых фешенебельных ресторанах («Медведь», «Палас», «Кюба», «Контан», «Вилла Родэ», при «Европейской гостинице» и в «Астории»). Целью акции был сбор средств на рождественские подарки воинам. В середине ноября 1914 Ракитин писал Э.А.Старку: «Потерял голову с вечером Сухомлиновой у “Медведя”»²³⁶. Именно в ресторане «Медведь» было наиболее пышное празднование, в котором приняли участие А.Коутс, М.Кшесинская, Е.Збруева, Н.Боголюбов, М.Савина, И.Тартаков, В.Давыдов и др. Предполагалось, что принимать гостей и выполнять роль хозяйна будет Ф.И.Шаляпин, но его по болезни заменила М.А.Бакеркина²³⁷.

Сезон 1914/15 года начался для Ракитина с постановки «Царской невесты» Л.А.Мея (14 ноября). По поводу этого спектакля Н.Тамарин замечал:

...г. Ракитин, молодой режиссер, к счастью, отрешается от прежних вычур <так!>. После прошлогодней удачной постановки мольеровских «Прodelок Скапена» он просто и красиво поставил

²³⁵ *Зигфрид*. Александринский театр // Петербургский курьер. 1914. №89, 21 апреля. С.4; см. также: *Старк Э.А.* Обзор сезона 1913–1914 гг. С.-Петербург. Александринский театр. С.148.

²³⁶ РГАЛИ. Ф. 871. Оп.1. Ед. хр.68. Л.4.

²³⁷ Биржевые ведомости. 1914. №14515, 24 ноября. С.4. (Веч. вып.); Там же. №14519, 26 ноября. С.4.

живописную драму Мея <...>. Г. Ракитин сумел дать обстановку красивой русской старины и в группах своих напомнил не декадентов и модернистов, а художника-романтика и идеализатора К.Е.Маковского. Это хорошо и уместно, ибо пьеса Мея написана романтично в лучшем смысле этого слова.²³⁸

Затем Ракитин поставил в Александринском театре историческую драму М.Н.Бухарина «Измаил». Благотворительный спектакль, подобные которому устраивались ежегодно, первоначально был представлен 13 марта в Мариинском театре в пользу инвалидов, затем 2 апреля был показан в Александринском театре. Пьеса, рассказывающая о взятии крепости Измаил в эпоху Екатерины II, была не высока по своим художественным достоинствам, но могла способствовать подъему патриотических настроений в обществе. Спектакль в Мариинском театре был удостоен высочайшим посещением, присутствовали великие князья и свита. Представление прерывалось криками «ура», публика требовала повторения российского гимна, проявления энтузиазма были бесконечны. Таким образом Ракитин превращается в постановщика придворных зрелищ.

1 мая 1915 в Мариинском театре был устроен бенефисный спектакль вторых режиссеров и суфлеров Александринского театра, для которого Ракитин поставил пьесу С.Юшкевича «Мендель Спивак». По поводу этой постановки Андрей Левинсон писал: «Ставил пьесу г. Ракитин; он дал местами оживленные группы: не забыл он и о постановке “Miserere” в Художественном театре, в которой в свое время участвовал. Группа евреев, мечтательно прислушивающихся к музыке, – сколок с этой постановки»²³⁹.

В феврале 1915 в Петербурге во время великопостного сезона в Палас-Театре состоялись очередные гастроли «Летучей мыши». К началу выступлений москвичей в петербургском Троицком театре²⁴⁰

²³⁸ *Тамарин Н.* Михайловский театр. Спектакли для учащейся молодежи: «Царская невеста», драма Л.А.Мея // Театр и искусство. 1914. №47, 23 ноября. С.899.

²³⁹ *Левинсон А.* Бенефис вторых режиссеров Александринского театра: «Мендель Спивак» – «Фиаметта».

²⁴⁰ Троицкий театр находился вблизи Невского проспекта – на Троицкой ул. (позднее – ул. Рубинштейна), д.18. Театр был организован А.М.Фокиным, братом балетмейстера, и стал одним из первых в столице театров миниатюры. Художественное руководство первое время осуществлял режиссер Александринского театра А.И.Долинов, позднее – другие режиссеры. Среди актеров выделялись К.Э.Гибшман и Ф.Н.Курихин (ученик Давыдова, окончивший в 1905 одновременно с Ракитиным Императорские драматические курсы, участник Старинного театра, «Кривого зеркала», Литейного театра и других антреприз). См.:

была поставлена пьеса Ракитина «Мемории Амура»²⁴¹ из пяти картин с прологом и эпилогом. Купидон, стоящий на фонтане в старом парке, вспоминает об ушедших эпохах, которые последовательно разворачиваются перед зрителем: «эпоха мушкетеров» (первая картина называлась «Неудачная серенада»), времена Людовика XIV (сцена репетиции балета «Пробуждение Флоры», в которой участвует сам Король-Солнце), эпоха Людовика XVI (пастораль «Сладкий приют»), затем период расцвета империи Наполеона I («Возвращение любезного») и наконец современность (действие картины под названием «Коктейль танго» происходило в баре на великосветском базаре)²⁴². Ракитин поставил задачу показать, как ухаживали за дамами в разные времена. Действие начиналось рассказом о романтическом прошлом, когда кавалер распевал серенады под балконом возлюбленной, мечтая получить от нее в награду хотя бы букет цветов. В последней картине влюбленные уже вели разговоры об аэропланах и автомобилях, танцевали танго. На премьере спектакля эта сцена привлекла всеобщее внимание, т. к. ее герой, покинувший свою возлюбленную, оказывался в объятиях... мужчины, которому весьма двусмысленно что-то нашепывал на ухо. Стилистика пьесы была, безусловно, навеяна творчеством М.А.Кузмина и работами К.А.Сомова и А.Н.Бенуа.

Режиссером выступил С.М.Надеждин. Спектакль включал драматическое действие, балет (в постановке К.М.Куличевской) и оперные сцены. По планам Ракитина, каждая картина должна была заканчиваться танцем, соответствующим своей эпохе. Подобные музыкальные вставки Ракитин использовал в упоминаемых выше планах монологов, которые приводятся в его письмах к Б.Садовскому, одна из них, как и пятая картина его пьесы, должна была происходить в современном баре. Музыка к пьесе была написана композитором Э.С.Кабелла. Спектакль оформили художники Ян Гурецкий и Иосиф Школьник.

Подготовка спектакля шла в очень напряженном ритме. Об этом Ракитин сообщает в недатированном письме барону Н.В.Дризену, оправдываясь перед строгим цензором за то, что не представил на его рассмотрение дополнения к пьесе²⁴³:

Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года. СПб., 1994. С.324-325.

²⁴¹ Пьеса не опубликована; текст см.: Санкт-Петербургская Государственная театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. №56753.

²⁴² «Мемории Амура» (Автор о пьесе) // Биржевые ведомости. 1915. №14641, 29 января. С.4. (Веч. вып.)

²⁴³ Речь шла о заключительной сцене, затрагивающей тему однополрой любви.

...пьеса репетировалась, ставилась, монтировалась в 1 неделю. Главный ужас был в том, что самих актеров нанимали²⁴⁴ за 5 дней до премьеры. Я был очень занят своими служебными делами, а главное, был начеку ехать <так!> к больному отцу в Тифлис и каждый день получал об его состоянии телеграммы. Мне было не до пьесы. Пришел я в театр и был очень огорчен отношением артистов. Только <не?> очень удавался последний акт, и вот меня просили написать финал, что я и сделал. Я предупредил и просил обратиться в цензуру и провести эту добавку. Причем текст у меня был мягче. Но меня успокоили и обещали представить все Вам. На последней же репетиции эта сцена еще больше развилась от *mis'en scene*.²⁴⁵

О неудовлетворенности постановкой Ракитин писал и Анастасии Чеботаревской, приглашая ее и Сологуба на этот спектакль²⁴⁶, и в письме к Э.А.Старку от 20 февраля 1915²⁴⁷.

Тем не менее режиссер Императорского театра явно «задал» Надеждину план постановки, отразивший идеи Мейерхольда, – отсутствие занавеса и рампы, сцена, спускающаяся в зрительный зал, декорирование всего зала для того, чтобы действие происходило как бы «среди зрителей», использование ширм и, как в блоковском «Балаганчике», манекенов вместо актеров²⁴⁸, в одной из картин на сцене было исполнено танго, которым был увлечен Мейерхольд²⁴⁹, и т. д.

²⁴⁴ В спектакле участвовали артисты Троицкого театра А.Александрова, Е.Крюков, Ф.Курихин, В.Фокин и др. Газета сообщала, что были «приглашены специально для означенной пьесы артисты Малого театра: Сорокина, Массальская <так!>, артист “Кривого зеркала” А.А.Наумов, артистка Ляскири, Смирнова, певец Я.В.Онегин и А.П.Невский» (Петербургский курьер. 1915. №371, 5 февраля).

²⁴⁵ РНБ. Ф.263. Ед.хр.255. Л.1-1об.

²⁴⁶ «Ради Бога, соберитесь в Троицкий Театр, хотя проскучаете и будете браниться. Я очень недоволен, очень плохо играют и без того плохие стихи и плохо говорят. К постановке я не коснулся» (письмо предположительно датируется 18 февраля 1915). – ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.223. Л.8.

²⁴⁷ «Глубоко страдал я от игры артистов в Троицком театре, от чтения их стихов, от детонирования в чтении. Понял также весь ужас автора, который должен волноваться совершенно пассивно. Артист волнуется на сцене, он сам действует, режиссер также помогает артисту, а автор только хватается за голову». – РГАЛИ. Ф.871. Оп.1. Ед.хр.68. Л.3-За.

²⁴⁸ В последней сцене был представлен «стилизованнный ресторан с манекенным буфетчиком, манекенными лакеями, манекенным поваром» (*Анчар* <В.Ф.Боцяновский>. Под дымкой старины // Биржевые ведомости. 1915. №14663, 10 февраля. С.4 (Веч. вып.)).

²⁴⁹ См.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т.2. С.287. См. также воспоминания Л.С.Ильашенко об исполнении ею с Мейерхольдом танго в квартире Сологуба (Мейер-

В пьесе Ракитина, как и в его реферате «Под стеклами оранжереи», отразилась ностальгическая тоска актера по ушедшим эпохам и его стремление воссоздать эти романтические времена.

Рецензенты сообщали: «“Мемории Амура” Ю.Л.Ракитина поставлены очень интересно. Сцена обращена в беседку большого сада. Обочины сцены покрыты зеленью с двумя нишами, в которых красуются головы каких-то древних греков. Занавеса нет. Вместо него стоят ширмы. Словом, воскрешен один из старых летних садов, где широкая барская жизнь искрилась и расцветивалась радугою затейливости и прихотливой занимательности»²⁵⁰; «...играло все, начиная с красок декораций, живописных, красивых, стильных. Художники Школьник и Гурецкий постарались. Режиссер Никитин (правильно: Надеждин. – Ю.Г.) использовал буквально каждый уголок театра: выбросил рампу, сделал ступени в лестнице, а задние углы театра, на которые никто не обращал внимания, потревожив засевших там пауков, превратил в таинственные сады Трианона. Все это одушевлялось несложной, но мелодраматичной музыкой²⁵¹, старыми менуэтами, гавотом, а в последней картине даже танго»²⁵¹.

Но если постановка пьесы Ракитина заслуживала похвал, то совершенно иначе была воспринята сама пьеса. Рецензент «Биржевых ведомостей», назвавший спектакль «милой и грациозной вещицей», писал:

По-моему, необходимо выбросить весь текст. Не потому, чтобы он был так неудачен, а просто – он не нужен. Вся пьеса – сплошная мимодрама. Тут играют краски, играет музыка, играют актеры... Все легко, воздушно, а слова, точно гвозди, приколачивают все к земле, все отягощают. Единственно, кому можно оставить слова – это Купидону, в прологе и эпилоге. Купидон (г-жа Масальская) говорит их мило, изящно и исчерпывающе. Остальное все понятно без слов.²⁵²

Эта идея была повторена анонимным рецензентом газеты «Речь», который охарактеризовал пьесу как «достаточно претенциозную», а ее стихотворный текст назвал «пошловатым и скучным». По его мнению, «если бы текст выбросить, получилась бы мимодрама, не лишенная некоторой грациозности, хотя и

хольдовский сборник. Вып.2: Мейерхольд и другие. Документы и материалы. М., 2000. С.469).

²⁵⁰ Аграев Г. Троицкий театр: «Мемории Амура» // Обозрение театров. 1915. №2671, 11 февраля. С.9.

²⁵¹ Анчар. Под дымкой старины.

²⁵² Там же.

не в меру слащавой»²⁵³. Ежедневная театральная газета «Обозрение театров» отметила, что пьеса написана «довольно звучными» ямбами²⁵⁴. Критик петербургского журнала «Театр и искусство» увидел в пьесе «гладкие стихи и длинный ряд довольно интересных сценариев», хотя и не связанных между собой «большой единой мыслью»²⁵⁵.

Резко негативную оценку «Мемориям Амура» дал в «Аполлоне» ближайший соратник Мейерхольда В.Н.Соловьев, заключивший свой обзор постановок петроградских театров таким пассажем:

Развившиеся в последнее время в большом количестве в Петрограде «театры миниатюр» становятся уже вредными для сценического искусства, занимаясь грубой профанацией теоретических взглядов некоторых театральных новаторов. Ярким примером подобной профанации может служить постановка «Меморий Амура» Ю.Ракитина в Троицком театре.²⁵⁶

Самую высокую оценку произведению Ракитина дал в «Петербургском курьере» Э.А.Старк, страстный сторонник Московского Художественного театра, критически относившийся к новациям Мейерхольда. В статье, посвященной «Мемориям Амура», Старк назвал Ракитина «одним из самых талантливых режиссеров Александринского театра», пребывающим в тени.

Критик писал:

Да, Ракитин чрезвычайно талантливый режиссер и человек с большой эрудицией, с тонким вкусом, интеллигентный с головы до ног. Таким бы деятелям сцены радоваться, таких бы на руках носить, да работой заваливать, чтобы не передохнуть было, да времени бы не нашлось для сочинения там разных «Меморий Амура». А вместо того?.. Впрочем, «Мемории Амура», сочиненные от избытка свободного времени, – вещь очаровательная именно потому, что в ней много изысканного вкуса. <...> В «Мемориях Амура» чувствуется понимание стиля эпох сквозь призму иронического к нему отношения, и едва ли эта соль иронии, весьма деликатной и изящной, не составляет главной прелести пьесы Ракитина. И, кроме того, как зрелище она очень интересна и заманчива, так что полтора часа действия с самыми коротенькими антрактами, нужными лишь для перестановки декорации,

²⁵³ См.: Речь. 1915. №43, 12 февраля. С.6.

²⁵⁴ Аграев Г. Троицкий театр: «Мемории Амура».

²⁵⁵ П.Ю. Троицкий театр // Театр и искусство. 1915. №7, февраль. С.113.

²⁵⁶ С.Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1915. №4-5, апрель–май. С.110-

протекают совершенно незаметно. К тому же поставлены «Мемории Амура» и разыгрываются очень хорошо.²⁵⁷

В тон Старку отозвался о пьесе и В.Базилевский в близкой Ракину московской «Рампе и жизни»: «Интерес пьесы в ее картинности. Красивой лентой проходят отрывки отдельных сцен, и неяркие места действия окрашиваются акварельностью рисунка. В общем – пьеса смотрится не без занимательности, как страницы гравюр старого альбома. Игра продумана»²⁵⁸.

Вскоре после премьеры пьесы в том же Троицком театре не без участия Ракитина было устроено чествование «Летучей мыши». Текст стихотворного приглашения «в стиле Игоря Северянина» гласил:

Ты, зовомый, обрючься, ожакеть свое тело.
Окалошенный выйди из квартиры своей;
Наизвозчившись вдоволь, ты вподъездишься смело
И, безумный, вольешься, в кругосмехи гостей...!²⁵⁹

Среди прочего на вечере были представлены «два акта “Меморий амура”, в которых экспромтом выступил автор, г. Ракитин».

В 1915 Ракитин продолжает участвовать в организации вечеров: в частности, в феврале – в зале Собрания армии и флота в благотворительном вечере, «носившем совершенно семейный характер», под названием «В таверне “Бычий глаз”». В вечере участвовали артисты Императорских театров: О.Преображенская, А.Зилоти, А.Коутс, Е.Тиме, Н.Ходотов, П.Андреев и другие²⁶⁰. Возможно, на этом вечере были использованы идеи, которые Ракитин развивал в письме к Садовскому в связи с капустником Художественного театра, где он должен был читать монолог в американском баре. В конце апреля Ракитин принял участие в бенефисе Ю.Э.Озаровского, покидавшего Александринский театр и переходившего в «Летучую мышь»²⁶¹.

В августе того же года Ракитин обвенчался с Юлией Валентиновной Шацкой (1892–1977), брак с которой принес режиссеру и радость, и тяжелые переживания.

²⁵⁷ *Зигфрид*. Мемории Амура // Петербургский курьер. 1915. №383, 17 февраля. С.6. 20 февраля 1915 Ракитин писал Старку: «Вы доставили мне столько удивительно приятных минут Вашей статьей в “Курьере” о моих “Мемориях”». – РГАЛИ. Ф.871. Оп.1. Ед.хр.68. Л.3-За.

²⁵⁸ *Базилевский Вас.* Петроградские этюды // Рампа и жизнь. 1915. №7, 15 февраля. С.12.

²⁵⁹ *Пьер-О.* Троицкий театр. Чествование «Летучей мыши» // Биржевые ведомости. 1915. №14699, 28 февраля. С.5. (Веч. вып.).

²⁶⁰ Речь. 1915. №37, 8 февраля. С.5.

²⁶¹ См.: Биржевые ведомости. 1915. №14802, 23 апреля. С.4. (Веч. вып.).

В том же 1915 завязывается и переписка Ракина с Анастасией Чеботаревской, женой Ф.Сологуба. Знакомство с писателем произошло ранее – вероятно, вскоре после переезда Ракина в Петербург. Возможно, он помогал Мейерхольду в 1912 при постановке пьесы Сологуба «Заложники жизни». В апреле 1915 режиссер выступил на благотворительном вечере у Сологуба, где в присутствии М.Горького, М.Ф.Андреевой, Ю.М.Юрьева, О.А.Глебовой-Судейкиной и других «смешил» в «монолог собственного сочинения»²⁶² «Репетиллов в Петербурге», а «учащиеся школы Петровского живо разыграли пьеску “Вечер настроений”» в ракинской постановке²⁶³.

Вскоре после этого Ракин писал Анастасии Чеботаревской: «Верьте, всегда рад быть Вам всячески полезным. Радуюсь успеху вечера – да у Вас это и не может быть иначе». В этом же письме Ракин осторожно отказывает жене поэта в ходатайстве перед заведующим репертуаром Александринского театра Н.А.Котляревским о постановке какого-то драматического произведения Сологуба:

Относительно пьесы Федор<a> Кузьмич<a> и Михайловского театра, могу сказать следующее: он находится всецело в руках Нестора Алекс<андровича> Котляревского, и репертуар его должен быть, как велось все это время, строго классическим – как приспособленный для учащейся молодежи. Рекомендовать же мне пьесу Федора Кузьмича, мне кажется, будет бессмысленно, т. к. Нестор Алекс<андрович> не принимает в расчет вкусы и желания режиссеров, а выбирает пьесы сам, проводя затем их через Комитет. Вообще моя рекомендация пьес несколько раз отклонялась, так что я не решаюсь снова даже в частной беседе указать Нестору Алекс<андровичу> на то или другое произведение. Вот почему я боюсь только повредить делу.²⁶⁴

Сценическая судьба драм Сологуба на императорской сцене была довольно печальной. Мейерхольд, осуществивший постановки двух пьес драматурга – «Победа смерти» в театре В.Ф.Коммиссаржевской и «Заложники жизни» в Александринском театре²⁶⁵, так и не смог, несмотря на многолетние попытки, поставить «Дар мудрых пчел» Сологуба. Театрально-литературный комитет Императорских театров в 1913 не рекомендовал к постановке на казенной сцене сологубовскую инсценировку романа Толстого «Война и мир», а в 1914 –

²⁶² Вероятно, ошибка рецензента, имеется в виду монолог Б.Садовского.

²⁶³ См.: Обозрение театров. 1915. №2733, 22 апреля. С.11.

²⁶⁴ ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.223. Л.1.

²⁶⁵ См.: Мейерхольдовский сборник. Вып.2. С.157-184.

пьесу «Венец надежд»²⁶⁶ и написанную вместе с Чеботаревской драму «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)»²⁶⁷.

14 октября 1915 Сологуб писал Мейерхольду:

Может быть, Вам интересно будет просмотреть нашу новую пьесу «Камень, брошенный в воду». В.А.Теляковский с нею познакомился, и я с ним имел разговор о пьесе. Я посылаю Вам пьесу уже в исправленном виде; по-видимому, директору она понравилась и он не прочь ее поставить, если она пройдет «спасения узкий путь и темные врата» Комитета, здешнего или московского. Мне будет очень приятно, если пьеса Вас заинтересует.²⁶⁸

Мейерхольд медлил с ответом, вскоре после письма Сологуба к режиссеру обратилась Чеботаревская:

Я не совсем понимаю, что вынуждает В<a>с уклоняться от выражения В<a>ш<его> мнения о пьесе – Ф<едор> К<узьмич> ведь т<a>к привык к осуждениям, и ничего не просит, кроме искренности. Если вещь В<a>м не нравится, или Вы слишком заняты, чтобы уделить время на ее постановку, – то почему не сказать этого с полной и ни к чему не обязывающей откровенностью. Мне кажется, что мы в своих отношениях к В<a>м всегда соблюдали эту искренность и ничем, кроме любезности и услуг Вам, наши отношения к Вам, как мне кажется, – Вы вспомнить не можете. Судьбе было угодно, чтобы – даже и не Вы, а другое лицо за В<a>с ответило нелюбезностью на единственную просьбу, с кот<орой> мы – в силу необходимости – к В<a>м обратились весною. Мы и этим не «оскорбились» и никого не «оскорбили», а только на время опечаленно отошли в сторону, пораженные таким незаслуженным к себе отношением. Так что делать из этого «grande cause» к<a>к бы и не приходится. Извините и на этот раз за обращение.²⁶⁹

²⁶⁶ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.878. Л.39,49-50.

²⁶⁷ О завершении работы над пьесой «Семья Воронцовых» газеты извещали в сентябре 1915, см.: Обозрение театров. 1915. №2880, 24 сентября. С.11; Петербургский курьер. 1915. №602, 26 сентября. С.6. В октябре «Речь» сообщала: «На рассмотрение театрально-литературного комитета поступила новая пьеса Ф.Сологуба под названием “Камень, брошенный в воду”» (Речь. 1915. №297, 28 октября. С.5). 24 ноября 1915 пьеса Сологуба и Чеботаревской была «не одобрена» к постановке на сцене Императорских театров. См. письмо С.-Петербургской конторы Императорских театров о рассмотрении театрально-литературным комитетом пьесы Ф.Сологуба и А.Чеботаревской «Камень, брошенный в воду». – ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.878. Л.47-48.

²⁶⁸ РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2384. Л.33.

²⁶⁹ Там же. Ед.хр.2569. Л.44-44об.

Тем другим «лицом», имя которого Чеботаревская не раскрывает, был, вероятно, Ю.Л.Ракитин.

Тем не менее перед рассмотрением в Комитете «Камня, брошенного в воду», которое состоялось 24 ноября, Чеботаревская снова обратилась к Ракитину. 12 ноября 1915 года он отвечал ей:

Относительно моего запроса у Батюшкова²⁷⁰ <...> – это по нашей этике не совсем удобно, так как я ни от Н.А.Котляревского, ни от директора, ни от Лаврентьева не получал никакого уведомления, что пьеса поручена мне. Так что мне делать запросы в Комитет, с которым мы, режиссеры, обыкновенно никогда не сносимся, неудобно. Вот поэтому я не смог делать какую либо рекогносцировку относительно «Камня». Пьесу я получил и на днях перечту ее сам еще несколько раз и тогда буду ждать Вас, чтобы переговорить о своих планах.²⁷¹

Постановка пьесы Сологуба в Александринском театре не была осуществлена. Тем не менее отношения с семьей писателя сохранились: Ракитин бывал у Сологуба на вечерах, доставал билеты и контрамарки на спектакли. Он высоко ценил творческую атмосферу их дома и признавался в этом Чеботаревской: «Актеров я, по правде сказать, не люблю. Знаю их секрет. У Вас же всегда как будто попал совсем в другой мир»²⁷²; «У Вас самое интересное в смысле художественной жизни Петербурга. <...> Ставить пьесы Федора Кузьмича или Вашу – для меня большая гордость и радость»²⁷³.

Осень 1915 года была наполнена интенсивной работой.

12 ноября была показана раkitинская постановка «Нахлебника» и «Провинциалки» Тургенева. Л.Гуревич писала о том, что постановка «Нахлебника» напоминает спектакль Художественного театра: «режиссер Ракитин, сам бывший актер Художественного театра, всю концепцию постановки первого акта “Нахлебника” явно заимствовал оттуда. <...> На сцене не чувствуется рука художника-режиссера, и артисты отвечают каждый за себя». Тем не менее Гуревич утверждала: «хотя очень много не удовлетворяет в этой постановке, – но в целом, благодаря игре Давыдова, ее нужно признать одной из самых удачных не за этот год только, но за целый ряд лет». Постановка «Провинциалки» была оценена более критиче-

²⁷⁰ Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920) – литературный и театральный критик; с 1900 член, позднее председатель Театрально-литературного комитета Императорских театров.

²⁷¹ ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.223. Л.4-5.

²⁷² Письмо Ракитина Чеботаревской, б/даты. – Там же. Л.8.

²⁷³ Там же. Л.10об.

ски: «от Тургенева ничего не осталось в исполнении “Провинциалки”»²⁷⁴.

11 ноября Ракин представил публике постановку пьес Тирсо де Молина «Благочестивая Марта» и Д.-О.Брюэса «Адвокат Пателена». Обе постановки вызвали нападки критики²⁷⁵.

Пьеса Тирсо де Молина в 1912 шла в Старинном театре, благодаря чему неизбежны были сравнения ракинтинской постановки со спектаклем, имитирующим примитив ушедшей эпохи. Понимая это, Ракин заявил в газетном интервью, что в Александринском театре пьеса будет поставлена «в реальных тонах, так как пожелал дать постановку пьесы, как таковую»²⁷⁶. Пьеса, написанная стихами, в Михайловском театре шла в прозаическом переводе.

Наиболее резким был отклик В.Н.Соловьева, ближайшего сотрудника Мейерхольтда по Студии на Бородинской. Соловьев, называя «отрицательным признаком постановок» Ракина «поверхностный и недостаточно продуманный сценический эклектизм», заявил о случайном, механическом соединении двух различных по духу произведений. Он обрушил на Ракина резкие обвинения: «Режиссер сознательно отказался от реконструкции сценических форм старопанского театра и заменил ее произволом и случаем»; «Не спаянные между собою единым замыслом режиссера, они <актеры> все играли по-разному, не соблюдая, за исключением Вивьена (Пастрана), быстрых темпов, столь необходимых для спектакля старопанской комедии. Предоставленные самим себе, артисты время от времени пытались создать интересный рисунок сценических положений, но режиссер не приходил на помощь, и рисунок быстро исчезал и рассеивался»²⁷⁷.

По мнению рецензента, при постановке «Адвоката Пателена» «основная грубая ошибка режиссера состояла в том, что с его ведома под видом старого французского фарса разыгрывалась позднейшая

²⁷⁴ Гуревич Л. Александринский театр. Тургеневский спектакль // Речь. 1915. №314, 14 ноября. С. 7.

²⁷⁵ Ракина упрекали в отсутствии аромата старины и примитивности, отсутствии выдумки (Лебедев Н. Михайловский театр. «Благочестивая Марта» и «Адвокат Пателен» // Речь. 1915. №313, 13 ноября. С.4), в нестройности ансамбля, вялости и замедленности действия (Тамарин Н. Михайловский театр: Спектакли для учащейся молодежи // Театр и искусство. 1915. №46, 15 ноября. С.853).

²⁷⁶ <Б/н.>. Театральные негативы // Биржевые ведомости. 1915. №15204, 11 ноября. С.5. (Веч. вып.).

²⁷⁷ С.Вл. Петроградские театры: «Благочестивая Марта» и «Адвокат Пателен» // Аполлон. 1915. №10. С.62-65.

комедийная переделка». Сторонник Мейерхольда, Соловьев критиковал Ракитина за использование сценических приемов, напоминавших постановки Московского Художественного театра: «склонность режиссера к натуралистическим деталям искажала до неузнаваемости самый характер театрального представления старо-французского фарса». Однако тут же, опровергая себя, он писал: «Желая показать условность старинного театра, режиссер, притушив свет театральной рампы, заставил почему-то бегать две пары влюбленных по сценическим диагоналям и особенно как-то хихикать». В той же рецензии, в связи с постановкой «Благочестивой Марты», «отсутствие геометрического рисунка», свойственного условному театру, расценивалось как недостаток²⁷⁸.

17 февраля 1916 состоялась премьера постановки пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь», получившей в новом переводе Т.Щепкиной-Куперник название «Сон летней ночи». Э.Старк с похвалой отозвался о работе Ракитина:

Молодой режиссер Ракитин поставил комедию в полном смысле слова, прекрасно и очень просто, тщательно продумав все *mise en scène* и удачно их осуществив. Красивы отдельные группы, особенно заключительная, для увеличения эффекта которой не хватало только более художественных декораций и костюмов. Несколько подчеркнутый элемент фееричности вполне уместен здесь, как в пьесе, изобилующей всякого рода чудесами, и надо очень похвалить то, что г. Ракитин к этому вопросу подошел очень осторожно, нигде не перейдя границ художественного вкуса. Отлично взят также общий тон исполнения и правильно намечена граница между миром любви и фантазии, где все деликатно, нежно и воздушно, и миром грубой реальности, когда на сцену выступают афинские ремесленники.²⁷⁹

В своем отзыве о спектакле Старк подчеркивал, что спектакль осуществлен силами молодых актеров, недавно окончивших театральное училище; костюмы и декорации, как всегда в спектаклях для учащейся молодежи, были сборными, позаимствованными из театральных кладовых. Тем не менее, по мнению критика, успех шекспировского спектакля Ракитина свидетельствовал о том, что подобные спектакли могли бы идти не в Михайловском театре, а на Александринской сцене, «не в задних комнатах дворца казенного искусства, а в самых что ни на есть передних, со всем блеском и

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Старк Э. Эскизы. «Сон летней ночи» В.Шекспира // Петроградские ведомости. 1916. №40, 19 февраля. С.2.

пышностью, подобающим величию такого человеческого гения, каким является Шекспир!»²⁸⁰.

Н.Шебуев высказался столь же хвалебно об этой постановке²⁸¹, однако, по словам рецензента, режиссер не смог передать легкости шекспировской комедии.

28 марта, к окончанию сезона, Ракитин поставил в Михайловском театре пьесу В.Гюго «Лукреция Борджиа». По словам Э.Старка, Гюго в своей пьесе стремился «показать, что даже в таком почти демоническом существе, каким отлилась в представлении всего мира Лукреция Борджиа, может жить светлое чувство, очищающее его душу». При этом писатель искажил некоторые исторические подробности, которые мешали выявлению драматического конфликта. Тем не менее пьеса была эффектным романтическим произведением, и ее постановка стала удачей Ракитина. Как писал Старк, режиссер «умно и талантливо поставил “Лукрецию Борджиа”, отнюдь не затушевывая ее характерных черт, но, напротив, выявив романтический стиль во всех деталях. <...> Все внимание режиссера было устремлено на актерский ансамбль, который вышел, за некоторыми исключениями, весьма удачным». Среди исполнителей отличилась «молодежь» – П.Лешков, И.Калугин, Я.Малютин. Особенно выразителен был Е.Студенцов. Лишь Лукреции в изображении маститой В.Пушкаревой, жены Н.А.Котляревского, «не хватало главного – огня»²⁸².

Новый сезон в Михайловском театре открылся 16 сентября 1916 раkitинской постановкой «Венецианского купца» Шекспира, в которой Мейерхольд, как и на заре своей театральной деятельности в Московском Художественном театре и позднее в Александринском театре, исполнил роль принца Арагонского²⁸³. По мнению В.Н.Соловьева, «пьесу разыграли в значительно более серьезных тонах, чем следует; к тому же у режиссера спектакля замечалась излишняя склонность к натурализму, мало пригодному при постановке комедий Шекспира»²⁸⁴. Э.Старк, вопреки обычным хвалебным отзывам о

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ «Г. Ракитин выказал себя добросовестным, вдумчивым, образованным и прилежным режиссером» (*Шебуев Н.* Михайловский театр («Сон летней ночи») // *Обозрение театров.* 1916. №3026, 19 февраля. С.8-9).

²⁸² *Старк Э.* Эскизы // *Петроградские ведомости.* 1916. №71, 30 марта. С.2.

²⁸³ С точки зрения Старка, в спектакле «весьма отличается г. Мейерхольд, дающий из своего принца Арагонского чрезвычайно выдержанную, колоритную, остроумную фигуру» (*Старк Э.А.* Михайловский театр: «Венецианский купец» В.Шекспира // *Обозрение театров.* 1916. №3221-3222, 18–19 сентября. С.11).

²⁸⁴ *С.Вл.* Петроградские театры // *Аполлон.* 1916. №8, октябрь. С.57.

постановках Ракитина, выступил с отрицательной рецензией, заявив, что Шекспира на русских сценах «разучились играть» и поэтому «никак нельзя признать благополучным исполнение “Венецианского купца”»²⁸⁵. Критик в резких тонах оценил выступление М.Дарского в роли Шейлока. Этот актер и режиссер Александринского театра, по мнению Старка, «опрощает исполнение, сглаживает все линии, бледнит краски, <...> уничтожает огромную страстность Шейлока, его кипучий темперамент», и, таким образом, разрушает его трагедию и гармонию всего спектакля. Характерно, что в рецензии, имеющей ярко выраженную критическую направленность, имя Ракитина, осуществившего эту постановку, не названо ни разу. Главными виновниками неудачи признаны актеры.

17 октября 1916 в Михайловском театре были показаны «Соперники» Р.Шеридана, шедшие в постановке Ракитина. Рецензент газеты «Зритель» отмечал, что блестящая шеридановская сатира тут утратила свою остроту, нарочитое подчеркивание отдельных комических ситуаций напоминало простой ученический спектакль, поставленный к тому же в старых и грязных, наспех пригнанных декорациях. Работа режиссера была мало заметна, не было общего тона спектакля, «исполнители разделились на два лагеря» – одни играли легкий фарс (Горин-Горайнов, Вертышев, Усачев, Пантелеев, Смолич), другие придерживались «благородного комедийного тона» (Вивьен, Весновская, Стахова, Шостаченко, Ростова)²⁸⁶.

На этот спектакль свой положительный отзыв (вероятно, по просьбе режиссера) дал Михаил Кузмин, с 1915 печатавший в «Биржевых ведомостях» рецензии на французские спектакли Михайловского театра, но ни разу до сих пор не писавший о русских постановках театра. Этот шаг был предпринят не случайно. Несколькими днями позже, 21 октября, в Александринском театре должна была состояться премьера «Романтиков» Д.С.Мережковского, в которой Ракитин выступил впервые сопостановщиком Мейерхольда²⁸⁷, однако ни в газетном интервью Мейерхольда, ни в рецензиях на спектакль имя Ракитина не называлось. Необходимо было устранить несправедливость и привлечь внимание к деятельности этого режиссера.

В рецензии, опубликованной в представительных и солидных «Биржевых ведомостях», Кузмин писал:

²⁸⁵ Старк Э.А. Михайловский театр: «Венецианский купец» В.Шекспира.

²⁸⁶ И-в Н. «Соперники» Шеридана в Михайловском театре // Зритель. 1916. №38. 20 октября. С.20-21.

²⁸⁷ См.: Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Т.2. С.602.

Комедии Шеридана, конечно, далеки от комедий Шекспира, где все – блеск и движение, буффонство, поэзия, гротеск и приключения. Это – комедии нравов, комнатные и разговорные, родственницы Мариво и Гольдони. Но английский характер подчеркнутой карикатурности и шаржа остался в них и был отлично выделен г. Ракитиным и некоторыми из исполнителей. Постановлена пьеса (особенно сцены мужчин) была весело и тактично, напоминая, по-моему, чем-то постановку Ракитиным же «Школы злословия»²⁸⁸. <...> Почти весь мужской персонал был не плох, исключая г. Горин-Горяинова, который был слишком тяжел, недостаточно молод и чересчур неприятен <...>.

С дамами вышло менее благополучно. Отличной мисс Малапроп была г-жа Ростова, не побоявшаяся откровенной карикатуры, но две девы были довольно бледны (все-таки лучше г-жа Стахова), а субретка (г-жа Шостаченко) и совсем плоха. Притом как-то не было общего тона. В то время как г-жа Ростова, гг. Смолич и Усачев держались тона английской комедии и все другие поддерживали комедийный тон, г-жи Весновская и Шостаченко словно разыгрывали «Верочкин секрет», а опытный комик Горин-Горяинов иногда говорил что-то тоном юмористических рассказов и сенок. Я не думаю, чтобы это была вина режиссера, но кое-что можно было сделать.²⁸⁹

Действительно, Кузмин не мог не подметить одну из особенностей ракитинской режиссуры, о которой писали чуть ли не в каждой рецензии, – его неумение подчинить актеров единой воле и создать цельный по общей идее художественный спектакль. Вероятно, причина этого заключалась не в отсутствии творческих способностей у Ракитина, а в нежелании актеров Императорской образцовой сцены подчиняться воле молодого режиссера, спектакли которого шли, в основном, на сцене Михайловского, а не Александринского театра. Не случайно во всех спектаклях, поставленных Ракитиным в Императорских театрах, ни разу, кроме маскарада Театрального общества в 1912, не была занята М.Г.Савина, редко участвовали другие маститые актеры этого театра. Именно поэтому Кузмин счел необходимым выступить в защиту своего близкого знакомого. Заканчивая рецензию, он писал: «Приятно, что было хорошее освещение на сцене и не пускали полумраков <...>. В общем, очень и очень приятный

²⁸⁸ «Школа злословия» в Михайловском театре была поставлена 6 марта 1915 А.Л.Загаровым. Сведений о постановке этой пьесы Ракитиным нам обнаружить не удалось.

²⁸⁹ Кузмин М. Михайловский театр – «Соперники» Рич. Шеридана // Биржевые ведомости. 1916. №15870, 18 октября. С.4. (Веч. вып.).

вечер, и публика почти все время смеялась, что не так часто случается на русских спектаклях»²⁹⁰.

Положительный отзыв на постановку Ракитина дал и Э.Старк, по словам которого, режиссер сделал все, чтобы комедия была разыграна «бойко, весело, без малейшего принуждения, в быстром темпе. <...> И не его вина, если наши актеры слишком привыкли пуды таскать в современных неподвижных, перегруженных психологией пьесах и не могут сразу овладеть той живостью, которой проникнуты все старые комедии: им всем не помешало бы подбавить бодрости»²⁹¹.

Постановку Ракитина признал удачной В.Н.Соловьев в «Аполлоне», он писал: «Режиссер, ставя комедию Шеридана, показал зрителям веселый спектакль, где временами звучал подлинный смех старо-английского театра». Среди исполнителей критик выделил игру Ростовской и Усачева, однако отрицательно отозвался о Б.Горине-Горяйнове: «Исполнитель главной роли г. Горин-Горяйнов как-то выделялся из рамок общего исполнения и, часто пользуясь случайными трюками, нарушал строгий характер юмора английской комедии»²⁹².

21 октября состоялась премьера «Романтиков» Мережковского. Характерно, что фамилию Ракитина Мейерхольд не назвал в беседе с репортером театрального журнала «Зритель»²⁹³, да и в рецензиях Ракитин также не упоминался²⁹⁴.

Роль Кубанина исполнял Ю.Юрьев, Вареньки – Е.Рощина-Инсарова, Дьякова – П.Лешков. В пьесе Мережковского воссоздавался эпизод из жизни молодого М.Бакунина (по пьесе – Кубанина) – история освобождения сестры Бакунина Вареньки от неудачного брака с помещиком Дьяковым, человеком благородным по натуре, но далеким от идейных исканий русской интеллигенции. По характеристике А.Р.Кугеля, в спектакле «драгоценнейшая скука г. Мережковского получает достойнейшую оправу»²⁹⁵. Рецензент «Петроград

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Старк Э. Михайловский театр («Соперники» Р.Шеридана) // Обзорение театров. 1916. №3256-3257, 23–24 октября. С.12.

²⁹² С.Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1916. №9-10, ноябрь–декабрь. С.91.

²⁹³ Кто-то. Встречи и речи // Зритель. 1916. №37, 19 октября. С.25.

²⁹⁴ В одной из первых рецензий на спектакль указывалось: «Поставлены “Романтики” обдуманно и любовно. Недаром публика отметила особую свою признательность режиссеру г. Мейерхольду» (Сперанский В.Н. «Романтики» Д.С.Мережковского // Биржевые ведомости. 1916. №15878, 22 октября. С.3 (Веч. вып.)). То, что сопостановщиком Мейерхольда был Ракитин, не отмечено даже в солидном современном издании, см.: Мейерхольд в русской театральной критике. 1892–1918. С.492-493.

²⁹⁵ *Ното новус*. Заметки // Театр и искусство. 1916. №44, 30 октября. С.890.

ской газеты) утверждал: «Не выдержаны и даже почти не намечены ни стиль, ни характер эпохи. И в результате – лиловая скука “в пандан” к лиловому платью на г-же Рожиной-Инсаровой²⁹⁶»²⁹⁷.

Гуревич в «Речи» писала о рассудочной схематичности пьесы, построенной на контрасте «ума головного» (Бакунин) и «ума сердца» (Дьяков). Мережковский лишил своего Бакунина плоти и крови: «Он вышел в пьесе только “носителем” религиозно-бунтарских идей, как бы застывших в определенной системе, выражаемых сухими философическими терминами и к тому же недостаточно раскрытых в своем действительном, общечеловеческом значении <...>»; «Постановка носила некоторые черты органической неслаженности и той чрезмерной спешности, с которой была сретована <так!> трудная для исполнения пьеса <...>»²⁹⁸.

Спектакль успеха не имел. Пробудить общественное сознание не удалось, так как «рождение идеи анархизма прямо выводилось из банальной любовной коллизии»²⁹⁹. «Романтики» более походили на классическую семейную хронику³⁰⁰. Постановка была осуществлена в традициях Художественного театра: «всходило солнце, слышалась отдаленная песнь, была игра на арфе, куковала кукушка»³⁰¹.

Месяц спустя после «Романтиков», 21 ноября 1916, была показана премьера драмы А.Дюма-сына «Генрих III и его двор», поставленная Ракитиным. В.Н.Соловьев писал об этом спектакле: «На сцене Михайловского театра мелодрама Дюма была поставлена и разыграна удовлетворительно. Режиссер соединил мелодраматический стиль самой пьесы со стилем декораций в известной манере фирмы Лютке-Мейер. Им в достаточной степени были использованы отдельные способы театральной выразительности и подчеркнуты некоторые условности отдельных сценических положений»³⁰². Была отмечена «блестяще» сыгранная Студенцовым роль Генриха III и

²⁹⁶ Екатерина Николаевна Рожина-Инсарова (урожд. Пашенная; 1883–1970) – актриса Александринского театра (1914–1917), играла почти во всех постановках Мейерхольда.

²⁹⁷ *Омега* <Ф.В.Трозицер>. Театральное эхо: Александринский театр. «Романтики», пьеса Д.С.Мережковского // Петроградская газета. 1916. №291, 22 октября. С.4).

²⁹⁸ Цит. по: Мейерхольд в русской театральной критике. 1892–1918. С.333. Впервые опубликовано: Гуревич Л. Александринский театр: «Романтики» Мережковского // Речь. 1916. №292, 23 октября. С.4-5.

²⁹⁹ Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С.194.

³⁰⁰ Волков Н. Мейерхольд. Т.2. С.452-453.

³⁰¹ См.: Искусство. 1917. №3. С.17.

³⁰² С.Вл. Петроградские театры.

«трогательное» исполнение В.Стаховой роли пажа Артюра. Э.Старк также расценил эту постановку как удачное воскрешение на русской сцене мелодрамы – сценического жанра, важного для возрождения театра. При этом тон мелодрамы был воссоздан с должным чувством меры, а «исполнители почти все с большим старанием поддерживали стремление режиссера»³⁰³.

11 января 1917 в Михайловском театре состоялась премьера ракинской постановки комедии Скриба «Стакан воды». По отзыву В.Н.Соловьева, «“Стакан воды” был весело и в надлежащих темпах под режиссерством <так!> Ю.Л.Ракитина разыгран артистами Михайловского театра и имел значительный успех, часть которого следует отнести на долю политической сатиры, элементы которой встречаются в пьесе»³⁰⁴. Э.Старк оценил спектакль как самый успешный из всех постановок для учащихся этого сезона³⁰⁵.

25 апреля 1917 Ракитин поставил комедию Н.В.Рыковой и В.Н.Соловьева (переделка комедии Вольтера) «Чудаки, или Господин с Зеленого мыса»³⁰⁶, которая завершалась интермедией «Любовные цепи» на музыку М.Кузмина. По характеристике Н.Тамарина, «рядом с реальным в пьесе – сказочный элемент, и пьеса, в которую вкраплено много ярко-комических сцен, дает рядом с ними и сцены веселых любовных приключений. Играли комедию с увлечением. <...> Публика отдыхала в театре, смеясь чистым, добрым смехом. Такой смех бодрит, укрепляет нервы, а пьеса Вольтера – здоровая духовная пища, которую надо приветствовать в театре в наши дни»³⁰⁷.

После Октябрьского переворота Ракитин некоторое время был членом Временного комитета по управлению Государственными театрами, снова, после длительного перерыва, сотрудничал с А.Блоком³⁰⁸. Там же работал и Мейерхольд. В этот период и произошел их

³⁰³ Старк Э. Михайловский театр («Генрих III и его двор», А.Дюма) // Обозрение театров. 1916. №3287, 23 ноября. С.8-9.

³⁰⁴ С.Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1917. №1. С.69.

³⁰⁵ Старк Э. Михайловский театр («Стакан воды» Э.Скриба) // Обозрение театров. 1917. №3335, 13 января. С.10-11.

³⁰⁶ См.: Тамарин Н. Михайловский театр: «Чудаки» Вольтера // Там же. 1917. №3410, 29 апреля. С.9-10.

³⁰⁷ Тамарин Н. Михайловский театр. Русский драматический спектакль для учащейся молодежи: «Чудаки, или Господин с Зеленого мыса», ком<едия> в 3 д<ействиях> Вольтера // Театр и искусство. 1917. №18, 30 апреля. С.294.

³⁰⁸ См. об этом в воспоминаниях Ракитина: Россия и славянство. (Париж). 1930. № 106, 6 декабря.

окончательный разрыв. Ракитин до конца жизни считал Мейерхольда «огромным, настоящим художником», «независимо от его низкой личности»³⁰⁹. 17 января 1918 он писал Чеботаревской:

Глубокоуважаемая, дорогая Анастасия Николаевна.

Получил Ваше милое приглашение на воскресенье. Но быть не мог, так как играл в Аквариуме. Да я и не представляю себе, как я могу пойти теперь куда-нибудь в гости. Кошмар, охвативший меня и весь театр, не дает мне нравственного покоя. Безвыходность положения ужасает. – Вот почему никуда не выезжаю покуда, да к тому же и очень занят я, подрабатывая в Аквариуме еще и как актер. Что будет с театром да и со мной – не знаю. Очень бы хотелось повидать Вас и Федора Кузьмича и посоветоваться и поговорить, но ежедневные репетиции, спектакли и общие собрания не дают возможности путешествия к Вам. Целую Ваши ручки и шлю искренний привет Федору Кузьмичу. Искренне любящий и уважающий Вас сердечно Юрий Ракитин.³¹⁰

В апреле 1918 Ракитин покинул Петербург. Началась полоса скитаний: Гомель, Харьков, Одесса, Киев, снова Харьков, Ростов-на-Дону, Севастополь. В марте 1919 Ракитин с женой из Феодосии уехали в Константинополь, откуда осенью 1920 переехали в Сербию, в Белград. Там Ракитин осуществлял художественное руководство белградским Национальным театром, он поставил сотни самых разнообразных спектаклей – драматических, оперных и т. д.

В 1920-е он решил написать Мейерхольду:

Политика не мешает мне склониться перед твоим мастерством и талантом и с гордостью вспомнить, что и я некогда был твоим сотрудником. Я совершенно бескорыстно и искренно всегда преклонялся перед тобой как перед одним из самых великих мастеров современной сцены. Об этом я неоднократно писал в иностранной и в русской эмигрантской печати. Новый театр в Европе больше всего обязан тебе. Все это тебе, может быть, и неприятно слышать из уст политического эмигранта. Но я не могу не сказать, что чувствую и знаю. <...> Одно прошу тебя знать, что не смотря ни на какую политику, я художник и преклоняюсь перед тем, перед чем должен склониться всякий русский, а это твое мастерство.³¹¹

³⁰⁹ Запись за 23 и 27 июля 1920 из константинопольского дневника Ракитина, опубл.: *Арсеньев А.Б.* Ракитин в Константинополе (апрель – декабрь 1920 г.). Нови Сад, 2003. С.4.

³¹⁰ ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед. хр.223. Л.14-15.

³¹¹ Письмо от 25 февраля, б/г. – РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2293. Л.26-27об.

Постановки периода эмиграции показывают безусловную ориентацию режиссера на театр Мейерхольда. А.Арсеньев, исследователь русской эмиграции в Югославии, писал о творческом методе Ракинина: «Постановки Ракинина, противника “литературного театра”, отличались сценическим блеском, экспрессией, остроумными находками, подчеркнутой психологизацией характеров, иногда – ярким гротеском, стилизацией, отходом от традиционных шаблонов и даже от авторского текста»³¹². Наряду с приемами, характерными для театра Мейерхольда, критик отмечает и тягу к психологизму, свойственную МХТ.

В появившихся в последнее время публикациях, посвященных Ракинину, его деятельность связывается прежде всего с Национальным театром в Белграде. Наталья Вагапова отмечает, что, несмотря на неудавшуюся актерскую карьеру в Художественном театре, годы, проведенные в Москве, «видимо, были самыми счастливыми в жизни Юрия Львовича»³¹³. По свидетельству Виталия Вульфа, «Художественный театр навсегда оставался самой большой его любовью», а в годы эмиграции Ракин «вспоминал о своем уходе из Художественного театра как об ошибке»³¹⁴. Однако активная театральная деятельность в Петербурге, участие в организации многочисленных вечеров, наконец, приведенные в нашем очерке письма к Мейерхольду позволяют по-иному оценить творческий путь режиссера и художественные критерии, на которые опирался Ю.Ракин.

Безусловно, Мейерхольд и Станиславский для Ракинина были двумя ориентирами, очень много для него значившими, и их влияние не могло не отразиться на его творчестве. При этом спектакли, поставленные Ракиным, показывают, что тяготение к Мейерхольду было определяющим.

В Сербии Ракин продолжил свою режиссерскую работу. В 1940 он написал и поставил пьесу в стихах из жизни эмиграции «“Горе от ума в Белграде” Грибоедова-внука». Незадолго до смерти (в 1950) Ракин поставил в Сербии «Вишневый сад» Чехова, ставший лебединой песней режиссера³¹⁵. В 1952 в Новом Саде на могиле Ракинина, талантливого актера, режиссера и писателя, были посажены вишневые деревья.

³¹² Арсенев А. У излуцины Дуная. С.196.

³¹³ Вагапова Н. Юрий Ракин – трагический весельчак. С.268.

³¹⁴ Вульф В. Из архива Юрия Ракина // Театральная жизнь. 1990. №19. С.21.

³¹⁵ См.: Арсенев А. У излуцины Дуная. С.195-204.

Публикации

«КОЖЕБАК!.. ДА ВЕДЬ ЭТО ХУЖЕ, ЧЕМ ГУСАК!!!»

Письма Андрея Белого к А.М.Кожебаткину

Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада

«28 мая <1903> у меня собрались случайно: Балтрушайтис и еще кто-то; отец был на университетском заседании (он подписывал нам дипломы); вернулся он поздно; и застав у меня гостей, тихо посидел с нами (я удивился, что он не отправился в клуб, как всегда); он казался чрезвычайно тихим, усталым, грустным; мы с ним мирно и ласково поговорили – о предстоящей поездке, о моем поступлении на филологический факультет; между прочим, – он мне сказал: “Боренька, – литература литературой; только надо иметь какое-нибудь постоянное дело, чтобы не быть в зависимости от литературного заработка; это – каторга; тебя же не будут читать многие; твой род литературы для немногих; трудно тебе придется...” Это были последние почти слова, сказанные мне; после этого мы простились; я пошел спать, он сидел в качалке; и – грустно смотрел мне вслед»¹. На следующий день, рано утром, отец Белого скончался.

И все же для Бориса Николаевича Бугаева (1880–1934), которого М.С.Соловьев окрестил Андреем Белым еще до кончины его отца, литература была и оставалась до конца жизни главным делом. Гонорары за книги, статьи, рецензии, фельетоны, лекции были главным источником его доходов; при этом часто приходилось пользоваться поддержкой друзей и близких, до 1910, главным образом, – матери. Единственным его постоянным адресом была квартира матери на Арбате – до конца 1910, а затем писателю пришлось в прямом смысле слова кочевать – по России, Северной Африке и Европе – вплоть до 1924, когда Белый наконец нашел себе приют в Кучино, под Москвой, где снимал две комнаты. В отличие от многих других писателей, ему так никогда и не довелось иметь собственной квартиры в родном городе.

Постоянные денежные затруднения, которые не давали Белому покоя всю жизнь, особенно после его сближения с А.А.Тургеневой в 1910, наверняка заставляли его часто вспоминать последние слова отца. Мать не одобряла этой связи и потому давала сыну деньги с еще большей неохотой, чем раньше.

Нехватка средств особенно давала себя знать во время заграничного путешествия, в котором Белый с Асей Тургеневой находились с декабря

¹ Андрей Белый. Материал к биографии (1923). – РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.37. Л.38.

1910 по конец апреля 1911. Белый выразил желание получить целиком, до отъезда, аванс в счет гонорара за свои книги, обещанные новому издательству «Мусажет», одним из ближайших сотрудников которого он являлся. Руководитель издательства Э.К.Метнер, зная о сравнительно шаткой финансовой базе нового предприятия (о чем Белый не догадывался), не мог согласиться на это. В результате, нерегулярность получения денег и писем из Москвы, создавшая для Белого целый ряд неудобств во время путешествия, и в то же время унижительная зависимость от «мусажетской» кассы доводили его до приступов крайнего раздражения, иногда почти истерических нападков на издательство и всех, связанных с ним. Если раньше он зависел от матери, теперь это была почти полная зависимость от издательства, которому он задолжал за время путешествия 3000 рублей.

По возвращении из-за границы неумение Белого устроить свои финансовые дела привело к тому, что в течение 1911 его отношения с «Мусажетом» и лично с Метнером и другими работниками издательства заметно осложнились. К концу 1911 его материальное положение становится настолько критическим, что в ноябре он пишет А.А.Блоку:

Я должен или бросить литературу и околачиваться в передних попечителя округа, или потребовать у общества, чтобы А.Белый, могущий писать хорошие вещи, был обществом обеспечен. И я требую от всех людей, кому я, как писатель, нужен, чтобы писателю не дали умереть с голоду. <...> Не знаю, на что Ты живешь, и знаю, что А.Белому литературой жить невозможно, а денег своих – ни гроша.²

Такие жалобы нередко встречаются в письмах Белого, особенно в его переписке с издателями и издательствами. Их можно назвать лейтмотивом или постоянным фоном его переписки с одним из них – Александром Мелетьевичем Кожебаткиным (1884–1942), издательским работником и библиофилом³, с которым Белый должен был находиться в близком контакте по причине их совместной работы в 1910–1912 в издательстве «Мусажет», где Кожебаткин состоял тогда секретарем. (Белый познакомился с ним в августе 1909, когда создание нового издательства еще только обсуждалось.)

² Письмо от 15 или 16 ноября 1911, опубли.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В.Лаврова. М., 2001. С.427. На этот раз Блок выручил Белого присылкой 500 рублей.

³ Об участии Кожебаткина в Русском обществе друзей книги, основанном 20 сентября 1920 в Москве см.: *Сидоров А.* Московские книголюбы. Страницы воспоминаний // Альманах библиофила. Вып.4. М., 1977. С.65-77; см. также: *Берков П.Н.* История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. С.120-121.

Выразительный облик Кожебаткина запечатлен в воспоминаниях В.Г.Лидина:

Пейзаж старой литературной Москвы нельзя представить себе без этой фигуры. <...> Казалось, все издательство со всеми делами помещалось в его портфеле, где вместе с рукописями неизменно лежала бутылка, а то и две обожаемого Кожебаткиным красного вина. <...> С лицом темноватого оттенка, с черными густыми бровями и такими же чернейшими волосами, в которых уже просвечивала толщины гитарных струн седина, совершал Кожебаткин свой каждодневный издательский обряд: хождение по типографии <так!>, уговоры владельцев подождать с расчетом, распространение книг. По существу, он мог бы служить образцом предельно сокращенного аппарата, когда один человек успешно справляется с тем, на что в других условиях понадобился бы целый штат. <...> помогала ему преодолевать все трудности любовь к книжному делу.⁴

Иван Грузинов, который знал Кожебаткина в революционные годы, нарисовал другой портрет (и пристрастный, и не вполне точный):

Из необычайно колоритных фигур того времени нельзя не вспомнить Александра Мелентьевича Кожебаткина.

<...> Некогда высланный за свои революционные убеждения, он вернулся в Москву, когда первая плеяда символистов уже кончила свои взлеты. Символизм тихо догивал. <...> В тине «философского обоснования» символизма скучнел «Мусагет». Тогда Кожебаткин основал новое издательство – «Альциону». Это было одно из самых чистых издательств того времени. Средств у Кожебаткина было мало, вернее, не было совсем. Этих средств могло хватить на неизменный литр красного вина, который всегда стоял у него на столе. <...> Когда мы недоумевали: на что живет Александр Мелентьевич и на какие деньги он издает книги, он неизменно отвечал: «Издательство дает убыток. Так вот на этот убыток я и живу». Кожебаткин впервые издал Клычкова, Чурилина, Львову и других. Кожебаткин первый выпустил полную «Гавриилиаду» и всегда имел, если не в портфеле, то в голове, изумительные планы. Александр Мелентьевич никогда никуда не поспевал вовремя, потому что на каждом углу были приятели, на тех же углах были подвальчики, а стоять на улице с приятелем скучнее, чем сидеть и фантазировать в подвале. <...>

⁴ Лидин В.Г. Друзья мои – книги: Рассказы книголюба. М., 1976. С.93-94; см. также предисловие К.М.Азадовского к публ.: Письмо Марины Цветаевой к А.М.Кожебаткину / Публ. К.М.Азадовского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С.62-64.

Ренан после осады Парижа и дней Коммуны поднес владельцу одного кабачка книгу с благодарностью, что он – хозяин – сумел так организовать жизнь, что посетители не заметили осады. Сильно боюсь, что Александр Мелентьевич мог бы поднести сотню таких адресов.⁵

Его любовь к выпивке отмечена и в письме Т.Г.Цявловской к матери:

Человек с огромным вкусом, культурный, с личной (потому что отец его был сперва перевозчиком, а затем владельцем паровозов в Нижнем Новгороде) мягкостью, тактом и пр. Очень приятен в разговоре. Считался невыносимым, т. е. когда слишком выпьет, то не скрывает, что некоторых считает глупыми, а себя очень ценит. Его норма – две бутылки вина в день, «он еще так не опускался, чтобы не пить в какой-нибудь день».⁶

Белый да и другие его коллеги по «Мусагету» никакого «такта» и ничего «чистого» не нашли в безалаберном отношении Кожебаткина к своим обязательствам. В июне 1910 Белый писал Э.К.Метнеру: «скажите, милый, что мне делать, если Кожебаткин летом уснет непробудным сном; у него манера не отвечать на письма. Я еще недельки две подожду, и если будет молчание, придется мне ехать в Москву его будить»⁷. Будучи в Тунисе, Белый получил телеграмму от Кожебаткина с подписью «Кожебак» и в письме к А.С.Петровскому от конца февраля (н. ст.) 1911 колоритно выразился: «*Кожебак!*.. Да ведь это хуже, чем *гусак!!!*»⁸, а в письме к нему же из Каира от начала апреля 1911 Белый восклицал: «Черти все москвичи! Они меня превратили в нахала»⁹. 30 октября 1911 Белый писал А.А.Блоку: «Теперь о Кожебаткине. Он, черт знает что: *никому, никогда* не отвечает. Во время моей поездки за границу он, только *он* с запаздыванием в высылке денег, с неответами и т. д. довел меня до того, что я ругался из Африки, как сапожник»¹⁰.

5 декабря 1911 Белый писал Э.К. Метнеру:

Я уже с прошлой весны ужаснулся деятельности Кожебаткина, сначала тоном, какой он задает «Мусагету», когда нас нет

⁵ Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост. К.С.Юрьев и С.В.Шумихин. М., 1990. С.480-481. Ошибочное употребление отчества («Мелентьевич») часто встречается в литературе при упоминании Кожебаткина.

⁶ Письмо от 20 января 1931, цитируется в комментариях к публ.: «Заметки о виденном и слышанном 1914–1933» Николая Ашукина / Публ. Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1999. №38. С.201.

⁷ РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.14.

⁸ Государственный литературный музей (далее – ГЛМ). Ф.7. Оп.1. Ед.хр.33а.

⁹ Там же.

¹⁰ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С.418.

(тон непереносный), потом его не всегда чистыми интригами, наконец полной бездеятельностью, наконец сознанием, что в журнале он был бы невозможный секретарь <...> Так что с моей стороны нет никакого «но» против всяческого устранения это<го> вредного и двусмысленного <так!>.¹¹

Даже после того как Кожебаткин был отстранен от должности секретаря «Мусагета», Белый вынужден был продолжать иметь дело как с ним, так и с его издательством «Альциона» (1910–1923)¹², выпустившим в свет ранее, летом 1910, книгу его статей «Луг зеленый». Неприятностей было не меньше, чем раньше. В 1927, в письме к Д.М.Пинесу, Белый, уже давно, после несостоявшейся попытки опубликовать в 1919 в «Альционе» книгу стихов «Звезда», не имевший никаких контактов с Кожебаткиным, отозвался о нем ярко и с необычайной яростью:

Кожебаткин этот «легальный экспроприатор» рукописей, типичный «паразит», посасывающий писателей, «*culex scriptorum*»¹³, не желал ни отдавать рукописи, ни выпускать в свет «Звезды» <...> И помня, как он «нагрел» «Мусагет», обзаведясь когда-то на «мусагетские деньги» и на «мусагетской бумаге» своей «Альционной», как он выклянчил «Луг Зеленый» и ни гроша не заплатил, как он, имея доверенность от С.М.Соловьева и пользуясь его болезнью, обобрал его, т. е. взял из банка несколько тысяч, как С.М. ему простил; помня далее, как он 2 года водил за нос покойного Пашуканиса, долженствующего с него взыскать «растрату», то прячась от него, то объявляясь несостоятельным и одновременно гнездясь в дорогих ресторанах и катаясь на лихачах, – помня все это, я со «Звездой» по отношению к Кожебаткину был сознательно крут, ибо он стал гадок, как социальный паразит; то, что он проделывал с нами, он проделывал со всеми: скоро он справит 25-летний юбилей «легального жульничества», став нашим, так сказать, «уважаемым жуликом».¹⁴

Белый, конечно, не мог так отзываться о Кожебаткине в печати, но не стеснялся высказываться в его адрес в своих воспоминаниях:

Иногда засиживался я у А.М.Кожебаткина, насильственно им приобретаемый к коньячку, на который, как мухи, слетались молодые художники; Кожебаткин подпаивал их; он выпрашивал у них

¹¹ РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.50. Имеется в виду журнал «Труды и дни», выпускавшийся «Мусагетом».

¹² О деятельности «Альционы» см.: История книги в СССР. 1917–1921. Т.2. М., 1985. С.135–136.

¹³ Здесь: литературный комар (лат.).

¹⁴ Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.89–90.

этюдики; а когда художники приобретали известность, «этюдики» продавались Кожебаткиным за крупную сумму, становясь доходной статьей: Кожебаткин был очень горазд эксплуатировать.¹⁵

Как видно из писем Белого к Кожебаткину и из других источников, их отношения не всегда были натянутыми. 26 июня 1911 Э.К.Метнер писал Белому:

Теперь, когда я и отец мой, заведующий денежной частью <издательства>, очень довольны работою Кожебаткина, теперь Вы (и это уже не в первый раз) нападаете на него, несмотря на то, что он оказывает Вам услуги в Ваших личных делах. <...> кто Вас просил просиживать с ним ночи в «Праге», пить на ты <...>, поверять ему тайны своей личной жизни, чуть что не вербовать его в Δ; оттого Кожебаткин и «вырастает» в Ваших глазах «до... химеры».¹⁶

Именно к этому времени, однако, отношения уже приобрели остро конфликтный характер, каковой сохранился и впоследствии.

Публикуемый корпус писем Белого к Кожебаткину, как и все письма писателя, представляет интерес в качестве «человеческого документа», отражая неповторимые черты его личности; но, может быть, он еще более важен как документ, который поднимает вопрос: как вообще и на что жили писатели-модернисты в это время? «Писатель и издатель» – вот тема, которая ждет своего исследователя. В публикуемых ниже письмах можно найти любопытные материалы на эту тему.

Письма 1, 3-18, 20-24, 26-39 Андрея Белого к А.М.Кожебаткину хранятся в архиве Белого в РГАЛИ (Ф.53. Оп.3. Ед. хр.11). Из них письма 1 и 38 – автографы, остальные – рукописные копии, сделанные К.Н.Бугаевой. Местонахождение автографов, с которых были сделаны эти копии, нам не известно. Письмо 2 (автограф) хранится в Рукописном отделе РГБ (Ф.25. Карт.30. Ед. хр.7). Письмо 19 (автограф) – в ИМЛИ (Ф.11. Оп.2. №19). Письмо 25 (автограф) находится в РГАЛИ (Ф.2705 (Н.В.Власов). Оп.1. Ед.хр.30).

Письмо 31 впервые опубликовано (с неточностями): Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ. Н.В.Котрелева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.171-172 (далее – Путешествие на Восток, с указанием страницы); письмо 39 – в моей публикации (см. примеч. 14 к настоящей статье).

¹⁵ А.Белый. Между двух революций. М., 1990. С.418.

¹⁶ РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7. Геометрическая фигура в тексте – намек на «мистический треугольник» (Белый, А.Р.Минцлова и В.И.Иванов), который оформился в начале 1910 на петербургской квартире Иванова.

Конец ноября 1909, Москва

Многоуважаемый и дорогой Александр Мелетьевич, –

Я просмотрел корректуру лишь редакционно. Могут быть грамматические ошибки и ошибки набора. Спешно еду в деревню; не мог внимательно отнестись к набору. Прими уверение в совершенном почтении и приязни

Б.Бугаев

Датируется по содержанию и стилистике обращения.

Автобиографическая запись за ноябрь 1909 свидетельствует: «держу корректуру (статей для книги «Символизм». – Д.М.); <...> К концу месяца Минцлова меня с А.С.Петровским усылает в Бобровку». См.: *Андрей Белый*. Ракурс к дневнику (январь 1899 – 3 июня 1930). – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1 Ед.хр.100 (далее – РД). О Бобровке см. письмо 2.

Декабрь 1909, Бобровка

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Мелетьевич!

Я проверил корректуру¹; там много типографских ошибок. Времени сверить дословно у меня нет²; быть может, эта корректура уже проверена Вами или Ахрамовичем²; в бывшем же у меня экземпляре множество опечаток.

Среди прочих, отмечаю: на странице 119 сверху так и остался мелкий шрифт.

Боюсь, переставили ли Вы буквы в чертеже первом в тексте. В имевшихся у меня корректурах такой перестановки нет. Надеюсь, что типография отпечатает верно; а то было бы ужасно: листы отпечатаны, а буквы основного чертежа не совпадают с буквами текста³. Я это подчеркиваю потому, что, сколько мне помнится, Вы сказали, что типография уже будет печатать листы, а между тем я прекрасно помню, что в последней, имевшейся у меня корректуре буквы не переставлены.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев

Датируется по содержанию и стилистике обращения. Село Бобровка Тверской губернии – имение А.А.Рачинской, за Ржевом, станция Оле-

нино Виндавской железной дороги. Ср. РД за декабрь 1909: «Приезд Кожебаткина <в Бобровку> с редакционными разговорами». К Рождеству Белый вернулся в Москву.

¹ Корректурa книги Белого «Символизм» (М.: Мусажет, 1910).

² Витольд Францевич Ахрамович (Ашмарин) (1882–1930) – литератор, с которым Белый познакомился в августе 1909 (РД). В сентябре проходил ряд организационных заседаний нового издательства «Мусажет»; в них «участвовали: Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Рачинский, Э.К.Метнер, я, Кожебаткин, Ахрамович, Степпун, Гессен, Нилендер» (РД). Впоследствии Ахрамович сменил Кожебаткина на должности секретаря издательства.

³ По-видимому, имеются в виду чертежи к статье «Эмблематика смысла», написанной в сентябре 1909 и впервые опубликованной в первом отделе «Символизма» (С.49-143; С.639-640).

3

19 января 1910, Бобровка

Дорогой Александр Мелетьевич, как поживаешь? Скоро увидимся. Я совершенно один. Кругом – буря. Посылаю Вам продолжение статьи. Ее следует поместить после «Опыта характеристики»¹, или же после «Описания стихотворения»²; это – последняя статья по ритму³.

Очень, очень еще Вас прошу в присланной с Ал<ексеем> Сергеевичем⁴ порции статьи по морфологии «Ямба» в предварительных корректурах вычеркнуть на «48» (по рукописи) странице таблицу числовых совпадений ямба Брюсова и Блока с ямбами предшествующих поэтов. Всю же статью очень прошу поместить (можно вынуть одну из статей третьей части, например «Искусство» и «Искусство будущего»)⁵.

Присланная статья теоретически важна.

Где же корректуры статей и примечаний?⁶ Неужели книга выйдет в марте?⁷ Я вот уже более недели в деревне, а не получил ни одной порции корректур. Пробуду до конца января⁸. Будьте же добры, голубчик, сообщите сюда подробный адрес Редакции⁹ (представьте: его у меня нет: посылаю письмо через маму)¹⁰.

Ну, всего, всего лучшего.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев

P.S. Мой привет всем. Скажите поэтам, что если они хотят сами работать, то пусть собираются у нас по субботам.

Заказное письмо. Датируется по почтовому штемпелю: «Оленино. Тверск<ая> г<уберния>. 19.1.10». 10–12 января 1910 Белый выехал из Москвы обратно в Бобровку.

¹ Статья «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба», написанная в ноябре 1909, впервые была опубликована во второй части «Символизма» (С.286-330).

² Статья «“Не пой красавица, при мне...” А.С.Пушкина. (Опыт описания)» впервые была опубликована во второй части «Символизма» (С.396-428). Она была написана в декабре 1909 в Бобровке.

³ Имеется в виду окончание статьи «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре», начатой Белым в декабре 1909 в Бобровке, см.: «пишу статью “*Опыт сравнительной морфологии ямбичес<еского> диметра*”. <...> Приезд Кожебаткина с редакционными разговорами» (РД, декабрь 1909). Статья впервые была опубликована во второй части «Символизма» (С.331-395), где она помещена между статьями «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба» и «“Не пой красавица, при мне...” А.С.Пушкина. (Опыт описания)». Это самая длинная статья в книге по ритму (64 страницы).

⁴ А.С.Петровский (1881–1958) – ближайший друг и духовный спутник Белого со студенческих лет, участник кружка «аргонавтов», сотрудник издательства «Мусaget»; антропософ; многолетний сотрудник Библиотеки Румянцевского музея (затем – Библиотеки им. Ленина). О нем см. письмо Белого к Р.В.Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С.59, 62. Петровский провел конец ноября и декабрь 1909 вместе с Белым в Бобровке.

⁵ Статья «Искусство» (1908) впервые была опубликована во второй части («Символизм и современность») книги Андрея Белого «Арабески. Книга статей» (М.: Мусaget, 1911. С.211-219). Статья «Будущее искусство» (1907) впервые была опубликована во второй части «Символизма» (С.449-453), она – последняя в книге. Третьей части в книге нет.

⁶ Обширные примечания к теоретическим статьям, собранным в «Символизме», были помещены в особый раздел книги – «Комментарии» (С.457-633).

⁷ Имеется в виду «Символизм», состав которого обсуждается в письме. 5 апреля 1910 Белый написал предисловие к нему. «Символизм. Книга статей» вышел в свет на неделе 27 апреля – 4 мая 1910 (тираж 1000 экз.).

⁸ Белый вернулся в Москву около 20 января.

⁹ Редакция издательства «Мусажет» находилась на Пречистенском бульваре, д. 31, кв. 9. Кожебаткин служил секретарем издательства в 1909–1911. Его сменил В.Ф.Ахрамович, а затем Н.П.Киселев.

¹⁰ Мать Белого – Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922). Белый жил в ее московской квартире: Арбат. Никольский переулок, д. 21, кв. 5.

4

13 февраля 1910, Петербург

Дорогой и многоуважаемый Александр Мелетьевич!

Вы уже получили мое письмо – не так ли? Ради Бога, скорей вышлите мне денег; мне все нельзя уехать; возьмите из «Мусагета» 44 рубля (6 рублей задолжал Э<милий> К<арлович>¹) и вышлите тотчас переводом; я остаюсь еще до пятницы в Петербурге²; очень, очень нужны деньги. Во-вторых: не медля вышлите мне корректуры диметра («Сравнительная морфология». «Опыт характеристики». «Описание»)³; по этим трем статьям (нужны таблицы), я читаю в четверг в «Академии поэтов» лекцию (устную)⁴; лекция боевая; должен хорошо подготовиться: это нужно не столько для меня, сколько для В.И.Иванова; (тут у него особого рода политика)⁵; завишу от корректур; *вышлите тотчас же*.

Как книга⁶? Отчего нет корректур; спешу окончить письмо. Вторых пишу.

Итак, жду денег и корректур: не подводите меня.

Всем нашим привет. А<лексею> С<ергеевичу> в особенности⁷.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев

<19>10 года 13 февраля

¹ Эмилий Карлович Метнер (1872–1936; псевдоним – Вольфинг) – музыкальный и литературный критик, руководитель московского издательства «Мусажет», основанного им в 1909. См.: Толстых Г.А. Издательство «Мусажет» // Книга. Исследования и материалы. Сб.56. М., 1988. С.112-133; Безродный М. Из истории русского германофильства: Издательство «Мусажет» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник на 1999 год. М., 1999. С.157-198; Юнгрен М. Русский Метнер. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.

² В конце января 1910 Белый выехал из Москвы в Петербург, где он останавливался на квартире В.И.Иванова.

³ См. письмо 3, примеч. 1-3.

⁴ В четверг 18 февраля Белый читал доклад о ритмике русского ямба в «Обществе ревнителей художественного слова» в помещении редакции журнала «Аполлон». В.Пяст подробно написал об этом выступлении в статье «Андрей Белый и поэтическая консерватория» (опубл.: Отклики художественной жизни. 1910. №3. С.125-128; цит. в комментариях Р.Д.Тименчика к кн.: *Пяст Вл. Встречи.* М., 1997. С.317-319). Белый выступил еще два раза там же на эту тему (см. РД за февраль 1910). См. также: «№167. Февраль. <1910> “Ритмика русского ямба” <три выступления>. Лекции в Обществе Ревнителей Художественного Слова. Петербург» (*Андрей Белый.* Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед <...> с 1899 до 1932 года. – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.5об.).

⁵ О роли Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) в так называемой «Поэтической Академии» см.: *Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. №10. С.89-105; *Пяст Вл. Встречи.* С.99-109. Иванов начал читать лекции молодым поэтам весной 1909 на своей знаменитой «башне». В октябре заседания «Академии», официально зарегистрированной в ноябре как «Общество ревнителей художественного слова», состоялись при редакции «Аполлона»; выступили не только Иванов, но и И.Ф.Анненский, М.А.Волошин, Ф.Ф.Зелинский и др. Под словом «политика» Белый, по-видимому, имеет в виду не столько взгляд Иванова на вопросы стихосложения, сколько тот факт, что к началу 1910 уже назрел конфликт мэтра с «молодой редакцией» «Аполлона» о литературной политике нового журнала, которую Иванов все больше считал направленной против символизма и против него лично.

⁶ Т. е. книга статей «Символизм».

⁷ А.С.Петровский (см. письмо 3, примеч. 4).

5

1(?) марта 1910, Петербург

Дорогой и многоуважаемый Александр Мелетьевич, еду в Москву; как книга?! Надо ее выпустить как можно скорее.

Между прочим ужасно прошу Вас перевести по телеграфу скорее мне 25 рублей на дорогу; я получил 50 рублей; 25, я думаю, мне вполне возможно выслать. Скорее, скорее...

О многом, очень многом есть поговорить; откладываю до приезда.
Остаюсь нежно любящий Вас

Борис Бугаев

P.S. Нельзя ли скорее выслать деньги. Надо выехать 3-го, 4-го марта (2-го читаю лекцию)².

Датируется по почтовому штемпелю: «Москва. 2.III.1910». Письмо, по-видимому, было отправлено из Петербурга 1 марта.

¹ Книга статей «Символизм».

² 2 марта Белый читал лекцию «Генрик Ибсен» в аудитории Соляного городка в Петербурге. После 7 марта он вернулся в Москву.

6

Не позднее 5 апреля 1910, Москва

Дорогой Александр Мелетьевич,

Был, не дозвонился; хотел пригласить Вас в цирк. Не был в ресторане. 1) Задержал до 7½ час. Шенрок¹. Очень жаль, что не застал. До 9-10 у Метнера.

Борис Бугаев

Записка датируется по содержанию. «Вскоре по отъезде его (В.И.Иванова. – Д.М.) читаю я публичную лекцию на тему “Лирика и эксперимент”, ответ на которую – появление ко мне тройки молодых людей – Дурылина, Сидорова и Шенрока – с предложением организовать под моим руководством экспериментальную студию по изучению ритма» (*Андрей Белый. Между двух революций. С.351*). Белый читал лекцию «Лирика и эксперимент» в Историческом музее (Москва) в марте 1910 (РД); после того, как он согласился на предложение «мусажетцев» возглавить студию стиховедения, Ритмический кружок начал свою деятельность при «Мусагете»: «встреча с Сидоровым, Шенроком, Дурылиным и организация моего ритмического Кружка» (РД, запись за апрель 1910). Белый сообщал об этом Э.К.Метнеру в марте 1910: «Завтра в два часа дня в Мусагете соберется кружок студентов, желающих заниматься а) теоретической эстетикой, б) историей искусств, с) ритмом; я дам им задачи на лето» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.13). Затем Белый уехал в Бобровку (предисловие к «Символизму» датировано: «1910 года, апрель 5. Бобровка»).

¹ Сергей Владимирович Шенрок (1893-1918) – студент-филолог, активный участник Ритмического кружка.

Апрель 1910, Бобровка

Дорогой Александр Мелетьевич,

1) высылаю обратно присланный корректурный лист; прошу скорей новых листов¹, 2) высылаю регистр к «Смысл искусства»². «Опыт характеристики», «Морфология», «Не пой красавица»³. Очень прошу, чтобы у нас в Редакции начали общую сводку регистра терминов; она займет время; лучше начать заблаговременно, чтобы не было задержек; мне осталось всего 2 статьи; регистр примечаний и собственных имен пришлю тотчас по получению отпечатанных листов⁴.

3) Жду отпечатанных листов.

4) Высылаю газетную заметку о «Логосе»⁵.

5) Нельзя ли уже приготовить обложку для книги – и поплотнее, чтобы она не мялась, а то при обилии страниц обложка может портиться⁶; чем плотнее, тем лучше; цвет – или серый, или желто-серый, или синий; в последнем случае все буквы обложки – черные; в первых двух – черные и красные. Образец бумаги – вышлите.

6) А<лексей> С<ергеевич> просит корректур Бодлера⁸, по мере печатания; еще просит корректур Рэйсбрука⁹.

7) Еще просьба: нельзя ли передать «Весам», что на днях вышло эпилог и чтобы мне в деревню выслали последний № «Весов»¹⁰.

Очень, очень, очень прошу, чтобы Вы, дорогой Александр Мелетьевич, передали мою просьбу о «*Весак*».

8) Скоро ли книга моя выйдет? Надо спешить и спешить. И простите за спешность письма. Тороплюсь отправить. Поклон всем.

Любящий Вас

Борис Бугаев

Датируется по содержанию.

¹ Имеются в виду корректуры книги «Символизм».

² Статья «Смысл искусства», написанная в 1907, впервые была напечатана во втором отделе «Символизма» (С.195-230).

³ См. письмо 3, примеч. 1-3.

⁴ К статьям в «Символизме» нет никаких сопроводительных указателей.

⁵ См. письмо 10, примеч. 1.

⁶ В книге 640 страниц.

⁷ Обложка «Символизма» – без рисунков и украшений, светлого желтоватого оттенка. Наверху черным шрифтом имя автора, под ним

большими красными печатными литерами – заглавие во всю длину переплета.

⁸ А.С.Петровский держал корректуру книги Шарля Бодлера «Стихотворения в прозе» (перевод Элліса). Книга была выпущена в свет «Музагетом» между 17 и 24 сентября 1910.

⁹ См. письмо 9, примеч. 1.

¹⁰ См. РД за декабрь 1909 (Бобровка): «После отъезда (Кожебаткина. – Д.М.) быстро пишу последнюю 7-ую главу “Голубя” и к Рождеству попадаю в Москву». Окончание (шестая и седьмая главы) «Серебряного голубя», «повести в семи главах», было напечатано в последнем (двенадцатом) номере журнала «Весы» за 1909 (С.69-172). «Серебряный голубь» был выпущен отдельной книгой в издательстве «Скорпион» во второй половине мая 1910, но без эпилога (текст его неизвестен; возможно, эпилог и не был написан).

¹¹ Ср. письмо Э.К.Метнера к Белому от 26 июня 1911:

Одни книги нуждаются в адвокате со стороны содержания, другие со стороны внешней формы (т. е. не той, что тесно связана с содержанием). К последним принадлежат Ваши книги, в особенности *Символизм*. <...> Весь материал *Символизма* и отчасти *Арабесок* сплошь ценен, но книги вышли нескладными оттого, что Вы втиснули весь материал только в две книги вместо, м<ожет> б<ыть>, четырех, оттого что Вы увлеклись комментариями, оттого что Вы допустили начать набор до того, как статьи (т. е. основа книги) были приведены в окончательную форму и т. д. Вы все это знаете лучше меня. Ваши книги, даже если все будут проданы до последнего экземпляра, не вернут расходов. Не говоря уже о том, что громоздкая внешняя форма их и высокая цена не способствуют распространению Ваших идей в более широких кругах.

(РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7).

8

Апрель 1910, Бобровка

Дорогой Александр Мелетьевич!

Все опять буду приставать к Вам с книгой.

1) Пожалуйста, поторопите *Типографию*¹; мне что-то не высылают ни корректур, ни отпечатанных листов: до Пасхи книга должна выйти²; иначе лучше отложить до осени: выходить ей нет смысла.

2) Надеюсь, что с обложкой все уже кончено.

3) Пока я не закончил регистра (а закончить могу лишь при спешной высылке всех корректур), *не могу ничего писать*: регистрировать убийственно утомительная, разлагающая работа.

4) Ради Бога, вышлите «Весы»; я не могу писать эпилога, не имея под рукой № (должен для эпилога перечитать 6-ую и 7-ую главу «Голубя»).

5) Жду 36, 37, 38 листов отпечатанными и следующих 39, 40 сверстанными; по получению тотчас же высылаю окончание регистра и собственные имена; кроме того: *лист опечаток*³.

До Пасхи книга *должна*⁴ выйти.

Простите, дорогой Александр Мелетьевич, за спешность письма.

Весь Ваш Б.Бугаев

Датируется по содержанию.

¹ Издательство «Мусaget» не имело своей собственной типографии. «Символизм» печатался в московской Типографии Русского товарищества.

² В 1910 Пасха приходилась на 18 апреля; «Символизм» вышел в свет позже (см. письмо 3, примеч. 7).

³ Список опечаток помещен на отдельной странице (С.636) с указанием: «Автор просит исправить замеченные неточности».

⁴ Слово «должна» подчеркнуто пять раз.

9

3 июня 1910, Демьяново

Дорогой Александр Мелетьевич,

Напишите два слова, как в «*Мусagете*»: 1) вышли ли книги «*Эллиса*» и «*Рейсбрука*»¹, 2) в каком состоянии «*Камена*» и «*Гераклит*»², 3) нет ли мне писем или каких дел, 4) отчего не пришлете корректур статей к проспекту³; Э<милией> К<арлович> меня просил, как и Эллиса⁴, просмотреть *все* корректуры, перед отправлением к нему⁵: с проспектом надо торопиться. 5) Получили ли корректуры статей? 6) Не шлю статьи о *Ибсене* (скоро кончу ее)⁶; задерживал оттого что работаю много над материалом к статьям в «Луг Зеленый»⁷; думаю дать Вам статьи о лирике «*Пушкина, Тютчева и Баратынского*»: собираю данные⁸.

Если выпадет денек, приезжайте к нам; здесь очень хорошо. Во всяком случае жду письма.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев

P.S. Читали ли Вы статью Философова «Рэйсбруки удивительные»? Это – просто вызов⁹. Привет всем. Что Алексей Сергеич, в Москве? Ему отдельный привет.

P.P.S. Если книги (Эллиса и Рюсбрук <так!>) вышли, вышлите мне.

Датируется по почтовому штемпелю: «Клин – Москва. 3.6.10». В мае 1910 Белый выехал из Бобровки в Демьяново (Клинского уезда Московской губ.), где его мать жила на даче. Он оставался там до конца июня.

¹ Имеются в виду следующие книги, выпущенные издательством «Мусажет» в 1910: *Эллис*. Русские символисты: Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Андрей Белый; *Рэйсбрук Удивительный*. Одевание духовного брака / Вступит. ст. Мориса Меттерлинка; пер. Михаила Сизова. Книга Эллиса вышла в свет в середине июля, «Одевание духовного брака» – в конце июня – начале июля. Ср. РД за ноябрь 1909: «читаю Рейсбрука “Одевание духовного брака” и Меттерлинка. “Рейсбрук удивительный”».

² Книга статей Б.А.Садовского «Русская Камена» вышла в свет в издательстве «Мусажет» в начале ноября 1910; в начале октября вышла книга: *Гераклит Ефесский*. Фрагменты / Пер. Владимира Нилендера.

³ См. письмо Белого к Э.К.Метнеру от апреля 1910 из Бобровки:

Но о делах: Полуботкин мне говорил, что, кажется, Вы с ним говорили о том, чтобы я написал проэкт для «*проспекта*» книгоиздательства – так ли я понял Полуботкина, и вот по настоянию Полуботкина (pardon!) – Кожебатки – виноват: Кожебаткина (спутал с покойным Полуботко) – я написал и отсылаю в «*Мусажет*»: ради Бога, Эмилий Карлович, исправьте, раскритикуйте, забракуйте, дополните, убавьте, напишите сами – словом поступите с «*проэктом конспекта*» по своему усмотрению, пусть Полуботко – виноват: «*Кожебаткин*» Вам принесет мой «*проэкт конспекта*», то есть проэкт и конспект – «*проспекта*» для нашего издательства; я набросал лишь черне.

(РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.12).

А в июне он писал ему же: «...хорошо бы, если бы Вы подгоняли Кожебаткина; я со своей стороны ему написал, что медлить с проспектом нечего, что книги надо выпускать скорей (разумея Рэйсбрука и Эллиса); корректур проспекта не получал» (Там же. Ед.хр.14). Ср. письмо Метнера к Белому от 17 сентября 1910 из Пильница: «Полагаю, что проспект Мусажета еще рано выпускать, т. к. каталог пока слишком ничтожен. Да и весь материал, который мы обсуждали с Вами и с Эллисом весною надлежит еще и еще раз продумать, чтобы не показаться смешным» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.6).

⁴ Эллис – Лев Львович Кобылинский (1879–1947) – поэт, переводчик, критик; один из ближайших сотрудников «Мусагета».

⁵ 17 сентября 1909 Э.К.Метнер писал Белому о новом издательстве и предполагаемом журнале при нем:

Никакого абсолютизма (ни в чем) я не признаю; я – консул, а не диктатор; но сенат – Вы и Эллис; <...> *все* (подчеркнуто дважды. – Д.М.) должны знать, что Вы и Эллис очень даже «причастны внутренним делам редакции»; <...> Все равно я ничего не напечатаю без Вашего совета и без выслушания мнения Эллиса. <...> будет редакция, состоящая из трех лиц.

(Там же. Ед.хр.5).

⁶ См. РД за май 1910: «Много читаю Ибсена; пишу статью “Кризис сознания и Генрих Ибсен”». Статья впервые была опубликована в книге «Арабески» (С.161-210).

⁷ РД за ноябрь 1909: «Устанавливаю материал статей для “Арабесок” и “Луга Зеленого”. Книга статей Белого «Луг зеленый» вышла в свет в московском издательстве «Альциона», возглавляемом Кожебаткиным, в конце июля 1910. Тираж 1200 экз.

⁸ В письме от июня 1910 из Демьянова Белый писал Э.К.Метнеру: «пока что кончаю статью об “Ибсене”, работаю над поэтами» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.14). Ср. РД за июнь 1910 (Демьяново): «Бешеная работа над пятистопным ямбом Пушкина, Тютчева, Баратынского, паузными формами; уточняю номенклатуру записи ритма; ряд методологических проблем; собираю материал по *эпитетам* к работе “Стихии у Пушкина, Тютчева, Баратынского”». Исследования пятистопного ямба Пушкина, Тютчева и Баратынского были обсуждены в Москве на заседании Ритмического кружка при «Мусагете» 4 октября 1910; см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып.515. Тарту, 1981. С.102. (Труды по знаковым системам. Т.12). Белый являлся написать брошюру о природе в творчестве Пушкина, Баратынского и Тютчева для серии «Русские мыслители», выпускавшейся в 1913–1914 издательством «Путь», но работа тогда не была выполнена. См.: Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В.И.Кейдана. М., 1997. С.505-506. Работа Белого над языком поэтов легла в основу позднейшей статьи (1916) «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (см.: *Андрей Белый.* Поэзия слова. Пб., 1922. С.7-19).

⁹ Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от июня 1910: «Кругом, пока что, невесело: Философов нас изругал в фельетоне “Рэйсбруки удивительные”. Вообще нас будут травить – это ясно» (РГБ. Ф.167. Карт.2.

Ед.хр.14). Имеется в виду статья Д.В.Философова (1872–1940) «Рейсбруки удивительные» (Русское слово. 1910. №121, 29 мая). В частности, Философов писал:

Недавно один очень замечательный московский литератор обрушился на современных издателей, которые предали русскую литературу, превратили ее в международную «штемпелеванную калошу» <...>

Но как бороться с таким «прискорбным явлением»? Казалось бы, путь простой: издавать не «штемпелеванные калоши», основать русское культурное книгоиздательство и бороться с врагом на почве свободного соревнования. И вот в Москве основывается, наконец, такое предприятие, причем буйный литератор, возмущенный «международностью» своих конкурентов, принимает в этом издательстве ближайшее участие. Но что же оказалось? В новом книгоиздательстве русскими книгами почти не пахнет. Издают переводы рукописей Леонардо, перевод романа Бальзака «Серафита», мистические произведения Рейсбрука удивительного и в довершение всего «Логос» – русское издание нового международного ежегодника по философии культуры, под общей редакцией С.И.Гессена, Э.К.Метнера и Ф.А.Степуна. Задача журнала – приобщить русскую культуру к общей культуре Запада и тем содействовать созданию в России бесспорной, прочно установившейся философской традиции. <...> Но «Логос» занимается, так сказать, не «вывозом» (русской философской мысли на Запад. – Д.М.), а «ввозом». Приобщение русской культуры к западной состоит в насаждении в России «когенианства» и «риккерттианства». <...> при чем тут «приобщение» русской культуры к западной? При чем тут вопли о «штемпелеванной калоше»? Разве Риккерт, Когены, Рейсбруки удивительные и Степуны неудивительные в известном отношении – не та же «штемпелеванная калоша»? Разве переводы Рейсбруков и «Серафиты» не идут навстречу международно-теософскому спросу на легко перевариваемую мистику? <...> Появление же нового «мистического» книгоиздательства, воображающего, что оно насаждает культуру, – факт скорее печальный. <...> Вне строгой дисциплины, вне положительной религии, пропаганда мистических идей – дело вредное, антикультурное.

(Там же).

По-видимому, Философов нарочно перепутал названия двух фельетонов Белого. Он имеет в виду не «Штемпелеванную калошу. На перевале. VII» (Весы. 1907. №5. С.49-52; подпись: «Борис Бугаев»), а «Штемпелеванную культуру. На перевале. XIV» (Там же. 1909. №9. С.72-80; подпись: «Борис Бугаев») О втором из них см.: *Безродный М.*

10

Июнь 1910, Демьяново

Дорогой Александр Мелетьевич, жду: привези, пожалуйста, экземпляр «Логоса»¹, «Гиппиус»² и «Рэйсбрука»³ для Вл. и С. Танеева⁴; привези мне «Символистов» Эллиса⁵.

Остаюсь любящий Тебя

Б.Бугаев

Открытое письмо. Датируется по содержанию.

¹ В мае 1910 вышел первый номер международного журнала по философии культуры «Логос» (до 1914 выпускался в России издательством «Мусaget»). В нем была напечатана рецензия Белого на книгу Э.Бутру «Наука и религия в современной философии» (СПб., 1910) (С.282-284; подпись: «Борис Бугаев»); во втором номере «Логоса» опубликована статья А.Белого «Мысль и язык (Философия языка А.Потебни)» (С.240-258). Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от июня 1910: «Если летом увидите Степпуна, скажите ему, что о *Логосе* я не написал потому, что опять-таки *негде* писать; идти на поклон в жидовские органы при их ненависти ко мне не хочу» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.14). О «Логосе» см.: *Безродный М.В.* Из истории русского неокантианства: Журнал «Логос» и его редакторы // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.372-407.

² Имеется в виду «Собрание стихов: Книга вторая, 1903–1909» З.Н.Гиппиус, выпущенное издательством «Мусaget» в конце апреля – начале мая 1910.

³ См. письмо 9, примеч. 1.

⁴ «Июнь проводил я в Демьянове, имении В.И.Танеева, где протекло мое детство, где не был я с 1891 года» (*Андрей Белый.* Между двух революций. С.354). Владимир Иванович Танеев (1840–1921) – юрист, философ, социолог, брат композитора, музыковеда, профессора и директора Московской консерватории Сергея Ивановича Танеева (1856–1915). Ср. РД за июнь 1910: «Демьяново. <...> Часто встречаюсь и спорю с Влад. Иван. Танеевым <...> встречи <...> с Танеевым».

⁵ См. письмо 9, примеч. 1.

Дорогой Александр Мелетьевич! Жду книг: вышлите «Серебряного Голубя»¹. «Рейсбрука»². Ради Бога скорей. Корректуры высылаю³. *Не медлите.*

Искренне преданный

Б.Бугаев

Открытое письмо; датируется по содержанию: в конце июня 1910 Белый ездил через Москву в Боголюбы (Волынской губ.) под Луцком, в имение В.К. и С.Н. Кампиони, отчима и матери А.А.Тургеневой. Он провел там весь июль.

¹ См. письмо 7, примеч. 10.

² См. письмо 9, примеч. 1. 24 июня 1910 Белый писал Э.К.Метнеру из Демьянова: «...вышел Рэйсбрук – и прелестно; обложка – совершенство; содержание – поразительно» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.15).

³ Корректуры книги статей «Луг зеленый»: «Правлю корректуры «Луга Зеленого»» (РД. Боголюбы, июль 1910). Книга вышла в свет в самом конце июля 1910. Приблизительно в это же время Белый отправил Кожебаткину следующую записку (без даты) о содержании книги:

Дорогой Александр Мелетьевич: все собрал и рассортировал: ради Бога, не потеряйте: тут установлен окончательный порядок статей. Некоторых № нет: *прошу очень достать*. Ну всего лучшего. Борис Бугаев.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.3. Ед.хр.11; копия).

Дорогой Александр Мелетьевич, корректуры отправляю; никаких существенных изменений нет; надеюсь, что Вы печатаете мою книгу, не ожидая корректур; можете не присылать корректуры; надо книгу приготовить к середине августа; если фельетоны о Жоресе не нашли¹, известите: адрес все тот же; ввиду того, что я вернее всего буду в Москве не ранее первых чисел августа², ввиду некоторых непредвиденных расходов, мне можно будет в счет августа выслать 30 рублей + 15 июльских (не взятых в июле), то есть, *всего 45 рублей*: пришлите, дорогой, к концу июля. Буду ждать. Как печатаемая

Вами книга? Надеюсь, вышла. Вышлите экземпляр. Да, еще: адрес Э<милия> К<арловича> мне необходим³. Пришлите.

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев

P.S. Адрес: Луцк (Волинской губ.). Лесничему Владимиру Константиновичу Кампиони. Для меня. Итак: жду 45 рублей к концу июля.

Датируется по содержанию.

¹ Жан Жорес (Jaures; 1859–1914) – руководитель Французской социалистической партии, историк, публицист. Белый познакомился с ним в Париже в декабре 1906: «знакомство и ежедневные завтраки с Жоресом <...> Читаю “Humanite” (газета была основана Жоресом. – Д.М.); посещаю митинги французских социалистов» (РД). Встречи продолжались в январе 1907: «Месяц открывается тем, что меня перевозят в лечебницу и делают операцию; <...> Жорес присылает приветы и спрашивается о здоровье; <...> Мои ежедневные беседы с Жоресом на темы: философии, русской общественности, литературы; заинтересовываю Жореса Мережковскими»; и в феврале: «Знакомлю Мережковских с Жоресом; знакомлю Минского с Жоресом. <...> читаю Рэнувье “Эскиз систематической классификации” (2 тома). Разговоры о Рэнувье с Жоресом» (РД). Белый опубликовал два фельетона об этих встречах: Силуэты. I. Жорес // Накануне. 1907. №20, 6 июля; Из встреч с Жоресом // Час. 1907. №2, 14 августа. Белый предполагал включить их в сборник статей «Арабески», который готовился к печати в это время (был выпущен «Мусagetом» в начале марта 1911). Ср. письмо Э.К.Метнера к Белому от 1 февраля 1911: «Ваши Арабески выйдут, но статьи о Шолом Аше и Жоресе мы выпустили; уж очень они по стилю не соответствуют остальной книге...» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7). О Жоресе см. также: Андрей Белый. Между двух революций. С.135-153.

² Белый вернулся в Москву в начале августа; см. его письмо Э.К.Метнеру от 15 августа 1910: «Я живу в Москве вот уж пятый день» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.16). Оттуда он ездил в Демьяново.

³ В это время Метнер был во Франции и сам не знал адреса Белого. 6 августа он писал ему из Пильница: «Не сочтите моего молчания за жестокую неотзывчивость. Я все время ждал от Вас (после Вашего отчаянного письма от 24/VI из Клина) уведомления, где Вы находитесь, и адреса Тургеневых, кот<орый> Вы обещали в этом письме немедленно мне выслать. <...> Решил написать Вам в Мусaget; авось перешлют» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.6). Ср. письмо Белого Метнеру от 24 июня 1910: «На днях еду к Тургеневым, от них напишу Вам, и адрес сообщу» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.15).

Глубокоуважаемый Александр Мелетьевич!

Сейчас вернулся из «Праги» и тотчас пишу Тебе; я – в совершеннейшей ярости; завтра, когда проснусь, злость остынет, и я уже не напишу столь резких слов. Но и именно сейчас запечатываю письмо в конверт; чтобы *подлинное* чувство обиды не выдохлось под маской миролюбия, деликатности и эмпирической застенчивости, столь свойственных мне в общезитии.

1) Время Андрея Белого сейчас драгоценно; у него заняты до отъезда все часы. Я ждал *тщетно* Кузьмина <так> с Тобой два часа¹.

2) Сегодня у меня должен был быть с Анной Алексеевной решительный разговор². Я его отменил для того, чтоб уделить свое время Кузьмину. Ты меня звал, и *ради Тебя* я обидел Асю (которая мне дороже всех в мире эстетов, педерастов, рамоли, пьяниц, снобов и т. д. в мире).

3) Когда я, художник Андрей Белый, который имел бы права на каприз à la Бальмонт, даю обещание, то я его пунктуально исполняю. Я сказал, что буду в Праге, и был: *меня должны³* были предупредить; это – разгильдяйство, что меня не предупредили. Ты меня позвал, оторвал от разговора важного и не уведомил, *не⁴* пришел. Я считаю это за личное оскорбление себе. И тотчас же становлюсь к Тебе не на дружеское, а на *формальное отношение*.

4) Передай М.А.Кузьмину, что, ввиду моего отъезда за границу⁵, я его не имею время <так!> видеть. (Все часы у меня разобраны.)

5) Я человек бедный, и, увы, каждый рубль у меня на счету; я вчера истратил в «Праге» много для себя денег (6-ть рублей). Денег у меня мало. Я не могу позволить себе часто такую роскошь, как рестораны; и если Ты зовешь меня в «Прагу», надо уж и приходиться.

Б.Бугаев

Датируется по содержанию.

¹ 15 ноября 1910 Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) записал в свой дневник: «Вечером были (с актером Н.Д.Кузнецовым. – Д.М.) в “Праге” с мусажетчиками». Кузмин ужинал вместе с Кожебаткиным и Кузнецовым и 14 ноября («...после ужина, где были Рябушинский и Кожебаткин...»), и 16 ноября («Вечером были Ракитин и Кожебаткин у нас, ужинали») (цит. по тексту, подготовленному Н.А.Богомоловым и С.В.Шуმიным к печати). Белый, по-видимому, перепутал или дату или время назначенного ужина.

² Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890–1966) – художница. Белый относил свое «сближение с Асей (она рисует мой портрет)» к апрелю 1909 (РД). В конце июня он поехал в Боголюбцы (см. предыдущее письмо): «Ряд ответственных разговоров с Асей Тургеневой» (июль); «Судьба наша с Асей решена; <...> Приезд Аси (в Москву в конце месяца. – Д.М.)» (август); «вопросы отъезда» (ноябрь, РД). Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от 15 августа 1910: «Я счастлив; дни проведенные с Асей были для меня блеском, восторгом, песней; <...> через Асю я опять омытыми от слез глазами смотрю на мир; и мир – ясен; в Асе я нашел смысл и счастье жизни; бережно, тихо должен я созидать путь к ней. Мы близки друг другу: если у меня будет жена, то это будет – Ася, или никто; <...> Ася едет в Москву; будет здесь 5 месяцев; в эти пять месяцев мы решим, будет ли она моя на всю жизнь» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.16).

³ Подчеркнуто пять раз.

⁴ Подчеркнуто три раза.

⁵ 26 ноября (9 декабря 1910) Белый и Ася Тургенева отбыли из Москвы в заграничное путешествие.

14

12 декабря (н. ст.) 1910, Венеция

Дорогой Александр Мелетьевич!

Мы – в Венеции¹; Венеция превзошла все мои ожидания; она – сплошное великолепие. Всего один день мы там, а уже с грустью покидаем. Привет «Мусагету». Привет Жанне Евгеньевне². Привет Тебе.

Любящий Б.Бугаев

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «Venezia. 13.12.10»; «Москва. 4.XII.1910».

¹ 12 декабря Белый и А.А.Тургенева проездом были в Венеции.

² Жена А.М.Кожебаткина.

15

13 декабря (н. ст.) 1910, Рим

Милый Александр Мелетьевич!

Привет. В Риме. Сейчас едем в Неаполь. Тепло. Зеленеют поля и прекрасные эвкалипты. В итальянцах много есть русского. Привет

Ж<анне> Евг<еньевне>, Садовскому¹; скажите ему, что в Италии вспоминал его.

Б.Бугаев

Открытое письмо; почтовый штемпель: «5 декабря 1910, Москва».

¹ Борис Александрович Садовской (наст. фам. Садовский; 1881–1952) – поэт, прозаик, критик, историк литературы. Кожебаткин, как и Садовской, был выпускником нижегородского Дворянского института Александра II. Издательство «Альциона» выпустило в 1911 книгу рассказов Садовского «Узор чугунный» и в 1914 – сборник его стихов «Самовар». О Садовском см.: *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С.421-422.

16

17 или 18 (н. ст.) декабря 1910, Палермо

Envoyez vite explications viennent. Bougaieff.¹ Palmes.

Телеграмма получена в Москве 5 декабря 1910. Приехав в Палермо, Белый и Ася Тургенева остановились на несколько дней в роскошном Hotel des Palmes, знаменитом тем, что в нем Вагнер заканчивал оперу «Парсифаль». Не позднее 24 декабря они переехали в Монреале (городок в горах над Палермо, в 5 км от него).

¹ Вышлите <денег> быстро. Объяснения следуют. Бугаев (*франц.*).

17

Вторая декада декабря (н. ст.) 1910, Палермо

Дорогой друг. Привет. На днях пишу письмо деловое; что же телеграмма с переводом? В ожидании ответа и денег каждый день обходится в три раза дороже. Привет, дорогой друг. От Аси – тоже.

Б.Бугаев

Открытка с видом монреальского собора. К.Н.Бугаева в примечании к копии письма сообщает, что почтовые штемпели неразборчивы.

24 декабря (н. ст.) 1910, Монреале

Дорогой Александр Мелетьевич,
деньги получил: на днях пишу подробно. Постоянный адрес:
Italia. Sicilia. Monreale. Ristorante Savoia.¹ A monsieur Boris Bougaieff.
Жду письма, рукописей, корреспонденции, сведений. Две недели ни
от кого нет известий. Мы в Монреале; здесь красиво и дико. Ну, до
свиданья!

Привет Жанне Евгеньевне.

Любящий Тебя

Б.Бугаев

Открытое письмо. Почтовый штемпель: «Monreale. 24.12.10».

¹ См. главу «Ristorante Savoia» в кн.: *Андрей Белый*. Путевые заметки. Т.1: Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922. С.152-154.

Третья декада декабря (н. ст.) 1910, Монреале

Дорогой друг!

Посылаю один за другим 3 фельетона в «*Утро России*» (маленьких). Один в «*Речь*», и пока успокаиваюсь: пишу для «*Мусагета*»¹. Все фельетоны пересылай тотчас в «*Утро России*» и в «*Речь*».

Вот где живем: где «*a*» наш дом над долиной апельсиновых рощ; «*b*» – часть Палермо; «*c*» – море; «*d*» – Монреальский собор². Пишу на днях. Здоровы, все хорошо.

Любящий Тебя

Б.Бугаев

P.S. Что «*Мусагет*»?

Открытка: «Monreale. Panorama». Московские штемпели: «20.XII. 1910»; «21.12.10».

¹ В Монреале Белый начал работу над путевыми очерками – с целью публикации в газетах. Из предполагаемых гонораров он планировал оплатить дорожные расходы и отчасти свой долг «*Мусагету*» за полученные авансы в счет будущих книг. Как видно из следующих писем, вполне разумный план Белого почти сразу столкнулся с трудностями. Газета «*Утро России*», в которой Белый опубликовал несколько фелье-

тонов в 1910, не хотела печатать путевые очерки (см. письмо 7, примеч. 2) и опубликовала лишь один из них – «Арабы (Из писем с дороги)» (Утро России. 1911. №77, 5 апреля). О фельетонах, помещенных в «Речи», см. письмо 21, примеч. 2.

² Монреальский собор (1174–1189) – памятник нормано-сицилийского стиля, знаменитый своими мозаиками работы греческих (византийских) мастеров. См.: *Андрей Белый*. Путевые заметки. Т.1. С.136-151.

20

30 декабря (н. ст.) 1910, Монреале

Дорогой Александр Мелетьевич,

на этот раз пишу только деловое письмо: 1) Ася просит прислать оттиски на разных бумагах «Stigmata» и «Альманах»¹; если бы это оказалось невозможным, Ася просит Тебя поговорить с Натальей Алексеевной², ибо она ей говорила о том, как она себе представляет обложку. Пришли, пожалуйста; это лучше всего.

2) Посылаю фельетон №2; пошли, пожалуйста³, в «Утро России». Если можно, переговоры с Алексеевским³, сколько могут они печатать в месяц моих фельетонов о Сицилии; иначе я буду посылать и в «Речь» и в «Утро России» на те же темы. Вначале буду писать по 4 фельетона в месяц; прошу Тебя выслать мне мой фельетон о Толстом⁴, а также выслать все фельетоны следующие. Из суммы фельетонов об Италии, думаю, составитя для «Мусагета» книга⁵; хочу об Италии писать много.

3) Вышли мне всю корреспонденцию тотчас и, какие нужны, книги; Монреаль покидаем через две недели. Письма же идут дней 6, вероятно; итого, если тотчас же переслать все следующее мне, то только через 12 дней получу ответ; а через 14 дней уезжаем; долго жить в Монреале нельзя, неудобно.

4) Ввиду того, что мне нужно купить костюм и кое-что еще, а неделя в Монреале стоит 130 <:> пансион + еще издержки то на то, то на другое – итого лир 160 минимум, то месяц – 640 лир; остается очень мало (совсем мало для осмотра); и потому первые два-три месяца прошу прислать гонорары за три фельетона в месяц, ежели оные будут напечатаны. Пишу обстоятельней об этом на днях; скоро пришлю Тебе письмо об Италии, Ал<ексею> Сергеевичу, а также Эм<илию> Карловичу.

5) Приступаю на днях к драме; думаю написать в Монреале⁶. Передай Метнеру, что статью о Ник<олае> Карловиче вышло в тече-

ние декабря⁷. С января пишу в альманах для поэтов⁸. Жду подробно-го письма. Целую Тебя крепко. От Аси привет.

Любящий Борис Бугаев

Адрес. Italie, Sicilia, Monreale, Ristorante Savoia. A M. Boris Bougaieff.

Датируется по почтовому штемпелю: «Monreale. 30.12.10».

¹ А.А.Тургенева оформила обложки трех книг, изданных «Мусагетом»: «Stigmata. Книга стихов» Эллиса (вышла в свет 16–23 февраля 1911); «Антология» (2–9 июня 1911); «Цветник царевны. Третья книга стихов (1909–1912)» Сергея Соловьева (28 января – 4 февраля 1913). 11 января 1911 Э.К.Метнер писал Белому: «Обе обложки Аси мне очень понравились, особенно для Стигматов» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7).

² Н.А.Тургенева (1886–1942) – сестра А.А.Тургеневой, жена А.М.Поццо, деятельница антропософского движения.

³ Аркадий Павлович Алексеевский (1871–1944) – член редакции «Утра России», родственник Леонида Андреева.

⁴ Вероятно, подразумеваются «Воспоминания о Л.Н.Толстом» Белого, оставшиеся тогда неопубликованными. Впервые напечатаны Львом Озеровым по автографу, хранившемуся в его собрании, см.: *Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации.* М., 1988. С.638–644.

⁵ Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от 1 января 1911 из Монреале: «сейчас жарю ежедневно по фельетону; кажется, сумма фельетонов обещает составить книгу “Путевые заметки”: собираюсь предложить “Мусагету”» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.25). Книга, состоящая исключительно из фельетонов об Италии, Белым сделана не была. Его путевые впечатления от Италии вошли в «Путевые заметки», готовившиеся в 1912 к изданию в «Мусагете». После того как Белый порвал отношения с этим издательством, они были переданы издательству «Сирин». Однако первый том этой книги (в переработанном виде) был опубликован позднее дважды: 1) Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М., 1921 (начало посвящено итальянским впечатлениям (С.1–116), остальное – Тунису (С.117–199)); 2) Путевые заметки. Т.1: Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922 (во втором издании более полная редакция текста: Италия (С.15–170), Тунис (С.173–307)).

⁶ В июне 1910 Белый писал Э.К.Метнеру из Демьянова: «собираюсь писать драму (хочется летом ее написать): драма должна называться “Красный Шут”» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.14). Пьеса никогда не была написана. Название «Красный шут» ассоциируется с сюжетом будущего романа «Петербург».

⁷ Имеется в виду Н.К.Метнер (1879–1951). 15 августа 1910 Белый писал Э.К.Метнеру: «На днях пишу статью о Ник<олае> Карловиче; материал есть» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.16). 16 января 1911 он писал ему же: «Сначала дам на-днях *силуэт Ник<олая> Карловича* в “*Утро России*”» (Там же. Ед.хр.27); а 21 февраля 1911: «Пишу завтра о Ник<олае> Карл<овиче> (силуэт) и высылаю тотчас, чтобы к 7-ому марту <так!> можно было бы напечатать в “*Утре России*”» (Там же. Ед.хр.30). 21 марта 1911 Э.К.Метнер сообщал Белому о судьбе его статьи о музыке Н.К.Метнера:

Статью Вашу о Коле *Утро России* отклонило ввиду ее не-газетности; т. к. в этой же газете была помещена восторженная статья о Коле Георгия Конюса, где он называет его *титаном*, то отклонение Вашей статьи, конечно, объясняется не темой ее, а формой.

(РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7).

Статья не была опубликована при жизни Белого, а лишь гораздо позднее, см.: *Андрей Белый. Снежные арабески. Музыка Метнера / Публ. С.Воронина // Советская музыка. 1990. №3. С.118-122.*

⁸ Имеется в виду «Антология» (см. примеч. 1) – единственный коллективный поэтический сборник «Мусагета», в котором были опубликованы стихи и уже известных, и многих молодых поэтов. Среди них были два стихотворения Белого – «Перед старой картиной» (С.29-31) и «Вещий сон» (С.32-33). Оба были написаны в Москве до его отъезда за границу; вошли в сборник Белого «Королева и рыцари» (1919).

21

31 декабря (н. ст.) 1910, Монреале

Дорогой Александр Мелетьевич,

шлю только деловое письмо; и прошу очень его сообщить Э<милю> К<арловичу>, которому с своей стороны сообщаю <так!>. В Монреале – дивно, но в комнатах холодно, дорого, неудобно; спешим в Тунис¹. Адрес: Tunis, poste restante, a monsieur Boris Bougaieff. Из Туниса шлю телеграмму; по получению телеграммы вышли тотчас 150 рублей (очень надо) и вычти их из первых трех-четырех напечатанных фельетонов. 3 фельетона уже посланы; 4-ый следует; 5-ый – тоже. Узнай в «*Утре России*», смогут ли они 1 раз в неделю печатать мои «*Путевые заметки*»: если нет, то фельетон о Палермо уже пошли в «Речь», зачеркнув «№3»². Собираюсь писать много о дорожных впечатлениях – для книги. И потому прошу очень порядок и самые фельетоны (по напечатании) хранить в «*Мусагете*»,

присылая их мне; почты из России уже не дождусь; мне, вероятно, пришлют в Тунис от Тебя письма; пока – ни от кого – ничего; жажду знать о Москве; к пятому русскому январю жду получения следующих 300 рублей. Итого 150 экстренных в Тунис (3 фельетона в течение месяца покроют) по получению моей телеграммы; и 300 к пятому русскому январю. Эмилия Карловича уведомяю о том же: поговори об этом с ним; что «Русская Мысль»? Как идет там моя статья?³ В Тунисе начинаю работать серьезно, сейчас – строчу фельетоны. Дороговизна в Сицилии адская; дерут ужас как, а нас, объясняющихся телодвижениями, – подавно. В «Тунисе» займусь итальянским; а все же там – французы. Ну, прощай. Целую Тебя.

Любящий Борис Бугаев

¹ Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру из Радеса (середина января н. ст.) 1911: «...и бежали... в Монреаль, где тоже было недешево, холодно, где нас душили, коптили, морозили и где помещение наше с невероятно красивым видом дребезжало, как жестяная коробка. Мы жили в жести и в камне, что зимой... порой нестерпимо; наконец в наших окнах развалились рамы; дождь и мокрота пролились в комнаты. Мы бежали в Тунис» (Путешествие на Восток. С.152).

² «Речь» опубликовала семь нумерованных фельетонов Белого в серии «Путевые заметки» в течение 1911: 1) «Венеция» (№24, 25 января); 2) «От Венеции до Палермо» (№32, 2 февраля); 3) «Палермо» (№43, 13 февраля); 4) «Пестрый сфинкс» (№151, 5 июня); 5) «Смех и слезы» (№179, 3 июля); 6) «Радуга Монреаля» (№200, 24 июля); 7) «Тунис» (№267, 29 сентября). Ср. сообщение об этих фельетонах в письме А.С.Петровского к Белому от 29 января 1911: «...их (путевые очерки. – Д.М.) переправили в Речь, где и появился 4 дня тому назад первый фельетон» (РГБ. Ф.25. Карт.21. Ед.хр.16).

³ Имеется в виду статья «Лев Толстой», опубликованная в первом номере журнала «Русская мысль» за 1911 (Отд. II. С.88-94); вошла в состав книги Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911).

22

4 января (н. ст.) 1911, Тунис

Vite vite trois cents¹. Tunis. Hotel Eumon. Bougaieff.

Телеграмма получена в Москве 23 декабря 1910.

¹ Быстро, быстро триста <рублей> (франц.).

23

4 января (н. ст.) 1911, Тунис

Дорогой Александр Мелетьевич,

Мы – в Тунисе. Письма лучше – *poste restante*. Деньги – скорей (150 р.). Объяснение – в письме. Адрес – *Tunise. Hotel Eumon, №10*. Мне. Странно, солнечно, пестро.

Целую.

Б.Бугаев

Ж<анне> Е<вгеньевне> привет. «*Musagetu*» – привет.

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «*Tunis. 4-1-<11>*»; «<Москва>. 29.12.10».

24

4 января (н. ст.) 1911, Тунис

Дорогой Александр Мелетьевич!

Вторая – открытка; скорей 150 рублей (по переводу и адресу) *Tunis. Hotel Eumon*. А письма лучше: *Tunis. Poste restante*. Странно¹. Привет.

Б.Бугаев

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «*Tunis. 4-1-11*»; «Москва. 29.12.10».

¹ Белый подробно изложил впечатления от Туниса в «Путевых заметках» (Т.1. С.173-236).

25

Середина января (н. ст.) 1911, Максудла-Радес

Дорогой Александр Мелетьевич!

Вот адрес; сюда корреспонденцию, книги и пр<очее>. *Africa. Tunis. Maxulla-Radès. A Madame Rebeyrol, buraliste à Radès. Pour M. Bougaieff; Maxulla-Radès – станция ж<елезной> д<ороги>. Rades – арабская деревня¹*. Привет. Б.Бугаев.

<Приписка А.А.Тургеневой:>

С новым годом. Привет от Аси.

Открытка с видом Туниса: «Tunisie. Au concert arabe» («Тунис. На арабском концерте» (франц.)). Марка оторвана. Почтовый штемпель сохранился частично: «Махулла-Радес. <19>11». Отправлена на адрес «Мусагета».

¹ Белый и А.А.Тургенева, приехав в Тунис 4 января (н. ст.) 1911, с 13–14 января поселились в Радесе (деревня близ города Туниса). См.: «В Тунисе опять-таки мы сидели 9 дней, ожидая перевода» (письмо Белого к Э.К.Метнеру из Радеса от середины января (н. ст.) 1911); см. также: Путешествие на Восток. С.152. О Радесе см.: Путевые заметки. Т.1. С.237-290; Андрей Белый. Между двух революций. С.369-372.

26

Середина февраля (н. ст.) 1911, Максулла-Радес

Дорогой Александр Мелетьевич!

Обращаюсь к Тебе с письмом: я ужасно на Тебя досадовал это время за молчание и за опоздание денег. Но Ал<ексей> Серг<еевич> мне написал, что тут вина не Твоя; и извиняюсь... Но все же с молчанием о «Мусагете» принципиально не мог мириться; теперь Ал<ексей> Серг<еевич> будет мне писать¹. Вот хотя бы молчание о том, что «Утро России» не хочет печатать мои фельетоны, для меня почти удар², ибо все мои надежды на то, что количеством фельетонов я покрою 3000; для этого надо 60 фельетонов; и мне их легко писать, ибо пишу то, что вижу. Но ужасно³, почти невыносимо писать в Африке «Голубя»⁴, когда притягивает – араб⁵. Если «У<тро> Р<оссии>» отказывается печатать мои фельетоны 2 раза в месяц, нельзя ли устроиться мне в «Русском Слове»⁶. Ведь для меня вопрос насущный, вопрос жизни и смерти, покрыть 3000: я не один: я должен думать об Асе: в ней весь смысл моей жизни; для нее только я и готов жить; и мысль, что вместе со мной она будет обречена на голод и холод, меня ужасает, лишает спокойствия. Ради Бога, устрой как-нибудь мое сотрудничество постоянное в «Русском Слове». Ведь «Путевые заметки» по плану книга⁷, состоящая не менее <чем> из 300 страниц, которая, будучи напечатана по отрывкам, покрывает 3000: что мне теперь делать? Мой план: ехать в Египет, Иерусалим; к 1-ому июня быть в России, написав фельетоны (то есть представив «Мусагету» рукопись). Летом прожить в Луцке у Соф<ии> Ник<олаевны>⁸ и писать «Голубя» (ни в Италии, ни в Африке «Голубя» по состоянию моего духа писать почти невозможно). А теперь!..

Послал Тебе, Метнеру, Петровскому доверительные письма о бумагах кавк<азского> имения⁹. Ради Бога, нельзя ли что-нибудь

предпринять. До получения ответа на все это продолжаю писать фельетоны. Остаюсь глубокопреданный

Борис Бугаев

P.S. От Аси Тебе и Ж<анне> Е<вгеньевне> привет! Привет от меня Ж<анне> Е<вгеньевне>.

P.<P.>S. Философские статьи и «Голубя» писать здесь не могу. – Мои фельетоны – не «дрянь». Если не найдется органа их печатать, значит вообще литературой жить нельзя. Я пишу теперь их старательно: мне стоит труда их писать. Если они никому не нужны, я вообще, как писатель, никому не нужен. По возвращению в *Россию* тогда поступаю в *акциз* и бросаю литературу. Надо жить: я не один.

Датируется по содержанию.

¹ 29 января 1911 А.С.Петровский писал Белому из Москвы:

Получил твое деловое письмо несколько дней спустя после того как Кожебаткин решился наконец Тебе написать. Я имел с ним разговор. Обвинения в неаккуратности присылки денег он с себя снимает, слагая все запоздания на банки, праздники (заперта контора К.П.Метнера и банки) и т. д. Относительно же молчания тут вряд ли можно помочь. Лучше уж буду я писать чаще и деловитее.

(РГБ. Ф.25. Карт.21. Ед.хр.16).

² Белый об этом узнал из письма Петровского от 29 января 1911:

С фельетонами вышла задержка: Утро России держало и не печатало. Оно хиреет и тяготится, по-видимому, «отсутствием общественности», как выразился Алексеевский. <...> В У<тро> России пойдут фельетоны африканские, где отсутствие общественности возмещено «экзотичностью».

(Там же).

³ Слово «ужасно» подчеркнуто три раза.

⁴ Среди книг, которые Белый обещал написать, чтобы покрыть авансы, было продолжение задуманной им трилогии «Восток или Запад», первая часть которой – роман «Серебряный голубь» (вторая – будущий роман «Петербург»). 19 декабря 1910 Э.К.Метнер писал Белому:

<...> раньше осени не начнется печатание Голубя, т. е. следовательно не раньше *окончания* нашего операционного года, т. е. мы не обернемся в этом году теми средствами, кот<орые> в нашем распоряжении. Но тем не менее Вы не беспокойтесь; мы будем Вам высылать *пока* 300 р.; дальше будет видно; м<ожет> б<ыть>, Вы переедете в Ниццу, где дешевле, или просто сократите срок пребывания за границей, напр<имер>, до весны.

(Там же. Карт.20. Ед.хр.6).

В письме от 1 февраля 1911 Метнер возвращается к этой теме:

Другое дело Ваш Голубь; Брюсов сказал мне, что в 1911 г. он печататься не будет и что *может быть* в 1912 году, если Вы своевременно, т. е. в середине 1911 года, представите ему всю рукопись до конца.

(Там же).

⁵ Ср. письмо Белого к А.А.Блоку от 2/15 января 1911 из Радеса: «Арабы – великолепны: это какой-то сплошной *suī generis* прерафаэлитизм – их жизнь» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С.384). См. также: Араб // Путевые заметки. Т.1. С.248-253.

⁶ Путевые очерки Белого не печатались в «Русском слове».

⁷ У Белого: «книги»; на краю листа переписчик написал: «Так у Б.Н.».

⁸ С.Н.Кампиони (урожд. Бакунина, в первом браке Тургенева) – мать сестер Тургеневых.

⁹ Речь идет об устройстве дел, связанных с участком земли вблизи Адлера – отцовским наследством Белого, который Белый в первой половине 1910-х неоднократно, в надежде избавиться от долгов и материальной нужды, пытался продать. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.37, 39 (примеч. 9).

27

Середина февраля (н. ст.) 1911, Максудла-Радес

Дорогой друг,

спасибо за письма. Письма меня утешают очень. Ведь каждая черточка письма драгоценна; на днях пишу подробно. А сейчас хочется написать два слова. Боже мой, до чего хороша Африка; чем больше здесь живу, тем более люблю все здешнее: не французов, а арабов и берберов. Мы с Асей, кажется, совершенные патриоты Африки. Спим и видим попасть в Египет. В Италию возвращаться прямо-таки... *нет сил* после Африки; в Россию – другое дело. И Россия *поет* как-то здесь. Тема полей, широт, жизни еще не до конца изгаженной здесь слышна. Если бы был выбор между Европой и Африкой и предстояло выбрать место вне России, о, конечно бы поселился навсегда хотя бы... в том же Радесе. Но *прелесть* здешних мест при мысли о скором отъезде парализует возможность писать *Голубя*. Какой там *Голубь*, когда каждый прохожий араб затягивает. И наш план с Асей таков: пишу *60* фельетонов (*не фельетонов в скверном смысле, конечно*), а о том, что видишь кругом: дело «*Мусагета*» пристраивать их не в «*<тре> Р<оссии>*», так в «Русском Слове»,

где угодно; но четыре-пять отрывков моей книги, напечатанные в газетах, в месяц давали бы Мусагету 200–250 рублей (так ведь?), и мой долг покрывался бы. К 1-ому июню были бы в России. Лето провели бы у С<офии> Н<иколаевны> в Луцке. Там писал бы я «Голубя». Но для того чтобы 60 фельетонов было бы о чем писать, нужен Египет, Иерусалим, Константинополь (или Малая Азия). Вот наш план; повторяю: возвращаться в Италию... *нет сил*.

Если бы можно было бы с кавказским именем?

Прямо против меня, когда я Тебе пишу сейчас, *двурогоя гора*, на которой Гамилькар дрался с наемниками, за которой 3 года сидел Сципион Африканский прежде, нежели осадить Карфаген¹; на вершине горы приносились Карфагенянами человеческие жертвы².

Я считаю, мои фельетоны о Африке не фельетоны только; предлагаю их, кто захочет печатать. Если с газетами нельзя переговорить (2–3 фельетона в месяц в «Речи») и 2 в «Утре России», «Русс<ком> Слове» или какой другой газете (провинциальной) – хотя бы в «Киевской Мысли»³, то можно печатать и в «Русской Мысли» (Брюсов у меня просит впечатлений о Тунисе), дать нек<оторые> в «Сев<ерные> Цветы»⁴. Неужели нельзя устроить все фельетоны; у меня уже готово 15; о Тунисии в течение полторы недели <так!> пишу еще 7; и тогда 1/3 из 60 уже готова.

Дело *Мусагета* пристроить мои рукописи; я буду их посылать отныне лавиной; над отрывками «Путевых Заметок» я работаю. Писать насильно в *Африке* философию *не* могу. Если я *не писатель* и мои фельетоны о *Тунисии* вообще никому не годны, пойду служить в акциз.

Ну привет. Целую. От Аси привет. Любящий нежно

Борис Бугаев

Датируется по содержанию.

¹ «Я только что перечитал здесь (в Радесе. – Д.М.) “Саламбо” Флобера; и знал: две горы, что смыкались справа и лиловели, – место приношения человеческих жертв; они – образуют ущелье, в котором Гамилькар Барка некогда отбивался от Сципиона, защищая город» (Радес // Андрей Белый. Между двух революций. С.370). Гамилькар (?–229 до н.э.) – карфагенский полководец; Сципион Африканский Старший (ок. 235 – ок. 183 до н.э.) – римский полководец. См. также письмо Бе-

лого к Э.К.Метнеру от 30 января (12 февраля) 1911, опубли.: Путешествие на Восток. С.154-155.

² «И простерлась гора облысевшей двурогой вершиной: когда-то с вершины ее приносили кровавые жертвы Молоху; свершались убийства невинных младенцев» (Путевые заметки. Т.1. С.285).

³ В 1909 Белый опубликовал несколько фельетонов в «Киевской мысли», но его путевые очерки там не печатались.

⁴ Ср. письмо Э.К.Метнера к Белому от 19 февраля 1911: «Из 60 фельетонов в двух газетах могут быть помещены максимум 30 фельетонов, следующие 30 фельетонов надо напечатать в Русской Мысли. Сноситься еще с двумя газетами неудобно, т. к. *Речь* и *Утро России* перестанут печатать Ваши фельетоны, если их будут печатать еще две газеты (Киевская и Русское Слово)» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7). Однако путевые очерки Белого не были опубликованы ни в «Русской мысли», ни в «Северных цветах».

28

26–27 февраля (н. ст.) 1911, Кайруан

Милый Александр Мелетьевич! хоть Ты друзей не помнишь, а привет Тебе шлю. Мы в Кэруане¹. Вот гамма цветов: Венеция – голубая; Неаполь – рыжекрасный (с дымом); Палермо – пестрый лоскут. Монреаль – дымножелтый. Тунис – белоснежный с синезелтой росписью; Радес – зеленобелый; Кэруан – желтобелый с белочерной росписью. Мы у преддверия пустыни, но и тут... (прости) шутивно ругаемся на Москву. Нас отделяет от подлинного начала Сахары железнодорожная ночь. Но Ты вместо 300 прислал 200. И мы, не увидев пустыни, возвращаемся в Радес. Ждем ответа в Египте. Хоть ругаюсь, а люблю. Ругаться буду в Москве, а сейчас обнимаю и целую.

Твой Б.Бугаев

От Аси Тебе и Ж<анне> Е<вгеньевне> привет. От меня Ж<анне> Е<вгеньевне> тоже.

Открытое письмо. Штемпель получения: «Москва. 21.2.11».

¹ Поездку в Кайруан (город к югу от Туниса) Белый и А.А.Тургенева совершили 26–27 февраля (н. ст.) 1911. О «священном городе Тунисии» см.: *Андрей Белый*. Африканский дневник / Публ. С.Воронина; С предисл. Н.Котрелева «Злосчастная судьба счастливой книги. К истории путевых заметок Андрея Белого» // Российский архив. Т.1. М., 1991. С.331-348; *Андрей Белый*. Между двух революций. С.372-376.

7 марта (н. ст.) 1911, Тунис

Дорогой Александр Мелетьевич!

Деньги получили; и были ужасно обрадованы; только что похоронили Египет, ибо через неделю было бы несравненно труднее ехать; но получили деньги за день до отхода парохода в Мальту¹. Спасибо! Очень радуемся, что едем: только – море... Ну да пострадаем. Когда получишь открытку, мы будем уже в Каире². Адрес: Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. A M. V.Bougaeff. Целую, милый. Прощай.

Б.Бугаев

P.S. Вот сицилийская тележка, о которой я писал. Каждая – со своим узором³.

Открытое письмо; датируется по содержанию. Московский штемпель: «28.11.11».

¹ 8 марта Белый с А.А.Тургеневой отплыли из Туниса в Египет через Мальту (9 марта). См. открытку с тунисским штемпелем (7 марта 1911), адресованную Метнеру: «Завтра едем» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.31).

² В Порт-Саид Белый с А.А.Тургеневой прибыли вечером 13 марта и утром на следующий день поехали в Каир поездом (см. письмо Белого к А.Д.Бугаевой от 15 марта (н. ст.) 1911, опубл.: Путешествие на Восток. С.158).

³ По-видимому, речь идет либо о фотографии на открытке, либо о рисунке А.А.Тургеневой.

Конец марта (н. ст.) 1911, Каир

Дорогой друг!

Наконец-то пишу Тебе *не деловое письмо*. Если бы Ты знал, как душа отдыхает в путешествии! Если бы Ты знал, что значит для меня Ася. В Москве я все время находился в истерике; только здесь я вижу Асю вполне; и вполне отдыхаю. Вот уже несколько месяцев, как живу только внешними впечатлениями, природой, отдыхом. И чувствую, запас сил крепнет на несколько лет. Не сердись, что не посылаю Тебе стихов для *Альционы*. Среди смены острых впечатлений писать стихи не могу¹. Вообще же пишу только фельетоны.

Милый друг, сейчас почему-то особенно чувствую Тебя; и особенно душа просит Тебе улыбнуться. Помню наши частые беседы с

Тобой до утра. И душой с Тобой хочу поделиться: многое сейчас во мне спит. А в Египте особенно. Солнце жарит, тихо нежит Нил и золотокарий закат. «Голубя» было бы писать невозможно. *Сицилия – Тунис – Египет* – слишком сильная отяжка от самоуглубления: слишком яркие краски! Назойливо они летят мне в глаза. Впереди еще Палестина, Греция, Турция. Наш путь таков: как только получим деньги, двинемся в Иерусалим. Неделя в Иерусалиме, две недели в Афинах²; и – домой; приезжаем в Луцк; из Луцка еду в Москву. Лето в Луцке. Зиму где-нибудь под Москвой, чтобы можно было *лишь* работать да бывать в «*Мусагета*».

Если что есть, высылай: Grece. Athenes. Poste restante.

Милый друг, целую. Да здравствует «*Альциона*» и «*Мусагет*».

Спасибо за Клычкова: *очень интересен*³. Издание превосходно. Обложка *не нравится*. Слава Богу, здесь всякая слетает неврастения; хочется жить, работать, глядеть на Божий мир. Сейчас точно медленно пробуждаюсь от кошмара, в который впал <на> много лет. Чувствую себя сильнее, чем когда-либо.

Есть у меня к Тебе огорченье: пишу – пишу безответно. Но знаю, Тебе трудно писать. Ну, наговоримся в Москве.

Прощай: целую, дорогой друг.

Всего счастливого. Хотел бы сказать ряд деловых вещей, но... Бог с ними. Пишу ведь Тебе, а не «*секретарю*» Мусагета.

Целую: обнимаю.

Твой Борис Бугаев

P.S. От Аси привет Тебе и Ж<анне> Е<вгеньевне>. От меня тоже. Эллис – слаб⁴.

Датируется по содержанию.

¹ По-видимому, издательство «Альциона» собиралось тогда составить стихотворный альманах; Белый во время своего заграничного путешествия стихов не писал.

² Намерение попасть в Афины не было осуществлено.

³ Имеется в виду первый сборник стихов Сергея Антоновича Клычкова (1889–1937) «Песни», выпущенный «Альциной» (на титульном листе – 1911, но вышел в конце 1910). В 1909–1910 Клычков был близок к «молодым мусагетцам», посещал мастерскую скульптора К.Ф.Крахта, участвовал в «Антологии» «Мусагета».

⁴ Впечатление Белого от книги стихов Эллиса «*Stigmata*», выпущенной «Мусагетом» в конце февраля 1911. Ср. письмо Белого из Каира к А.С.Петровскому от 27 марта (н. ст.) 1911: «“*Мусагет*” ничего не изда-

ет. За ноябрь, декабрь, январь и февраль получил я тощую книгу «*Stigmata*» (ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.33а).

31

12 апреля (н. ст.) 1911, Иерусалим

Дорогой Александр Мелетьевич!

Пишу Тебе юмористически... Что подумали Вы, москвичи, получая мой поток ругательных писем?¹ Подумали небось, что мы в Африке под лучами солнца сошли с ума? Было и это; значительная доля раздражения в Каире обуславливалась вынужденным двенадцатидневным сидением под палящими лучами Египта... да еще на асфальте с блохами; в довершение бед проклятый, хватающий за горло «хамсин»²: действия его напоминают медленное удушение. Получили мы 300 рублей, но на них не доплывешь до Афин (если включить Иерусалим); это ясно, если взглянуть на карту и принять во внимание грабительство Востока. 200 рублей, переведенные *по почте* (?) мамой (которых мы ждали 2 недели)³, съело *ожидание их* (разве не глупо?) + еще мама написала мне жестко и оскорбительно⁴... И вообще тогда взъялся на глупость я, что «Мусагет» нас связывает порциями, душащими, как гроб, половина которых идет на ожидание. (Вы в Москве не *понимаете*, что, опоздай на час деньги, и мы вынуждены сидеть неделю в ожидании парохода.) Вины не Вы, но и не мы, а *глупая* система не дать нам денег на руки, вследствие чего мы требуем вдвое против *возможного при иных условиях* и все-таки попадаем впросак из-за расстояний сношения с Москвой и расписаний передвижений, которые заранее неизвестны; пример: даже в Порт-Саиде не знают верно расписания пароходств, идущих в Одессу, а в Яффе уже знают. Пойми: линия Тунис, Италия, Франция, Александрия совершенно иная, нежели Россия, Греция, Порт-Саид...

Мы злились на то, что «Мусагет» этого не сумел сообразить (о, правыми или неправыми бы путями расплатиться с «Мусагетом»: я благодарю «Мусагет» очень, но наше с Асей путешествие им отравлено). Вместе с тем, подчеркивание *экономии* Эмилием Карловичем при глупо неэкономной порционности «Мусагета» меня обозлило серьезно⁵. Не нравится мне его тон предложения Асе иллюстрировать мою книгу (Ася духовно моя супруга, а между тем тон Э<милля> К<арловича> близоруко-небрежен к ней)⁶... (Это между нами!)

Возвращаюсь в десять раз более русским; пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня

очень: мы, слава Богу, русские – не *Европа*: надо свое неевропейство высоко держать, как знамя, а у нас в Москве, в частности в «*Мусагете*», «*Европа*» все более устанавливается на ходули: европейничать для меня сейчас помимо всего просто... быть провинциальным модником. Мы все (включая Э<милия> К<арловича>), если не смешны, то... (что хуже) «*иностранцы Василии Федоровы*»⁷, когда мы кричим о русском безобразии. Принципиально поставил себе за правило всюду в ответ на «*Европу*» тыкать в глаза европейским безобразием. До нашего переселения в «*Сергиевское подворье*», по чистой совести, мы были наиболее культурными европейцами среди европейцев, вращавшихся в нашем обществе, хотя бы тем... что откровенно плевали на Европу. Здесь в Иерусалиме греческие монахи показывают «*пуп мира*»⁸. О, насколько этот наивный «пуп», обложенный свечками русских паломников, чище, умнее и интереснее европейского пупа в виде цивилизации *гигиенических зубочисток* и котелков.

Быть европейцем может теперь только наивный мечтатель; в противном случае это – *хамство*...

Милый друг, сколько есть Тебе передать, но откладываю до приезда в Москву (через месяц, а может, и ранее увидимся – все зависит от Вас, москвичей); вышлите порцию, демонстративно поселимся в Иерусалиме и будем требовать денег, разорим «*Мусагет*» вконец, так что откажетесь от нас...

Лучше сразу присылайте больше, а то... забастуем; при 300 рублях не выедем в Европу!!..

Довольно шуток... Как хорош Иерусалим, как хороша Африка и... как Европа гнусна в Африке... Европейцы изгадили Каир (в Тунисе пока что они *гадят* умеренно). Европейцы к святыням Иерусалима относятся... как к объектам синематографа; здесь любой русский мужичок выглядит культурнее желтоштанника паршивца англичанина; один из этих паршивцев обокрал на днях Соломонов храм⁹... В результате сегодня беспорядки; мусульмане, *корректно* чтущие христианские святости, говорят, сегодня грозились резать христиан; наши мужички с криком «*арапы напали*» толпами бежали от Храма Гроба... На днях девчонка-арабка замахнулась на меня бутылкой; чего же ожидать от мусульман: то, что они видят в *Европе*, есть канальство и гадость: жида-ростовщики, лгуны, воры, бездарные святотатцы, чванные дураки, увенчанные колпачною каской (прости Господи, сам завел себе каску), всюду суются среди прекрасных традиций прекрасных, ими не понятых стран; если бы на Востоке

явились Рэскины, они пришли бы в восхищение¹⁰; но Восток кишит паршивцами, которые уничтожают как Восток, так и Рэскинов. В Европе ныне нет иной культуры, кроме «*русской*», а мы в Москве отделяем культуру Европы от ее цивилизации. Вместо того чтобы сказать, что такая культура – *русская*, что она наша выдумка и осуществления лишь в России, для чего-то мы *хаем* Россию. Так мы рубим сук, на котором сидим, становимся *ненародными*, но и остаемся глубоко чужды *Европе*, которой хамски присягаем в верности.

Видишь, дорогой друг: я зол на *европейство*. Целую Тебя крепко.

Христос Воскрес. От нас с Асей Тебе и Жанне Евгеньевне привет.

Любящий

Б.Бугаев

Датируется по почтовому штемпелю: «Иерусалим. 12.IV.1911». Другой почтовый штемпель, воспроизведенный переписчиком – «Москва. 25.IV.11», выглядит как описка. Если письмо было отправлено 12 апреля по новому стилю, т. е. 30 марта по старому, маловероятным представляется, что оно шло почти месяц до Москвы. Белый с А.А.Тургеневой прибыли в Иерусалим в понедельник вербной недели, 28 марта (10 апреля). Пасха в 1911 приходилась на 10 апреля по старому стилю (23 апреля по новому).

¹ 5 апреля 1911 в 11:30 утра (каирский штемпель на конверте; московский – «3.4.11») Белый отправил Кожебаткину и «ругательные» «Картинки Каирской жизни» на обеих оборотах одного листа. В одной Белый изобразил сцену «Бакшиш» (человек просит на чай), а в другой самого себя в ожидании денег в Каире (см.: ИМЛИ. Ф.11. Оп.2. №5). Белый послал А.С.Петровскому целый ряд «ругательных» писем из Каира с просьбой их читать «мусagetцам».

² Ср. письмо из Каира к А.С.Петровскому от 9(22) марта 1911: «Из Каира теперь бегут – “хамсин” начался: ветер из пустыни – жгучий, дыханье захватывает; ни спать, ни бодрствовать» (Путешествие на Восток. С.166).

³ Ср. письмо Белого к А.Д.Бугаевой от 15 марта (н. ст.): «... временно помоги мне; <...> Мне нужно временно 200 рублей, чтобы выбраться; <...> пошли немедленно, голубушка, через *Лионский кредит перевод* на Каир; <...> вышли же 200 рублей» (Там же. С.160).

⁴ Ср. открытку А.Д.Бугаевой к Белому от 21 марта (ст. ст.) 1911:

Милый Боря – Ты мне ничего не пишешь о том, что получил ли ты посланные мною тебе деньги 200 рублей? А также и телеграмму, и удивительно, что ты собрался выехать из Каира не дождавшись, по-видимому, ни моего письма, ни посланных денег.

Получил ли ты телеграмму, посланную мною 13-го марта, денег же я выслала 14-го.

<Приписка:> В Одессе о чуме ничего особенного не слышала.
(РГБ. Ф.25. Карт.12. Ед.хр.6).

⁵ В постскриптуме к письму от первых чисел апреля 1911 (каирский штемпель: «3.IV.11») Белый писал А.С.Петровскому: «Я в совершенном бешенстве, ибо *вижу*, почему мне высылают деньги порциями; думают, что иначе я протрачусь. <...> О, *немецкая экономия*», а в письме ему же от 3 апреля, на котором есть приписка Белого «Покажи это Эмилию Карловичу», писал: «*Быть экономнее – быть экономнее*: но единственная возможность быть экономнее быть своим собственным кучером» (ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.33а). Ср., однако, письмо А.С.Петровского к Э.К.Метнеру из Бобровки от 22 февраля 1911: «Какая нелепость ежесюточные посылки – в Африку, когда полмесяца идет на дорогу. Добро бы в Европу. Ведь этот проект возник, когда еще думали, что он будет в Италии, а потом его применили и к Африке!» (РГБ. Ф.167. Карт.14. Ед.хр.35).

⁶ Ср. письмо Э.К.Метнера к Белому от 19 февраля 1911: «Много ли зарисовывает Ася и умеет ли она быстро импрессионистически набрасывать? Хорошо было бы снабдить Вашу книгу путешествия иллюстрациями. Конечно, отдельно заплатить за них мы не можем <...> Относительно иллюстраций я делаю пока только предложение и ничего не решаю» (РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7).

⁷ Образ из «Мертвых душ» (том 1, глава I): «Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазины с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т.VI. <Л.>, 1951. С.11).

⁸ См.: Путевые заметки. Т.1. С.295-296.

⁹ Ср.:

Помню я происшествие перед мечетью Омара (тогда обокрали мечеть европейцы и их собрались убить мусульмане); кавасы, да два полицейских, которых мы взяли в участке, сопровождали нас в «Храм»: были первые мы европейцы, решившиеся проникнуть в мечеть после гнусного воровства, там совершенного: в русском подворье сказали нам, что за нас не ручаются; <...> толпа исступленных, разгневанных женщин, грозя нам руками, выкрикивала проклятия; <...> было жутко и стыдно (за европейцев, конечно).

(*Андрей Белый.* Африканский дневник. С.453).

См. также письмо Белого к А.А.Блоку от 13(26) апреля 1911 (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С.398).

¹⁰ Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от середины января (н. ст.) 1911: «Та жизнь в искусстве и художественном ремесле, о которой писал так

много Рёскин, право, осуществлена и проведена в жизнь у араба» (Путешествие на Восток. С.152). Джон Рескин (Ruskin; 1819–1900) – английский историк, теоретик искусства, заложивший основы эстетической программы прерафаэлитов.

32

20–22 апреля (3–5 мая) 1911, Константинополь – Одесса

Дорогой Александр Мелетьевич! Привет из Константинополя. Завтра плывем в Одессу¹. Когда Ты получишь это письмо, мы уже будем в Луцке. Наш адрес пока: Луцк (Волынской <губернии>). В.К.Кампиони (для меня).

Очень скоро увидимся. Привет, привет. Ж<анне> Е<вгеньевне> привет. От Аси привет.

Б.Бугаев

<Приписано сверху карандашом:>

Привет от нас всем Москвичам, Мусагету, Скорпиону, Пути². Мы в Одессе³. Сейчас едем в Киев⁴.

Открытое письмо. Почтовые штемпели: «Киев. 24.4.11»; «Москва. 26.4.11».

¹ Белый с А.А.Тургеневой отбыли из Яффы 11(24) апреля и 18 апреля (1 мая) прибыли в Константинополь, откуда 21 апреля (4 мая) отплыли в Одессу.

² Об участии Белого в издательстве «Путь» см.: *Голлербах Е.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С.127-134.

³ Белый с А.А.Тургеневой прибыли в Одессу 22 апреля (ст. ст.). Вечером они выехали в Киев (см.: *Ильёв С.* Андрей Белый в Одессе // Вечерняя Одесса. 1987. №96, 25 апреля).

⁴ Белый с А.А.Тургеневой приехали в Боголюбцы 25 апреля (через Киев, где были 24 апреля).

33

27 мая 1911, Боголюбцы

Дорогой Александр Мелетьевич!

Спасибо Тебе за хлопоты – огромное спасибо; из-за меня Ты столько раз принимал лишнее бремя суеты: спасибо.

Обращаюсь и на этот раз к Тебе с просьбой, даже с целыми двумя: 1) Вышли мне по летнему адресу теперь деньги немецкого издателя¹; я не хочу их тратить; но у меня есть основание иметь теперь на всякий случай их при себе; свои деньги положил в сберегательную кассу; к ним прикоснусь лишь с осени. 2) Если бы можно было переслать мне фельетоны из-за границы (пишу теперь для «Р<усской> М<ысли>» о Египте)²; мне надо их переработать, чтобы «Путевые заметки» к осени были готовы; итак жду 19 фельетонов; 4 (напечатанных) и 15 ненапечатанных. Без них *дольше* буду писать. С «Путевыми Заметками» же надо скорей покончить, чтобы приняться за «Голубя».

Как хорошо в деревне... Духом и телом отдыхаю от сумбура Москвы³, объяснений, *интимных* бесед и прочего...

Более, все более осознаю себя несовременным, негородским, может быть, несвоевременным; я создан не для *беганья*, *метаний* и городской копоты, а для *работы*, *книги* и природы.

И здесь, в Боголюбых, я спокоен и счастлив: Ася со мной, все лучезарно, всякие сложности не внутри себя, *а со стороны* (деньги, метанье и пр.); и вот уже роятся образы, поют краски, цветут мысли.

Нет, писателю город, как *синильная кислота*.

Кто из пишущих этого не хочет понять, того буду заподозривать <так!> в бездарности.

Милый друг, еще раз «*спасибо*»; и еще раз извинение за просьбу исполнить поручения.

Жду 1) денег 2) фельетонов; то и другое в наискорейший срок.

Прими уверения в совершенной преданности

Борис Бугаев

P.S. Жанне Евгеньевне и Тебе от нас с Асей привет.

Почтовые штемпели: «Луцк. 27.5.11»; «Москва. 30.5.11».

¹ По возвращении в Тунис из Кайруана в конце февраля 1911 Белый узнал из телеграммы, полученной от Кожебаткина, что ему следуют 1500 марок от немецкого издателя за авторизацию перевода «Серебряного голубя» на немецкий язык (см. письмо Белого к А.С.Петровскому от 1 марта 1911. – ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.33а). Перевод вышел в 1912: Die silberne Taube. Roman / Einzige autorisierte Ubertragung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt a. Main. Riitten & Loening.

² В сентябре или октябре 1911 Белый передал рукопись очерка «Египет» в редакцию «Русской мысли» (см.: Лит. наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.425), но он не был там напечатан. 19 ноября 1911

Белый писал А.А.Блоку: «И вот я писал Брюсову дать мне возможность каким-нибудь способом заработать. Он мне отвечает: “Пишите связные очерки о Египте и Радесе”. И вот <...> я все лето потратил на небольшие фрагменты о Тунисии и приготовил статью “Египет” (страниц 110) и “Радес” (страниц 60). Брюсов палец о палец не двинул, чтобы Струве принял мои писания, хотя Брюсов лично и расхваливал их» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С.429). Очерк «Египет» был опубликован позднее в журнале «Современник» (1912. №5. С.190-214; №6. С.176-208; №7. С.270-288).

³ 8 мая Белый приехал в Москву из Боголюбов, а 18 мая уехал обратно. Ср. письмо к Э.К.Метнеру из Боголюбов, отправленное 24 мая 1911: «Как страдал я две недели в Москве, понял только тогда, когда сон Москвы остался за плечами; мне казалось, сброшена ноша, и я опять, как и встарь, ухожу в *огневеющий бархат эфира*» (РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.42).

34

7 июня 1911, Боголюбы

Дорогой Александр Мелетьевич!

Я очень Тебя прошу выслать мне для подготовки книги «*Путевые заметки*» 19 фельетонов; спешно они мне нужны; на днях высылаю для «Русской Мысли» статью «Из воспоминаний о Радесе»¹. Еще прошу выслать деньги немецкого издателя. Я уже раз писал; не знаю, дошло ли письмо; пишу кратко; ибо едут в Луцк². Как Ты поживаешь? Что касается меня, то чувствую себя радостно и спокойно; только в Москве нервы расшатаются; работа здесь клеится. Днем работаю; вечером смотрю на ясные зори; и зоря, зоря на душе; изредка пишу стихи; послал Гумилеву для «*Аполлона*»³. Мой привет всем Мусагетам. Остаюсь преданный

Борис Бугаев

Только теперь мы с Асей вполне отдохнули от дороги и радуемся тишине.

Почтовые штемпели: «Луцк. 7.VI.1911»; «Москва. 9.6.11».

¹ См. письмо 33, примеч. 2. Воспоминания о Радесе не были напечатаны в «Русской мысли», но позднее, переработанные, вошли в состав «Путевых заметок» Белого.

² В Луцке находилось ближайшее к Боголюбам почтовое отделение.

³ Три стихотворения, написанные Белым в мае–июне 1911 в Боголюбах (см.: РД), были напечатаны в шестом номере «Аполлона» за 1911

(С.30-32): «Барбарусса» (первая часть стихотворения «Голос прошлого»); «Близкой»; «День в Боголюбях» («И опять, и опять, и опять...»). Впоследствии вошли в сборник «Королева и рыцари». Н.С.Гумилев (1886–1921) имел ближайшее отношение к формированию поэтического раздела в журнале.

35

9 июня 1911, Боголюбь

Дорогой Александр Мелетьевич, о фельетонах я уже два раза писал. Что касается денег, то они нужны немедленно; я должен послать за Асю в Бельгию Дансу¹, и у меня на карманные деньги не останется. Полагаю, что этого я мог бы и не сообщать; но ввиду того, что Ты вообще писем не пишешь, мне нужно еще раз просить Тебя поскорей выслать деньги немецкого издателя².

Прости, что пишу лаконично. Крепко жму руку.

Борис Бугаев

Почтовые штемпели: «Луцк. 9.6.11»; «Москва. 12.6.11».

¹ Данс (Michel Auguste Danse; 1829–1929) – бельгийский гравер, преподаватель гравировального искусства в Брюсселе, у которого училась Ася Тургенева. См. письмо Белого к А.А.Блоку от 8 или 9 марта 1912: «Бельгия <...> стала <...> для Аси – символом окончания ее образования у Данса (ей осталось два месяца)» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С.445).

² По-видимому, к этому времени относится телеграмма, посланная из Луцка (переписчик приводит дату «28.XII.1910 г.», но в декабре 1910 Белый был в Италии; возможно, это описка, и следует читать: «28.VII»). Вот ее текст: «Жду пятьдесят рублей переводом по телеграфу. Бугаев».

36

Первая декада июля 1911, Боголюбь

Дорогой Александр Мелетьевич!

Глубоко извиняюсь перед Тобой за тон моих писем, выражающий нетерпение; деньги были мне нужны; оказывается, «Мусажет» заявил претензии о них. Ты был не причем. Но согласись, что не зная о претензии «Мусажета», совершенно правильной юридически, я

выступил перед «*Мусагетом*» в роли нахала. «*Мусагет*» требует одно, а я пишу – присылайте деньги. И вот Ты виноват лишь в том, что поставил меня в положение нахала, без мотива требующего во что бы то ни стало свои деньги.

Согласись, что обидно возмутить ни с того, ни с сего юридически правый «*Мусагет*».

Поколико Ты извещаешь о требовании «*Мусагета*» в третьем лице, потолико Ты – не «*Мусагет*»¹. Кто же «*Мусагет*»?² Эмилий Карлович? Очень жаль, что он не удосужился видеть меня в Москве попристальнее; тогда зашла бы речь и о моей задолженности³.

Поскольку Ты не «*Мусагет*», постольку о своем финансовом отношении с Редакцией я не касаюсь. Когда узнаю точно, кто «*Мусагет*», тогда точно и определенно заговорю с «*Мусагетом*» о своем долге, планах, возможности выплачивать.

Пока же остаюсь глубокоуважающий Тебя и преданный

Борис Бугаев

P.S. Еще раз прости за настойчивые письма; повторяю, причина невысылки от меня совершенно ускользала, а я относил ее только к Тебе. Мой привет всем Вашим.

Письмо датируется по содержанию и по сопоставлению с письмами Белого и Э.К.Метнера в июле 1911.

¹ Ср. письмо Белого к Э.К.Метнеру от 5 июля 1911:

Давно уже получил от А.М.Кожебаткина при переводе им 200 рублей немецкого издателя следующую записку: «Дорогой Борис Николаевич, до сих пор не высылал денег, так как “*Мусагет*” предъявил на них свои права. К.П.Метнер не то что выразил неудовольствие, а удивился, что деньги за фельетоны и за авторизацию “*Голубя*” не идут в погашение твоего долга. <...>». Ввиду того, что А.М.Кожебаткин пишет о «*Мусагете*» в третьем лице, я ему не отвечаю, ибо раз он пишет <в> 3-ьем лице о *Мусагете*, он не *Мусагет*. <...> Юридически *Мусагет* прав: юридически я кругом виноват.

(РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.44).

² См. письмо Э.К.Метнера к Белому от 26 июня 1911:

Кто это «*Мы*», которые «в общем» (?) ответило Вам <...> Если Кожебаткин позволяет себе говорить Вам от лица *Мусагета* и чуть ли не читать наставления, то Вы в этом кругом сами виноваты.

(РГБ. Ф.25. Карт.20. Ед.хр.7).

³ В этом же письме Метнер спрашивал: «Откуда Вы взяли, что я уклонялся от принципиального разговора с Вами в Ваше последнее пребывание в Москве?».

37

Октябрь 1911, Москва

Дорогой Александр Мелетьевич!

Как жаль, что Тебя не застал. Завтра весь день дела и дела. Сегодня же было часа два времени. 1) Я узнал, что мусажетское собрание в пятницу откладывается. Есть ли замененный час? Я нарочно приехал главным образом для заседания¹, *ибо время не терпит*.

Уезжаю непременно в субботу с 3-часовым поездом². До этого времени у меня 1) Поццо³. 2) Брюсов (его надо ловить)⁴. 3) Непременно с Тобой поговорить. 4) Ряд покупок. 5) Корректур⁵. 6) И еще свои личные дела. Но все передвигаю для заседания.

Оповещать не могу. Желательно, если можно, или в субботу утром (в 11 часов), или завтра от 5½ до 8 у меня есть время.

Искренне преданный

Борис Бугаев

Датируется по содержанию.

¹ С конца сентября до середины ноября 1911 Белый и А.А.Тургенева жили на даче А.Н.Депре в Видном, близ Москвы (ст. Расторгуево Павелецкой железной дороги). Ср. РД за октябрь 1911: «Расторгуево – бываю раз в неделю в Москве».

² Ср. письмо Белого к А.С.Петровскому также от октября 1911: «Я в Москве с поезда на поезд» (ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.33а).

³ Александр Михайлович Поццо (1882–1941) – юрист, редактор московского журнала «Северное сияние»; муж Н.А.Тургеневой, антрополога. Белый познакомился с ним в Боголюбах в конце 1910 (см. РД), а в июне 1911, также в Боголюбах: «дружба с Поццо и с Наташей» (Там же). В середине ноября 1911 Белый и Ася переехали в Москву в квартиру Поццо: Плющиха, 6-й Ростовский пер., дом Орлова (д. 11, кв. 2).

⁴ По-видимому, Белый хотел обсудить дела, связанные с получением в сентябре 1911 заказа от «Русской мысли» на роман (будущий «Петербург») или поговорить с В.Я.Брюсовым, заведующим литературно-критическим отделом этого журнала, о судьбе своих путевых очерков о Радесе и Египте (см. письмо 33, примеч. 2).

⁵ Имеется в виду корректура книги Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой», выпущенной в свет «Мусажетом» между 10 и 17 ноября 1911 (тираж 1000 экз.).

Март 1918(?), Москва

Дорогой Александр Мелетьевич,

Извиняюсь, что пишу на клочке бумаги; дело вот в чем; мне очень, очень нужны деньги; если бы Ты мог мне сегодня прислать 100 рублей, которые Ты обещал через несколько дней, то я был бы весьма благодарен; сейчас мне нужно быть дома, и я не могу Тебя подождать сам; на этой неделе, т. е. в начале той постараюсь доставить 1-ый лист рукописи (ко вторнику, или к среде); но 100 рублей до зарезу нужны; если Ты пришлешь или занесешь сегодня, то я дам посланному расписку в получении 200 рублей в счет гонорара. Если Тебе нельзя сегодня, то, может быть, можно получить завтра? Остаюсь глубоко уважающий

Борис Бугаев

Скоро зайду к Вам.

Датируется предположительно, по содержанию. См. расписку Кожебаткину: «Двести рублей (200 р.) в счет гонорара получил от Александра Мелетьевича Кожебаткина 10 марта 1918 года. Борис Бугаев» (ИМЛИ. Ф.11. Оп.2. №6). Там же есть и другая расписка: «Триста рублей (300 р.) получил в счет гонорара за статью “Восток или Запад” от Александра Мелетьевича Кожебаткина. Борис Бугаев. Декабрь. 1917 года». Статья Белого «Восток или Запад» была опубликована «Альционной», см.: Эпоха. Сб.1. М., 1918. С.161-210.

Апрель – июнь 1921, Петроград

Дорогой Александр Мелетьевич,

ввиду того, что моя мама голодает, а я вынужден служить днем и писать ночью, ввиду того, что 2 тома «Путевых заметок» балластом лежат¹ (а я мог бы их продать за границу за миллионы: мне платят в Латвии 500.000 за худ<ожественный> печатный лист), ввиду потери рукописи, на которую я рас<с>читывал, я вынужден отдать «Звезду» в Госуд<арственное> Издательство Ионову², за которую уже получил 200.000 предварительного аванса. Я ждал 2½ года появления в свет совершенно готовой к печати книги, но Ты ее не издавал³, предпочитая издавать имажинистов и все же выпуская книги⁴. Поэтому я считаю вправе поступить так, как поступил, т. е.: я сказал Ионову, что уведомляю Тебя о передаче ему книги, – и прошу Тебя

«Звезду» не выпускать вовсе, тем более, что Ты ее не собирался выпускать 2½ года.

Я не сомневаюсь, что Ты поймешь меня: мое право бороться за то, чтобы имя А.Белого по каким-то издательским соображениям не уливалось в бездонный колодезь издательских подвалов.

Если я не нужен Тебе, то я нужен России и Европе (меня обступают предложениями из заграницы – и просьбой переводить рукописи, которые, как «Путевые Заметки», почтуют в подвалах книгоиздательств).

Остаюсь с дружеским приветом.

Б.Бугаев

Ж<анне> Е<вгеньевне> мой привет.

Датируется по содержанию. С 31 марта по конец июня 1921 Белый проживал в Петрограде (а в июле – августе в Детском Селе). До середины июня он служил помощником библиотекаря в Фундаментальной библиотеке Народного комиссариата по иностранным делам.

¹ Белый намеревался опубликовать «Путевые заметки» в издательстве «Алконост», но продал новую редакцию текста, над которым он работал в апреле – июле 1919, «Книгоиздательству писателей в Москве». См. письмо Белого к С.М.Алянскому от начала марта 1919, опубл.: Андрей Белый и С.М.Алянский. Переписка / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. Т.9. СПб., 2002. С.88. Первый том («Офейра») вышел только в феврале 1922 (см. письмо 20, примеч. 5).

² Илья Ионович Ионов (наст. фам. Бернштейн; 1887–1942) – заведующий Петроградским отделением Госиздата, с 1924 – Госиздата РСФСР, затем издательства «Земля и фабрика» (1928–1929). Арестован в 1937, скончался в северном лагере.

³ Маем 1918 года Белый пометил запись в РД: «Приготовляю к печати сборник “Звезду” (Кожебаткин хочет издать)». Хотя сборник стихов был набран к концу 1919, опубликован тогда он так и не был. Весной 1927 в ответ на просьбу Д.М.Пинеса прояснить этот вопрос Белый писал:

Никогда «Звезда» не была издана «Альционной»; рукопись в ней гнила энное количество месяцев, пока я чуть не силком ее вырвал у Кожебаткина и не передал Ионову; Кожебаткин <...> не желал ни отдавать рукописи, ни выпускать в свет «Звезды»; но проученный всем прошлым, я все же дал «Звезду» Ионову; может быть, он и собирался в будущем выпустить, может быть, под шумок успел и набрать, но... я видел: что он медлил со «Звездой» для какой-то – в который раз! – спекуляции. <...> я со «Звездой»

по отношению к Кожебаткину был сознательно крут, ибо он стал гадок, как социальный паразит.

(цит. по: Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу. С.89).

Книга была издана только в 1922 Госиздатом. По-видимому, существование нескольких корректурных экземпляров, набранных для этого несостоявшегося издания и снабженных обложкой, ввели в заблуждение Н.Г.Захаренко и В.В.Серебрякову, составителей библиографии сочинений Белого, которые указали «альционовское» несостоявшееся издание в ряду поэтических книг Белого. См.: Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т.3. Ч.1: Безыменский – Благов. М., 1979. С.115.

⁴ Кожебаткин, книготорговый работник Д.С.Айзенштат и «имажинисты» С.А.Есенин и А.Б.Мариенгоф с осени 1919 владели Книжной лавкой художников слова («Библиофил») на Большой Никитской, 15 в Москве. Поэты время от времени торговали за прилавком магазина, Айзенштат и Кожебаткин управляли предприятием. Кожебаткин также принимал деятельное участие в издательских делах имажинистов. Книги членов объединения никогда не издавались под маркой «Альционы». См.: Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. С.346-347, 480-481, 626.

GEORG ERASTOFF.

Георгий Эрастов. 1907

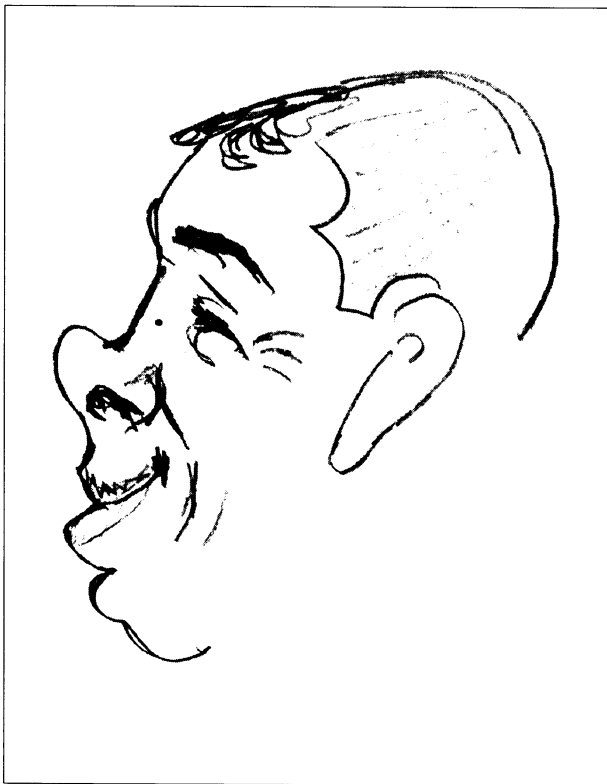
«Зачитался. Мыши подгачивают царский трон».

«На Пегасе». Рисунки Г.Эрастова

Юрий Львович Ракитин (Ионин). 1909(?)

Шарж на Ю.Ракитина.
Неизвестный художник. 1910-е.

Сергей Кречетов (С.А.Соколов)

Лидия Дмитриевна Рындина

Л.Д.Рындина. Открытка середины 1910-х

Л.Д.Рындина

Людмила Николаевна Вилькина. 1898(?)

Тихон Чурилин. 1916. Москва

Т.В.Чурилин. 1930-е

Ангелина Блок. 1913-1914(?)

ИЗ ДНЕВНИКОВ Л.Д.РЫНДИНОЙ

Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Н.А.Богомолова

Лидия Дмитриевна Рындина (настоящая фамилия Брылкина; 1883–1964)¹, несомненно, была женщиной одаренной, и не только внешней привлекательностью, способствовавшей женскому успеху, но и разнообразными художественными достоинствами. Наиболее известна и популярна она была как актриса, причем не исключительно театральная, но и как звезда немого кинематографа середины 1910-х. И в годы эмиграции она продолжала играть на сцене, когда были хотя бы минимальные возможности для этого.

Но помимо этого она была заметной писательницей, автором мемуаров о круге московских символистов² и немалого количества довольно заурядной беллетристики³; осенью 1902 отправилась в Петербург, где некоторое время занималась в художественной школе известного живописца Л.Е.Дмитриева-Кавказского; всерьез училась пению, что лишь отчасти было использовано в театральной карьере. Но главный ее талант, судя по всему, был талант жить. Именно эту сторону ее личности прежде всего представляют публикуемые дневниковые страницы. Случайная, казалось бы, встреча с поэтом и издателем С.А.Соколовым (Сергеем Кречетовым) не столько перевернула ее жизнь, сколько позволила выплеснуться таившемуся глубоко внутри. Провинциальная барышня, даже чуть «засидевшаяся», как-то совершенно естественно пре-

¹ Год рождения Рындиной в разных источниках называется по-разному, что объясняется характерным для актрис стремлением скрывать возраст. Наиболее вероятным кажется 1883, хотя значительно чаще в различных справочниках и комментариях встречается 1882. В тексте дневника (см. ниже) осенью 1908 она пишет: «Мне уже 25 лет». Отметим, что в ее паспорте 1940-х годов и во всех остальных более поздних документах, сохранившихся в бумагах А.А.Кашиной-Евреиновой (РГАЛИ. Ф.982. Карт.2. Ед.хр.333), указан 1888.

² *Рындина Л. Ушедшее // Мосты (Мюнхен). 1961. №8; перепеч.: Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. О невысоком качестве подготовки последнего издания см.: Богомолов Н.А. Рука мастера // Новое литературное обозрение. 1994. №7. В связи с этим мы будем в дальнейшем цитировать воспоминания Рындиной по первой публикации (далее – Ушедшее, с указанием номера страницы).*

³ Стремление к писательству проявилось у нее уже в молодости. 2 февраля 1902 она записала в дневнике: «Послала часть своего дневника в “Задушевное слово”; верно, не примут. Но “попытка ведь не пытка”» (РГАЛИ. Ф.2074. Оп.2. Ед.хр.4. Л.57об.).

ратилась в одну из женщин, которой признавались в любви не только из вежливости, но и вполне искренно, и не только из-за ее несомненно очарования, но и из-за того, что она представляла тип внешности и поведения, в высшей степени характерный для эпохи. Обратим внимание, как на страницах дневника (в отличие от поздних мемуаров) рисуются картины «любовного быта» символистской эпохи, в которых участвуют не только те, кого привычно считали и считают «декадентами», но и те, кто впоследствии постарался забыть о своей прежней близости к этому кругу или, по крайней мере, в воспоминаниях пытался эту близость преобразить, представить в ином свете. Смысл публикации дневника Рындиной, конечно, не в «разоблачениях», но в том, что возвращается еще один из многих возможных ракурсов исторической панорамы.

В ее мемуарах и дневнике встречаются имена, известные любому, кто представляет себе русскую культуру 1900-х и 1910-х: Брюсов, Зальмондт, Андрей Белый, Вяч. Иванов, М.Кузмин, Ф.Сологуб, Н.Гумилев, Игорь Северянин, Вс. Мейерхольд, Н.Евреинов, Б.Зайцев, Зл. Ходасевич, А.Н.Толстой... С кем-то Рындина была знакома, с кем-то дружила, с кем-то была связана и еще более тесно – все это не требует особых комментариев. Скорее нужно было бы постараться собрать как можно больше свидетельств о ее литературных и театральных отношениях, которые были много шире, чем те, что представлены в собственноручных ее замечаниях. К сожалению, далеко не все представляется возможным сейчас прокомментировать. Так, сохранилось очень мало сведений об актерах и актрисах из окружения Рындиной во время ее службы как в Киеве, так и в московских театрах. Не удастся восстановить в полном объеме историю ее взаимоотношений с Ф.Сологубом и А.Н.Чехобаревской, где, судя по сохранившимся свидетельствам, было не только времена близкой дружбы, но и весьма серьезные расхождения. Не описана ее кинематографическая карьера, и будущим биографам придется собирать сведения (если они будут) буквально по крупным дам. Очень мало знаем мы о жизни Рындиной во времена более поздние, не охватываемые ни дневником, ни воспоминаниями. Она словно растворяется в течении лет, превращаясь в фигуру артистического фона, уже почти не привлекающего внимания современников, за самыми минимальными исключениями. Как кажется, имеет смысл привести с некоторыми сокращениями ее некролог, написанный Н.Я.Лидарцевой, ближайшей подругой последних лет жизни.

АРИСТОКРАТКА ДУХА

Скончавшаяся 17 ноября 1964 года Лидия Дмитриевна Рындина жила скромно и держала себя с большим достоинством, не оплакивая никаких преждевременно утраченных возможностей. Только жалела, что сил становилось все меньше... сил физиче-

ских, ибо сил духовных у нее было много и хватило бы еще на долго.

Редко когда в человеке все так сочетается: внешнее и внутреннее изящество, большой, пронизательный ум, какая-то исключительная прямота в отношении и себя, и других, артистические и литературные данные, любовь к проявлению остроумия и религиозно-философский уклон, безукоризненная честность и, наконец, подкупающая доброта. <...>

В Америке у нее остались родные. Остались и друзья, артисты, хорошо знающие ее, – г-жа Леонтович, В.Стрижевский, ее партнер в немых фильмах, и другие. Ведь она была когда-то блестящей артисткой театра и кино, любимицей русской публики. В расцвет немой русской кинематографии самыми крупными кинозвездами были Вера Холодная, Вера Коралли и Лидия Рындина.

Она начала свою карьеру в качестве драматической артистки в Киеве, у Синельникова. Потом играла два года в театре Корша в Москве⁴. А затем восемь лет у Незлобина: «Изумрудный паучок» Ауслендера, «Красный кабачок» и «Псиша» Юрия Беляева, «Король Дагобер» Ривуара (перевод Тэффи), «Орленок» и «Принцесса Греза» Ростана. Кое-кто, наверное, помнит ее в этих пьесах.

В 1913 году стала сниматься в фильмах – сначала у Ермольева, где ее партнерами были Мозжухин и Стрижевский, а потом в фирме Ханжонкова, где с нею в главных ролях играли Полонский, Радин и тот же Стрижевский.

Последний год у Ханжонкова снималась в Крыму (1918–1919), пока не выехала в Константинополь, а оттуда в Вену, где снималась в двух фильмах, и потом, в 1922 году, в Берлин. Тут она себе нашла новое амплуа: играла в художественном кабаре «Синяя Птица». В роскошных, тяжелых костюмах Челищева играла всевозможных красавиц в музыкальных пьесах, называвшихся: «Царевна Несмеяна», «Бить в барабан велел король», «Шли на войну три юные солдата» и др.

Было много тяжелого в ее жизни. Самый тяжкий удар – смерть мужа и друга, поэта и издателя Сергея Кречетова, еще в Берлине, до II мировой войны. «Мы с ним боевые товарищи», – говорила она не раз.

Во время II мировой войны она бежала из горящего Берлина, мимо трупов, в сопровождении юного племянника, в Чехословакию, в знаменитый курорт Карлсбад (ныне Карловы Вары), где

⁴ Отметим ошибку автора воспоминаний: сперва Рындина служила в театре Корша (где режиссером был Н.Н.Синельников), а затем полгода в Киеве при режиссерстве Н.А.Попова.

прежде так часто проводила свой летний отдых. После войны она вернулась в Германию и много разъезжала с труппой по русским беженским лагерям, играя уже пожилые роли <так!>, но все-таки оставаясь красивой.

Потом – Париж, где она прочно обосновалась. Здесь ею тоже было сыграно несколько пьес, в том числе «Привидения» Ибсена. Она была совершенно потрясающей Фру Альвинг, настолько, что ныне тоже покойный режиссер и драматург Н.Н.Евреинов прислал ей чрезвычайно лестное письмо с ее оценкой в этой роли: «Только Ермолова и Вы...» Когда вдова Евреинова, Анна Александровна, стала устраивать спектакли его памяти, Лидия Дмитриевна не раз в них выступала. Мне она особенно запомнилась в «Бабушке», одноактной пьесе, в которой Евреинов выводит знаменитую актрису Александринского театра Варвару Васильевну Стрельскую; в ней она была и трогательной, и забавной, именно такой, какой была всеми любимая «тетя Варя».

Но Лидия Дмитриевна была не только артисткой: она была и писательницей и журналисткой. Еще в Москве она выпустила свою первую книгу: перевод рассказов Марселя Швоб. Но, будучи женой Сергея Кречетова (Соколова), которому принадлежало известное издательство «Гриф», она ни за что не хотела «издаваться у своего мужа». Потом, в Берлине, Кречетов вновь основал свое издательство («Медный Всадник»). Для Лидии Дмитриевны это было причиной там не печататься. В Берлине вышла ее книга «Фаворитки рока» (Дашкова, Помпадур, Нель Гвин и т. д.), а затем в Риге – комический уголовный роман «Живые маски». Комических уголовных романов тогда никто еще не писал... Она написала ряд рассказов – все они были напечатаны в различных периодических изданиях. Несколько последних лет состояла парижским корреспондентом газеты «Новая Заря» в Сан-Франциско.

Париж, 10 марта 1965 г.⁵

Стоит отметить, что в значительной своей части эти свидетельства принадлежат людям, знавшим Рындиному не столько как артистку или литератора, сколько как практического мистика. С ранних лет она была предрасположена к мистике, причем не только собственно христианской, но и к той, что связана с эзотеризмом и оккультизмом. 10 декаб-

⁵ См.: Оккультизм и йога (Асунсион). 1965. Кн.32. С.102-105. Отдельными изданиями в годы эмиграции вышли три книги Рындиной: «Фаворитки рока» (Берлин, 1923); «Жрицы любви» (Рига, 1930; фактически – переиздание первой); «Живые маски» (Рига, 1936). Библиографию ее публикаций в альманахах и журналах см.: *L'émigration russe. Revues et recueils, 1920–1980: Index général des articles.* Paris, 1988. P.425.

ря 1903 она записала в дневнике: «Мне бы хотелось поступить в какой-нибудь орден, массонов или даже иезуитов <так!>. Хотя последний и много вреда приносит, но какое влияние!.. Все знаешь, все двигаешь, составляешь часть чего-то большого целого. Одно, что меня пугает в этом, – это обязательство идти на какое угодно преступление, а в случае неповиновения – смерть или еще что хуже... Это, признаюсь... страшно»⁶. Конечно, эта запись по-девичьи кокетлива и мало серьезна; однако уже предсказывает судьбу Рындиной в 1910-е, когда она стала не просто членом общества мартинистов, но и была его эмиссаром. Насколько нам известно, первые документированные свидетельства об этом появились совсем недавно, хотя сразу после смерти Рындиной Ю.Терапиано, знавший ее еще с московских времен, поведал о ее мартинистском прошлом.

О ЛИДИИ РЫНДИНОЙ – ЭЗОТЕРИСТЕ

Начало XX века совпало не только с новым расцветом творчества, но и с духовным пробуждением русского общества, изжившего утилитаризм и материализм второй половины XIX века.

В связи с духовным подъемом возник интерес и к тому, что старинные русские спиритуалисты XVIII и начала XIX вв. называли «духовной наукой», к так называемому «Оккультному знанию» – теософии, антропософии и мартинизму.

Параллельно с этим некоторые выдающиеся русские ученые, как, например, египтолог Борис Тураев, эллинист профессор Зелинский и поэт Вячеслав Иванов, ученик Моммзена и исследователь Дионисийских мистерий, опубликовали ряд работ об античном эзотеризме, «Бог Тот» (Б.Тураев), «Предшественники Христианства» (проф. Ф.Зелинский) и «Религия страдающего Бога» (В.Иванов).

Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Андрей Белый, как ранее Димитрий Мережковский и отчасти Зинаида Гиппиус, были видными фигурами в эзотерических кругах своего времени.

Лидия Дмитриевна Рындина, несмотря на свою постоянную занятость в качестве артистки театра, а потом кинематографа, всегда находила время для занятия духовными вопросами и эзотеризмом. У нее и у ее мужа поэта Сергея Кречетова (С.А.Соколова), владельца издательства «Гриф», постоянно собирались на квартире представители московской литературной среды, в том числе Андрей Белый, Валерий Брюсов и другие.

Андрей Белый, который в то время очень увлекался мартинизмом (как впоследствии – антропософией), заинтересовал им Лидию Рындинову и Сергея Кречетова. В Москве в то время продолжал существовать старинный центр русского мартинизма, сохранив-

⁶ РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.1. Л.18.

шийся еще со времен Николая Новикова и Лопухина, знаменитых деятелей русского просвещения екатерининского времени. <...>

Русские мартинисты изучали труды Луи Клода де Сен Мартена, основателя мартинизма, написавшего ряд замечательных книг, и труды других европейских и восточных мистиков: Якова Беме, Мейстера Экхарта, Агриппы Неттесгеймского, Теофраста Парацельса, Кунрата и других. В наше время мартинисты собирались частным образом в квартирах у кого-нибудь из своих членов. Квартира С.Кречетова и Л.Рындиной в Москве, в Пименовском переулке, одно время в течение ряда лет служила местом собраний. В бытность мою в Москве в 1915 и 1917 гг. я не раз бывал там.

Мне пришлось неоднократно беседовать с Лидией Рындиной о разных оккультных вопросах, которыми она живо интересовалась, обнаруживая большую начитанность и интуицию в этой области. Свой интерес к духовным вопросам она сохранила и в бытность в эмиграции. Она продолжала живо интересоваться всеми новыми книгами в этой области и поддерживала связь с рядом оккультистов во Франции и с русскими мистиками, рассеянными по всему миру.

Еще до революции, во время своих поездок в Париж, Лидия Рындина познакомилась со знаменитым доктором Папюсом (Жераром Анкоссом), главой тогдашнего французского мартинизма и автором большого количества книг по оккультным вопросам. Этот доктор Папюс в 1901 году был представлен русской императорской чете великим князем Николаем Николаевичем, а затем три раза – в 1901, 1905 и 1906 гг., по приглашению императора Николая Второго, был в России, где основал в С.-Петербурге свою мартинистскую ложу, членами которой одно время состояли император Николай II и императрица Александра Федоровна, великий князь Николай Николаевич с супругой и другие члены императорской фамилии. <...>

Доктор Папюс очень высоко ставил Лидию Рындину и оказал ей большое внимание; он познакомил ее с рядом интересных лиц во французской эзотерической среде и дал ей специальное посвящение во внутренний круг своей организации.

После войны 1914 года, когда в 1916 году скончался доктор Папюс и затем ряд других выдающихся деятелей французского мартинизма, это движение во Франции пошло на убыль, хотя и до сих пор в Париже и Лионе существуют мартинистские центры.

Оказавшись после революции в Германии, Лидия Рындина сравнительно поздно переехала во Францию. Состояние ее здоровья уже не позволяло ей часто бывать в эзотерических кругах Па-

рижа, русских и иностранных, но она всегда поддерживала связь со своими единомышленниками и живо интересовалась всем, там происходящим. Как память о русском мартинизме у нее сохранилась замечательная, художественно сделанная от руки копия одной из редчайших рукописей Якова Беме, подлинник которой находится в Отделе масонских мартинистских рукописей быв<шего> Румянцевского Музея в Москве. Она мне показывала эту рукопись за несколько недель перед своей смертью.

Вспоминая Лидию Рындину, я хочу отдать должное ей не только как прекрасной артистке, но и как эзотеристу-мистику, глубоко и серьезно переживавшему вечную тему: «Познай самого себя», то есть: «Познай себя в Боге».⁷

Видимо, к этим сравнительно немногим строкам воспоминаний следует прибавить и еще одно малоизвестное свидетельство самой Рындиной, относящееся к предреволюционному времени:

В своей жизни пришлось встретить мне немало интересных, духовно подвинутых <так!> людей. Еще в России до революции познакомилась я с Суфи Инаят Ханом. Он выступал в Москве в одном кабаре – Максима. Я поняла сразу, что это не просто кабаретный номер, и посетила его на дому. Спросила его – почему он выступает в таком неподходящем месте? «Вы поняли меня, кому надо – поймут и там», – и сказал мне на мой вопрос, что такое Суфизм: «Я иду в ваш храм и кланяюсь, потому что я суфи, иду в синагогу и кланяюсь, потому что я суфи, иду в мечеть и кланяюсь, потому что я суфи. Бог везде, где Его ищут».

Эти слова навсегда запечатлелись в моем сердце, – я поняла его. Слова Инаят Хана, тогда еще мало известного среди русских, научили меня понимать искание Истины везде. <...> Я верю, что светлые силы помогут вам и в дальнейшем. Это единственное нужное и мне близкое мировоззрение. Мне глубоко чужды партийность, фанатизм и нетерпимость к инакомыслящим. Все пути, ведущие к Свету, для меня близки – и ни против одного я не буду действовать. <...>

⁷ См.: Оккультизм и йога. 1966. Кн.34. С.129-132. Примечание от редакции: «Эти воспоминания Юрия Константиновича Терапиано, крупного русского поэта, литературного критика и писателя, были прочитаны в Париже 14 мая 1965 года на вечере в память Л.Д.Рындиной, но до сих пор нигде не были напечатаны. Они избилуют малоизвестными русским эзотерикам фактическими данными, очень интересны и ценны, – поэтому мы обратились к автору с просьбой разрешить нам опубликовать их в 34-м выпуске “Оккультизма и Йоги” и получили на это его любезное согласие на радость друзей и почитателей Лидии Дмитриевны, рассеянных во всех странах Руси Зарубежной».

Когда-то, во время Первой мировой войны, в 1915 году, я знала инженера-геолога Анерт, он долго прожил в Манчжурии и Китае, работая там по специальности. Человек он был чисто материалистических взглядов, далеких от всего сокровенного. Он мне тогда рассказал как курьез, что в Северной Манчжурии на могиле какого-то тамошнего чтимого святого он нашел надпись, что с концом этой войны мира не будет. Мир на земле установится, когда он будет подписан в Пекине. Тогда, при войне с немцами, вопрос о Китае не подымался, и он рассказал мне это в качестве курьеза. Теперь я не помню точного текста надписи, но твердо уверена, что была фраза: «Мир будет тогда, когда он будет заключен в Пекине». Теперь я часто думаю – не идет ли все к этому?⁸

Некоторые свидетельства о связях Рындиной с мартинистами приведены в книге А.И.Серкова, где рассказывается о деятельности русских мартинистов и П.М.Казначеева как одного из их руководителей⁹. Однако введение в литературоведческий и исторический оборот достаточно обширных фрагментов дневника Рындиной, как нам представляется, позволит составить предварительное представление о ней не только как об одной из женщин символистского круга, но и как об одной из видных фигур русского мартинизма 1910-х. Они рисуют весьма выразительную картину оккультных исканий русских символистов, тем более выразительную, что принадлежит она не какому-либо из выдающихся писателей, силой таланта преображающего действительность, а достаточно заурядной личности, одной из тех, что составляли наиболее периферийную часть символистского движения и, одновременно, обладали достаточно высокой степенью посвященности в деятельность мистических орденов, а тем самым – и всего русского оккультизма XX века. Вряд ли случайно в архиве Рындиной отложилась машинопись одного из сравнительно немногих исследований о мистических орденах в советской России¹⁰. К сожалению, неизвестна судьба архива сборников «Оккультизм и йога», с редактором которого доктором А.М.Асеевым Рындина состояла в переписке. Пропал также практически почти весь архив С.А.Соколова, и лишь отдельные сохранившиеся его письма помогают восстановить облик Рындиной.

Для публикации нами выбраны отрывки из дневника, касающиеся событий, начиная со встречи Л.Д.Рындиной и С.А.Соколова (Сергея

⁸ Оккультизм и йога. Кн.32. С.105-106. Датировано 1959 годом.

⁹ Серков А.И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997. С.68-84. Подробнее о мартинистской деятельности Рындиной см.: Богомолов Н.А. Из персональной истории русского мартинизма: Лидия Рындина // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник на 2000 год. М., 2000. С.262-287.

¹⁰ Оубл.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.29-439.

Кречетова). С начала 1906 дневник воспроизводится полностью, за исключением нескольких небольших фрагментов, относящихся к пребыванию Рындиной у родных в Варшаве, вдали от артистической среды.

Дневники, отрывки из которых мы публикуем, хранятся: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.1 и 2 (во второй – записи начинаются с 15 марта 1907). При публикации сохранены некоторые орфографические особенности оригинала (такие, например, как «мушина», «преждний» и т. д.). В угловых скобках раскрыты авторские конъектуры, вычеркнутые слова помещены в квадратные скобки.

* * *

2 марта <1904>

Вчера была на «Отчий дом» с Коммиссаржевской¹, она, как всегда, дивно играла. Я сегодня из-за нее не спала почти всю ночь. То я думала ехать к ней проситься на выходные роли. О Боже – наставь! Как это глупо, ведь я знаю наверно, что на сцене я имела бы успех, между тем как здесь, в этой ужасной атмосфере удручающей. Но да все равно! <...>

16 августа <1905> (вторник), Цехацинс<к>²

<...> До Берлина мы доехали благополучно, там сделали кое-какие покупки, пообедали и поехали. В дороге с нами случилось приключение: мы не пересели, когда было надо, и очутились вместо Торна в Бромберге, где просидели от 10 до 12 часов ночи. В 12 часов 25 минут мы только оттуда выехали. Трудно было найти место, наконец нашли. С нами сидело несколько молодых людей. Один из них заговорил, это оказался русский. Сначала он показался мне не то пьян, не то ненормален, но во всяком случае меня заинтересовал. Оказался <так!>, что это поэт Сергей Кречетов, издатель или редактор журнала «Искусство»³. Мы уже под конец разговорились как друзья. В Александрове была пересадка для него и выходила я. Мы не расставались уже. Воображаю, что думали знакомые, которых там как раз было довольно много. Он обещал мне писать, посылать книги, отвечать на все интересующие меня вопросы. Я была как в чаду. Он мне сказал, что он женат, это меня как-то не смутило. О чем мы только ни говорили! Не знаю, верно ли, было ли у него то чувство, что мы где-то виделись, что это не первая наша встреча. Мне это казалось, он говорил, что это ему не только кажется, но что он в этом уверен. Мы встретимся еще. Как это странно, как хорошо. При расставании он мне поцеловал руку, и, когда мы отошли, я обернулась – он мне посылал воздушный поцелуй. Правду ли он говорил

то, что чувствовал, или это была болтовня? (Я не хочу быть не тем, чем верит он, что я есть.) Я еще не могу этому верить. А как хочется верить, ведь этот человек мог бы меня выдвинуть. Захочет ли он? Я как-то все эти дни ни о чем думать не могу. Я верю во что-то, чего-то хочу. И не знаю, так ровно ничего не знаю. Когда мы расстались, было после трех ночи. В половине пятого мы были дома⁴.

2 сентября (пятница), Кельцы

<...> На другой день я получила три книги от Кречетова – с надписями. Меня это все страшно волновало. <...> Вчера писала и сегодня посылаю Кречетову свои карточки и длинное письмо⁵ <...>

18 сентября (суббота), Варшава

<...> На следующий день приезда я получила письмо от Кречетова, а через три дня книги. Какое чувство оно произвело на меня, трудно сказать. Я вкладываю это письмо в дневник, оно, во всяком случае, очень для меня важно⁶.

12 октября

9 окт<ября> получила письмо от Сергея. Упрекает, что я не пишу, шлет стихи⁷. Я не пишу? Да, я боюсь часто писать, я боюсь его, боюсь себя. Ведь ника<ко>го серьезного чувства он не мог ко мне почувствовать, самое большое – что я его заинтересовала, рад поиграть, а я... я фантазерка. Эта встреча, ореол, красота фраз – красота во всем, начиная с костюма, ум! Все это влияет на меня. Вот я в данную минуту чувствую, что и теперь он мне дорог, я могла бы примириться с его потерей, но она бы была мне тяжела. Я сознаю, что я живу его письмами и только силой воли заставляю себя не думать о нем, не пишу часто. Со сценой я все еще не решила. Боже, помоги, выведи меня на эту дорогу. Мне так страшно, я боюсь жизни. Сергей пишет: «Я с Вами – Вы не одна!» – я боюсь его! – Я еще более одна. Какая я слабовольная! «Наверно, скоро сгорите». Отчего же другие живут, а я нет? Неужели я не талантлива, не достигну? С самого детства я мечтала, стремилась куда-то, искала, ждала, и вот 22 года – Я – ничто! Я ищу, я хочу – и никакой веры в будущее. Жизнь, жизнь. Я боюсь всего. <...> Сергей берет еще меня тем, что он первый мужчина, с первого взгляду обративший на меня внимание, а я была непричесана, плохо одета, усталая с дороги, даже без пудры. За это я бы хотела быть красавицей и чтоб он один был мне дорог. Я способна на все – за это.

27 октября (четверг)

С первой почтой из Москвы я получила письмо от Сергея. Он уж прямо говорит о любви. Я ничего не могу понять из своих чувств. Я думаю только о нем, им живу, но я сознаю, что я еще не его вполне. <...>

Москва

20 января <1906> (пятница)

В среду я приехала в Москву. Меня встретил Сергей⁸. Квартира была найдена. У очень милых, хотя в полном смысле буржуазных людей. Все дни я виделась с Сергеем; вчера была у них, познакомилась с женой⁹. Сегодня он приехал за мной. Мы были вместе, говорили о многом и кончили – да, кончили тем, что поцеловались. Теперь я вернулась. Я думаю о том, что нужно себя проверить, о том, что мои беспокоятся. Что нужно работать. Любовь ли это, что это такое? И такое мучительное чувство тоски. Прав ли он, верить ли ему, идти ли? Ничего, ничего не знаю.

23 января (понедельник)

Вчера днем были с Сергеем Ал<ексеевичем> на выставках и вечером у них играли даже в *chemin de fer*. Когда с ним вместе, то выигрываю, т. е. выиграла <так!> рублей 5. Были там кое-кто из писателей. Хотя все это типы, несравнимые с Сергеем, хотя, быть может, и более, чем он, известные имена. Все эти дни утро была одна, а вечером приходил Сергей. О чем только мы ни говорили. И все это так легко, так естественно. Каждый вечер вместе. О том вечере у него, когда мы не выдержали оба и я первый раз в жизни поцеловала, – мы решили пока не вспоминать. И он мне сказал, что не хочет и тени насилия, хотя бы над волей, и будет брат – до тех пор, пока я этого пожелаю или пока он будет в силах, когда бы он меня настолько полюбил, что это тронуло или разбило его душу, он или порвет, или я уступлю. А я – я не знаю. Люблю ли я его? Знаю, что он мне бесконечно дорог. И только страх потерять его – страх неизвестного удерживает меня. Мои родители тоже какой-то укоризненной тенью стоят¹⁰. Хотя разве так, как теперь, не хорошо? Когда он сидит рядом со мной, так нежно гладит мою голову, руки, когда, близко прижавшись, на санках мы едем, и только изредка перекидываемся словом, разве так не хорошо? А жена его, она милая, она ласково меня встречает и нисколько не подает не только тени ревности, но даже соединяет нас. Странно все.

25 января (среда)

В понедельник мы были с Серг<геем> Ал<ексеевичем> на «Буре» в Малом театре и ужинали в ресторане каком-то, кажется – «Ярославле»¹¹; вчера на «Для счастья» Шибышевского¹², потом были в литературном клубе¹³. Там сидели, ели, пили, а потом Серг<гей> Ал<ексеевич> меня опять провожал, и опять точно тайной какой-то силой поцеловал меня, а потом в подъезде и я его целовала. Какое-то странное неизбежное веление. И так все само собой. А если это сон, обман, призрак? Боже мой. Сегодня целое утро сидела у меня Нина Ивановна, – она пока хорошо относится. Я боюсь быть навязчивой по отношению <к> Серг<гею> Ал<ексеевичу>. Боже, ведь если это любовь, я так долго ждала ее, так измучилась этим. А если нет, опять нет? А жизнь другая – та, что осталась за мной, а родители, все как-то ушло. И я осталась тут. А если это насмешки его надо мной?

27 января (пятница)

Вчера был Серг<ей> у меня, позавчера я у них. Странно, мы без конца целуемся, говорим о так многом. Нина Ивановна<на> предполагает ехать летом с Валерием Брюсовым в Норвегию и говорит: «Поезжайте Вы куда-нибудь с Сережей»¹⁴. И при ней он говорит: «Ты, Нинка, едешь с Валерием, ну а Вы, Искра, поедете тоже куда-нибудь». Вчера мы с Сергеем сидели и то обнимались на диване, то у стола. Я сидела у него на коленях. И так странно, странно мне было весело, я дурила. Одно меня смущает – это ложь перед всеми. Родными и знакомыми. Ложь, которая необходима, которую нельзя избежать. Что делать – нужно. Буду писать своим ложь – кругом ложь. Пока же я не знаю, счастлива я или нет. Безумного счастья, того, что я ожидала, нет. Да, пожалуй, верно: я позволяю себя любить, позволяю себя целовать, но и все. А ведь я женщина, самая обыкновенная женщина. Неужели же я в себе все подавила? Нет, нет, не может быть, иногда мне кажется, что лед тает, ведь я еще молода, я глушила, давила все в себе, но я жива еще, жива. Я еще способна ощущать счастье.

11 февраля (суббота)

Я давно не писала. Я не могла писать по многим причинам, а главное – после того, как я дала прочесть Сергею этот дневник, мне странно было бы писать в нем, зная, что сегодня же он будет им прочтен. Но теперь я решила его прятать или каким другим образом, но не давать читать его ему, и пишу, опять пишу. За это время я так много пережила, пер<е>видела народу. Наши отношения с Сергеем

то как-то натягивались, то мы были – по крайней мере, мне так казалось – бесконечно близки. Мне так странно, так непривычно хорошо быть с человеком-мужиной так просто, гладить и целовать его волосы, шею, сидеть у него на коленях, крепко прижиматься к нему, и по телу пробегает такая легкая...

13 февраля (понедельник)

Я не дописала прошлый раз, что-то помешало. Что я хотела от любви, я имею. Только какая-то самой мне непонятная тоска сжимает грудь, сердце. Или это тоска по своим, или это непривычное мне положение скрываться, когда вся душа кричит, – я не знаю. Бываю везде с Сергеем вместе, и, конечно, толки и т. д. Я держала в начале февраля экзамен в консерваторию, выдержала, но решила не поступать, невыгодно. И теперь у Званцева¹⁵ беру частные уроки пения и декламации. Иду и сегодня туда. Вчера была на постановке (новой) «Евгения Онегина»¹⁶. Хорошо. Красиво новое дело, начатое личными силами без всяких других сил. Познакомилась с художниками, всеми, одним словом, участвующими в этом деле. Ужинали, и я так чувствовала, что на меня смотрят как на любовницу Сергея. И странные взгляды – в упор смотрели в бинокль, мне делалось неловко, обидно. Этого еще нет, а они уже, уже видят. Сегодня мне поднесли, что (были какие-то знакомые вчера и встретились с Сергеем) он «мерзавец», насильно его женили, и еще что-то в этом роде. Милый мой. Он меня предупреждал, и я иду, зная, что будет. «Я негодай, всем лгал, обманывал, – хотите вы мне верить или нет. Ты можешь мне верить или нет, я не клянусь, не даю слова». Я смотрю с вопросом в будущее!

4 марта (суббота)

Я живу уже больше недели (с прошлой среды) в меблированных комнатах. С Ветошкиными у меня вышла история из-за Сергея и Нины – они меня звали несколько раз по телефону, ну а Ветошкин обозлился. Впрочем, это все давно готовилось. Трудно было бы ужиться мне с ними, моя репутация не давала им покою. (Я пишу факты, т. к. ведь они жизнь)¹⁷, ну, а душа, что она, идет ли она вперед, будет ли она такой многогранной, как хочет Сергей? Его нет сегодня – он куда-то уехал. Я еще девушка. И как-то опять мне непонятным образом избежала этого перехода. Мне как-то странно об этом писать – даже будто стыдно как-то. Но я хочу быть такой, как я есть, здесь. Я почти ничего не делаю. Званцев уезжал, я была нездорова. Сережа бывал каждый день. Я как-то избегаю и чувствую не-

ловкость писать о нем сегодня, а ведь, собственно, все мое существование заполнено только им, и я чувствую, как одна за другой отворяются стороны души, сердца, и все это ему. Я понимаю, что я люблю его. И он говорит, что любит, и теперь при всем даже желании не верить ему я не могу. Да, тетя права – все мысли и чувства у меня его. Что ж – это хорошо.

9 марта (четверг)

Я уж не девушка – это было 7-го марта. Я знала, что так должно было быть, и потому даже теперь я почти не чувствую перемены. Во всем этом облик Сережи так красив, так идеален, что все кажется мне свято, высоко. Мысль о том, что я не замужем, меня даже не занимает – не все ли равно мнения, а лично, то от того, что меня благословит священник, это не будет более свято, а я верю, что меня благословил Бог.

Мне грустно сегодня. Кажется, Сереже грозит неприятность – в политическом духе. Неужели же что выйдет из этого действительно нехорошее? Тетя пишет, что о фимиаме, который мне курят поклонники, я должна думать критически. Мне вспоминается <так> мои разговоры с Сережей, и я думаю, как все ошибаются в наших отношениях. Его вечные нападки на мою лень, мое безделье, на мою неряшливость и многое другое – как это не похоже на фимиам. Только бы с ним ничего не случилось скверного! Я так боюсь этого. Неужели же что будет нехорошее? У меня в данную минуту мысли прямо путаются. Я только что говорила с ним об этом по телефону.

У Зелинских бываю. Милые, но как это все далеко как-то. Я оторвалась. Верно, у меня все мое личное разрушено, осталось только сознание, что я не своя, что все мысли, чувства и слова – Сережи, и что мое «я» только действует, чтоб помочь ему овладеть моей душой, умом, чтоб ему было легче вылепить то, что он хочет. Все это мне дает какое-то мне самой непонятное чувство. Все воля Божия! – Вот оно, что я не дала ему – это мою веру, и это я не дам, остальное все его, и я отдаю с радостью, не требуя ни вечной любви, ни верности – я отдаю потому, что в этом мое счастье, и если больше дам – больше счастья. В данную минуту он меня любит, и не <нрзб.> ни я за себя, ни он ручаться не можем. Мы свободно сошлись и свободно любим.

28 марта (вторник)

Мне хочется сказать о фактах, что произошли за это время. Приехал сюда француз из Парижа для сотрудничества в «Руне» – благодаря ему и мне оказалась работа¹⁸. Кроме того, мне трудно по-

дыскать бы было дело (я перевожу пословно с рус<ского> стихи, а Вальдор уже их рифмует).

Была <за> это время у меня история с Ниной – я была у них – она была, как все это время, в ужасном настроении, меня тоже это волновало как-то. Сerezу <так!> позвонила (по телефону) какая-то дама, он отвечал ей что-то. Нина удивлялась, зачем он ей не скажет не звонить больше. После каких-то полунамеков она сказала, что «я могу и влюбиться», а я вскочила и расплакалась. Нина ушла из дому. Все это было неприятно. Пришлось писать Нине. Хотя потом ничего, все уладилось, но я страшно испугалась, что та тень, что пробежала между нами, могла быть неприятна Сerezе. Теперь все хорошо. В именины была в театре, а потом ужинала в Литературном с Сerezей. Каталась на лихаче с Тастевеном¹⁹ позавчера. Странно – раньше, думая о своем будущем муже или любовнике, разве я предполагала это так, как это есть теперь? Недавно я после многих ласк смотрела на его тело, красивое, сильное – мой любовник! И разве будь это не Гриф, возможно бы было это мое теперешнее состояние? Этот взгляд на все как на нечто святое. Это красиво – я смотрела. Два наши голые тела – одно большое, сильное, другое нежное, хрупкое и красивое. И может ли быть, чтобы все эти оттенки, так именуемые разворотом, были как-то скверны, грешны? Разве если не любишь – не тело? Теперь это мне все нравится, дает минуты счастья. Я люблю – мой любовник – любима. Как дико, как ново, а хорошо.

Варшава

16 мая (вторник)

Уже скоро месяц, как я в Варшаве. Грустно я уезжала из Москвы. Тяжело мне было расставаться с Грифом. Нина последнее время была прямо нежна со мной, и здесь, в Варшаве, я получила от нее нежное письмо. Она все в Москве, бедная. Провожал меня Гриф. Я плакала. Здесь я пишу ему нежно, он одно время писал чуть не каждый день – вот эти дни не получаю писем, но прислал книги и «Зол<отое> Руно» за апрель. Здесь художники меня встретили дивно. Познакомилась с Воробьевым, странным человеком, любящим искусство и литературу. Дома чувствую себя хорошо, и если бы можно было соеди<ни>ть Сerezу и дом. Но, к несчастью, это не соединяемо и потому нужно брать, как есть. Он мне славные письма писал и, надеюсь, еще напишет. Здесь я опять прежняя Лида – дочь своего отца, и чувство барышни вполне мне приятно. Тот туман, что навевается любовью, мне приятен, и теперь мне удовольствие вспоминать его. Работаю все время по пенью. Голос окреп и идет хорошо

(чтоб не сглазить). Скоро перееду в Цехацинку, где меня уже приглашают участвовать в спектакле. Здесь Боголюбов был страшно любезен со мной и даже пришел ко мне в ложу поздороваться, поговорить и пожелать всего лучшего. <...> Я мало писала в Москве. И теперь вижу, что это потому, что чересчур все было ново мне. Я ничего из прошлого не жалею. То, что произошло, – я вознаграждена за него. Ведь разве бы всякий мог действовать так, как Сережа? Когда еще ничего не было, – сумеешь удержаться в очень критический момент, и после прямо чуть ли не по-отечески относиться. Милый, милый! Когда я его первый раз поцеловала, – как это было? Я сидела на диване, он сказал: «Не знаю, будете ли Вы мне всегда сестрой». Я протянула руки, он опустил голову. Потом встал и отошел. Я тоже встала и подошла к углу стола, оперев руку на кресло, он положил на нее свою голову, я наклонилась своей головой на его, он меня начал целовать. А другой раз на диване в его комнате. Я боялась его, боялась всего. А теперь что будет? Что будет? Я с такой верой шла и иду. Что дальше?

Малаховка

5 июля (среда)

После 16 мая – много было чего. Я ждала Нину в Варшаву, она приехала, пробыла дня три и уехала обратно²⁰. От Сережи были часто письма и телеграммы. Потом за три дня до отъезда в Цехацинку познакомилась с Воробьевым и его другом Вершинским. Ездил с ними в имение Рушиц²¹ «Влохи». Узнала там, что Рушиц бесспорно мной был заинтересован. Воробьев в разговорах и письмах старался мне доказать, что Сережа моей любви не стоит. Мне было иногда смешно, иногда обидно это слушать. Рушиц сказал: «Она еще будет в моих руках». Все дело и теперь так ведется. В Цехацинке я жила тихо-мирно, волновалась, когда не получала долго писем, радовалась им, болтала с сестрами и изредка появлялась в парке, приезжал ко мне туда Вершинский. Числа 18 <июня> я выехала оттуда в Варшаву, там делала покупки и все время была с мамой, Воробьевым и Вершинским, которые меня и провожали. 19 <июня> я была в Москве, а на следующий день в Малаховке²², одна на даче, сад кругом, гамак, вечером Сережа приходил. Мы встретились прямо безумные, и теперь люблю, думаю, что и он любит. Переменила фамилию, сделалась Рындиной²³ и буду играть в субботу в «Василисе Мелетьевне» царицу Анну, боюсь безумно, нисколько не уверена в себе. Мужской персонал ко мне расположен, женский не особенно. Познакомилась с молоденькой актриской, смертельно влюбленной в Сережу. Хотя я не равнодушно к этому отношусь, но ничего не де-

лаю скверного и даже с ней очень ласкова. Бываю чуть не каждый день у матери Сережи.

Боже, как много мне зависит <так!> от моего первого выхода – и все мое отношение с родными, и их взгляды на мою любовь к Сереже, и тут всех мнения, и даже любовь Сережи. Все, все. Боже, дай твою помощь, пусть мне нужна бешеная работа – это ничего, лишь бы достичь, достичь и чувство понимания у себя не потерять. Боже, я ведь знаю, что я не талантлива, но пусть я буду с виду таковой. Ах, как я боюсь!.. Что-то даст мне фамилия Рындина?

15 июля (суббота)

Играла 8-го. Когда я была на последней репетиции, я познакомилась с Адашевым²⁴, он меня немного поучил – сначала в саду и потом у себя на дому. Перед представлением – я была уже в гримме <так!> – ко мне в уборную влетели тетя Жозя и Леля, которые, собственно, приехали на мой дебют. Играла я неважно – сошло, выглядела очень хорошо, прямо была красива. Все-таки Адашев меня принял в свою школу. На другой день был разгон Думы²⁵ – опасаясь беспорядков, тетя с Лелей уехали, очарованные Сережей. Я поехала в Москву и пробыла там пять дней. Сегодня вот первый день опять здесь, в Малаховке, приехала вчера вечером. Сережа по делам едет в Смоленск, я дрожу за него. Тетя говорит, что я вся меняюсь при его присутствии, что любовь бьет из всех мускулов. А я – Боже! Правда, люблю его, ревную ко всем и всему. Каждый день я почти принадлежу ему, и все чувствую, как больше и больше во мне просыпается женщина – да, теперь я уже не холодная.

Милый мой, как я дрожу за наше счастье, – и отчего нельзя спокойно им наслаждаться? Нина мучительна до безумия, – когда я была там, она собиралась бежать, и только ужас и слезы Сережи ее остановили. А я тут как добавление. Хотя нет, я верю – он меня любит, любит. Боже, ведь я бы должна быть безумна от счастья – я ничего, довольна, но так боюсь, и такие есть горькие минуты. Хотя пусть будет и страх, и горькие минуты, только бы была наша любовь, счастье! Моя игра! Неужели же я не буду хорошо играть – талант пропал, а может, его и не было! Любовь и талант – Боже, я только этого хочу.

20 июля (четверг)

Была у дантиста. Говорила с Сережей о том, что прошлое, бывшее у меня этот год в Москве, исчезло из моей памяти. Мне чудится, что это сон – был, прошел, и теперь я хватаюсь за него. Боюсь, что моя любовь – не такая, какая нужна для счастья. Ничего не знаю! Будущее страшно. Вот теперь сижу и жду его. Я всегда жду его. Я

знаю где, я должна бы быть спокойной. Где там! Верно сказал Пушкин: «Ты любишь горестно и трудно»²⁶.

Москва

27 августа (воскресение)

20 августа играла Кет в «Казни»²⁷ – так себе, лицом была не дурна.

Уже в своей квартире, еще не вполне устроенной. Сережа основывает журнал – издатель Линденбаум²⁸. Кстати, этот юноша стал ко мне равнодушен, и мне предстоит задача перевести все на дружбу. Я все еще не могу спокойно думать о Сереже, и вот теперь каждый день вижу, целую, сколько хочу, каждый день принадлежу ему, а слова, писанные его рукой, меня волнуют. Я смотрю на него с нежностью и ни о чем еще не могу думать, кроме него. Милый мой, дорогой! Сегодня Сережа днем в Малаховке, вечером дома.

26 сентября (вторник)

Ну, поступила в школу Адашева, поучилась там с 1-го сентября. Скучно стало, эта бессмысленная работа – без будущего. Все одно и то же. И я оказалась вот второй день у Синельникова, т. е. у режиссера театра Корша, ученицей, плачу за науку 1000 рублей²⁹. В будущем году играю у Корша.

Сережа на съезде в Гельсингфорсе³⁰. Скучно. Все это время прилив любви ко мне Линденбаума, его стоны, – на извозчике чуть не изнасиловал, теперь все спокойно. Ухаживание Андрова <?>, ученика нашей школы, много мне стоило удержать его от поцелуев, возвращаясь от Солодовникова с «Садко». Все летело, летело. И любовь Сережи, и наши ласки.

13 октября (пятница)

Я редко пишу. Заезжала ко мне тетя. Сережа был в Гельсингфорсе, теперь вот в Бронницах³¹. Журнал идет ничего. Вспоминают меня изредка, Вершинский [и]. Получила письмо от Тони – давнишним пахло на меня.

Я актриса – наконец, добилась того дела, к которому стремилась так долго. У меня есть сцена и любовь, чего же мне еще надо? Все есть, все. А я недовольна. Ни прежней веры, ни прежней надежды. Я учу роли, но чувствую, что берусь за них не так, как надо. Боже мой! Нужно таланта. Неужели он пропал? Господи, как это было бы ужасно. А все, все, что я сделала, чтоб добиться сцены. Живу я в условиях, при которых занятие возможно, как я боюсь потерять и то, что у меня есть! А счастье, счастье! Нет, видно, я не из счастливого

материяла сделана. Линденбаум – не особенно мною интересуется после того, как увидел, что ничего не добьется. Подлые все люди. А Сережа мой? Одно что радует, хотя и главным образом причиняет боль. А будущее – как я его по-прежнему боюсь.

23 октября (понедельник)

Какая я – неверная, неправильная. Ничего нельзя мне то, что можно другим. Отчего я сама в себе не нахожу уюта? В чем счастье? Счастлива ли я? Нет, нет. Счастье по-прежнему лишь мираж. Я не хочу огорчать Сережу – ведь это не в его власти. Если бы он понял! Зачем? К чему бы это привело – счастье не для меня. Ах, уж хоть бы хуже-то не было, хоть бы еще внешние обстоятельства не обострялись. Милый Сережа. Правда ли, что мы на всю жизнь? А мои дорогие – я люблю их; не знаю, говорят – дети чужды родителям, а мои мне не чужды, я люблю их, если бы была возможность соединить их с Сережей. Для него это чуждо. А мои занятия? Синельников ничего, не приходит от меня в отчаяние. Вчера у княгини Козловской вечером видела Ивского – он берет меня на лето в Малаховку на жалование – хоть бы это не расстроилось. Вот учу «Евреи»³². Лида, Лида! Сегодня буду у Сережи, будет народ. Уж хоть бы ничего скверного не вышло. Каждый раз, когда я с Ниной, я боюсь, что случится что-либо неприятное. В общем, она меня не любит. И не знаю, чем объяснить эту ее симпатию ко мне одно время. А я? Если бы она была не такой трудной, не такой холодной ко мне, я бы ее сильно любила. Люди не хотят, чтоб их любили. Ну разве возможно любить Марину Ходасевич?³³ Нужно научиться быть одной, чужой всем, смелой. А я все жду ласки – иду с открытыми объятьями. Вот то, что Койранские³⁴ ругали меня, что Нина мне враждебна, что тетя Ляля была мне вдруг одно время врагом, что Ветошкины меня презирают и т. д. – много всего, все разное, все различное; одно больно, другое неприятно, но все одно – ты *одна*, Лида. Дома тебя любят, да вот Сережа – да разве Сережа один, разве он не зависит от Нины, разве то, что Нина враждебна, не проводит черточки в его душе? – Лида, ты *одна*.

11 ноября (понедельник)

Смотрю – в жизнь. Что-то смутно все. Лежу – и думаю. Хочу жить, жизнь бьет во мне. Лида. – Любовь Сережи волнует меня, боюсь ее потерять. А сама я? Ничего не знаю. Я женщина. Меня это время одолели кошмары.

Что все это? По-видимому, я все же стареюсь. А давно ли я живу? Жизнь! Я люблю ее. Я все люблю.

19 ноября (суббота)

Сейчас ушел Сережа; завел он какой-то амур с жидовкой одной и вот поехал на свидание, я все знаю, обо всем мы говорили, и я с спокойным сердцем его провожаю. Пусть идет, пусть будет близок телом с кем угодно, только душу его я ревную. Пусть будет все, как должно быть. Никогда ни одним мускулом я не удержу его – иди куда хочешь; его я не звала, сам пришел, и будет до тех пор, пока я с ним захочу быть или он со мной. На этих днях по поводу выхода «Перевала» был кутеж, было выпито много, много шуму, много говорилось и делалось того, чего не должно быть. Я в конец вырвалась из всего и, делая вид, что делаю все, что и другие <так!>. Сережа был видимо равнодушен, меня это подзадоривало, мне хотелось изменить ему. Но потом я подумала – нет, пусть будет, что хочет, пусть я ему налгу, что я изменила, но я не изменю ради себя. Для себя я должна, как до сих пор, никогда ни об одном поступке не пожалеть. И пьяная я говорила о постороннем, и пьяная я спокойно доехала с Александром Брюсовым³⁵. И даже без поцелуя руки расстались.

1907 г.

12 января (пятница)

Много-много хочу я писать сегодня. 13-го декабря я приехала в Варшаву – все как обычно было дома, те же отец и мать, те же Вава, Владислав, Тоня <?> и т. д. Отца мое положение с Сережей видимо мучило, я отреклась от вины своей. Я клялась, что не близка с ним. Все настроение мое там было спокойное, и лишь только печальное настроение отца, его удрученный вид были мне мучительны. Приехала сюда. Сережа – занят много, много, я одна, вижусь с ним хотя все же почти ежедневно. С Ниной стали во враждебные отношения. Я больше не могла; все, что можно было, я сделала, – больше мое самолюбие мне не позволяет. Любовь к Сереже заставляла меня идти на много, много уступок. Теперь я этого не буду делать, конечно. Сережу, по-видимому, мое положение любовницы, небрежное и презрительное отношение ко мне навели на мысль, что лучше нам пожениться. Все это решили, я уже написала об этом своим родителям. С Ниной это еще более обострило отношения. С Алекс<андрой> Павл<овной>? я хороша³⁶. Итак, я предполагаю выйти замуж. И вот опять меня начинает мучить то, что любит ли меня Сережа, не думает ли он, что он меня этим осчастливит, что это так много с его стороны. Счастье в любви – это давать, брать – это ужас. Пока я только давала, я была счастлива. Если бы это я должна была дать имя, положение, деньги – как я бы была счастлива, но брать, брать! Ужасно мне все это тяжело. Нет счастья для меня ни в чем. Я верная

по природе, любящая, так долго ждавшая любви, так мучимая ожиданием ее, – что я получила от нее? – муку, и те минуты, только минуты радости. Малаховка, повторится ли она? За радость, за каждое счастья мгновение отплата должна быть судьбе. А дальше, дальше. Как всегда, боюсь я будущего, и этот год – что он даст мне? Страшно. С Синельниковым дело идет ничего, играть, верно, буду вскоре. Моя карьера, хоть бы она мне удалась! А моя любовь? Господи, чтоб она была, чтоб Сережа любил меня, ведь что я буду делать без него? Хотя нет, я должна уметь быть одна, а Сережа пусть будет, пока хочет; ничем, ничем я его не задержу. Клоню голову пред судьбой, что даст она и что вынесу я, никогда душа моя не испортится. Все на свете должны думать хуже о ней, чем она есть.

15 марта (четверг), Москва

Много времени прошло с тех пор, как я не писала, но мне как-то не хочется говорить о фактах, случившихся в это время, следующий раз я запишу, а может, и сегодня же, но после. А сейчас мне хочется писать о том, о чем я думаю. Весеннее <?> тоскливое чувство, как я не люблю весны. Раньше я всегда хотела любить в это время, теперь я люблю, он есть <?>, существует, тот, кого я искала и ждала так долго. Он нежный, милый, любимый, а Лиде все еще мало, нужно еще чего-то: я рвалась к сцене – вот она, сцена, я актриса. Что же еще, почему я не счастлива? Нет, горя нет (чтоб не сглазить, как я боюсь его), а есть тревога, тревога за любовь, тревога за жизнь. Что будет, ведь не замрет же жизнь на одном месте, как она теперь, ведь еще много, много должно быть в жизни. Куда идти? Что делать? Как хочется чего-то недостижимого, хочется рая, Бога, а все люди, и я сама человек, с человеческими желаниями и стремлениями. Как я себя не люблю за это. Мне больно сознавать в себе эти желания. Как скверно после каждой обычной людской мысли, после каждого такого поступка. Как вино <?>, пьянит жизнь, но когда остаешься одна, когда тишина вокруг, нет жизни других, тогда чувствуешь мутный осадок от пережитого, от всех пошлых мыслей, чувств, дел. Мне как-то понятен ад <?> – человек отрешился от земной оболочки, от жизни материи, и дух должен перенести стыд, боль за это прошлое, и жить, где была выгода, расчет, желание быть выше других. Пошло, мучительно все это. Нет, не вокруг меня пошлы, а я пошла, отвратительна.

19 марта (понедельник)

Узлы – и счастье, и горе сплелись, и я не могу найти концов нити, где они, в чем. Я знаю одно. У меня нет счастья.

Люблю – да; любима – видимо. Не знаю, не знаю. Страшно это писать, ужасно. Ведь есть же люди, которые умеют быть счастливыми. А я – как тяжело. Что же я должна сделать для своего счастья, что нужно, чтоб понять себя?

Весна. Искусство может ли мне наполнить жизнь, действительно ли я люблю его, есть ли у меня данные? Мне кажется, что талант к данному искусству есть любовь к нему, и если я почувствую, что я люблю сцену – драму, верней, – у меня явится талант. Теперь в своей любви к искусству я не уверена, мне что-то неясно мое отношение к нему. Может, моя боль оттого, что режутся крылья души? Вот оттого, что растут зубы у детей, им больно, ну а у души, чтоб быть взрослой, яркой, уметь жить своей собственной жизнью и не ходить, а летать, – нужны крылья; больно, больно, когда они растут.

Факты этого времени. Не тайна, что я невеста Сережи, начат развод его с Ниной (за что последняя меня разлюбила), я ангажирована на лето к Набатову в Малаховку – на 30 р. (на роли *ingenue dramatique*) и на зиму к Коршу на 40 р.³⁷ Дружу, т. е. прямо провожу время с Лелей Козловской, которую я не люблю, а безразлична и не интересуюсь. Беру уроки пения у Бремзен. Шью платья – трачу деньги, пишу своим, которые рады моей помолвке. Целуюсь с Сережей, в котором, как в фокусе, сосредоточилось все, что я люблю.

28 марта (среда)

Лида, что с тобой делается? Взошла на гору, хотела видеть весь мир, а на горе ветер, и он сбивает тебя с ног и путает волосы, и кружит их перед тобой, и кругом тучи, и пыль, и ничего не видно. Хочется что-то сделать нужное, что-то, что все разрешит, и не знаю, что. Кругом никого, бедный, истерзанный любовью к Нине и ко мне Сережа, для него я не все, и потому я одинока, совсем одинока. Не вправе я требовать, чтоб он любил меня, меня одну, чтоб вся его забота была о мне одной. Это *эгоистично* – но ведь Нина имела это. А я? Иметь человека, для которого ты все, для которого одна забота – о тебе, для тебя все, и ничто от тебя не отнимется, чтобы дать другому. Не под счастливой звездой я родилась, всю жизнь хотела любить, полюбила и нечего о мечтах вспоминать. Он любит меня, говорит, что без меня ему не жизнь, но не может мне дать полной всеобъемлющей любви. Он говорит, что я несправедлива, что я не понимаю всю силу его любви. Я знаю одно, что я люблю, что многое я могу сломать в себе ради этой любви, от ломки будут раны на душе, на любви. Пусть. Так надо. Или я побегу <так!> жизнь, или она меня победит. Не дамся, умру – или буду жить. Все возьму от жизни.

9 августа (четверг)

Прошел Малаховский сезон. Играла не очень важно, беру больше личными качествами, чем игрой. Играла все – и плохие роли, даже пела в оперетке «Все мы жаждем любви»³⁸. У Корша начался сезон, была вчера на завтраке, роли еще не имею. Развод у конца, устраиваю общую квартиру с Сережей. Перевела какой-то рассказ. На Пасхе была в Варшаве.

Что я, изменилась ли за это время, выросла ли и появилось ли что новое в душе? Трудно учесть в себе. Ни дружбы, ни привязанности за это время я не знала – был Сережа. Мысли новые приходят лишь от него, книг. Кругом все ничтожны очень. Страшно, что душа перестанет гореть, что заглохнет, как все кругом.

Есть ли у меня хоть крупица таланта, не лучше ли бросить сцену? А Сережина любовь – навсегда ли она? Я боюсь будущего!

12 октября (пятница), Москва

Взялась за перо. Зачем – не знаю. Скучно очень, была больна. Опять мое малокровие мешает мне жить. Все кругом кажется тусклым, и сама жизнь – ненужной. Сережа укоряет в недоверии. Хочется себе жизнь устроить интересно, пестро. Здоровье мешает, все мешает. Хочется все бросить, уйти от всего, перестать быть.

25 декабря

Сегодня Рождество. Вспомнила детство, мать. Жизнь не мечта. В ноябре обвенчалась с Сережей, приезжали по этому случаю отец и мать³⁹. Теперь стала приличной дамой. На сцене ничего, вот играю недурную роль в детском утреннике⁴⁰. Сережины дела тоже ничего, есть надежды на возможности. В углу в кабинете стоит елка – вчера зажигали. Были, кроме меня и Сережи, Янтарев⁴¹ и Рождественский. Так все мирно, казалось бы. У меня хаос в голове, плохо думается. С Ниной – официальные отношения. Я жена, настоящая жена какого-то человека. Мне представляется все сном, и снова я проснусь девочкой, пансионеркой, и буду плакать об полученной двойке. Мне дарили тогда подарки, у меня еще есть кукла, ее звали Ниной, – теперь у нее свернутая, висящая на одной ниточке голова.

Тогда было все просто – теперь все на лжи, хитрости – даже дома, с ним, с тем, что, говорит, безумно любит меня, а должна придерживаться политики, должна думать, какие чувства проявлять, какие нет. Меня он мучает, любовь мучает. Отчего же я не уйду от всего? Хочется жить, хочется любить, быть любимой. И все, что

я имею, куплено слезами, горькими слезами, я чувствую, что если я счастлива, то я имею на это право, я выплакала свое счастье. Пусть будет как будет – я буду тем, чем я должна казаться. Я светлая, должна всех любить, должна быть всепрощающей, любовь – любить, да ведь тот, кто умеет мертво любить, умеет так же и ненавидеть. От меня хотят невозможного – я дам невозможное, но я *все* помню, – и если есть люди, которые любят врагов, – я люблю безразличных и врагов по обстоятельствам, но если у меня есть враг по духу, я не буду любить его. Христос ненавидел дьявола – и любил людей, потому что они не враги ему, а не понимающие его, слабые люди – а враг его понял и причинил ему зло, которое не забыл он, всемило- стивый Бог. Я не забуду, я умею любить и ненавидеть.

Но зачем это знать ему, он любит меня, но у него есть прошлое, он его любит, у него своя душа, свои законы в ней и т. д. Пусть все будет так. Я все вижу, все знаю, а моя душа для него темна, в ней он ничего не видит, не знает – это моя месть, чудовищная месть человеку, которого я полюбила больше, чем нужно любить здесь, здесь, где люди серы, где и любовь и ненависть имеют меры и границы, где все выгода – и обстоятельства. И если я подчинилась внешне, то не внутри меня, не моей душой овладеть. Жизнь давит меня, я раньше была другой, но я не раба чувств, и если меня захотят ею сделать, меня не сделают, я вырвусь.

Но ведь я его люблю, мучительной, тяжелой любовью, как любят такие, как я, такие, что могут лишь раз любить, и если бы он взял эту любовь такую, какую она есть, если бы он ею не...⁴²

Москва

16 ноября – 1908 г. – вторник – 5 часов вечера

Год не писала. Что было – много, много. Я все та же Лида, что и в четырнадцать лет. Так же плачу неудачам, так же радуюсь удачам. Все чем-то увлечена, на что-то надеюсь. Летом ездила с Сережей, были в Вене, Венеции, Милане, итальянских озерах, Мюнхене, Нюрнберге, Берлине⁴³. Служу у Корша. Все мои артистические дела довольно неудачны. Пение тоже. В общем, я бездарна. Почему я что-то делаю, почему я еще надеюсь, – право, не знаю. Увлечена гипно- тизмом. Что-то меня тянет, не знаю. Павел Васильевич Каптерев, доктор – его имя и отчество⁴⁴. Сейчас это начинает спадать – недели три тому назад я была этим всецело поглощена, а сейчас не знаю, уже увлечена я или уже нет. Сейчас отвяло. Хочется хорошо уйти от этого – но хорошо.

Нина за границей⁴⁵. Валерий Брюсов дружит с Сережей.

Я люблю Сережу, привыкла к нему. Он любит меня. Что-то я его часто мучаю, почему – не знаю, хочется, довольна, когда вижу, что страдает.

Не знаю, хочется ли мне жить. Если бы знать, что там, дальше, есть жизнь, – лучше умереть. Ничего не сделано, 25 лет уже, и все кончено, надежд нет. Не везет совсем, ни в чем, грустно. Радуюсь глупо, хочешь заглушить чувство обиды.

Не везет – трагедия. Больно, очень больно. Правда, иногда вдруг все забывается, и все кажется достижимым, вся жизнь, все могущество. Быстро тает и исчезает эта надежда.

Сейчас ничего важного нет, но каждый момент жизни важен необычайно.

Зачем я пишу этот дневник? Я думаю, только с целью оставить все свои переживания на бумаге, хотя я знаю, что жизнь моя похожа на тысячу жизней, что человек я неинтересный и ненужный, женщина ни дурная, ни хорошая. Довольно бездарна и безалаберна, с проблесками интеллигентности и способностей, ленива, честолюбива. Вот все. А ведь так что-то сосет, хочется в вечность. Зачем, спрашивается?

Я не люблю Москву за то, что в ней мне не повезло, я не люблю русских, которые меня не полюбили. Я никого не люблю, мне хочется, как ребенку, уткнуться в подушку и плакать, плакать или кусаться.

Уехать бы. Куда – не знаю.

Опять уехать. Низачем. Надоело все.

1909

26 января (понедельник)

Думаю, Новый Год много даст другого, не похожего на старое: все то же, то же. Неудачи денежные, неудачный труд (конфискация Марселя Швоба⁴⁶), неудача карьеры (у Сережи нет журнала, а я приглашена (за то, что у меня есть литературные связи) даром играть в Киеве. Причем сказано: «Да внешность хорошая и туалеты»), и в результате даром. Неудача еще – мое здоровье, слабое и без того, это время дает себя знать: болит горло, недомогания желудочные, усталость. Хорошо начат год – нечего сказать. Да, много новых врагов, никого друзей. Одиноки до ужаса.

Владька⁴⁷ изменил, еле здороваётся при встречах. Муни⁴⁸ обезьянничает, конечно, тоже. Зайцевы⁴⁹ со мной по-прежнему любезны, но я чувствую холод. Белый любезен ужасно, говорит, что нет друзей ближе нас – предает, по некоторым сведениям, за углом⁵⁰. Один Валерий Брюсов, раз изменившись, спокойно, но твердо не предает. Хороший был враг и верный союзник⁵¹.

Тимофеев чуть не каждый день бывал, дружил, – теперь полтора месяца не был⁵². Любезен, но знаешь уже, что он неверен. Стражей издали по-прежнему⁵³. Газетчики – враги, как и были.

Владимировы⁵⁴ – были так дружны декабрь. Сейчас чувствую холод. Она (Шорникова) не может мне простить, что я не могу проводить все ночи в ресторанах. Скука и утомление.

В Каптерева (гипнотизеры <так!>) чувствую, что вся симпатия сосредоточилась на мне как на сомнамбуле, а не лично мне и Сереже. Сейчас звонят – когда прийти аккомпаньатору для концерта в Межевом институте 31-го. Думала отказаться, а решила 28-го – в четыре часа. Не знаю, почему не отказалась.

Пойду, верно, завтра в Кружок – читает Вячеслав Иванов⁵⁵.

Снималась Зоренькой (ничего). Говорят, да я и сама замечала, что у меня была красивая внешность в этой роли. У Корша играю одни роли в три слова⁵⁶.

Киев

4 окт<ября> (воскресение)

Сейчас иду играть «Зимнюю сказку»⁵⁷. Дорку играю. Этой пьесой открывался сезон. Не знаю, боюсь что сказать – внешне удачнее этот сезон предыдущего, но мне хотелось бы безумий души, настоящей, а это только то, что те роли в три слова, что мне дают, я не порчу, и поэтому говорят, что я удачно играю. Не того я хочу, не того⁵⁸.

Сейчас около меня – моя сожительница Мара (Мар. Ник. Раппонет) Репина⁵⁹, несколько ухаживает ее брат, офицер-драгун Борис, Ал<ександр> Ив<анович> Филиппов, ред<актор> жур<нала> «Мир Искусств<а>»⁶⁰, Вл<адимир> Юрьевич Эльснер, молодой поэт ничего себе, не лишен дарования⁶¹. Неудачливый оратор Алек<ександр> Карл<ович> Закржевский приходит и молчит⁶². Дагмаров (Жуков), наш премьер, – злой, хорошо одетый, остроумен и занятен иногда⁶³. Милый Никол<ай> Ал<ександрович> Попов⁶⁴ – я часто прихожу к нему, он живет в том же доме, и пью в белой маленькой чашечке черный кофе с персиком, – он наш режиссер и ко мне хорош.

Еще есть разные типы – грубый, талантливый Болковской, не особенно даровитая, но милая Соколова Клавдия Лукьяновна – я ей показываю те греческие репетиции <?> и танцы, что выучила летом, она мне то, что ее учила Книппер, – главным образом, пластику эллинскую. Сережа в Москве, мне без него тяжело, и потом – я очень женщина, это мне мешает. Жду его 11–12 окт<ября>, тоскливо одной, он мой единственный милый. Только его я не обманывала, только его жалею и люблю. Читаю по разным отраслям без системы,

единственно, стараюсь не читать явно ненужные вещи. Сейчас у меня «Les civilisées» Claude Farrer'a⁶⁵.

7 окт<ября> (среда)

27 ок<тября> (вторник)

Что помешало писать – не знаю. Сережа был, в четверг 22 уехал – грустно мне, милый Сережа, чувствую, что наши жизни спаяны. Сейчас я дую, грущу – плачу и смеюсь. Каждый день новый объект, и нет сил заставить быть себя до конца интересной, скушно. Вчера Ленский, милый, тихий, сейчас Бродский – нахальный, глупый. Еще день назад Болковской – грубый, тупой: жмет в углу локоть, норовит ущипнуть. Джонсон – кроткий, серьезный, неглупый, но бесконечно старый по всему, его без ресниц веки, парик с пробором на голой голове, подведенные брови⁶⁶. К чему все? – хоть бы получить за это что. Милый, хороший Ник<олай> Ал<ександрович> Попов>. Сейчас я опять к нему спокойна и еще более ценю его. Сережа пишет ежедневно. Господи, неужели ничего интересней не будет? Что я дам жизни? Сережа выхлопотал мне жалование – я сейчас получаю 75 рублей. Не верится даже, ни во что не верю. Играю в «Мелком бесе» Дарию Рутилову – роль хорошая⁶⁷. Боже, это большая вещь, может много дать и многое погубить. Пишу Дробышову, имею от него из Москвы нежные письма, и Лариске. Они сорятся. Леля Неверова пишет – я люблю ее почему-то, за ее легкомыслие, за то, что она умеет брать от жизни все, что хочет, умеет призывать мужчин и быть с ними близка. Она вакханка, а я – «вакханка без страсти», как говорит Орлик.

Как давно это было! Вавка (сестра) выходит замуж за Грузинова (у меня же познакомились летом этим). Миша женат на Лизе Кукель. А вдруг слышишь фамилию Митрофанова – был в Варшаве, или письмо от M-me Mercier – и жутко: где я та, где? Осталось ли что? Прошло?

4 декабря (пятница)

Жизнь – и в жизни есть сказки. Вот сейчас. Ну, были Сологубы два дня, уехали. Давно было, месяц тому назад; переписываюсь с ними. Потом играла – спешно, удачно – Лизбету в «Дураке»⁶⁸, вот играю Агату в «Лестнице славы» Скриба⁶⁹. А эти дни дали мне кучу каких-то диких переживаний. Был концерт, приезжали гр. Толстой, Кузьмин <так!>, Гумилев и Потемкин⁷⁰. Читали, я со всеми с ними познакомилась. Кое-кто из них обратил на меня свое внимание. Гр<аф> мне показался интересней всех, день был здесь. Ездили по церквам, у Врубеля в Кирилловской больнице⁷¹. Михайловский и Софийский соборы, там несколько часов была одна, а вечер опять

вместе, и что-то помнится, что-то осталось. Думали, все забудется, как сон... «Разве не сладко?» – Теперь поднялась волна, хотят опутать тиной, говорят, что слышны были слова: «Было 2 жены, когда захочу – будет 3-я»⁷². Ложь, ложь, не верю. Пусть ничто, все конечно, но что было – было хорошо, и не дам ничему прикоснуться. Потомкину я нравлюсь. Эльснер плаксиво говорил о нежности – об обиде за меня. Что Вы все знаете о мне? – ничто. А Алексей Николаевич был – и пусть останется – во сне. Ничего больше не надо. Жду Ежа своего милого, к нему прижмусь, забуду безумье, и если будет ложь – она не ложь, а любовь, зачем разрушать – незачем.

Душа чем-то ранена, что-то узналось. Сколько времени уже прошло – с детства, с юности, с детства, с верности своей. Все, все проходит. Вот нужно М-me Mercier ответить – хочется сказать ей ласковые слова. Но пусть я знаю жизнь, пусть во мне безумие – я хочу жить, ведь кто знает, сколько юности на мою долю выпало, ведь мне 26 лет. Это ужасно – я боюсь старости, зрелости. Что будет с моей карьерой? Чего я добьюсь? А годы идут, дни идут. Нужно работа<ть>, нельзя дремать ни часа, все важно, потому что нужно взять жизнь с бою, и я беру ее, но тяжело, иногда не веришь себе, своим силам.

Вчера читала в концерте (у фельдшерлиц, <нрзб.> говорил «чаровниц»), и было много народу около меня, и я имела шумный успех. Сейчас тоже через час еду в концерт читать. Нужно, все делаешь для чего-то. Зачем это нужно? – чтобы ощущать жизнь всеми фибрами души. Чтобы взять все, что можно, от жизни, все переживания, что мыслимы для меня, расстроенные <?> все струны заставить звучать в душе, чтобы не упустить ничего. Бедный, милый друг дядя Коля. Он имел, он жил, и мне жаль его – он обманут. Это тяжело, да, тяжело очень. Он хранит верность жене, а она неверна, и очень долго. Но он хороший, мне он друг, это редко бывает. Спасибо ему. Нужно работать, помощи, Боже. Я грешна, я безумна, но я страдаю... «За радости, за каждое счастья мгновение» я плачу, плачу, и есть еще слезы, радости за них я не ощутила. Я еще не в долгу, мне еще должны, и я прошу своей доли, я прошу скромно.

14 фев<ря> 1910 г.

Сегодня там, в Москве, свадьба моей сестры Вавы с Грузиновым. Меня пригласили сегодня в шикарном еврейском обществе читать стихи <1 нрзб.> свойства (комические). Зачем я пишу всю эту ерунду? Так. Что я вынесла из сезона этого года – несколько приличных ролей, друзей – Николая Александровича Попова (да, это сейчас мой большой друг), привязанность Джонсона (И<ван> Вас<ильевич>

Иван<ов>) – бедный, он не виноват, что он так скушен, дружбу Мары и хорошие отношения с Форш, А.А.Экстер, с Сологубом, Чеботаревской, Е.М.Кузьминым (теософом), Эльснером, Будкевич – и вот все⁷³. Из театра ко мне расположены Мара, Попов и Будкевич. Враги – Савинов, Гофман, Чаруская (не внешне) и мало ли кто – вот еще явно сценариус Краев. Да, не много. Боже, ведь если я еще верю в себя, если я не упала духом, значит, я сильный человек.

Ведь самолюбие у меня есть, ведь я вижу, что мне не везет. Почему же? Почему? Потому что я если люблю кого – люблю, нет – тысячу раз нет. Как <?> же мне повезет? А бедному моему Ежу хорошему, Боже мой! Сколько еще предстоит уколов, боли. Бедные люди – они сами себе вредят, сами ранят друг друга и жалуются, как я. Но я только защищалась. Боже мой! Мне хочется счастья, удачи сценической настоящей. Я все недополучаю. Нет, не моя же это бездарность. Неужели? Как это больно. Почему я не могу жить без сцены? Ведь есть же у меня голова, у меня есть вкус, но я должна иметь власть во что бы то ни стало. Ну, а если паду? Ну и паду – а все, что можно было, я сделала. Я страдала, я плакала и я добивалась наслаждения и смеха. Я работаю, я ушла от пошлости. Я много думаю. На что-нибудь же это нужно. Если ничего не добьюсь, я добьюсь себе души; вся энергия, что есть во мне, она не рассеется, она будет уж чем-то, будет едина (дефект рукописи. – *Н.Б.*) и не вылетит, как пар; у меня будет душа – хотя бы это.

7 месяцев я здесь. 7 долгих месяцев, – сколько часов это, минут! А каждая минута что-либо дает ведь. Мне хочется каждую использовать, чтобы все их ощутить: все были бы на что-либо нужны. Вот я не рисую совсем, а ведь рисовала, училась и знала уже что-то в этой области. Неужели же это пропадет? Нет: «Ничто не пропадает», – сказал Руциц. Это верно, это точно, и буду верить этому. Боже, помоги!

<В> Киеве больше не писала.

Москва

Из Киева была пост с Незлобиным в Петербурге, жила у тети Ляли, затем в Москве, весной была – Варшава, Вена, Венеция, Флоренция, Равенна, Рим, Неаполь (Помпея), Анкона, Фиуме (от Анконы до Фиуме по Адриатическому морю), Буда-Пешт, Берлин и опять Варшава и Москва – Малаховка⁷⁴. 1-го августа Незлобин и сезон зимний⁷⁵.

1911

17 февраля (четверг)

Пусть все идет, как знает; я верю, что жизнь – сказка. Верила ей, склоняясь и молясь, чему-то могучему и вечному, что чуяла у алтаря

св. Петра и Павла в Риме. Много лампад горит на них, и колонны его, кажется, поддерживают своды неба.

Вот играю в театре у Незлобина, пою⁷⁶ опять неизвестно зачем и верю в чудо. Верю, что раздастся стук в мою дверь и я услышу призывный голос, и даже если это будет в мой смертный час, значит, смерть – главное чудо, страшное и великое, и его я жду всю жизнь.

А я живу и хочу сделать жизнь красивой, вот езжу по Европе, смотрю картины, статуи, людей и природу.

Скупаю, что по средствам, старинные вещи или красивые хотя бы, книги, переплетаю их, читаю о вечном.

Каптерев в Москве лечит гипнозом, зарабатывает большие деньги. Что мне до него за дело, – это был шаг и только, отошла навсегда. И я верю лишь в будущее, а прошлое я должна помнить, оно все нужно. От его поцелуев до моих слов. И ему не дано понять это – тем лучше.

Одно время – так, перед Рождеством – один месяц я закрутилась в светской жизни, и была весела, без конца танцевала вальс апашей, кокетничала, но это прошло, остался как налет пыли от этого, и все шумные вечера у Пьера Иванова и Кары-Мурзы⁷⁷, приезд Толстого, Городецкого (какой он грубый⁷⁸) – все ничто. Верю в чудо и будущее.

Милый Сережа, он все волнуется со своим железнодорожным делом, боится за него⁷⁹. Я все с ним, и если временами забываю, что он мущина, или опять вспоминаю, – я все время знаю, что связана с ним, нас связало чудо, и потому это вечно.

Ира – здесь, в Москве; как стала она мне чужда, ничего в ней нет, что бы было близко, и прошло прошлое и тут. И вот нет у меня друзей, кроме Сережи, ближе по духу, по общим мыс<л>ям и словам. Вот Леля – близка искусству, друг с этой стороны и только. Ник<олай> Алек<сандрович> Попов – друг по театру. А там все мельче и мельче, кончая Дашей (кухаркой), она мне друг по столу, по кухне и по домашним делам.

Хочется стать как замок – один и силен, и трудно, и трушу я. И не знаю, скверное ли наследство, женская ли слабость или ума недостает.

Я не верю больше, что я талантлива, не верю, что я умна. Я просто чутка и понимаю что-то вне нас лежащее, главное чего религия и корни искусства – вот все.

Малаховка

18 июня

Месяц живу в Малаховке. Что есть – было и будет. Лето несколько оживило меня, хожу за цветами, поливаю их, поляю и т. д. Жизнь спокойная, не изменяю своей привычке чему-нибудь учиться. Беру уроки английского. Сергей окончательно погряз в дела дороги, по-

эзия его отошла, вечный неуспех у своих создал то, что он уже не верит больше в себя совсем⁸⁰. Я эту всю зиму с приезда Толстого (я не могу забыть ему, я или Кашины, все равно) очень стала спокойна, ушла в дела мартинизма. Насколько могу, упражняюсь в концентрации <так!> мысли⁸¹. В свои домашние дела – карьеру Сережи. Моя сейчас в застое. Незлобин оставил с тем же окладом. Я твердо решила: этот год занимаюсь пеньем, театром, беру уроки у Москвина⁸² (английский не больше разу в неделю) и пробую напрячь все силы; не двинусь сильно в драме – уйду, нечего зря терпеть униженное самолюбие и т. д. Не хочу больше. Проживу и так. Люди меня все меньше и меньше любят. Я делаю вид, что к этому равнодушна, но это не так.

Внешне я похорошела и не постарела несколько (чтоб не сглазить!), был приступ аппендицита <так!>, сейчас лучше. Сережа едет по делам за границу, я решила сидеть – и для здоровья, и для кармана это лучше. Нужно будет приготовить честное отступление от драмы (не верю больше).

Да, умер Чурлянис в больнице для душевнобольных, кровоизлияние в голову; статьи с дифирамбами в «Аполлоне» – слава⁸³. Как поздно, как ненужно. Вся жизнь нужда, тоска по славе – и все после конца. Все это сильно меня подталкивает не медлить с драмой. Или слава, или деньги! Неужели ничто не удастся! Лариска – после многих историй выходит замуж за офицера. Дроботов объясняется каждую встречу в любви, говорит о своем характере, выдержке, доброте и т. д. Скушно. Появилась арабка – Рамза Ававини, и два дня я ее расспрашивала о Дамаске – нравах и все прочее. Смесь Европы и Азии в ней сильна – там же Европы совсем нет. Жую ее мастику (для белизны зубов), ем пастилу (это мерится на аршины, и на таможенные были убеждены, что это желтая кожа для ботинок), ем порошок для памяти и слегка подвожу глаза арабским порошком, приготовленным из 80 трав (пережженных). Странно часто думаю о сне, что снился год тому назад Сереже.

Год назад часто с ним ссорилась на почве ревности, властолюбия (моего). И вот однажды утром он проснулся и говорит, что видел сон, будто бы я раньше (в прежней жизни) была женой паши турецкого (или он мне изменял, или я рано умерла, или он меня утопил – не помню) и еще царевной Софьей, и этим объясняется мой характер и мои качества.

Зайцевы – стали совсем чужды. Прежнее отношение умерло. Припоминаю, как мы раз вечером – он с Верой, а Сергей со мной – были близки друг с другом, разными способами, потом как-то еще были близки в купе, когда ехали в Крым. По-моему, она ревнива. Он

не ухаживал за мной, но иногда поглядывал так, что я видела, что нравлюсь, и еще вдруг стал при прощании целоваться (в несколько встреч это было), вообще он этой привычки не имеет – это Вера всех целует и со всеми на «ты» – преимущественно чем-либо примечательных людей. Она неискренна. Трудно поверить, чтобы был искренен человек, всех лижущий с первой встречи: Качалов – п<отому> ч<то> он известный актер, Розанов – п<отому> ч<то> он известный критик, Андреев – писатель, и т. д. Она полезна Борису, делает ему карьеру, хитра, и грубый стиль ей единственно к лицу – она так некрасива. Я не сержусь на нее, но я поняла ее, и она мне чужда⁸⁴. Она почему-то никогда не любила меня тоже – верно, потому же, что я. Чужды мы, и понимаю я ее – она это чувствует, и я красива, нравлюсь, – боится за Бориса (тогда, при нашей «оргии», он хотел поцеловать мне грудь, мне было все равно, Сережа позволял, а она нет).

Кончу на сегодня. Думаю, еще напишу в Малаховке. Я здесь буду еще полтора месяца – месяц. Это срок, когда есть свободное время и здоровье.

Да, я упомянула о мартинизме и забыла, что я ничего о нем не писала. Чудо было и тут. Я все ждала его, верила, звала людей высших, и вот однажды в марте месяце приходит Сергей от Соколовых и говорит, что Паша⁸⁵ – мартинист, это оккультный орден, есть люди и т. д., выдал ему под клятвой. Мне нужно было пробраться туда во что бы то ни стало, и я стала предпринимать все, что возможно, для этого. Раз, перебирая Пашины бумаги (на письменном столе), нашла брошюрку о мартинизме. Там были адреса секретарей, я написала по одному из них⁸⁶, ко мне пришел брат – кто он, не знаю еще, не стремлюсь, верю, что когда будет нужно, узнаю. И вот я, как *они* говорят, «аспирантка», жду посвящения, работаю, как могу, как хватает силы воли.

О результатах – их так мало пока – напишу в другой раз.

Париж

24 мая 1912 г.

Вот хочу здесь записать, что за эти дни, эти месяцы случилось. Так много всего. Последнее, что я писала, было о м<артинизме>, да теперь я уже давно в о<рдене>⁸⁷, живу очень много этим, много по этому поводу работаю в Париже – не над собой, а над делами всего братства. Вера у меня большая. И даже не вера в Бога, а уверенность в этом во всем «потустороннем», как это принято называть. Как счастлива, что имела упорство выучить фран<цузский> яз<ык>. Как это мне сейчас нужно оказалось.

От Парижа вообще, от безумного Парижа я много получила.

Я поняла какую-то схему его. Его бесов (лезущих из щелей, как в «Вии») из Нотр-Дама, безумные, нелепые витражи – иногда поразительной красоты, как в S-te Chapelle, Notre Dame и т. д., его автомобили, жадные, больные, воспаленные глаза проходящих мужчин; яркие раскрашенные лица с подведенными глазами женщин, – все мне понятно там. Город яркий до необычайности. Хочу завтра еще обо всем написать, сегодня иду в Трокадеро на «Сида» и к Индусу Праму <?> – смотреть движущую<ся> мумию и его в трансе ясновидения – иду с Тедером⁸⁸.

Москва

*2 сентября (лечебница Петра Ивановича Постникова),
воскресение*

Сегодня меня 1-ый раз посадили на кресло, 12 дней я лежала пластом. Оперировали – аппендицит. Как странно – вот и еще новое переживание. Нужно смотреть бодро на все.

Из Парижа я приехала в Малаховку – играла там, ездила больная совсем в Кукушку и Царицыно, была влюблена в премьера Ленина⁸⁹ (безрезультатно, и слава Богу). В результате играла успешно. И после бурных партий в крокет приехала сюда. Лежу здесь, среди массы цветов (еще ни один период моей жизни не был так засыпан цветами, как моя болезнь). В кружевном капоре, тонких с кружевами рубашках, среди цветов – мне казалось, я сделала свою болезнь красивой.

И около меня тайно для многих лежит Таро и Каббала. Кое-что я все же приобрела из них за свою болезнь. Не хочется думать о будущем, так хорошо было недвижно лежать на спине и не думать о мире и людях в отдельности. Здесь только мир «творимый», полный цветов, солнца и людей вообще, и шум с улицы казался шумом машины, где бьются люди. Не хотелось входить к ним. И ощущение операции, подготовка к ней и момент засыпания под хлороформом с сознанием, что сейчас мне разрежут живот, и потом пробуждение с жжением и болью в ране, с тошнотой от хлороформа и болью в спине, – все куда-то уходит и все ничто <по сравнению> с болью от людей и от тревоги за карьеру и самолюбие. Что за новые раны готовятся ему, и нельзя заснуть на время от них под хлороформом с риском проснуться, хотя бы и с тошнотой. Тошнота есть, но хлороформа нет. От своих м<артинистов> из Парижа часто имею вести и сношения – письмами и астрально. Как чудесна жизнь, как велик Бог и как ничтожны мы, люди. Как смешны мои уколы по самолюбию с Божественной высоты мудрости. Но сил отойти от мира еще нет у меня.

13 февраля – среда

Вот если бы открыть мой дневник, то поразительна там смена лиц, дней, годов. Я так мало пишу, и зачем пишу – не знаю.

Ну, начну с фактов. Здесь живу на квартире у сестры знаменитой кокотки Шуры Зверька – Елизаветы Ивановны Устиновой. Она тоже в своем роде. Но со стороны мы не так рисуем себе и жизнь, и *их* жизнь. С ней я живу всю зиму бок о бок, и ничего не скрывая, но в жизнь она мою не мешается, и я в ее нет.

В начале года много я плакала, и как я рада, что я могла плакать, – болезни моей горничной Мани. Я не знала, что я могу так жить ради кого-то чужого, прислуги, и я счастлива этому. Мне радостно вспоминать, что я ночью скакала на автомобиле с Ашкинази⁹⁰ в родильный приют к ней. Что я шла с влюбленным в меня человеком – а он был тогда влюблен в меня – под сводами огромного здания, деревьев и труб фабрики на другой стороне. А она, моя бедная птичка, так была рада мне, обняла и крепко прижала<сь> ко мне, и я творила громко над ней мартинистскую молитву, и плакала, как над любимой сестрой. Тяжело, что она ушла. Тяжело, что я ее не спасла. Теперь у ней крест и венок из незабудок «Мане».

А потом я думаю о неудачном сезоне – сценически, и о угаре, что я жила. Сколько слов любви я слышала! Зигфрид Ашкинази, ученый или критик, о мистериях, о Вагнере – и потом я обняла его при расставании, зная, что уже ничего не повторится.

Потом ехала по Мойке, была светлая луна, шел снег, и в руках были красные розы, много красных роз. Потом приехал Эльснер, я ездила с ним к Калмакову⁹¹, и живопись того, где женщина не обнажена, а даже разорвана, грубо тревожила мою чувственность <так!>, и я не знаю, – момент, и я развратничала бы с Эльснеренком, но как-то отложили, и все прошло. После праздников я была у него и уже знала, что это не нужно. А Калмаков был у меня, и я видела, что я ему занята как женщина, и любо мне было тревожить его, а потом отойти, и все кончено; я уже знала тоже, что мне было занятно лишь минуту знать, что и тут в моей власти. А потом вспомнить и Дризена, серьезного барона Дризена⁹², его многочисленные телефоны ко мне, поездки с ним по театрам и ресторанам, катание по набережной, его лекции, где я говорила – правда, о близком, о «Заложниках Жизни»⁹³. И где я имела успех как женщина. Потом сейчас он болен, бедный, и я ему послала роз. Да, еще помню взгляд предсмертный Комарова Константина Весарионовича <так!>, когда я у них обедала

в Петропавловской крепости, где он был комендантом. Я ему сказала, что я надеюсь, что он меня придет посмотреть в театр, а он взял мои две руки и посмотрел так, что мне стало жутко, и я поняла всю ничтожность той нелепой светской фразы, что я сказала, рядом с суровым призраком смерти, что я увидела в нем.

А Сологубы-то! Я, приехав, жила у них почти две недели, и вечером, вернувшись, пила чай с Федором Кузьмичом, где разговор о Боге и Дьяволе перемешивался с его садизмом и его жутью. А потом их охлаждение, их недоверье и их глубокое убеждение в моей бездарности⁹⁴. И апофеозом пока – я была вчера с ними и Теффи <так!> в театре на Вагнере. Шли «Мейстерзингеры». Помню лицо женское без лет Троцкого⁹⁵, и вот я была у него, я еще не знала, а он мучился чем-то, а потом стал просить позволить снять с себя маску, и я узнала, что «Я Вам сестра, а не брат», и вдруг я увидела человека, не женщину и не мужчину. Это меня как-то поразило, и я заговорила с ним, и какой жутью веет от этой непривычности. Он – или оно – да тонкая нитка жемчуга на шее, экстаз религиозный, христианство – евангелие и любовь однополая, и слова о том, как это мучительно. Да, Сергей Виталиевич, Вы женщина, Вы средний род; страшно и то еще, что многие физические признаки женщины у него есть.

Потом вот еще жизнь кинула меня на этот год в свою гущу и не дала мне мар<тинистских> радостей. Мои визиты к нелепо глупому Антошевскому⁹⁶, мои аспиранты и мои попытки попасть к Мебесу⁹⁷, мои письма к Тедеру, все безответно, все мне ничего не сказало, все оттолкнуло меня, и только приезд Лосской⁹⁸, какие-то ласковые лучи оттуда, но я всегда хочу идти туда! Сережа не прав, – я не только живу чувственностью <так!>, – но нет стимула, но жизнь вся моя против тех моих путей, я у подножия креста, и не моя вина, что мрамор холоден, а если и так, если и моя вина, то я слаба, мне нужна поддержка, а ее нет, все толкает меня на другое.

И главное в моей жизни этот год я скажу в конце сегодняшнего дневника, – это Игорь, да, Игорь Северянин, что говорит, что полюбил меня, что дарит мне свои стихи, что пишет их о мне, что проводит со мной долгие ночи⁹⁹. Я прихожу из театра в 11 часов после «Орленка»¹⁰⁰, одеваю свой белый чепчик и сижу, и говорим, говорим, и целуемся, и я, не любя, – как-то люблю, и нет сил оттолкнуть, и люблю Сергея – но и Игоря. И его некрасивое лицо в тени у печи, и его звучный голос чарует меня, а его талант влечет, и я дарю ему себя на краткий срок, и не лгу Сергею, и рада, что Сергей понимает это. Я не уйду от Сергея, п<отому> ч<то> я люблю его, а не Игоря. Но душа Игоря мне близка, мучительно тянет меня к себе его талант, и я знаю, что

просто все это не обойдется. И вот стоят присланные им на столе роза и лилия, и я думаю о том, что он придет сегодня или нет. И Сологубы, желая его оттолкнуть от меня, не подозревают, что нельзя обойти меня, нельзя взять у меня то, что я не отдам. И вот эти мои две недели в Петерб<урге> я дарю Игорю, их я буду жить для него, это моя плата, моя дань его таланту, его мукам. Сумеет ли он их принять?

А тут еще Русьева просит любви, разврата, хочет, чтоб я окунулась с ней в лесбос. Ах, жизнь, и жутка же ты! – и силой своей воли хочу я сделать из тебя сказку, хочу пережить не одну, а много жизней, и гримируюсь перед зеркалом «Лаидой» в «Эросе и Психее»¹⁰¹. И костюм гетеры, и продолговатые мои глаза, и плеск фонтана (капли умывальника), и жара юга (невероятно душная уборная), – все я окрашу для себя и окрашиваю мечтой, фантазией, и вот сбылась, Сологуб, твоя «творимая жизнь»¹⁰², и ты и не знаешь, что я ею живу, что и ты у меня – не ты, а творимый мной образ. И моя любовь к старинным вещам, и моя дружба с Лелей Неверовой, – все «творимая жизнь», и мой м<артинизм>.

Да будет прославлено имя Твое, Господи, – создавший жизнь и меня в ней, не остави меня и среди слез дай мне радостей, чтобы боль моего сердца не омрачила мою душу, и я впивала бы Твои лучи, Твоего образа-солнца.

8 марта, пятница, вечер. Москва

Сижу тихо дома. Устала. Да, уехала из Петерб<урга>. С Игорем – расставалась грустно. Я – как с этапом жизни, как с книгой, что я читала, он – не знаю. Он говорил, что любил, что безумно страдал, но кто их знает, поэтов, кто знает его? Не знаю и не стараюсь узнать. Зачем?¹⁰³ Здесь я была уже во многих местах, но нового ничего нет. Работа, работа!... Устраиваю собрания м<артинистов> у себя. Гостит Ауслендер (жена)¹⁰⁴, бывает Леля. Ну вот еще Вавка – рисую ее портрет, учу английский, уроки пения, Далькроз – ритмическая гимнастика. Дом, садоводство, тапан. Ах, жизнь, жизнь. На будущий год мне 30 лет. Жутко мне от сознания прожитых лет. Что же? Долго ли я буду еще молода? Долго ли красива? Не знаю, ничего не знаю. Вот и зима кончается. На днях была в Малаховке. – Даже там среди снега чувствуется весна. И вот чего-то жаль. Точно что-то допето. Это, верно, кончились сказки этой зимы 1913 г. Какая она была – лучшая зима моей жизни. Сергея я видела много, и жила, жила. Да, вот еще новое начинается, это повсюду. Как хочется за границу, и нельзя – надо работать, работать.

Иду, на пути своем молюсь о будущем.

10 мая, Малаховка

2 недели – Святую и Фоминую <так!> была в Крыму, в Алушке. Каталась верхом. Перемигивалась с проводниками-татарами, не потому, чтобы они мне нравились, а так. Любовниками их не сделала и не целовалась с ними. Так просто. Людей там было мало, вот разве более ли, менее задружила с композитором Гречаниновым и его женой¹⁰⁵. Еще Чулковы там были¹⁰⁶. Сейчас Сергей отбывает воинскую повинность¹⁰⁷, я сижу в Малаховке и занимаюсь садом. Читаю, приезжает Митя Казначеев¹⁰⁸, что держит выпускные экзамены. Ларка, Вавка, Матан с Тоней. Скоро начнется театр, играть буду. Ах, как было хорошо в Крыму. Вот скачешь – внизу извиваются дороги, и море, юсуповский пляж, впереди горы. Хорошо. Вот видно впереди небо на фоне. Вавка верхом, повороты, горы. Хорошо это, ах, как хорошо. От Игоря редкие пламенные письма¹⁰⁹, не знаю: думаю, что он скоро совсем забудет меня – ну что ж. Разве я даю больше – нет. Я дала сказку поэту, вот и все. Сумеет ее прочесть – прочтет. Пусть живет, как хочет, я не люблю его и ему не лгала – я шла к нему, потому что тянуло. Вот и кончено, ушла. Грустно, как всякое прошлое. Помню последний вечер: я у стола, светлый круг лампы на столе, Игорь на диване с безумными клятвами вечной любви, и я режу яблоко, и даже слезы капают. Жаль прожитого. Друг или враг он будет? Вспомнила Толстого Алексей Николаевича – вот встречаюсь, жму ему руку, – любовник. Мой любовник бывший. Да! Как странно – прошлое. А Алексей Николаевич помнит ли что? Как никогда не было. Лида, ты не любишь их, но душу твою – даешь им. Мне и жаль души. Да, я изменяю этим Сереже, но что делать, его я любила и люблю для него, их люблю для себя, если можно назвать это любовью. Так, похоть и влечение. А Русьева – моя любовница. Ну, зачем я это делала! Так, не знаю почему, попробовать <так!>. Больше не хотела – чувствовала <так!>, что обижаю ее этим, но больше не могла. Противно было. А вот хочется пойти ввысь – в небо – к Богу. Грешна я, тяжело, но почему-то нет у меня ощущения греха этого. Господи, я только брала, хватала жизнь, – больше ничего.

13 июня (четверг)

Нужно иметь смелость все ломать – ну вот, я и должна буду это сделать. Легко жить в удаче, легко быть сильной, когда судьба помогает, а вот мне нужно показать, что я могу быть и без особой помощи сильна. Последняя проба. Больше нельзя. Все испробовала – не вытанцевалось. Что ж, будем жить иначе, – что будет. Да, Папнус¹¹⁰, ты соврал. Два раза соврал. Про войну всеевропейскую, когда

говорил, что она вспыхнет этой зимой, и вот прошла зима, войны нет, – и еще про меня: 2 года удачи сильной в делах. Да, дела удачны, могу сказать. Смешно! Что стоит все вокруг? Я молилась, я работала, – и неудача. Кругом неудача. Ну и вера поколебалась. Я буду идти год по сцене и год буду мартинисткой, но уже не прежней, – вера ушла. Нет около меня никогда ничего, что б заставило верить. Я ропщу, но это же ужасно все. Я бездарна – какой кошмар. Как пеленой дождя закрывается вся жизнь: бездарна. Ой! Тяжело. Почему я это решила? Да вот потому, что карьера не двигается моя: работаю – говорят, делаю успехи, но нет ролей, нет удачи, зубами выдираю всякую роль. Страшно, нет на это энергии больше, все ушло, скушно это, больно для самолюбья. Буду еще служить этот сезон, буду зиму служить, и если нет, то нет... Рву! что будет, не знаю. Нужно придумать выход, он будет найден во что бы то ни стало, и авось еще как-то вспыхнет в груди огонь, авось я увижу сверкающих богинь Веру и Надежду, и мать их, премудрость-София закроет мне глаза своими вечными мудрыми пальцами. А Любовь поцелует меня. Я жду, жду.

9 июля (вторник)

Странная вещь жизнь. Вечера conversation. Все братья м<артинисты> в одной цепи – и я гнусно кокетничала на пикнике с пошлыми актерами. Боже, прости мне! Боже, зачем мне эти испытания, зачем все это? Почему я не могу найти истины? Мне тяжело, я клянусь театр – столько горя и муки он дал мне. Где свет? Боже, где свет? Я страдаю от исканий <?>. Я не могу так жить. Ведь опять вспоминаются дни Сухеднева <?> – Петерб<ург> в 1-ый раз, когда я была там. Я не вижу окружающего за мучительной жаждой увидеть другое. Где оно? В чем оно? Ведь не в Ленине? не в Лебединском? Ведь вся моя жажда флиртов, все увлечения, Игорь и т. д. – ведь это все ничто. Ничто в сравнении с жаждой того истинного света. Где он? Я мало играю. Я не удовлетворена как актриса – можно подумать, это потому все неудовлетворение. О нет, просто тогда бы я не имела времени думать. Боже, просвети меня: я недостойна этого, но ты по своему милосердию прости меня.

19 июля (пятница)

Мне определенно не везет ни в чем сейчас. Не знаю, что делать, что думать. Играю мало. Сергей в обиде на антрепренеров моих Головина и Муратова, изругал их¹¹¹. Они на меня дуются, чувят, в чем дело. А я еще вчерашнюю роль неважно сыграла. Да, не везет мне, не везет. Ничего не могу поделать с судьбой. Даже успех как женщины мне изменил, и не потому, чтоб я подурнела, нет, а тоже лежит на

этом печать невезения. Завтра опять играю. Начинаю верить, что я бездарна, еще год – и нужно решиться уйти, но как? Как найти удачный выход? Этот вопрос меня больше всего мучит. Катаюсь верхом с Пашей в черкеске, – говорят, очень идет. Но почему, почему даже тут мне не везет? Точно заклятье какое лежит на всем, что я хочу сделать, чего хочу добиться. Не везет. Сколько боли видишь всегда за свою работу, как трудно мне все дается, и еще обидней – после трудов не дается. Этого раньше не было, это добавление. Боже мой, почему же это? Нет, тогда лучше бросить сцену и брать жизнь, жить что есть сил.

10 октября (четверг)

Москва

Служу у Незлобина, сыграла удачно в «Идиоте» Ганину сестру, Варвару Ардальоновну, и все. Народу много вокруг. Уютная квартира – жур-фик'ы по воскресеньям, несколько поклонников. Два собрания были м<артинистов> – приезжий французский художник мой портрет пишет Posa Русс – ну вот и все, что я есть. Да, пишу монографий <так!> знаменитых женщин 17 и 18 века¹¹², увлечена Коршем¹¹³, но еще ничего не знаю толком, он обратил на меня свое благосклонное внимание, но насколько, и что будет дальше? И милый Сережа, его люблю по-настоящему, а это все так. С Игорем отношения налажены опять как будто, но прежнего не будет – за это уж я стою¹¹⁴. Сергей директор небольшой дорожки¹¹⁵ – все-таки добился, и этому я рада. Живу, но мучусь уже не так, как осенью и летом, а иначе – теперь на душе легче, но страшно будущего. Что делаю – не знаю; иду, куда влечет меня судьба.

21 ноября (четверг)

Вчера репетировали «Ставку князя Матвея» в гриме и костюмах¹¹⁶. Князь Матвей в кавалергардском костюме, жутко стало даже. Да, 12 лет тому назад тот же мундир заставлял краснеть и бледнеть, и вот вчера Нелидов¹¹⁷, играющий князя Матвея, заставлял на себя глядеть как-то иначе, чем всегда. Я увлечена, и не Нелидовым, а тем обликом, что он носит, тем кавалергардом Александровского времени, что говорит: «Не задержу». Милое время, милый мундир. – Любимый князь Матвей! Старые, детские грезы – белая кавалергардская фуражка.

Корш был моим любовником, не знаю даже, зачем: я все-таки играла или была им увлечена иногда я? Сама искренно не могу разобраться в этом. Во всяком случае, была его, – как любовник он хуже и грубей Сергея. Как влюбленный – очень он мало был мной увлечен – так, вкусная женщина и плохо лежит. Сейчас с моей стороны кончено. Я увлечена белым мундиром – своего прошлого. Милый

мундир! Я еще, еще больше рада, что я играю. – Что ж <?>, что я и тут отверженная. – Жду с трепетом рецензии.

1914 год

20 марта, Петербург

Я уже опять месяц здесь. Уезжала на 4-ую неделю в Москву, вернулась. Там Леля – мы с ней такие же друзья, еще больше и нежнее, по крайней мере, я. На фоне всех дурных отношений, сплетен, зависти и т. д. так ценишь умное отношение к себе, хорошее так редко я вижу. В Петербург за мной поехал Алексей Дмитриевич Расторгуев¹¹⁸. Я думаю, не потому, что он так влюблен (это гипнотизер Желанкин мне очень усиленно говорил, объясняясь по этому случаю и сам мне в любви), а больше потому, что нет в нем ни энергии, ни жизни. Была ли я им увлечена? Да, пожалуй, немного. Он красивый, высокий, эффектный <так!>, неглупый, хороший голос. Как-то вдруг стал мне желанен. А теперь? Не знаю. Это все так мало отражается на моей жизни. Как любовник он дал мне, пожалуй, больше других. Сейчас его нет здесь. Игорь Северянин около меня. Мне посвящена его новая книга «Златолира» вся целиком¹¹⁹. Много стихов мне пишет. Что я? Да, я совсем уже холодна. Так больше, вижушь для препровождения времени. Ну, вот я и цинична, я далека от них, они мне нужны только для забавы. Неужели же я так и буду всегда, – неужели я уж так цинична? Нет, Игорю я плачу за лето боли и огорчений. А Расторгуеву за ломание, за ложь со мной.

Бекерат написал мой портрет¹²⁰. Говорят, хорошо. Что-то уж очень животное сквозит там во мне. Мне не нравится это. Со мной здесь сейчас Вавка. Она еще все нет да нет и подумывает о покинутом ею муже. Вот тоже на мне все собак вешают. И не знаю, и что я им всем далась. Неужели же я так зла – ведь нет же, а что влияю я на жизнь людей, так не моя же вина, что у них не энергия, а одна слякоть в душе. Пишу сейчас своих баб. Нужно работать, а то так и не кончу к осени. Сейчас сижу за леди Гамильтон. Играю здесь «Ставку князя Матвея». Все еще ее. Надоело уж мне – ежедневно. Здесь все больше новые исполнители; по-моему, идет не лучше, чем в Москве, – скорей хуже. Я как здесь, так и там прошла первым номером. Кругом очень милы, но толку от этого пока еще не вижу. Сережик милый – все тот же, на все мои проделки смотрит ласково, и я чувствую <так!>, что как-то виновата перед ним, и не знаю, и не умею это изменить. Пусть будет что будет – я не лгала и не ломалась перед ним, когда он понимал меня. Себя не переделаешь. Хочу за границу, не знаю еще, как и что. Питер люблю, но сейчас что<-то> никак не вмещушь в нем, все чего-то

не хватает, все что-то не то. На моем горизонте сейчас Игорь, Вавка, Ауслендеры, Рутковская (наша Актриса)¹²¹ – вот и все. Как-то мелькают издали барон Дризен, Зноско-Боровский, Елизавета Ивановна, у которой я живу (уже на Фонтанке 18 кв. 27) (милый Крюков канал!), Нина Анерт и т. д.

Париж

10 апреля (четверг)

Avenue Kleber. Hotel Baltimore. После блестящего концерта Игоря Северянина, где я прошла лучше всех, где меня встретили и проводили аплодисментами, я выехала в Варшаву. А сейчас вот и в Париже. Сижу одна в отеле. Чужой город, чужие люди, и мне страшно. Жутко. Где-то Сережик, свои, Игорь, Расторгуев и еще, еще близкие люди, а я здесь, затерянная в городе безумия. Но хочу использовать этот город еще раз, еще раз взять, что могу, и уже скоро не приеду сюда больше.

В Варшаве видела Нину – она жуткое впечатление производит, постарела очень, но умный она и живой человек, и за это ей многое прощаю¹²². Видела Чинского¹²³ – да, за ним не пойдешь никуда, – обидно это все. Вот еще здесь попробую с м<артинистами> дело наладить, жутко и как-то ненужно все то, что в нашем бедном о<рдене> делается. Ну, что будет, я верю в волю могучую, верю в него, единого моего руководителя, пусть я ошибаюсь, – лишь бы он мне простил мою беспутную жизнь. Трудно лгать себе самой, трудней всего на свете. Ну, я могу жить иначе, но зачем? Нужно, чтоб я не только поверила, но и захотела иной жизни. А иначе это будет ложь себе самой. Ужасная ложь, все.

19 мая (понедельник),

Дрезден. Weiser Hirsch Sanatorium доктора Лемана

Сижу здесь 4 недели. Хочется из каждого города каких-то необычайных воспоминаний, каких-то еще не испытанных переживаний. Здесь я лечусь. Гуляла с Биском (молодой еврей-поэт), он славный, дружила с ним, слегка кокетничала¹²⁴. В санатории то, что называется – «имела успех». Но нет никого, кто бы заинтересовал, а иначе все скучно. Кругом толстые венгерцы, противные немецкие торговцы с трясущимися руками или сальными глазами.

Ничего, что было бы как-нибудь занятно, но для меня это все полезно. Отдохну. Приготовлюсь к зиме. Вот вылечу ли свой желудок – это я не знаю. Была два дня Леля и уехала. Зачем-то всю свою жизнь она ломает. Хочет еще сюда вернуться, но вернется ли? Занимаюсь английским. Пишу Анжелику Кауфман¹²⁵. Кажется, должна

бы жизнь казаться полной, а нет, все чего-то нет, все не полно без увлечения для меня.

И хочется и не хочется домой – очень скучно без Сережи. Все-таки он был и будет для меня единственным, и никто ни на одну секунду не затмил его облика в моей душе. До немецких м<артинистов> не могу добраться. Виноват Teder, скрывает их адреса, хочет все прибрать к своим рукам. Что-то еще я переживу в этой области?

*2 июня (понедельник)*¹²⁶

Прослушала я с Miss Woker концерт в Luisenhof – и со слезами расстались. Милая старушка, я очень, очень привязалась к ней. Из всего Weiser Hirsch'a ее мне больше всего жаль. И как призыв к чему-то звучали мне колокола из «Парсифаля» сегодня.

Война

11 октября

Боже мой! Лето – великолепные дни, залитые солнцем. Театр – Сергей, Кобра, Митя. И война – моего милого взяли туда¹²⁷. Боже мой, Боже мой! Я ездила на четыре дня в Ковно, четыре дня я украла из этого безумного, ужасного года. Боже мой! Если есть молитва за него, я ее творю! Все, все возьми, дай мне моего Сережу! Зачем мне театры, жизнь, радость! Боже, не бери у меня Сережи! Что будет, что будет! Боже, неужели ты не услышишь меня? Боже мой! Если есть страдания, то я их переживаю, если есть муки – я их чувствую <так!>. Сережа. Как страшно. Кровь, всюду кровь! Сережик мой! Боже мой, сжался – не бери его жизни – ведь он еще нужен миру. Боже мой, пусть еще я больше мучусь, только его, его оставь мне!

4 ноября (вторник)

Боже мой! И не видно конца крови, не видно конца моей муке. Что делать, как молиться? Ничего кроме этого не осталось. Кровь и страх за Сережу, все события ушли другие – никого, ничего не нужно. Тяжело, невыносимо тяжело. Милый мой не со мной, милый в опасности; что весь мир, что все лучи солнца – со мной нет моего милого. У меня есть только молитва и слезы. Бедные жалкие слезы, разве вы когда-нибудь чему-нибудь помогали? Боже мой, Боже мой! Что можно говорить еще, о чем думать, чем жить? Милый мой! И только слезы, только горе! Боже, сохрани нас и помилуй!

12 февраля (1915 года)

Странная жестокая судьба! Как усмешка злобная промелькнуло известие о том, что мы с Сережей увидимся, и вот теперь – плен или

его смерть, неизвестно. Боже мой, вот оно, горе, пришло, и чтоб еще больней было, то перед этим поманило свиданием. Тихо буду ждать – я обещала любимому ничего не делать до точных известий. Боже мой, мне тяжело.

Тут еще эта роль. Странно: как блестяща этот год моя карьера; на фоне этого ужасного года среди тоски и слез вырастает мое имя. Я отдам его, все, что мной добыто, все, все за свою скромную тихую жизнь с любимым, за его ласку, за его душу, близкую, дорогую. – Боже, прими, – дай мне его!

20 февр<аля>

Я уже не могу ни плакать, ни думать. Слухи, тревога – ничего, ничего не понимаю. Что они? В плену – убиты? Боже, спаси и сохрани моего любимого, дай мир моей душе. Как многое в моей жизни кажется мне мелким и ненужным в сравнении с тем, что творится сейчас во мне и в мире. Беспрецедентная война! Да, она беспрецедентна. Жутко, куда вынесет нас «потоп».

Милый мой Ежик, я люблю тебя, только теперь я поняла всю силу любви моей. И наши обоюдные измены, наш странный образ жизни для людей – он был знаком нашей любви большой, всеобъемлющей любви. Милый, жив ли ты? Боже, храни его, храни его. Пусть будет мне еще тяжелей, пусть я испытаю все муки, какие возможны, пусть волосы мои будут седые от них. Но сохрани его, сохрани его жизнь, Боже.

4 марта (среда)

Милый мой, говорят, ранен и в плену¹²⁸. Все сведения пока таковы. Всюду навожу справки, всюду пишу. Душа болит, очень я извелась, подурнела – нужно будет лето полечиться. Может, хоть осенью увижу его. Боже, как все это тяжело, измучилась я вся. Только бы увидеться хоть когда-нибудь! Боже мой, до чего жизнь тяжела этот год. Я ему <пишу?> уже на всякий случай. Американский консул говорит, что он в Халле – Halle. Как странна судьба. Там, где я была здоровая, флиртвала, там ему плен. Страшно думать, страшно жить. Мир вокруг живет, движется, только моя жизнь остановилась на одной точке. Я жду, жду, что готовит мне судьба – жизнь или смерть. Если я получу от него известие, то я буду очень довольна хотя бы тем – авось уцелеет. Разлука – тяжело, но все же. Ведь не разлюбит же меня мой любимый за всю тоску о нем, за все муки моей бедной души. Я люблю его, я жду его. Милый, я жду тебя, найди силы души перенести разлуку – я жду тебя, милый, милый! Ты любишь меня, ты мой до конца. Верен ли ты мне там, мой возлюбленный? Верен ли, как я тебе? Милый, я жду тебя, я – жду тебя.

14 июля (вторник), вечер

Дни идут за днями, и нет конца этой ужасной бойне. Живу машинально. Контракт в синематографе, фирма Иосифа Николаевича Ермольева. Картины «Пара гнедых», «Кто без греха, кинь в нее камень», «Чайка», «Бесь» Достоевского¹²⁹. Великолепный успех – смесь интриг с поклонниками и ухаживанием, и все окрашено краской крови и тоской по моему милому. Вот апрель была в Петербурге. Поляковы, Неклюдовы, князь Андронников <так!>¹³⁰, Ауслендеры, Рутковская, Кобра. Поклонники, хорошая роль, успех. А Сережа – бедный пленный рыцарь мой, я твоя. Любимая тебя не предаст, и в эту минуту я больше чем, когда твоя. Нет для меня соблазна. Да, еще курьез в моей жизни. Игорь Северянин хотел меня шантажировать моими письмами, но их украл у него Толмачев¹³¹. Северянина я навсегда вычеркнула, вот и все. Страх не было, было смешно и грустно как-то. Сейчас я в большой работе – езжу на съемки. Играю с Мозжухиным¹³². Мое естество женское влечется к нему, но твердо говорит моя душа «нет». Сейчас я должна быть, как невеста, – я люблю одного, ему одному я принадлежу. Я не раба, я вольная была и буду навсегда. Ничто не держало меня – до встречи с ним я уберегла себя, и теперь ко второй и вечной свадьбе я приготовлю себя. Суждено нам быть вместе – хорошо, я возблагодарю Бога и судьбу, а нет – я верю, хватит мужества умереть. Я умела жить, нужно уметь и умирать. Что ж, это будет красиво и сильно. Финал, достойный меня. Боже мой, жизнь так сильна была моя, но я хочу еще жить, и с ним, моим милым. Малаховка прежняя, живу в ней тихо. Здесь мои родители. Мой брат Сережа живет у меня, Вавка, гостит Леля. Родители живут отдельно. Сережик мой, я твоя, я люблю тебя, я жду тебя. Как страшно вокруг – неужели победа будет за немцами? Боже мой, я прошу одного – сохрани мне моего Сережика. Сохрани его. Все блага жизни отдаю за него – я его, его, молю у тебя, все данное я принимаю как подарок, а не по праву – все отдаю за счастье жизни вместе с ним, за счастье нашей любви. Боже, дай мне его! Сережик в Штральзунде в плену – щека его ранена, пишет – шрам безобразный. Боже, сохрани его. Я люблю его.

24 октября (суббота) 3 часа дня

Сергея перевели в другой лагерь. Дышу его редкими письмами. Боже, сохрани его. Боюсь, что он простудится, боюсь за его почки, легкие. Боже мой, как много я плакала этот год, и еще, еще год минимум такой же жизни. Все дорого, все трудно достать. Хочется верить и трудно верить. Играю в театре, измучена до последнего кинемато-

графом. Какие-то поклонники и поклонницы. В душе одиночество. Пишу, учу, работаю, и одна молитва – сохрани, Боже, Сережу. Там еще поля политы кровью, еще много крови прольется, пока прозвучит колокол мира. Пройдет много дней тоски. Выпал снег, хожу по своим комнатам, одиноко и тоскливо на душе. Когда же конец? Когда? Митя сидит на диване, топит камин, чтоб согреть захлававшую квартиру, и мы молчим. Скоро и его возьмут на военную службу, и я буду сидеть уже одна с захлававшей душой, с больной психикой, не зная, где начало, где конец этому ужасу.

Боже праведный, помоги мне! Сколько слез сейчас, сколько молит^в идет к его престолу. В жизни, как в сказке, слились кровь и мечты. И страшно, и жутко. Спаси нас и сохрани. Я слушала Скрябина, и как грозно звучал мне Вагнер, и как победно громко прозвучал Скрябин. Да будет воля Божья!

Много я грешила – нет, не грешила я, а жила, и все от жизни хотела и хочу я взять, и вот пришло горе – я не прячусь от него, как все, принимаю его я и не хочу чужой жизни, свои и горе и радость нужны мне. Сергей мой, я живу, я ему верная, чистая, невеста, жду его, как ждала 10 лет тому назад. Придет ли он, мой милый, ко мне? Был с позиции Паша, сидели с ним в «Аполло» в кабинете, пили вино и говорили по душам. Да, Пашура, Вы видите сейчас мои муки, Вы видите, что я похудела и чиста душой и телом перед моим любимым. И вдруг Вы думаете, что я изменилась – нет, нет, я та же, та же. В душе моей огонь и кровь, я болею, я мучусь, я люблю. Люблю, как любила всегда, только форма этой любви другая, не та, что раньше. Сережа мой ненаглядный, хороша я или нет – я больше вся твоя, и насколько может моя вольная душа быть рабой – она твоя раба. Добровольная и твердая. Сохрани нас, Боже, дай нам прикинуть еще к чаше жизни. Говорят, нужные люди живут – мы еще нужны можем быть миру. Склоняю^{сь} перед тобой, как раньше. Судьба, – и жду твоей ласки, жду, что снова колесо судьбы повернется и я буду жить с ним. Больше я уже ни на что не буду жаловаться – я хочу быть *здоровая* и *вместе*, вот все. Горе и радость, но вместе. Карьера моя – это подарок твой, и как таковой я принимаю его. Но ничего я не требую, да простятся мне многие желания того или иного в жизни. Они внешнее, и ничего в мире мне не нужно, кроме Сергея и моей жизни вместе с ним. Разве знала я раньше, что такое горе? И как смешно мне знать, что я раньше грустила, когда я была с ним. Нет, нет, это была не боль, боль сейчас и горе, а там – там были лирические переживания. Иногда веселье, иногда грустные. А горе – горе это когда нет Сергея, и горе и радость в Сергее!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду гастрольный спектакль в Варшаве по пьесе Г.Зудермана (в другом переводе – под названием «Родина»). Подробнее см.: *Рыбакова Ю.Л.* В.Ф.Коммиссаржевская: Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С.258-259.

² Польское название города – Ciechocinek. Рындина называет его «Цехацинск», «Цеханцинск», «Цехацинка» и т. п.

³ О журнале «Искусство» и деятельности в нем С.А.Соколова (1878–1936; псевд. Сергей Кречетов) см. подробнее: *Лавров А.В.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С.137-138.

⁴ В мемуарах Рындиной эта встреча описана так:

Летом я ездила с отцом в Германию. Возвращаясь обратно, заговорившись, мы пропустили нужную нам пересадку и оказались ночью на станции Бромберг. Отец не хотел терять времени, а так как до пограничной станции Александрово было только полтора часа езды, то мы сели в первый идущий до границы поезд. Он оказался переполненным. В купе, куда мы вошли, все места были заняты, но мне сразу уступил место молодой человек, оказавшийся русским. Я предложила это место отцу, а сама вместе с молодым человеком стала в коридоре, и мы разговорились. <...> Полтора часа разговора в полутемном коридоре вагона решили мою дальнейшую жизнь.

(Ушедшее. С.295).

В машинописи воспоминаний после слов «возвращаясь обратно» были еще слова, поясняющие некоторые места далее публикуемого текста: «... (в находившийся на границе курорт Цеханцинск), где мои родители обычно проводили лето...» (РГАЛИ. Ф.2074. Оп.2. Ед.хр.9. Л.2).

⁵ Ср. в мемуарах: «Между мной и Грифом, как все его звали в Москве, завязалась переписка. В ней не было ни слова о любви. Я писала, что стремлюсь на сцену, а он звал меня в Москву как в центр русской театральной жизни. Я уже давно мечтала о сцене, но мои родители были против, и под их влиянием я занималась живописью, которую тоже очень любила. Училась я живописи в Варшавской академии, которая по своей программе была как бы преддверием к Петербургской академии художеств» (Ушедшее. С.295).

⁶ Упомянутое письмо не сохранилось.

⁷ Далее строка зачеркнута.

⁸ Ср. в мемуарах: «Я боялась, что Гриф на вокзале меня не узнает, но он узнал. Только, верно, первое его впечатление было не в мою пользу, он вскрикнул: “Какая вы желтая!” Воображаю, какой глупой и желтой я была от волнения» (Ушедшее. С.296).

⁹ Женой С.А.Соколова была писательница Нина Ивановна Петровская (1879–1928), у которой как раз в то время разворачивался бурный роман с В.Я.Брюсовым.

¹⁰ Ср. в воспоминаниях: «Отец <...> пришел ко мне в комнату и стал меня уговаривать не ехать» (Ушедшее. С.295-296).

¹¹ Вероятно, имеется в виду известный ресторан «Малоярославец».

¹² Спектакль московского Нового театра, через некоторое время превратившегося в театр Незлобина, где играла Рындина.

¹³ Имеется в виду Московский Литературно-художественный кружок на Б.Дмитровке. Впоследствии Соколов принимал активное участие в его деятельности.

¹⁴ Летом 1905 Петровская с Брюсовым были в Финляндии; план поездки в Норвегию постоянно фигурирует в ее письмах, однако он не осуществился.

¹⁵ Николай Николаевич Званцев (1870–1923) – актер и режиссер МХТ и театра Незлобина.

¹⁶ Речь идет о постановке оперы П.И.Чайковского «Евгений Онегин» в «Кружке художественных исканий». См. рецензию на эту постановку: Театр и искусство. 1906. №10. С.149.

¹⁷ Вписано: «Зачем написала, не знаю».

¹⁸ Речь идет о поэте Эсмер-Вальдоре (Александр Мерсеро; 1884–1945). Журнал «Золотое руно», в котором Соколов руководил литературным отделом, на протяжении первого полугодия 1906 давал перевод на французский язык большинства материалов каждого номера. Первоначально переводилась только проза, в задачу Вальдора входил перевод стихов. Он приехал в Москву вместе с М.А.Волошиным и Е.О.Волошиной 15 марта 1906 г. (см.: *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1977–1916. СПб., 2002. С.156).

¹⁹ Генрих Эдмундович Тастевен (1880–1915) – секретарь журнала «Золотое руно» Ср. в мемуарах Рындиной: «Французским переводом ведали двое: московский француз Тастевен, корректуру вел специально выписанный из Парижа французский поэт Эсме Вальдор <так!>» (Ушедшее. С.302).

²⁰ 17 мая 1906 С.А.Соколов писал В.Ф.Ходасевичу: «Завтра Нина едет в Польшу, к концу июня вернется. В июле собирается к Вам» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.82. Л.9об.), а 23 мая пояснял: «История с телеграммами Нины такова. Она колебалась, куда ехать – в Варшаву или к Вам. Потом рассудила, что лучше ехать к Вам в июле, а теперь поездка к Вам на неск<олько> дней до Варшавы только измучит ее и утомит еще более. Теперь уехала в Варшаву. Оттуда напишет. Все это разыгралось на простр<анстве> 3 дней» (Там же. Л.10об.). Как следует из писем Петровской к В.Я.Брюсову, она уехала из Москвы в ночь с 18 на 19 мая, а из Варшавы, где намеревалась пробыть довольно долго,

заехав вдобавок и к Рындиной в Цехоцинск, – вероятно, 24 мая (23 мая она писала Брюсову еще из Варшавы).

²¹ Рущиц – имя главного героя драмы Ст. Пшибышевского «Золотое руно» (см.: *Пшибышевский Ст.* Полн. собр. соч. М., 1910. Т.4). Возможно, Рындина называет его именем кого-то из своих знакомых.

²² 22 декабря 1920 С.А.Соколов писал А.С.Яценко: «у меня с братом, если Вы помните, есть Малаховка, подмосковное дачное имение более чем в 300 десятин, которое при любом строе, кроме большевицкого, останется в частной собственности. Подумываем о продаже» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Paris, <1983>. С.225).

²³ Малаховский театр, в котором на протяжении долгого времени (по крайней мере до 1914) летом играла Рындина, был заметным явлением подмосковных дачных сезонов, его спектакли регулярно рецензировались в московских журналах.

²⁴ Адашев (наст. фам. Платонов) Александр Иванович (1871–1934) – актер; с 1898 состоял в труппе МХТ, в 1906–1913 руководил частной театральной школой.

²⁵ Имеется в виду роспуск 1-й Государственной думы.

²⁶ Из поэмы А.С.Пушкина «Цыганы».

²⁷ Имеется в виду спектакль по пьесе Г.Г.Ге в Малаховском театре.

²⁸ Речь идет о замысле журнала «Перевал», издававшегося поэтом Владимиром Васильевичем Линденбаумом, о котором Рындина вспоминала довольно подробно:

...тоже поэт и глубоко преданный литературе культурный юноша. К сожалению, он был болезненный и с сильным пристрастием к алкоголю, что его окончательно губило. <...> Он посвятил мне ряд стихов, все они были грустные и говорили о близкой смерти, которую он предчувствовал. <...> Предчувствия его не обманули: журнал «Перевал» просуществовал только год и за смертью издателя закрылся.

(Ушедшее. С.302-304).

О журнале «Перевал», его издателя и Соколове как редакторе подробнее см.: *Лавров А.В.* «Перевал» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С.174-190.

²⁹ Вероятно, описка Рындиной, и речь идет о 100 рублях. Николай Николаевич Синельников (1855–1929) с 1900 был главным режиссером театра Ф.А.Корша.

³⁰ Имеется в виду съезд Кадетской партии; Соколов был ее членом.

³¹ 9 февраля 1910 С.А.Соколов послал И.И.Попову биографические сведения о себе, в которых говорилось: «Много занимался политической

и общественной деятельностью, и партийно, и как гласный Московского Губ. Земства, каковым состоит с 1903 года по настоящее время» (РГАЛИ. Ф.408. Оп.3. Ед.хр.4). 20 ноября 1909 он писал Ф.Сологубу:

...успел я побывать в Бронницах на Земском собрании и вернуться оттуда. Борьба была очень ожесточенная. Я и Ф.А.Головин, несмотря на все старания правых, прошли в губернские гласные. Очень меня убеждали идти в председатели Земской Управы. Я отказался, хотя выбор был обеспечен. Не хочу я сидеть в Бронницах, или, лучше, метаться между Бронницами и Москвой и вязнуть в земских дрязгах.

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.636. Л.43-43об.).

³² Пьеса Е.Н.Чирикова.

³³ Марина Эрастовна Ходасевич (урожд. Рындина; 1887–1973) – первая жена поэта В.Ф.Ходасевича, одна из знаменитых московских красавиц того времени.

³⁴ В московских литературных кругах того времени было три брата Койранских – Александр (1884–1968), Генрих (1883–?; писал под псевдонимом «Г.Тверской») и Борис Арнольдовичи (Аароновичи).

³⁵ Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966; псевд. «Alexander») – начинающий поэт, брат В.Я.Брюсова.

³⁶ Вероятно, речь идет о матери С.А.Соколова.

³⁷ На лето 1907 Малаховский театр был снят антрепренером А.Е.Набатовым для сборной труппы, большею частью состоявшей из артистов театра Корша (см. хронику: Театр и искусство. 1907. №11).

³⁸ Фарс-оперетта М.Федорова (1869).

³⁹ См. в приложении отрывок <1> из не вошедших в основной текст «Невозвратных дней».

⁴⁰ Осенью 1907 в театре Корша Рындина играла роли горничных Розалии («Веер леди Уайндермер» О.Уайльда) и Луизы («Любовь – сила» Кальяве и Флера), мадемуазель Лесеррер («В когтях» А.Бернштейна). Здесь имеется в виду заметная роль дочери Калифа Фарун-Назы в пьесе П.Григорьева «Багдадские пирожники, или Волшебная лампа».

⁴¹ Поэт и журналист Ефим Львович Янтарев (Бернштейн; 1880–1942).

⁴² Фраза не закончена.

⁴³ Ср. в письме Соколова к А.А.Боровому от 9 июля 1908:

Дня два, как мы вернулись из-за границы. <...> Сейчас в душе еще не отгорели образы суровых Фирвальдштетских гор, повитых грозовыми тучами, где блещут фиолетовые молнии и парят орлы, – и тихие в дымке дали Лаго-Маджоре, чудесно замыкающие его голубые воды, – и черные гондолы, бесшумно скользящие по черной стали венецианских каналов, в тени обступивших их опустелых дворцов с темными окнами – и торжественные

многоцветные свету, льющиеся сквозь граненые стекла витражей Миланского Собора.

(РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.670. Л.19-19об.).

⁴⁴ П.В.Каптерев действительно был известным гипнотизером, автором книги «Гипнотизм» (М., 1909). 26 сентября 1908 С.А.Соколов писал Андрею Белому: «Налаживаю опыты с Каптеревым. Надеюсь на той неделе устроить первый. Тогда извещу» (РГБ. Ф.25. Карт.23. Ед.хр.2. Л.43).

⁴⁵ Н.И.Петровская в ноябре 1908 находилась в Лейпциге.

⁴⁶ Речь идет о сборнике рассказов М.Швоба «Вымышленные жизни» (М., 1909), переведенном Рындиной и изданном в «Гриффе». Ср. в письме С.А.Соколова к Ф.Сологубу от 30 ноября 1908:

Очень был обрадован, получив от Вас одобрительные строки о Швобе. Лида благодарит Вас без конца за похвалу ее переводу и ужасно гордится Вашим отзывом. Увы! М.Швоб уже конфискован, и против меня выдвинуто судебное преследование за порнографию и кощунство. Для начала недурно! Не знаю, чем кончится эта история. Полиции удалось конфисковать только 124 экз<емпляра>.

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.636. Л.31).

16 мая 1909 он сообщал М.А.Волошину: «На днях судили за М.Швоба. 50 руб<лей> штрафа или 2 недели ареста. Подаю жалобу в Суд<ебную> Палату» (Там же. Ф.562. Оп.3. №1126. Л.13об.).

⁴⁷ В.Ф.Ходасевич. Слова о его «измене» относятся к тому, что С.А.Соколов был первым издателем, печатавшим стихи Ходасевича. Причины расхождения двух поэтов, случившегося между июлем 1908 и сентябрем 1909, нам достоверно не известны. Судя по тону письма Соколова к Ходасевичу от 18 сентября 1909, скорее всего они относились к сфере финансовых расчетов.

⁴⁸ Муни – псевдоним Самуила Викторовича Киссина (1885–1916) – поэта, ближайшего друга Ходасевича, о котором тот оставил известные мемуары в книге «Некрополь». Подробнее см.: *Киссин Самуил (Муни)*. Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В.Ф.Ходасевичем / Изд. подгот. И.Андреева. М., 1999.

⁴⁹ Имеются в виду Борис Константинович Зайцев (1881–1972) и Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова; 1879–1965). Зайцев входил в круг молодых московских писателей, близких к символизму. См. ниже, в Приложении 2, письма его к Рындиной. В альбоме Рындиной и Соколова остались записи Зайцевых начала 1914: «Привет государю моему Грифу и его Грифонше. Бор. Зайцев» и «Милые! Здесь у Вас хорошо, но в доме Бахрушина было лучше. Вера Зайцева» (РГАЛИ. Ф.2704. Оп.1. Ед.хр.17. Л.12-12об.).

⁵⁰ О Белом Рындина подробно вспоминала в своих мемуарах.

⁵¹ Сохранилось одно письмо Брюсова к Рындиной от 19 марта 1909:

Многоуважаемая Лидия Дмитриевна!

Обстоятельства решительно не позволяют мне воспользоваться Вашим любезным приглашением и обедать сегодня у Вас. Я весьма огорчен этим и очень, очень перед Вами извиняюсь. Мне хочется, чтобы Вы верили, что я в данном случае уступаю необходимости.

Вы мне позволите, поэтому, быть у Вас в тот же час, как Н.А.Попов, то есть в начале восьмого.

Сердечно уважающий Вас Валерий Брюсов

(Там же. Ед.хр.8).

⁵² Имеется в виду журналист, сотрудник московских газет А.А.Тимофеев.

⁵³ Поэт Виктор Иванович Стражев (1879–1950). Соколов относился к нему с симпатией.

⁵⁴ Не исключено, что речь идет о близком к «Грифу» художнике Василии Васильевиче Владимирове (1880–1931), оформлявшем «Стихи о Прекрасной Даме» А.А.Блока и «Возврат» Андрея Белого. Однако фамилия «Шорникова» в его окружении нам не встречалась. Женился он в 1914 на Л.М.Горвиц. См. наиболее подробную работу: *Демиденко Ю.Б.* В.В.Владимиров – художник первой книги Блока // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1999. Вып. IV.

⁵⁵ 26 января 1909 Вяч. Иванов читал в московском Литературно-художественном кружке лекцию «О русской идее» (подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С.239–254). Об отношениях Вяч. Иванова с Рындиной известно не очень много, однако они явно были связаны с мистическими чувствованиями. В своих мемуарах Рындина рассказывала: «...я с особой благодарностью вспоминаю Вячеслава Иванова. <...> Я находила у него ответы на волновавшие меня вопросы искусства и религии. <...> Много нужных советов он мне дал, некоторым из них я следовала всю жизнь» (Ушедшее. С.310–311). 31 января 1909 А.Р.Минцлова писала Иванову:

Сегодня у меня была Лидия Дмитриевна (жена Грифа). Об этом свидании я должна сказать Вам лично, писать этого нельзя. Это... невыразимый ужас, и имени нет тому, что я узнала. Она пришла ко мне в 3 часа дня сегодня – я знала, Вас нельзя было вызвать тотчас, в эти часы Вас не было уже дома – (4 ч<аса> дня). Но у меня к Вам серьезная, глубокая просьба, Вячеслав. Я умоляю Вас, в понедельник этот (день Сретения Господня, великий день), в 2 ч<аса> дня приехать к Христофоровой, у меня будет Лидия Дмитриевна, Соколова, которой необходимо видеть Вас и поговорить с Вами. Я не могу допустить, чтобы ее изувечили так. – – Эту жизнь надо спасти. И я прошу Вашей помощи здесь, Вячеслав, т. к. она чувствует огромную симпатию и доверие к Вам.

(РГБ. Ф.109. Карт.30. Ед.хр.7. Л.16об.-17об.)

Неизвестно, какую именно помощь оказал Иванов Рындиной, но в письме того же 1909 года (не датировано; обозначение месяца на штемпеле читается неясно – то ли II (февраль), то ли 11 (ноябрь)) Рындина писала:

Мне стало как-то внутренне необходимо написать Вам, дорогой Вячеслав Иванович, и я решила воспользоваться Вашим позволением и спросить о Вас – сказать кое-что о Москве и о себе. Я слышала от Н.А.Бердя<ева>, что возможен Ваш приезд в Москву еще в этом сезоне. Я Вас ужасно прошу: дайте тогда знать о себе – мне было бы тяжело знать, что Вы были в Москве, Вячеслав Иванович, а я с Вами не увиделась. У меня все время была тайная надежда попасть в Петербург, но, кажется, ей не будет суждено осуществиться. Гипноз дал мне себя знать. Оказывается, что я в продолжен<ие> полуторых <так!> месяцев ходила с воспалением легких. – Мне было велено не чувствовать боли и сознавать себя здоровой. И вот теперь гипноз отошел, и я оказалась с процессом в легком и лихорадк<ой>, которую я наконец почувствовала, она была больше месяца. А я-то удивлялась иногда, отчего у меня горит тело и что-то жжет внутри. Я без ужаса не могу вспомнить обо всем этом. – Каким благодеянием был для меня Ваш приезд. – Ваша лекция, где я увидела Ан<ну> Руд<ольфовну>. – И Ваша и ее поддержка. – Вы были первыми, не заинтересовавшимися опытами. – Все обычно, когда я говорила: «Я сомнамбула – но я хочу уйти», – отвечали: «Уходите, только я еще посмотрю это, и там Вы можете уйти», – а сил у меня не хватало, какая-то пустота внутри, и где-то глубоко, глубоко – ужас, а перед чем – неясно. Теперь, мне кажется, внутренне я тверда. Благодаря болезни, сижу дома, – несмотря на слабость, заставляю себя заниматься полчаса пластикой с балериной, – а остальное читаю и думаю, и мне кажется, что, оторвавшись от внешнего, я сильнее чувствую себя и становлюсь тверже. Жду с нетерпением приезда Ан<ны> Руд<ольфовны>. О здоровье своем не печалюсь, слабая боль в боку не мешает мне жить, а сидение дома освобождает от многого, не нужного мне. – Думаю, что выздоровею, т. к. все предписанное мне доктором исполню, – смерти же тоже не боюсь. Я боялась бы только умирать постепенно от чужой воли, а умереть, потому что тело отжило и не может больше служить мне, не боюсь – будет, что нужно! Недели две я буду еще сидеть в Москве и в комнате, а там, если будет возможно, постараюсь куда-нибудь на солнце. Сделаю все возможное, чтоб жить. Мне ведь еще так мало лет, – может быть, я еще нужна. И мне жаль Сережу. Теперь и он уже по-настоящему боится гипноза для меня.

Москва сейчас тяжелое зрелище. Рефераты анти-декаденские <так!> имеют бурный успех. Настоящие люди молчат – Белый в

деревне. – Защищают декаденство (я говорю это слово умышленно неверно) какие-то фельетонисты Ермиловы и присн<ые>. Приехал Леон<ид> Андр<еев> (хочет основать театр с неким Фальковским – это Ваш петерб<ургский>) – почти ежедневно среди каких-то ужасных людей. – Ничего, ничего нет сейчас здесь настоящего, атмосфера тяжелая, вспоминаю Ваш приезд и все, связанное с ним, как светлый луч.

Привет Вам, Вячеслав Иванович. Спасибо. Лидия.

(РГБ. Ф.109. Карт.33. Ед.хр.101)

См. также: *Богомолов Н.А.* Из персональной истории русского мартинизма: Лидия Рындина // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник на 2000 год. М., 2000. С.262-287.

⁵⁶ В программах театра Корша за это время числятся следующие роли Рындиной: тетушка Молли («Розы» Г.Зудермана), Барб («День денщика Душкина» В.Рышкова) и упоминаемая здесь роль королевы Зореньки-Ясной в спектакле по пьесе Н.Кригер-Богдановской «Приключения королевича Ладо и его верного слуги Барбо».

⁵⁷ Спектакль по пьесе Шекспира. Рындина играла роль пастушки Дорки.

⁵⁸ Работа Рындиной в театре «Соловцов» (в это время его арендовал И.Е.Дуван-Торцов, потому в воспоминаниях о Рындиной встречается упоминание о ее службе у Дуван-Торцова) в Киеве в 1909 вызвала противоречивые отзывы. В этом году она сыграла Насморк («Синяя птица» М.Метерлинка), Агничку («Холопы» П.П.Гнедича), Трудю Мейер («Фрейлейн Фресибольден (Борьба за мужчин)» К.Фибих), Ингеборг («У царских врат» К.Гамсуна) и некоторые другие. Отзывы были разнообразными, см., например: «Г-жа Рындина в роли Труды создала надлежащий образ, артистка играет легко и изящно» (*Лель* <Б/назв.> // Киевский театральный курьер. 1909. №311, 9 сентября. С.4); «Совсем ничего не выходит у г-жи Рындиной» (*Померанцев С.* «Лестница славы» // Последние новости (Киев). 1909. №848, 28 ноября).

⁵⁹ Отметим, что Рындина и Репина в «Мелком бесе» Ф.Сологуба играли сестер Рутиловых.

⁶⁰ Имеется в виду журналист Александр Иванович Филиппов (1882–1942) – редактор киевского журнала «В мире искусств», широко привлекавшего к сотрудничеству писателей модернистского лагеря, сотрудник различных киевских газет, несколько раз напечатавшийся также в журнале «Весы». О его эмигрантской биографии см. справку: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: В 5 кн. Кн.1: На грани эпох. Stanford, 1997. С.373.

⁶¹ Поэт Владимир Эльснер (1886–1964). Удачную его характеристику этих лет см.: *Тименчик Р.* «Остров искусств»: Документальная повесть // Дружба народов. 1989. №6. Ср. также комментарии А.Г.Терехова в

публ.: Второй номер журнала «Остров» // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С.349-350.

⁶² Александр Карлович Закржевский (1886–1916) – киевский прозаик и литературный критик.

⁶³ Об актерах труппы театра см. хронику газеты «Киевский театральный курьер» за 1909.

⁶⁴ Николай Александрович Попов (1879–1949) был не только режиссером, но и писал статьи в «Киевском театральном курьере» и других театральных изданиях. Рындина была знакома с ним еще до того, как стала служить в киевском театре.

⁶⁵ Роман французского писателя Клода Фаррера (наст. имя Фредерик Эдуар Баргон; 1879–1957).

⁶⁶ И.Джонсон – псевдоним киевского журналиста Ивана Васильевича Иванова (1867–1920). Его отзывы об игре Рындиной в «Киевских вестях» были неизменно доброжелательны.

⁶⁷ Этот пассаж дневника вносит некоторые уточнения в мемуары Рындиной, где она писала:

Театр Незлобина в Москве решил ставить переделку его <Сологуба> романа «Мелкий бес». Тут Федор Кузьмич оказал мне большую услугу, рекомендовав меня Незлобину на роль Дарьи, где надо было петь и танцевать. Я в то время играла в Киеве, и попасть в Москву, в такой театр, как Незлобина, было для меня большой радостью.

(Ушедшее. С.307).

Еще 30 августа 1909 Соколов писал Сологубу:

Лида служит этот сезон в киевском театре «Соловцов». Вот причина, почему Киев мне стал очень по дороге.

С очень чистым сердцем послал Вам телеграмму, поддерживая просьбу киевского театра относительно «Мелкого Беса». Театр действительно очень хороший, с прекрасно поставленной технической и театральной частью и с хорошею труппой. С этого сезона здесь главным режиссером Н.А.Попов, покинувший моск<овский> Малый театр и здесь имеющий неограниченные полномочия. Человек он тонко чувствующий и очень культурный, и за постановку, безусловно, можно не опасаться. <...> у меня есть к Вам огромная просьба, на которую я решаюсь, зная Ваше многолетнее доброе ко мне отношение. Здесь играет Лида... Ей дают роли, – и неплохие. Она много занята. Но когда жене Грифа приходится играть Гнедичей и Рышковых, нельзя не мечтать ей о роли в настоящей вещи. Вот теперь она спит и видит играть в Вашей пьесе. По обычному ходу вещей возможно, что ей там дадут роль, но возможно – и нет: она уже занята во многих пьесах, а постановка «Мелкого Беса» бу-

дет крупным событием, и актеры будут наперебой стремиться получить там роль. Вот почему я решаюсь просить Вас: черкните Николаю Александровичу Попову (Киев, театр Соловцов), что Вы желали бы, чтобы Лида (по сцене – Лидия Дмитриевна Рындина) была занята в Вашей пьесе. Она, как и я, глубоко любит Ваше творчество и, думаю, имеет много больше внутренних прав участвовать в Вашей пьесе, чем большинство ее товарищей по сцене.

Я не знаю, как расположились персонажи в переделке, и потому не могу очень говорить об определенной роли. Думаю все же, что Лиде шла бы роль одной из Рутитовых.

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.636. Л.42).

Премьера состоялась 7 ноября, причем Сологуб специально приехал на нее. Несколько позднее, 20 ноября, Соколов писал ему:

Лида очень усовершенствовалась в изображении Дарьи. Играла уже третий раз. Говорят, настолько ушла от первого, что прямо узнать нельзя. На третьем спектакле ее даже иные пытались вызывать. <...> Хочу Вам напомнить Ваше обещание написать о ней Незлобину. Сегодня я получил от Лиды письмо, что через несколько дней о ней будет писать Незлобину Попов, прося принять ее в труппу на будущий год – на жалованье рублей в 125. Поповские ей рекомендации как актрисе способной и развивающейся будут самые горячие. Было бы очень хорошо, если бы вслед за письмом Попова пришло и Ваше. Перед таким ударом Незлобин бы не устоял. Было бы очень важно, если б в Вашем письме Вы, говоря о желательности принятия Лиды на будущий год и о ее актерских данных, упомянули, как бы не зная об письме Попова к Незлобину, что Незлобин может ближайшим образом справиться о ней у Н.А.Попова. <...> Без Лиды мне очень тяжело, и жить или не жить нам вместе в будущем году, нам почти – быть или не быть.

(Там же. Л.43об.-44об.)

21 декабря 1909 Рындина писала Сологубу:

...спасибо <...> за Вашу готовность дать обо мне отзыв Незлобину. Я уже с ним лично говорила – почти все закончено – он пообещал. Я только одно хочу Вас попросить: если он будет Вас об этом спрашивать при свидании, замолвить за меня слово. Для меня это будет решающим. <...> Мне больно оттого, что Вы видели меня только в «Дарии», да и то 1-ый раз – последующие разы я многое переменяла и было много лучше. <...> Весной, если с Незлобиным будет решено, думаю ехать в Париж поучиться.

(Там же. Ед.хр.602).

Отметим, что Соколов старался поддерживать жену в ее артистической деятельности: сотрудничал в газете «Киевский театральный курьер»,

куда давал не только статьи, но и хронику (см. не учтенные библиографиями и скорее всего принадлежавшие Соколову известия о похоронах И.Ф.Анненского (Киевский театральный курьер. 1909. №440, 8 декабря) и грядущем выходе «Кипарисового ларца» (Там же. №445, 13 декабря)), а также отдал театру своей перевод пьесы Э.Скриба «Лестница славы».

⁶⁸ «Дурак» – пьеса Лео Фульды.

⁶⁹ См. отзыв: «недурна г-жа Рындина в роли Агаты» (*Лель*. <Б/назв.> // Там же. №430, 28 ноября).

⁷⁰ Речь идет об известном вечере «Остров искусств», состоявшемся в Киеве 29 ноября 1909. Подробнее об этом см.: *Тименчик Р.* «Остров искусств»: Документальная повесть. Рындина называет всех петербургских участников вечера.

⁷¹ М.А.Врубель находился в это время в психиатрической больнице.

⁷² Первая жена (1902–1907) А.Н.Толстого – Юлия Васильевна Рожанская, дочь самарского врача В.М.Рожанского. Его вторая жена (1907–1914) – художница Софья Исааковна Дымшиц (1886–1963).

⁷³ Речь идет о писательнице Ольге Дмитриевне Форш (1873–1961); художнице Александре Александровне Экстер (1882–1949); жене Ф.Сологуба, переводчице и литераторе Анастасии Николаевне Чеботаревской (1876–1921); киевском журналисте, известном теософе Евгении Михайловиче Кузьмине.

⁷⁴ 3 апреля 1910 Соколов сообщал Сологубу:

Находимся теперь в предотъездном состоянии. Решили двинуться в Четверг на 7 неделе <так!>. Поедем через Берлин, числа 23 будем в Италии. Очень я как-то устал за эту зиму. <...> Литка <так!> сегодня уже II раз играет Дарью. Здесь на I представлении «М<елкого> Беса» народу было много.

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.636. Л.48)

⁷⁵ Ср. также в открытке С.А.Соколова к А.А.Боровому от 9 июля 1910: «У Лидии с первого репетиции у Незлобина» (РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр. 670. Л.22).

⁷⁶ В это время (с осени 1910) Рындина играла в театре Незлобина роли Дарьи Рутиловой в «Мелком бесе», где ей приходилось петь (см. выше), Нини в «Обнаженной» А.Батайля, Фанни Эльснер в «Орленке» Э.Ростана, принцессы Эльзы в спектакле по пьесе Н.Панова «Оле-Лук-Ойе, или Андерсеновы сказки», Анаисы в «Как поживешь, так и прослынешь» («Дама с камелиями») А.Дюма-сына.

⁷⁷ Пьер Иванов – по-видимому, сотрудник журнала «Рампа и жизнь» Петр Васильевич Иванов; Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) – журналист, театральный критик, библиофил.

⁷⁸ В альбом Соколова и Рындиной вклеено неизданное восьмистишие С.М.Городецкого:

Лидии Рындиной

По этим ясным, с поволокою,
Синее воздуха, глазам
С какою нежностью глубокою
Грущу теперь по вечерам,
Когда в каналах город призрачный
Качает первый луч зари,
И хочется, в тоске несбыточной,
Сказать задумчиво: смотри!

III.<1>912

(РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.17. Л.17)

⁷⁹ В автобиографической заметке С.А.Соколов писал:

Избрал себе деятельность по проведению железнодорожных концессий и постройке новых железн<ых> дорог. Состоял секретарем и участником различных банковых и учредительских групп по разным железнодорож<о>жным проектам. Перед войной был директором правления Копорской жел<езной> дороги.

(Шевеленко И.Д. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д.Врангель. Stanford, 1995. С.116).

23 ноября 1913 он писал Андрею Белому:

Скажу несколько о себе. За последние годы, перевалив за 30 лет и убедившись, что литература не может и не хочет кормить меня ни в какой форме («Гриф» был всегда алтарем жертв, а не доходной статьей!), решил я сделать деловую карьеру и, как я говорил Вам, когда мы виделись, пустился в железнодорожные проекты, поставив себе целью стать директором железной дороги. Три года бился на этом поле, набил руку, сделал в соответственных кругах имя, и вот на днях становлюсь директором одной новой жел<езной> дороги. Пока она будет невелика (около 100 верст), но, во-первых, будет быстро развиваться, а во-вторых, я работаю в нескольких других железнодорожных проектах и, если что-либо из них выгорит, устрою и там. Во всяком случае, полагаю, что я на верном пути и моя деловая карьера обеспечена.

(РГБ. Ф.25. Карт.23. Ед.хр.2. Л.61об.).

25 февраля 1914 Соколов развивал сказанное:

У меня очень много берут теперь времени железнодорожные мои дела, в которых наметил и осуществляю я деловую линию моей жизни, тоже становлюсь строителем. Вы строите храм, я – железные дороги. Не сочтите сравнение одиозным. Меня просто занимает идентичность внешних моментов: у Вас постройка (камни, рабочие, цемент и т. д.), и у меня постройка (камни, рабочие, цемент и т. д.). Стал я директором железной дороги, раз

литература прочно отказалась меня кормить. И не жалею. Дорога, которую будем строить (к югу от Финского залива), пока маленькая (100 верст), но после вырастет, и еще работаю по нескольким железнодорожным проектам, из которых хоть что-нибудь, наверно, тоже превратится в реальное предприятие.

(Там же. Л.67об.-68).

⁸⁰ Об откликах критики на вторую книгу стихов Кречетова см. биографическую статью А.В.Лаврова о нем: Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С.150-151.

⁸¹ Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Из персональной истории русского картинизма. С.274-275.

⁸² Судя по всему, имеется в виду знаменитый актер МХТ Иван Михайлович Москвин (1874–1946).

⁸³ Микалоюс Константинас Чурлянис (Николай Константинович Чурленис, как его называли в России) скончался 28 марта (4 апреля) 1911. В имеющейся здесь в виду статье «Н.К.Чурлянис» С.К.Маковский писал: «Н<иколай> К<онстантинович> был помещен на излечение (на которое была надежда) в лечебницу для нервно-больных в Червоном Дворе под Варшавой. Здесь, 28 марта, он скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг и был похоронен в Вильне на кладбище “Роса”» (Аполлон. 1911. №5. С.28).

⁸⁴ Ср. в письме Рындиной к А.Н.Чеботаревской от 8 сентября 1911:

Живу сейчас ничего, мечтаю, когда все наладится и внешне и внутри – а то все еще как-то не налажено на зимний лад. Здесь ничего пока интересного нет. Приезду и жизни в Москве Толстых не радуюсь – с инцидента с Вами для меня они весь интерес потеряли, и дружить с ними я больше не могу. Уехали Зайцевы за границу – их отъезду я не опечалена – не очень я люблю ее, всем знаменитостям виснет на шее, хватает за неприличные места и говорит «ты». Ну вот, видите, какая я злая. Ну, не думайте, что я во всем так, о нет, я никогда не лгу, и пока любила ту же Веру Зайцеву, так не говорила, а сейчас я у них почти не бываю – не люблю их – вот пусть они дружат с Толстыми, кстати, он у них останавливался в последний приезд и жил там.

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. №252. Л.22-22об.)

Об инциденте между А.Н.Толстым и Сологубами см.: *Обатнина Е.Р.* От маскарада к третейскому суду: «Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М.Ремизова // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1993. Т.3. С.448-465.

⁸⁵ П.А.Соколов (?–1966) – брат Сергея Алексеевича, присяжный поверенный и нотариус. См. биографическую справку о нем: *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Биографический словарь. М., 2001. С.759.

⁸⁶ Письмо Рындиной Ч.И. фон Чинскому опубл.: *Богомолов Н.А.* Из персональной истории русского мартинизма. С.268. Письмо было переадресовано П.М.Казначееву, который, видимо, и был пришедшим к Рындиной «братом».

⁸⁷ Слова «мартинизм» и «орден» здесь и далее заменяются начальной буквой, за которой следует круг из точек.

⁸⁸ Французский мартинист, составитель мартинистского ритуала.

⁸⁹ Ленин (Игнатюк) Михаил Францевич (1880–1951) – известный драматический актер, играл в труппе В.Ф.Коммиссаржевской, в московском Малом театре. В Малаховском театре был не только актером, но и антрепренером.

⁹⁰ Ашкинази Зигфрид Григорьевич (1880–?) – журналист, художественный критик, корреспондент различных изданий (в том числе немецких) в Петербурге. См. биографическую справку о нем: *Серков А.И.* Русское масонство... С.74-75.

⁹¹ Калмаков Николай Константинович (1873–1955) – художник, в том числе и театральный. Ср.: «Особое значение придавал эротической символике, некоторые работы подписывал монограммой в виде стилизованного фаллоса» (*Лейкинц О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999. С.310). В марте 1913 в Петербурге проходила персональная выставка Калмакова. Как курьез отметим, что статью об одной из его смертных выставок написала Н.Лидарцева, ближайшая подруга Рындиной последних лет жизни.

⁹² Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич, барон (1886–1935) – известный театральный деятель, основатель «Старинного театра», издатель «Ежегодника Императорских театров», а также журнала «Столица и усадьба». Подробнее о нем см.: *Конечный А.М.* Блок и театральнo-литературные беседы («Среды») Н.В.Дризена // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1985. Вып. 657 (Блоковский сборник).

⁹³ Драма Ф.Сологуба. Ее обсуждение состоялось на «среде» Н.В.Дризена 5 декабря 1912, но, судя по собранным А.М.Конечным материалам, Рындина в обсуждении не участвовала.

⁹⁴ См. письмо Рындиной к А.Н.Чеботаревской от 23 февраля 1913 (датируется по почтовому штемпелю):

За многолетние хорошие отношения – за то, что не только я ничего дурного Вам сознательно не сделала, не говорила *никому никогда* на свете о Вас дурно, но даже и о Вас при себе не позволяла иначе говорить, как хорошо. Я задаю Вам вопрос, который даже приговоренные к полевому суду имеют право задать: *за что?* И что *«все»* Вы знаете. Фальшь мне так чужда, и я никогда *не лгу*. Сейчас это письмо пишу не для того, чтобы бывать у Вас –

я, когда меня и приглашают, не лезу со своими посещениями, а теперь... Да я и на днях уезжаю, а на будущий год в Петербурге не буду, верно, совсем. «За что», Анастасия Николаевна. И вот разбилась еще одна драгоценная лампада, ведь женщина не может быть ничем, кроме женщины – они все – «как все». Разве бы мужчина написал бы такое письмо, не спросив, не узнав, обвинил в чем-то, не сказав, в чем. И вот Вы, Анастасия Чеботаревская, жена Сологуба, – так поступили, а я маленькая актриска говорю – я ради дружбы отказалась раз в жизни от любимого человека, когда мне еще было 19 лет. И счастлива этим, и горда. И боль была ясная, чистая. И теперь теряюсь в догадках, за что – Ваше письмо. Мне жаль, что я Вас так любила, так верила Вам, когда я видела тени на Вашем лице, мне хотелось пасть пред Вами на колени. И Вы этому не поверили, а какая-то гнусная сплетня (что же другое?) все разбила. Прощайте – я никогда дурно о Вас не скажу, я верна, и в прошлом я очень Вас любила, и нельзя предавать старых богов – прежнюю веру. Что я думаю, я знаю одна...

Прощайте. Я даже не сержусь – все нужно в мире. Я просто ухожу. Лидия Рындина

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. №252. Л.28-28об.)

Ср. там же письмо от 26 февраля с дальнейшим выяснением отношений.

⁹⁵ Подробнее о Сергее Витальевиче Троцком (1880–1942) см. в предисловии А.В.Лаврова к публикации: *Троцкий С.В.* Воспоминания // Новое литературное обозрение. 1994. №10. С.41-44.

⁹⁶ Антошевский Иван Казимирович (1873–1917) – известный оккультист, автор статей о различных изводах оккультизма, составитель «Библиографии оккультизма» (СПб., 1910 и 1911), редактор-издатель журнала «Изида».

⁹⁷ О деятельности Григория Оттоновича Мебеса (1868–1930) см.: *Богомоллов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С.431-437; *Серков А.И.* История русского масонства 1846–1945. С.77-84 и др.

⁹⁸ Е.К.Лосская – секретарь руководителя русских мартинистов Ч.И. фон Чинского.

⁹⁹ Судя по всему, приблизительно к этому времени относится недатированное письмо Северянина к Рындиной:

Дорогая Лида!

Когда мы увидимся? – о, скорее бы! Может быть, сегодня? Вчера весь день провел с Сологубами, был в Екатерининском театре. Не переставал о Вас думать. И не перестаю. И не перестану. Да. Кратко и утвердительно. Меня к Вам влечет. Мне лазурно с Вами. Она омрачится, эта лазурь. Но какая же лазурь не омра-

чается?.. если, конечно, живая она?.. И небо. И море. И вновь – светло. Свет. Тьма. Свет. Жизнь – это!

Лида, призовите меня.

Игорь

(РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.10. Л.24).

¹⁰⁰ Спектакль по пьесе Э.Ростана, где Рындина играла роль Фанни Эльснер (фотографии ее в этой роли см.: Там же. Ед.хр.7. Л.1-3). В начале 1913 театр Незлобина держал фактически вторую труппу в Петербурге.

¹⁰¹ «Эрос и Психея» – спектакль по пьесе Г.Жулавского.

¹⁰² Отсылка к названию романа Сологуба «Творимая легенда».

¹⁰³ См. в недатированном письме Северянина:

События последних дней, все эти переживания – сделали со мною то, что я сегодня окончательно изнервничался, мне хочется забыться, побыть в полном одиночестве.

Я сегодня весь день лежу, никого не принимая, и страдаю, всей душою страдаю, моя дорогая, моя любимая Лида! Мне так нестерпимо тяжело, так больно и гадко, что ты не осудишь меня, если я к тебе не приду сегодня: мне надо отдохнуть, дорогая, надо привести мысли в порядок.

Около меня враги, около меня мелкие, чужие мне люди. Я запираюсь от них, я один в своей комнате.

Призови меня завтра, дай сегодня мне поправить себя.

Я скучаю, я тоскую, я болею.

Вчера все было скверно, я все сказал, как условились, она выслушала, не удивилась, была холодна, сдержанна, обещала все прекратить. Я видеть тебя хочу, но мученья мои ужасны. Понимаешь ли ты, как все правы и несчастны.

Прости, я не могу больше писать, я так истерзан. Ободри, ободри меня, Лида, – моя чуткая, способная все оправдать.

Приникаю к рукам твоим нежно и грустно – в изнеможении.

Игорь твой

(Там же. Ед.хр.10. Л.25-26).

¹⁰⁴ Надежда Александровна Ауслендер – жена прозаика и драматурга Сергея Абрамовича Ауслендера (1886–1937), сестра известного театрального критика и драматурга Е.А.Зноско-Боровского.

¹⁰⁵ Александр Тихонович (1864–1956) и Мария Григорьевна (1870-е – 1947) Гречаниновы.

¹⁰⁶ Поэт и прозаик Георгий Иванович Чулков (1879–1939) и его жена Надежда Григорьевна (урожд. Степанова; 1874–1961).

¹⁰⁷ Об отбывании Соколовым воинской повинности см. в его письме к Сологубу от 16 июня 1913. – ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.636. Л.94-95.

¹⁰⁸ Дмитрий Петрович Казначеев, сын П.М.Казначеева, специального делегата ордена мартинистов для средней России. Письма Рындиной к П.М.Казначееву широко использовались в упоминавшейся ранее нашей работе «Из персональной истории русского мартинизма».

¹⁰⁹ Сохранившиеся письма Северянина к Рындиной хранятся в РГАЛИ (Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.10). Из числа тех, которые можно было бы назвать «пламенными» (помимо приведенных ранее), сохранилось еще одно:

Дорогая Лида!

Я всегда был и буду твоим истинным другом; никогда тебя не обижал, не оскорблял даже мысленно; напротив – всегда и везде тебя защищал, даже гнев возбуждая в некоторых; когда тебя критиковали при мне, всегда горячо протестовал и возмущался.

Письмо твое меня страшно, необыкновенно поразило, и целую неделю я проходил в недоумении, сильно расстроенный.

Меньше всего видел и ценил в тебе женщину, несмотря на то, что ты очень красива и интересна. Всегда чувствовал глубину твоей души, ко-торую эти человечки не могут познать. И вдруг ты говоришь чудовищные фразы, что я плюю на тебя и тому подобное! В уме ли ты, Лида? Да на каком основании?! Все, что я делал, я делал искренно и вдохновенно. И не отрекаюсь, и не отрежусь. Это ты не поняла меня, это ты видишь в моих письмах то, чего нет в них и быть не может. Итак, напиши же скорее светлое письмо, все поняв и меня не осуждая, т. к., повторяю, я – хороший.

Игорь

(Там же. Л.27-28).

¹¹⁰ Доктор Папюс (наст. имя – Жерар Анкосс (Encausse); 1860–1916) – французский оккультист, великий мастер Верховного Совета ордена мартинистов. Письмо Рындиной к нему опубликовано: *Богомолов Н.А.* Из персональной истории русского мартинизма. С.281-283.

¹¹¹ Имеются в виду антрепренеры Малаховского театра актеры Малого театра С.А.Головин и П.Муратов (третьим был М.Ф.Ленин). Отметим, что С.А.Соколов регулярно давал обзоры спектаклей театра в журнале «Рампа и жизнь» (1913. №29-31; упомянем также хронику 1914 года с упоминанием об игре Рындиной: 1914. №21-26, 28-30).

¹¹² Речь идет о замысле книги «Фаворитки рока» (Берлин, 1923).

¹¹³ Федор Адамович Корш (1850–1923) – театральный деятель.

¹¹⁴ К этому времени относится письмо Северянина от 31 октября:

Ты, Лидочка, не думай, если я долго молчал, что я забыл тебя: ты чудесно знаешь, что я тебя никогда не забываю и каждый день вспоминаю тебя, и это мне приятно. А не писал давно оттого, что просто трудно было собраться как-то. Со дня на день все откладывал. Завтра же я высылаю Серг<ею> Ал<ексеевичу> «Златоли-

ру», и вот о чем мне хотелось тебя спросить: желаешь ли ты, чтобы я написал: «Посвящается Л.Д.Рындиной», или же: «Лиде», или: «Нефтис моей». Это я говорю о всей книге.

Что же касается поэзы «Одно из двух», она не войдет в этот сборник вовсе, по той причине, что сначала (в марте) она будет помещена в III альм<анахе> «Сирин» и, следовательно, печатать ее раньше ее появления в названном издательстве я не могу. Таким образом, моя Лидуся, ты войдешь в мой третий том («Виктория Региа»). Я рад, что ты прочла «Гашиш Нефтис», но – нравится ли тебе?..

О Сологубах ты, конечно, уже все слышала. В свою очередь могу сказать, что инициатором нашей размолвки я себя отнюдь не считаю; не поехал по следующим причинам: 1) болезнь мамы, 2) неполучение аванса, 3) «бесписьменность», 3) <так!> угрозный тон телеграмм его и ее: они угрожали... прекращением знакомства! Что же! я и прекратил знакомство с ними. Не жалею – слишком возмущен. Заискивать не рожден. И ведь не акмеист же какой-нибудь, наконец, я! Против него ничего не имею: он действовал под давлением. Ею прямо-таки возмущен. И давно уже. Короче: я доволен своему «освобождению». Я ликую, Лида! Пусть они не забывают, эти Сологубы, что они «только Сологубы»... не более. Воображаю ее «самочувствие». На письма ее не отвечаю. Лида, Лидия! ты отомщена! И уже давно все шло к этому. За тебя мстить – сладостно! Но высшая месть – тебе весь сборник!

Грозьво целую тебя, тобою проникнутый. Твое биение и во мне. Вечно. Неизгладимо. Твой.

Возможно, что приеду после 15-го ноября в «Эстетику» (судя по словам Брюсова и Шершеневича). Вскоре решится. Пиши скорее, не забывай. Пиши по поводу посвящения немедленно. Завтра высылаю сборник без посвящения. Получив от тебя инструкции, пришлю отдельный лист с посвящением. Ну, дорогая, будь благостна. Игорь твой

(РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.10. Л.10-11об.)

Сборник «Златолира. Поэзы. Книга вторая» (М.: Гриф, 1914) имел посвящение: «Лидии Рындиной посвящается автором эта книга». Стихотворение «Одно из двух» см.: *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. СПб., 1995. Т.1. С.527; «Гашиш Нефтис»: Там же. С.317. Рындиной также были посвящены одно из самых популярных стихотворений Северянина «Качалка грезэрки» (1911) и «Рондо» («Читать тебе себя в лимонном будуаре...»)

¹¹⁵ Подробнее см. примеч. 79.

¹¹⁶ Один из самых нашумевших спектаклей театра Незлобина по пьесе С.А.Ауслендера (премьера состоялась 3 ноября 1913). Рындина игра-

ла роль княгини Анны. Ее фотографии в этой роли см.: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.5. Л.11-17; рисунок Челли был опубликован: Рампа и жизнь. 1913. №48. С.9 (в том же номере – рецензия Ю.Соболева). Помимо этого, Рындина снялась в фильме по этой пьесе.

¹¹⁷ Нелидов Анатолий Павлович (1879–1949) – драматический актер театра Незлобина и Малаховского театра.

¹¹⁸ А.Д.Расторгуев – помощник присяжного поверенного, попечитель Рогожского 7-го городского училища. Его запись в альбоме Рындиной (РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.17) – начальная строка стихотворения М.Кузмина «Отраднo улетать в стремительном вагоне...».

¹¹⁹ См. примеч. 114.

¹²⁰ Такой художник нам неизвестен. В справочнике «Вся Москва» фигурирует только Александр Леонтьевич фон Беккерат, член Попечительского совета Комиссаровского технического училища и Московского Коммерческого Государственного банка.

¹²¹ Бронислава Ивановна Рутковская (1880–1969), в то время – ведущая актриса театра Незлобина.

¹²² О жизни Н.И.Петровской в Варшаве С.А.Соколов сообщал Андрею Белому 23 ноября 1913:

Нина года два была за границей, почти умирала, долго лечилась в Мюнхене, теперь почти выздоровела и временно в Варшаве (Брюловская гостиница), в Москву возвращаться не хочет, – вероятно, опять уедет за границу. Душа у нее больная и печальная. Ее я люблю как нежный и верный друг и вытягиваю всячески из всех бед. С В<алерием> Я<ковлевичем> она порвала давно и бесповоротно. Я виделся с ней месяц назад. О Вас она вспоминает с нежным и хорошим чувством.

(РГБ. Ф.25. Карт.26. Ед.хр.2. Л.63-63об.)

25 февраля 1914 он дополнял:

Адрес Нины для писем сейчас: Варшава. Гурная 8, кв. Брылкиных. <...> Она почти 3 года вне Москвы, сперва за границей, где перенесла тяжелую и многомесячную болезнь, с осени – в Варшаве. К весне, вероятно, опять уедет за границу. Вы ей напишите, – она будет очень счастлива, – Вас всегда поминает добром и с нежной симпатией. У ней были очень тяжелые душевные потрясения. Хорошо лишь то, что теперь она совершенно излечилась душой от власти Брюсова и давно порвала с ним абсолютно.

(Там же. Л. 68-68об.)

¹²³ Чеслав Иосифович фон Чинский – верховный делегат ордена мартинистов для России, оккультист. Был обвинен во многих прегрешениях (см. брошюру: Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1912) и последние годы жизни провел в Польше.

¹²⁴ Биск Александр Акимович (1883–1973) – поэт, переводчик Рильке. См. о нем: *Азадовский К.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Т.1. С.95-141.

¹²⁵ Речь идет о работе над биографическим очерком, вошедшим в книгу «Фаворитки рока» (см.: *Рындина Л.* Жрицы любви. М., 1990. С.60-69).

¹²⁶ Запись сделана карандашом.

¹²⁷ С.А.Соколов описал свое пребывание на фронте в книге «С железом в руках, с крестом в сердце: Записки офицера» (Пг., 1915), а в автобиографии рассказывал:

Пошел на войну добровольцем, по убеждению. (По должности директора жел<езной> дороги призыву не подлежал.) Пошел на войну в качестве прапорщика запаса полевой легкой артиллерии. Состоял в 53 Артил<лерийской> бригаде, частью на батарее (командовал взводом), частью начальником команды ординарцев и разведчиков при Командире бригады. На фронте был безотлучно около года. Участвовал в двух походах на Вост<очную> Пруссию и во многих боях. Имеет знаки отличия: Анну «за храбрость» и Станислава III ст<епени>.

(*Шевеленко И.Д.* Материалы о русской эмиграции... С.116).

¹²⁸ О своей судьбе Кречетов писал: «...до лета 1918 я был в немец<ом> плену. В августе 18-го я был прислан немцами, после Бреста, в Москву, откуда через месяц во образе солдата и с соот<ветствующими> документами удрал на Юг» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин... С.234). В более подробном изложении:

Весною <19>15 года при отступлении 20<-го> корпуса из Вост<очной> Пруссии, при гибели остатков корпуса в Августовских лесах, был тяжело ранен шрапнелью в голову (с раздроблением скулы и трещиной в челюсти) и взят в плен германцами. Закончил свою военную деятельность в чине поручика. Был представлен (уже из плена) к награждению орденом Св. Владимира III ст<епени> с мечами и бантом за последние многодневные бои. <...> В плену находился 3 с половиной года.

(*Шевеленко И.Д.* Материалы о русской эмиграции... С.116-117).

¹²⁹ О работе Рындиной в кино см. в публикуемых нами ее некрологах.

¹³⁰ Судя по всему, речь идет об известном авантюристе, друге Распутина князе Михаиле Михайловиче Андроникове (1875–1919).

¹³¹ Александр Толмачев, поэт круга эгофутуристов, печатался в журнале «Очарованный странник» и, вместе с Северяниным, в альманахе «Винтик» (1915). Ранние письма Рындиной Северянин по ее просьбе уничтожил. Другие нам неизвестны. Последнее из сохранившихся писем его к Рындиной относится к январю 1915.

¹³² И.И.Мозжухин (1888–1939) – известный актер русского немого кино.

Как и мое знакомство, мой брак с Грифом был не совсем обычным. Когда закончился его развод с Ниной Петровской, мы решили повенчаться. Тут стали возникать разные трудности. Как полагается мужчине, Гриф взял вину на себя, что официально налагало запрет венчаться вновь три года. Обычно этот закон обходили просто: венчались за определенную мзду где-нибудь под Москвой. Был даже известен сговорчивый на этот счет священник. На нашу беду, про него прознали власти, и как раз в это время его уж не помню как, но строго наказали. Это, конечно, напугало и других священников в округе. Найти кого-либо, согласного нас венчать, мы никак не могли. Между тем, вполне уверенная в удаче, я просила моих родителей приехать к венцу, положив гнев на милость <так!>. Прибыло мое приданое: белье, серебро, посуда, приехали и сами родители, а тут такие неудачи. Отчаявшись найти подходящего священника в окрестностях, Гриф решил искать кого-либо в самой Москве. Что тоже удалось не сразу, но надежды мы все же не теряли.

Однажды Гриф со своим другом, поэтом Александром Кондратьевым, уехали на поиски, а я с родителями сидела дома, ожидая их возвращения с хорошими или дурными вестями. Вдруг звонок по телефону: «Наладил, находи шаферов, приезжай, откладывать нельзя, нужно венчаться сейчас же. Я уже в церкви и жду». К моему удивлению, адрес указанной им церкви был в центре города. Оказывается, Гриф уговорил венчать его своего бывшего законоучителя и для большей убедительности во время уговоров усиленно угощал его вином. Я вызвала по телефону Александра Брюсова (брата Валерия) и брата Грифа Павла Алексеевича Соколова с его другом Рождественским, надела свое летнее белое платье и, по настоянию мамы, фату и

* Фрагменты «Невозвратных дней», не вошедшие в основной текст мемуаров. Печатаются по авторизованной машинописи, подаренной, как следует из записи И.С.Зильберштейна, ему Н.Я.Лидарцевой (Сахар) в 1966. В архивной единице хранения (РГАЛИ. Ф.2074. Оп.2. Ед.хр.9) находятся машинописный текст воспоминаний, подвергшийся при печати лишь небольшой стилистической правке и незначительным сокращениям, а также варианты текста. Следующий в нашем приложении под номером 1 отрывок (Л.30-31), предшествует фрагменту о Ф.Сологубе; второй фрагмент представляется совершенно самостоятельным (Л.39-45), третий (Л.58-59) занимает место между фрагментами о поэтессе Л.Столице и Вяч. Иванове в основном тексте. Не публикуется здесь рукописный фрагмент о русском театре, не представляющий, на наш взгляд, особой ценности для историков.

флер д'оранж. Слабо гармонировали чудесная фата и цветы с простым летним платьем. И фату, и флер д'оранж нацеплял в спешке на меня Павел Алексеевич и, надо сказать, не особенно ловко, какими-то рогами. Так я рогатая и венчалась. В церкви нас встретил совершенно пьяный священник с дьячком. Когда мы вошли, двери церкви были тотчас же заперты на замок и началось венчание.

Пьяный голос священника, гнусавый дьячка – мало походило это на торжественный обряд, о котором я когда-то мечтала. Мне было не по себе, смешно и досадно. Я посмотрела на стоящего со мной рядом Грифа, который как раз как-то поспешно ступил на розовый атлас, заботливо положенный матерью. Я вспомнила поверье, что тот, кто вступит первым на него, будет главенствовать в семейной жизни. Я обернулась к родителям – мать с нежностью смотрела на меня, а взгляд отца был устремлен на иконостас, и по его щеке медленно текла слеза, он молился. И вдруг я почувствовала, что в моей жизни совершается что-то очень важное и большое. Ушла вся неприглядная, внешняя сторона моей свадьбы, я больше не замечала ее. Слова обряда стали для меня значительными. А когда, соединив наши руки, священник обводил нас вокруг аналоя, я поняла, что это наш союз с Грифом на всю жизнь.

Трудно сказать почему, но хотя я жила в Москве, а в Петербурге бывала только наездами, его литературный мир был мне, пожалуй, ближе московского.

Я не принадлежу к счастливым, которые, появившись на подмостках сцены, сразу завоевали себе хорошее положение и были признаны талантливыми. Когда я как любительница играла в благотворительных спектаклях в Варшаве, мне говорили о моем огромном таланте, сравнивали с Коммиссаржевской и т. д. Оказавшись среди настоящих артистов, моя самоуверенность пропала и мой страх публики прямо парализовал меня.

Я стала серьезно работать. Я брала уроки драматического искусства, пластики, танца, пения. Не быстро, но я стала овладевать сценой. Начала уже неплохо играть небольшие роли. Сначала в театре Корша, потом в Киеве у Дуван-Торцова и наконец попала в театр Незлобина, в Москву. Тут я играла маленькие роли, часто с пением и танцами, но более крупных ролей мне не давали. Веры в то, что я их смогу сыграть, не было. Для того чтобы перейти на них, мне предлагали ехать в провинцию, но это означало разлуку с Грифом, и неизвестно, на какой

срок. Удастся ли снова попасть в московский театр? Были моменты, когда я уже сама теряла веру в свои силы, в свое дарование.

Стать на настоящую дорогу и получить веру в себя мне помогли три человека: петербургский театральный критик Юрий Беляев, артистка Художественного театра Мария Александровна Самарова и Незлобин.

У нас в театре Незлобина шла одноактная пьеса Юрия Беляева «Красный кабачок». В нем на сцене было четыре актрисы, из них самую маленькую роль дали мне. Как умела, я ее играла.

Некоторое время спустя театр Незлобина принял к постановке пьесу Юрия Беляева «Псиша». С Юрием Беляевым я не была тогда знакома, видела его на репетициях, но ко мне он не подходил и никакого внимания с его стороны я не замечала. Вдруг меня вызвал в свой кабинет Незлобин. Там же был и наш режиссер Федор Федорович Коммиссаржевский. «Рындина, Юрий Беляев хочет, чтобы одну из главных ролей в “Псише” играли вы. Так как он настаивает, отказать ему я не могу. Но я и Федор Федорович считаем, что вы с этой ролью не справитесь, вы не владеете бытовым тоном, и мы советуем вам отказаться от этой роли». У меня закружилась голова – наконец большая ответственная роль! Я собралась с духом: «Нет, Константин Николаевич, я не откажусь». – «Как хотите, я считаю, что это было бы лучше для вас. Ведь если по ходу репетиций мы увидим, что вы не справляетесь, мы у вас ее возьмем. Мы не можем рисковать успехом пьесы. Для вашего самолюбия это будет хуже». Но я на все убеждения Незлобина и Коммиссаржевского не сдавалась и отказаться не согласилась. «Ваше дело, вам же будет хуже...» С таким малоободряющим напутствием я вышла из кабинета и поехала домой. Дома я все рассказала мужу. Он стал убеждать меня отказаться, считая, что нет данных мне овладеть этой ролью. Я и тут не сдалась.

На другой день я кинулась к Самаровой: «Мария Александровна, я должна хорошо сыграть эту роль, спасите меня, помогите!» И вот пожилая, работавшая в своем театре Самарова стала работать со мной. Иной раз днем, а иной и ночью, после спектакля. Когда я как-то предложила ей увеличенную плату, она меня чуть не выгнала: «Да как ты смеешь! Я, старая, усталая, даю тебе свою душу, а ты...» Милая Мария Александровна, нужно было так бескорыстно любить актера и искусство, чтобы так работать со мной, как она работала.

А сколько слез, волнения, бессонных ночей стоила мне эта роль. Шли репетиции, роль от меня не отбирали, но я все еще боялась поверить своей удаче, даже когда шили костюм на меня. На предпо-

следней репетиции, проверочной, я стояла перед выходом в кулисах, ко мне подошел Незлобин и, ласково положив руку на мое плечо, сказал: «Не волнуйтесь, и Федор Федорович, и я вами очень довольны, а теперь больше смелости!» Так, большой работой с помощью прекрасной артистки русского театра я перешла на хорошие роли. Память о самопожертвовании Марии Александровны я сохранила на всю жизнь.

Как-то, когда я была с гастролировавшей в Петербурге труппой Незлобина, меня приехал навестить мой муж из Москвы. В один из вечеров, когда я играла, он пошел к Сологубам. Вернувшись, он мне сказал: «Знаешь, кого я у них встретил? Футуриста Игоря Северянина. Занятный тип! Он читал свои стихи. Федор Кузьмич считает его талантливым, мне тоже показалось, что у него есть дарование. Я предложил ему принести мне для просмотра все его стихи, просмотрю, что годится для печати, может быть, и издам». Через несколько дней у нас был Игорь Северянин. Гриф отобрал из вороха принесенных стихов то, что считал интересным, и издал его первую книгу «Громокипящий кубок». Книга имела успех и сразу пошла. Гриф же издал и вторую книгу «Златолира». Книгу эту Северянин посвятил мне. Но она была много слабей первой. Северянин уже почувствовал почву и, не слушая советов Грифа, включил в нее много очень слабых стихов.

У меня с Северяниным были вначале очень дружеские отношения. Он терпеливо принимал мою критику его стихов, в которых часто упоминались неправильно и некстати слова иностранных языков, которых он не знал. Я даже выступала на нескольких его «поэзо-вечерах», где я (следуя тогдашней моде надевать на вечера цветные парики) надевала лиловый парик.

Но со временем росло его самомнение, и меня возмущало в нем отсутствие культуры и самокритики. Я отказалась выступать на его «поэзо-вечерах». Это его очень обидело, и мы перестали встречаться. Мне жалко его дарования, которое он не сумел осилить. Быстро взлетев, он так же быстро пошел вниз. Последние его книги прошли совсем незаметно.

В жизни почти всех людей нашего полного событий и тревог времени есть местности, с которыми связаны самые яркие и разнородные воспоминания. Для меня такой местностью был Крым. Первая моя встреча с ним была ясной, радостной и, я бы сказала, сказочной.

Среди московских писателей Грифа и меня связывала всю жизнь дружба с Борисом Зайцевым и его женой Верой. Как-то Гриф в одной из своих статей писал о нем: «Человек с трогательно нежной душой и чистым, одухотворенным талантом, спокойный, задумчивый и глубоко-

кий». Рядом с таким спокойным Борисом Зайцевым была всегда его жена, бурная, резкая, но такая чуткая ко всему ценному, бесконечно сердечная Вера. Зайцев не принадлежал к школе символистов, но умел понять и приять <так!> и это течение литературы.

Как-то весной Зайцевы и мы с Грифом решили вместе поехать в Крым. Это была моя первая встреча с ним. Много прекрасных строк посвятили поэты и писатели Крыму. Да и есть чему! Блестящий век античных греческих колоний, крепости генуэзцев, затворнический, пышный век татарской эпохи, уют татарских сакль и пещерные монастыри православия. Нет, кажется, эпохи, которая бы не оставила следов на этом чудесном, благодатном клочке земли. Маршрут наш был – Бахчисарай, Байдарские ворота и Алушка. И у Зайцевых, и у нас с Грифом в тот момент денежные возможности были очень ограничены. Но это обстоятельство нас никак не удручало, мы были на редкость счастливые пары. Мы были молоды, мы любили. Борис Зайцев с женой и Гриф умели видеть все ценное, что было на нашем пути. Мы осматривали весь Бахчисарай с его своеобразными улочками и мечетями, ханским дворцом и фонтаном слез, вдохновившим Пушкина. Мы всходили на гору в мертвый город-крепость Чуфут-Кале к гробнице дочери Тохтамыш-хана, смотрели в окошко на вертящихся дервишей. Мы пили кофе в простых татарских кофейнях, ели в скромных ресторанах. Но никогда после в жизни я не пила такого чудесного розового вина и не ела таких вкусных чебурек. Отъезжая от Бахчисарая, видели пещерный Успенский монастырь, прилепившийся к скалам.

После снежной бури и холода у Байдарских ворот нам открылся вид на цветущий южный берег Крыма и море. А дальше была Алушка, осмотр дачи Чехова, овеванной тихой грустью, и счастливые дни на берегу Черного моря. Сейчас, после ряда лет горя и ужасов пережитого, так радостно вспомнить эти безоблачные, счастливые дни молодости.

Борису Зайцеву с Верой Алексеевной дано было судьбой жить вместе до пожилых лет, я была лишена этой радости. Гриф рано ушел из жизни. Но вся наша жизнь коротка, и вспоминаются строки моего любимого поэта Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностию – были!

Как хорошо, что Зайцев так понял, так почувствовал этого поэта и написал свою чудесную книгу «Жуковский».

Как киноартистка я провела потом ряд лет в Крыму. Пережила там много и хорошего, и тяжелого, знаю его и по-своему люблю. Но таких радостных, безоблачных дней я там уже не знала. Может, потому, что было это в годы конца первой войны и начала революции. Какая личная удача и успех могли по-настоящему радовать, когда вокруг было столько тяжелого. В эти бурные годы часто встречала я поэта Макса Волошина, много раз дружески беседовала с ним, вспоминая пророческие строки из его стихотворения «Ангел мщения», написанные им в годы после японской войны:

Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам,
Устами каждого воскликну я: «Свобода!»,
Но разный смысл я каждому придам.

Я спрашивала его: «Ну, что же дальше будет, Макс Александрович?» И, запахивая свой темный плащ, он мне мрачно сказал: «Не знаю. Сейчас жизнь превзошла фантазию человека».

Что это действительно так, я вскоре убедилась. Как-то в это сумбурное время я оказалась с киносъемками в Феодосии. Встретившийся там со мной Волошин потащил меня на базар: «Идем, идем, – там, где триста лет назад продавали рабов, снова продают невольниц». И правда, на живописном феодосийском базаре я увидела группу девушек восточного типа (уж не помню, кем приведенных с Кавказа), тут же среди них прогуливались татары, выбиравшие себе среди них жен. Девушки не производили тяжелого впечатления, очень скромно одетые, они переговаривались друг с другом. В эти дни, когда рушилось все привычное, никакой твердой власти еще не было, все казалось возможным и ничто не поражало. Я смотрела с интересом, но без изумления на этот своеобразный торг. Волошин как поэт переживал мистическую повторность событий. Он в это время увлекался живописью, писал горы и скалы близ Феодосии. Его вещи были интересны, несомненно, у него было дарование художника, только чувствовалось некоторое влияние Богаевского. Читал он мне тогда и свои стихи о России. Хорошие, но такие жестокие. С большой любовью к родине, но далеко не прославляющие революцию:

О Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.

В своем Коктебеле закончил свои дни поэт, мистик и до конца искренний русский человек Максимилиан Александрович Волошин.

<3>

Оглядываясь на свою жизнь и работу в Москве, мне кажется, что одно недооцененное русской литературой сословие – это московское купечество. Итальянская эпоха Возрождения была многим обязана флорентинским купцам Медичи. Русская начавшаяся эпоха Возрождения, так называемый «серебряный век», не успел себя проявить окончательно из-за начавшейся войны и революции. История московского купечества дореволюционного периода еще ищет своего историка. За эту задачу не имею права взяться, она мне не по плечу. Я могу только назвать и помянуть те имена, с которыми меня столкнула жизнь и работа, но и их немало. Третьяковская галерея с ее произведениями, музей новой живописи Сергея Ивановича Щукина, театральный музей А.А.Бахрушина, художественный журнал «Золотое руно», издаваемый Николаем Павловичем Рябушинским, издательство «Скорпион», издаваемый <так!> Поляковым, опера Зимина, опера Саввы Ивановича Мамонтова, Савва Тимофеевич Морозов, поддерживавший матерьяльно Художественный театр, и душа этого театра К.С.Станиславский из купеческой семьи Алексеевых. Театр, в котором я выросла актрисой, К.Н.Незлобина. Константин Николаевич Незлобин был из семьи Алябьевых. Идя на сцену против воли своей семьи, он был лишен наследства и матерьяльной поддержки последней. Он жил на скромное актерское жалование. Только женитьба на Аполлинару Ивановне Морозовой, тоже обожавшей театр, дала ему возможность выйти из нужды и начать свою антрепренерскую деятельность. Это он, увидев молодую начинающую актрису в дачном театре под Петербургом, пригласил ее в свою антрепризу в Вильну и дал возможность развернуться ее таланту. Это было начало блестящей карьеры Веры Федоровны Коммиссаржевской.

Тип купца невежды, самодура и пьяницы, который мы часто встречаем в литературе, конечно, попадался, но почти нигде мы не читаем о том купечестве, что сделало Москву центром художественной, литературной и артистической жизни. Невольно напрашивается мысль, что все зависит, с какой стороны и с какой точки зрения смотреть на людей. Волей судьбы уже во время революции я в Севастополе провела целую неделю в обществе хора Яровских цыган. С большим интересом наблюдала я их жизнь, их нравы, их интересы и слушала их рассказы.

Но после недели в их обществе мне показалось, что я сошла с ума. Кто только из великих мира, приехав в Москву, не ездил послушать лучший цыганский хор – Яровский! Монархи, министры, ученые, писатели, артисты, – всех и вся знали Яровские цыгане, о всех они имели свое особое, ни на кого не похожее мнение, о всех они мне рассказывали.

«Ну, этот все норовит на стол вскочить и танцевать!» – говорили они про одного серьезного министра. «Этот плачет и подпевать хочет», – про иностранного монарха говорили. Про всеми уважаемого ученого говорили: «Ну, этот совсем никудышный, хохочет и целоваться лезет, только петь мешает!» Да, многих видели и знали Яровские цыгане, но почти всех они знали в пьяном или полупьяном виде. Слушая их рассказы да еще под звуки ружейных и пушечных выстрелов, доносившихся с моря, мне казалось, что весь мир охвачен безумьем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПИСЬМА Б.К.ЗАЙЦЕВА К Л.Д.РЫНДИНОЙ*

1

4.IV.<19>57

Милая Лида, поздравляем (Вера тоже, и все напоминала мне, чтоб я не забыл!) тебя с днем Ангела, от всего сердца. Дай Бог тебе мира и здоровья. Нас осталось так мало! Но молодость и добрые чувства не забываются. Обнимаю тебя братски. Вера дремлет сейчас – мы с француженкой покормили ее, и это ее тихий час. Я выбрал минуту и пишу.

Целую тебя. Твой всегда

Борис

Норе привет.

2

22.XI <6/г>

Дорогая Лида, твой рассказ пойдет в Рождественск<ом> номере. Как живешь? Вера была больна – ослабление деят<ельности> сердца. Лежала недели две, теперь выходит, но надо беречься. Делали

* РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Ед.хр.11.

разные впрыскивания. Принимает и до сих пор укрепляющие. Я пока что хожу, вижу и слышу.

Привет от меня быстрой Норе. Скажи ей, что «Терезу Ракэн» написал Золя, а не Мопассан, как она думает. – Но это ничего. Впрочем поправили мы с Гордоншей (в типографии). – Обeim Вам дружеский привет.

Твой Борис

3

9.I.<19>59

Дорогая Лида,

целуем тебя оба, поздравляем, спасибо, что не забываешь о престарелых друзьях. Дай тебе Бог мира и света, бодрости в одинокой жизни.

С любовью

Борис и Вера
Зайцевы

Грифа часто, часто вспоминаю. Как далека уже наша молодость!
Привет Норе.

4

2.IV.<19>59

Дорогая моя Лидия, оба мы сердечно приветствуем тебя со днем Ангела, очень жалею, что не смог в этот день навестить тебя и поздравить. Вера тебя крепко обнимает и целует. Я также.

Дружески твой

Бор. Зайцев

P.S. Посылаю тебе «Жуковского». Извини, что экземпляр не совсем в порядке (брошюровка), но другого нет.

«МЫ НЕ ЧУЖИЕ ДРУГ ДРУГУ...»

Письма К.Д.Бальмонта к Л.Н.Вилькиной

Публикация и комментарии П.В.Куприяновского и

М.М.Павловой

Предисловие М.М.Павловой

Письма К.Д.Бальмонта к Л.Н.Вилькиной не раз привлекали внимание исследователей, ссылки на них можно встретить в комментариях и статьях, относящихся к творчеству поэта¹. В полном объеме эти документы до настоящего времени не опубликованы. Сохранились 25 писем и две недатированных записки Бальмонта к Вилькиной за 1897–1906². Ответными письмами мы не располагаем, за исключением двух недатированных, находящихся в тетради с копиями писем поэтессы к лицам, с которыми в разные годы ее связывали интимно-дружеские отношения³.

Знакомство Бальмонта и Вилькиной состоялось, вероятно, в середине 1890-х, после того, как она стала женой Н.М.Минского. Минский принимал деятельное участие в «Северном вестнике» (с осени 1895 – секретарь редакции), к сотрудничеству в котором был привлечен и Бальмонт, хотя его публикации в журнале были немногочисленны⁴. Поэты поддерживали деловую переписку; Бальмонт информировал Минского о своих литературных занятиях и творческих планах. «Взялся опять за Шелли, перевожу “Прометея”, перевел, кроме того, кое-что из мелких его стихотворений», – сообщал он 27 февраля 1893⁵; в декабре

¹ См., например: Лит. наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.454-455; Там же. Т.98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. Кн.1. С.92; «Меня интересуют только женские души...» / Публ. П.В.Куприяновского // Вольное слово (Иваново). 1992. 29 июня – 5 июля; *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. М., 2001. С.105.

² Мы не учли письмо, ошибочно приписанное Бальмонту, процитированное со ссылкой на архивную папку с письмами Бальмонта к Вилькиной в кн.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт... С.192. Письмо это, от 5 ноября 1905, принадлежит Н.А.Бердяеву, см.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.819. Л.2. Текст самого раннего недатированного письма Бальмонта к Вилькиной приведен не в общей подборке, а в предисловии.

³ См.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.791. Л.4об., 6.

⁴ См.: *Куприяновский П.В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // Русская, советская поэзия и стиховедение. М., 1969. С.129-131.

⁵ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.157. Л.1.

того же года: «Получили ли Вы 2-ой выпуск Шелли?⁶ Мы погибаем в Москве от работы по 12-и часов в сутки, а потом стонем. Написал я целую серию стихов (своих) и в январе приступаю к печатанию их отдельной книгой⁷; весной 1893: «Продолжаю обитать в кристалльных дворцах английской поэзии. Параллельно изучаю декадентов, которых собираюсь “разделать под орех” в “Русских ведомостях”. Метерлинк возмущает меня в глубине души, и я не вижу в нем ничего, кроме бессмыслицы и шарлатанства. Крайне любопытно, что вы ухитрились из него перевести. Кстати, у нас (т. е. в Москве, в том кружке, который Вы знаете), Вы губите себя своими сонетами. Публика находит в них именно полное декадентство»⁸ и т. д.

В этом же письме Бальмонт сообщал Минскому о том, что на вечере у графа А.И.Урусова⁹ познакомился с Екатериной Алексеевной Андреевой. В 1896, после разрыва с Ларисой Михайловной (урожд. Горелиной), поэт женился вторично. Осень 1896 – весну 1897 он и Е.А.Андреева провели в путешествии по Европе: побывали во Франции, Испании, Голландии, Англии (в Оксфорде Бальмонт читал лекции), Италии.

Ко времени поездки по Европе относится самое раннее (недатированное) письмо Бальмонта к Бэле (сокращенное от Изабелла). Письмо отправлено из Брюсселя: на открытке изображен фонтан – скульптура мальчика, ставшего символом бельгийской столицы. Бальмонт сделал шуточные надписи на обеих сторонах открытки. На лицевой: «Всем в детстве много обещавшим юношам и никому в особенности» и на обороте:

В двенадцать лет известный лирик,
В тринадцать лет большой сатирик,
А в двадцать лет – в носу ковырик.¹⁰

Посылая открытку с родины Мориса Метерлинка, переводы произведений которого принесли Вилькиной известность в модернистских кругах (впоследствии неоднократно переиздавались), поэт, возможно, хотел напомнить ей о себе и своем внимании к ее литературной работе.

⁶ Имеется в виду издание: Сочинения Шелли / Пер. К.Д.Бальмонта. Вып.2. СПб., 1895.

⁷ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.157. Л.4. Имеется в виду стихотворный сборник Бальмонта «Под северным небом» (СПб., 1894).

⁸ Опубл.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт... С.58 (цитируется с датой: июль 1893). Речь идет о переводах драм Метерлинка, выполненных Минским: «Слепые» (опубл.: Северный вестник. 1894. №5), «Аглавена и Селизета» (Там же. 1895. №2). Статья Бальмонта в «Русских ведомостях» не появилась.

⁹ Письмо датируется нами по содержанию: вечер по случаю 50-летия графа Урусова состоялся 2 апреля 1893 (см.: *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1996. С.304).

¹⁰ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.157. Л.57.

Осенью 1897 Бальмонт вернулся в Россию. В декабре он послал Вилькиной письмо, в котором признавался в своем романтическом устремлении в Петербург, и стихотворение «Звезда звезде» («Мне звезды рассказали: “Любви на свете нет”...»)¹¹. Зимой 1898–1899 гг. Бальмонты провели в столице, где часто встречались с Минскими в общем для них литературном кругу, бывали в их салоне на Английской набережной, принимали их у себя¹². В конце 1898 Бальмонт и Вилькина сблизилась дружески и интимно.

О характере их отношений позволяет судить запись, начатая Вилькиной в 1898 в отдельной тетради, оставленная, однако, незавершенной. Имя Бальмонта здесь не названо, но по некоторым деталям можно сделать предположение, что она обращена именно к нему. Тетрадь открывают строки из стихотворения «Звезда звезде», которое поэт послал Бэле в декабрьском письме (1897). Четверостишие оформлено в качестве эпиграфа к дальнейшим заметкам:

И вот в пустынном небе не светится луна,
Ты вечность победила, ты царствуешь одна.
Звезде – звездой влюбленной – я шлю свой луч живой.
С тобой навек далекий, теперь навек я твой.

Далее следует запись, напоминающая черновик или копию интимного письма:

Людей спасает их слепота. Благодаря ей, пропасти, в которые, будучи зрячими, они бы непреклонно низверглись, теперь они проходят, не подозревая о них.

Я нашла *бледный матовый цветок*¹³ – не окрашенный, для меня одной душистый. Я верила, что раз я его сорвала, то никто, кроме меня, не услышит его *аромата*. Этот выросший под внезапным светом *цветок*, – *ваша любовь*. Но я своевольна, я *дорожу цветком только тогда, когда тайна его ароматной души не скрыта только предо мною*. Стоит другому осквернить его своим прикосновением, и – он мне не нужен, и я его бросаю. Моей красоте доступны только *таинственные ароматы*, от других скрытые. Если вы не верите и не любите этот *бледный и милый цветок*, то лучше скажите мне, чтобы я бросила его. Если же вы отдаете его мне, о, друг мой, *любите и вы мой цветок*, – любите свою любовь ко мне – нетребовательную и внезапную и сильную. Но легче и свободнее бросить его. Решайте, – я поступлю, как захотите, и забуду о вас.

¹¹ Там же. На конверте указан адрес – Галерная улица, 20.

¹² См. записки Е.А.Андреевой к Л.Н.Вилькиной 1898 года: ИРЛИ. Ф.39 Ед.хр.822.

¹³ Здесь и далее курсив везде наш.

Легчайший способ заставить мужчину думать о себе – делать вид, что ревнуешь его.

Я думаю, что ФВ¹⁴ пришел сегодня для меня, но я была скучная, и, кажется, он разочаровался. <2 строчки вымараны.> Ведь мне все равно. Он говорил все время о своих прошлых, будущих и наипробудущих статьях. Он упоминал о (изображен знак, по-видимому, обозначающий подразумеваемое в тексте лицо. – М.П.), и всякий раз мне казалось, что в меня влилась струя морфия. Это имя возбуждает меня. Я начинаю верить в себя.

Слова бывают вернее и важнее поступков. Таким – веришь. Но твои слова – всегда только эхо поступков и всегда неверное зло.

С неизбежным можно объясняться только молчанием.

Если ваша любовь не свет, а кратковременное сияние, озарившее на мгновение *мою холодную душу*, то и тогда я с большой радостью вспоминаю о словах любви, которые мне посылались...

*А воспоминание не менее красиво, чем молчание <...>*¹⁵

Содержание записи отчасти перекликается со стихотворением «Отцвели – о, давно! – отцвели орхидеи, мимозы...», которое Бальмонт послал Вилькиной в октябре 1898 (ср. в последней строфе: «Я люблю, как звезду, отдаленная, любит звезда, / Как цветок, что еще не растратил в душе аромата»). Мотив цветка, традиционный для любовной лирики, в равной степени характерен для обоих поэтов. Возможно, в период их близкого знакомства и переписки «цветок» был знаком установившегося между ними интимного текста, внятного им двоим. Сборник «Мой сад» (1906) открывался одноименным стихотворением, в котором поэтесса декларировала:

Не выйдет тот, кто раз попал в мой сад.
Меж гротов, спящих вод, аллей, беседок –
Везде цветы, но аромат их едок,
И неспокоен сон цветущих гряд.¹⁶

Мотив цветка (цветов) регулярно возникает в письмах Бальмонта к Бэле: «Лелею в душе Ваш образ, как волна лелеет водяной *цветок*» (29 апреля 1899); «Завтра я пошлю те, другие стихи. А эти – так, просто несколько слов, маленький *цветок*, совсем невидный, но я его бросаю

¹⁴ Вероятно, Флексер-Волинский – Аким Львович Волинский (наст. имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер; 1861–1926) – ведущий критик и идеолог журнала «Северный вестник» в период 1890–1899. Об отношении А.Волинского с Н.Минским см.: *Куприяновский П.В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник».

¹⁵ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.777. Л.45-47.

¹⁶ Впервые опубли.: Новое время. 1902. №9310, 3(16) февраля. С.2.

Вам в окно, пока Вы спите. Мой друг! Я буду писать Вам стихи. Я найду много *цветов*» (29 декабря 1900); «Много созвучий в душе. Мне хочется Ваших слов, и моих слов. Пусть они встретятся друг с другом, и снова пусть будут *цветы*, гирлянда *цветов*» (9 декабря 1903).

В свете отношений поэтов представляется примечательным факт, вероятно, случайный: появление под обложкой одного журнала на одной странице двух публикаций. В 1898 в журнале «Север» было напечатано стихотворение Бальмонта «Из-за дальних морей, из-за синих громад...» с характерным для его лирики мотивом:

Из-за дальних морей, из-за синих громад,
Из-за гор, где шумит и гремит водопад,
*В твой альков я цветов принесу для тебя,
Зацелую, любя, заласкаю тебя...*¹⁷

Под стихотворением помещен рассказ Вилькиной «Под низким небом»¹⁸ (название перекликается с заглавием сборника Бальмонта «Под северным небом»). Героиня рассказа – Таша (сокращенное Наташа) находится в центре эротического напряжения окружающих ее мужчин; примечательные черты ее облика – молчаливость и замкнутость, внешняя холодность, самоуглубленность. По-видимому, эти черты были свойственны самой Вилькиной (ср. в ее интимной записи: «С неизбежным можно объясняться только молчанием»; «Если ваша любовь не свет, а кратковременное сияние, озарившее на мгновение *мою холодную душу...*»). Под «молчанием» она имела в виду не бессловесность, а внутреннюю сосредоточенность, жизнь души (умение хранить «молчание» – источник обаяния женщины и влечения к ней). Не случайно Вилькину привлекало творчество Метерлинка. В одном из театральных обзоров она писала:

В сущности, Метерлинк – певец безмолвных чувствований, внутренних переживаний, певец молчаний, – и только в силу того, что нельзя без слов проповедовать даже молчание, он писал свои фантастические драмы и проповеди. <...> В своей последовавшей за этими драмами философской книге «Сокровище смиренных» автор старается уже быть понятнее. Он говорит яснее о той внутренней жизни души, которая так часто не согласуется с внешними поступками людей. В главе под названием «мистическая мораль» он изображает таинственный грот души, на дне которого неизменно сверкает сокровище.¹⁹

¹⁷ Север. 1898. №3, 18 января. С.75.

¹⁸ Юрьева Л. <Вилькина Л.Н.> Под низким небом // Там же. С.75-86; №4, 25 января. С.116-118.

¹⁹ Вилькина Л. Из театральных впечатлений. Драмы внутренней и внешней правды // Новое дело. 1902. №45, 10 ноября. С.1433-1434.

В интимной записи Вилькиной, датированной 1898 годом, таким образом, отозвались мотивы произведений Бальмонта и ее собственных. Письма и художественные тексты позволяют представить едва уловимый и приблизительный «сюжет» и характер их отношений. Импульсивный темперамент и взбалмошный нрав поэта придавали их романтической дружбе лихорадочный тон (см., например, его записку: «Буду через несколько мгновений. К.Бальмонт»²⁰).

В одном из недатированных писем к Бальмонту Вилькина возмущалась:

Что за безумие! Я пошла вчера в «Р.Ф.О.» (Религиозно-философское общество. – *М.П.*) со специальной целью увидеть вас, а вас-то и не было. Почему? В негодовании хотела сама к вам зайти сегодня, но побоялась, что помешаю. Почему вы ко мне не ходите? Вы видите – я протягиваю вам дружески руки. Или хотите, чтобы я забыла вас. Я начинаю думать, что перестала быть красивой. Я зла на вас. Людмила.²¹

В другом письме к поэту она признавалась:

Ваши письма зажигают меня. И вы во многом не правы. Угадывайте в моих письмах больше, чем я говорю словами. И разве не отраден не гаснущий огонь? Быть может, мы и поддерживаем его тем, что не слишком приближаемся. *Запах перла* ненавистен мне. Так будем же «благоразумны». Людмила.²²

По-видимому, на это письмо Бальмонт отозвался стихотворением «Впрочем, стоит ли кружиться...». 23 января 1903 он сообщал В.Брюсову:

Посылаю Вам только что написанные стихи. Я опять возвратился к ритмическим строчкам. Прочтите их пленительной Бэле, и расскажите мне ее впечатление.

Впрочем, стоит ли кружиться
В заколдованных кругах?
Что свершится, то свершится,
Ты разлюбишь *дольний прах*.

Ты *остынешь к поцелуям*
Этой *тленной красоты*,
И отдашься вечным струям,
Где исчезли «я» и «ты».²³

²⁰ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.823. Л.56.

²¹ Там же. Ед.хр.791. Л.6.

²² Там же. Л.4об.

²³ См.: Лит. наследство. Т.98. Кн.1. С.147-148.

Осенью 1903 Вилькина написала миниатюру «Как горят уголья» (из цикла «Литературные пластинки»), предназначенную для сцены или кинематографа, содержание которой также проецируется на текст ее письма к Бальмонту:

Комната обита красным. Хозяйка растапливает камин. <...>

Гость: Правда. Знаете, вы удивительная. Мне так хорошо с вами. Как тепло. Можно поцеловать вашу руку, только руку. Она у вас длинная и розовая от огня. Как хорошо при огне. Мои губы касаются свежей травы. Мои губы... (*целует ее*).

Проходит время...

Уголья рухнули. Не освещенная лампами комната вся темнеет, только светятся уголья слабым светом из-под пелены серого пепла.

Хозяйка (*встает и подходит к камину*): Вы видите, уголья догорели.

Гость: Мне остаться?

Хозяйка: Нет, – уйти.²⁴

Е.А.Андреева, зная о склонности супруга к романтическим увлечениям, впоследствии вспоминала: «Больше всего Бальмонт любил женское общество. Он любил женщин, как любил цветы. “Все цветы красивы”, – сказал он в одном своем стихотворении. И все женщины казались ему привлекательными»²⁵. Это высказывание можно проиллюстрировать многочисленными свидетельствами современников, нередко иронически отзывавшихся о вечно влюбленном в кого-либо поэте. Например, в октябре 1902 З.А.Венгерова сообщала Минскому: «Смешные письма пишет Бальмонт из Англии. Мне насчет философии, Соне насчет любви – в стихах, с перлами вроде “И любят пламенно меня – поэты, женщины и звери”. Каких это поэтов он компрометирует – не Брюсова ли?»²⁶.

В героинях своих романов и увлечений Бальмонт ценил женственность, артистизм и эстетизм, способность создавать и адекватно воспринимать красоту, поэзию, искусство. Эти качества соединяла в себе переводчица и поэтесса Людмила Вилькина, в них заключалась суть ее женского обаяния, которое было открыто не одному Бальмонту, но и Н.Минскому, В.Брюсову, В.Розанову, Д.Мережковскому, Н.Бердяеву, Л.Баксту, К.Сомову, С.Рафаловичу, О.Дымову и, вероятно, многим другим. «Твоя душа из тех, которые не должны, не могут прийти на землю бесплодно, – писал Н.Минский Бэле 30 октября 1906. – Вот отсюда твои мученья и печаль. Ты должна дать образ и воплощение живущей в тебе

²⁴ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.734. Л.3.

²⁵ *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1996. С.342.

²⁶ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.179. Л.9об.

красоте, которую, может быть, никто так глубоко не почувствовал, как я»²⁷.

Бальмонт был один из немногих, кто ценил лирику Вилькиной, находил в ее стихах проявление «настоящего таланта» (письмо от 29 июня 1906), упрекал в том, что она мало пишет стихов, а они «всегда изящны» (письмо от 29 июля 1906). Ей он посвятил стихотворение «Я не знаю, как же быть...» (вошло в первое издание книги «Будем как Солнце»). Бэла была близка ему и по-дружески. Находясь в ссылке в Курской губернии (за публичное чтение стихотворения «Маленький Султан» Бальмонт был выслан в 1901 на два года), он особенно дорожил теми, кто ему писал, – Вилькина была среди них. В письмах к ней поэт рассказывал об обстоятельствах своей жизни, о творческих планах, о работе над книгами «Горящие здания» (1900) и «Будем как Солнце» (1903), делился мыслями о литературе.

«Мы не чужие друг другу», – заметил Бальмонт в одном из писем к Бэле; обращаясь к ней, он в письмах часто называет ее «сестра». Слова поэта не были беспочвенны, в Л.Н.Вилькиной он чувствовал душу, в чем-то родственную своей: не насыщаемую – томящуюся от неустанной потребности в любви, красоте и поклонении.

* * *

Письма К.Д.Бальмонта к Л.Н.Вилькиной воспроизводятся по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф.39. №823). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

1

<12 декабря 1897¹>

Я напишу Вам не стихотворение, а поэму. Но я должен Вас видеть. Не откажите мне в этом. Я счастлив тем, что Вы так красивы. Я испытываю блаженство от сознания, что я видел воплощение красоты. Вы – живой вымысел, а не мертвый.

Если можете, сделайте для меня одно: позвольте мне заехать за Вами и поедemте в Эрмитаж: мы проведем час среди картин, я буду Вам читать стихи, потом напишу Вам поэму. Я не думаю, чтобы Николай Максимович имел что-нибудь против этого. Я перед целым миром мог бы сказать все, что скажу, но ведь Вы знаете: говорить

²⁷ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр. 884. Л.213об.–214.

можно только вдвоем. Я всю жизнь буду вам благодарен, если Вы подарите мне этот час.

Жду ответ.

К. Бальмонт

P.S. Посылаю стихи, они нехороши, – я должен слышать Ваш голос, и тогда мой голос делается мелодичным.

¹ Датируется по приложенному к письму стихотворению «Звезда звезде...» («Мне звезды рассказали: “любви на свете нет”...», 12 декабря 1897); вошло в книгу стихов «Только любовь. Семицветник» (М., 1903), с пунктуационными разночтениями и вариантом последней строки (в автографе: «С тобой навек далекий, теперь навек я твой»). Бальмонт вернулся из Европы в ноябре 1897, большую часть декабря он находился в Петербурге, занимаясь подготовкой к изданию третьей книги стихов «Тишина» и встречами с петербургскими поэтами из круга журнала «Северный вестник»: Н.М.Минским, Д.С.Мережковским, З.Гиппиус и др. (см.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт... С.70-77*).

2

7/19 января 1898
Париж¹

145, rue de Prenelle, Pension Van Pelt

Милая сестра, я давно уже хотел писать Вам, но не мог и теперь напишу Вам всего несколько строк. Я болен, все время, с первого дня своего приезда в Париж. Я почти совсем не выхожу из дома и чувствую себя в таком угнетенном состоянии, в каком давно не был. Все как-то тускло кругом. Впрочем, я могу читать, и читаю много. Познакомился с некоторыми новыми людьми, но человеческие души вообще неинтересные величины, до удивительности монотонные. Меня интересуют только женские души, я люблю только мечту, мою мечту. Есть моменты невыразимой красоты и внутренней правды, есть мгновенье, когда две души смотрят друг другу прямо в глаза. Мне казалось, что когда мы были с Вами вдвоем, несколько раз нам действительно было хорошо, красиво – хорошо. А теперь?

Вы слишком далеко от меня, и голос мой доходит к Вам из другого мира. Действительно ли Вы помните обо мне? Действительно ли будет для Вас, хотя маленькой радостью знать и чувствовать, что Вы мне дороги? Я не вижу Вас. Не знаю, как Вы смотрите сейчас, какое выражение в Ваших глазах. И это ставит преграду между нами. И многое другое.

Напишите мне. Что Вы делаете, что Вы думаете, о чем Вы мечтаете? Напишите мне побольше.

Камин догорает. Лампа гаснет. Ночь. Прощайте.

К.Бальмонт

¹ В канун 1898 Бальмонт вернулся в Париж к жене, ожидавшей ребенка (умер при родах).

3

<26 октября 1898>

СПб., М. Итальянская, д. 41

Отцвели – о, давно! – отцвели орхидеи, мимозы,
Сновиденья нагретых и душных и влажных теплиц.
И в пространстве, застывшем, как мертвенный цвет туберозы,
Чуть скользят очертанья поблекших разлюбленных лиц.

И бледнеют, и тонут в душе, где развалины дремлют,
В этой бездне, где много – где все пробегает на миг,
В переходах, где звукам их отзвуки, вторя, не внемлют,
Где один для меня сохранился немеркнувший лик.

Этот образ – в созвучии странном с душою моею,
В этом лике мы оба с тобою узнаем себя, –
О, Мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смею;
Но кого я люблю, но о ком вспоминаю – любя.

Я люблю, с безупречною нежностью духа и брата,
Я люблю, как звезду, отдаленная, любит звезда,
Как цветок, что еще не растратил в душе аромата,
Я люблю – я люблю – я люблю – все тебя – навсегда.¹

26 окт<ября> 1898

Вечер

К.Бальмонт

¹ Стихотворение «Отцвели» из книги К.Бальмонта «Горящие здания. (Лирика современной души)» (М., 1900), над которой поэт работал в 1899; с вариантом последней строки (в сборнике: «Я с тобой – я люблю – я с тобой – разлучен – навсегда») и с пунктуационными вариантами во второй и третьей строках.

Суббота
28 ноября <18>98

Милый друг мой,
Лекций у меня сейчас нет¹. Письма я получил. Мне грустно. Теперь не могу быть у Вас. И не приду долго².

Ваш К.Бальмонт

P.S. Вы ничего не поняли.

¹ Зиму 1898/1899 К.Бальмонт провел преимущественно в Петербурге; сведениями о прочитанных им в ноябре 1898 лекциях мы не располагаем.

² В записке к Л.Н.Вилькиной от 29 ноября 1898 Е.А.Бальмонт извинялась за то, что не смогла быть у Минских из-за приезда своей кузины, и просила сообщить через Бальмонта о том, когда Минские собираются быть у них; повторное приглашение датировано 7 декабря 1898 (см.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.822. Л.1, 2).

15 м<a>рт<a> <18>99
11 ч<асов> н<очи>

Милая сестра моя,

Мне хочется сказать Вам, что я люблю Вашу душу, вижу ее в Ваших глазах, вижу, не видя Вас. Вспоминаю те немногие мгновения, когда я видел Вас в своей жизни. Вспоминаю Вашу улыбку, знаю, что буду чувствовать нежную любовь к образу сестры моей.

Если Вам будет непонятно-хорошо, знайте, что это я говорю с Вами на расстоянии. Если Вам приснится что-нибудь нежное, знайте, что это я с Вами. Помните.

Ваш К.Бальмонт

<Апрель 1899¹>
Понед<ельник>

Простите, что я до сих пор не ответил на Ваше письмо. Я прочел его лишь в воскресенье в 4 ч<аса> у<тра>. Не сердитесь на меня и за некорректности. Впрочем, на сумасшедшие поступки как сердиться? Я очертил заколдованный круг, и уже не знаю, сумею ли из него ускользнуть. Кто попал в цепи Дьявола, тот может греметь ими десятки и сотни лет. Впрочем, я в волне писаний и в обществе испанцев².

Всего лучшего.

Ваш К.Бальмонт

P.S. У Вас было грустное лицо, когда Вы ехали.

P.P.S. Как герой Достоевского, делаю еще приписку³ и прошу послать мне мои калоши, если они не исчезли: каждая из них обозначена двойным “К”.

Дня через три занесу Вам Эдгара По⁴.

¹ Это и следующее письмо датируются предположительно по содержанию письма Вилькиной: 7 апреля 1899 она сообщала Минскому, находившемуся в Баку:

Вчера, то есть на второй день после твоего отъезда, был Бальмонт. Он не знал, что ты уехал, и послал тебе почему-то в «Новости» своего «Прометей». Я с ним совсем, совсем не кокетничала, не просила заходить и вообще так приняла, что больше он, кажется, не придет. Мне он показался прямо нецензурным явлением. Как это бог пропустил его.

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.185. Л.2-2об.).

² Речь идет о работе над переводами пьес классика испанской драматургии Кальдерона де Барка (1600–1681), творчеством которого Бальмонт увлекся после поездки в Испанию (1896); в 1899 он перевел пьесу Кальдерона «Чистилище св. Патрика» (М., 1899). В 1900–1912 вышли в свет три выпуска сочинений Кальдерона в переводе Бальмонта и с его вступительной статьей; см. также статью «Кальдероновская драма личности» в сборнике Бальмонта «Горные вершины» (М., 1904). Среди писем Бальмонта к Вилькиной имеется записка на визитной карточке: «Очень благодарю за книги. Посылаю две книжки о Кальдероне. Жалею, что нет под рукой ничего лучше» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.823. Л.59).

³ Подразумевается Макар Девушкин – герой романа Ф.М.Достоевского «Бедные люди» (1847), сопровождавший свои письма к Варваре Доброселовой постскриптумами.

⁴ Возможно, речь идет о книгах переводов Бальмонта из Эдгара По: «Баллады и фантазии» (М., 1895) и «Таинственные рассказы» (М., 1895).

7

<Апрель 1899!>

Вторник

10 ч<асов> в<ечера>

К моему отчаянью, мне слишком поздно подали Ваше письмо. Я приеду к Вам завтра в половину 5-го, привезу «Прометей»² и, если Вам интересно, прочту свои новые стихи.

Хотелось бы Вас видеть.

Ваш К.Бальмонт

¹ Датируется предположительно по содержанию письма Вилькиной к Минскому от 7 апреля 1899 г. (см. примеч. 1 к письму 6).

² Имеется в виду драма П.Б.Шелли, переведенная Бальмонтом; отд. изд-е: Освобожденный Прометей: Лирическая драма. СПб., 1904.

8

29 апреля 1899 СПб.

Утро

Милая сестра моя, я уезжаю сегодня¹ и мысленно прощаюсь с Вами. Вчера я забыл Вам передать книгу. Она осталась в прихожей, на столе. Это «Безбрежность» во 2-м издании². Ваш экземпляр Вы когда-то испортили. А мне хотелось, чтобы Вы имели эту книгу, так как в ней – стихотворение, которое Вы любите и которое связано в моей душе с воспоминаниями о первых днях нашего знакомства. Вы тогда читали его: «Мадонна, Солнце между звезд...»³

Лелею в душе Ваш образ, как волна лелеет водяной цветок, как волна качает отраженья луны, как волна баюкает дружную волну.

Ваш К.Бальмонт

¹ Бальмонт уехал в Москву, где в течение мая – июля работал над книгой стихов «Горящие здания», находясь, главным образом, в имении Баньки (Лысые горы) под Москвой, принадлежавшем Якову Александровичу Полякову, женатому на Анне Алексеевне Андреевой – сестре Е.А.Андреевой, жены К.Бальмонта.

² Имеется в виду книга стихов К.Бальмонта «В безбрежности» (М., 1895). Второе издание вышло в 1896.

³ Начало стихотворения Бальмонта «Трубадур» («Мадонна, солнце между звезд, мадонн прекрасных украшень...») из книги «В безбрежности».

9

Москва, Ильинская ул.,

д<ом> Полякова, на Баньки

20 июля <18>99. Имение Баньки

Непростительно долго не писал Вам, друг мой, и теперь – только два слова. Не нынче – завтра напишу Вам, пошлю стихи. А теперь только хочется сказать, что душа моя помнит Вас.

Как Вы далеко! И как хотелось бы Вас увидеть!

Я живу мечтами, много пишу. До свиданья.

Ваш К.Бальмонт

Им<ение> Богдановщина, Смоленск<ой> губ<ернии>¹
24 авг<уста> 1899

Дорогая сестра, давно хотел говорить с Вами, не мог, целые дни пишу стихи, написал новую книгу. Пишете ли Вы что-нибудь? Я Вам, кажется, говорил, что я читал Ваш сонет, опять, в «Неделе», и он очень мне нравится². В нем есть та скрытая красота, которая есть в Вашей душе и которая притягивает меня к Вам постоянно.

Я гостил в старинном имении, написал здесь несколько вещей, какие раньше мне только снились, написал поэму³, которая составит, думаю, мою славу. Она мистическая, и надо мной столько же будут смеяться, сколько будут восхищаться ей те, для кого этот язык – их родной.

Посылаю Вам два стихотворения *наудачу*⁴. Они, впрочем, не из тех, которые я особенно люблю.

Через месяц думаю быть уже за границей, где-н<ибудь> у моря. Напишите мне по старому адресу: *Москва, Пречистенка, Дурнов пер., д. Шептинг, Т.А.Бергенгрин для КДБ*⁵.

Не забывайте *брата*. Он любит Вас неизменно.

Ваш К.Бальмонт

Я коснулся душ чужих,
Точно струн, но струн моих,
Я в них чутко всколыхнул
Тихий звон, забытый гул,
 Все обычное прогнал,
 Легким стоном простонал,
 Бросил с неба им цветы,
 Вызвал радугу мечты.
И по облачным путям,
Светлым преданный страстям,
Сочетаньем звучных строк
За собою их увлек.
 Трепетаньем звонких крыл
 Отуманил, опьянил,
 По обрываю их помчал,
 Забаюкал, закачал.
Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь в сеть мою,
Я пою, пою, пою.

Как испанец, ослепленный верой в Бога и любовью,
 И своею опьяненный и чужою красной кровью,
 Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде,
 Я хочу цветов багряных, мною созданных везде.
 Я, родившийся в ущелье, под Сиэррою-Невадой,
 Где лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
 Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса,
 Чтобы заревом над Перу засветились небеса.
 Меди, золота, бальзама, бриллиантов и рубинов,
 Крови, брызнувшей из груди побежденных властелинов,
 Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу,
 Мною отысканных пределов жарким сердцем я хочу.
 И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по океанам,
 И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом,
 Чтобы с жадной быстротою аравийского коня
 Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой дня.
 И, быть может, через годы, сосчитав свои владенья,
 Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья,
 Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
 Я увижу солнце, солнце, солнце – красное, как кровь.

К.Бальмонт

¹ Имение Богдановщина принадлежало М.В.Сабашникову, совладельцу Издательства братьев М.В. и С.В. Сабашниковых.

² Сонет Л.Вилькиной «В лесах» («Вокруг меня столетние леса...») был напечатан в журнале «Книжки недели» (1899. №6. С.159) за подписью «Л.Н.Минская»; вошел в книгу «Мой сад. Сонеты и рассказы» (М., 1906. С.34-35).

³ Речь идет о поэме К.Бальмонта «Художник-Дьявол»; вошла в его книгу «Будем как солнце» (М., 1903).

⁴ К письму приложены стихотворения, вошедшие в книгу «Горящие здания»: «Выше, выше» («Я коснулся душ чужих..») и «Как Испанец» («Как Испанец, ослепленный верой в Бога и любовью...») (в сборнике со строфическим делением и вариантом последней строки: «Я увижу Солнце, Солнце, красное, как кровь»).

⁵ По этому адресу у Татьяны Алексеевны Бергенгрин (сестры жены поэта) Бальмонт останавливался, приезжая в Москву.

19/31 окт<ября> <18>99
Берлин

Милая сестра моя, я получил Ваше письмо накануне отъезда из России, при обстоятельствах, которые вызвали во мне двойное, тройное чувство благодарности за то, что Вы вспомнили обо мне. Мне хотелось бы много-много говорить с Вами. Я уехал за границу на год¹, быть может, на два. Через 3 дня уезжаю в Париж на всю зиму. Весной – в Испанию.

Путешествие в Японию я уничтожил. Скучно. Ненужно.

У меня много новостей. И все хорошие. Мне «везет». Мне пишется. Мне жить, жить, вечно жить хочется.

Если бы Вы знали, сколько я написал стихов новых! Больше ста. Это было сумасшествие, сказка, новое. Издаю новую книгу, совсем не похожую на прежние. Она удивит многих².

Напишите мне в Париж. Что Вы делаете? Что делает Н<иколай> М<аксимович>? Жалею о Ваших несчастьях. Но несчастье ли это?

Я все в мире благословляю. Все люблю.

Бледный воздух прохладен.

Не жалей, не скорби.

Как бы не был ты жаден,

Только Бога люби.³

Я изменил свое понимание мира. Как ни смешно прозвучит моя фраза, я скажу: я понял мир. На многие годы, быть может, навсегда.

По-прежнему Ваш К.Бальмонт

Твои глаза люблю как прежде,

И, полный скрытого огня,

Неумирающей надежде

Я повторяю: «Жди меня!»

К.Б.

¹ В октябре 1899 Бальмонт уехал в Берлин, за границей он находился до августа 1900: из Берлина переехал в Париж, в марте отправился в Испанию, в мае поселился в Биаррице, в начале лета перебрался в Лондон и затем вернулся в Париж, в августе он приехал в Москву.

² Имеется в виду книга «Горящие здания», вышедшая в мае 1900 в Москве, в нее вошло 131 стихотворение. Среди писем Бальмонта к Вилькиной сохранилась полоска бумаги с надписью, возможно, отрезанная от титульного листа этой книги: «СПб. 1 августа 1900. Людмиле Николаевне Минской от всегда помнящего ее К.Бальмонта» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.823. Л.61).

³ Цитата из стихотворения К.Бальмонта «Бледный воздух» («Бледный воздух прохладен...») из книги «Горящие здания».

12

29 decembre <18>99

Paris

9, Cite du Retiro

Нет, друг мой, Вы очень ошибаетесь, если думаете, что, став счастливым, я стал из параллельных линий. Вы, должно быть, забыли, или никогда не знали, что душа моя очень богата. Есть великая сложность в кажущейся примиренности, есть великая простота, являющаяся последним словом утонченности. Милое дитя мое, Вы забыли, что я художник? Не забывайте. Можно быть счастливым, потому что стал сильным, но разве это меняет целый ряд противоречий, которые составляют основной закон жизни. Я говорю, что нужно быть как дети, но я не говорю, что нужно впасть в младенчество. И пустыни мне не нужно, ничего внешнего. Я и здесь в пустыне, когда сижу один в Национальной Библиотеке и читаю книги, которые в другом месте не достанешь. Два года тому назад Париж был сильнее меня, теперь я сильнее Парижа.

Нет, я ушел из пустыни безразличия,
Нет, я постиг торжество одиночества,
Я умножаю, мечтою, величие,
И создаю для столетий пророчества.
Я умножаю величие цельности
Неисчерпаемых бурь мироздания,
И как созвездье горю в беспредельности
Царственно-яркою силой страдания.¹

Я останусь здесь еще два месяца. Потом – в Испанию. Пишите мне! Жду писем и стихов. В следующем письме pošлю несколько стихотворений.

Помните же меня, сестра моя.

Ваш К.Бальмонт

¹ Публикация этого текста не выявлена.

13

Paris, 9, Cite du Retiro

28 j<anvier> 1900¹

Я, напротив, ждал от Вас письма, и очень огорчился, что Вы заняты – до безмолвия. У меня болит рука, и это – причина моего лако-

низма. Посылаю кое-что в печатном виде. Откликнитесь – действительно!

Ваш К.Бальмонт

¹ На почтовой карточке.

14

28 сент<ября> 1900
СПб., Дмитровский, 11

Я забыл спросить Вас, а Вы забыли сказать. Готова ли у Вас вся рукопись? Согласны ли Вы, чтобы книга¹ печаталась в Москве (в случае согласия «Скорпиона»)? Если она уже печатается здесь (мне помнится, я слышал в нашем разговоре слово «корректур»), на каких основаниях происходит печатание? Сообщите поскорей. Быть может, Вы зайдете на минутку, если будете в нашей стороне. Завтра я буду отсутствовать между 4 и 6. Вообще же часа в 4 мы всегда после занятий бываем дома.

Жду ответа.

Ваш К.Бальмонт

¹ Вероятно, речь идет об отдельном издании книги М.Метерлинка в переводе Вилькиной: «Блаженство души (Сокровище смиренных)» (СПб., 1901).

15

29 декабря 1900
Полночь

Л.–Б.***

Как странно возвращаться
На старые пути.
Я приходил – прощаться,
И я хотел – уйти.

Но ты сказала: «Милый,
Я так нехороша?»
И сердце с новой силой
Горит – к тебе спеша.

О, милая, как скрою?
Я весь, как прежде, твой.
Дышу одной тобою,
И при тебе – живой.

О, милая, я знаю:
Я возвращен – судьбе.
Иду к родному краю,
Когда иду к тебе.

Навек благословенье
Влиянью красоты!
Во мне – самозабвенье:
Во мне – не я, а ты!¹

К.Бальмонт

Я только сейчас мог остаться один. Завтра рано утром Вам отправят это письмо. Завтра я пошлю те, другие стихи. А эти – так, просто несколько слов, маленький цветок, совсем невидный, но я его бросаю Вам в окно, пока Вы спите.

Мой друг! Я буду писать Вам стихи. Я найду много цветов. Думайте обо мне.

Ваш К.Бальмонт

¹ Публикация этого стихотворения не выявлена. Инициалы перед текстом означают: «Людмиле – Бэле».

16

Адр<ес>: г. Белгород, Курск<ой> г<убернии>,
именье кн. Д.А.Волконского¹

К.Д.Б<альмонту>

8 янв<аря>1901. СПб.

Милый друг, мне очень-очень жаль, что я против воли неделикатен по отношению к Вам. Я слишком неосторожно дал Вам обещание написать предисловие к книге Метерлинка. Я полагался на свои впечатления от первого чтения. Но то было пять лет тому назад. С тех пор я стал старше. Я перечел «Le Tresor des humbles»² с чувством скуки и неприязни. Эта книга написана человеком бессильным, который никогда не знал, что такое крик страсти, и потому его отречение от страстей флегматично и плоско, как страна, в которой он вырос. Те немногие страницы и строки, которые действительно хороши в книге Метерлинка, представляют из себя выписки, частью заключенные в кавычки, частью не заключенные. Литературные заимствования вполне позволительны, когда они окрашены индивидуальной печатью блестящего языка, как например у Д'Аннунцио³. Но язык Метерлинка безвкусен, как невинная фруктовая вода. А между тем те книги, откуда он почерпал свою, полны самой яркой, самой

душистой пьяности! Какой же смысл имеет его книга? Он дурно говорит о том, что у других сказано хорошо. Он слишком о многом лепечет понаслышке. Он не знает, что у индейцев о красоте молчания говорилось так красиво, что на эту тему уже не посмеешь более говорить. Он не знает, что Бёме⁴, которого он дерзает упоминать, но которого он по незнанию немецкого языка, конечно, не читал, так же отличается от Метерлинка, как тысячелетний английский вяз отличается от худенькой ивы. Он не знает, что испанцы умеют даже о бесстрастности говорить страстным языком. Вся его книга должна была бы быть маленькой статьёй в 30 страниц. Но и тогда она не устранила бы слов Гёте: «Смирение есть добродетель, приличествующая – нищим»⁵.

Весь Ваш К.Бальмонт

P.S. Я так был бы Вам признателен, если бы Вы заехали как-нибудь к нам. Мне никак нельзя отлучаться.

¹ Дмитрий Александрович Волконский был женат на Марии Алексеевне Андреевой, сестре жены К.Бальмонта. В Сабынино, имении князя Волконского, поэт вместе с женой и дочерью провел зиму 1900–1901 гг.; он находился в то время под полицейским надзором (см. об этом во вступительной статье), выслан из Санкт-Петербурга с запрещением проживать в обеих столицах.

² Философское эссе бельгийского поэта и драматурга Мориса Метерлинка (1862–1948) «Сокровище смиренных» (1896). Отношение Бальмонта к творчеству Метерлинка было противоречивым: в 1896 он обратил внимание Брюсова на «Сокровище смиренных», но затем изменил свое мнение о писателе. Бальмонт перевел пьесы Метерлинка «Непрошенная» и «Слепые», опубликовал о нем статью «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Метерлинка» (Весы. 1905. №2).

³ Габриеле Д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель-модернист.

⁴ Якоб Бёме (1575–1624) – немецкий мистик.

⁵ Цитата нами не выявлена.

Адр<ес>: Иваново, Курской губ<ернии>,
М.Сабашникову для К.Бальмонта¹
19 июня 1901

Простите, никак не могу написать предисловие к Метерлинку. Сознаю вину свою, но никак не могу².

Я очень удивился, узнав, что Вы уже в Петербурге. А что же «философия»? Впрочем, философствовать можно везде. В Петербурге, пожалуй, даже наиболее, ибо в этом диком и нелепом городе, от которого волею судьбы я избавился, можно чувствовать себя хорошо лишь в своих четырех стенах. Я живу в усадьбе. Книги, работа, парк, лес, два-три человека, уединение. Нужно ли еще что-нибудь для души? Ничего. Мысли стройны. Еще немного, и зазвучат стихи, много стихов. О, подлые развратные города! Зачем люблю вас? Зачем и теперь со стыдом и с болью люблю вас? Нет, я долго буду в мирной, в зеленой тишине, полной шелеста.

Напишите мне. Целую Ваши руки.

Ваш К.Бальмонт

¹ В имени М.В.Сабашникова Иванино К.Бальмонт провел лето 1901, отбывая ссылку.

² Вероятно, речь идет об издании эссе «Блаженство души (Сокровище смиренных)» (см. примеч. к письму 14).

18

Адр<ес>: г. Белгород, Курск<ой> г<убернии>,
именье кн. Д.А.Волконского
К.Д. Б<альмонту>
13 дек<абря> 1901. Сабынино
2 ½ ч<аса> н<очи>

Вероятно, никогда бы не вспомнил о Вас, если бы не помнил, как было хорошо мне при случайных встречах с Вами.

Где Вы думаете провести *эту* весну? *Это* лето?

Я буду блуждать, в Европе, Азии, или Америке.

Но, если бы мы встретились, все мои впечатления были бы двойными, отягченными, обремененными.

Если бы мы встретились, я мог бы сказать Вам слова, единственные. Стоит ли говорить их? Стоит, если Вы захотите. Подумайте! Захотите!

Я падаю от усталости. Иду спать. Один – один – всегда. Но тут же, в нескольких шагах – какие взрывы, какие вопли признаний!

Я не прикоснусь к ним. Лучше отчаянье мысли. Лучше полная возможность быть далеко!

Ваш К.Бальмонт

г. Белгород, Курск<ой> г<убернии>, имение кн. Д.Волконского
30 дек<абря> 1901. Сабынино¹

Красивая Бэла, сестра моя, Ваше письмо я получил в Сочельник, мне было очень тяжело, очень тяжело, и я не сразу распечатал его. Раскрывая письмо, я шепнул «Милая любовь», и в эту же секунду прочел «Милый брат мой», – и мне стало так хорошо.

Я подавлен многосложной работой. Только два слова. Напишите мне побольше о себе, пошлите свои статьи², стихи, расскажите о Петербурге, о знакомых. Я отрезан от Петербурга на два года.

Здесь лишь на время, конечно. Предо мною Париж, Англия, Испания. Жду весны.

Посылаю одно стихотворение³. Теперь я мечтаю о целой книге таких стихов.

Я вспоминаю о Вас часто, и, думая о Петербурге, больше всего жалею о том, что я разлучен с Вами. Многое во мне изменилось, во многом я другой, и буду вовсе другой, смелый, гордый, свой.

Напишите же. Николаю Максимовичу мой привет.

Милая Бэла, Вы мне очень дороги. Целую Ваши глаза, если они видят меня. Сестра моя!

Ваш К.Бальмонт

Ты была так близко. Я тебя хотел.
Я влюблен в движенье двух согласных тел.

Я шептал желанью: «Полно. Перестань».
Тщетно: между нами вдруг исчезла грань.

Я тебя лелеял, как лелею стих.
Я мечтой касался жадных губ твоих.

Я не мог преградой взор свой обмануть,
Видел руки, плечи, видел шею, грудь.

Видел свет лилейный тела твоего,
Льнул к нему желаньем и ласкал его.

Я всего касался, я владел тобой,
И дышал над нами сумрак голубой.

И в глазах влюбленных отразив твои,
Я был счастлив полным счастьем в забытии.

Я с тобой был замкнут в сказочный предел
Тесным сочетаньем двух согласных тел.

К.Бальмонт

¹ Бальмонт находился в Сабынино во время ссылки с конца ноября 1901 до середины марта 1902.

² В это время Вилькина сотрудничала в «Ежедневнике искусств и литературы», издававшемся в Петербурге К.Льдовым; в частности, в декабре 1901 в газете были напечатаны ее статьи о новом театре: «“Зеленый попугай”, шутка в 1 действии А.Шницлера, пер. З.Венгеровой» (№1, 6 декабря. С.3); «“Вампир”, драма в 4-х действиях г-жи Зеланд-Дубельт» (№9, 16 декабря. С.2); «“Храм Мельпомены”, комедия С.Рафаловича» (№16, 23 декабря. С.2).

³ Стихотворение «Воздушное обладание» («Ты была близко. Я тебя хотел...»), предназначенное для цикла «Зачарованный грот», было запрещено цензурой. Впервые опубл.: *Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D.Bal'mont 1890–1909.* Keln; Wien: Behlau Verlag, 1988. S.173; опубликовано П.В.Куприяновским: «Меня интересуют только женские души...» // *Вольное слово (Иваново).* 1992. 29 июня – 5 июля.

20

Белгород, Курской губ<ернии>,
им<ение> кн. Волконского
24 янв<аря> 1902. Сабынино

Милая сестра моя, Бэла, я каждый день думаю о Вас, и мне так жаль, что мы не встречаемся.

Мне очень понравились оба Ваши стихотворения. Они сильны, оригинальны, и в них нет ни одного лишнего слова. Особенно хорошо то стихотворение, где за Вами захлопнулась мучительная неизбежная дверь¹. Как хорошо, как ярко это у Вас передано. Отчего Вы так мало пишете? У Вас настоящий талант. Не зная Вас, по этим двум стихотворениям я догадался бы, кто передо мной. Милая красивая Бэла!

Посылаю Вам три небольшие стихотворения. Напишите о впечатлении. Я теперь в мире шеллиевских образов. Приготовил к печати уже половину первого тома полного собрания его сочинений (трехтомного)². Кончу вторую половину и уеду за границу надолго³. Снова хочу увидеть Париж, Англию, Италию и возлюбленную мою Испанию. Конечно, я найду Вас и за границей. Но где Вы будете?

Я вольный ветер, я вечно вею...⁴

Солнце светит, снег воздушно-белый, небо уже изменило свой цвет, недолги страдания, и, если в сердце больно, все же сердце идет, идет, идет не отдыхая.

Я у Ваших ног и смотрю Вам в глаза. Я вижу милое лицо Ваше. Вот Вы немного наклонились. Немного. Мне хорошо.

Чувствуйте меня. Будьте моей в моем.

Ваш К.Бальмонт⁵

¹ Имеется в виду стихотворение Вилькиной «Одно и то же» («Я сплю иль умерла – одно и то же...») из ее сборника «Мой сад. Сонеты и рассказы» (М., 1906. С.16-17).

² Трехтомное собрание сочинений английского поэта П.Б.Шелли в переводе Бальмонта вышло в издательстве «Знание» в 1903–1907.

³ В это время Бальмонт хлопотал перед курским губернатором о разрешении на отъезд за границу. Разрешение было получено, и 15 марта он выехал в Париж, а затем в Англию, чтобы там работать над переводами Шелли.

⁴ Первая строка стихотворения Бальмонта «Снежные цветы» из сборника «Тишина» (СПб., 1898).

⁵ К письму приложены машинописные автографы стихотворений «Арум» («Тропический цветок, багряно-пышный арум!..»), «Мудрость сердца» («Ты видал ли, как вздыхает вешний ветер меж цветов...»), вошедших в книгу Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903) с незначительными пунктуационными разночтениями, и стихотворение «Лунное безмолвие» («В лесу безмолвие возникло от Луны...»), вошедшее в ту же книгу под заглавием «Ноктюрн».

21

20 февраля 1902

Сабынино

«Почему Вы мне не пишете...» «Нужно мне много дать...» «Пишите же...»

О, женщина! Зачем все вы такие скупые и не можете тратить свою душу на размышления, не спрашивая, не дожидаясь и скорее давая, чем беря? Неужели же это не счастье – быть расточительным? Я не знаю высшего блаженства. Я отдаю себя так часто – не видя того, кто берет меня, а чувствуя лишь, что вот в это самое мгновение дрожит луч солнца на окне и чьи-то зрачки расширяются, и душа моя расширяется и дрожит. О, счастье – быть весенним сном, быть вольным и не связанным ничем! О, счастье любить не спрашивая!

Я знаю, что тысячи людей – нищие передо мной.

Писал бы Вам и много, и часто, и открыто. Но я в цепях работы. Не упрекайте же, в чем упрекать нельзя.

Вы говорите о грехе. И я еще почти вчера говорил о нем. Но я уже более не знаю, что это. Я долго думал и нашел, что есть лишь три греха: ложь (наистрашнейший), насилие над слабейшим и чрезмерное подчинение телесности. Но я больше не могу лгать, я никогда не делал насилий, а телесность не только грех, – когда она чрезмерна, – а и великий праздник мироздания. Я хочу этого праздника, я еще не знал элевзинских таинств плоти¹. Больше нет греха. Его больше не может быть. А если я в пути устану или упаду на мгновение, я не оскверню своей молодости размышленьем и раскаянием. Я весна. Я хочу лучей. В то время, когда старые с проклятием, или с ужасом, или с насмешкой (насмешка – оплот бессильных) говорят обо мне, помавая своими разумными головами, я пишу звучные стихи, или уношусь мечтою в бесконечность, или вижу, как в глазах у той, которую я целую, дрожит сиянье Божьего Солнца.

«Готовить белые одежды...»² Это гораздо лучше, чем говорить о Боге. О Боге можно только петь – или молчать. Но можно готовить и багряные одежды – этим самым быть среди белых цветов, озаренных светом Вечности.

Я камень, брошенный могучею рукой; нужно, чтобы он описал кривую дугу в воздухе, прежде чем он упадет и около него будет основана обитель. Нужно, чтобы эта дуга была описана сполна. То, что во мне всегда живет, не обманет меня и скажет мне, *когда* будет час.

Простите: Вы за тысячи верст от понимания «Стансов близ Неаполя». Эти строки нужно именно *так* перевести. У Шелли нет никакой «гордой озлобленности», нигде, тем менее здесь. Все стихотворение полно величайшего примирения, и жалобы его кротки, как упреки ребенка. «The City's voice itself is soft like Solitude's». – «Yet now despair itself is mild»³.

Знаете ли Вы Раутенделейн⁴? Я знаю Раутенделейн. Это моя сестра. Как только я стал цельным, и окружающие люди стали друзьями. Не сомневайтесь в моей свободе. Я хотел бы с усмешкой напомнить слова Гамлета: «But never doubt...»⁵.

Я никому никогда более не скажу, что я с ним навсегда. Я навсегда лишь с тем незримым, что меня не покидает, что во мне, что обмануть не может. Я хочу Бесконечности и чувствую ее.

К.Бальмонт⁶

¹ Элевзинские таинства (греч. миф.; от священного места Элевсин в Аттике) – мистерии, воспринимавшиеся как «страсти» богини плодородия.

дия Деметры. Возможно, к этому письму Бальмонта относится недатированное ответное письмо Вилькиной из ее тетради с копиями писем к Брюсову, Бальмонту, Случевскому и др., ср.: «Ваши письма зажигают меня. И вы во многом не правы...» (см. полный текст во вступительной статье).

² «Готовить белые одежды...» – то есть готовиться к Страшному Суду; в текстах Ветхого и Нового заветов белые одежды символизируют праведность, святость.

³ Строки из стихотворения П.Б.Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния»: «Здесь нежен гул смятенья городского», «Здесь скорбь нежна, как грусть во зоре» (*П.Б.Шелли*. Полное собрание сочинений в переводе К.Д.Бальмонта. СПб., 1903. В 3 т. Т.1. С.60, 61); в раннем переводе: «И даже сладостны здесь звуки городские» (Сочинения Шелли / Пер. с англ. К.Д.Бальмонта. Вып.1. СПб., 1894. С.57).

⁴ Героиня стихотворной драмы Г.Гауптмана «Потонувший колокол» (1886).

⁵ «Никаких сомнений» (*англ.*).

⁶ К письму приложен машинописный текст стихотворения Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния» («Сияет небо солнцем ясным...») в переводе Бальмонта.

22

Москва, Б. Толстовский, д.5
9 декабря 1903

Милый друг, сколько времени нас разделяло молчание, неизвестность и пространство¹. Мне кажется сном, что я когда-то видал Вас, говорил с Вами, видел Ваше красивое лицо. Далеким сном, нежным, желанным.

Я приезжаю на днях в Петербург, 17-го. Пробуду до 21-го. Когда можно зайти к Вам? Вы хотите видеть Бальмонта? Он так хочет Вас видеть. Он прежний и новый, он новый и прежний, он вечно все тот же и хочет видеть Ваши глаза.

А Вы? Откликнетесь. Вы – такая же? Ну, да, такая же?

Много созвучий в душе. Мне хочется Ваших слов, и моих слов. Пусть они встретятся друг с другом, и снова пусть будут цветы, гирлянда цветов.

Ваш К.Бальмонт

Мой привет Николаю Максимовичу.

¹ Бальмонт вернулся в Москву из Франции 6 января 1903, получил разрешение жить в России.

19 дек<абр> 1903
СПб.

Бэла, посылаю Вам, как Вы хотели, два билета.

Чтение – в пользу Женских Курсов¹, и билеты стоят по три рубля. Извиняюсь за упоминание об этом. Я не был у Вас, так как был совсем болен. Не сердитесь. До свиданья. Я люблю Вас.

Ваш К.Бальмонт

¹ Сведениями о состоявшейся в это время в Петербурге лекции Бальмонта мы не располагаем. Можно, однако, с большой осторожностью предположить, что он читал лекцию об О.Уайльде. Осенью 1903 Бальмонт перевел «Балладу Редингтонской тюрьмы» О.Уайльда, написал статью о нем «Поэзия Оскара Уайльда» (опубл.: Весы. 1904. №1), которую в виде лекции прочитал в Москве 18 ноября на «вторнике» Литературно-художественного кружка.

24

29 июля 1906. Бретань
Finistere, Primel, Hôtel Talbot

Милая Бэла, я давно собирался писать Вам, но все эти недели моей жизни в Бретани¹ прошли среди стихов, и я не мог оторваться от настроений, которые целиком владели мною. Посылаю Вам некоторые из последних моих строк. Напишите о своем впечатлении. Ваше маленькое письмецо доставило мне истинную радость, но почему Вы так мало мне пишете? Напишите мне подробно о своих впечатлениях от «Горных Вершин», «Литургии Красоты» и «Фейных Сказок»². Что именно Вам в этих книгах пришлось по душе, и почему, и в каком смысле, и как именно – напишите мне подробно. Вы доставите мне радость.

Пишете ли стихи Вы сами? Вы мало пишете, но Ваши стихи всегда изящны.

Вы говорите, что Вам больно думать, что Вам нет места в моей жизни. Это не так. Наша встреча в жизни – полна красоты, и забыть ее нельзя. Такие строки мои, как «Отцвели, о, давно»³, которые я написал, думая о Вас, показывают слишком красноречиво, как близко тронули Вы во мне родник моей нежности. Мы расставались потом на целые годы. И наша встреча в Париже была такая беглая – в этом виною я, не я, но все, что было связано с моим сложным временным. Мы еще увидимся с Вами, я знаю. Мы не чужие друг другу, о, нет, Бэла.

До свиданья. Буду ждать Ваших строк.

Ваш К.Бальмонт⁴

¹ В ночь с 31 декабря 1905 на 1 января 1906 Бальмонт с семьей выехал во Францию, спасаясь от угрожавшего ему ареста по обвинению в призыве к вооруженному восстанию; в эмиграции поэт находился семь лет. Лето Бальмонт обычно проводил в Бретани, на западном побережье Франции.

² Здесь имеются в виду: книга статей К.Бальмонта «Горные вершины» (М., 1904) и стихотворные сборники, вышедшие в 1905, – «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М., 1905) и «Фейные Сказки. Детские песенки» (М.: Гриф, 1905).

³ См. письмо 3.

⁴ К письму приложены машинописные тексты стихотворений «Богиня-Громовница» («Девушка волшебная, богиня-Громовница...») и «Заговор хмеля» («В чисто поле я пойду...») из книги стихов Бальмонта «Жар-Птица. Свирель славянина» (М., 1907); в текстах имеются пунктуационные варианты.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЛЮДМИЛА ВИЛЬКИНА. ПЕРЕПИСКА

Предисловие А.В.Лаврова

Подготовка текста А.Н.Демьяновой, Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова

Публикация и комментарии Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова

В 1916 Валерий Брюсов написал веночек сонетов «Роковой ряд»: в каждом из 14 сонетов венка воссоздавался образ одной из возлюбленных, запечатлевшихся в памяти автора. В седьмом сонете воспета Лила; под этим условным именем подразумевалась Людмила Вилькина:

Навек закрепощенных в четкий стих,
Прореяло немало миггов. Было
Светло и страшно, жгуче и уныло...
Привет тебе, среди цариц земных,

Недолгий призрак, царственная Лила!
Меня внесла ты в счет рабов своих...
Но в цепи я играл: еще ничьих
Оков – душа терпеть не снисходила.

Актер, я падал пред тобой во прах,
Я лобызал следы твоих сандалий,
Я пел терцинами твой лик медалей...

Но страсть уже стояла на часах...
И вдруг вошла с палящей сталью взгляда,
Ты – слаще смерти, ты – желанней яда.¹

В заключительном терцете уже возникает тема следующего, восьмого, сонета – тема страсти, которую пробудила в авторе «ангел или дьяволица» Дина – Нина Петровская. Радостно-мучительная, всепоглощающая любовь, соединившая поэта с Диной, контрастирует с той гаммой переживаний, которую вызвала в нем «царственная Лила» – «недолгий призрак»: мотив игры, осознанного актерства, определяющего для него в данном случае весь стиль поведения, акцентируется в художественной реконструкции этого жизненного сюжета. И все же «недолгий призрак» не промелькнул во внутреннем мире Брюсова «мимолетным виденьем» – иначе не довелось бы ему вписаться в протяженный, но строго и взвешенно выстроенный «роковой ряд». И в биографических любовных реестрах «недолгий призрак» не был забыт. «Мой Дон-

¹ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т.2. С.306.

Жуанский список» Брюсова в рубрике «А. Серьезное» включает запись: «1903 – 4. Людмила (Вилькина)»; аналогичная запись – в его же перечне «Mes amantes»: «1903 – 4. Людмила (Людмила Николаевна Вилькина-Минская)»².

Занесенные в «роковой ряд» одна за другой, – хотя и несопоставимые друг с другом по тому месту, которое они занимали в жизни Брюсова, – Людмила Вилькина и Нина Петровская, при всем несходстве их психологических обликов и манеры поведения, являли собою две модификации, два варианта одного типа творческой личности, чрезвычайно характерного в целом для культуры русского символизма. Обе они участвовали в литературной жизни, публиковались в модернистских изданиях, но не создали эстетически значимых, по большому счету, произведений и не сумели выделиться, благодаря написанному, из среды многочисленных «малых» представителей своего направления, остались на его периферии. Обе они, однако, оказались весьма заметными фигурами, без которых картина символистской литературной жизни была бы менее выразительной и заведомо неполной: в своей биографии, в формах и стиле своего самовыражения и своих жизненных контактов Петровская и Вилькина в полной мере сумели осуществить то, чего им не удалось добиться в художественных формах, – реализовать, каждая на свой лад, декадентско-символистскую модель «жизнетворчества», пересоздать косный и рутинный быт по эстетическому канону, предстать одновременно жрицей и жертвой этих преобразенных, извращенно-обновленных форм бытия³.

Людмила (до перехода в 1891 из иудейского в православное вероисповедание – Изабелла; Бэла⁴, как ее называли близкие) Вилькина (1873–1920) родилась в Петербурге в семье коллежского асессора Николая Львовича Вилькина. Мать ее, Елизавета Афанасьевна, урожденная Венгерова, была дочерью общественного деятеля и директора банка в Минске Афанасия Леонтьевича Венгерова; в числе ее семи братьев и сестер –

² Опубликованы в комментариях В.Э.Молодякова в кн.: *Брюсов В.* Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С.222-223.

³ Опыт характеристики этих особенностей творческого облика Вилькиной предпринят Е.В.Тырышкиной в ее статьях: 1) «Жизнетворчество» Л.Н.Вилькиной // Женский вопрос в контексте национальной культуры. Из истории женского движения в России: Сб. научных трудов. Вып.3. СПб., 1999. С.52-60; 2) В поисках собственного образа: Людмила Вилькина в своем дневнике и переписке (1890-е – 1900-е гг.) // *Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts.* Helsinki, 2000. P.141-154. (Kikimora Publications. Ser. B: 18). См. также: *Тырышкина Е.В.* Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: От декаданса к авангарду. Новосибирск, 2002. С.123-138.

⁴ В текстах присутствуют разные варианты написания имени: Белла, Бела, Бэла.

историк русской литературы и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров, пианистка и преподавательница музыки Изабелла Афанасьевна Венгерова, историк западноевропейских литератур, критик и переводчица Зинаида Афанасьевна Венгерова.

С детских лет Изабеллу—Людмилу Вилькину (получившую образование в петербургской женской гимназии княгини А.Л.Оболенской) окружала литературная атмосфера, и в этом отношении ее союз с поэтом и философом Н.М.Минским, одним из провозвестников «нового» искусства в России, оказался вполне закономерным: их совместная жизнь началась в 1896 (отчасти благодаря содействию Зинаиды Венгеровой, также связанной с Минским близкими отношениями⁵), официально брак был заключен 8 июня 1905⁶.

Поначалу Вилькина пыталась обрести себя на артистическом поприще⁷, но затем литературные интересы возобладали. О том, что Белла

⁵ Любопытно в связи с этим недатированное письмо З.Венгеровой к Вилькиной, наглядно иллюстрирующее нетривиальный характер взаимоотношений между ними:

Напрасно ты думаешь, что я стою на твоём пути <...> я искренно желаю, чтобы Ник<олай> Макс<имович> женился на тебе. Я думала, что это устроится само собой – без моего явного участия. Но теперь я вижу, что тут нужно мое содействие, и являюсь к тебе как союзница. Напрасно ты думаешь, что я дурно к тебе отношусь, ревнуя к тебе Н<иколая> М<аксимовича>. Даю тебе честное слово, что не имею ни малейшего основания к этому. Твоя любовь мне кажется настолько красивой, что все мои симпатии за тебя <...>. Конечно, дело не во мне одной, но ведь ты уверена в хороших к тебе отношениях Н<иколая> М<аксимовича>. – Если же ты боишься его дружбы со мной, то представляю тебе полную гарантию: я не буду с ним видаться, чтобы не огорчать тебя. Ведь это достаточное условие для того, чтобы ты была счастлива. Ответь мне, Белла, хочешь ли ты в этих условиях выйти замуж за Н<иколая> М<аксимовича>. – Делаю тебе за него формальное предложение – поверь мне, что я имею на это право, и предоставь мне действовать.

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.837).

О дальнейшем можно судить по другому недатированному письму Венгеровой к Вилькиной:

Милая Белла,

Все устроено. Решено, что ты и Н<иколай> М<аксимович> поселишься вместе. Он просил не сообщать об этом пока другим. Береги свое здоровье и будь теперь совершенно спокойна и бодра. Целую тебя и от души желаю полной счастливой жизни. Зина.

(Там же).

⁶ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.807.

⁷ 28 декабря 1892 З.А.Венгерова писала из Петербурга своей приятельнице С.Г.Балаховской-Пети: «Сюда приехала Белла Вилькина из Москвы, где она готовится в Сары Бернар. Она удивительно красива и счастлива сознанием сво-

Вилькина «пишет недурные стихи и рассказы», Зинаида Венгерова известила свою подругу 21 сентября 1895; правда, 4 января 1896 писала ей уже в другой тональности: «Беллины стихи, конечно, пустяки. Может быть, из ее прозы что-нибудь выйдет – пока она старается работать»⁸. И год спустя (в письме от 12 января 1897) – снова о ней же, об ее упорном стремлении к литературной работе, невзирая на телесные недуги:

Она очень больная женщина, сидит взаперти, занимается, пытается писать – по душе своей очень любящая и сосредоточенная натура, с сильными страстями, принимает жизнь всерьез, страдает, любит, ревнует – в общем симпатичная и жалкая женщина, особенно теперь с ее болезнями. Николай Максимович собирается вместе с ней за границу, но теперь ей нельзя двинуться с дивана из-за всяких опухолей и воспалений. <...> Перевод «Аглава» и Селизета» сделан Белой и недурно.⁹

С пьесы «Аглавена и Селизета» началась многолетняя работа Вилькиной по переводу на русский язык произведений Мориса Метерлинка. Эти переводы неоднократно переиздавались при ее жизни, а также и в последующие десятилетия. Переводила она, кроме того, пьесы Октава Мирбо и Гергарта Гауптмана, романы Поля Адана, рассказы Андре Савиньона и многое другое.

На рубеже веков Вилькина заявила о себе в печати и собственными произведениями – стихотворениями, рассказами, обзорами и рецензиями, спорадически появлявшимися в журналах и газетах («Неделя», «Книжки Недели», «Новое Дело», «Ежемесячные сочинения», «Новое время», «Звезда»). Литературного имени эти публикации ей не создали,

его влияния на людей»; 29 декабря 1894 сообщала ей же об увиденном накануне спектакле по пьесе Э.Моро и В.Сарду «Мадам Сан-Жен»: «Интерес заключался в том, чтобы посмотреть, как выглядит со сцены Бэла; именно выглядит, потому что она пока на выходных ролях. Но костюмы прачки и субретки ей очень к лицу, и она положительно очень хороша и эффектна» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Publ., comment. et notes de Rosina Neginsky // *Revue des études slaves*. 1995. Т.67. Fasc.1. P.205, 234). 21 сентября 1895 Венгерова сообщала Балаховской-Пети о том, что Вилькина «играет на клубной сцене» (Ibid. Fasc.2/3. P.458). Ср. сведения в автобиографии Вилькиной: «После гимназии поехала в Москву, где пробыла два года в театральной императорской школе, но сценического таланта в себе не открыла. За это время определилось мое отношение к искусству и жизни» (ИРЛИ. Ф.377 (1-е собр. автобиографий С.А.Венгерова). №715). См. также: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А.Венгерова: Аннотированный указатель: В 2 т. СПб., 2001. Т.1. С.241.

⁸ Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети // *Revue des études slaves*. 1995. Т.67. Fasc.2/3. P.458, 462.

⁹ Ibid. P.466.

зато определенную известность Вилькина сумела завоевать в писательской среде, находясь рядом с Минским, в их петербургской квартире на Английской набережной, которая, благодаря, главным образом, усилиям ее хозяйки, приобрела репутацию модного «салона» в «декадентском» стиле. О новообретенном амплуа, определившем образ жизни и характер поведения Вилькиной, Венгерова писала 22 ноября 1901 своей постоянной корреспондентке: «Бэла Минская утончается, превращается в запятому, занята “культом своей красоты” и приискиванием поклонников. <...> Она, кажется, навсегда застынет на искании счастья в “ухаживаниях”, что бы ни менялось вокруг нее»¹⁰.

Среди «поклонников» и конфидентов, увлеченных Вилькиной и занимавших на протяжении более или менее длительного времени определенное место в ее жизни, помимо Брюсова, представлены и другие знаменитости – К.Д.Бальмонт, В.В.Розанов, Д.С.Мережковский, Л.С.Бакст, К.А.Сомов; значатся в их числе и фигуры не столь выдающиеся: поэт, прозаик и драматург С.Л.Рафалович, прозаик и драматург Осип Дымов, поэт, филолог, в будущем известный историк западноевропейских литератур А.А.Смирнов и другие.

Опрометчивой, однако, была бы попытка увидеть в Вилькиной воплощение «декадентского» панэротизма и аморализма, разоблачить ее как новоявленную Мессалину, ищущую любовных радостей и острых ощущений в мире литературно-артистической богемы. Вилькина – может быть, последовательнее, чем иные ее современники – старалась соблюдать верность кодексу «декадентских» идей, чувствований и настроений, но трактовала этот кодекс на свой лад. Полноте и определенности переживаний и страстей она неизменно предпочитает зыбкость и двусмысленность, искренности и правде чувств – их имитацию, цельности мировидения – внутреннюю противоречивость, реальности – иллюзию. В предисловии к ее единственной авторской книге Розанов отметил, что Вилькина способна жить и творить только в «зале своего воображения»: «Она <...> предпочитает больше грезить, нежели видеть»¹¹. Сонеты Вилькиной изобилуют афористическими формулами, раскрывающими суть ее мироощущения, которое не могло не оставить своего отпечатка и на характере взаимоотношений с приближавшимися к ней людьми: «Люблю я не любовь, – люблю влюбленность»; «Я не любви ищу, но легкой тайны. / Неправды мил мне вкрадчивый привет»; «Я – мир, в котором солнце не зажглось. / Я – то, что быть должно и не сбылось»¹². Эгоцентризм всегда оставался необходимым ферментом в среде ее прихотливых личных переживаний, был главной стимулирующей

¹⁰ Ibid. P.498-499.

¹¹ Вилькина (Минская) Л. Мой сад. М., 1906. С.6, 5.

¹² Там же. С.42, 52, 19.

силой во всех ее увлечениях и «романах», придавал им ущербность и «недовоплощенность».

Умевший быть пронизательным Д.С.Мережковский даже в ту пору, когда он позволил себе безрассудно ею увлечься, отчетливо различал эти особенности ее личности и неоднократно в письмах к Вилькиной на них указывал: «Вы влюблены в себя, и другие люди служат Вам только зеркалами, в которые Вы на себя любуетесь <...>» (март 1905); «Все люди вообще разделяются на два рода: на тех, которые умеют любить, не желая быть любимыми, и на тех, которые хотят быть любимыми, не умея любить. Вы принадлежите ко второму роду, я – к первому. Я знаю, что хотя Вы никогда меня не полюбите, но Вам хочется, чтобы я Вас любил» (26 апреля 1905); «...Вы умеете желать беспредельным желанием, никогда не доходя до конца желаний <...>. Вы умеете пить вино поцелуев, опьяняясь и все-таки оставаясь трезвою в опьянении...» (18 июня 1905)¹³.

Тот же Мережковский в одном из писем к Вилькиной назвал ее «колдуньей», которая варит «любовное зелье из многих похищенных сердец»¹⁴. Действительно, Вилькина стремилась к умножению числа своих поклонников с той же энергией и увлеченностью, с какой профессиональный коллекционер прилагает усилия к пополнению собрания принадлежащих ему раритетов. Сохранилась тетрадь, в которую она одно время заносила копии своих писем к тем корреспондентам, которых считала «полоненными» ею, – к Л.С.Баксту, К.К.Случевскому, Брюсову и др.¹⁵ С коллекцией из полученных ею «откровенных» писем она охотно знакомила сторонних лиц. В записи об одной из первых встреч с нею (ноябрь 1902) Брюсов отметил: «Минская показывала мне письма Бакста, где он соблазнял ее. “Для художника не существует одежд, писал он, я мысленно вижу вас голой, любуюсь вашим телом, хочу его”»¹⁶. Розанов жаловался З.Н.Гиппиус (декабрь 1906):

Проклятая Леликина, Лолекина, Вилькина и проч. позволяет читать мои к ней письма, – совершенно «непозволительные». <...>. Права это делать она не имеет никакого; но тут очевидно

¹³ Письма Д.С.Мережковского к Л.Н.Вилькиной / Публ. В.Н.Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С.215, 220, 225.

¹⁴ Приведено в предисловии В.Н.Быстрова (Там же. С.210).

¹⁵ ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.791. Несколько писем из этой тетради опубликовано: Тырышкина Е. В поисках собственного образа... Р.147-149; при этом одно из писем («Вот видите – я не пишу Вам, не зову Вас <...>» (Р.147)), обращенное к Баксту (в тетради адресат обозначен «Б-с-у»). – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.791. Л.2об.), ошибочно атрибутировано публикатором как письмо к Брюсову.

¹⁶ РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед.хр.16. Л.27.

не в праве дело, а в ее уме и порядочности – по части чего у нее безнадежно. Что делать – не знаю, как поступить – не понимаю. Написать Минскому? Он на нее чрезвычайно влиятелен, и вообще из его воли она не выходит. <...> Конечно, никакой любви ни раньше, ни теперь у меня не было, а это все проклятая «философская любознательность». <...> Теперь эта дура «полегоньку» и «помаленьку» читает это разным друзьям своим – кажется, Сомову, Нувелю и проч.; а главное, хвастает: «У меня есть полный материал для 3-го тома сочинений» В.В.Розанова, который я издам после его смерти».¹⁷

Получив это послание, Гиппиус сочла нужным предупредить Брюсова о том, что его переписка с Вилькиной также не застрахована от публичной огласки¹⁸. Впрочем, Брюсов в данном случае мог особенно не волноваться: в его посланиях к Вилькиной не содержалось тех пикантностей, на которые оказался столь щедр Розанов, а отношения с нею ко времени истории с розановскими письмами уже давно приобрели формально-отстраненный характер.

Познакомился же Брюсов с Вилькиной в начале ноября 1900, в один из приездов в Петербург. «Видели вчера Минского и беседовали с ним долго и хорошо; и с г-жой Минской, которая в сторонке соблазняла меня “полюбить страшное”», – сообщал Брюсов 4 ноября 1900 А.А.Шестеркиной¹⁹. Встречи были возобновлены два года спустя, когда Брюсов, находясь в Петербурге, участвовал в подготовке к изданию журнала «Новый Путь». Уже в это время в его записях сказывается ирония по

¹⁷ «Распоясанные письма» В.Розанова / Вступит. статья, публ. и примеч. М.Павловой // Литературное обозрение. 1991. №11. С.68-69. Там же (С.69) опубликованы (с неточностями) два сохранившихся письма Розанова к Вилькиной (автографы см.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.913).

¹⁸ 8/21 января 1907 она писала Брюсову:

...много ли у Людмилы-Белы ваших, более или менее пламенных, писем? Она занимается последнее время экспозицией этого материала, утоляя свое славолубие (счет знаменитых «разожженных плотей») – неуголенное напечатанием книжки. Обнародование ваших писем, каких бы то ни было, конечно, вам лишь честь, но не так давно некий неосторожный («знаменитый» тоже) обладатель такой «разожженной плоти», обладатель, по несчастью, и ревнивой жены, прибег даже к моей протекции, и я должна была, при посредстве ее мужа, усмирить коварную прельстительницу.

(Переписка З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Д.В.Философова с В.Я.Брюсовым (1906–1909) / Публ. М.В.Толмачева // Литературоведческий журнал. 2001. №15. С.158).

¹⁹ Письма к А.А.Шестеркиной. 1900–1913 / Публ. В.Г.Дмитриева // Лит. наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.627. См. также более подробную запись об этой встрече: *Брюсов В. Дневники. 1891–1910.* <М.>, 1927. С.95.

отношению к «декадентской» «мэтрессе»: «Людмила подражает Зиночке, лежит на кушетке у камина. <...> Она говорила декадентские слова и кокетничала по-декадентски» (16 ноября 1902)²⁰. Упомянув о Минском в письме к С.А.Полякову от 23 ноября 1902, Брюсов добавлял: «С женой его, знаменитой Людмилой, выдаюсь каждый день, в какой-то фантастической ее комнате, со ступенями вниз, в их роскошном полу-венетическом палаццо на берегу Невы. “Играем в любовь”. (По счастью, я скоро уеду)»²¹.

Аналогичны и его отзывы в письмах к жене (не сообщая в них обо всех обстоятельствах своих встреч с Вилькиной, Брюсов, видимо, не кривил душой, характеризуя ее «обольщения» в ироническом тоне): «... был у Минских. Роскошная квартира вроде венецианского палаццо; вид на Неву. Людмила меня приняла в некоей уединенной комнате, куда надо идти по ступеням вниз. Полтора часа она меня соблазняла, но не соблазнила, конечно, да и не соблазнит. <...> Сегодня опять буду у ней» (17 ноября 1902); «... в 5 пошел к Минским. Опять попал в круглую комнату, и начала меня Людмила опять соблазнять (в переносном смысле). Соблазняла, соблазняла. Потом пришел Минский, говорил “философские разговоры”. Ушел. Опять меня Людмила соблазняла и поила чаем» (та же дата, «ночь»)²²; «Г-жа Минская продолжает меня прельщать, рассказывает, как была она любовницей Бальмонта. Я пишу ей стихи <...> и делаю вид, что интересуюсь ею <...> (Но ты тоже не бойся. Это тоже забава, которая не зайдет дальше первого столба)» (22 ноября 1902). В то же время Брюсов не скрывал от жены того, что находиться в обществе Минского и Вилькиной ему приятно и интересно: «... у них мне легче дышать, чем у Мережковских. И люди у Минских бывают более мне по сердцу, чем богословы от Мережковских» (21 ноября 1902)²³.

²⁰ Там же. С.125.

²¹ Переписка с С.А.Поляковым (1899–1921) / Публ. Н.В.Котрелева, Л.К.Кувановой и И.П.Якир // Лит. наследство. Т.98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн.2. С.65.

²² РГБ. Ф.386. Карт.69. Ед.хр.2.

²³ Там же. Ед.хр.3. И.М.Брюсова, однако, была не на шутку встревожена этими признаниями. В связи с этим Брюсов писал ее сестре Марии Матвеевне Рунт, бывшей также его возлюбленной (авторская датировка: «1902»; написано, видимо, в декабре): «Жанна на меня что-то очень сердится. Подите к ней. Успокойте ее. Уверьте ее, что я ее очень люблю. Ведь оно так и есть. Она мне жена, самая настоящая, самая желанная, и иной я не хочу на всю жизнь. Вы мне брались быть другом. Будьте. Я неосторожно описывал ей, как ухаживал здесь за г-жой Минской. Только потому и описывал, что для меня это было забавой. Я никогда, например, не сказал бы ей (и не говорил) о том вечере, на берегу озера, в Петр<овско>-Раз<умовском>, не сказал бы о том, как всегда, когда я вижу Вас, мне хочется Вас ласкать, – потому не сказал бы, что это из души, от сердца,

Резюме этой первоначальной стадии их взаимоотношений Брюсов изложил в дневниковой записи:

За Минской я ухаживал. Впрочем, платонически. Дарил ей цветы. Мы целовались. Перед самым моим отъездом мы устроили поездку в Финляндию, в один пансион. Провели в общем вместе и наедине часов 10, и я свободно мог бы похвалиться ее близостью. Ибо в пансионе (в Мустамяках) провели часы и в запертой комнате. Но только целовались. Она взяла с меня какие-то нелепые клятвы и обещание отдать ей обручальное кольцо. Между прочим, меня поразило, как она зависима от мира в мелочах жизни, как она боялась, что опоздала домой на 1½ часа.²⁴

Под впечатлением от совместной однодневной поездки в Финляндию Брюсов написал стихотворение «Лесная дева» (26 ноября 1902), посвященное Вилькиной:

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил женщину: в сверканьи глаз
Ее – был смех, но губы были строги.

Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлаживалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.

Мне сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,

Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянию.
На ветви гуще падал мрак ночной...

Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянию.²⁵

что в этом есть обида ей, есть измена. А во всех моих ухаживаниях за Минской и Образцовой ничего нет <...>. Если б даже я был возлюбленным г-жи Минской (чего вовсе нет и не будет), и тогда это не было бы изменой. Ах, почему для женщин это не ясно» (РГБ. Ф.386. Карт.69. Ед.хр.18).

²⁴ Там же. Карт. 1. Ед.хр.16. Л.26об.

²⁵ Впервые опубликовано в «Альманахе книгоиздательства “Триф”» (М., 1903), вошло в книгу стихов Брюсова «Urbi et orbi» (М., 1903). См.: Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т.1. С.322-323. К Вилькиной обращен также стихотворный экспромт «Я путешественник случайный...» (ноябрь 1902), надписанный на подаренной ей Брюсовым книге его стихов (Там же. Т.3. М., 1974. С.275, 599).

«Лесная дева» – Вергилий этих вариаций на дантовскую тему – скрывается от героя, заблудившегося в тумане, но он ждет следующей ночи и предвкушает новую встречу:

Приди! Зови! Бери меня! Я – твой!

Призыв, которым завершается стихотворение, претворился в жизнь во время следующего приезда Брюсова в Петербург, в январе 1903. Любовному союзу Брюсова и Вилькиной, впрочем, суждено было осуществиться, по всей видимости, в тех же иллюзорных и мимолетных формах, что открывались лунатическому взору лирического героя «Лесной девы». Со стороны Брюсова это увлечение было непродолжительным, и он не раз пытался в письмах к Вилькиной указать на временную и психологическую дистанцию, отделившую былого рыцаря «лесной девы» от него же самого, находящегося уже во власти новых переживаний.

Вилькина не желала примириться с охлаждением Брюсова и даже готова была простить явные знаки невнимания к ней с его стороны, но, думается, не столько от полноты и силы своего чувства к нему, сколько по двойному расчету. Связь с мэтром московских символистов, при отмеченной выше страсти к «коллекционированию» престижных поклонников, льстила ее самолюбию, а также могла – на что она явно надеялась – способствовать упрочению ее положения в писательской среде: Вилькина была глубоко уязвлена тем, что ее попытки заявить о себе на литературном поприще не приносят желаемых результатов, что в творчестве ей не удастся и не суждено стать вровень со многими из ее конкурентов.

Начальную стадию своих отношений с Вилькиной Брюсов определил как «игру в любовь»; в значительной мере игровой, искусственный характер эти отношения сохранили и в ту пору, когда о любви можно было говорить только в прошедшем времени. В письмах к Вилькиной Брюсов выступает как бы в двух ипостасях – делится своими, вполне искренними и доверительными суждениями на литературные и иные темы, выражает собственное мироощущение, обсуждает разнообразные частные вопросы и – откровенно лицедействует, «подыгрывает» корреспонденту, выступая в обличье экзальтированного и утонченного духовного гурмана, эстетизируя события собственной жизни, выстраивая велеречивые образные ряды, призванные передать тайные, невыразимые ритмы душевной жизни.

После 1904 связь между Брюсовым и Вилькиной сохранялась лишь благодаря переписке, которая постепенно утрачивала прежнюю видимость интимности. Взаимоотношения их фактически сошли на нет после появления в журнале «Весы» (1907. №1) отрицательного отзыва Брюсова о книге Вилькиной «Мой сад», выпущенной московским издательством «Гриф». «Статью о Вилькиной я писал “скрепя сердце”, – сообщал Брюсов К.И. Чуковскому. – Но ведь должен же был кто-нибудь

откровенно заявить, что она как поэт – бездарность (и очень характерная, очень совершенная бездарность)»²⁶. Брюсов критиковал как эстетическую ущербность сонетов Вилькиной (отсутствие изобразительности, «скудные и общие определения» вместо эпитетов, «стих лишен музыкальности, а порой и прямо неблагозвучен»), так и во многом уже устаревшую, по его убеждению, художественную идеологию автора:

Содержание «Моего сада» исчерпывается кругом «декадентского» мировоззрения. «Я – целый мир», «Я – в пустыне», «Мне жизнь милей на миг, чем навсегда», «Я и обычное считаю чудом», «Люблю я не любовь, – люблю влюбленность» и т<ому> под<обное> – все это мысли, которые уже довольно давно перестали быть новыми даже у нас.²⁷

Приговором Брюсова Вилькина была задета до глубины души; остроту ее реакции не могли сгладить ни опубликованные одновременно положительные рецензии на «Мой сад» Сергея Соловьева (Золотое руно. 1907. №1) и Андрея Белого (Перевал. 1907. №3, январь) – появление последней было инспирировано Минским²⁸, – ни сочувственные увещания мужа, постоянно побуждавшего ее поверить в силу и подлинность дарованного ей таланта²⁹. Задуманную ранее вторую книгу стихов

²⁶ Письмо от 21 февраля 1907, опубл. в кн.: Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С.445. Ср. письмо Брюсова к А.А.Блоку от 16 февраля 1907: «...меня упрекают за мои рецензии в №1, но, клянусь, я писал именно то, что думал. Не мог я по чести хвалить деревяшки Людм<иль> Ник<олаевны>, выдаваемые ею за сонеты, не мог, не мог, не мог!» (см.: Переписка Блока с В.Я.Брюсовым (1903–1919) / Публ. Ю.П.Благоволиной // Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн.1. С.500).

²⁷ Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А.Богомолов и Н.В.Котрелев; вступит статья и коммент. Н.А.Богомолова. М., 1990. С.222. Ср. во многом сходную оценку «Моего сада» в рецензии Л.М.Василевского: «Этот “сад” насильственно изолирован – только от “города”, но и от “жизни” вообще, которой автор не понимает, потому что не любит и не чувствует <...> это – пассивное и безжизненное самоотъединение ради спокойного созерцания сонных грез» (Современный мир. 1907. №2. Отд.2. С.76. Подпись: «Л.В-ий»).

²⁸ 17 декабря 1906 Минский сообщал Вилькиной из Парижа: «Только что были у меня Андрей Белый и Маковский. Белому передал твои стихи – и он обещал написать о них»; по выходе рецензии Белого – ей же: «Ура! Только что получил “Перевал”. Боже, как я рад! Милый Белый! Как я счастлив, что мне удалось победить влияние З.Н. (Гиппиус. –А.Л.). Ты не знаешь, сколько мне это стоило» (11 февраля 1907); «...этот отзыв в твоей литературной жизни – событие! После него ты сразу заняла выдающееся место среди новых поэтов» (14 февраля 1907). – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.884.

²⁹ 26 февраля 1907 Минский заверял Вилькину: «В одном тебе клянусь: отольются Брюсову твои слезы». Накануне, 25 февраля, он пытался приглушить

и рассказов Вилькина так и не сформировала; впоследствии, проводя почти все время вместе с Минским за границей, она фактически отошла от российской литературной жизни, лишь от случая к случаю публикуя единичные стихотворения и переводы.

Смерть Людмилы Вилькиной в Париже в 1920 прошла незамеченной. В печати появилось лишь ее «посмертное стихотворение», аккумулятивировавшее в нескольких незатейливых строках квинтэссенцию того эстетического мироощущения, с которым она когда-то пыталась самоопределиться в русской литературе:

Когда нет Радости,
То никакой нет радости
Пить.

Когда нет Цели,
То никакой нет цели
Жить.

Радость без Радости
Только одна:
Сон.

Цель без Цели
Только одна:
Смерть.³⁰

* * *

ее впечатления множеством доводов: «Дитя любимое, Брюсов написал о тебе то, что – запомни мое слово – он через месяц, когда выйдут мои стихи, напишет обо мне. Тут ничего не поделаешь. Он – душа мелкая, недобросовестная – и под шум полемики сам себя не слышит. Он ошалел от соперничества с Грифом. <...> А пока не огорчайся его критикой, а воспользуйся ею. Упреки его могут быть приложены и к Пушкину, и к Лермонтову, – но в них все-таки есть доля правды, к которой надо прислушаться. Мы вступаем в период стихотворного виртуозничества – когда эпитеты должны сверкать – и все слова должны быть и уместны и неожиданны. Во всяком случае, об этом надо думать. Придирки Брюсова к стилю твоих стихов не стоят гроша и повредить тебе не могут. Что же касается того, что ты берешь декадентские темы, то, конечно, ты сама этого отрицать не станешь – и в этом что же обидного. Да, ты – декадентка, как и мы все. Из круга декадентских тем никто из нас не выходит. Поверь, друг мой, моей опытности и спокойно плюнь на критику Брюсова. От журнала, где душой является Мережковский и Гиппиус, ни ты, ни я добра ждать не можем. Это надо знать заранее – и относиться к такому факту с величайшим и презрительнейшим спокойствием» (Там же).

³⁰ Опубл.: Русский сборник. Париж, 1920. С. 180.

Письма В.Я.Брюсова к Л.Н.Вилькиной печатаются по автографам, хранящимся в архиве З.А.Венгеровой и Н.М.Минского в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.833); черновые тексты писем и неотправленные письма – по автографам, хранящимся в архиве Брюсова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21). Письма Л.Н.Вилькиной к В.Я.Брюсову печатаются по автографам, хранящимся в архиве Брюсова там же (Карт.80. Ед.хр.13-15). При публикации в основном сохранена авторская пунктуация. Курсивом выделены подчеркивания в тексте, в квадратных скобках помещены вычеркнутые слова, конъектуры раскрыты в угловых скобках.

8 писем Брюсова к Вилькиной (в настоящей публикации это №9, 25(1), 50, 53, 70, 76, 90, 111) ранее были опубликованы С.С.Гречишкиным и А.В.Лавровым в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год» (Л., 1976. С.126-135). Остальные письма, входящие в публикацию, печатаются впервые.

Хронологическая последовательность писем 11–16, относящихся ко времени пребывания Брюсова в Петербурге и начала его сближения с Вилькиной, устанавливается предположительно.

1. Вилькина – Брюсову
11 января 1902, Петербург¹

Валерий Яковлевич,

Я узнала, что у вас в скором времени выйдет второй выпуск «Сев<ерных> Цвет<ов>». Посылаю вам два своих стихотворения. Быть может, вы найдете возможным их там напечатать.²

Л.Вилькина-Минская
Галерная, 20

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 11 янв<аря> 1902»; «Москва. 12 января 1902 г.».

² К началу переписки с Брюсовым Вилькину спровоцировали вести о подготовке в Москве нового выпуска символистского альманаха. Несомненно, интерес «скорпионовского» кружка первоначально был сконцентрирован на Н.М.Минском; показательно, что и его первое письмо к Брюсову (однако уже возвращающее к издательской ситуации предыдущего года) датировано 13 января 1902. Но уже 15 января, вслед за

Вилькиной, к Брюсову обращается вовсе незнакомый с ним С.Л.Рафалович (1875–1943) – поэт, драматург и прозаик: «Милостивый Государь Валерий Яковлевич. Я узнал от Николая Максимовича Минского, что Вы издаете новый сборник стихов современных поэтов, и посылаю Вам на выбор четыре стихотворения, написанные после появления моей книги: Весенние ключи» (РГБ. Ф.386. Карт.100. Ед.хр.8. Л.1). В альманахе «Северные Цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион»» (М., 1902) был опубликован сонет Вилькиной «Одно и то же» («Я сплю, иль умерла – одно и то же...») (С.140); там же были напечатаны три стихотворения Минского. Произведения Рафаловича приняты не были.

2. Вилькина – Брюсову
25 мая 1902, Петербург

Суббота¹

Валерий Яковлевич,

Я изготовляю полное собрание сочинений Метерлинка в своем переводе (изд<ание> Колпинского), со статьями Н.Бердяева, Н.Минского, З.Венгеровой². Стихи же появятся не только в моем переводе, но я раздаю их всем нашим поэтам.

Не возьметесь ли и вы перевести следующ<ие> стихи из сборника «Serres chaudes»: 1) Serres chaudes (11–12); 2) Ame de serres (81 стр.); 3) Intentions (83); 4) Ame de nuit (91–92 стр.)³. Гонорар будет, но им не прельщайся, так как издатель платит <так!> за стихи как за прозу. Сборник появится только в августе, так что до тех пор можете напечатать перевод, где захотите. Если согласитесь, буду вам благодарна. – Еще прошу, если возможно, ответить мне до конца этого месяца. Если же никак не успеете, то по следующему адресу: Ст<анция> Бологое (Ник<олаевской> ж. д.) – Имению Е.А.Вилькиной⁴ – для Л.Н.Минской. Но только лучше бы сюда.

Нельзя ли через вас обратиться и к Бальтрушайтису <так!>. Если да, то вот ему: 1) Cloche de verre (19–21 стр.); 2) Attente (77 стр.); 3) Ronde de ennui (55)⁵.

Если захотите обменяться – как желаете. Мне все равно. Эти стихи свободны, вам оставлены.

Не знаете ли, где Бальмонт? Его адрес? Хотела бы предложить и ему несколько стихотворений, но потеряла его из виду.⁶

Так жду с нетерпением ответа. – Ведь вы не откажетесь, да?

Людм. Вилькина

Галерная, 20, кв. 55.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 25 мая 1902» (суббота приходилась на это число); «Москва. 26 мая 1902».

² Имеется в виду издание сочинений Мориса Метерлинка в шести выпусках («бесплатные приложения к литературному, общественному и политическому журналу “Звезда”», 1903) в переводе Л.Вилькиной. Александр Егорович Колпинский (?–1919) – инженер-технолог, владелец типографии в Петербурге. Статья о Метерлинке Н.М.Минского («Мориц Метерлинк») была помещена в первом выпуске издания (С.3-18), включавшем эссеистическую книгу «Сокровище смиренных»; предисловие З.А.Венгеровой к «Теплице» – в шестом выпуске (С.127-129). Николай Александрович Бердяев (1874–1948) участия в издании не принял.

³ «Serres chaudes» («Теплицы», 1889) – первый сборник стихотворений Мориса Метерлинка.

⁴ Елизавета Афанасьевна Вилькина, мать Л.Н.Вилькиной.

⁵ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) – поэт, прозаик, переводчик. В упомянутом издании Метерлинка участия не принял.

⁶ К.Д.Бальмонт также в издании Метерлинка не участвовал.

З. Вилькина – Брюсову
18 июня 1902, Бологое¹

18 Июнь 902

Валерий Яковлевич,

Предложение о Метерлинке сделала вам я, т<ак> к<ак> издание г. Колпинского полного собрания соч<инений> Метерлинка выходит в моем переводе со статьями Н.Бердяева, З.Венгеровой и Н.Минского. Стихи его «Serres Chaudes», равно как и 15 chansons², я распределила между всеми поэтами, взяв и сама кое-какие. Вам я послала 4 стихотворения (Serres chaudes; Ame de serres; Intentions и Ame de nuit), не зная, что вы уже некоторые перевели. Конечно, я рада буду и тем, и другим. Еще я просила вас передать Бальтрушайтису три след<ующих> стихотворения: 1) Cloche de verre; 2) Attente; 3) Ronde de ennui.

Перевод нужен мне к 15 августа. Адрес мой до 29 июля: Ст<анция> Бологое, Ник<олаевской> ж. д. Имение Е.А.Вилькиной, а потом: С.Петербург, Английская набереж<ная> д. 62.

Сердечно благодарю вас за ваше любезное согласие.

Людмила Вилькина

¹ Приложен конверт с почтовым штемпелем: «Петербург. 19 июня 1902»; «Москва. 20 июня 1902». Повторение содержания предыдущего письма (видимо, не полученного Брюсовым вовремя из-за отсутствия в Москве).

² «Quinze chansons» («15 песен», 1900) – второй сборник стихотворений Метерлинка. В первое его издание входило двенадцать стихотворений, что отражало и его заглавие – «Douze chansons», 1896).

4. Брюсов – Вилькиной
21 июля 1902, Москва¹

1902

Уважаемая Людмила Николаевна.

Простите, что по причине летних скитаний отвечаю так поздно². Правду сказать, я не думал, что Вы захотите переводить все Serres chaudes. Все же это стихи ученические, еще далеко не Метерлинка. Но, конечно, взявшись, – постараюсь перевести назначенное Вами как сумею лучше и точнее. К 15 авг<уста> перевод будет у Вас непременно. Ю.Балтрушайтису я послал пришедшиеся на его долю вещи, но еще не получал ответа; он в Швейцарии, переезжает из города в город, и, вероятно, мое письмо его ищет. О ответе извещу тотчас. В свое время я перевел несколько песен М<етерлинка>, вошедших теперь в число quinze chansons. Конечно, они уже назначены другим, и мои переводы не нужны. На всякий случай – один посылаю. Он был напечатан в изданной Бальмонтом «Книге раздумий»³.

Уважающий Валерий Брюсов

¹ Ответ на письма 2 и 3. Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 21.VII.1902»; «Бологое. 23.VII.1902».

² Брюсов провел два месяца в Италии. См. в его дневнике: «Выехали 5 мая, вернулись 11 июля» (*Брюсов В. Дневники. 1891–1910.* <М.>, 1927. С.120).

³ Подразумевается десятое стихотворение («А если он возвратится...») из цикла Брюсова «Раздумья» (*Брюсов В. Книга раздумий.* СПб., 1899. С.42) – перевод стихотворения «Et s'il revenait un jour...» из «15 песен» Метерлинка. Первая строка оригинального текста предпослана в этой публикации тексту перевода. См. также: *Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / Сост., коммент. С.И.Гиндина. М., 1994. С.540-543, 849.*

5. Вилькина – Брюсову
16 августа 1902, Петербург¹

Английск<ая> наб<ережная>, д.62

Благодарю вас, Валерий Яковлевич, за присланное стихотворение – оно мне кажется очень удачным. Жду остальные. Вы правы, называя многие ст<ихотворения> Мет<ерлинка> ученическими, но тем не менее хочу дать все, чтобы получился полный портрет Метерлинка.

Л.Вилькина

¹ Ответ на письмо 4. Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 16 авг<уста> 1902»; «Москва. 17 августа 1902 г.».

6. Брюсов – Вилькиной
Конец августа – начало сентября 1902, Москва¹

1902

Уважаемая Людмила Николаевна!

Послал Вам сегодня же, но заказным, свои переводы из Метерлинка. Вы заметите, что в некоторых я переменял размер – иначе выходило как-то слишком сухо, и близко к подлиннику, да неинтересно². Балтрушайтис неожиданно отказался от перевода по разным причинам, почти в день срока³. Я перевел уже и стихи, предназначенные для него, и доставлю Вам их завтра: кое-какие мелочи надо исправить, а сейчас не удастся. Я бы очень советовал Вам в расположении стихов держаться порядка *Serges chaudes* – в нем есть определенный смысл, своя последовательность, и иные стихи потеряют свое значение с переменной места.

Нет надобности, конечно, говорить, что мой перевод, как и всякий перевод стихов Метерлинка, вместе с тем и комментарий; со многим в моем толковании Вы не согласитесь; многое красивое и ценное в подлиннике у меня утрачено (вся игра звуками) и т. д. Но это уже было неизбежно.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Датируется предположительно, по содержанию.

² В подготовленном Вилькиной издании были опубликованы четыре стихотворения из «Теплиц» в переводе Брюсова: «Душа теплицы» («Проходят перед взором вновь вереницы...»), «Намерения» («Сжальтесь над цветами упований...»), «Душа ночи» («Ночь тихо близится к концу...»), «Печальная песня» («Слагаю я свой бледный стих...»). См.:

Метерлинк М. <Соч.:> I. Аглавэна и Селизета. II. Монна Ванна. III. Теплица. СПб., 1903. С.130-131,136-137. Время работы над переводами обозначено датой на листе с их автографами: «17 авг<уста 19>02» (см. коммент. С.И.Гиндина в изд.: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. С.848).

³ Балтрушайтис известил Брюсова об этом открыткой из Мюнхена, полученной в Москве 6 августа 1902 (дефектный текст: вырезана марка):

<Ваше пись?>мо, Валерий, получил только вчера, ибо только <вчера? при>ехал в Мюнхен. Относительно перевода сти<хов напи>шу сегодня вечером, позднее всего завтра утром: <...>, прочесть и примериться. В другое время я согласился бы без оговорок, но сейчас я во власти одной сложной трагической внешности <так!>. Рад бы исполнить просьбу Минской для Вас, но, если откажусь, не браните. Причины объясню в более спокойное время.

(РГБ. Ф.386. Карт.75. Ед.хр.43).

В следующем письме к Брюсову (получено в Москве 7 августа) Балтрушайтис сообщал, что «в Тироле пропала в горах» родственница его жены и что сам он руководит розысками: «Будет возможность, переведу и пошлю, но не связываю себя обещанием. Если не получите ничего 10 августа, то уж ничего не ждите» (Там же). Речь идет о смерти Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902) – русской феминистки, известной своим «Дневником» (см.: Дневник Елизаветы Дьяконовой. <Т.1-3.> 4-е изд. СПб., 1904–1905. М., 1912). О роли Ю.Балтрушайтиса в ее поисках см.: *Semenov M.N.* Vacco e sirene: Memorie. Roma, 1950. P.241-244.

7. Брюсов – Вилькиной

Конец августа – начало сентября 1902, Москва¹

1902

Уважаемая Людмила Николаевна!

Посылаю Вам (заказным письмом) и те два стихотворения Метерлинка, которые были Вами предназначены для Юрг<иса> Балтрушайтиса². Я писал Вам при первой посылке, но нечаянно адресовал письмо «Н.М.Минскому» – дошло ли оно по этому псевдониму?³ Скажу теперь – в общем – что перевод стихов из *Serres chaudes* оказался делом более затруднительным, чем я полагал. Оно особенно затруднялось тем, что я переводил *не все* вещи, а некоторые. В разных стихотворениях *Serres chaudes* много сходных слов, одинаковых образов и выражений. Все их следовало бы передать одинаково – хотя бы условно. Переводя все стихи, я мог бы выбрать, например<имер>, для слова *tiède*⁴ одно условное выражение, которым везде

и заменял бы его. Не зная, как другие переведут это слово, я не мог этого сделать и должен был передавать его приблизительно. Ни одному автору не может повредить настолько разноголосный перевод, как Метерлинку! Он настолько многообразен, что каждый увидит в нем себя. Если бы переводил один переводчик, это было бы еще полбеды. Получился бы Метерлинк в пересказе, скажем, Вашем, или моем, или Бальмонта... Боюсь, что теперь будут осколки Метерлинка, из которых ни один читатель не составит целого зеркала. Все эти соображения лишали меня уверенности. Я заботился больше всего о том, чтобы мой перевод был сколько-нибудь интересен сам по себе, как стихи, — и не верил вовсе, что участвую в создании *русского Метерлинка*.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Датируется предположительно, по содержанию.

² См. письмо 2 и письмо 6, примеч. 3.

³ «Н.Минский» — литературный псевдоним Н.М.Виленкина. Вероятно, указанный здесь адресат был обозначен на конверте письма 6.

⁴ тепловатый; вялый, безразличный (*франц.*).

8. Вилькина — Брюсову
7 сентября 1902, Петербург¹

Английская наб., д. 62

Валерий Яковлевич,

Я получила ваши переводы и от всей души пожелала, чтобы и остальные авторы прислали вовремя и такие же удачные переводы. Но и первое, и второе удастся не вполне. Вы, кажется, правы, говоря, что переводить Мет<ерлинка> разным лицам нелепо. У меня от всех переводов <такое впечатление,> как будто я вижу Метерлинка то в пурпуре, то в рубище. И это и не хорошо, и хорошо. Читатель пусть узнает в лицо, выбирает, что от М<етерлинка> самого. Да и что было делать! Не могла я в три месяца приготовить все драмы, две книги² и еще том стихов. Относительно порядка ст<ихотворений> скажу Колпинскому, но настаивать не могу. Выйдет, должно быть, не раньше октября. Задержка за вводными статьями — авторы разбрелись: Венг<ерова> в Киеве, Бердяев там же, Минский в Брюсселе. А вы, я слышала, переселяетесь сюда? «Прежде» меня бы это обрадовало, но ведь теперь вы, говорят, из мне недружеского лагеря³. И кажется в «сурьез». Еще одна жертва... Бедный!

Жму вашу руку.

Людмила В.

Вы «Нов<ое> Вр<емя>» не читаете? Моих стихов и сценок не видали там?⁴

Где Бальмонт – не знаете? Все так же побеждает всех и любит всех? Почему ваш почерк похож на его? Почему вы сами так не похожи на него. И не последнее время (!), а всегда. Брюсов, я хочу, чтобы было так, как будто вы меня никогда не видали. И это правда. Не ждите, что вы меня знаете, я совсем, совсем не та. Что вы пишете? Очень бы была рада, если бы вы что-нибудь прислали. Сделайте это, пришлите стихи. В сборнике мне понравилась проза⁵. Пришлите и прозу. Если скажете, я не потеряю и перешлю обратно. На это письмо я получу ответ. Да? Я так хочу.⁶

¹ Ответ на письма 6 и 7. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 7 сент<ября> 1902»; «Москва. 8 сентября 1902».

² В подготовленное Вилькиной в 1902 издание сочинений Метерлинка вошла одна его эссеистическая книга – «Сокровище смиренных» (Т.1).

³ Планы переезда в Петербург возникли в связи с приглашением Брюсова на должность секретаря петербургского журнала «Новый Путь», начатого изданием с января 1903 (см.: *Максимов Д.* «Новый Путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С.156-159; *Валерий Брюсов* и «Новый Путь» / Публ. Д.Максимова // *Лит. наследство.* Т.27/28. М., 1937. С.276-298). Под «недружеским лагерем» Вилькина подразумевает Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус, фактических руководителей и инициаторов «Нового Пути».

⁴ В иллюстрированном приложении к «Новому времени» (1902. №9368, 3 апреля. С.5) были опубликованы стихотворения Вилькиной «Монахиня» («Иду вперед с закрытыми глазами...»), «Слова» («Безмолвное отраднo мне признание...») (Там же. №9449, 26 июня. С.9).

⁵ Подразумевается рассказ Брюсова «Теперь, когда я проснулся...», опубликованный в альманахе «Северные Цветы на 1902 год» (С.61-69).

⁶ Этот завершающий абзац письма – на последней странице двойного листа почтовой бумаги, с заполнением листа наискось.

9. Брюсов – Вилькиной
Середина сентября 1902, Москва¹

1902

Ведь и Вы тоже меня не знаете, Людмила Николаевна. Да и откуда нам знать друг друга? Трудно узнать кого по стихам. Поэзия – это вечное усилие одолеть в себе ложь и лицемерие, которое никогда не

кончается успехом. Узнаешь другого, лишь когда душа посмотрит ему в душу (как о том хорошо рассказывает Метерлинк)² – в любви, в минуту великой опасности, в миг одного общего порыва. Я не «жертва», и не могу ею быть, и никогда не бывал «жертвой» в этом смысле. Это не похвальба и не особое мое достоинство, а просто верное определение моего характера. Вернее даже, это – недостаток моей души, что она стать жертвой не способна. Я никогда не чувствовал достаточно сильно, «в сурьез» – не любил, не ненавидел, не страдал. Я вне этого, всегда как зритель, даже когда другим кажусь актером. Я знаю все ухватки людей влюбленных, обижающихся, ненавидящих и подражаю им, ибо иначе мне не дали бы жить на свете (я уже пробовал), но в сущности, в глубине души никого я не люблю, никого мне не было бы жалко, и ни на кого я не сержусь в мире. Это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и только в этом, кажется, и бываю я вполне откровенным, – и никто до сих пор не поверил мне, как, вероятно, не поверите и Вы.

Но будет обо мне. Я хочу посоветовать Вам не откладывать печатания Метерлинка³. Очень уж многие замышляют начать то же. Некто Саблин, издавший Красн<ого> Петуха и еще несколько переводных книжек, уже собрал даже довольно значительный материал тоже для полн<ого> собр<ания> сочинений Метерлинка⁴. Да это и понятно. После Льва Толстого и Ибсена (о Горьком не хочется упоминать)⁵ – Метерлинк теперь наиболее читаемый писатель в Европе. Если немного умело поведи дело, его сочинения должны дать издателю верный доход. Только печатайте прилично, чтобы книжки не расплзались, чтобы поля страницы не обращались в узенькую рамку. Именно покупатели Метерлинка таковы, что требуют этого. Будет ли приложен к собранию портрет М<етерлинка> и очерк жизни? Ах, это не дорого стоило бы, а было бы очень приятно. Хлопочите, добрая Людмила Николаевна, старайтесь. Метерлинк – это тот мост, который будет перекинут от новой поэзии к среднему читателю. Метерлинка могут читать все, и он научит всех, как читать и Вас, и меня, и Ник<олая> Макс<имовича>, и тех, кто близко в Вашем лагере, и кто в лагере «Ваших недругов». Кстати. В этом последнем лагере, кажется, придется снять все палатки и разойтись, не начиная военных действий, по зимним квартирам⁶.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 8. Датируется по содержанию.

² Эту мысль Метерлинк развивает в целом ряде положений своего трактата «Сокровище смиренных» (1896).

³ См. примеч. 2 к письму 2.

⁴ Владимир Михайлович Саблин (1872–1916) – переводчик, издатель. В издательстве В.М.Саблина (Москва) Полное собрание сочинений М.Метерлинка в 6 томах было осуществлено в 1903–1909 (1-й том, включавший драмы, вышел в свет в 1903; Брюсов опубликовал рецензию на него: *Весы*. 1904. №1. С.66-67; подпись: «Аврелий»). «Красный петух» («Der rote Hahn», 1901) – трагикомедия Г.Гауптмана, вышедшая в переводе Ю.Балтрушайтиса и В.М.Саблина (М., 1902).

⁵ О взаимоотношениях Брюсова и М.Горького см.: *Ильинский А. Горький и Брюсов: Из истории личных отношений // Лит. наследство. Т.27/28. С.639-660; Литвин Э.С. Горький и Брюсов: К истории личных и литературных отношений // Труды Ленинградского библиотечного института. 1957. Т.2. С.79-100; Ахумян Т.С. М.Горький и Брюсов // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963. С.127-137; Муратова К.Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966. С.164-200; см. также во вступительной статье Н.В.Котрелева к публикации переписки Брюсова с С.А.Поляковым (Лит. наследство. Т.98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн.2. С.14-17).*

⁶ Сомнения относительно планов, связанных с предполагавшимся изданием «Нового Пути», Брюсов выражал, по всей вероятности, и в неизвестном нам письме к З.Н.Гиппиус, «задевательском» – как его аттестовала Гиппиус в своем ответе от 8 сентября 1902 (см.: Переписка З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Д.В.Философова с В.Я.Брюсовым (1901–1903 гг.) / Публ. и подгот. текста М.В.Толмачева; вступит. заметка и коммент. Т.В.Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. №5-6. С.296).

10. Вилькина – Брюсову
26 сентября 1902, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Есть такие психологические минуты в человеческой жизни, когда хочешь остановить на мгновение незнакомого, именно незнакомого, человека и глубоко, глубоко заглянуть ему через глаза, в душу. И вот, кажется, тогда я, наверное, узнала бы что-то новое, настоящее, превечное, близкое и недостижимое. – Но мы никогда не останавливаем на улицах, ни в общ<ественных> собраниях незнакомых людей, никогда, тем более, не устанавливаемся на них <так!>. Это было бы *ridicule*². – Но мне в ту минуту так стихийно захотелось подчи-

ниться этому невинному (а в мире все невинно) желанию, что я остановила этого незнакомого человека...

Вы понимаете теперь мои «добавочные» слова, вызвавшие ответное ваше письмо³. Вы меня смутили. Смутили не искренностью ответа, а той легкостью, с какой вы мне эту искренность преподнесли, оградив свое «достоинство» – простите за слово – несколькими фразами, вроде: «это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и т. д.» или: «как не поверите и вы» и др. Кроме того, в этих фразах я нашла какую-то смущенность духа, и меня это умилило. Что будет? Сблизят ли нас эти письма? Или не надо? Мы пройдем дальше не останавливаясь. Вы много сказали о себе, но помните, как верно Метерлинк говорит о человеке, о котором он много знал, много слышал, видел его фотографии, но, проведя в первое свидание с ним только десять минут, понял, что он об этом человеке ничего не знал, ничего не слышал, имел совершенно превратное представление⁴.

О себе даже не хочу говорить – нахожу невозможным. Если вы не читали моих стихов, то и «попытки мои говорить о себе правду» вам неизвестны. Мне жаль. И не жаль. Жизнь так глупо безнадежна, что надо бежать новых привычек и привязанностей. На этот раз не «приказываю» вам отвечать на мое письмо. Как захотите.

Людм. Вилькина

А Метерлинк выйдет непременно и по возможности прилично. Минский приедет к 10 ок<тября>. Нужна его статья.

¹ Ответ на письмо 9. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 26 сен<тября> 1902»; «Москва. 27 сентября 1902». Контрольная надпись по линии заклейки (для предупреждения несанкционированного вскрытия): «Людмила». Дамская почтовая бумага. Переписано Вилькиной в тетрадь см: Письма Л.Вилькиной. – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.791. Л.1-3 (помета: «Брюсову»); далее – Письма Л.Вилькиной, с указанием номера листа).

² смешно (*франц.*).

³ Речь идет о заключительном абзаце в письме 8; Вилькина подчеркивает спонтанность этого эмоционального и словесного жеста.

⁴ Подразумевается фрагмент из эссеистического трактата Метерлинка «Сокровище смиренных» (раздел «Эмерсон»):

Я отправляюсь сегодня на свидание с другом, которого никогда не видел, но мне известны его произведения, и я знаю, что душа его необыкновенна <...>. Он входит; и все объяснения, которые он нам давал в продолжение многих лет, рассыпаются во

прах от движения двери, открывающейся при его появлении. Он не тот, каким думает быть. Он иной, чем его мысли.

(Метерлинк М. Блаженство души (Le Trésor des humbles <Сокровище смиренных>) / Пер. Л.Вилькиной; Под ред. и с предисл. Н.Минского. СПб., 1901. С.120-121).

11–16

Между 11 и 29 ноября 1902*, Петербург

11. Вилькина – Брюсову

Валерий Яковлевич,

Меня осаждают просьбами. Вот опять два «сочинения» для передачи вам. Хотят или в «Нов<ый> Путь» или в «С<еверные Ц<ве>ты»¹. С одним автором, который мне кажется талантливым, познакомлю вас на Р<елигиозно-> Ф<илософском> Собрании², Бобринский³. Ну, а другой друг Мити Фридберга, по-моему, бред⁴.

Прочтите, если возможно, до четверга⁵.

Людмила

¹ В конце 1902 комплектовался 3-й альманах издательства «Скорпион» «Северные Цветы» (М., 1903).

² 16 ноября 1902 Брюсов сообщал жене: «На рел<игиозно-> фил<ософских> собраниях встретился с Людмилой Вилькиной и..... не узнал ее! Вышло довольно глупо. Сегодня буду у них» (РГБ. Ф.386. Карт.69. Ед.хр.2). В воспоминаниях Л.И.Веселитской-Микулич сохранилась беглая зарисовка Вилькиной на первом заседании Религиозно-философских собраний:

Литераторы наши подходили к Церкви, как бы призывая ее к ответу. Дам было много. Простого народа почти не было. – Молодая евреечка Белочка, жена Минского и племянница Венгерова, сидела сзади меня и говорила, что эти собрания необходимы; если не будет собраний, то не будет и Собора, а созыв Собора необходим.

(РГАЛИ. Ф.101. Оп.1. Ед.хр.15. Л.241-241об.).

* Написаны во время пребывания Брюсова в Петербурге. Брюсов приехал вместе с М.Н.Семеновым 11 ноября, остановился в гостинице «Северная», выехал из Петербурга в Москву 30 ноября (см. комментарии Н.В.Котрелева в: Лит. наследство. Т.98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн.2. С.65-67). Эту поездку в Петербург Брюсов подробно осветил в «Дневниках» (<М.>, 1927. С.123-128).

³ Вилькина разыгрывает Брюсова: Никита Бобринский – псевдоним, которым она подписывала некоторые свои прозаические опыты. В частности, им подписаны рассказы Вилькиной в «Новом Пути» – «Боря умер» (1903. №5) и «Пафос жизни» (1904. №3). Среди рукописей Вилькиной сохранились цикл драматических сенок «Литературные пластинки» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.734) и рассказ «О любовных преступлениях» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.736), подписанные этим псевдонимом. Обещание «познакомить» Брюсова с автором означает, видимо, намерение раскрыть свою игру; возможно, оно не было выполнено (ср. письмо 37 в наст. публ., по которому можно предположить, что Брюсов еще не знает, кто стоит за маской). Впрочем, нельзя исключить и того, что Вилькина продолжает игру, несмотря на то, что знакомство Никиты Бобринского с Брюсовым давно состоялось.

⁴ О ком именно идет речь, неясно. Дмитрий Наумович Фридберг (1883–1961) – поэт, в то время – студент историко-филологического факультета Петербургского университета.

⁵ Во время пребывания Брюсова в Петербурге четверги пришлось на 14, 21 и 28 ноября.

12. Брюсов – Вилькиной¹

1902

Мне так хотелось бы Вас увидеть, дорогая мне Людмила Николаевна, но есть сегодня в моей душе что-то нежеланное, хмурое, Бог весть откуда в нее заброшенное, и я думаю, что лучше спрятать себя в Публичной библиотеке, среди публичных книг и публичных людей. А Вас, с опасностью быть надоедливым, прошу читать Фета. Я так люблю его стихи,

¹ Недописанное и, видимо, неотправленное письмо.

13. Брюсов – Вилькиной

1902

Но наш поезд идет немного раньше. Можно ли и нам выехать раньше? Тогда мы и вернулись бы (да?) засветло¹.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Речь идет, по всей вероятности, о совместной поездке Брюсова и Вилькиной на один день в Финляндию (Мустаяки). Под впечатлением

от этой поездки Брюсов написал посвященное Вилькиной стихотворение «Лесная дева» (см. вступит. статью к настоящей публикации).

14. Вилькина – Брюсову¹

Хорошо. Буду готова к 10½.

Л.

Принесите с собой письма жены². Я так хочу. И портрет.

¹ Ответ на письмо 13. Почтовый штемпель на приложенном конверте: «Петербург. <дата нрзб.> XI.1902». Адрес: «Северная гостиница. Невский пр<оспект>, против Николаевского вокзала, в городе». Синим карандашом обозначен номер, который занимал Брюсов: 177. Против приписки карандашом после подписи-инициала (рука не Брюсова, а, видимо, Иоанны Матвеевны Брюсовой) выставлен вопросительный знак.

² Подразумеваются, видимо, письма И.М.Брюсовой, которые Брюсов получал во время своего пребывания в Петербурге.

15. Вилькина – Брюсову 26 ноября 1902¹

Вторник

Сегодня я недовольна. Было много, что не должно было быть. И именно для вас – не должно быть.

Какое детское утешение говорить, что не любите. Но я знаю, что любите, потому что хочу, чтобы любили. И именно «изменно» любите. Подтвердите, я хочу. Вот теперь: вы видите мои глаза, мои недобрые губы.

Завтра я вас не увижу, но хочу и завтра слышать вас. Пришлите мне стихи². Я хочу твою душу, невольник.

Elle³

¹ С этой датой переписано Вилькиной в тетрадь «Письма Л.Вилькиной» (Л.5. «Б<р>ю<сов>у»); 26 ноября – вторник.

² Возможно, подразумевается стихотворение «Лесная дева» (см. примеч. 1 к письму 13).

³ В качестве имени в интеллектуально-эротической игре выбрано французское личное местоимение третьего лица женского рода elle (во

французском языке употребляющееся только при глаголе) – «она», что сообщает взаимоотношениям безлично-родовую видимость.

16. Вилькина – Брюсову

Неприменно перед отъездом загляните. Должна вас видеть, хотя не могла бы сказать достоверно, зачем. Приблизительно только. Вы ушли сегодня, как будто бы слегка освобожденный. Так вот, хочу, чтобы вы почувствовали, что это не так. «Не верен путь ко мне в мой сад манящий, но от меня дороги нет назад»¹. Покоритесь своевольно. И не старайтесь размениваться. Ведь это было решено еще тогда, когда я приписала к обыкновенному письму и несколько своих слов².

В среду я у Чюминой³. А все другие дни я всегда дома – до 4 ч<асов> одна, после – с другими.

Жду.

Людмила

¹ Автоцитата – заключительные строки сонета «Мой сад» («Не выйдет тот, кто раз попал в мой сад...»). См.: *Вилькина (Минская) Л.* Мой сад: Сонеты и рассказы. М., Гриф, 1906. С.9.

² Речь идет о приписке к письму 8, ср. также письмо 10.

³ Среда – 27 ноября. Ольга Николаевна Чюмина (1864/65–1909) – поэтесса, прозаик, переводчица.

17. Вилькина – Брюсову 1 декабря 1902, Петербург¹

Серебряное портмонэ с 2 р<ублями> денег осталось у вас. Перешлите – это память. Я, конечно, рассказала Н<иколаю> М<аксимиовичу>, что мы не были у Д., а поехали в Фин<ляндию>². Очень уж глупо мелко лгать. А вот вам я «нарочно» много лгала. Предоставляю вам самому угадать, что было правдой, что ложью.

Письма ко мне вообще не читаются, но если «попадутся», то я не прячусь.

Пишите.

Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 1 дек<абря> 1902»; «Москва. 2 дек<абря> 1902».

² См. письмо 13, примеч. 1. Николай Максимович – Минский; Д. – вероятно, Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945?) – поэт и религиозный проповедник-сектант. Осенью 1902 был помещен в психиатрическую клинику (см. записи Брюсова о посещении там Добролюбова: *Брюсов В. Дневники. С.126*).

18. Брюсов – Вилькиной
1 декабря 1902, Москва¹

1902 декабрь

Именно так, как я говорил Вам, Людмила Николаевна. Всегда можно предвидеть, знать наизусть заранее, что будет во всю жизнь до дня смерти, тем более что будет с миром лет через тысячу, но никогда не угадаешь, как сложится завтрашний день. Я мечтал, что буду возвращаться один, буду властен думать о чем хочу, вспоминать что любо, но в том же вагоне (безо всякого уговора: мы даже попрощались) оказался тот Семенов, о котором немало приходилось мне поминать Вам². Никакой охоты разговаривать с ним у меня не было; чтобы для нас стало возможным пребывание вдвоем, добывали мы на каждой станции бутылку вина и успевали молча выпить ее до следующей. Так и миновала ночь к великому соблазну наших соседей по купэ. Благодаря этому вся моя жизнь в Петербурге представляется мне каким-то горным ручьем, который сначала покорно шумел по острым камням, но потом, долетев до обрыва, краткий миг просверкал на солнце, между сосен и елей, и упал в мутную бездну. А начинающуюся московскую жизнь придется тогда сравнить с тем же ручьем, когда в низине он превращается в речку и течет мерно и лениво, отражая небо, деревья, дома и стада на берегах.

Есть паразитическая власть в вещах, с которыми мы сжились годами. Когда вновь возвращаешься к ним, они входят в душу по каким-то проторенным колеям, они влагают в нее прежние настроения, как браслеты и медальоны в хорошо приспособленные футляры. Я вижу кругом все, что мне так томительно знакомо: эти мои книги, эти начатые рукописи, мои картины на стенах и белый лик какой-то монны Мино да Фьезоле³, – и я чувствую, что предметы, как враги, овладевают моей душой. Они заставляют ее принять то же положение, в каком она стояла три недели назад, так же сложить руки, смотреть так же и так же дышать. Я сопротивляюсь, напрягая все усилия, но чувствую, что соперники сильнее. Бедная душа, которая не может победить книг, узора обоев и вида в окно на серебряные деревья!

Ваша комната, которую я считал незаконной, подземной, наши разговоры, и всё, и всё – начинает в воспоминаниях принимать явные очертания сновидения – их бескрайность, беззвучность, зыбкость. И я думаю уже с ужасом о том дне или часе, когда и подлинно моя память не сумеет отличить всего бывшего от сна.

Ваш Валерий Брюсов

Я случайно увез Ваше портмоне, которое Вы дали мне сохранить на час; пришло тотчас.

¹ Сохранился черновик письма, весьма близкий к окончательному тексту (РГБ. Ф. 386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.3-4). Написано в первый день по возвращении в Москву (отъезд из Петербурга – 30 ноября) и до получения письма 17 (2 декабря).

² Михаил Николаевич Семенов (1872–1952) – переводчик, издатель. С 1902 принимал ближайшее участие в делах издательства «Скорпион». Приехал в Петербург 11 ноября 1902 вместе с Брюсовым. Целью его поездки были цензурные хлопоты по делу о выпуске в издательстве «Скорпион» им же переведенного романа С.Пшибышевского «Ното Sapiens». Подробнее см.: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сб. научных трудов. М., 1985. С.112-117.

³ Мино да Фьезоле (Mino da Fiesole; ок. 1430 – 1484) – флорентийский скульптор, известный по преимуществу портретными бюстами. Очевидно, в кабинете Брюсова имелся слепок или висела фотография с одного из этих бюстов.

19. Брюсов – Вилькиной
4 декабря 1902, Москва¹

1902

Не правда ли, Людмила Николаевна, Вы читаете эти строки в день Вашего рождения? А я в наказание за медлительность пишу их на станции перед самым отходом курьерского². Нам с Вами можно обменяться лишь одним пожеланием: пусть в каждый данный миг Вы поступаете именно так, как того, хотя бы мгновенно, желает Ваша мечта.

Я Вам послал сегодня Ваше портмоне. Вы найдете *вложенное* в той коробке, где шоколат. На почте мне запаковали мою посылку в чудовищный ящик. Но это еще не горе. Хуже, что Вы получите его не раньше пятницы или субботы³. Ах, не откладываете получения

посылки! Мы, москвичи, любим хвастаться здешними кондитерскими, и мне будет грустно (искренно), если конфеты засохнут.

Это письмо – «деловое». Как иначе писать на станции и дурным пером. Иное напишу вскоре.

Очень Ваш Валерий Брюсов

¹ Датируется по связи с днем рождения Вилькиной – 5 декабря.

² Т. е. Брюсов пишет письмо на Николаевском вокзале, отправляя письмо непосредственно с отходящим поездом.

³ 6 и 7 декабря.

20. Вилькина – Брюсову
5 декабря 1902, Петербург¹

5 декабря. Английск<ая> наб. 62

Странное впечатление произвели на меня ваши два письма. Начну с первого – не именинного. Друг мой, вы ошибаетесь, действительность не может стать сном. Мы, надеюсь, для вас, слишком «своевольно», сами создаем эту действительность, для того, чтобы потом поверить, что ее не было. Это все равно, что вас самих не было, что вы собственная мечта. Ну а еще я глубоко уверена в том, что может человек пройти, меня не заметив, – как проходят мимо лучших картин, — не замечая их, но если уж кто-нибудь остановил свой взор и почувствовал мою душу, тот «уйти» не уйдет, тот не изменит: – «от меня дороги нет назад»². А я ведь не борюсь. Вам легче думать, что вы отходите от меня? Пусть так.

Вот вы в сегодняшнем письме пишете о посылаемых мне конфетах. О да, я жду их с болезненным нетерпением – вы знаете – я найду в коробке не только конфеты, а символ вашего мне «принадлежания». Духовного, прекрасного, «экстазного». Покуда еще оба ваши письма очень мне мало напоминали вас, и только подпись второго немного понравилась.

Пишите, Валерий.

Elle

¹ Ответ на письма 18 и 19. Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Петербург. 6 дек<абря> 1902»; «Москва. 7 декабря 1902». Переписано Вилькиной в тетрадь (Письма Л.Вилькиной. Л.8-8об.; помета: «Бр<юсов>у»).

² Автоцитата. См. письмо 16, примеч. 1.

21. Вилькина – Брюсову
8 декабря 1902, Петербург¹

8 декабря

Какой вы милый, какой вы милый! Ваши удивительные конфеты – я и Н<иколай> М<аксимович> – едим целые дни и шлем за них большое спасибо.

А мне еще отраднее и бесконечно отраден ваш другой подарок – кольцо. Как хорошо, что вы себя смело отдаете всего; в жизни обыкновенно так мало смелого, законченного хотя бы на миг.

У меня лично за время вашего отъезда – много случилось печального. А я так не люблю печальное! Помните наши разговоры о смерти? Так вот, кто-то насмеялся надо мной и продемонстрировал передо мной акт смерти².

Но не буду говорить подробно об этом:

«жизнью пользуйся
живущий, мертвый,
в гробе мирно спи...»³

Отчего вы мне не присылаете «новых» стихотворений? Я жду, я верю, что они есть, я хочу их.

Пишите же, Валерий.

Ваша Elle

¹ Почтовый штемпель получения на приложенном конверте: «Москва. 10 декабря 1902». Переписано Вилькиной в тетрадь (Письма Л.Вилькиной. Л.9-10; помета «Бр<юсов>у»).

² О чьей кончине здесь идет речь, неясно.

³ Неточно цитируются заключительные строки баллады Ф.Шиллера «Торжество победителей» («Das Siegesfest», 1803) в переводе В.А.Жуковского (1829): «Спящий в гробе, мирно спи; // Жизнью пользуйся, живущий».

22. Брюсов – Вилькиной
Около 10 декабря 1902, Москва¹

1902, декабрь

Нет, Вы неправы, Людмила. Все-таки я не отдал себя всего. Вот я уже пишу к Вам с некоторым усилием, уже не нахожу верной интонации, уже не знаю, слышите ли Вы мой голос. В своих стихах я часто говорю от лица раба, от лица того невольника, о котором Вы упомянули в одном письме. Но сам я этой сладости – быть рабом –

так и не испытал до сегодня. Упрямо, пошло, грубо я всегда оставался свободным, – даже когда сам покорно подставлял шею под ярмо.

И не думайте, что это «самооправдание» – однажды Вы меня прекнули так (о! как это было давно!). Все сказанные мною слова – я помню их наизусть – были сказаны как верная правда². И я повторю всё вновь и вновь, если вновь увижу Вас, Ваши глаза, Ваши губы. Повторю и отрекусь от этого моего сегодняшнего письма. И мне не будет «стыдно» ни прежних слов, ни сказанного сегодня, ни отречения от сказанного сегодня. Но разве я отрекусь не во имя свободы, во имя той высшей свободы, последнего освобождения, которое запрещает делать кумир даже из самого себя? Разве сделаюсь я менее свободным, отрекаясь?³

Ах, все это уже потому не «оправдание», что я ничего не желаю так, как чтобы Ваше письмо стало истиной, действительностью. Быть безвольным, быть покорным, быть рабом, отдать свою душу до конца – это сожгло бы меня безмерным счастьем, крайним, предельным. Целовать следы на песке («не ноги, следы твоих ног», как говорит Ваш Рафалович)⁴ – значило бы для меня изведать сладострастие несказанное, о котором я только мечтаю, безнадежно. Я не целовал следов ничьей ноги никогда, ни даже в дни «первой» любви. Принадлежать кому-либо другому – вот завет, которого я не умел исполнить, тайна, которой я не мог достичь⁵.

Да, в этом моя слабость, худшее во мне; это все то – что Вы назвали (и метко) моей математичностью. Да, я все же не знаю страсти, т. е. слепящей, безумной; я не могу вступить в ее область. Я только стою у ее тяжелых ворот, только слышу за стенами крики пытаемых, свист бичей, скрип страшных колес. Закрыв глаза, я, в опьянении, вижу кровь и искривленные мукой губы. Но самому мне не быть среди тех никогда! Я не буду распят никогда! Я буду только томиться соблазном о распятии. Судьба мне отказала в лучшем из даров – в блаженстве страдания!⁶

О, если б Вы могли исполнить то, что помечталось мне на краткий миг, если бы Вы могли зачем-нибудь взять мою душу – совсем, совсем, совсем, так именно, как Вы о том говорите. Какая сладость подписывать с полным сознанием

Ваш или Твой

Валерий

¹ Ответ на письмо 21; датируется в соотнесении с ним. В архиве Брюсова сохранился неотправленный вариант этого письма (РГБ. Ф.386.

Карт.70. Ед.хр.21. Л.5-6); далее мы приводим наиболее существенные различия.

² В неотправленном варианте: «Я помню, наизусть помню, все мною сказанные слова. И все это было правдой – в тот миг».

³ В неотправленном варианте: «Но не это ли и есть мучительно-непобедимая свобода, ибо не в этом ли состоит последнее освобождение, чтобы не делать кумира даже из самого себя!»

⁴ «Не ноги, – следы твоих ног!» – строка из стихотворения Сергея Львовича Рафаловича «Рабыня» («Ты просишь свободы, рабыня?...»). Впервые опубликовано: Северные Цветы Ассирийские: Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С.67. См. также: Рафалович С. Светлые песни. СПб., 1905. С.52.

⁵ В неотправленном варианте (вместо двух последних фраз абзаца): «Отдать свою душу до конца» – вот недостижимая мною тайна».

⁶ Далее в неотправленном варианте – заключительная фраза письма: «Сделайте так, чтобы я мог подписать и Ваш и Твой. Валерий».

23. Брюсов – Вилькиной

Не ранее 14 декабря 1902, Москва

1902, декабрь

Решено окончательно, Людмила Николаевна, что Сев<ерные> Цветы будут изданы опять к Пасхе¹. Итак очень прошу Вас, если хотите что-либо нам дать – присылайте скоро: уже печатаем². С такой же просьбой обращусь завтра или послезавтра к Ник<олаю> Макс<имовичу>: за ним обещание стихов и статьи-чтения о браке³. Если можно Вас просить, то вот просьба: если встретите где Бакста, замолвите словечко за нашу просьбу: мы просим его сделать обложку для С<еверных> Ц<ветов> – и притом (в том и трудность) скоро. Я пишу ему вместе с этим⁴. Из С.Л.<Рафаловича> взял три (или два, смотря по матерьялу) стихотворения, а рассказ посылаю ему обратно: нет, он не рассказчик, а Собака и кот мне нравятся по настоящему. Пишу и ему.⁵

Читал Ваш Женский сонет. Все осталось без поправок, а надо бы! Еще: «правдивей» – «стыдливый», по моему слуху, не рифмуются⁶.

Посылаю Вам новое издание Скорпиона – Драму жизни⁷ и Симфонию, которую Вы хотели иметь⁸.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Речь идет о книге: Северные Цветы: Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М.: Скорпион, 1903. 23 ноября 1902 Брюсов пи-

сал из Петербурга владельцу издательства «Скорпион» С.А.Полякову о своих переговорах с петербургскими литераторами относительно участия в альманахе (см.: Лит. наследство. Т.98. Кн.2. С.65).

² В альманахе напечатано одно стихотворение Вилькиной – «Освобождение (Из женских сонетов)» («Я не любви ищу, но легкой тайны...») (С.155).

³ Стихи Н.Минского в третьих «Северных Цветах» не появились; там была помещена его статья «О двух путях добра (Два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях)» (С.131-142).

⁴ В упомянутом выше письме от 23 ноября 1902 из Петербурга Брюсов сообщал С.А.Полякову о заказе обложки для очередного выпуска альманаха «Северные Цветы»: «Художника будем искать. А не поручить ли Баксту? он стал рисовать прекрасно» (Лит. наследство. Т.98. Кн.2. С.65). Упомянутое письмо Брюсова к Л.С.Баксту нам неизвестно. 16 декабря Бакст в ответном письме выразил свое согласие сделать обложку; о дальнейших переговорах и цензурной судьбе заказа см.: Там же. С.67-68.

⁵ 7 декабря 1902 С.Л.Рафалович писал Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Посылаю Вам обещанные стихотворения и кроме них еще два: подойдут Вам, берите, не подойдут – не напечатаете. Я вспомнил, что в Северных Цветах не гнушаются и прозой, и предлагаю Вам несколько строк своей с большой просьбой возвратить мне рукопись, если Вы ею не воспользуетесь» (РГБ. Ф.386. Карт.100. Ед.хр.8. Л.3). В третьих «Северных Цветах» были помещены два стихотворения Рафаловича – «Первое желание» и «Два друга» (второе Брюсов называет здесь «Собака и кот»; см.: *Рафалович С.* Светлые песни. С.59-60). Письма Брюсова к Рафаловичу нам не известны (по устным сведениям, которыми мы обязаны профессору Д.Рицци, обширный архив Рафаловича, сохранявшийся до 1990-х во Франции, погиб; впрочем, о его составе сведений не имелось).

⁶ «Женский сонет» («Люблю я правду, как полдневный свет...») Вилькиной был опубликован в иллюстрированном приложении к «Новому времени» (1902. №9617, 11 декабря. С.9). 2, 3 и 4 строки в нем: «Тот всех смелей, кто духом всех правдивей. // Кто смел, мне дорог. На вопрос стыдливый // Он страстное услышит “да” в ответ».

⁷ Речь идет о книге: *Гамсун К.* Драма жизни / Пер. с норвежского С.А.Полякова. М.: Скорпион, 1902. – Цензурное разрешение: Москва, 20 но-ября 1902; регистрация обязательного экземпляра: 24–30 ноября 1902.

⁸ Речь идет о книге, вышедшей в свет весной: *Андрей Белый.* Симфония (2-я, драматическая). <М.>: Скорпион, 1902.

24. Вилькина – Брюсову
21 декабря 1902, Петербург¹

Я ужасно слабая и безвольная. Я еще могу глядеть на человека, видеть его и даже дорожить им, если знаю и слышу, что ему это смертельно необходимо. Но если нет настоящей, неумолимой необходимости, то я – в своей слабости – отхожу. Не обессудьте.

Л. Вилькина

Стихи Н<иколая> М<аксимовича> и мои в скором времени пришло. Баксту сказала – да он и вашим письмом зажегся². Вы назвали «моим» Рафаловича³. Он менее, чем другие. Уж больше С.Маковский, Колышко, Арабажин, Гайдебуров, Случевский и т. д.⁴

До сегодняшнего дня в моей хрустальной вазе жили ваши ландыши – странно долго. Но сегодня я бросила их в камин и видела, как они сгорели.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 21 дек<абря> 1902»; «Москва. 22 декабря 1902». Переписано (в сокращенном виде) Вилькиной в тетрадь (Письма Л.Вилькиной. Л.10).

² См. письмо 23, примеч. 1, 4.

³ См. письмо 22.

⁴ В этом перечне «поклонников» – поэт и художественный критик Сергей Константинович Маковский (1877–1962), публицист и драматург Иосиф Иосифович Колышко (1862–1938), критик, журналист и историк литературы Константин Иванович Арабажин (1866–1929), издатель и поэт Василий Павлович Гайдебуров (1866 – после 1940), поэт и прозаик Константин Константинович Случевский (1837–1904).

25. Брюсов – Вилькиной
25 декабря 1902, Москва¹

I.

1902. Рождество

Теперь, когда мы, Людмила Николаевна, перестали быть необходимы друг для друга, позвольте мне просто болтать с Вами. Да и что лучшее можно делать на расстоянии 600 верст в пространстве и трех недель во времени. Я Вам расскажу предпраздничные московские новости. И прежде всего, конечно, о На дне². До сегодняшнего дня театр при Горьком полон, переполнен, затоплен. Нет билетов и на 5 января. В первое представление зрители карабкались на сцену, раз-

раздвигали занавес руками и венчали Максима 1-го. Но и на втором представлении Горький стал выходить на зовы с первого акта. Занавес закроют, а он все стоит, не уходит со сцены, ждет, пока его еще раз вызовут. Дамы перевешивались через барьер, как куклы в петрушке, крича «Горький!», и, увидя его, откидывались назад в изнеможении от счастья. Почтенный П.Д.Боборыкин до того был уязвлен этим королевским успехом, что на другой день целый час (я встретился с ним за завтраком, в ресторане) бранил мне Горького, то умно, то неумно, то по-новому, то по трафарету. А в конце выдал себя³: «Я, говорит, сорок лет работаю, написал 80 томов, а мне таких оваций не бывало!». Впрочем, Боборыкина все у нас уязвляют. Третьего дня читал он в Литерат<урном> кружке³ о рецензентах и со старческим брюзжанием их побранивал. На беду ползала состояла именно из рецензентов. Уж они его не пощадили. Припомнили, как он сам писал плохие драмы и как, будучи рецензентом, нападал он на Ермолову.

Старик до того рассердился, что утратил дар членораздельной речи, стал что-то выкрикивать путаясь и сбиваясь. И я в тот вечер говорил к публике. Было такое настроение, что хотелось кого-нибудь обидеть. А так как «публика» состояла вся из либералов, то я – нарочно отчетливо и медленно – стал бранить Белинского, Добролюбова, Михайловского, Чехова, Горького (очень бранить) и славить Метерлинка, Аннунцио⁴, Гамсуна. Я думал и надеялся даже, что меня освищут (есть в этом своя сладость). Но нет, пошло поаплодировали. «Они» все снесут и стерпят⁵. Между прочим, на этом вечере был Рафалович (все же «Ваш», ибо я встречал его всего чаще у Вас)⁶. Расспросите его, если упомните: стóбит, это – все московское общество, «цвет» его⁷. Девять десятых его – либералы, а одна десятая – нет, не консерваторы и не марксисты, а декаденты. Да, Москва город очень декадентский, более Петербурга (есть целые улицы из декадентских домов). На Монну Ванну, которая пойдет трижды (с Коммиссаржевской), 2, 3 и 4-го, уже нет билетов⁸. Когда исполнится, опишу Вам. Теперь же надо ехать к разным почтенным людям, так как в Москве «делают визиты» не на Новый год, а на Рождество. Благо тема для разговора есть – это Новый Путь! Новый Путь! Новый Путь!⁹

Ваш Валерий Брюсов

II.

1902. Рождество

Стараюсь представить себе, как проводите Вы сегодняшний день.

Закрываю глаза и вижу Вашу комнату с четырьмя ступенями вниз, этот камин, маленькую кушетку, «на которой нельзя прилечь»,

и стол, в ящик которого до времени будет брошено это письмо. С камина глядит симфонический Вл. Соловьев, со стен – полуопустив ресницы – женщины Росетти¹⁰. Вы – в белом. Да, вот Ваши глаза, Ваши злые губы, вот так Вы складываете руки. Я Вас очень узнаю, я Вас очень помню. Все черты и каждое движение. Но *кто* еще с Вами и *что* Вы говорите, в это самое мгновение, когда я <о> Вас думаю, когда я пишу свои слова. Я насилую свое воображение, вглядываюсь, вслушиваюсь. Говорите ли Вы красивые речи о стихах, или чуть-чуть бесстыдные о любви, или с Вами тот, о котором Вы мне лгали – тогда, давно, в бесконечно прошедшем? Или, может быть, Вам скучно, Вы слушаете? или пишете письмо, колющее, как маленький кинжал, отравленный змеиным ядом? А! никогда я не желал так, как сейчас, обладать даром двойного зрения, со<м>намбулизма, видеть Вас воочию, войти к Вам. Я испугал бы Вас, поколебав занавеску у того ненужного окна или зашелестев бумагой на столе. Или я и не показал бы, что здесь, а стал бы у камина и смотрел бы, как Вы целуете кого-либо, и чувствовал бы, что Ваш поцелуй тоже как кинжал, и слушал бы Ваши речи и его, бессвязные, которые для меня имели бы весь бесконечный смысл мгновения. Ах, зачем все, что я говорю, будет для Вас только письмом, только неразборчивыми словами, только грудой черных кривляющихся букв! Как я умел бы все это сказать Вам, как мне нужен мой голос, мой звук слов! Можно лишь говорить или писать стихи! Проза бессильна, мертва, ее нет... А в Вашем камине, сжегшем, мои белые ландыши, перебегает огонь.

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так блещет на пурпурном маке
Крылом лазурным мотылек.

И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль!¹¹

Ваш, все же и конечно,

Валерий

Приложение

Все затемнено успехом «На Дне». <...> И я был на дне, и все там будем. <...> Максим начал выходить на хлопанье после первого акта. Выйдет и ухмыляется. Занавес закроют, а он продолжает стоять, ждет, когда опять похлопают и его опять покажут. Я, стоя спиной к сцене, смотрел на зрительный зал. Дамы перегибались через барьеры, вытягивались, крича: Горький! – И когда раскрывшийся занавес

показывал его все еще стоящим посередине сцены, они откидывались в кресло и изнемогали от наслаждения.

[Показалось мне, что] изо всех людей в России всех более обижен этим успехом П.Д.Боборыкин. Случилось мне с ним говорить на другой день после премьеры, утром, за завтраком. Он целый час бранил Горького, то умно, то неумно, то по-новому, то по трафарету; рассказывал, что это его голос был решающим при избрании Горького в Академию¹²; на мои слова, что Горький – современный Марлинский¹³, возразил «нет-с, милостивый государь, Марлинский был человек умный, образованный и талантливый»; – а под конец выдал себя: стал сравнивать себя и Горького – «я сорок лет работаю и написал [60] 80 томов, а Горький пишет всего десять лет и вдруг такие овации...»

Обидели почтенного Петра Дмитриевича и вчера, в собрании нашего Литературного клуба. Вздумалось ему читать «о вредном влиянии на развитие драмы – рецензентов»! Плохо, когда кто-нибудь ставит себя самого судьей в собственном деле, да на беду еще половина залы состояла именно из разных рецензентов. И не пощадили они «маститого». Припомнили ему его юношеские грехи, как он, рецензируя, бранил Ермолову, и то, как сам писал плохие пьесы, по справедливости осмеянные, и многое иное. Старик до того рассердился, что утратил врожденный ему дар говорить речи, стал что-то выкрикивать путаясь и сбиваясь. А добрый старик, право, хотя и написал Накипь¹⁴.

Мне на этом собрании хотелось говорить бранные слова. Я желание это испытываю всегда, когда передо мной довольная и давно обо всем согласившаяся толпа, что добро, что зло, где правая, где левая сторона. Я встал и начал говорить, словно возражая, что вот Белинский не понимал Пушкина, Добролюбов Достоевского (верно ли это, я точно не помнил, но мне даже приятно было сказать нелепость), что Некрасов, как поэт, ничтожество (я этого *вовсе* не думаю), что Мережковский – великий писатель, а Михайловский, ничего не поняв в его книге, только глупо острил, что пьесы Чехова и Горького – совершенная дрянь и что вообще после Гоголя никто не писал настоящих драм, тогда как на Западе есть великие драматурги: Метерлинк, Аннунцио, Кнут Гамсун... а потом прибавил, что ни один порядочный человек в газетах писать не станет (заметьте: сам пишу). Я думал, что по крайней мере меня после такой речи освищут: ведь вся зала состояла из мелких либералов и газетчиков! Нет, представьте себе! Двое-трое решились произнести «ш-ш», а потом кончилось все самыми банальными аплодисментами¹⁵.

Нет, с каждым годом все более и более приучаюсь презирать людей вообще и отдельных людей в частности.

Если встретитесь скоро с Рафаловичем (я назвал его «Вашим» только в том смысле, что он часто у Вас бывает), расспросите его об этом вечере, стóбит, это – вся московская жизнь. Рафаловича увлек туда, конечно, я. А где он сейчас, уехал ли, не знаю. Я после вечера как-то увлекся беседой с одной дамой, потом искал его и уж не нашел.

<...> Но *кто* еще с Вами, в этой комнате, и *что* Вы говорите. Я как-то насилую свое воображение, вглядываюсь, вслушиваюсь – и не могу видеть, не могу слышать. Да, между нами шестьсот верст, и все это письмо, которое я так сумел бы сказать Вам, для Вас будет только рядом написанных слов, черными буквами, двумя листками бумаги!¹⁶ В Вашем камине перебегает огонь

Тускнеют угли, в полумраке
Прозрачный вьется огонек...

....

И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль.

Но, конечно, – Ваш

Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 24. В архиве Брюсова сохранился первоначальный вариант этого двухчастного письма, составлявший как единое целое (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.7об.-10). В приложении к письму приводятся выдержки из него, дающие дополнительные сведения и смысловые нюансы к окончательному тексту.

² Премьера пьесы М.Горького «На дне» прошла в Московском Художественном театре (18 декабря 1902) с огромным успехом. Вот один из отзывов: «По окончании пьесы овация приняла прямо небывалые размеры. Горький был вызван всем театром более 15 раз <...> Нечто не поддающееся описанию произошло, когда Горький наконец вышел на вызовы один. Такого успеха драматурга мы не запомним» (Русское слово. 1902. №349, 19 декабря). С.Рафалович, находившийся в те дни в Москве, в свою очередь сообщал Вилькиной: «Успех пьесы Горького – нечто небывалое и невиданное» (письмо от 26 декабря 1902. – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.907). Анализ «тактики» Брюсова в связи с успехом пьесы Горького, литературного «противника» символистов, см.: *Муратова К.Д.* Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966. С.170-171. Там же, в частности, цитируется публикуемое письмо.

³ Лекция прозаика Петра Дмитриевича Боборыкина (1836–1921) о драматургах и рецензентах состоялась 23 декабря 1902 в Московском Литера-

турно-художественном кружке. Сведения, содержащиеся в письме, нашли параллельное отражение в дневниковых записях (см.: Брюсов В. Дневники. С.128-129), здесь же в примечаниях Н.С.Ашукина (С.182) содержатся выдержки из газетного отчета о лекции (Новости дня. 1902, 24 декабря).

⁴ Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель-модернист.

⁵ Ср. описание истории с П.Д.Боборыкиным в письме Брюсова к П.П.Перцову от 27 или 28 декабря 1902:

В Москве в Лит<ературно>-Худ<ожественном> кружке почтенный Петр Дм<итриевич> читал о рецензентах, очень напал. Рецензенты отомстили и надерзили маститому. Тот даже слов не нашел возражать. Я тоже немного «поозорничал», сказал речь к публике и очень обругал Белинского, Михайловского, Чехова и Горького, попутно попрославлял Дм<итрия> Серг<еевича>. Думал, меня освишут; ничего – похлопали (все стерпят!).

(ИМЛИ. Ф.13. Оп.3. Ед.хр.21).

⁶ 26 декабря 1902 С.Рафалович писал Брюсову: «Простите, дорогой Валерий Яковлевич, что я пропал после доклада. Я встретил в клубе старую знакомую, певицу Терьян-Корганову, и, занятый ею, не мог тотчас же искать Вас, а потом не нашел. Благодарю Вас и жену за интересный вечер и надеюсь вскоре лично передать свою благодарность» (РГБ. Ф.386. Карт.100. Ед.хр.8. Л.5). Упомянута известная оперная певица и педагог Елена Иосифовна Терьян-Корганова (1864–?).

⁷ Свои впечатления Рафалович передал Вилькиной в письме от 26 декабря 1902 г.:

Видел Брюсова, передал ему Ваше поручение, познакомился с его женой. Они меня увлекли в художественный клуб, где Боборыкин делал доклад о драматургах и рецензентах, вызвавший бурные прения. <...> В клубе было очень многолюдно; публика – московская, серая, странная, чужая и шумная. Знаменитости все – какие-то местные, низкопробные. Я нарочно, чтобы не дать воли своему тщеславию и подавить свое самолюбие, не возражал, хотя тема была мне достаточно известная: драматические рецензенты и рецензии, главным образом, в Париже. <...> Брюсов просил говорить; он там в комитете и восседал на эстраде.

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.907).

⁸ Премьера пьесы Метерлинка «Монна Ванна» с В.Ф.Коммиссаржевской (1864–1910) в главной роли состоялась 6 января 1903 в московском театре «Аквариум». Брюсов написал о спектакле в заметке «Монна Ванна и г. Дорошевич» (см.: Новый Путь. 1903. №2. С.191-192. Подпись: «Москвитянин»).

⁹ Первый номер религиозно-философского и литературного журнала «Новый Путь» (январь 1903) вышел в свет в Петербурге в конце декабря 1902.

¹⁰ Скульптурное изображение Владимира Соловьева, о котором упоминает Брюсов, могло быть бюстом работы И.Я.Гинцбурга или горельефом работы Н.А.Шаховской (см. иллюстрации к публ.: «Благонамеренность не спасает от заблуждений...»: Неизданные автографы Владимира Соловьева / Статья и публ. Н.В.Котрелева // Наше наследие. 2000. №55. С.64,72); почему изображение названо «симфоническим», неясно. Данте Габриэль Росетти (Rosetti; 1828–1882) – английский живописец и поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

¹¹ Неточная цитата (начальные и заключительные строки) из стихотворения А.А.Фета «У камина» (1856).

¹² 25 февраля 1902 М.Горький был избран почетным академиком по разряду изящной словесности. 5 марта Николай II распорядился аннулировать избрание, и Академия наук вынуждена была признать выборы Горького недействительными. В знак протеста от звания почетных академиков отказались Короленко и Чехов.

¹³ Александр Марлинский (псевдоним Александра Александровича Бестужева; 1797–1837) – поэт-декабрист и прозаик, пользовавшийся в 1830–1840-е исключительной популярностью. В другом сообщении об этом эпизоде Брюсов приписывает приведенную реплику М.Н.Семенову: «Семенов сказал, что Горький – современный Марлинский» (*Брюсов В. Дневники*. С.128). Почти одновременно Горького с Марлинским сопоставляла З.Н.Гиппиус: «Нет, нет, Горький скоро поникнет; увидите. Прочитала недавно об успехе Марлинского, соответственно сопоставила (исторически) подробности – и многое поняла» (письмо к П.П.Перцову от 15 июля 1902, см.: Письма З.Н.Гиппиус к П.П.Перцову / Публ. М.М.Павловой // Русская литература. 1991. №4. С.145. Исправлено по автографу).

¹⁴ «Накипь» – комедия Боборыкина в четырех актах, изображающая декадентов и нищезанцев. Поставлена в московском Малом театре 9 октября 1902, возбудила толки в обществе. 12 октября в газете «Русский листок» появилось интервью Брюсова по поводу постановки «Накипи» (см.: *Брюсов В. Среди стихов. 1894–1894: Манифесты. Статьи. Рецензии*. С.58-59, 661).

¹⁵ Напротив последних слов на полях запись Брюсова: «всё стерпят», развитая в окончательной версии текста.

¹⁶ Не исключено, что в момент написания этой фразы Брюсов принял решение о разделении письма на две части (см. примеч. 1 к наст. письму), – первоначальный текст записан на четырех листах.

26. Вилькина – Брюсову
27 декабря 1902 г. Петербург¹

Жду письма от вас². Я привыкла к мысли о вас – как прежде – и мне вас недостает.

Л.

¹ Открытка (серия «Brugge», сюжет «Kerstdag») с рождественской сценкой: наряженная мать и дети, идущие в праздник по улице. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 27 дек<абря> 1902»; «Москва. 28 декабря 1902».

² Написано до получения письма 25.

27. Вилькина – Брюсову
28 декабря 1902 г. Петербург¹

28 декабря

Если Рафалович зайдет к вам на обратном пути – пришлите мне шоколаду. Пришлете?

Вы почти угадали: да, я провела первый день в своей комнате, но одна, совсем одна. Даже без своих многочисленный «людей». Я говорю о «людях», думая при этом о всех тех, кого я приближаю к себе, чтобы избежать внешнего одиночества. Ну, а в этот день я была уже больше с — — — <так!> вами, чем с кем-либо другим.

Странно это: в письме №1 вы начинаете с того, что «мы перестали быть необходимыми друг для друга». Прочитав эту фразу, я ужасно позавидовала вам: вот человек, у которого есть несомненности. Я бы не могла, у меня нет. — Зато письмо №2 оставило меня недоумевающей. — Если бы вы прислали мне свои стихи, я бы поверила им так же, как верю теперь последним строчкам ст<ихотворения> Фета, присланного вами.

Вы этого хотели? О, друг мой, неужели стоит в жизни бороться – хотя бы с собственным сердцем.

Ваша Людмила

А комнату запомнили и угадали удивительно верно. И платье. Но только есть новые цветы. Много. В больших и маленьких вазах.

¹ Ответ на письмо 25. Почтовый штемпель на приложенном конверте: «Петербург. 29 дек<абря> 1902»; «Москва. 30 декабря 1902». Переписано Вилькиной в тетрадь (Письма Л. Вилькиной. Л. 10об.-11; приписка «Бр<юсов>у»).

28. Брюсов – Вилькиной
4 января 1903, Москва¹

1903

Да, конечно, странно, Людмила Николаевна, что я не пишу Вам. Когда же я расскажу Вам, почему, Вы посмотрите на меня сурово и может быть «презрительно». Помните – я сердился на Ваши слова, будто мой почерк похож на почерк Бальмонта². Здесь в Москве я говорю не с Вами, и мне кажется, что я говорю с Вами. Я произношу те же слова, какие сказал бы Вам, и слышу то же, что мне ответили бы Вы. Время и пространство стираются, и недавно я сказал уверенно: «Но ведь Вы не были в Крыму». Ах, тотчас я вспомнил, что это Вы не были в Крыму, а не та, кому это было сказано. Во внешнем мире не бывает совпадений: одно и то же не является дважды. В мире души это возможно. И вот мне кажется, что я сказал Вам так много слов, что я так часто с Вами, – что мне непонятно, зачем писать письма, и уже мне нужно усилие ума, чтобы себя заставить.

Послезавтра приезжает в Москву Бальмонт, а я уезжаю в Петербург³.

Я Ваш

Валерий

¹ Неотправленное письмо; приводится по автографу из архива Брюсова (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед. хр.21. Л.15-16). Датируется по упоминанию о приезде Бальмонта (6 января).

² См. письмо 8.

³ Отъезд Брюсова в Петербург был отложен на вторую половину января.

29. Вилькина – Брюсову
8 января 1903, Петербург¹

Милый Валерий Яковлевич, я сегодня, вдруг, сама не знаю, по какому поводу, вспомнила, что моя открытка к вам – по нашему соглашению, должна была быть символической. Можете себе представить мой ужас! А я просто увидела очень красивую открытку и не могла ей найти лучшего употребления, как послать вам². Если бы вы видели в настоящую минуту мои глаза, вы поверили бы мне безусловно. Не знаю, как теперь. От всей души прошу поверить в невинность моей открытки. Не знаю почему, мне было бы больно, если бы вы думали, что я теперь вам говорю неправду.

Рафалович третьего дня приехал, но очень мало мог о вас рассказать. А кто это женщина с черными bandeaux³? Писательница, кто? О, изменник! Теперь верю, что меня не любите – мне не изменяют. Читаю вашего Пшибышевского и очень он мне не по нутру: дилетант, испорченный самовозвеличением⁴. Для «С<еверных> Цв<етов>» жду Н<иколая> М<аксимовича> и пришлю вместе⁵. Пишите мне; я читаю ваши письма, как будто слыша ваш голос. А идея о двух письмах в одно время кажется мне нужной⁶. Так успокойте же меня и верьте в меня.

Ваша Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 8 янв<аря> 1903»; «Москва. 9 января 1903».

² Имеется в виду письмо 26.

³ Bandeaux (франц.) – вид прически.

⁴ По-видимому, речь идет о книге польского прозаика и драматурга Станислава Пшибышевского (1868–1927): Homo sapiens: Роман в 3 ч. / Пер. М.Н.Семенова. М.: Скорпион, 1902. Роман был запрещен цензурой (см. примеч. 2 к письму 18).

⁵ См. письмо 23, примеч. 2, 3.

⁶ Имеется в виду письмо 25.

30. Брюсов – Вилькиной
Между 16 и 19 января 1903, Москва¹

1903

Я был уверен, что уже еду в Петербург. Уже было собрано все, что думал взять с собой. Случилось остаться². Но еду скоро, «на днях», быть может послезавтра. Потому и не отвечал Н<иколаю> М<аксимовичу>. Все же стихи лучше пришлите сюда. Или успею отдать в печать, или распоряжусь о них³.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Письмо написано не ранее 16 января 1903, дня смерти М.С. и О.М. Соловьевых, и не позже 19 января, так как 20 января Брюсов уже был в Петербурге (см. примеч. 1 к письму 31).

² Ср. запись Брюсова: «Совсем было собрался я уезжать в Петербург, как случилась смерть М.С.Соловьева и Ольги Михайловны. Я был на похоронах» (Брюсов В. Дневники. С.129). Похороны состоялись в Новодевичьем монастыре 18 января 1903. См. заметку Брюсова: Похороны М.С. и О.М. Соловьевых // Русский Листок. 1903. №19, 19 января. С.2.

³ В письме к Брюсову от 22 декабря 1902 Н.М.Минский обещал прислать стихи для «Северных Цветов», а также спрашивал: «Не можете ли сообщить мне что-нибудь определенное об издании моих “Стихотворений”?» (РГБ. Ф.386. Карт.80. Ед.хр.12. Л.3-4). Книгу стихотворений Минский предполагал опубликовать в издательстве «Скорпион».

31. Вилькина – Брюсову
25 января 1903, Петербург¹

Суббота

Налагаю на вас штраф за то, что вы так давно у меня не были: принесите духи: Coeur de Janett – фаб<рики> Oubigant. –

Но кроме этого – не упрекаю – вольному воля. Да, вы приехали другой². Хорошо ли вам теперь, свободному?

Мне больно, Валерий³.

¹ Датируется по полустертому почтовому штемпелю: «25 <?> I <?> 1903» и указанию в тексте дня недели (суббота – 25 января). Отправлено по адресу: «“Северная гостиница” против Николаевского вокзала. №188». Брюсов приехал в Петербург и остановился в указанном гостиничном номере 20 января (см. его письмо к жене от 20 января 1903. – РГБ. Ф.386. Карт.69. Ед.хр.4. Л.1-2).

² Ср. письмо Брюсова к жене от 22 января 1903: «Сегодня был у Минских – в первый раз. Ник<олай> Макс<имович> очень болен. Сидел с Людмилой полчаса. Расстались очень холодно; и когда-то вновь увидимся, не знаю. Радуйся» (Там же. Л.7).

³ Брюсов сообщал жене 27 января 1903: «Вчера был по письму Минской у них. Н<иколай> М<аксимович> выздоровел. Людмила всячески пыталась меня вновь соблазнить (т. е. вновь сделать своим поклонником). Уверяю тебя, что ей это не удалось. Просто в душе охоты нет забавляться этим» (Там же. Л.16).

32. Брюсов – Вилькиной
31 января 1903, Петербург¹

31 января 1903

Я Вам пишу, Людмила, как далекой, как женщине, быть может, иных столетий, быть может, вымыслу художника. Я не очень убежден, что Вы существуете. Вот видите. Для каждого человека, и для каждой вещи, и для всего, что совершается, – наступает их прекраснейшее мгновение. Для иных событий оно бесконечно высоко, и на-

до иметь волю не остановиться на полдороге. Наполеон был бы не прав, если б удовольствовался званием первого консула, тем более генерала республики. Но для других событий это мгновение на первых ступенях и дальше уже падение. Верлен лучше бы сделал, если б не писал ничего после *Sagesse* или хотя после *Parallèlement*². Для нас с Вами это прекраснейшее (немногое, о да! очень немногое) было в прошлом. Наш разговор теперь представляется мне чем-то склеенным. Да, на той вазе, которую мы начали расписывать, были проведены только первые штрихи. Но она разбилась. Стоит ли ее склеивать, чтобы дорисовать намеченные рисунки? Оставим труд подбирать осколки – другим. И для Вас, и для меня еще слишком много в мире фарфоровой глины, слишком много мрамора и красок. Слишком еще много неосуществленных форм и невоплощенных тайн. Если б каждая моя мечта тотчас обращалась в статую, я до дня смерти не успел бы истощить своих замыслов. Дальше! Дальше! Никто не виноват в том, что прошлое становится прошлым.

Ваш (да, я был Ваш вполне и, значит, навсегда сохранил право на это слово)

Валерий Брюсов

¹ Сохранился черновик этого письма, отличающийся от отосланного текста второстепенными деталями: замена нескольких слов синонимами, в нескольких случаях изменение порядка слов (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.13-14).

² Книги стихов французского поэта Поля Верлена (1844–1896) «Мудрость» (1881) и «Параллельно» (1889).

33. Вилькина – Брюсову
1 февраля 1903, Петербург¹

Вы меня поразили. Но я как-то не убеждена вашими словами. Ведь «мы» участвовали в создании этой вазы, а я всей душой и теперь чувствую ее красоту и каждый миг превращение в нечто все более красивое. Нет, Брюсов, я не верю, что так легко можно от меня уйти. Я так горячо привыкла и вижу другое, что не существуют ваши последние слова. Вы мой, пока я это чувствую и нежно люблю эту мысль.

Я жду вас завтра в воскресенье – целый день – когда вам удобнее, от 4 до 6 или вечером.

У меня еще «важное дело» к вам, а еще важнее не дело.

Ваша Людмила
Суббота <1>903 г.

¹ Ответ на письмо 32. Почтовый штемпель на приложенном конверте: «Петербург. 1.П.1903». Отправлено в гостиницу «Северная» (№188).

34. Вилькина – Брюсову
1 февраля 1903, Петербург¹

Суббота

Жду вас непременно завтра после 7 ч<асов>. Днем меня вызвала моя мама.

Приходите непременно. Очень надо вас.

Ваша Л.

¹ Датируется по связи с письмом 33. Отправлено на следующий день (почтовый штемпель на приложенном конверте: «Петербург. 2.П.1903»), адрес: «Северная гостиница» (№188).

35. Брюсов – Вилькиной
Конец января – начало февраля 1903, Петербург

1903

И все-таки мне хотелось бы, Людмила, чтобы Вы получили эти стихи еще в четверг¹. Потому посылаю их, а не принес. Вы рассердитесь. Быть может, это хорошо. Но я боюсь, т. е. думаю, что Вы и не рассердитесь даже.

Ваш Валерий

¹ Четверги во время этого пребывания Брюсова в Петербурге пришлось на 30 января и 6 февраля (дата 23 января маловероятна, так как первая встреча с Вилькиной состоялась в среду 22 января).

36. Брюсов – Вилькиной
10 февраля 1903, Москва¹

1903

И в конце концов я уехал в Москву теперь же. Вам остается презрительно сжать губы, даже не махнуть рукой, и уж конечно, не отвечать мне. А мое желание – уехать и не в Москву, а куда-то совсем прочь, быть вне всех людей. Да, мне наскучило жить, и это то, что я разумел, говоря Вам, что стал вновь «литератором». Я буду призывать к жизни, не живя, и писать стихи о блаженстве безумия, оставаясь благоразумным до конца. Я не верю (Вы не любите этого слова),

что встретил бы в жизни иное, кроме знакомого. Да и никогда не встречал ничего иного, потому что все и всегда оказывалось уже знакомым и более прекрасным – в прошлом, в помысле, в мечте, в стихах. Прощайте. Я прощаюсь с Вами, как с жизнью.

Я скоро вернусь в Петербург², но лишь затем, чтобы быть одиноким еще более.

№№ Нового Дела посылаю Вам заказной бандеролью³. О рукописях напишу.

«Ваш» Валерий Брюсов

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 10.II.1903»; «Петербург. 11.II.1903».

² Этот план не осуществился.

³ «Новое Дело» – петербургский ежемесячный литературный журнал (выходил только в 1902; редактор-издатель А.Н.Пешкова-Толиверова); в №8 был опубликован «Мещанский сонет» («Большая комната. Я в ней одна...») Вилькиной (С.155). При журнале в 1901–1903 издавалась еженедельная газета под тем же названием. В данном случае речь идет, по всей вероятности, о номерах газеты, в которых публиковались статьи Вилькиной под рубрикой «Из театральных впечатлений»: «Многосложная драма» (Новое дело. 1901. №1(31), 16 декабря. Стлб.27-29), «Морализующие пьесы» (Там же. 1902. №3, 20 января. Стлб.91-94), «Английские пьесы» (Там же. №6, 10 февраля. Стлб.185-188), «В борьбе с чувством любви» (Там же. №10, 10 марта. Стлб.316-319), «Трагедия или сатира?» (Там же. №13, 31 марта. Стлб. 411-414) – о «Михазле Крамере» Г.Гауптмана, «Символическая драма» (Там же. №43, 27 октября. Стлб.1372-1375) – о «Сне жизни» Ф.Н.Фальковского, «Драма внутренней и внешней правды» (Там же. №45, 10 ноября. Стлб.1433-1435) – о «Монне Ванне» М.Метерлинка. Первые три из перечисленных статей подписаны криптонимом «Л.В.», остальные – за подписью «Л.Вилькина». Ср. также письмо 63.

37. Вилькина – Брюсову
12 февраля 1903, Петербург¹

Валерий Яковлевич,

Весьма жалею, что не видала вас перед отъездом – буде моя, она, воля – мы бы свиделись. Но не ропщу. Мне хотелось, чтобы вы вычеркнули «надзаглавие» моего сонета, т. е. не надо – Из женск<их> сонетов, а просто – Освобождение². А еще вот дело: куда вы «бросили» рукопись Бобринского. Кажется, его адреса я вам не давала. Теперь он уехал за границу, а потому перешлите ко мне³. Эта

вещь мне нравится, если не возьмете ни вы, ни «Н<овый> Путь», то я сосватаю ее Ясинскому⁴.

Когда вы вернетесь? Вы знаете, до чего я в иных случаях маловерна, а потому понимаете, с каким чувством я прочла ваше письмо. Приезжайте скорее, Валерий. Хочу вас видеть.

Ваша

¹ Ответ на письмо 36. Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Петербург. 12 февр<аля> 1903»; «Москва. 13 февр<аля> 1903».

² См. примеч. 2 к письму 23.

³ См. примеч. 3 к письму 11. Вилькина передала Брюсову рукопись за подписью «Никита Бобринский» для опубликования ее в «Северных Цветах». Ср. письмо, адресованное в редакцию «Нового Пути» (датировка рукой Минского: «4.X.1903»); приложено к рукописи «Литературных пластинок» Никиты Бобринского:

Милостивый государь, Господин Редактор,

Не найдете ли Вы интересным печатать в Вашем журнале мои литературные «пластинки»? Если да, то буду посылать такие, и Вы, по выбору, можете печатать. Только теперь узнал, что Вы напечатали в своем журнале мой рассказ «Боря умер». За гонораром не захожу, так как слухи идут, что журнал в теперешнее время нуждается в них <так!> сам.

Если сценки не подойдут, покорнейше прошу переслать их на *Загородный проспект, Почтов<ое> отделение. Дом №14. Лит<ератору> Н.М.Б.*

С совершенным почтением Н.Бобринский.

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.734. Л.1(машинопись)).

См. также недатированное письмо Вилькиной к секретарю редакции «Нового Пути» Г.И.Чулкову (РГБ. Ф.371.2. Ед.хр.72. Л.6).

⁴ Иероним Иеронимович Ясинский (1850–1931) – прозаик, поэт, журналист; редактор-издатель журналов «Ежемесячные Сочинения» (1900–1903), «Почтальон» (1902–1903), «Беседа» (1903–1908). В 1903 стихи Вилькиной в этих изданиях не появлялись.

38. Вилькина – Брюсову
19 февраля 1903, Петербург¹

Милый Валерий,

Решитесь согрешить, – напишите мне «искреннее» письмо.

Elle

Друг мой, повинуйтесь.

Пришлите стихи. Я жажду ваших, именно ваших стихов. Читали в «Н<овом> В<ремени>» мое? На той неделе еще будет².

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 19 февр<аля> 1903»; «Москва. 20 февр<аля> 1903».

² Сонет Вилькиной «Здесь на земле мой дух отяжелел...» был опубликован в иллюстрированном приложении к «Новому Времени» (1903. №9678, 12 февраля. С.6-7). В последующих выпусках газеты ее стихотворения не печатались.

39. Брюсов – Вилькиной
Между 20 и 23 февраля 1903, Москва¹

1903

Вы бесконечно неверно о<бо> мне думаете, Людмила. Для меня, конечно, нет и не будет – грешного, есть лишь не-желанное, есть лишь то и иное мгновение. Я сейчас просто счастлив своей внежизненностью, настолько, что мне даже не стыдно произносить это позорное слово – счастье. Как мог я забывать месяцами, что есть рифмы, что есть многогранные слова, которые так особенно блестят, если коснуться их алмазной пылью, что есть откровения в стихе, миры в мечте, опьянение, пьянность в работе, в одиночестве, в келье! Как мог я быть или бывать не художником и не *только* художником!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье,
Она уже отрешена.²

Вы мне скажете, что я прошел мимо ступеней, уже навсегда мне недоступных и которых я еще не целовал никогда. Быть может, быть может. Но прежде чем коснуться до них губами, я должен был бродить по истоптанному песку, по знакомым аллеям – пусть весенним и огненным, – но тем же! тем же! Я не хочу. Да, быть может, тот миг был как единственный дар. Но разве все дары принимаются?

Нищий стоял на солнце. Когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь веки. Царевна подала ему золотое вино в золотом сосуде. Ему было надо лишь протянуть руку. Но он засмеялся и сказал: протяни эти золотые края к самым моим устам, и я буду пить. В

гневу царевна выплеснула драгоценное вино наземь. Но юноша смеялся, и, когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь его веки.

Ах, с меня довольно меня одного. Я отдаю себя самого – себе. Я не хочу принадлежать никому, и спокойно могу не владеть никем. Пусть шумят камни на взморьях.

Я Вам целую руку лишь в знак прощания –

Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 38. Датируется по связи с ним и с ответным письмом Вилькиной (письмо 40).

² Автоцитата из поэмы «Замкнутые» (1901), глава II. См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т.1. М., 1973. С.262.

40. Вилькина – Брюсову
24 февраля 1903, Петербург¹

24 Февраль 903 г.

Валерий, друг мой, наконец вот и ваши стихи. Мне их так надо было. А прощания не боюсь – ведь не в силах вы уйти без моего согласия. Но принимаю прощание как переход к радостному приветствию.

Ваше отклонение к работе меня не пугает. Я «тоже» отрекаюсь от людей: *никого*, кроме книг и тетрадей, и стен и свода своей комнаты не вижу. Но вы часто бываете у меня, я говорю с вами – не о том, о чем мы с вами говорили уже, но о новом, еще более «настоящем» и обоюдно-близком. Я написала вам несколько сонетов, но по «робости» писательской не посылаю. Взяты они в Н<овое> В<ремя>. Через неделю, две, может быть, напечатают².

Elle

Я думаю о вас, нежном и ласковом. Я вижу, что ваши цветы наполняют мою комнату. Ваши и только ваши.

Что если бы?!

¹ Ответ на письмо 39. Написано не на почтовой бумаге, как обычно, а на рабочей; разорвано по сгибу. Почтовый штемпель на приложенном конверте: «Петербург. 24 фев<ря> 1903». Переписано Вилькиной в тетрадь (Письма Л.Вилькиной. Л.11об.-12; приписка «Бр<юсову>»; перед текстом запись: «Пропущено много писем...»).

² См. примеч. 2 к письму 38.

41. Вилькина – Брюсову
4 марта 1903, Петербург¹

Вторник

Валерий Яковлевич,

Ответьте, пожалуйста, Слонимскому о его стихах², а мне о рукописи Бобринского, – тогда он отдаст ее Ясинскому – если не берут «Северные Цветы»³. А другому (А.С.) вы ответили?⁴

Жду письма.

Людмила Минская-Вилькина

¹ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 4 марта 1903» (вторник – 4 марта); «Москва. 5 марта 1903».

² Людвиг (Леонид) Зиновьевич Слонимский (1850–1918) – журналист, публицист, экономист; секретарь редакции журнала «Вестник Европы». Его стихи не появлялись ни в «Северных Цветах», ни в других изданиях «Скорпиона».

³ См. письмо 37, примеч. 3, 4.

⁴ Имеется в виду начинающий поэт и прозаик Александр Александрович Смирнов (1883–1962) – впоследствии известный филолог, историк зарубежных литератур и переводчик. 22 февраля 1903 Брюсову писал П.П.Перцов, издатель и редактор журнала “Новый Путь”: «Сегодня был Фридберг и говорил, что Минский передал Вам рассказ некоего А.Смирнова “Красный свет” для “Нового Пути”. Но где же он?» (РГБ. Ф.386. Карт.97. Ед.хр.10). Брюсов отвечал 25 февраля: «А “Красный Свет” я полагал (по письму Людмилы Николоаевны) предназначенным для “Северных Цветов» (впрочем, печатать не думал). Пришлю Вам на днях <...>» (ИМЛИ. Ф.13. Оп.3. Ед.хр.22). Произведения Смирнова в «Северных Цветах» опубликованы не были.

42. Брюсов – Вилькиной
Не позднее 15 марта 1903, Москва¹

1903

Да, конечно, я напишу Вам скоро, подробно, отвечу, сообщу. Не сердитесь, что молчу. Иногда занят, не отрываясь, полуприкован, иногда бессмысленно перелистываю страницы, не думая, не читая, иногда...

Вы получите мешочек москворецких камешков. Не смущайтесь – они съедобны.

Ваш – Валерий Брюсов

¹ Датируется по связи с письмом 43. Написано не ранее 5 марта 1903, поскольку является репликой на письмо 41.

43. Вилькина – Брюсову
16 марта 1903, Петербург¹

Спасибо за сладкие камешки. Забавно и съедобно. Ну, москвичи!
Будьте совсем милым, ответьте о Бобринском и А.С<мирнове> и
Слонимск<ом>².

Ваша Elle

¹ Ответ на письмо 42. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург 16 мар<та> 1903»; «Москва. 17.III.1903». Открытое письмо – серия «Brugge», сюжет «St. Jacobs Calvarieberg» (женщина в капюшоне, коленопреклоненная перед распятием).

² См. письмо 41.

44. Вилькина – Брюсову
20 марта 1903, Петербург¹

Очень прошу прислать мне ответ о Бобринском². Что мне для этого сделать. Вразумите.

Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 20 мар<та> 1903»; «Москва. 21.III.1903». Открытое письмо – серия «Brugge», сюжет «Godshuis».

² См. письмо 37, примеч. 3.

45. Брюсов – Вилькиной
Не ранее 21 марта 1903, Москва¹

1903

Как иные теряют способность говорить, так я, Людмила, потерял вдруг способность писать письма – временно, конечно. Поступок мой с рукописью Б<обринск>ого «не имеет названия». Я прочел ее еще в Петербурге. Но у меня не доставало до вчерашнего дня энергии завернуть ее и надписать адрес. Не знаю, поверите ли Вы, но я послал ее до получения Вашего письма, – это так. Рассказ плох. Т. е. не то, чтобы плох, а не хорош. Его, вероятно, напечатает любой журнал. Отдайте в Новый Путь или Ниву. А Сев<ерным> Цветам с ним делать нечего. Отослал я и Красный Свет². Тоже плохо, но в

ином роде; по крайней мере, интереснее. Сев<ерные> Цветы выйдут к пасхе непременно³. Провожу дни с Бальмонтом. Предаюсь еще «игре», т. е. в карты. Впервые узнал, какой глубочайший соблазн в этом испытывании случайностей. Утром, возвращаясь домой, я более упоен, чем было бы после ночи самой безумной любви.

Ваш Валерий Б.

¹ Ответ на письмо 43 и 44. Датируется по связи с письмом 44.

² См. примеч. 4 к письму 41.

³ Пасха в 1903 пришла на 6 апреля. 3-й альманах «Северные Цветы» вышел в свет в конце марта.

46. Вилькина – Брюсову
8 апреля 1903, Петербург¹

Английская набереж<ная> 62.

Нельзя ли сообщить точный адрес Валерия Яковлевича за границей.²

Люд. Вилькина-Минская

¹ Открытое письмо. Адресовано: «Валерию Яковлевичу Брюсову. Или его супруге». Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 8.IV.1903»; «Москва. 9.IV.1903».

² Брюсовы выехали из Москвы 9 апреля 1903; см.: Лит. наследство. Т.98. Кн.2. С.158.

47. Брюсов – Вилькиной
19 апреля / 2 мая 1903, Париж¹

Paris. Hôtel Porte Mahon
2 мая 1903 н. ст.

Только теперь дошло до меня Ваше письмо, Людмила Николаевна. Пока мы в Париже, но уже через неделю уедем². Будем временно где-нибудь в южной Германии³, потом к июню в России. Сообщите, где будете Вы, очень прошу. Здесь покою нет от Эдуарда⁴ – и дождь, дождь, дождь. Ничего не делаю, только брожу по кабарэ и слушаю монмартрских куплето-слагателей⁵.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 46. На видовой открытке: «49. Paris. Bois de Boulogne». Почтовый штемпель получения: «Петербург. 23.IV.1903».

² Всего Брюсов с женой провели в Париже, согласно его дневниковой записи, 16 дней (см.: *Брюсов В. Дневники. С.131-132*).

³ Этот план не осуществился; Брюсов возвратился из Парижа в Москву через Берлин.

⁴ В это время в Париже находился с визитом Эдуард VII (1841–1910) – английский король (с 1901). См. очерк Брюсова: *Аврелий. Эдуард VII в Париже: Письмо из Парижа // Русский Листок. 1903. №128, 11 мая. С.3.*

⁵ Ср. очерк Брюсова: *Аврелий. Из парижских впечатлений: Театры и кабаре // Там же. №136, 19 мая. С.3.*

48. Вилькина – Брюсову
5/18 мая 1903, Монте-Карло¹

18 Mai

<...> адрес еще недели три, <...> – Monte-Carlo. Poste <rest>ante. L.Wilkinе.

<Не пишу? > больше о себе, потому что не знаю, когда дойдет письмо. Потом я еду или в Швейцарию или на ит<альянские> озера. Не дурно бы встретиться с вами. Сделайте это. Буду рада. Во всяком случае ответьте, где вы сейчас, по получении этого письма.

Людмила

¹ Ответ на письмо 47. Открытое письмо. Часть текста утрачена (вырезана марка). Адресовано в Париж (Hôtel Porte Mahon), откуда переслано по московскому адресу Брюсова. Почтовый штемпель отправления: «24.5.03»; получения: «Москва. 15.V.1903».

49. Вилькина – Брюсову
8/21 июня 1903, Монте-Карло¹

Monte-Carlo. Poste-restante
M-me L. Wilkinе

Где вы, Валерий? Я писала вам в Париж², но не получила ответа, из чего заключаю, что вы уже оттуда уехали. А я вас звала к себе и очень думала, что вы приедете. Я живу здесь, потому что по всей Европе сильные холода, а здесь хоть и не очень, но тепло. Н<и>колаю М<аксимовичу> все равно, где ни работать, а на меня Ривь<ера> действует оздоравлиюще.

Что делается «в миру»? Зинаида Мережковская рассказывает о каких-то новых ваших изданиях, но вы меня настолько забыли, что даже не присылаете мне их. В последних «Северных Цветах» мне очень понравились ваши стихи, вы делаете сь истинным мастером и «формы»³.

З. Венгерова писала, что Бальмонт прислал в «Новый Путь» очень хорошие стихи⁴. Выйдет скоро его сборник?⁵ Передайте ему мой привет – когда увидите. Он мне ужасно мил. Я считаю его единственным певцом настоящей, новой, острой и легкой, но глубокой любви. Он знает непродолжительность любви, а ее бездны...

Что вы собираетесь писать? Осенью не приедете в Петербург? Я буду в Петербурге 10 сентября.

Пишите, не распространяюсь больше, ибо не знаю, дойдет ли до вас это письмо.

21 Июнь

Ваша Людмила

¹ Почтовый штемпель отправления: «23.6.03». Московский почтовый штемпель получения не прочитывается.

² См. письмо 48.

³ В третьем альманахе «Северные Цветы» был помещен цикл Брюсова «Мысли» (С.74-84), состоящий из четырех стихотворений («L'ennui de vivre», «Nabet illa in alvo», «Италия», «In hac lacrimarum valle»).

⁴ Это письмо среди писем З.А. Венгеровой к Вилькиной, находящихся в ИРЛИ (Ф.39. Ед.хр.837), не сохранилось. Подборки стихотворений Бальмонта были напечатаны в №6 и №10 «Нового Пути» за 1903.

⁵ Видимо, Вилькина еще не знала, что книга Бальмонта «Будем как солнце. Книга символов» (М., Скорпион, 1903) вышла в свет в мае 1903. См.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С.133.

50. Брюсов – Вилькиной

Середина июля ст. ст. / Около 1 августа н. ст. 1903 г.

Старое Село¹

Вы спрашиваете с меня, Людмила, письма, ответа, отклика, – но жизнь моя так онемела, что мне это почти невозможно. В жаркие полдни есть такая пора, когда время не двигается. Она – в моей жизни. Я замер, и мне сладко это знойное замирание. От нас до почтовой станции два часа езды. Понятно ли Вам это? Мудрые китайцы и практичные американцы считают расстояние не верстами, а часами. Они правы. Что мне до того, что от нас до Москвы сто с небольшим

верст, если письма оттуда я часто получаю на пятый день. Я чувствую себя не ближе к своему обычному «дому», чем Вы. Газеты приходят тоже на пятый день. На пятый день газет читать не хочется, когда, бывало, в Париже прочитывал не менее пяти в день. Медленно, но непобедимо вошел я в область забвения, в область не-жизни. Какие-то окна захлопнулись и погасли, какие-то забытые ставни открылись. И я, как стебель, сам невольно обратился туда, где теперь свет. Порой мне кажется, что просто не было тех десяти—одиннадцати лет, 10 дней, когда я издавал первые свои книжки и лепетал свои первые признания, что мне мои восемнадцать лет. Только тогда была жажда *начать* идти куда-то, а теперь тихое желание, чтобы ничто не изменялось, подождать, помедлить. И также безвольно вернулся я к радости моей ранней молодости – к числам. Я не написал здесь ни одного стихотворения. И целые дни – и у себя за круглым столом, и в лесу, где стрекозы и белки, и в однообразный дождь, и в сегодняшний зной – я дифференцирую и интегрирую, с последней страстью, непобедимо. Вам это, конечно, непонятно. Вы никогда не были математиком и никогда не будете. Но я знаю, что здесь есть пути к таким высотам, к которым взойти иначе – нельзя: ни в искусстве, ни в любви, ни в преступлении. Эти вершины за пределами даже вечных льдов, потому что за пределами земли и ее атмосферы. И весь мир отсюда обнимается действительно одним взглядом... Так проходят дни. Небо то бледнеет от страсти и жжет неумолимо, то гаснет, мутнеет, словно Божий глаз, покрывшийся бельмом, в мире что-то совершается, убивают королей и умирают папы², мне пишут, зовут меня по имени, окликают, – но в моей жизни длящийся полдень, остановившееся время, я заворочен виденьями чисел, вечных! вечных!

Ваш Валерий Брюсов

P.S. Писал о Вас и Н<иколае> М<аксимовиче> в Athenaeum'е в обозрении нашей литературы за год, – № от 2 июля, 3949.³

¹ Ответ на письмо 49. Русский штемпель на приложенном почтовом конверте не читается; отправлено в Монте-Карло, переслано в Швейцарию, где получено Вилькиной в Краттигене не ранее 29 июля / 11 августа (почтовые штемпели: «Monaco. 5.8.03»; «Luzern. 7.VIII.03»; «Spiez. 10.VIII.03»; «Krattingen. 11.VIII.03»). Старое Село – дачная местность в Можайском уезде под Москвой.

² Имеются в виду смена королевской династии в Сербии, сопровождавшаяся свержением и убийством короля Александра Обреновича (28 мая 1903), и кончина Римского папы Льва XIII (7 июля 1903). В связи с избранием нового папы Брюсовым написана заметка: *Вал<ерий> Брю<юсов>*. Папство // Новый Путь. 1903. №8. С.236-238. См.: *Брюсов В.*

Мировое состязание: Политические комментарии 1902–1924 / Сост., вступит. ст., подгот. текста и примеч. В.Э.Молодякова. М., 2003. С.74–76, 193–194.

³ «The Athenaeum» – английский журнал, в котором Брюсов в 1901–1902 и в 1904–1906 публиковал обзоры новинок русской литературы. В указанном обзоре «Русская литература (1903 г.)» Брюсов дал краткое изложение статьи Минского «Двуединство нравственного идеала», опубликованной в журнале «Новый Путь» (1903. №4), и упомянул Вилькину при перечислении поэтов, участвовавших в третьем альманахе «Северные Цветы». См.: *Ильёв С.П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С.314–315, 318.

51. Вилькина – Брюсову
27 июля / 9 августа 1903, Шпиц¹

9 Август

Где вы, Валерий? Почему не даете о себе знать. Писала вам бесконечное число раз, но ответа не имела. Не получала также ни одно из новых изданий Скорпиона. Что это значит? Или я уже исчезла из вашего сознания. Почему? Кто его затуманил. Я здесь остаюсь еще 3 недели, а потом домой. Нельзя ли вам сюда? Вот бы хорошо! А мне бы вас надо. Пишите. Вот адрес: Suisse (*Spiez*) Krattigen. Thunersee. Hôtel National.

Ваша Л.

¹ Фирменная видовая открытка гостиницы, в которой останавливалась Вилькина (Hôtel u<nd> Pension National. Krattigen. Thunersee. Hôtel National); сюжет: «Panorama des Hôtel Pension National». Почтовые штемпели: «Spiez. 11.VIII.1903; «Москва. 1.VIII.1903».

52. Вилькина – Брюсову
30 июля / 12 августа 1903, Краттиген¹

12 августа

Да, я больше не зову вас, Валерий. Мне нравится звать вас по имени, хоть вы и слишком подчеркиваете мою нежность. Я больше не зову вас сюда – здесь слишком высокие горы, и <они> душат. Хоть вы теперь и только в числах <так!>, но и для вас было бы тяжело. А вы надолго для них? Мне это нравится в вас, только слишком уж вы дилетан<т>ствуете – сегодня оккультизм, завтра математика.

Но вот что: назначаю вам свидание у себя на набережной 16 сентября в 4 ч<аса> дня, или в 8 ч<асов> вечера. Будьте непременно². Я буду одна, но вы придете не математиком, а со стихами. Друг мой, я так хочу, так будет.

Как я вам завидую, что вы в русской деревне, а не в чужеземном отеле, среди жадных швейцарцев. И как хорошо, что вы не чувствуете нравственного долга читать о деяниях конклава, о деле Эмбер³ и т. д. Здесь становишься прямо рабом культуры. С нами в отеле живут Petit (возлюбленная Бальмонта с мужем)⁴, ничто, положительно ничто не может его расшевелить. Но заговорите о конгрегациях, о министерских скандалах, и он становится на часы живым.

А его жена... та самая Соня, которая не может закончить фразы, не упомянув о безумно влюбленном в нее Бальмонте. Она очень маленькая <миленькая?>, очень элегантная барынька – род англ<ийского> пони. Но как мог Бальмонт так ее любить – стараюсь понять и не могу. Зимой покажу ее Вам – она будет в П<етербурге>. Вы видите, как я стала болтлива. Неудивительно. Живу среди овец и коров в полном смысле слова. Заходит сюда иногда ваш «друг» Шестов⁵. Удивительно – он милый, простой, но «скучный». Быть может, слишком простой – без намека на романтизм. А в жизни простой романтизм так же необходим, как в литературе невозможен. До чего, как раз он <так!>, не похож на свои писания.

Но я со скуки не брезгую и им. Почему не прислали мне «Гриффы» ст<ихи> Бальмонта?⁶ А ваши ст<ихи> когда выйдут?⁷ Ну право, бросьте теперь математику – ведь к 16 сент<ября> вам надо иметь много мне неизвестных стихов.

До свидания, Валерий. Пишите сюда сейчас же. Остаюсь тут до конца августа. Пишите мне, я одна, одна. А теперь медленно поцелуйте мою руку. Ухожу.

Ваша Elle

Suisse. Spiez. Krattigen. Hôtel National.

¹ Ответ на письмо 50, на почтовой бумаге отеля. Почтовый штемпель получения на приложенном конверте: «Москва. 3 авг<уста> 1903».

² 16 сентября – день памяти великомученицы Людмилы: именины Вилькиной.

³ Подразумевается скандальное дело Терезы Эмбер, мошеннически присвоившей крупные денежные суммы (финансовые операции под гарантии мифического наследства несуществующих братьев Крауфорд). О разбирательствах, связанных с этим делом, постоянно сообщалось и в российской печати (см., например: Увертюра дела Эмберов в Париже //

Новое Время. Иллюстрированное приложение. 1903. №9678, 12 февраля. С.9. В этом же номере был помещен сонет Вилькиной «Здесь на земле»).

⁴ Софья Григорьевна Балаховская-Пети (1870–1966) – литератор, драматург, близкая приятельница З.А.Венгеровой, и ее муж Эжен (Евгений Юльевич) Пети (Petit; 1871–1938) – адвокат, переводчик, французский политический деятель. См.: Письма Д.С.Мережковского к супругам Пети / Публ. Р.Нежинской // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.109-110.

⁵ Лев Шестов (наст. имя Лев Исаакович Шварцман; 1866–1938) – философ, литературный критик. Приехал на жительство в Швейцарию из Киева весной 1903 (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников.* Т.1. Paris, 1983. С.62-63).

⁶ Почему Вилькина надеялась получить книгу стихов Бальмонта из издательства «Гриф», неясно: последняя к тому времени из его поэтических книг – «Будем как солнце» – была издана «Скорпионом». Ср. примеч. 5 к письму 49.

⁷ Книга Брюсова «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.» (М., Скорпион, 1903) вышла в свет в октябре 1903.

53. Брюсов – Вилькиной
Не позднее 15/28 августа 1903, Старое Село¹

1903
Старое Село

Я вспоминаю Вас часто, Людмила, но не знаю, как стал бы говорить с Вами при встрече. Быть может, нам было б не о чем говорить. Да, я печатаю свои стихи: книга выйдет в сентябре². И опять, как это бывало каждый раз, чувствую я, что все это, все стало для меня прошлым и ненужным. Есть особое чувство перепутья, чувство границы. С закрытыми глазами ощущаешь блеск пересекающихся дорог и невидимую линию, разделяющую два мира, и вдыхаешь воздух новых полей, на которые еще не ступал раньше. Приходят минуты этого ощущения, совершенно особого, не сходного ни с каким другим, и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное; что? – еще не знаешь, но не все ли равно! Мне было б трудно говорить с Вами, потому что я стою на перепутье. У меня еще нет слов, чтобы высказать все новое, наступающее, увлекающее в себя. Я еще не могу отказаться от старых слов, они еще владеют мной; но для меня они мертвые: я говорю теперь мертвые слова. Поймите

(это трудно понять мне самому), что я не хочу теперь ничего из того, чего недавно желал так полно: ни силы, ни полноты мига, ни блаженства. Да, ни блаженства. Я пройду мимо мгновений, которые дали бы мне величайшее блаженство, все счастье, о котором можно помыслить, которые испепелили бы все мое существо пламенем восторга... Я когда-то тоже проходил мимо их – из страха; потом искал их и бросался в огненный водопад всем телом, теперь опять я *должен* идти мимо. О, конечно, не потому, что я «насытился» ими! Этих мгновений было так мало! их может быть так мало! Но есть какая-то Судьба, Рок, Голос, не знаю... Здесь кончается власть «мертвых» слов, – и у меня еще нет живых.

Быть 16<го> в те часы... Но почему не так: Вы будете, скажем 10 октября, там, где я, хотя бы и в Петербурге? О, это «почему» в таких словах всегда останется между нами.

Шестова весьма «ценю», но никак «не смею» назвать ни себя его другом, ни его моим: ни по нашему знакомству (мы виделись раза два), ни по сходству наших взглядов (мы ни в чем не сходимся). Что до «Сони», то ведь Бальмонт во всех был влюблен столь же, сколько в нее, т. е. вполне, и все верили ему, как она, т. е. тоже вполне. В этом счастье Бальмонта и тех, кто ему верил.

«Грифа» я послал Вам в Петербург³. Посылаю еще и сюда.

«Ваш» Валерий

¹ Ответ на письмо 52. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 15.VIII.1903». Отправлено в Краттиген, переадресовано в Берн (почтовые штемпели: «Krattingen. 30.VIII.03»; «Luzern. 31.VIII.03»; «Bern. 31.VIII.03»).

² См. примеч. 7 к письму 52.

³ Имеется в виду «Альманах книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903), вышедший в свет в марте 1903 г.

54. Вилькина – Брюсову
24 августа 1903, Петербург¹

24 ав<густа> 903 г.
Английск<ая> наб. 62.

Милый Валерий, не пишите «Ваш» в кавычках. Не пишите – ваш – если нельзя или трудно без кавычек.

Знаете, Валерий, мне кажется, что как есть или возможен демонизм, так же возможен и существует и столько же он злой – «ангелизм». Это забавно звучит, но этому предстоит большое будущее. – Я

в себе нахожу ангелизм и не хочу с ним бороться и коварно дорожу им. А вот вы еще не такой. Вы как-то сердито относитесь к какому-то прошлому, говорите о каком-то будущем, в котором еще нет вас, и все время так мало, так мало любите себя, так собою недовольны.

А почему в письме звучит боязнь в самом деле не уметь со мной говорить. Почему я вам так далека, когда я вам так близка. – И хотите, я освобожу от свидания со мной, ибо и 16 сентября (а не октября) ничего не будет. Буду только я, будете вы. Если придете в 4 – будут, может быть, и чужие – хоть я не зову, – если в 8 – я одна. Мне всегда (из ангелизма) кажется, что когда я, это очень много. Ну а если вам страшно и ненужно меня – тогда, как хотите.

Легко освобождать, а я жажду легкого. Что ж, не приедете?

Хотела бы, чтобы приехали так, ни для чего.

Я третий день из заграницы. Прямо убежала от Сони². Как ужасны люди жизни, живучие, как гады. – У нее на втором слове Бальмонт и как она его мучила и соблазняла. Ужасно вульгарная особа. С вами она жаждет познакомиться с тех пор, как узнала, что я «дружна» с вами. Хочет отбить, как «отбила» Бальмонта. Непременно зимой познакомлю – авось соблазнитесь. Все-таки она лучше Образцовой³.

Я теперь физически больна. Случевский прислал мне стихи, где пишет, что я: «дымок, струйка иль аромат полночных лилий, а их объять нельзя»⁴. – И попал не в бровь, а прямо в глаз, ибо я страшно похудела. Вы хотели бы, чтобы я умерла. О, не говорите, что вам все равно, скажите, что страстно ждете моей смерти. Жду вас в день св<ятой> Людмилы, ибо люди мне надоели, а вы с вашей мыслью, «о чем говорить», мне милы.

Подарок привезете?

Людмила

А «Грифы» так и не получила⁵. Н<иколай> М<аксимович> задержал у себя за границей. Будьте милым и, как вы всегда, щедрым, пришлите мне сюда, теперь же, еще экземпляр. И если можно, и даже если невозможно, то и «Будем, как солнце»⁶.

¹ Ответ на письмо 53. Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Петербург. 24.VIII.1903»; «Москва. 25 авг<уста> 1903».

² С.Г.Балаховская-Пети.

³ Евгения Ивановна Образцова. Ср. записи Брюсова: «Евгения II (Образцова)» (в перечне «Случайные “связи”, приближения etc.»); «1904–5. Евгения (Евгения Ивановна Образцова)» (в перечне «Mes amantes») (*Брюсов В. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С.223; коммент. В.Э.Молодякова*).

⁴ Приводим это стихотворение К.К.Случевского по автографу, сохранившемуся в подборке его писем к Вилькиной (послано из Усть-Наровы 5/18 августа, получено в Краттигене 8/21 августа 1903):

Она тебя пышней, красивой,
И как Венера сложена,
Но неподвижней и сонливей,
И далеко не так умна!

Да! в ней отсутствует игривость,
И острой шутки быстрота,
Порой убийственна сонливость,
Но вечна, вечна красота!

И с ней не надобно усилий!
Она не струйка, не дымок,
Не аромат полных лилий...
Ведь их никто объять не мог!

Своей свободой могуча
И ощущаема не в снах...
Она обещана <?> как туча
Для молний, в вихрях и громах!

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.924. Л.2).

⁵ См. примеч. 3 к письму 53.

⁶ См. примеч. 5 к письму 49.

55. Брюсов – Вилькиной
15 сентября 1903, Москва

1903, 15 сентября

Людмила, далекая, прекрасная, и я не пришел к Вам, и я завтра не буду с Вами¹. Да, первое мгновение я не хотел прийти. Потом я увидел, я понял, что буду, что это так неизбежно, что это так предрешено... Но Вы не упрекнете меня, когда я Вам расскажу, что произошло вчера. Я не могу написать об этом. Я это расскажу Вам. (О, здесь не было женского лица, ни на миг!) Нет, я не уеду сегодня. (Я думал уехать сегодня.)² Для меня этот миг был гранью, днем, в который кончается вся жизнь и начинается другая. Я знаю, что в жизни все подстроено слишком хитро, слишком с насмешкой. И конечно, все это не случайность. Покорствую.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Ответ на приглашение, содержавшееся в письме 52.

² Т. е. уехать из Москвы в Петербург.

56. Вилькина – Брюсову
29 сентября 1903, Петербург¹

Воскресенье

Вы меня истинно огорчили, Валерий. Вы поступили не дружески – вы разрушили то, что могло бы быть так красиво. Но мне прямо «надоело» жалеть о несвершившемся. Очевидно, какие-нибудь интересы жизни более «полезные» удержали вас. Так что же? Вы так-таки совсем и не приедете? Или приедете сюда, и мне не покажетесь – как это сделал Бальмонт. Вот мне сейчас З.Венгерова сообщила, что, возвратясь из заграницы, нашла у себя письмо Бальмонта. Он был здесь². Был здесь и меня не захотел видеть. Жаль. Я бы хотела посмотреть, какой он теперь – ведь я не видела его лет 5. –

Так не хотите ли и вы так.

Валерий, милый, нет, я это все так говорю. Вы меня огорчили. Как не стыдно огорчать. У нас с вами такие приятельские, хорошие, платонические отношения, которые жалко разрушать. Или вы испугались подарка? Но ведь я не знаю щедрее вас. – Все цветы, мне присланные, казались мне бледными и ненужными. Все ждала приветов от вас. И вдруг – получаю письмо.

Ну а теперь? Вообще не приедете? Когда выйдет книжка?³

Пишите мне, по крайней мере. Пришлите конфет.

Скажите мне, что мне вам прислать. Я пришлю. Так приятно неожиданное.

Валерий, не забывайте меня.

Людмила

¹ Ответ на письмо 55. Почтовые штампы на приложенном конверте: «Петербург. 29 сен<тября> 1903»; «Москва. 30 <сентября> 1903». 29 сентября 1903 – воскресенье.

² Это письмо в подборке писем Бальмонта к З.А.Венгеровой (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.492) не сохранилось.

³ Имеется в виду книга стихов Брюсова «Urbi et orbi».

57. Брюсов – Вилькиной
30 сентября 1903, Москва¹

1903, сентябрь

Мне нравится, Людмила, что моя посылка² и Ваше письмо – разошлись. Значит в то самое время, когда Вы писали мне, почувствовал я, что мне необходимо, должно, неизбежно – как-нибудь выразить Вам, что я помню Вас очень, думаю о Вас.

В Вашем письме есть несколько слов, которые поразили меня, как звук ножа по стеклу. Я предпочитаю думать, что они не были написаны. Я хочу представлять Вас такой, какой Вы были до сих пор для меня, в моей памяти, в моих стихах.

В день, когда я должен был приехать в Петербург, мне пришлось пережить столько самых настоящих «страданий» (душевных, разумеется), что я почти не был жив. У меня не доставало воли не только чтобы ехать, но даже чтобы двигаться. Я не могу написать Вам, в чем дело, но я скажу Вам, если однажды мы будем говорить. И я уверен, что Вы (та, которую я знаю) не то что «простите», но поймете меня.

Теперь, когда не стало определенного дня, я приеду, как только окончу все здешние «дела», т. е. издание предпринятых Скорпионом книг³. Это будет скоро – недели через полторы, две⁴. Если не задержат меня Мережковские, которые едут в Москву⁵.

Я – Ваш

Валерий

P.S.1. Бальмонту сказали, что Вас нет в Петербурге. Защищаю его.

P.S.2. Не сердитесь, что виноград почти несъедобен. Зато это последняя московская новинка и все-таки нечто забавное.

V.

¹ Ответ на письмо 56. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 30.IX.1903»; «Петербург. 1.X.1903».

² Судя по заключительным фразам письма, Брюсов послал Вилькиной конфеты или какие-то другие сласти – по-видимому, имитирующие форму виноградной грозди.

³ В октябре 1903 в издательстве «Скорпион» были выпущены несколько поэтических книг – «Urbi et orbi» Брюсова, «Собрание стихов. Кн. III и IV. 1897–1903 г.» Федора Сологуба, «Собрание стихов» Д.С.Мережковского, «Собрание стихов. 1889–1903 г.» З.Н.Гиппиус; а также «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого.

⁴ Намерение Брюсова приехать в Петербург в указанные сроки не осуществилось.

⁵ 26 сентября 1903 З.Н.Гиппиус извещала Брюсова: «Будем в Москве между 4–8 октября. Т. е. приедем 4-го или 8-го» (Переписка З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Д.В.Философова с В.Я.Брюсовым (1901–1903). С.313). Однако приезд был отложен. Ср. записи Брюсова под рубрикой «Мережковские в Москве. 26 окт<ября> – 31 ок-т<ября>» (Брюсов В. Дневники. С.134).

58. Вилькина – Брюсову
2 октября 1903, Петербург¹

Среда

Валерий, милый, почему вы страдали и почему я не могла умягчить ваши страдания? О, как мучительно ненужно страдать. И я знаю это так хорошо, потому что сама – со злобой – но страдала.

Что в моем письме вас возмущает? Вспоминаю и не могу предположить. – Мои письма – моментальный снимок состояния моей души, но не могла бы за ней припомнить что-нибудь некрасивое, что-нибудь, что вам не надо помнить. Объясните, друг мой, почему вы только жестоко намекаете. – Посылки еще не получила, но уже радуюсь. Ну, может быть, это во мне детскость, но до страсти люблю подарки, посылки за их неожиданность.

Мереж<ковские> едут к вам только в окт<ябре>. Они уверяют, что вы уезжаете навсегда в Париж. Неужели правда?!

Простите за небрежность письма. Пишу лежа. Серьезно хвораю какой-то странной болезнью без боли – таю, худею, бледнею. – Но это не важно. Н<иколай> М<аксимович> все за границей, и я одна – одна в доме и мире. Это письмо, кажется, вышло невеселое, но я – веселая, веселая, а вы – мой.

Людмила

Какой-то старый поэт писал мне когда-то:

Простите, друг, что я опять
Мое письмо хандрой приправил.
Ее причин вам не понять –
Ваш юный день блестит в зените,
Мой догорает – ночь близка...²

... А новостей с берегов Невы не сообщил...

А вы, Валерий, примите мою хандру кротко. Да? Скоро пришлете вашу книжку?

А мне стихи! Валерий, милый, я ненасытная, я жду их, я вижу их во сне. Дайте.

¹ Ответ на письмо 57. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 2 окт<ября> 1903»; «Москва. 3 окт<ября> 1903». 2 октября 1903 – среда.

² Этот текст и его автор нам неизвестны.

59. Вилькина – Брюсову
5 октября 1903, Петербург¹

Вот преимущество вакханок нового стиля – они едят виноград сладким и «искусственным»². Это мне в нем нравится, нет, право, что я буду <так!>, когда Вы уедете в Париж! Постараюсь всеми силами отговорить. Пишите. Л.

¹ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 5 окт<ября> 1903»; «Москва. 6 окт<ября> 1903».

² Отклик на посылку, о которой сообщает Брюсов в письме 57.

60. Вилькина – Брюсову
10 октября 1903, Петербург¹

Валерий, я забыла вас просить, чтобы вы не говорили Мережк<овским>, что Никита Михайл<ович> Бобринский, рассказ которого напечатан в Н<овом> П<ути>, – мой знакомый². Это погубило бы невинного студента в глазах редакции. А зачем. Прошу вас о молчании. Хорошо в Москве?

Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 10.X.1903».

² См. примеч. 3 к письму 11 и примеч. 3 к письму 37.

61. Вилькина – Брюсову
4 декабря 1903, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Валерий, друг мой, что за безумие. Почему забыли меня? Если бы еще я была обидчива, я упрекнула бы вас в некоторых мелких литерат<урных> «обидах». Но меня обидеть нельзя. Итак, упрекаю только за то, что меня забыли. Вы так и не соберетесь сюда хотя бы на день, два? Хотелось бы с вами «побегать», поболтать. Правда, я теперь существую не только в своей комнате-гроте.

Приезжайте же.

Ваша Людмила

Вы, говорят, поручили Рафаловичу писать о Метерлинке². Погля-
дим. Я тоже пишу о нем для журнала «Звезда»³. Буду присылать
вам. Не откажите прочесть.

Стихи (пер<евод> Мет<ерлинка>) выходят в этом месяце⁴.

Стихотворение (мое), напис<анное> вам, – взято в Журн<ал> для
всех и появится в Янв<аре> или Феврале⁵.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте:
«Петербург. 4 дек<абря> 1903»; «Москва. 5 дек<абря> 1903».

² 14 декабря 1903 С.Л.Рафалович сообщил Брюсову, что высылает
для журнала «Весы» заметку и «несколько строк о Метерлинке» (РГБ.
Ф.386. Карт.100. Ед.хр.8. Л.12). Последний материал в «Весях» не поя-
вился; была опубликована лишь заметка Рафаловича «Петербургские
театры» (1904. №1. С.59-60).

³ В иллюстрированном литературном и общественном журнале
«Звезда» была опубликована статья Вилькиной о трех спектаклях по
пьесам Метерлинка, представленных в театре «Аквариум»: «Из области
театра и музыки. Гастроли труппы Метерлинка. I. Монна Ванна. II.
Жуазель. III. Аглавена и Селизетта. – Призрак» (1903. №101, 17 декабря.
С.1644-1646).

⁴ Имеется в виду шестой выпуск сочинений Метерлинка, вышед-
ших приложением к журналу «Звезда» (см. примеч. 2 к письму 2).

⁵ Ни в указанных, ни в последующих номерах «Ежемесячного Жур-
нала для всех» за 1904 год стихи Вилькиной не опубликованы.

62. Вилькина – Брюсову
11 декабря 1903, Петербург¹

Что это, Валерий? Где слыхано не отвечать на письма. Что с ва-
ми? Влюбились до самозабвения? Умерли? Не существуете? Ответь-
те, я мучаюсь любопытством.

Ваша Людмила

Английск<ая> наб. 62

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте:
«Петербург. 11 дек<абря> 1903»; «Москва. 12 декабря 1902». Почтовая
бумага с аппликацией – в левом верхнем углу серебряный сфинкс.

Я очень верю случаю, Людмила, и всегда подчиняюсь ему. Все случаи расположились так, что я за эти полгода не приехал в Петербург. Сначала печатал свою книгу². Потом точно назначил день отъезда – к дню Ваших именин³. И «нечто» не позволило мне приехать. Об этом «нечто» я не могу Вам написать, но скажу Вам, если мы когда-либо в будущие дни будем разговаривать, хотя бы через много лет. Я не забуду, я скажу. Потом, оправившись, я ждал Мережковских, чтобы приветствовать их в Москве как гостей⁴. И опять-таки им, прощаясь, назначил день, когда приеду с Андреем Белым. Но захворал, был «совсем» болен, и болен по-сегодня⁵. Все это было построено судьбой нарочно, и я знаю зачем. Но я также знаю, что спорить и бороться с судьбой бесплодно. Слишком неравная сила. Она все видит, она все может. Мы же с завязанными глазами и бессильны даже сорвать эту повязку.

А о Весах Вы неправы⁶. Неужели Вам могло бы быть любопытным «писать о театре», «корреспондировать». Помню, меня даже опечалило, что Вы пишете статьи (помните, Вы давали мне №№ Недели)⁷. Неужели я должен способствовать этому! Пишите сонеты, или еще лучше не пишите ничего. Сделайте поэму из каждого своего дня, обратите себя в образ фантазии: Вам это доступно. А насколько прекраснее жить, чем писать, насколько желаннее целовать, чем, цепляясь мысль за мыслью по веревке раздумий, спускаться даже в самые глубокие тайники мира, – и я знаю, что больше магии в словах страсти, мольбы, проклятия, чем в самых бессмертно-недвижных стихах.

Мне, конечно, не остается прибавлять после сказанного (это само собой понятно), что Весы для Вас всегда открыты.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Ответ на письма 61 и 62. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 12.XII.1903»; «Петербург. 13.12.03».

² Имеется в виду книга стихов «Urbi et orbi» (см. примеч. 2 к письму 53).

³ См. письмо 52, примеч. 2.

⁴ См. письмо 57, примеч. 5.

⁵ 13 ноября 1903 Брюсов перенес операцию под хлороформом (гайморит). См.: *Брюсов В. Дневники*. С.134-135; *Лит. наследство*. Т.85. С.370-371.

⁶ Подразумеваются слова о «мелких литературных обидах» (см. письмо 61), которые Брюсов воспринял как реакцию Вилькиной на то, что она не получила приглашения сотрудничать в «Весак».

⁷ Имеется в виду еженедельная газета «Новое Дело»; под этим заглавием в декабре 1901 было возобновлено издание прекращенной в июле 1901 еженедельной газеты «Неделя». См. письмо 36, примеч. 3.

64. Вилькина – Брюсову
13 декабря 1903, Петербург¹

13 дек<абря> 903 г.
Английск<ая> наб. 62

Поверю вашему совету не писать, когда вы мне подадите пример. Для меня лично то, что я пишу, дороже всего и всех в мире. Может быть, это нескромно², о неужели наш идеал – скромность.

Почему в этом году не издаете «Северные» Цветы? Неужели серьезные Весы всецело поглотили вас? Не думаете ли вы, что «Северные» Цв<еты>» были бы полезным художественным противовесом³.

Я совсем не верю в судьбу и в ее повязки, а верю только в свою волю и в свое желание.

Л.Вилькина

¹ Ответ на письмо 63. Приложен конверт с почтовыми штемпелями: «Петербург. 13. XII. 1903»; «Москва. 14 декабря 1903». В бумагах Вилькиной (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.790) сохранился неотправленный вариант этого письма.

² В неотправленном варианте письма после этого слова зачеркнута часть фразы: «но где уже нам с вами думать о скромности».

³ Имеется в виду, что «Северные Цветы» – альманах, составленный преимущественно из художественных произведений, может служить естественным дополнением «Весам» – журналу в первые полтора года издания критико-библиографического характера.

65. Вилькина – Брюсову
Начало января 1904, Петербург¹

Валерий, друг, я перестала на вас сердиться, перестаньте и вы дуться.

Меня огорчил Новый год без ваших пожеланий и подарка. О, до чего в прошлом году все было красивее! Чем вы были больны?² Пишите.

Ваша Людмила

¹ Приложен конверт с неразборчивыми почтовыми штемпелями: «Петербург. <...> янв<аря> 1904»; «Москва. <...> янв<аря> 1904». Почтовая бумага голубая, плотная, с аппликацией: серебряный топорик в верхнем левом углу.

² См. письмо 63, примеч. 5.

66. Вилькина – Брюсову
Около 10 января 1904, Петербург¹

Валерий, мне хотелось бы, чтобы эти святки вы провели с мыслью обо мне. Возможно это?

Скажите, что за портрет висит в редакции Скорпиона? Опишите. Чьей работы, кого изображает².

Ответьте на это все. Я вот теперь колдую, чтобы вы, не ленясь, ответили.

Не хочу это письмо <делать?> «идейным» или «литературным», а потому, закончу его. О, каменный, как мне вас оживить.

Подарок пришлете к праздникам? «Хоть» стихи!

Ваша Людмила

¹ Приложен конверт с неразборчивым почтовым штемпелем отправления; штемпель получения: «Москва. 12 <?> <...> 1904».

² Вопрос, вероятно, касается висевшего в редакционной приемной издательства «Скорпион» и журнала «Весы» портрета Фридриха Ницше работы Карла Бауера. См. в воспоминаниях Б.А.Садовского:

В простенке – большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирает крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге «Скорпиона» при первой книжке «Весов», только без орла, должно быть, пририсованного позднее.

(*Садовской Б.А. «Весы»: Воспоминания сотрудника /*
Публ. Р.Л.Щербакова // *Минувшее: Исторический альманах.*
Вып.13. М.; СПб., 1993. С.19).

67. Вилькина – Брюсову
21 января 1904, Петербург¹

Не так, как хочешь ты,
А так – как я хочу...
Л.Вилькина²

Валерий, дитя мое, не молчите дольше. Все равно вы мне должны ответить. Не могу я жить так, как будто вас нет на свете или вы не –

мой. Так мне нельзя. Моя мысль и мое чувство привыкли к вашим для меня словам и мне пусто без них.

Думаю, что все ваше ребяческое мовезюмерство³ из-за какой-нибудь новой лжи Зинаиды. Не знаю в чем дело, но представляю себе нечто грязное – ибо от нее идет⁴.

Мой друг, но как вы могли поддаться! Если вы не уверены во мне как в писательнице, то ведь человека – меня вы всю видите. Мне грустно. Так в жизни мало близких и так эти близкие несговорчивы. Почему вы мне ни слова не написали о моих рецензиях по поводу Метерлинка⁵. Здесь их считают блестящими. Это я для вас старалась.

Одна повесть моя будет в Жур<нале> для всех – в Марте⁶.

Прочтете?

Что с «Сев<ерными> цветами»? Когда будете для них собирать материал?

До свидания. Вы не собираетесь сюда? Я так была бы рада! Недели через 2 еду за границу. Не хотите ли со мной? Вот было бы весело!

Пишите же, милый.

Людмила

Не стыдно было – не прислать на праздники гостинцев! А еще разумный москвич!

Не хотите ли поговорить со мной по телефону. №509.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 21 янв<аря> 1904»; «Москва. 22 янв<аря> 1904».

² Источник этой автоцитаты не выявлен.

³ Варваризм, от «être en mauvais humeur» (*франц.*) – «быть в дурном расположении духа».

⁴ Имеется в виду З.Н.Гиппиус, по отношению к которой Вилькина испытывала постоянную неприязнь. Ср. письмо Вилькиной к Мережковскому (июнь 1905) со словами о Гиппиус: «Не могу вам передать всю глубину отвращения, которое мне внушает эта вечно клеветущая, вечно ссорящая, вечно злословящая женщина» (см.: Письма Д.С.Мережковского к Л.Н.Вилькиной / Публ. и коммент. В.Н.Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С.219).

⁵ Речь идет об обзоре Вилькиной трех спектаклей по пьесам Метерлинка в журнале «Звезда» (см. примеч. 3 к письму 61).

⁶ Эта публикация не состоялась.

25 января 1904

Вы думаете, Людмила, что так легко «написать письмо». Да, конечно, я ежедневно пишу письма, решительно каждый день несколько... Но писать Вам мне трудно – и всегда было и теперь особенно. Вам я могу писать только в те мгновения, когда есть все слова и все звуки, но в такие мгновения почти всегда обречен – действовать, жить, а не писать... если же писать, то только с рифмами, царственной речью стиха, а Вы не верите, что стихи – заменяют письмо. А потом мы не видались с Вами, не говорили около года, да – около года! Каждый день для меня как маленькая прожитая жизнь. Я кончаю день то как ликующий победитель, умирающий в день своего триумфа, то как старик, усталый дышать и думать, униженный светом и сумерками, приветствующий отраву тьмы и смерти. Триста шестьдесят таких жизней за мной, триста шестьдесят перевоплощений. Я помню Вас: там на другой земле, в иной сфере бытия, когда я был иным, когда весь мир был иным, и солнце и млечные пути. Так Вы вспоминаете себя полуприкованным растением где-нибудь на том Маире, о котором мечтает добрый и милый глашатай Дьявола – Сологуб...² Когда-нибудь в веках, в тысячелетиях, в сменяющихся жизнях, мы, конечно, встретимся, и, конечно, узнаем друг друга, и засмеемся, как смеялись однажды, глядя на бесстрастного кондуктора-финна³. Но теперь наши голоса словно действительно звучат из телефонной трубки, измененные, искаженные: Вы не узнаете моего, мне странен Ваш. Вы пытаетесь говорить со мной, как в той жизни, когда мы были – на краткий миг – рядом; я пытаюсь отвечать так же. Но Вы – уже не та, и я – иной. Поверьте этому до конца: иной! иной! просто другой человек, только с тем же именем, – как и Вы другая, хотя с теми же глазами, с той же притаившейся улыбкой, с тем же наклоном тихо-розовой шеи, который я почему-то запомнил полнее всего, – и навсегда.

Ваш Валерий

¹ Ответ на письмо 67. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Почтовый штемпель отправления: «Москва. 27.1.04». Начало этого письма Брюсов тщательно отработывал. Сохранился его черновик (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.11-12):

Вы думаете, Людмила, что так легко «написать письмо». Да, конечно, я ежедневно пишу письма, решительно каждый день несколько, [но ведь те письма я мог бы писать, если был не собой, а

пишущей машиной, изобретенной каким-нибудь Ремингтоном]. [К Вам мне писать] Но писать Вам мне очень трудно, и всегда было, и теперь особенно. [Трудно, потому что в те минуты, когда *есть* все слова и все звуки, которые я хотел бы сказать Вам, я не с Вами и всегда не у стола, где бумага, перо, чернила...(Ах, я начинаю все более ненавидеть бумагу, перо, чернила!)] Вам я могу писать только в те минуты, когда *есть* все слова и все звуки, но в так<ие> мин<у>ты почти всегда приход<ится> дей<ст>вова<ть>, а не писать, а если писать, то с рифмами, царственной речью стиха.

Правка проводилась в два приема. Текст, помещенный в квадратные скобки, вычеркнут пером. Последняя фраза перечеркнута синим карандашом, с надписью: «Перед<елать>». Далее отправленный текст практически дословно совпадает с черновиком.

² Обыгрываются образы из стихотворного цикла Ф.Сологуба «Звезда Маир» (*Сологуб Ф.* Собрание стихов. Кн. III и IV. 1897–1903 г. М., Скорпион, 1904. С.57-60) и из его стихотворения «Когда я в бурном море плавал...» (рефрен: «Отец мой, Дьявол»), впервые опубликованного в третьем альманахе «Северные Цветы» (С.160).

³ Видимо, эпизод, памятный по совместной поездке в Финляндию в ноябре 1902 (см. письма 13 и 14).

69. Вилькина – Брюсову
29 января 1904, Петербург¹

Четверг 904 г.

Пишу вам не как другу своему Валерию, а как редактору Скорпиона. Я прочла в конспекте Скорпиона, что готовятся к печати «С<еверные> Цветы» <1>904 г.²

Посылаю вам, в качестве постороннего сотрудника, повесть и два сонета. Прошу, если возможно, прочтите скорее и сообщите мне ответ, ибо очень вероятно, что через неделю или две я уеду за границу.

Л.Вилькина

На ваше сегодняшнее письмо – отвечу другим письмом³.

Если вам эти рукописи не подходят – прошу вернуть мне.

¹ Датируется по указанию дня недели (29 января 1904 – четверг). Формально не являясь ответом на письмо 68, это письмо несомненно учитывает его содержание, противопоставляя деловые и дружеские отношения.

² В «Каталоге книгоиздательства “Скорпион” к началу 1904 года» сообщалось: «Северные Цветы на 1904 г. (Готовится к печати)» (см.: Весы. 1904. №1. С.10).

³ Вероятно, обещание не было исполнено.

70. Брюсов – Вилькиной
4 февраля 1904, Москва¹

Мне лично нравится первое Ваше стихотворение, Людмила, о Влюбленности; не нравится второе². Рассказ в общем тоже не соблазняет³. Меня удивляет, что Вы, так ищущая утонченности в стихах, в письмах, в разговоре, написали рассказы таким бесцветным «расхожим» языком, который можно получать всюду «оптом и в розницу». И приемы рассказа – старые, бессильные, стесняющие творчество. Так пишет Зина Гиппиус, но ведь не ей быть образцом, когда есть Гамсун, Пшибышевский и сколько других, открывших «новеллистам» новые миры, давших им новое оружие, новый взрывчатый состав в сто тысяч раз более сильный, чем плохонький порох Тургеневых да Чеховых. Но я вовсе не «редактор Скорпиона». Все присланное Вами я передам нашему «общему собранию», изложив эти свои мнения – только. «Сев<ерные> Цветы» ввиду войны выйдут осенью⁴.

<1>904.

Ваш Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 69. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Датируется по почтовому штемпелю: «Москва. 4.2.04».

² Одно из полученных Брюсовым стихотворений – «Влюбленность» («Люблю я не любовь, – люблю влюбленность...») открывает подборку «Пять сонетов» Вилькиной в кн.: Северные Цветы Ассирийские. С.60-62. Другие сонеты в этой подборке: «Обладанье» («Страшит меня до вольство обладанья...»), «Л.О.» («Тяжелый запах роз в моей темнице...»), «Прекрасному» («Мой поцелуй молитвой прозвучал...»), «Разлука» («В чертах земных сокрыт небесный лик...»). Какой сонет был вторым из присланных при письме 69 и был ли он принят или отвергнут редакцией, мы не знаем.

³ Рассказ Вилькиной («Ее руки») в «Северных Цветах Ассирийских» не был напечатан. Позднее опубликован в кн.: *Вилькина (Минская) Л. Мой сад*. М.: Гриф, 1906. С.122-138.

⁴ Альманах «Северные Цветы Ассирийские» вышел в свет в апреле 1905.

71. Вилькина – Брюсову
16 февраля 1904, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Валерий, друг мой, письма мало меня удовлетворяют. Хотела бы переговорить с вами на этой неделе, в конце, хочу уехать за границу – месяца на два. Сделайте невозможное: приезжайте ко мне на день. По приезде дайте мне знать, я приеду к вам и буду с вами весь день, и вы снова меня припомните. Сделайте так, Валерий. Уеду в вос<ресенье> или в суб<боту>². – Жду вас.

Ваша Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 16.ІІ.1904»; «Москва. 17 фев<ря> 1904».

² 22 или 21 февраля.

72. Брюсов – Вилькиной
18 февраля 1904, Москва¹

18 февраля 1904

Однако это тоже невозможно, Людмила. Вы не верите в невозможности. Они существуют.

Прощайте.

Ваш Валерий

¹ Ответ на письмо 71. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Почтовые штемпели: «Москва. 19.2.04»; «Петербург. 20.ІІ.1904».

73. Вилькина – Брюсову
13 или 16 августа 1904, Петербург¹

Где вы, Валерий? Хотела бы вас видеть, слышать. Не собираетесь ли сюда. Очень вы бы мне нужны. Хоть на час. Отзовитесь. Сколько времени живу без вас, без ваших писем, московских подарков... Мне хочется пристыдить вас – я права?

Что вы, что в вас. Где вы?

Ваша Людмила

Английская наб. 62. Четверг

¹ Открытое письмо. Почтовые штемпели: «Петербург. 16 авг<уста> 1904»; «Москва. 17 авг<уста> 1904». Авторская датировка («Четверг») позволяет предположить, что письмо было отправлено через несколько дней после написания: 16 августа – понедельник, предшествующий четверг приходился на 13 августа.

74. Вилькина – Брюсову
17 августа 1904, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Милый Валерий, я писала вам уже «личную» открытку², теперь же пишу о деле.

Что с моим рассказом?³ Христа ради, не потеряйте его. У меня нет другого экземпляра, а Минский и другие считают этот рассказ⁴ очень талантливым и зрелым. И я его люблю.

Но если он вам не по нраву – отошлите мне – я пошлю в другие журналы.

Кстати, если пошлю в «Н<овый> Путь», то, конечно, под псевдонимом, и, быть может, псевдоним этот вам будет уже знаком⁴. Так будьте хорошим товарищем и не выдавайте меня. Да?

Мне бы хотелось прислать в «С<еверные> Ц<веты>» еще два эротич<еских> сонета⁵. Хорошо? Напишите.

Вообще, отзовитесь. А еще лучше – приезжайте. Я целый месяц одна и была бы рада чисто товарищескому вашему присутствию. Вместе бы часы работали (комнат слишком много), вместе дышали бы воздухом и бегали по людным и не людным улицам. Да, знаю, вас не совратить. У вас какие-то обязанности, долги. Пишите.

Ваша Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 17 авг<уста> 1904»; «Москва. 18 авг<уста> 1904». Отправлено по адресу издательства «Скорпион»: Москва. Театральная пл., дом «Метрополь», кв. 23.

² Имеется в виду письмо 73.

³ См. письмо 70, примеч. 3.

⁴ Имеется в виду псевдоним Вилькиной «Никита Бобринский».

⁵ См. примеч. 2 к письму 70.

75. Вилькина – Брюсову
30 августа 1904, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Вторично прошу вас, Валерий Яковлевич, ответить мне на мое деловое письмо, т. е. сказать мне об участии моей рукописи («Ее руки»), копии которой я имела неосторожность не оставить у себя.

Люд. Вилькина

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 30.VIII.04»; «Москва. 31.8.04».

76. Брюсов – Вилькиной
31 августа 1904, Москва¹

1904, август 31

Вы, конечно, вправе, Людмила, упрекать меня в невнимании и невежливости. Но я только несколько дней как вернулся из деревни², последнее время – так как я со дня на день думал переезжать в город – мне туда не пересылали писем. Вот причина, почему я не ответил Вам тотчас. Теперь рукопись Ваша уже послана. Разумеется, в моем молчании Вы можете быть более чем уверены, но вряд ли меня кто и спросит. Эротические сонеты присылайте. «Северные Цветы» все еще формируются. Я мучительно и бесполезно занят все теми же «Весами», где я один буквально. Летние №№ я и писал (под десятком псевдонимов), и редактировал, и корректировал... только что не набирал³. В декабре думаю бросить все свои «долги», как говорите Вы, и начать «ничего не делать». Может быть, уеду жить вне России, которая в дни этой глупой, тупой войны становится нестерпима.

Посылаю Вам несколько строф⁴; из них лучше увидите мое настроение.

Ваш неизменно

Валерий Б.

¹ Ответ на письма 74 и 75. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Почтовые штемпели: «Москва. 2.9.04»; «Петербург. 3.IX.1904».

² Брюсов проводил лето в селе Антоновка близ Тарусы (Калужская губ.).

³ Ср. письмо Брюсова к П.П.Перцову от 25 августа 1904: «“Весы” должен был делать я один, т. е. сочинять, писать, редактировать и корректировать (слава Богу, что не набирать еще!). В №7 и в №8 большая половина текста написана моей рукой» (ИМЛИ. Ф.13. Оп.3. Ед.хр.24). Подробно о состоянии дел в «Весях» Брюсов сообщал в письме от 28 июля 1904 к Вяч. Иванову, сохранившемся в четырех редакциях. См.: Лит. наследство. Т.85. С.455-457.

⁴ Лист со стихотворением при письме отсутствует.

77. Вилькина – Брюсову
6 сентября 1904, Петербург¹

Понедельник

Я люблю ваши стихи – они такие сочные, округленные, немного слишком написаны земным *mâle’em*². По духу мне не так близки... Вы в П<етербург> ко мне не собираетесь? Досадно.

Отчего не присылаете мне подарков? Обеднели? Хоть подсластили бы отсылку повести³. За это, Валерий, я буду долго злиться. Сонеты пришлю.

Я стала вас во многом не понимать, и мне это больно, а потому хотелось бы поговорить с вами. Как это сделать, когда вы упорно не приезжаете? И вообще, что с вами, что с вами? Как будто мне вас подменил кто-то.

Что было за это время в вашей жизни? Знаю, жена ваша была больна⁴, вы тоже. Знаю – вы собирались жить за границей. Почему? Зачем? Отчего вас не тянет ко мне, как меня к вам? Не женски, о нет, как женщина я чувствовать и жить перестала – надоела <так!>, да и безвыходно, глупо. А так – по глубокому, ценному.

Ответьте мне настоящим письмом – хотите?

Гнев ваш на войну разделяю⁵. Душно и противно.

До свидания. Пришлите еще стихи. Хоть они говорят мне о вас настоящее.

А я исчезла из вашего сердца совсем? Совсем забыли «Лесную деву»?⁶ И больно, и не смешно.

Увы, для красоты жизнь слишком ревнива и заглушается предметами и обстоятельствами. До свидания, Валерий. Не забывайте меня.

Людмила

¹ Ответ на письмо 76. Петербургский почтовый штампель на приложенном конверте неразборчив; штампель получения: «Москва. 8.9.190<?>». Датируется по авторской помете «Понедельник» – т. е. 6 сентября.

² Т. е. самцом (*франц.*). Ср., однако, французское выражение «style mâle» – «уверенный, выразительный стиль»; не исключено, что Вилькина играет словами.

³ Подразумевается возвращение рукописи рассказа «Ее руки».

⁴ У И.М.Брюсовой были вторые неудачные роды (ср. письмо Брюсова к А.А.Шестеркиной: «9 марта 1904, день жаворонков, день моих именин. Опять ребенок мертвый». – РГБ. ОР. Карт.128. Ед.хр.12), за которыми последовала затяжная болезнь. 29 марта 1904 Брюсов сообщил П.И.Бартеневу:

Иоанна Матвеевна <...> в канун Пасхи вдруг разболелась очень неожиданно и очень сильно. У нее оказался сильнейший жар, свыше 40⁰, и полная потеря сил. На беду все знакомые доктора оказались в разъезде. Только к вечеру первого дня мне удалось разыскать одного, который нашел болезнь довольно опасной.

(РГАЛИ. Ф.46. Оп.1. Ед.хр.594. Л.85).

⁵ Вероятно, имеется в виду стихотворение, приложенное к письму 76, – одно из тех, в которых Брюсов затрагивал тему Русско-японской войны.

⁶ Намек на стихотворение «Лесная дева» (26 ноября 1902), посвященное Вилькиной.

78. Вилькина – Брюсову
27 ноября 1904, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Я собрала несколько переведенных мною пьес Метерлинка в отдельную книжку и хотела бы предпослать им статью van Bever². Так как статья уже переведена в Весах, то не разрешите ли вы мне перепечатать этот перевод, конечно, с указанием источника².

Буду благодарна, если ответите, по возможности скорее.

Л.Вилькина

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 27 ноя<бря> 1904»; «Москва. 28.11.1904».

² Предполагаемое издание пьес Метерлинка не состоялось. Речь идет о статье французского литератора, постоянного корреспондента «Весов» Адольфа Ван Бевера (1871–1925) «Морис Метерлинк» (Весы. 1904. №9. С.1-23); эта же статья была предпослана отдельному изданию рассказа Метерлинка «Избиение младенцев» (М.: Скорпион, 1904).

79. Брюсов – Вилькиной
Между 28 и 30 ноября 1904, Москва¹

Ноябрь 1904

Дорогая Людмила!

Мои молчания должны Вам казаться прежде всего – невежливостью, а это одно из самых жестоких обвинений, какое я могу придумать. Но это не так. После некоторых «настоящих» слов, которые хотя бы однажды были сказаны между двумя, для них уже почти закрыта возможность условных, формальных писем и разговоров. Конечно, я мог бы ответить Вам запиской на бумаге с клеймом Скорпиона, начав словом «уважаемая» и кончив изъявлением преданности, но на это у меня не достало воли. Если когда-нибудь нам суждено видеться и говорить, верю, Вы простите мне эти мои молчания. Пока же Вы найдете здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души.

Какие из Ваших стихотворений возьмем мы для Сев<ерных> Цветов, мы еще не решили, но извещу тотчас. Перевод статьи ван-Бевера сделан не мною, и я не имею на него никаких прав. Он напечатан *отдельно* при изданном Скорпионом рассказе Мэтерлинка «Избиение младенцев»².

«Ваш» Валерий Б.

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, – и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня,
На пепле древнего пожарища,
В дыму последнего огня.

«Ты – наш! – вскричали в дикой нежности, –
Ты – наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»

И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор!

1904.

Валерий Брюсов³

¹ Ответ на письмо 78; датируется по связи с ним. Написано на именном бланке Валерия Брюсова. В бумагах Брюсова сохранился черновик этого письма (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.21-21об.).

² Приводим этот абзац по черновику:

Какие из Ваших стихотворений возьмем мы для Сев<ерных> Цветов, мы всё еще не решили – никак не разберемся в материале, накопившемся за два года. Но извещу тотчас, как решим. Статья ван-Бевера переведена не мною, – и я не имею никаких прав ни запрещать, ни позволять перепечатку перевода. Обращаю однако внимание, что она выпущена нами отдельно при переводе рассказа Мэтерлинка «Избиение младенцев». Сколько я знаю, статья переведена не целиком и во французском подлиннике (его у меня нет, иначе, конечно, я выслал бы его Вам: не знаю даже, *вышел ли он*) Вы найдете более полный текст.

³ Впервые опубликовано под названием «Молния» в составе цикла Брюсова «В провалах» (Северные Цветы Ассирийские. С.31); вошло в книгу Брюсова «Στέφανος, Венок» (М., 1906). Датируется 17 ноября 1904 (Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т.1. С.400), однако автограф стихотворения был выслан Брюсовым А.А.Шестеркиной уже 12 ноября 1904 (см.: РГБ ОР. Карт.128. Ед.хр.13). Стихотворение отразило переживания Брюсова, связанные с началом его любовной близости с Н.И.Петровской.

80. Вилькина – Брюсову
5 декабря 1904, Петербург¹

Да, Валерий, вы много меня огорчали. И правда, в особенности невежливостью. Не знаю почему, но молчание в ответ на письма казалось мне всегда мещанской некрасивостью. Ведь так легко не отвечать. Но я теперь оттаяла. Вы обрадовали меня своим письмом. Вы мне, в самом деле, в жизни близки и милы, и мне было бы больно не чувствовать в вас того же отношения.

Со статьей о Мет<ерлинке> ничего не поделаешь. Придется или самой перевести или пренебречь. Вот еще, Валерий: ответьте, почему это вы так не помогаете мне в моих работах? Ну, не говорю об этой статье. Но вообще: отослали прелестную повесть², «выбираете» и все не выберете стихи, не пригласили в Весы etc, etc... тысяча гансине'ов³ – если бы вы мне не были милы сами по себе.

Мне нравились последние книжки «Весов». Только почему уж такое количество Ивановых? Больно много⁴. Если бы вы знали, как мне хотелось бы вас видеть!

Н<иколай> М<аксимович> собирается скоро в Москву, но я, должно быть, не попаду, так как задерживают меня здесь лит<е>

ратурные> работы. Если бы верить в судьбу, я могла бы сказать, что она против нашего свидания.

А вы здесь стали чрезвычайно популярны. Прямо не Брюсов, а какой-то Некрасов. Ваш «Кинжал» цитируется на всех перекрестках⁵. Бывают же перевоплощения! Вы хамелеон. Но я верю тем стихам, кот<орые> вы присылаете мне.

Пришлите еще, дитя мое. Хочу «видеть» вас часто, всегда.

В Москву едет Всеволод Протопопов⁶. Постарайтесь увидеть его. Я просила передать вам мой поцелуй. Дружеский, не страшитесь. Вообще я, как женщина, перестала совсем существовать. Вы бы меня не узнали. Но так жить красивее, мелодичнее.

А вы? Все влюбляетесь? Горите? Верите или не верите? Изменяете или не изменяете?

До свидания, Валерий, друг мой.

Пишите, когда придет охота. Думаю о вас с большой нежностью.

Ваша (не молодая) Людмила

У меня, может быть, будет карточка – прислать вам?

¹ Ответ на письмо 79. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 5.XII.<04>»; «Москва. 6.12.<04>». Помета И.М.Брюсовой: «1904?».

² См. письмо 76 и письмо 77, примеч. 3.

³ злых упреков (*франц.*).

⁴ Подразумевается Вячеслав Иванов, активно сотрудничавший в «Весах», начиная с №3 за 1904.

⁵ Стихотворение Брюсова «Кинжал» («Из ножен вырван он и блещет вам в глаза...», 1903) было впервые опубликовано в «Новом пути» (1904. №10. С.164). В авторском примечании к книге «Στέφανος. Венок» Брюсов отметил, что стихотворение сразу привлекло к себе «неожиданное <...> внимание печати», и указал несколько номеров газет и журналов, откликнувшихся на его появление (см. примечания М.И.Дикман в кн.: *Брюсов В. Собр. соч.*: В 7 т. Т.1. С.630-631).

⁶ Сведениями об этом лице мы не располагаем.

81. Брюсов – Вилькиной
20 декабря 1904, Москва¹

Дорогая Людмила!

Спасибо за статью, простите за телеграмму². Вам хотелось официального приглашения, – вот оно. Очень просим Вашего сотрудни-

чества «Весам» <так!>. Ждем статей, рецензий о русских книгах (ах! особенно рецензий о русских книгах), корреспонденций. Почему бы Вам, напр<имер>, не разобрать издание Мэтерлинка В.Саблина?³ Гонорар мы платим аккуратно, статьи печатаем без изменений.

Письмо это – деловое. Потому не прибавляю ничего. Но завтра (в самом деле завтра) пришлю Вам, вместо письма, последние свои стихи. Им верьте⁴. А «Кинжалу» не верьте. Он напечатан без моей воли и написан несколько лет назад⁵.

Ваш неизменно Валерий Брюсов

Post Scriptum.

Но, хотя письмо и «деловое», все же как мне не прибавить несколько слов о Вашем портрете, о возможности которого Вы намекнули. Добрая, прощающая (ведь Вы *все-таки* добрая), – дайте мне его. Вспомните, я не видал Вас два года. Я о Вас вспоминаю, как о прочитанной в ясное детство сказке, как о видении в ином существовании, до перевоплощения, как о том, что недоступно видел во сне. Было бы излишне жестоко – поманить и не исполнить. А я с своей стороны обещаю тоже быть добрым – отныне и всегда – сколько способен.

Валерий

¹ Ответ на письмо 80. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Датируется по почтовому штемпелю: «Москва. 20.12.04».

² Речь идет о статье Вилькиной «Айсадора Дёнкан в Петербурге», присланной для «Весов» (опубл.: Весы. 1905. №1. С.40-42). Ее написание было стимулировано телеграммой Брюсова к Вилькиной (14 декабря 1904, 10 ч. 55 м. пополудни): «Будьте четверг на вечере Исадоры Дункан пришлите корреспонденции Весам. Валерий Брюсов» (четверг – 16 декабря).

³ См. примеч. 3 к письму 9.

⁴ 25 декабря (датировка почтового штемпеля) Брюсов выслал Вилькиной автограф своего стихотворения «В пытке» («Кто нас двух, душой враждебных...»), сохранившийся среди его писем к ней (Л.67). Опубликовано (с незначительными вариантами) под заглавием «Пытка» в составе цикла Брюсова «В провалах» в альманахе «Северные Цветы Ассирийские» (С.32); под заглавием «В застенке» вошло в книгу Брюсова «Στέφανος. Венок». См.: *Брюсов В. Собр. соч.* Т.1. С.400-401.

⁵ В мемуарной главе о Брюсове Г.И.Чулков свидетельствует, что поэт в конце 1901 вручил ему «несколько оригинальных революционных

стихотворений» и в их числе «Кинжал»; по этой рукописи Чулков и напечатал стихотворение в 1904 в «Новом пути». См.:

О публикации этого стихотворения Брюсов узнал из моего письма к нему, когда номер журнала был уже сверстан. В книге «Венок» Брюсов датирует пьесу 1903 годом. Это можно объяснить или тем, что Брюсов случайно перепутал год или тем, что в 1903 году была им установлена окончательная редакция этой пьесы.
(Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С.119-120).

82. Вилькина – Брюсову
23 декабря 1904, Петербург¹

Рада Вашему письму, Валерий. Все время казалось, будто что-то темное, злое, лживое стало передо мною и вы из-за него видите меня. А я к вам, дикому, так неизменно нежно настроена...

Портрет непременно пришлю. Ваших стихов не получила, хотя вот второй день от вашего письма². Хорошо ли мне писать о Саблине? Ведь я «первая переводчица Мет<ерлинка>». Впрочем, посмотрим³.

Не забывайте меня, друг мой, и хоть изредка показывайте свою жизнь, чтобы я знала, в какой обстановке представлять вас.

До свидания. Жду стихов. Писать для «Весов» хочу и рада вашему хоть и запоздалому приглашению.

Так не изменяйте же мне и себе, дитя мое. Не забудьте – стихи.

Ваша Людмила

Четверг

¹ Ответ на письмо 81. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 23.XII.04»; «Москва. 25.12.1904». 23 декабря 1904 – четверг.

² См. примеч. 4 к письму 81. Брюсов отправил Вилькиной текст стихотворения, видимо, сразу по получении этого письма.

³ Статья Вилькиной о Собрании сочинений М.Метерлинка, предпринятом издательством В.М.Саблина, в «Весках» не появилась.

83. Вилькина – Брюсову
1 января 1905, Петербург¹

1 января 1905

Мне грустно сегодня. Мне грустно, потому что я не знаю, думает ли вы обо мне сегодня, Валерий. Я ждала от вас письма и в день Рождества, и вот сегодня – в день начинающегося года.

Я так уж привыкла – вы меня избаловали. Ах, как не умею я отвыкать!

Да, я вам еще не писала, как понравилось мне ваше стихотворение «В пытке»². Оно одно из лучших за последнее время. К вам в Москву недавно отправлялся Рафалович. Но я не передавала ему ничего для вас. Я не верю своим мыслям в голосе другого, чужого³.

А от вас он мне привезет слова?

Читаю все книги с целью писать о них – и все «не стоит»⁴. Но теперь, кажется, набрела. Когда срок доставки? До свидания, Валерий, друг мой.

Ваша Людмила

¹ Приложен конверт с почтовыми штемпелями: «Петербург. 2.I.1905»; «Москва. 3 янв<аря> 1905».

² См. примеч. 4 к письму 81.

³ В недатированном письме из Москвы, относящемся к декабрю 1904, С.Л.Рафалович сообщал Вилькиной: «Был в Скорпионе. Видел Брюсова одну минутку. Он был как раз занят сдачей 12-го номера Весов в типографию, и ввиду наступающих праздников нельзя было терять времени. <...> Поговорили только о деле». Далее Рафалович излагает суждения Брюсова о его сочинениях (см.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.907).

⁴ Речь идет о выборе книг для рецензирования в «Весакх».

84. Вилькина – Брюсову
14 января 1905, Петербург¹

Пятница 1905

Милый друг, – вот приехал из Москвы Рафалович – и никаких слов от вас не привез². Андрей Белый, говорят, здесь, и вы не поручили ему повидать меня³.

Я снялась нарочно для вас, но пробную карточку увидел<и> А.Н.Бенуа и Н.М.Минский и оба запретили мне ее кому-нибудь – меня не видящему – посылать. Теперь придется пересниматься, а фотографии закрыты. У нас теперь пустые, но кровавые события.

Посылаю вам еще один сонет для «С<еверных> Цвет<ов>». С этим – у вас их 4. («Влюбленность», «Мой поцелуй молитвой прозвучал», «Тяжелый запах роз в моей темнице» и – этот.)⁴

Когда выйдут «С<еверные> Ц<веты>»? Впрочем, ведь – «теперь не до того»⁵.

Скоро едет в Москву Н<иколай> М<аксимович>⁶. Постарайтесь увидеться с ним. Он мне расскажет о вас.

До свидания, Валерий.

Ваша Людмила

Дайте, пожалуйста, адрес Ар<тура> Лютера – просит меня об этом Венгерова⁷.

Во второй части моего Сонета – фраза: «и легкие *ищу* прикосновенья». Вернее, кажется, – зову. Но так проще. Если захотите – переделайте.

¹ Датируется на основании авторской пометы (пятница – 14 января 1905) и по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 15.1.1905»; «Москва. 16 янв<аря> 1905».

² См. письмо 83, примеч. 3.

³ Андрей Белый приехал в Петербург 9 января, в день «кровавого воскресенья». Описывая это свое пребывание в Петербурге, Белый свидетельствует:

З.Н.Мережковская вмешивалась в отношения мои; запрещала бывать мне у Минских <...> З.Н. именно в это время имела какие-то контры с Л.Вилькиной, поэтессой, супругой Н.М.Минского; так и я не был у Минских в тогдашний приезд <...>

(Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.147).

⁴ См. примеч. 2 к письму 70. Судя по приводимой в заключительных строках письма цитате, посланный дополнительно сонет – «Обладанье».

⁵ Намек на революционные волнения, всколыхнувшиеся в результате расстрела рабочих демонстраций в Петербурге 9 января.

⁶ Ко времени пребывания Н.М.Минского в Москве (он остановился в гостинице «Лоскутная») относится его письмо к Брюсову:

29 янв<аря> 19>05

Лоскутная

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Спешу уведомить Вас, что поезд мой отходит в 12 ч<асов>, так что я должен сейчас ехать. Бесконечно жалею, что не удастся еще раз увидеться. Два стихотворения прилагаю. Позвольте вас по-дружески обнять и поцеловать не только от благодарности за Ваше доброе ко мне отношение, а потому, что я Вас искренно люблю и бесконечно высоко ставлю как поэта. Охота Вам при Вашей гениальности возиться со спиритизмом.

Ваш Н.Минский

Адрес мой: Одесса, до востребования, Н.М.Виленкину (а не Минскому).

(РГБ. Ф.386. Карт.80. Ед.хр.12. Л.11).

⁷ Артур (Артур Федорович) Лютер (1876–1955) – историк, переводчик и издатель русской литературы в Германии; в 1903–1914 преподавал немецкий язык и немецкую литературу в Московском университете и на Бестужевских курсах. См. о нем: *Дудкин В.В.* Блок в Германии // Лит. наследство. Т.92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн.5. С.283.

85. Брюсов – Вилькиной
22 февраля 1905, Москва¹

Уважаемая Людмила Николаевна,

К<нигоиздательств>во Скорпион просит меня переслать Вам сии малые рубли в счет Вашего гонорара² и выразить его (т. е. Скорпиона) надежду на дальнейшее Ваше сотрудничество. Шлю Вам отдельно свои новые стихи и несколько слов письма – простите, что только несколько³.

Всегда Ваш Валерий Брюсов

¹ Письмо на отрезном купоне почтового денежного перевода на 10 рублей от издательства «Скорпион». Датируется по почтовому штемпелю: «Москва. 22.2.05»; «Петербург. 23.II.1905».

² Видимо, гонорар за статью в №1 «Весов» за 1905 год (см. примеч. 2 к письму 81).

³ Подобного отправления среди писем Брюсова к Вилькиной нет.

86. Вилькина – Брюсову
2 марта 1905, Петербург¹

Среда

Я получила деньги, но нет ни письма от вас, ни стихов. Почему? Какие опять тени и благодаря кому. Жду и письма, и стихов.

Ваша Людмила
Плохую, очень плохую карточку прислать?² Почему в числе сотрудников Весов меня нет, а вы просите участвовать?³

Друг мой, вот еще что: что со стихами для «С<еверных> Ц<ево-тов>»?

Еще: над одним сонетом есть буквы «Б-у». Так их не надо⁴.
Не забывайте, не забывайте меня. Мне нужна ваша память обо мне.

Скажите, Нина Петровская талантлива? Хороша? Сколько ей лет?⁵

Пишите.

Л.

¹ Ответ на письмо 85. Датируется по авторской помете (2 марта 1905 – среда) и по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 4 марта 1905».

² См. письмо 81 и 82.

³ Вилькина подразумевает отсутствие своего имени в рекламных объявлениях «Весов» с перечнем постоянных сотрудников.

⁴ См. примеч. 2 к письму 70. Обозначенное посвящение (скорее всего, подразумевающее Брюсова) в подборке «Пять сонетов» отсутствует (см.: Северные Цветы Ассирийские. С.60-62).

⁵ Вилькина намекает на то, что ей известно о романе Брюсова с писательницей Ниной Ивановной Петровской (1879–1928), женой руководителя издательства «Гриф» С.А.Соколова.

87. Вилькина – Брюсову
12 марта (?) 1905, Петербург¹

Валерий, милый, отчего вы молчите? Чем я провинилась? Кто и что меня изгнало? Мне страшно знать, что я не в вашей мысли. Я привыкла за эти годы. Где вы? Отзовитесь.

Ваша Л.

¹ Датируется по малоразборчивому почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 12.3.<?>.05».

88. Брюсов – Вилькиной
24 марта 1905, Москва¹

Дорогая Людмила Николаевна!

Простите мои «редакторские» письма², – пока, видимо, я не способен к иным. Хочу сообщить Вам, что в Сев<ерные> Цв<еты> я взял пять Ваших сонетов: «Люблю я не любовь» – «Страшит меня доволь-

ство обладанья» – «Лицо Христа все лица осветило» – «Л.О.» – «Одна лежу в прозрачной власянице». Называю по памяти, м<ожет> б<ыть>, не вполне точно³. – Надеюсь, все эти сонеты не были нигде напечатаны. «Весы» ждут Ваших корреспонденций и рецензий.

Ваш Валерий

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 24.3.05». Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

² См. письма 81, 85.

³ См. примеч. 2 к письму 70. В «Северных Цветах Ассирийских» опубликованы первое, второе, третье и четвертое из названных стихотворений; «Лицо Христа все лица осветило» – неточно приведенная (в оригинале: «Лицо Христа все лица озарило») вторая строка сонета «Разлука» («В чертах земных сокрыт небесный лик...»). Пятое обозначение в перечне Брюсова ошибочно: «Одна лежу в прозрачной власянице» – на самом деле строка из сонета «Л.О.» («Тяжелый запах роз в моей темнице...»), указанного здесь же (стихотворение посвящено Лизе Овербек и в книге Вилькиной «Мой сад» напечатано под заглавием «Ей»).

89. Вилькина – Брюсову
13 или 14 мая 1905, Петербург¹

Валерий Яковлевич,

Рерих послал вам для «Весов» свои рисунки. Гонорара он не ждет, но хочет видеть их напечатанными в красках. Нам всем здесь кажутся рисунки эти замечательными.

Очень было бы хотелось <так!> видеть их в любимых нами «Весках»².

Людмила

Что вас угораздило так расхвалить Маковского?³ Вот нелепость! Хлопушки – не стихи – не постигаю.

Вы не ответили о Соловьевой, а Вячесл<ав> Ив<анов> сказал, что поручили ему. М<ожет> б<ыть>, вы и правы. Я смиряюсь⁴.

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 15.5.1905».

² Рисунки и виньетки Николая Константиновича Рёриха (1874–1947) были помещены в №8 «Весов» за 1905 год, там же (С.1-4) – его прозаический этюд «Девассари Абунту».

³ Имеется в виду опубликованная в «Весах» (1905. №4. С.65) рецензия Брюсова на «Собрание стихов» (Кн.1. СПб.: изд. «Содружества», 1905) поэта и художественного критика Сергея Константиновича Маковского (1877–1962). См.: *Брюсов В. Среди стихов*. С.143-144.

⁴ Поликсена Сергеевна Соловьева (1867–1924; псевдоним Allegro) – поэтесса, детская писательница. Предложение написать для «Весов» рецензию на ее книгу «Иней. Рисунки и стихи» (СПб., 1905) Вилькина выразила либо в неизвестном нам письме, либо каким-то иным образом.

90. Брюсов – Вилькиной
18 мая 1905, Москва¹

18 мая 1905

Я все еще – «пропадный», «несуществующий», все еще в вихре. Долго, не правда ли? Но это лишь для объяснения моих невозможных молчаний.

Вот дела.

Рисунки Рериха получили, написали ему благодарственное письмо и, конечно, воспроизведем их. Но, думаем, лучше осенью. Вы знаете, что летние журналы остаются непрочитанными.

Рецензию на Иней напишите Вы, очень прошу. Вячеслав Иванов не имеет никаких притязаний на нее. Если я поручил ему, то лишь потому, что не видел никого другого, кто мог бы написать «сочувственно». (А бранить неловко, ибо Сережа Соловьев становится близким нашим сотрудником)². Сам же я считаю стихи милой Поликсены Сергеевны невинным, хотя и не совсем непритязательным, вздором³.

Вы находите, что я расхвалил хлопущки Маковского. Бог с Вами, помилосердуйте! Что за похвала, когда больше всего говорится о виньетках и формате книги, о самих же стихах только, что они соперничают с Бунинным и близятся к Эредиа⁴. Не желаю себе такой похвалы.

За Вами много обещаний для «Весов» – неисполненных.

Буду скоро проездом в Петербурге⁵. Позвольте ли смиренно стать на Вашем пороге, ибо иначе уже не смею. Или Вы не в городе?

Всегда Ваш

Валерий Брюсов

¹ Ответ на письмо 89. Написано на именной почтовой бумаге Брюсова.

² Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) – поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик; племянник П.С.Соловьевой. Первая его

публикация в «Весах» – статья «Айсадора Дёнкан в Москве» (1905. №2. С.33-34; подпись: «С.С.»); в №5 «Весов» за 1905 год были опубликованы его переводы трех баллад Ф.Шиллера (С.4-17).

³ В «Весах», однако, была опубликована рецензия на «Иней» Соловьевой не Вилькиной, а самого Брюсова (1905. №8. С.55-56). В ней отмечались несколько «прекрасных» стихотворений в книге, при общей ее невысокой оценке: «Насколько не оригинально содержание стихов г-жи Соловьевой, настолько же не оригинальна (а подчас и плоха) их форма». О собственном намерении написать рецензию на «Иней» Брюсов известил Вяч. Иванова 5 июля 1905, в ответ на предложение Иванова (в письме к Брюсову от 23 июня 1905): «Что же, можно ли писать наконец об “Инее”?» (Лит. наследство. Т.85. С.475; ср.: Там же. С.480).

⁴ Жозе-Мариа де Эредиа (1842–1906) – французский поэт, представитель «парнасской» группы; автор книги сонетов «Трофеи» (1893). Подразумевается фраза о стихотворениях Маковского: «В них есть то совершенство, которого достигал во французской литературе Эредиа и тщетно добивается у нас Ив. Бунин» (*Брюсов В. Среди стихов.* С.143).

⁵ В Петербурге Брюсов предполагал быть проездом в Финляндию, где он провел вместе с Н.Петровской весь июнь 1905 года. Однако встреча с Вилькиной не состоялась (см. письмо 93).

91. Вилькина – Брюсову
20 мая 1905, Петербург¹

Это очень хорошо, что вы приезжаете. Очень жду вас – мне надо «обновить» представление о вас. Слишком вас «отлучали» от меня. И ваших настроений теперь не так вижу <так!>. Я в П<етербурге> все лето. Может быть, в августе поеду за границу – и то не наверно. А вы туда через Петербург. Нет, как хорошо, что я вас увижу! Вообще у меня к вам очень хорошее, простое и ясное и нежное товарищеское чувство. Хотелось бы и у Вас такого – но вы меня мало знаете, а я так мало умею «показывать» себя.

Рада очень за Рериха. Он столь же талантлив, сколько глуп. Но краски рисунки <так!> великолепны и будет интересно видеть их в Весах. До свидания, Валерий.

До скорого?

Ваша Людмила

¹ Ответ на письмо 90. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 20 мая 1905»; «Москва. 21.5.1905».

92. Брюсов – Вилькиной
Около 9/22 июня 1905, Иматра¹

Привет с Иматры Людмиле Вилькиной.

Валерий

¹ Текст на видовой открытке («Imatra»). Датируется по почтовому штемпелю получения: «Петербург. 11.VI.1905».

93. Вилькина – Брюсову
18 сентября 1905, Петербург¹

Английск<ая> наб. 62

Пожалуйста, Валерий, не забудьте при рисунках Рериха (из Метерлинка) напечатать, из какого они издания. Иначе Пирожков не согласен². Метерлинк скоро выйдет. И все стихи. И ваши. Вы знаете. Когда выйдет (к Рождеству), пришлю вам³.

Мне надо бы вас видеть. Очень жалею, что не смогли зайти ко мне, когда были в П<етербурге>⁴. Пишите. Читала ваши стихи, от-
данные в «В<опросы> Ж<изни>». Очень понравились⁵.

Ваш друг Людмила

¹ Закрытое письмо – секретка. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 18.9.05»; «Москва. 19 сент<ября> 1905».

² См. письмо 89, примеч. 2. В числе рисунков Рериха, помещенных в «Весак», были две полосные иллюстрации к пьесам Метерлинка «Принцесса Малэн» и «Ариана и Синяя Борода». Михаил Васильевич Пирожков (1867–1926 или 1927) – книгоиздатель (см.: *Эльзон М.Д.* Издательство М.В.Пирожкова // Книга. Исследования и материалы. Вып.54. М., 1987. С.159-185), выпустивший в свет трехтомное издание «Сочинений» М.Метерлинка в переводе Л.Вилькиной, с рисунками Н.К.Рериха (СПб., 1906–1907). Вилькина в данном случае обращается к Брюсову по просьбе Рериха, писавшего ей 17 сентября 1905: «Не будете ли Вы столь добры черкнуть словечко “Весам”, чтобы там не забыли при рисунках из издания Пирожкова отметить, откуда они заимствованы. Я писал об этом, но боюсь, чтобы не забыли» (см.: *Эльзон М.Д.* Издательство М.В.Пирожкова. С.178). При публикации этих иллюстраций в «Весак» было дано примечание: «Из печатающегося издания М.В.Пирожкова “Собрание сочинений Мэтерлинка”».

³ Первый том «Сочинений» Метерлинка вышел в свет в сентябре 1906, он включал пять стихотворений в переводе Брюсова.

⁴ См. письмо 90, примеч. 5.

⁵ «Вопросы Жизни» – ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1905 вместо прекращенного изданием в декабре 1904 «Нового Пути». В сентябрьском номере «Вопросов Жизни» был опубликован цикл Брюсова «Из современности» (С.206-211), состоявший из трех стихотворений («Одному из братьев», «Грядущие гунны», «К счастливым»); в №10/11 (октябрь–ноябрь) опубликованы его стихотворения «Лик Медузы» и «Знакомая песнь» (С.322-325).

94. Вилькина – Брюсову
28 сентября 1905, Петербург¹

Среда 1905 г.

Меня очень согрело ваше письмо, Валерий². А то вы всегда задували тонкое пламя моего дружеского чувства, моей верной дружбы.

Валерий, друг мой, что именно пережили вы за эти одиннадцать месяцев?³ Смутно догадываюсь и тем более радуюсь вашему выздоровлению. Только надолго ли... А тогда – какая боль от вашего письма из Финляндии⁴, от того, что вы не зашли... Не хочу вспоминать.

Что это Вы так рассердились на Allegro?⁵ Я бы назвала ее стихи чисто женски поэтичными, почти жанровыми в своей женскости. До формы ли! А есть и хорошее:

Я – с моею огненной тоскою,⁶
Ты – с своею белою мечтою.⁶

Стихотворение это музыкально – сознайтесь –

Вообще, Валерий, вы какой-то бешеный в своих суждениях.

Вот вышло еще новое издание «Содружества» – стихи Рафаловича⁷. – Я в таком ужасе от вещей нашего издательства, что заранее плачу от того, что должна буду в этом году и себя там издать⁸. Прочтите Рафаловича – вы поймете меня.

Что если бы вы позондировали «Скорпиона» на счет меня. Не *всё* меня <так!>, а небольшую книгу из выборных хотя бы 30 сонетов и 3 рассказов, напечатанных уже в Новом Пути⁹. *Милый друг* – устройте. Так хочется удрать из «Содружества».

Как мне грустно и почти реально больно, что в вашей новой книге не будет нисколько меня¹⁰. Уродливая власть пространства, времени! И вообще, какой вы теперь. Мы становимся друг для друга алгебраическими знаками. Глупо, просто.

Вчера вы мне снились. Это впервые. Вы дошли до унижения и участвовали в уличных «бунтах» рабов. А на самом деле?¹¹

Мы здесь в большом неудобстве. И так как и я, и Н<иколай> М<аксимович> ни с<оциал>-д<емократы>, ни с<оциал>-р<еволюционеры> – то почти депеизованы¹². Но упрямы и глухи. А вот Мережковский да Философов уже пробуют ступени – не сойти ли.

Валерий, пришлите стихи. Вспомните обо мне. За это время я тоже много пережила, хоть и в другом роде. Я очень состарилась, я совсем стара. Но не на вид. Я тонка, я воздушна, волосы мои хоть и не такие темные, как вы в последнее время привыкли видеть, но все же девичьи пышные. Руки тонкие мальчишечьи, а глаза....

... в глазах (по-прежнему) смех
а губы (по-прежнему) строги...¹³

Вы не сердитесь за шалости? Ах, друг мой, друг мой, как победить уродство печали! Научите.

Ваша Л.

Вы знаете? Розанов и Мереж<овский> уверены, что я влюблена в вас, и ревнуют меня к вам. Правда – забавно? –

¹ Письмо на почтовой бумаге издательства «Содружество». Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 30.9.1905» (петербургский штемпель не читается) и авторской помете: 28 сентября 1905 – среда.

² Это письмо нам неизвестно.

³ Можно предположить, что в письме Брюсова к Вилькиной содержались какие-то отзвуки его любовной связи с Н.Петровской («одиннадцать месяцев» прошло с октября 1904 – начала этого романа). Не исключено, однако, и то, что вопрос Вилькиной мотивирован постулируемой ею свободой отношений на основе полной открытости. Вилькина претендовала на осведомленность и в отношениях Брюсова с Петровской (см. письмо 86), и даже с женой (см. письмо 14).

⁴ Вероятно, имеется в виду письмо 92.

⁵ Подразумевается рецензия Брюсова на «Иней» (см. примеч. 3 к письму 90).

⁶ Неточная цитата из стихотворения «Помнишь, мы над тихой рекою...» (*Соловьева П. (Allegro)*). Иней: Рисунки и стихи. СПб., 1905. С.100).

⁷ Речь идет о книге Сергея Рафаловича «Светлые песни». Обозначение «Издание “Содружества”» – на 4-й странице обложки.

⁸ В издании «Содружества» – петербургского литературного объединения, с которым Вилькина была близка в тот период, – к тому времени вышли в свет, кроме упомянутой книги Рафаловича, «Собрание стихо-

творений» Леонида Семенова, «Собрание стихов» Сергея Маковско-го, книга прозаических миниатюр Осипа Дымова «Солнцеворот» и брошюра Леонида Габриловича «Новейшие русские метафизики (идеализм П.Струве)» – все в 1905. Среди готовящихся изданий «Содружества» были объявлены (в частности, на 3-й странице обложки «Светлых песен» Рафаловича) книги Л.Вилькиной «Стихотворения» и «Рассказы».

⁹ В «Новом Пути» были опубликованы два рассказа Вилькиной (под псевдонимом «Никита Бобринский»). См. примеч. 3 к письму 11. Кроме того, еще один ее рассказ – «Прилив и отлив (Будничная фантазия)» – был напечатан в журнале «Звезда» (1902. №32. С.5-9; №33. С.19-22; №37. С.19-20). Еще до обращения Вилькиной в «Скорпион» Минский договаривался с С.А.Соколовым о печатании ее книги в издательстве «Гриф»; 1 декабря 1905 Соколов писал Вилькиной: «...считал это дело решенным вполне и был очень удивлен, когда увидел анонс о Вашей книге в “Содружестве”. <...> Если бы Вы согласились с моими доводами, а между тем оказалось бы, что книга Ваша уже начата набором в “Содружестве”, я, разумеется, охотно возместил бы связанные с этим затраты» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.927). В конце концов книга Вилькиной вышла в «Гриф».

¹⁰ Вероятно, Брюсов известил Вилькину о том, что он подготовил к печати новую книгу стихов («Στέφανος. Венок»).

¹¹ Возможно, до Вилькиной дошли какие-то недостоверные слухи об участии Брюсова в уличных манифестациях.

¹² Варваризм; от *depayser* (*франц.*) – «удалять из родной страны»; здесь, по-видимому, означает: почти изгнаны из общества. Удаленность Минского от политических партий (социал-демократов и социалистов-революционеров) была непродолжительной: с конца октября 1905 он стал редактором-издателем газеты «Новая жизнь» – первого легального органа российской социал-демократии.

¹³ Обыгрываются строки из посвященного Вилькиной стихотворения Брюсова «Лесная дева»: «Я встретил женщину: в сверканыи глаз / Ее – был смех, но губы были строги».

95. Вилькина – Брюсову
26 или 27 декабря 1905, Петербург¹

Валерий, к 8-му или 10-му январю я пришлю вам для «Весов» заметку о новом «издании Содружества» – «Талашкино»².

Это наверное, а потому не поручайте никому другому.
<? 8?>-го уезжаю на 10 месяцев за границу.

Неужели у вас нет желания меня видеть? Пришлите мне вашу карточку. Какой-то вы стали?

Пишу в постели – оттого т<ак> плохо. Больна, уже третий день в сильном жару. Н<иколай> М<аксимович> давно за границей. Вы слышали о наших невзгодах³. Пришлите стихи, которые несколько успокоили <бы> меня в моем жгучем (38½ %⁴) одиночестве.

Ваша Elle

Все эти годы были от вас «рождественские письма». Больно, если теперь не будет.

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 28.12.0<5>» (петербургского штемпеля нет).

² Речь идет об издании: «Талашкино. Художественные изделия мастеров кн. М. Кл. Тенишевой» (СПб., 1905).

³ Н.М.Минский был арестован как редактор-издатель социал-демократической газеты «Новая жизнь» (прекращенной 2 декабря) по обвинению в «оскорбительном неуважении к верховной власти», через несколько дней выпущен под залог в 10000 рублей. 8 декабря 1905 нелегально выехал за границу, поселился в Париже. См.: *Мейлах Б.* Символисты в 1905 году // Лит. наследство. Т.27/28. С.189-195. 14 декабря 1905 З.А.Венгерова сообщала С.Г.Балаховской-Пети об аресте Минского: «...редакция и друзья помогли... и Н<иколай> М<аксимович> теперь за границей. <...> Пока мы (я и Белла) сдаем квартиру, тогда она уедет к Н<иколаю> М<аксимовичу>» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети. Fasc.4. P.700).

⁴ Вилькина употребляет знак процента вместо знака градуса.

96. Брюсов – Вилькиной
6 января 1906, Москва¹

1906, янв<арь>

Дорогая Людмила!

Примите мою книгу, которую приношу Вам робко и неуверенно². Знаю, как часто и как много был я пред Вами виноват, и не смею оправдываться. Верьте только искренности моей надписи на книге, верьте, что я навсегда

Ваш Валерий

P.S. В делах «Весов» я пока не принимаю никакого участия³.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Москва. 6.1.06».

² Книга Брюсова «Στέφανος, Венок. Стихи 1903–1905 г.».

³ Такие сообщения (свидетельствующие скорее о его намерениях, чем о реальном положении дел) Брюсов делал в это время и в письмах к другим своим корреспондентам. См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы»: К истории издания // Лит. наследство. Т.85. С.279.

97. Вилькина – Брюсову
8 января 1906, Петербург¹

Благодарю за книгу, Валерий. Беру ее с собой в дальнюю дорогу – пока не просматриваю. Вы будете со мной в пути. Уезжаю завтра на 10 м<есяцев>. – Как жаль, что вы так и не показали. Мне в самом деле были вы нужны.

Если захотите писать – мой адрес – для всех тайный – Belgique. Liège. Poste-restante. M-me L.Wilenkine².

Ваша Людмила

Заметку о «Талашкине», о которой я писала вам, высылаю завтра – перед отъездом³.

¹ Ответ на письмо 96. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 8.I.1906»; «Москва. 9 янв<аря> 1906».

² Вилькина, однако, сообщила этот адрес не только Брюсову: например, 2 февраля (н. ст.) 1906 (датировано по почтовому штемпелю) ею было получено в Льеже письмо от В.В.Розанова (см.: ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.913).

³ См. письмо 95, примеч. 2. В бумагах Вилькиной сохранилось ее недатированное письмо (авторская копия?) в редакцию «Весов»: «Посылаю Вам рецензию на книгу “Талашкино” и прошу поместить в “Весы”. Л.Вилькина» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.806).

98. Вилькина – Брюсову
Начало февраля ст. ст. / середина февраля н. ст. 1906,
Ницца¹

Франция
France. Nice. Poste-restante
M-me L.Wilenkine

Валерий, не найдете ли вы возможным передать С.Полякову² просьбу – присылать «Весы» не в Пет<ербург>, а сюда, в Ниццу, по адресу Nice. Poste-restante M-me L.Wilenkine. *He* на имя Н<иколая> М<аксимовича>.

Перед отъездом послала в редакцию «Весов» заметку о «Талашкине»³. Будьте другом, справьтесь – напечатается ли она. Мы, т. е. я и Н<иколай> М<аксимович>, в Ницце надолго – месяца на 4. Противно, но нечего делать. – Вы знаете, что Гриф печатает мои сонеты?⁴ Будьте милым, прочтите предисловие Розанова к ним и посоветуйте печатать его <так!>⁵. Сделаю, как вы скажете. А не захотите ли написать другое?

Милый отдаленный друг, не знаю, и друг ли вы мне, но «создала себе кумира» и так и живу. И знаю все же, что и меня вы давно не знаете, и моей души, и моего тела. Но так нежно слово: товарищ. –

Еще в П<етербурге>, перед отъездом читала много (вместе с Мережк<овским>) ваши стихи⁶. Вы сильный поэт, какой-то вы в жизни? Я вашу жизнь так мало знаю. Больше угадываю. До свидания. Жму руку.

Ваша Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 5.2.1906». Французский почтовый штемпель вырезан вместе с маркой.

² Сергей Александрович Поляков (1874–1942) – владелец и руководитель издательства «Скорпион», официальный редактор-издатель журнала «Весы».

³ См. письмо 97.

⁴ В данном случае «Гриф» – не только название московского модернистского издательства, но и прозвище его руководителя Сергея Алексеевича Соколова (1878–1936; псевдоним «Сергей Кречетов»). 15 декабря 1905 Соколов писал Вилькиной: «Присылайте Вашу книгу (“Мой сад”), для чего сообщите через посланного, когда за ней можно зайти?» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.927).

⁵ Книга Вилькиной «Мой сад» была выпущена в 1906 издательством «Гриф» с предисловием В.В.Розанова (С.5-6). Ср. отзыв С.Соколова в письме к Вилькиной от 4 марта 1906: «Теперь мне стало что-то нравиться Розановское предисловие к Вашей книге: соображения о египетских жрицах делают честь этому занимательному павиану, тайно мечтавшему о любви и говорившему о браке» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.927). Из просьбы к Брюсову прочесть это предисловие следует заключить, что оно уже находилось у издателя, к которому Брюсов и должен был бы обратиться.

⁶ В 1905–1906 Мережковский пережил глубокое увлечение Вилькиной, постоянно встречался с нею в Петербурге. Подробнее см.: Письма Д.С.Мережковского к Л.Н.Вилькиной. С.209-251.

99. Вилькина – Брюсову
23 мая / 5 июня 1906, Париж¹

Посылаю вам, Валерий, стихи, сонет, который хотела бы напечатать в «Весах».

Мне сказали, что вы принимаете участие в редакции, а потому вам и посылаю. Была бы вам благодарна, если бы вы сообщили мне: не имеют ли «Весы» что-нибудь «вообще» против того, чтобы меня печатать. В перечне ваших сотрудников я себя не нашла, хотя, кажется, печаталась у вас еще год назад². Кроме того: в январе я послала от своего имени заметку о «Талашкине» под подписью «Л.».

Мало того, что вы ее не напечатали (к чему я в своей лит<е-
ратурной> деятельности абсолютно не привыкла), но вы поместили заметку о «Талашкине» Сюннерберга – ни слова мне не сказав³.

Не спорю, заметка С<юннерберга> быть может интереснее, но... надо было по крайней мере мне сообщить. А то ужасно неловко вышло относительно Рериха, которому я обещала написать.

Ну, все равно – это прошлое.

О себе не пишу – не вижу вас относительно себя. – А мне говорили здесь, что вы очень и для себя, и для меня изменились.

Буду благодарна, если ответите мне о сонете.

Людмила

Адрес: Paris. Poste-restante (rue du Louvre) – M-me L. Wilenkine (a ne Wilkine).

Я
(Сонет)

Мне с малых лет прозвание дали «Бэла».
Хоть в память я Людмилы крещена.
Мысль Бэлы сладострастьем пленена,
А чувства все послушны власти тела.

Душа Людмилы с жизнью все светлела.
В толпе людей она всегда одна.
На Бэлу смотрит с горестью она,
От счастья бежит, страшась предела.

Когда с Людмилой встретилась любовь,
Она склонилась в нежности покорной.
Но в Бэле буйно взбунтовалась кровь
И страсть зажглась – пожар над бездной черной.

Кто ближе мне и кто сильней из двух?
Дух чистоты иль страсти дерзкий дух?⁴

Л.Вилькина
Paris

¹ Заказное письмо. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Paris. 5.6.06»; «Москва. 26 мая 1906».

² Единственная публикация Вилькиной в «Вессах» – статья «Айсадора Дёнкана в Петербурге» (1905. №1. С.40-42).

³ См. письмо 95, примеч. 2 и письмо 97, примеч. 3, а также письмо 100. Рецензия Сюннерберга на книгу «Талашкино. Изделия мастеров кн. М. Кл. Тенишевой» (СПб., 1905) была опубликована в №3/4 «Весов» за 1906 год (С.88-90). Константин Александрович Сюннерберг (1871–1942; псевдоним «Конст. Эрберг») – теоретик искусства, критик, поэт.

⁴ Впервые опубликовано в журнале «Золотое руно» (1906. №7/9. С.103), вошло в книгу Вилькиной «Мой сад» (С.22-23). В опубликованном тексте следующие разночтения относительно приведенного в письме варианта: строка 7: «На Бэлу смотрит с горечью она»; строки 10–12: «Она склонилась с нежностью лазурной. / Но в Бэле дерзко взбунтовалась кровь / И страсть зажглась – пожар средь ночи бурной»; строка 14: «Дух святости иль страсти темный дух?..»

100. Брюсов – Вилькиной
26 мая / 8 июня 1906, Москва¹

8 июня 906

Дорогая Людмила!

Получил Ваш сонет, но воспользоваться им для «Весов» не придется. «Весы» предоставляют каждую книжку лишь одному поэту, помещая по 8–10–13 его стихотворений². Лишь для начинающих поэтов сделано исключение и в №6 соединены стихи 4<-х> авторов³. Но Вы никак не принадлежите к числу начинающих, так как уже имеете имя в литературе и выработали самостоятельную манеру письма. Я думаю, что в будущем Вы согласитесь взять себе всю книжку «Весов» и дадите нам для нее сразу стихотворений 10. Но, к сожалению, может это быть лишь в будущем году, так как ближайшие книжки уже обещаны (7–12): А.Белому, М.Кузмину, Максиму Волошину, Ю.Верховскому, Ю.Балтрушайтису, С.Соловьеву и Ф.Сологубу⁴.

За «Талашкино» Вы гневаетесь несправедливо. Вы известили меня, что пришлете рецензию. Я ждал ее два месяца и *ничего не полу-*

чил, никакой рецензии о «Талашкине», ни подписанной Вашим именем, ни подписанной Л., ни какой-либо иной. Тогда я обратился к Сюннербергу, только тогда. Вашей рецензии и по сю пору у меня нет. В свое время я извещал Вас об этом по одному из Ваших адресов, но извещение, видимо, затерялось.

Я распорядился, чтобы Вам выслали «Весы». До сих пор мы не знали Вашего точного адреса.

Не сердитесь за сухость, деловитость письма. И я не «вижу» Вас, после этих лет, через эти тысячи и тысячи верст.

Ваш Валерий

¹ Ответ на письмо 99. Написано на французском бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион». Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Москва. 27.5.06»; «Paris. 12.6.06».

² Такая практика была установлена с декабрьского номера «Весов» за 1905 год (он же повторен как январский номер за 1906 год), в котором был опубликован цикл стихотворений К.Бальмонта «Над вечным морем»; в 1906 в №2 – цикл Вяч. Иванова «Северное солнце», в № 3/4 – цикл З.Гиппиус «Водоскат», в №5 – цикл А.Блока «Тишина цветет». №3/4 «Весов» за 1906 год, однако, открывался опубликованным вне цикла стихотворением Д.С.Мережковского «Л.Н.В-ной» («Ослепительная снежность...»), обращенным к Вилькиной.

³ В №6 «Весов» за 1906 год были опубликованы два стихотворения С.М.Городецкого, три стихотворения Н.С.Гумилева, два стихотворения Одинокого (А.И.Тинякова) и три стихотворения Б.А.Садовского.

⁴ Во второй половине 1906 года в «Весах» были опубликованы стихотворные циклы: «Александрийские песни» М.Кузмина (№7), «Одинокие» Андрея Белого (№8), «В Швеции» В.Брюсова (№9), «Золотая смерть» С.Соловьева (№10), «В дневном хороводе» Ю.Балтрушайтиса и «Три сюиты» Ю.Верховского (№12).

101. Вилькина – Брюсову
3/16 июля 1906, Сан-Себастьян¹

Espagne. St. Sebastien. Poste-restante
M-me Wilenkiné

Получила Ваше письмо, Валерий, еще в Париже. Теперь нахожусь в Испании, но адрес тот же Paris, poste-restante (rue du Louvre).

Оттуда мне пересылают. Ваше предложение отдать моим стихам № «Весов» меня обрадовало. Ладно. Но назначьте, какой месяц.

Забавный холодный тон ваших писем, но... это я оставляю до личного свидания. – Думаю в середине октября приехать в Москву. Вас застану? Слышала от Д.С.<Мережковского> об преобразовании «Весов»². А как же – редакция останется в Москве?

До свидания, Валерий – или скорее – символ того Валерия, который был мне близок.

Людмила

Парижский адрес для книг. Для писем – сюда.

¹ Ответ на письмо 100. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «San Sebastian. 16 jul. 06»; «Москва. 7 июля 1906».

² Вилькина встречалась с Мережковским в Париже весной и в июне 1906 (см.: Письма Д.С.Мережковского к Л.Н.Вилькиной С.246). Речь идет о проекте издания «Весов» совместно с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус, который обсуждался летом и осенью 1906. Запланированное объединение не состоялось, Мережковские продолжили сотрудничество в «Весах» в прежнем статусе. См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы»... С.289-293; Переписка З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Д.В.Философова с В.Я.Брюсовым (1906–1909) / Публ. и подгот. текста М.В.Толмачева; коммент. Т.В.Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2001. №15 (Д.С.Мережковский и З.Н.Гиппиус: Исследования и материалы). С.132-153.

102. Брюсов – Вилькиной
3 октября 1906, Москва¹

3 окт<ября> 1906

Дорогая Людмила!

Вы меня помните еще или пишете мне как представителю «Скорпиона»? Вот наш официальный ответ. В «Весах» весь стихотворный материал для последних книжек 1906 года уже распределен. В 1907 г. порядок расположения стихов будет изменен. Книжки более не будут предоставляться одному, отдельному поэту. Если Вы пришлете нам свои стихи, мы в самом скором времени дадим Вам ответ, воспользуемся ли мы чем-либо из них и чем именно.

Спасибо за том Мэтерлинка². Свои стихи нашел в нем не без пригорбья. Это переводы плохие и перепечатывать их не стоило³. К тому же у меня есть лучшие переводы Мэтерлинка, помещенные, в 1905, в «Весах»⁴.

Приедете ли Вы в Москву?

Ваш Валерий

P.S. Как отчество С.Маковского? Я что-то забыл (если знал когда-либо). Не будете ли добры сообщить. Он прислал, одновременно с Мэтерлинком, стихи в «Весы»⁵. Вы когда-то называли его стихи хлопущками⁶.

¹ Ответ на письмо 101 (или, возможно также, на неизвестное нам повторное письмо того же содержания, отправленное по адресу «Скорпиона»). Написано на французском бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион». Почтовый штампелъ отправления: «Москва. 5.10.06». Отправлено по петербургскому адресу Вилькиной (Английская наб., 62).

² Имеется в виду первый том «Сочинений» Метерлинка, вышедший в издательстве М.В.Пирожкова (см. письмо 93, примеч. 2, 3).

³ Ранее эти переводы Брюсова были напечатаны в подготовленном Вилькиной издании М.Метерлинка, выпущенном в 1903 как приложение к журналу «Звезда». См. письмо 2, примеч. 2 и письмо 6, примеч. 1.

⁴ «Семь песен» М.Метерлинка в переводе Брюсова были опубликованы в №7 «Весов» за 1905 год (С.19-25).

⁵ Стихи С.К.Маковского в «Весях» не были опубликованы.

⁶ См. письмо 89.

103. Вилькина – Брюсову
6 октября 1906, Петербург¹

Маковского зовут – Сергей Константинович.

Досадно, что я не знала о ваших других переводах Метерлинка – я не довольна, что причинила невольно неприятность.

С «Весами» вы меня слегка удивили и огорчили. Помните: вы писали, что отдадите мне одну книжку «Весов»².

Ну да все равно. А насчет того, чтобы прислать вам на выбор... Да ведь до того еще несколько месяцев... Быть может, мы увидимся и вы «выберете» лично.

В Москву не знаю, когда выберусь – хотя и хотелось бы. Я ведь теперь здесь одна без мужа и придется возиться с литературными делами и своими, и мужниными.

Вы будете высылать мне сюда Весы? – Пожалуйста. Еще послушайте, Валерий, милый мой: я все не понимаю отношения вашего к моим стихам. А мне оно дорого – я люблю поэта Брюсова. – Так вот, во имя старинной дружбы, вы могли бы сказать мне ваше мнение – резко и откровенно.

Вы знаете – я издаю сборник. Туда войдут далеко не все мои стихи, почти меньшая часть. Но мне близкая. 30 сонетов и 3 рассказа³.

В конце зимы думаю выпустить другой сборник⁴, но этот для меня нужен.

Ах, Валерий, какая я была маленькая, когда вас видела... А помните мои визиты в «С<еверную> Гостиницу», когда вас нельзя было видеть, потому что вы были вдвоем⁵. Странно, мне сегодня это все вспомнилось... Сейчас смотрю на ваш портрет в «З<олотом> Р<у-не>» и так ясно вижу вас⁶. Какой удивительный портрет! Вы весь светитесь. –

До свидания – Бэла – Людмила

¹ Ответ на письмо 102. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 6.Х.1906»; «Москва. 7 окт<ября> 1906». Ответ Брюсова, который был получен Вилькиной, нам не известен (см. примеч. 1 к письму 104).

² См. письмо 100.

³ Сборник сонетов и рассказов «Мой сад» Вилькина представила в издательство «Гриф» в начале 1906, но затем попросила отложить печатание книги до конца сентября (см. письмо С.А.Соколова к Вилькиной от 4 марта 1906. – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.927).

⁴ Этот замысел не был осуществлен.

⁵ Речь идет о начале февраля 1903, когда к Брюсову, остановившемуся в Петербурге в гостинице «Северная», приехала из Москвы жена.

⁶ Портрет Брюсова работы М.А.Врубеля был репродуцирован в №7/9 «Золотого Руна» за 1906 год.

104. Вилькина – Брюсову
13 октября 1906, Петербург¹

Постараюсь достать пьесы, вами переведенные². Только сомневаюсь, чтобы были такие, кот<орые> я не перевела. Во второй и третий том войдет много ненапечатанных еще: Сестра Беатриса, Ариана, Семь принцесс и т. д.³

Ваше письмо не вполне меня удовлетворило. Не хотела я вас «маленьким» и восторженным, и не думала о вас, о таком. Да и не думаю, чтобы я была такой, как была. Душа и тело – разветвляются, стареют, высаятся, возвышаются и спокоятся – у вас, как у меня.

В моем «призыве» в вашу сторону была нежность к прошлому, детскому, и мне милому. А к тому же страсть или влюбленность, (к<оторая> тоже нас близила) была вне нашей молодости или не молодости. Но это замечаю так, между прочим.

Ваше суждение о сонетах принимаю. Но только в душе у меня «сладкое» утешение – писались они не скучно, а с большой радостью⁴.

Ваша Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. <13?>.X.1906»; «Москва. 14 окт<ября> 1906». Ответ на неизвестное письмо Брюсова (сохранился конверт – видимо, от него – с почтовым штемпелем: «Москва. 12.10.06»).

² Вероятно, отвечая на письмо 103 в неизвестном нам письме, Брюсов указал, какие именно стихотворения Метерлинка в своем переводе он опубликовал в «Весах» (см. письмо 102, примеч. 4).

³ Имеются в виду второй и третий тома «Сочинений» Метерлинка, печатавшиеся в издательстве М.В.Пирожкова.

⁴ Отзыв Брюсова о сонетах Вилькиной (о котором она просила в письме 103) был явно неблагоприятным; Вилькина сообщила о нем Минскому, и тот ответил ей 30 октября 1906:

Удивил меня также инцидент с Брюсовым. Неужели ты так наивна и не знаешь этого помешанного на мании величия чудака? Зачем было спрашивать его мнения? И разве есть какое-нибудь непреложное мнение о литер<атурных > произведениях? <...> Право, ты, столь умная и тонкая, иногда поступаешь совсем подетски? Выругать бы Брюсова, сбавить ему спеси, посмотреть на него сверху вниз, – это я понимаю. Но спрашивать его мнений – и тебе, – моей жене, – бог знает что такое! Если тебе нравится писать сонеты, пиши сонеты. <...> Боюсь я только, что тебя проберут за лесбийские стихи. Остальные будут иметь крупный успех.
(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.884).

105. Брюсов – Вилькиной
Конец октября 1906, Петербург¹

Дорогая Людмила!

В тот час, в который Вы мне позволили быть у Вас², мне нельзя будет располагать собой. Речь идет именно о *невозможности*. Вы можете рассердиться на меня – это будет справедливо. Вы можете простить меня – это будет великодушно. Разве есть предел прощенью?

Простите же.

Ваш Валерий

1906, окт<ябрь> П<етер>б<ург>

¹ Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Брюсов прибыл в Петербург не позднее 26 октября 1906 (см.: Кузмин М. Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С.249).

² Видимо, эта договоренность была достигнута при встрече с Вилькиной в субботу 28 октября (см. письмо 106).

106. Брюсов – Вилькиной
3 ноября 1906, Петербург¹

Петербург,
3 ноября 1906

Дорогая Людмила!

Итак, нам не суждено было встретиться. Я получил, через К.А.Сомова, Ваше письмо, когда уже уезжал в Финляндию². Думал пробыть там один день, пробыл больше трех. Вернувшись, заехал к Вам, не застал. Наконец, дома получил телеграмму, вызывающую меня в Москву. Такова правда, фактическая правда, «простая» правда. Но Вы, конечно, знаете, что для нас эта «простая» правда не должна иметь значения. И Вы правы, потому что за этой первой правдой таится другая. Мне когда-то Ваш образ был очень дорог и очень близок; на несколько дней или на несколько мгновений (не все ли равно) ближе всего на свете. В те краткие минуты разговора на «субботе»³, когда меня все насильственно отрывали от Вас, я увидел Вас иной. О! верю, – Вы стали лучше, прекраснее, глубже, более сама собой (ибо другого совершенства не существует), – но мне-то, моей-то душе дорог прежний, вечно желанный образ. И вот почему я, может быть, втайне обрадовался, когда старый швейцар Вашего дома (этот старик один не изменился среди наших общих перемен) сказал мне о Вас: «дома нет и когда будут неизвестно». Мне хочется помнить Вас своей «лесной девой», Людмилкой, которой я приносил когда-то белые и алые цветы, Людмилкой, с которой мы ехали когда-то по оснеженному лесу, среди ласковых сосен, наивно и радостно⁴. Той Людмиле я остаюсь верен навсегда, ей я говорю –

Твой Валерий

¹ Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы». Почтовый штемпель получения: «Петербург. 4.11.06». Ответ на неизвестное письмо Вилькиной, полученное через К.А.Сомова (см. примеч. 2).

² С художником Константином Андреевичем Сомовым (1869–1939) у Вилькиной установились к этому времени доверительные отношения. См. публикацию ее избранных писем к Сомову, подготовленную Е.В.Тырышкиной в сб.: Женский вопрос в контексте национальной культуры... С.107-117; см. также: *Тырышкина Е.В.* Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов. С.123-138.

³ См. примеч. 2 к письму 105. Речь идет о третьей «субботе» в театре В.Ф.Коммиссаржевской, на которой Федор Сологуб читал свою пьесу «Дар мудрых пчел». См. в воспоминаниях современника: «После Сологуба читали свои новые стихи Вячеслав Иванов и приехавший из Москвы Валерий Брюсов» (*Дьяконов (Ставрогин) А.* Александр Блок в театре Коммиссаржевской // *О Коммиссаржевской. Забытое и новое: Воспоминания. Статьи. Письма.* М., 1965. С.82-83).

⁴ См. примеч. 1 к письму 13.

107. Вилькина – Брюсову
Не позднее 4 ноября 1906, Петербург¹

Не знаю, за что могу сердиться на вас. Вы вольны хотеть или не хотеть меня видеть или иметь более «важные дела».

Но, милый мой, мне очень хотелось бы до отъезда вас повидать хотя бы на мгновение. Совсем я вам не назначаю часа. Приходите, когда хотите. С 9 утра по 3 часа ночи.

Буду сегодня и завтра вас ждать. Дома целые дни – не выхожу, нездорова.

Людмила

¹ Ответ на письмо 105. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 4.XI.1906»; «Москва. 5.11.1906». Письмо написано до известия об отъезде Брюсова из Петербурга (и до получения письма 106). Однако конверт адресован Брюсову в Москву, на Цветной бульвар; кроме того, на нем имеется неразборчивая размашистая помета красным карандашом. Если архивное соотнесение письма и конверта верно, то следует предположить, что письмо было оставлено в Петербурге Брюсову в гостинице или доставлено туда с посыльным (карандашную помету мы склонны приписать именно гостиничному портье), с тем чтобы оно было отправлено в Москву в случае отъезда адресата, для чего и был надписан московский адрес.

108. Вилькина – Брюсову
Между 3 и 7 ноября 1906, Петербург¹

Вы меня глубоко огорчили. И знаете, беззвучны для меня ваши «объяснения», да и не нужны. Мы все в жизни только тогда «не можем», когда «не хотим». <...>

И то, что я «не та», не верно. Не вообще не та, но для вас не та. – А знаете, Валерий, в глубине души я уверена, что имей я вас на полчаса наедине, чтобы молча посмотреть друг другу в глаза, и вы не ушли бы так легкомысленно пройдя мимо <так!>.

Не изменяются люди, Валерий – я не изменилась, а только больше узнала.

И ты не изменился, и я не отпускаю тебя (в жизни), я вот такая, какая я теперь, не говорю: прощай.

Я скоро буду в Москве. Вы будете скрывать от меня? Будьте милым, сообщите. До свидания.

Ваша – не прежняя, – но прежняя

Л.

<...>²

Еще просьба. Я не получаю «Весы». Не знаю, почему. Говорят, вы ругаете мой перевод³. Любопытно смертельно. Я считаю, что «пережила» Метерл<инка> душой, хоть и отошла теперь навеки. Считаю перевод очень хорошим. Любопытно, за что вы браните. Пишите, Валерий.

В самом деле, сообщите *теперь*, как мне делать в Москве. Дать ли вам знать о своем приезде. Не забудьте. Я должна это знать здесь, в П<етербурге>. И не хочу вам неприятного...

¹ Ответ на письмо 108. Приложен конверт без почтовых штемпелей и адреса, надписанный: «Валерию Брюсову». Вероятно, письмо передано с оказией. Значительная часть текста утрачена – вырезана (отсутствующие и не поддающиеся связному прочтению фрагменты обозначены: <...>).

² Абзац, содержание которого восстановлению не поддается, включал, как можно судить по сохранившимся обрывкам слов, фразу о том, что С.К.Маковский просит сообщить решение редакции «Весов» о пришедших им стихах.

³ См. примеч. 2 к письму 110.

109. Брюсов – Вилькиной
8 ноября 1906, Москва¹

8 ноября 1906

Дорогая Людмила!

Вы ошибаетесь, и очень, думая, что я живу «под опьянением страсти»², и этим объясняя мои слова и мои поступки. Нет, все, что я Вам писал, я писал очень сознательно и очень искренно. Вы хотите, чтобы мы все-таки встретались. Да будет так. Напишите мне о Вашем приезде и о дне, когда мне можно будет Вас видеть. Я буду покорен и точен.

Ваш Валерий

P.S. С.К.Маковскому пишу.

¹ Ответ на письмо 108. Закрытое письмо – секретка; почтовый штемпель отправления: «Москва. 9.11.06».

² Вероятно, цитата из несохранившейся части письма 108.

110. Вилькина – Брюсову
10 ноября 1906, Петербург¹

Нет, милый друг, вы меня прямо сконфузили фразой: «Вы хотите, чтобы мы все-таки встретились». Нет, Валерий, не хотите – не встречайтесь. В Москве, должно быть, буду в начале декабря – если дела не помешают. Никакого давления не собираюсь производить. А в прошлом письме во мне говорила чисто женская нежность, которая у меня к вам всегда была и всегда останется – помимо всяких «писательских» психологий...

А прогос писательства: прочла в вашем журнале преглупую рецензию о Метерлинке. Где это Метерлинк требует стихотворного перевода?!² И кто больше меня прочувствовал Метерлинка? Я помню, как после первого издания перевода ко мне прибежал Розанов и кричал, что подобный перевод в первый раз в жизни читает.

Но посоветуйте вашему критику прочесть перевод Щепкиной-Куперник. В стихах. Поэтично!..³

Ах, да все эти отзывы абсолютно не важны. Говорю потому, что меня поразил неблагоприятный отзыв обо мне в вашем журнале.

Но вот и это возможно. Ра-зо-ча-ро-вание на 26-м году!

И еще: разве я вам писала об «опьянении страсти»? Вот вульгарный стиль! Как меня это угораздило.

Прощайте, Валерий. Или до свидания. Как захотите. А я от вашей «покорности» отказываюсь. Мне дорого только желание.

Пятница 1906 г.

Людмила

¹ Ответ на письмо 109. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 10.XI.1906»; «Москва. 11.XI.1906» и авторской помете «пятница» (10 ноября 1906 – пятница).

² Речь идет о рецензии Брюсова (подписанной псевдонимом «Пентаур») на первый том «Сочинений» Метерлинка в переводе Вилькиной. Основным недостатком перевода Брюсов считает утрату «своеобразного» ритма речи Метерлинка: «Сам Мэтерлинк говорил о своих драмах: “Они написаны стихами и только напечатаны как проза”. Г-жа Вилькина перевела драмы Мэтерлинка прозой – вот самое существенное, что можно сказать о переводе» (Весы. 1906. №10. С.66).

³ Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) – драматург, эссеистка, переводчица. Имеется в виду ее перевод пьесы Метерлинка «Монна Ванна» (*Метерлинк М. Монна Джиованна. М., 1903*).

111. Брюсов – Вилькиной
11 ноября 1906, Москва¹

11 ноября 1906

Дорогая Людмила!

Ваше раздраженное письмо меня удивило и опечалило. Я никогда не предполагал, чтобы «писательская психология» могла когда-либо повлиять на Ваши отношения ко мне. А она повлияла настолько, что Вы совсем не поняли слов моего письма², не поняли того настроения, того чувства, которые его продиктовали³.

А рецензию наших «Весов» я должен взять под свою защиту. Во-первых, те слова Мэтерлинка, в которых Вы сомневаетесь, были им действительно сказаны, в одной анкете, – и Вам, изучавшей Мэтерлинка, следовало бы это знать. Во-вторых, смысл их вовсе не тот, что драмы Мэтерлинка написаны определенными размерами, но тот, что в его речи есть свой *ритм*. Рецензия не приглашает переводить драмы Мэтерлинка рифмованными строчками или белыми пятистопными ямбами, но требует, чтобы по-русски был передан ритм французской речи, *чего Вам сделать не удалось*. Охотно верю, что Вы перевели лучше Щепкиной-Куперник (я ее переводов не читал), но ведь это не важно: переводить хуже Щепкиной-Куперник довольно трудно. Что до Вашего восклицания: «Кто больше меня почувствовал Мэтерлинка?» – то, думаю, Вы на нем не настаиваете.

Нет такого аппарата, чтобы измеривать, кто прочувствовал данного писателя больше, кто меньше. А теоретически Вы, вероятно, допускаете, что может оказаться где-нибудь на земле еще один смертный, которому Мэтерлинк не менее близок, чем Вам. Наконец, на милого, доброго, всеми нами любимого Вас<илия> Вас<ильевича> Розанова в вопросах критики, право, лучше не ссылаться. Может быть, он и говорил, что «подобный перевод читает в первый раз», но ведь он вообще ничего не читает, не читал, конечно, переводов Бальмонта, да не читал, вероятно, и самого Мэтерлинка в подлиннике³.

Ах, Людмила, грустно, тысячу раз грустно, что Вас может так ослеплять мелочное писательское самолюбие. Где же Ваша чуткость к словам, к чувствам. В Вашем последнем письме я не узнаю Вас⁴.

Всегда Вам преданный

Валерий Б.

¹ Ответ на письмо 110. Почтовый штемпель отправления на приложенном конверте: «Москва. 11.11.06». Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весь». В архиве Брюсова сохранился черновик этого письма (РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.22-22об.), наиболее существенные варианты текста приводятся в примечаниях.

² Аналогичная фраза в черновике: «А она повлияла настолько, что слова моего письма стали для Вас совершенно непонятными, т. е. Вы придали им тот смысл, какой не должны были бы».

³ Заключительная часть аналогичной фразы в черновике: «...ведь Вы знаете, как и я знаю, что он вообще ничего не читает и самого Мэтерлинка до Вашего перевода не читал».

⁴ Аналогичный абзац в черновике:

Ах, Людмила! Грустно мне, что оскорбленное самолюбие заставило Вас написать в письме ко мне столько пустяков. Не знаю, может быть, я прежде Вас мало знал, но мне все кажется, что три года назад ничего такого не могло бы быть. Неужели Вам в самом деле так дороги Ваши книги, переводы, стихи, что мысль об них затмевает Вашу чуткость к словам и к чувствам! Нет, нет! это – не Вы!

112. Вилькина – Брюсову
18 ноября 1906, Петербург¹

Милый Валерий.

Мне писал Дмитрий Сергеевич Мережковский, что хочет написать о моей книге в «Весь». Сообщаю вам об этом – как ему обещала². Ваша Людмила

¹ Закрытое письмо – секретка. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 18.XI.1906»; «Москва. 19 ноября 1906».

² О намерении написать рецензию на книгу сонетов и рассказов Вилькиной «Мой сад» Мережковский сообщал Вилькиной еще за полгода до ее выхода в свет, в открытке, посланной 11/24 апреля 1906: «...вспомнил о Вашем обещании прислать мне книгу Вашу. Вышла ли она? Если вышла, то пришлите... Я напишу о ней рецензию» (приведено в комментариях В.Н.Быстрова в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С.251); 10/23 октября 1906 он вновь касался той же темы: «Пришлите Вашу книжку, когда она выйдет. Не бойтесь – я ругать не буду» (Там же. С.250). 9 декабря 1906 Минский сообщал Вилькиной из Парижа: «Был вчера у Мер<ежковских> и говорил с Д<митрием> С<ергеевичем>. Он о стихах твоих напишет. Когда? Не знает» (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.884). Рецензию на «Мой сад» Мережковский, однако, так и не написал, и у Минского возник план, о котором он сообщил Вилькиной 14 марта 1907:

Был я вчера у Мережковского. Он согласен написать о твоих стихах заметку, но ему это лень сделать. Поэтому мы решили, что я напишу, а он по-своему выправит и подпишет. Конечно, З.Н.(Гиппиус. – *Н.К., А.Л.*) об этом ни слова. И ты также никому ни звука. А я так счастлив, что напишу о тебе. Мне твои стихи безумно нравятся. Я в них твою нежную и страстную, чистую и страждущую душу вижу. То, из-за чего я тебя так люблю.

(Там же.)

20 марта он снова писал жене: «Заметку о тебе еще не отдал Мер<ежковскому> – передам на днях» (Там же). Однако и эта затея по каким-то причинам не осуществилась. Месяц спустя Минский вновь поднял эту же тему в письме к Мережковскому (хранится в Амхерстском центре русской культуры – Amherst College, Mass., USA):

23 апр<еля 19> 07

13 Henri Monnier

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

На днях я писал Дмитрию Владимировичу (Философов. – *Н.К., А.Л.*), прося назначить мне свидание по «конфиденциальному» делу, и ответа на свое письмо не получил, – не хочу думать почему. А конфиденциальное это дело заключалось в следующем. Я хотел через Д<митрия> В<ладимировича> просить Вас, в случае если Вы изменили свое мнение о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> (Вы прежде, кажется, отзывались о них с некоторым одобрением?), не писать о них вовсе. Почему у меня явилась мысль о том, что Вы можете отнестись к стихам Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательно, – не смогу Вам сказать, не знаю сам. Что-то было в Ваших словах, в *Вашей* улыбке в по-

следний раз, что меня беспокоило. Сознаюсь Вам, что пишу это письмо с некоторым насилием над самим собою; мне было бы гораздо легче просить Вас не непосредственно, а через Д<митрия> В<ладимировича>. Как-то странно мне говорить с Вами о критических отзывах. Но Вы ведь знаете, что лично я ни от какой критики, ни полемики не бегу, а, наоборот, иду им навстречу. Если бы дело касалось тут Ваших убеждений или если бы Вы по обязанности должны были давать отзывы о новых книгах, я, конечно, никогда не решился бы просить Вас о чем бы то ни было. Но в настоящем случае речь идет о Вашем отзыве, зашла только по моей просьбе, и сознаюсь, мне бы было мучительно думать, что по моей же воле появится о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательный отзыв, который ее так сильно огорчит. Мне было бы больно, если бы Вы ее огорчили, и еще более, если бы я сам был тому причиной. А Вы, вероятно, знаете, что значит для русского писателя критический отзыв, подписанный Вашим именем. Ваше признание или Ваше отрицание имеют в русской литературе почти абсолютное значение.

Мы с Вами вместе начали свою литературную деятельность и долгое время шли почти рядом. Так вот во имя прошлого прошу Вас не написать о Л<юдмиле> Н<иколаевне> ничего, что могло бы ее огорчить. Это не значит, что я прошу Вас говорить то, чего Вы не чувствуете. Такая просьба была бы смешна и оскорбительна. Но я прошу только, в случае, если Вы относитесь к ее стихам отрицательно, не писать о них вовсе. Скажу по правде, мне ее стихи очень нравятся, но, может быть, я в этом деле не судья.

Искренно Ваш

Н. Минский

Само собою разумеется, что Л<юдмила> Н<иколаевна> не имеет ни малейшего понятия о моей прежней просьбе и теперешней.

113. Брюсов – Вилькиной
20 ноября 1906, Москва¹

20 ноября 1906

Дорогая Людмила!

Благодарю за присланную книгу². О ней, как о всех сборниках русских стихов, напишу в «Весах» – я (вероятно, еще к декабрьскому №)³. Мы стараемся, чтобы все однородные книги оценивались, по возможности, одним лицом. Этим достигается некоторое единство суждений «Весов». Но, разумеется, это не помешает нам поместить

о Вашем сборнике и вторую заметку, если она будет подписана таким именем, как Д.Мережковский.

Всегда Ваш Валерий

¹ Ответ на письмо 112. Закрытое письмо – секретка; почтовый штамп отправления: «Москва. 21.11.06».

² «Мой сад». На экземпляре, подаренном Брюсову, надпись: «Валерию – Людмила. 18 ноября» (РГБ. Ф.386. Книги. №998).

³ Отзыв о книге Вилькиной Брюсов поместил в составе обзорной статьи «Новые сборники стихов» в январском номере «Весов» за 1907 г. (С.69-73).

114. Вилькина – Брюсову
22 ноября 1906, Петербург¹

Милый друг, чего же лучше! Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты.

А писала вам о Мережковском, потому что он мне это поручил. – Что ж, напишет о другой книге, которую хочу выпустить или весной, или ранней осенью и куда войдут все стихи и все рассказы².

А ведь в этой книге – только близкие моему сердцу.

Мечтаю еще о книге о страсти, о сладострастии. Ах, Валерий, как божественно прекрасна сладострастность. – Махровый цвет.

Вот и ваши «Сестры» в своей неудовлетворенности – мне очень понравились. Если бы не манера Пшебышевского <так!> (иногда), – это была бы одна из замечательнейших повестей страсти³.

До свидания. Вы ждете меня в Москве? А я рвусь.

О, я вас замучаю – конечно – если вы захотите меня видеть...

Не забывайте. Пишите – милый мой.

Людмила

Итак, о рецензии нечего и говорить. С нетерпением хочу прочесть чем скорее <так!> ваш дружеский отзыв.

¹ Ответ на письмо 113. Датируется по почтовому штампу на приложенном конверте: «Петербург. 22.XI.1906»; «Москва. 23 ноября 1906».

² Замысел этой книги не реализовался.

³ Рассказ Брюсова «Сестры» был опубликован в журнале «Золотое Руно» (1906. №10. С.47-53). На то, что «в “Сестрах” явно повторена манера Ст. Пшибышевского», указывал и сам Брюсов в предисловии к своей книге «Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901–1906 г.)» (М.: Скорпион, 1907. С.VIII).

115. Вилькина – Брюсову
26(?) декабря 1906, Петербург¹

Пожалуйста, Валерий, если вы не хотите присылать мне «Весы» как писательнице даром, то велите редакции прислать мне. Я буду платить. И пусть вышлют декабрьский №. Он, говорят, интересный.

Л.Вилькина

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 27<?>.12.1906». Петербургский штемпель вырезан вместе с маркой.

116. Вилькина – Брюсову,
11 января 1907, Петербург¹

От души благодарю за книгу². Людмила

¹ Тематическая открытка (серия «Brugge», сюжет «Ommegang op Goedenvrydag»). Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 11.1.1907»; «Москва. 12 янв<аря> 1907».

² Книга Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901–1906)» (см. примеч. 3 к письму 114).

117. Вилькина – Брюсову
12 или 13 января 1907, Петербург¹

Посылаю вам два стихотворения (автор: – Л<юдмила> В<илькина> – Н<иколай> М<инский>)². Если возможно – напечатайте их в «Весакх» и тогда сообщите мне, в каком №. Если нет – *отошлите*.

Хотела бы еще послать вам несколько ст<ихотворений> Н.Минского, но прошу вас раньше сообщить – печатаете ли вы (в принципе) стихи уже известных поэтов.

Буду благодарна, если ответите.

Людмила

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения на приложенном конверте: «Москва. 14.<1?> <...>» (петербургский штемпель срезан вместе с маркой) и по связи с ответом Брюсова (письмо 118).

² Прилагавшиеся к письму стихотворения нам не известны. Возможно, они представляли собой первую, пробную манифестацию той формы творческого сотрудничества, которую предлагал Минский Вилькиной в письме от 30 октября 1906:

Ты принадлежишь к тем писателям, которые, при всей талантливости, не могут заканчивать свои произведения. Хочешь, будем писать вместе? Начнем со стихов. Издадим сборник стихов под общим именем, как издавали романы и драмы братья Гонкур, Маргерит и столько других.

Л. Вилькина – Н. Минский

Стихотворения

И в самом деле, каждое стихотворение будет нашим общим детищем – (у нас не было живых детей, пусть будут печатные!). Для этого ты как можно больше делай набросков – достаточно двух-четырех стихов, чтобы потом выросло от него целое стихотворение. <...> Относительно формы тебе предоставляю полную свободу. Хочешь, сонет, хочешь, другую мелодию. Я, с своей стороны, тоже буду делать наброски, которые будем обрабатывать сообща. <...> Я думаю, это сотрудничество будет и для меня крайне полезно. Работа вдвоем окрыляет, оплодотворяет. Увидишь, что мы с тобою наделаем!.. Каждый день будем кончать по несколько стихотворений, – в два-три месяца будет готов сборник. Если бы у тебя не было самостоятельного сборника, это было бы неудобно. А теперь мы на равных правах.

(ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.884).

118. Брюсов – Вилькиной
16 января 1907, Москва¹

Дорогая Людмила!

Чтобы дать какой-либо ответ о присланных Вами стихах, нам необходимо определенно знать имя их автора или авторов. Это формальное требование всех редакций, и мы не можем от него отступить, хотя бы даже инициалы и были столь прозрачны, как в данном случае. Мне лично из двух сонетов более нравится второй. Но ведь Вы, вероятно, не согласитесь разделить их, так как они образуют некоторое целое.

Стихи Ник<олая> Макс<имовича> очень желанны «Весам». Но появиться они могут не ранее как летом, потому что у нас всегда есть материал для 4<-х> или 5<-ти> ближайших книжек, так что всему, вновь поступающему, приходится ждать своей очереди такое же количество месяцев.

Ваш Валерий

1907

¹ Ответ на письмо 117. Датируется по почтовому штемпелю отправления на приложенном конверте: «Москва. 16.1.07». Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

119. Вилькина – Брюсову
17 января 1907, Петербург¹

Вы абсолютно правы, что второе стихотворение несравненно лучше первого. Это потому, что второе написано Минским, а первое писала – я.

Но все же отдельно печатать их невозможно, ибо – как задачу – мы писали их в одно время, на одну тему.

Итак, если вам не подходит – будьте милым – перешлите мне. – Или, м<ожет> б<ыть>, вы окажете мне услугу и передадите в З<олотое> Р<уно>?²

Стихи Н<иколая> М<аксимовича> пришлю непременно в следующем месяце.

Сейчас от Трубникова³ узнала, что Вы приглашаете Маковского в свой сборник (С<еверные> Цветы?) –

Что это: вы меня бойкотируете? Я – можно сказать – возвращена вами – и вот, я не знаю о сборнике, а Маковский приглашается!

Вообще происходит какое-то безумие. Ничего не понимаю. Еще дело: я перевела «Теодата» Реми де Гурмона – по просьбе Мейерхольда. Они ставят – если разрешит цензура⁴. Не захотите ли взять эту вещь для напечатания в «Весам» или где бы то ни было.

Будьте добры – ответьте.

Несколько слов от себя:

Я не хочу принять то «новое», лживое, не любезное, не для меня, что вы «решили» «отныне» относительно меня. Я его приняла бы после хотя бы часовой беседы. И вы, и я достаточно глубоки, чтобы не чувствовать по чужим словам, по виду. Не верьте пока себе относительно <меня?>, а я вам «пока» многое прощаю. Я так хочу, я так хочу.

Людмила

И совсем обо мне ложно сказали Дымову⁵: «я бы обиделся, а Вилькина не обидится». М<ожет> б<ыть>, не обижусь, но не потому, что вы думаете.

¹ Ответ на письмо 118. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 17. I. 1907»; «Москва. 18 янв<аря> 1907».

² В «Золотом Руне» этот цикл из двух сонетов не появился.

³ Александр Александрович Трубников (1882–1966; псевдоним «Андрей Трофимов») – историк искусства, эссеист; впоследствии сотрудник петербургских журналов «Старые годы» и «Аполлон».

⁴ Эта пьеса («Théodat», 1893) французского критика, эссеиста, поэта и драматурга Реми де Гурмона (1858–1915) в переводе Вилькиной не была опубликована и на сцене не ставилась (В.Э.Мейерхольд в это время работал в Театре В.Ф.Коммиссаржевской). Рукопись перевода драмы «Теодат» (частично написана и исправлена рукой Минского) сохранилась среди бумаг Вилькиной (ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.766).

⁵ Осип Исидорович Дымов (наст. фам. Перельман; 1878–1959) – прозаик, драматург, журналист. В чем суть упоминаемого эпизода, установить не удалось.

120. Брюсов – Вилькиной
18 января 1907, Москва¹

18 янв<аря> 1907

Дорогая Людмила!

Я тоже не очень понимаю, за что Вы меня упрекаете. Я ушел далеко от своих прежних переживаний, взглядов, верований, не знаю, в той ли Вы стране, где я, и боюсь, что нет. За то ли? Или за то, что мне теперь не очень нравятся Ваши сонеты? Но ведь я не непогрешим, мои суждения меняются, может быть, я и не прав. Во всяком случае, к Вам и к Вашей поэзии у меня отношение мое, мое собственное, основанное на том немногом, что я знаю, – а «чувствовать по чужим словам» мне, право, не свойственно.

Теперь фактические поправки. «Северных Цветов» мы не издаем. Ни в какой сборник С.Маковского я не приглашал, а приглашал его писать *статьи* по вопросам искусства в «Весакх»². Говорил ли я слова, Вами приведенные, Дымову, – не очень помню. Удивляюсь, что он настолько чужд обычаям общежития, что пересказывает свои разговоры. Но если и говорил эти слова, то относились они к статье Дымова о Вашей книге, – статье, в которой он под видом милой болтовни высмеивает Вас довольно жестоко³.

Наконец, дела. Сonetы я передам «Зол<отому> Руну». «Теодат» совершенно не подходит к нашей программе: ни в «Весах», ни отдельно мы не печатаем переводов *старых* вещей. Этот перевод мог бы представлять для нас некоторый, чисто коммерческий, интерес лишь в том случае, если бы *окончательно* был установлен срок его постановки в театре. Стихов Ник<олая> Макс<имовича> ждем.

Всегда Ваш Валерий

¹ Ответ на письмо 119. Написано на русском бланке издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

² Ни одной статьи за подписью С.К.Маковского в «Весах» не появилось.

³ Статья за подписью О.Дымова о книге Вилькиной «Мой сад» нам не известна.

121. Вилькина – Брюсову
19 января 1907, Петербург¹

Ах, да ни за что я вас не упрекаю, ничего не хочу и нисколько меня не удивляет, что вы «переменили» свой взгляд на мои сонеты. Упомянула о Дымове для фразы, вами произнесенной. Никакие «шутки» и «фантазии» Дымова не могут меня касаться.

Еще. И последнее. Не знаю, из какой вы страны, но знаю себя. Я дорожу идеей о человеке, в жизни бывшим <так!> мне хотя бы на мгновение близким (таких у меня мало). – Только потому я так много занимаюсь вами. Не так «литературно», как мистически. Если можете – поймите.

Стихи Н<иколая> М<аксимовича> едва ли пошлю.

Мне не понравилось, что вы не взяли наши сонеты². Во всяком случае, мы отвечаем за себя. Жму руку.

[Л.Вилькина] Людмила

¹ Ответ на письмо 120. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 19.І.1907»; «Москва. 21 янв<аря> 1907».

² См. письмо 117, примеч. 2.

122. Вилькина – Брюсову
4 февраля 1907, Петербург¹

Не могу долго на вас сердиться, Валерий. Хочу все-таки послать вам два стихотворения Н<иколая> М<аксимовича>. Мне только на-

до знать, возможно ли будет вам поместить их в Весах до Мая, ибо в Апреле <появится?> «Собр<ание> соч<инений> Минского»², куда они войдут.

Будьте милым, ответьте.

Ваша Л.

¹ Открытка с изображением рисованных цветов. Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 4.И.1907»; «Москва. 5 фев<раля> 1907».

² Имеется в виду изд.: *Минский Н.* Полное собрание стихотворений: В 4 т. Изд. 4-е. СПб.: М.В.Пирожков, 1907.

123. Вилькина – Брюсову
После 4 февраля 1907, Петербург¹

Получила только что эти два ст<ихотворения> от Н<иколая> М<аксимовича>. Посылаю их вам с просьбой пустить, – к<a>к вы говорили, *если возможно* – не позже майской книги².

Тогда я могла бы их включить в Собрание³. Будьте добры – ответьте, подошли ли они вообще.

Л.Вилькина

¹ Датируется по связи с письмом 122.

² Три стихотворения Минского («Человечество», «Все, что в мире живет, происходит от мира...», «Я – солнце, вечернее солнце, к земле преклоненное...») были опубликованы в пятом, майском номере «Весов» за 1907 г. (С.7-9).

³ См. примеч. 2 к письму 122.

124. Вилькина – Брюсову
11/24 апреля 1907, Париж

11 апреля 07 г.
Poste-restante
rue du Louvre
M-me L. Wilenkinе

Валерий Яковлевич,

Ваше письмо, в котором говорилось о каком-то неверном ударе-нии в одном из стих<отворений> Н<иколая> М<аксимовича>, я тот-час же послала ему. Оказывается, письмо не дошло. Будьте любез-ны, сообщите еще раз, в чем дело.¹

Ваша Л.Вилькина

¹ Речь идет о стихотворениях Минского, присланных им для «Весов». Ответ Брюсова, полученный Вилькиной и Минским, нам неизвестен.

125. Вилькина – Брюсову
1/14 мая 1907, Париж¹

Адрес: 13, rue Henri Monnier

Валерий Яковлевич,

Н<иколай> М<аксимович> вполне признает правильность указанных неточностей размера². Он предлагает изменить первый стих след<ующим> образом³:

Необъятней она и небес и эфира...

А во втором стихе вместо «твоих» поставить слово «этих»:

«Этих медленных глаз»...

Преданная

Л.Вилькина

¹ Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Paris. 14.5.07»; «Москва. 4 мая 1907».

² См. письмо 124, примеч. 1.

³ Исправления относятся к тексту стихотворения «Все, что в мире живет, происходит от мира...» (см. примеч. 2 к письму 123 и письмо 124). Ни первое, ни второе письмо Брюсова с замечаниями по стихам Минского нам не известны.

126. Вилькина – Брюсову
1/14 мая 1907, Париж

13, rue Henri Monnier
14 мая

Валерий Яковлевич,

Только что отправила Вам письмо относительно стихотворения Н<иколая> М<аксимовича>¹.

Посылаю вдогонку это второе письмо, т<ак> к<ак> Н<иколай> М<аксимович> решил исправить первые стихи след<ующим> образом:²

Все, что в мире живет, происходит от мира,
Лишь твоя красота больше мира сего,
Больше мертвой земли и живого эфира

и т. д.

Вторая поправка («этих» вместо «твоих») остается в силе.

Преданная

Л.Вилькина

¹ Имеется в виду письмо 125.

² См. примеч. 3 к письму 125.

127. Вилькина – Брюсову
5/18 октября 1907, Париж¹

18 октября

Не будете ли так любезны, Валерий Яковлевич, сказать в редакции «Весов», чтобы мне и Минскому снова присылали №№ журнала.

Последний нами полученный был №8. Деньги за журнал вычтете из следуемых Минскому за стихи².

Адрес: Poste-restante. M-me L. Wilenkinе (rue du Louvre).

Надеюсь, что исполните это мое желание.

Л. Вилькина

18 октября 07 г.

¹ Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Paris. 19 oct<ob>re> 1907»; «Москва. 9 окт<ября> 1907».

² См. примеч. 2 к письму 123.

128. Вилькина – Брюсову
6/19 октября 1907, Париж¹

Валерий Яковлевич,

Только что прочла в одной из русских газет о том, что у Мейерхольда идет «Пелеас и Мелисанда» в вашем, а не в моем (как у меня с Мейерхольдом было уже решено) переводе².

Не могу не выразить вам то необычайное изумление и негодование, которое охватило меня при этом известии. Я не буду говорить о литературных достоинствах этого перевода (тем более, что в вашем журнале перевод был одобрен)³.

Предположим, допускаю, что ваш перевод неизмеримо лучше.

Но подумайте: вы устроили мне денежную конкуренцию! Вы отлично знаете, что мы, писатели, живущие на счет нами написанного, раз оторванные от России <так!> – находимся в очень затруднительном положении. И вот вы, именно пользуясь этим, зная, что я за границей, отговариваете Мейерхольда от постановки моего перевода и... даете свой. Не верю и теперь.

И теперь не верю – когда прочла в газетах.

Уверяю вас, что, если бы у меня был свой дом на Цветном бульваре⁴, свой журнал, магазины и т. д., – я бы только посмеялась над вашим чересчур уж не товарищеским поступком. К литературным коварствам и изменам я стала привыкать. – Ну, а за эту неджентельменскую выходку – я выражаю вам мое искреннее и глубокое негодование.

Вилькина

Париж. 07 г. 19 Октября

¹ Заказное письмо. Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Paris. 20.10.1907»; «Москва. 10 окт<ября> 1907».

² Премьера спектакля «Пеллеас и Мелисанда», поставленного В.Э.Мейерхольдом в Театре В.Ф.Коммиссаржевской по пьесе Метерлинка в переводе Брюсова, состоялась 10 октября 1907. Перевод вышел в свет отдельным изданием в середине октября 1907: *Мэтерлинк М. Пеллеас и Мэлизанда и стихи в переводе Валерия Брюсова / Как предисловие* статья А.Ван-Бевера. М.: Скорпион, 1907. Предварительные сообщения о премьере появились во многих газетах, какая из них попала в руки Вилькиной – неизвестно. Репетиции «Пеллеаса и Мелисанды» начались 21 сентября 1907 – по корректурным листам Брюсовского перевода, которые автор предоставил для этой цели (см. письмо Брюсова к Мейерхольду от 14 сентября 1907 и ответное письмо Мейерхольда от 1 октября в кн.: *Мейерхольд В.Э. Переписка 1896–1939. М., 1976. С.105-106*). 19 октября 1907 Брюсов писал А.П.Зонову: «В какой-то газетке я прочитал, что “Пеллеас и Мелисанда” идет у В.Ф.Коммиссаржевской “в переводе Л.Вилькиной”. Откуда возникло это недоразумение, не знаете ли?» (*Абрамович С.Д. Письмо В.Я.Брюсова А.П.Зонову от 19 октября 1907 г. и цикл стихотворений «Обреченный» // Валерий Брюсов. Исследования и материалы: Сб. научных трудов. Ставрополь, 1986. С.119*). Судя по этому письму, Брюсов не знал о предварительной договоренности Мейерхольда с Вилькиной относительно постановки пьесы Метерлинка в ее переводе.

³ Подразумевается, видимо, рецензия Брюсова на первый том «Сочинений» Метерлинка (см. примеч. 2 к письму 110) – однако в ней не содержится оценки перевода именно этой пьесы.

⁴ Собственный дом на Цветном бульваре, в котором проживал Брюсов, принадлежал его родителям.

129. Вилькина – Брюсову
9/22 ноября 1908, Париж¹

18, rue de Trevisé
22 novembre

Милый Валерий Яковлевич, я не удивляюсь, что вы забыли о своем обещании: выслать мне «Пути и перепутья»², – я слыш-

ком эпизодическое лицо в вашей жизни, чтобы вы обо мне помнили... А потому простите мне, если я вам напомню несколько ваших обещаний: 1) – прислать «Пути и перепутья». (У Н<иколая> М<аксимовича> есть, но я по особым причинам не могу у него брать).

2) Прочсть «другими» глазами или, вернее, с другой точки зрения «Мой сад» и мне по-дружески дать знать об этом втором мнении³. Еще, Валерий Яковлевич, у меня к вам просьба: вы когда-то написали, что вам мои переводы «вообще не нравятся». А так как я перевожу теперь очень ответственное <так!> и т. к. чрезвычайно дорожу вашим мнением, то мне хотелось бы, чтобы вы мне отметили – что, собственно, вам в них не нравится – дабы я могла обратить на это внимание.

Если вам не скучно, если вам не трудно, сделайте это. Буду вам чрезвычайно благодарна. Весьма вероятно, что перевод мой не без пятен, так что совет ваш будет полезен и для искусства.

Милый мой – сделайте это.

Представьте, какая досада: была у меня Нина Петровская и преглупо не застала дома⁴. А главное, не оставила адреса, т<ак> что ни написать, <н>и пойти к ней не могу. А мне почему<-то> ужасно захотелось видеть губы, которые вы целовали. Красивая она? Интересная? Умная?.. Досадно.

До свидания, Валерий Яковлевич.

Людмила

¹ Почтовые штемпели на приложенном конверте: «Paris. 22.11.08»; «Москва. 12.XI.1908».

² Имеется в виду изд.: *Брюсов В.* Пути и перепутья: Собрание стихов. Т.1: Юношеские стихотворения. Это – я. Третья стража. 1892–1901 г.; Т.2: Риму и миру. Венок. 1901–1905. М.: Скорпион, 1908. Брюсов обещал Вилькиной выслать эти книги, вероятно, при личной встрече в Париже в октябре 1908. В ответ на напоминание книги были высланы – см. письмо 130.

³ Под «первым мнением» подразумевается, вероятно, оценка книги Вилькиной в Брюсовском обзоре «Новые сборники стихов» (см. письмо 113, примеч. 3).

⁴ Н.И.Петровская жила в Париже после отъезда Брюсова до середины февраля 1909, во второй половине ноября – начале декабря (н. ст.) 1908 провела несколько недель в Лейпциге. 12/25 ноября 1908 она писала Брюсову из Лейпцига о предшествовавших этой поездке парижских днях: «Минских, к счастью, не застала и скоро не соберусь к ним. Измучу любопытство Людмилы вконец» (РГАЛИ. Ф.56. Оп.1. Ед.хр.95).

130. Вилькина – Брюсову
23–25 ноября / 6–8 декабря 1908, Париж¹
18, rue de Trevisé

Спасибо за книжки². Отраднo иметь под рукой стихи одного из любимейших поэтов.

Ваша Людмила В.

¹ Открытка: «Nos aéroplanes. – Forman, à Gand, dans son vol, ayant à son bord M. Archdeacon» («Наши аэропланы. – Форман в Ганде в воздухе с г. Аршедеаконом на борту»). Датируется по почтовому штемпелю получения: «Москва. 28.XI.1908». Письма из Парижа в Москву шли тогда от 3 до 5 дней).

² См. примеч. 2 к письму 129.

131. Вилькина – Брюсову
26 марта / 8(?) апреля 1909, Париж¹

Только что получила 3-й том ваших стихов, Валерий Яковлевич.² От души благодарю за память и за наслаждение, которое, я уверена, они мне принесут.

Ваша Людмила

Что у вас делается? Где вы, если не в Весах? Была бы рада, если бы вы меня не забывали и в будущем.

¹ Открытка: «656. Paris. – Boulevard des Italiens» («Париж. – Итальянский бульвар»). Датируется по малоразборчивому почтовому штемпелю отправления: «Paris. 8<?>.4.09».

² Имеется в виду кн.: *Брюсов В.* Пути и перепутья: Собр. стихов. Т.3: Все напевы. 1906–1909. М.: Скорпион, 1909. Вышла в свет в первую декаду марта 1909.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА

132. Вилькина – Брюсову
Петербург¹

Была бы благодарна, если бы вы написали мне – получили ли мои сонеты или нет. Л.Вилькина

¹ Написано на визитной карточке («Людмила Николаевна Вилькина. Английская набережная 62»). Приложен конверт из тонкой черной бумаги, адрес написан золотом. Почтовые штемпели не читаются.

133. Вилькина – Брюсову
Петербург

Милый Валерий,

Молодой писатель Александр Александрович Трубников (Сергиевская, 8) просил меня переслать вам его «фантазии», которые он мечтал бы видеть напечатанными в «Весах». Ответьте ему, пожалуйста – возможно ли. Мне он кажется способным¹.

Жму руку.

Ваша Людмила

¹ Публикаций А.А.Трубникова (о нем см. примеч. 3 к письму 119) в «Весах» не было. Письмо написано не ранее 1906 (когда в «Весах» начали печатать стихи и художественную прозу) и не позднее 1909 – последнего года издания журнала.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПИСЬМА БРЮСОВА ИЗ ЕГО АРХИВА*

134.

Январь–февраль? 1904, Москва

Если не пишу, то исключительно по недостатку времени. Люблю Вас и думаю о Вас. Рассказ Ваш во всяком случае не газетные столбцы, а нечто Ваше. Если не пришлете иного, вместим его¹. В нем есть еще одно достоинство, которого, вероятно, все остальное в альманахе будет лишено: он возбуждает веселую улыбку в иных своих частях. Мы все слишком торжественны, не умеем смеяться, а тем более смешить.

* Хранятся в подборке черновых и неотправленных писем Брюсова к Л.Н.Вилькиной: РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед.хр.21. Л.15-18. Письма не включены нами в общий хронологический ряд переписки, поскольку нет твердой уверенности в том, что атрибуция, установленная в ходе описания и систематизации брюсовского архива, в данном случае правильна и что именно Вилькина является адресатом этих эпистолярных текстов.

Посылаю Вам свою книгу стихов².

Ваш Валерий Брюсов

¹ По всей вероятности, речь идет об очередном альманахе «Северные Цветы», который в начале 1904 начали комплектовать.

² Видимо, книга Брюсова «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.».

135

6 ноября 1904. Москва¹

6 ноября 1904

Стихи написаны несколько дней назад и, право, сегодня они, и все сказанное в них, мне странно и чуждо. Трезвое, «наглое» солнце стоит над окном. Яркий, яркий, вечно-белый снег и по-зимнему нежное небо, – без звезд, без глубины, без тайны: бело-голубое... Но так как стихи «Ваши» – примите их...

Не знаю, вправе ли сегодня подписаться

Ваш

Валерий

¹ Написано на французском бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион». Карандашная помета (рукой И.М.Брюсовой?): «Людмиле?».

136

19 ноября 1904, Москва¹

19 ноября 1904

Милая и добрая!

Вот те стихи, – написанные в дни (вернее, в день), когда мне нравилась боль и страдания. Конечно, и тогда все в них было несколько преувеличено, но это не значит, что они лживы. Они – последнее, крайнее выражение того чувства, которое во мне было; они – та отдаленная страна, на путь к которой так неожиданно перешла тогда моя душа, – ах, не надолго! Сегодня испытываю свою обычную бодрость и ясность, едва ли не вновь «лазурные тропы», хотя – если уж сознаваться – там, где-то в глубине, есть и «расколотовость»².

«Ваш»

Валерий

¹ Написано на личной почтовой бумаге Валерия Брюсова.

² Образ из стихотворения Брюсова «Молния» («Опять душа моя расколота...»); см. письмо 79, примеч. 3), которое, видимо, и характеризует-ся в письме. «Лазурь» и «тропа лесная» – образы, фигурирующие в посвященном Вилькиной стихотворении Брюсова «Лесная дева»; «расколота» должно, по-видимому, связать со стихотворением «Опять душа моя расколота...», посланном Вилькиной в письме 79. Нельзя исключить и того, что выкрик лемуров в этом стихотворении: «Тропы лазурные забудь!» – связан по смыслу с «лазурью» и «тропой лесной» в «Лесной дева» – т. е. поэт в этот момент воспринимал встречу с «лесной дева» в оппозиции образному ряду «Молнии».

Т.В.Чурилин ВСТРЕЧИ НА МОЕЙ ДОРОГЕ

Вступительная статья, публикация и комментарии
Н.Яковлевой

Биография и творчество Тихона Чурилина (1885–1946) практически не исследованы специалистами. Однако его имя нельзя отнести к абсолютно забытым. В 1920-е он активно участвовал в литературной жизни Москвы. Дружил с М.Цветаевой, входил в близкий круг В.Маяковского и Бриков, тесно общался с М.Ларионовым и Н.Гончаровой, которая оформляла книгу его стихов «Весна после смерти» (1915), был связан с В.Хлебниковым, Б.Пастернаком, Н.Асеевым.

После длительного периода забвения интерес к поэту стал постепенно возвращаться. Одна из первых попыток литературоведческого анализа его творчества была предпринята в 1967¹. Но только спустя двадцать с лишним лет литературное наследие Чурилина стало выходить за пределы архивов. Пик интереса к поэту пришелся на 1990-е. Тогда были впервые опубликованы некоторые его поэтические тексты, материалы, касающиеся биографии², обсуждались обстоятельства и дата его кончины³, и наконец, к годовщине смерти в газете «Русская мысль» была напечатана заметка о нем⁴. Внимание к писателю в литературной среде и у исследователей русского авангарда сохраняется до настоящего времени. Подборка стихотворений вошла в сборник «Поэзия русского футуризма» (серия «Библиотека поэта»)⁵; ценная информация о его творче-

¹ *Karlinsky S. Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii // Slavic Review. 1967. №4. P.605-617.* См. также его книгу: *Marina Cvetaeva: Her Life and Art. Berkeley; Los Angeles, 1966. P.40.*

² См., в частности: *Александров А. О Тихоне ЧуриLINE // Сумерки. 1992. №14. С.113-119; Чурилин Т. Письмо Л.Аренсу <1944> // Сумерки. 1990. №10+1. С.31-32; Сухомлина Т.И. Письмо <к С.Ю.Прегель> о Тихоне ЧуриLINE / Примеч. и публ. В.Крейда // Там же. С.27-28 (перепеч.: Черновик. 1990. №3. С.150; Очеретянский А., Янечек Д., Крейд В. Забытый авангард. В 2 кн. Нью-Йорк; СПб., 1993. Кн.2. С.270-274).*

³ *Богомолов Н.А. «Рука мастера» // Новое литературное обозрение. 1994. №7. С.211-212; Очеретянский А. Письмо в редакцию // Там же. 1995. №12. С.461; Яковлева Н.А. О смерти Тихона Чурилина // Там же. 1996. №19. С.194-196.*

⁴ *Йованович М. Взлет и падение поэта: К пятидесятилетию со дня смерти Тихона Чурилина // Русская мысль. 1997. №4161, 13–19 февраля. С.9.*

⁵ См. также подборку стихотворений разных лет: *Мирзаев А. «Весна после смерти» <Предисловие к публикации стихов Тихона Чурилина> // Футурум АРТ: Литературно-художественный журнал. 2002. №4 (далее – Футурум АРТ).*

ской деятельности в Харькове и Симферополе, собранная по местной периодической печати, включена в недавно вышедший двухтомник «Русский авангард»⁶.

Но тем не менее, обращаясь к биографии и литературной репутации Чурилина, мы сталкиваемся с парадоксом: он известен, но забыт. Именно так писатель ощущал себя и при жизни – он был годами оторван от литературной деятельности прогрессирующей душевной болезнью, которая в конце концов стала одной из причин его смерти. 27 октября 1945⁷, через 17 дней после кончины жены Б.И.Корвин-Каменской и попытки самоубийства, Чурилин в состоянии тяжелой депрессии был госпитализирован в психиатрическую больницу №4 им. Ганнушкина и 28 февраля 1946 умер там. Диагноз – «шизофрения» и «резкое истощение»⁸.

Наша публикация мемуаров писателя призвана восполнить лакуны в его личной и творческой биографии.

Идея написания воспоминаний с годами все более захватывала Чурилина. Попытки или подступы к ним отражены в текстах самого разного характера: черновиках автобиографий, официальных документах, анкетах и т. п. В художественном творчестве, в автобиографической прозе, которая представляет значительную часть его литературного наследия, он тоже постоянно возвращался к переживаниям и образам детства. И в послереволюционную эпоху, и позднее, в периоды кризисов, Чурилин интенсивно пересматривал свои литературные взгляды и убеждения. Он писал множество кратких заметок, где пытался упорядочить, выстроить, поделить на этапы свою биографию, придавая ей некий единый смысл. В этих заметках отражено желание поэта-авангардиста соответствовать революционным идеям времени. Вместе с тем за постоянным стремлением быть «своевременным» и «современным» скрывались личные драмы. Рецидивы психической болезни, порождая страх перед хаосом и забвением, действительно резко делят его жизнь на рубли. Несколько раз приходилось начинать все с начала в совершенно изменившемся мире.

Другая коллизия его биографии связана с травмой незаконного рождения. Этот факт впоследствии приобрел для поэта символический смысл и стал синонимом «блуждания», трудности выбора пути вообще, в том числе и в творчестве. Попытки «догнать время» были, возможно, спровоцированы и его поздним приходом в литературу. Фарсовый образ

⁶ Крусанов А. Русский авангард. В 2 т. М., 2003.

⁷ Дата госпитализации и диагноз указаны в протоколе вскрытия, см.: Протокол №15 от 2.03.<19>46. Патолого-анатомический диагноз. – Фонд канцелярии психиатрической больницы №4 им. Ганнушкина. Оп.2. Ед.хр.26.

⁸ См. запись акта о смерти №297, хранящуюся в ЗАГСе Пресненского района г. Москвы по адресу последнего места жительства Чурилина: ул. Сельсоюзная, д.14.

«плюсквамперфектического» писателя появился уже в самых первых его произведениях:

Вот и позвольте рекомендоваться, читатель, – все это я знаю, ведаю, доподлинно, досконально – я, писатель плюсквамперфектический, поздний. <...> Впрочем, извините-с, но мина то суть одиоза⁹ должны быть – а я все проворониваюсь, провираюсь. Простите – на то плюсквамперфектист я, несовременный, несвоевременный, – не бель хом футур¹⁰, говорю я вам.¹¹

* * *

Тихон Васильевич Чурилин родился в небольшом уездном городке Лебедянь¹² Тамбовской губернии 5(17) мая 1885. К лебедянским воспоминаниям он обращался не раз в течение жизни, и из них впоследствии начинает расти большой этнографический роман «Тяпкатань» – «эпохроника одного города»¹³, где под слегка измененными именами действуют все персонажи его детства. Уже в самом названии романа обыгрываются уездные предания, по которым некий боярин Тяпкин, «посланный Ив. Калитой в орду с подарками», скрылся в дубрах Рязанского княжества и основал разбойничью общину на горе, получившей название Тяпкиной, месте будущей Лебедяни¹⁴. Отчим поэта – купец второй гильдии, виноторговец и содержатель трактира В.И. Чурилин (в «Тяпкатани» – Чудилин) – послужил прототипом еще одному писателю – Е.И. Замятину, тоже выходцу из Лебедяни. В повести «Уездное», воспроизводящей топонимику городка, дано не только описание трактира Чурилова (одна из ее глав прямо названа «В Чуриловском трактире»), но и портрет его владельца:

Старик Чурилов стоял в середине круга и пинал мальчишечку ногою в бок. Такая степенная борода тут вся у него склочена, рот

⁹ Обыгрывается латинская пословица «nomina sunt odiosa».

¹⁰ От belle homme future (франц.) – человек будущего.

¹¹ Фрагмент из неоконченной повести «Тайна» (1913–1914). – РГАЛИ. Ф.1222 (далее – Фонд Чурилина). Оп.1. Ед.хр.32. Л.13–14.

¹² Ныне Липецкая область. Ср.: «Лебедянь еще и родина поэта-революционера Т.В. Чурилина, которого известная русская поэтесса Марина Цветаева считала своим учителем» (Лебедянь: Памятная книга / Сост. проф. В.В. Шахов. Липецк, 1992. С.136).

¹³ К работе над романом Чурилин приступает в начале 1930-х. Текст см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.39–41; Оп.2. Ед.хр.15 (далее – Тяпкатань, с указанием единицы хранения и листа).

¹⁴ Гедеонов М. Лебедянская старина: Очерк исторического прошлого Лебедянского края // Сборник-календарь Тамбовской губернии 1903 г. Тамбов, 1903. С.110–120; Чулков В. Исторический очерк Лебедянского Троицкого монастыря // Там же. С.121–126.

перекошен – куда вся богомольность девалась. <...> Из-за его спины тянулись к лежащему потные кулаки, но не смели: у Чурилова украли, он, стало, и хозяин тут, ему и бить.

Откуда-то вынырнул вдруг Тимоша, прямо перед носом у Чурилова-старика, – вскочил красный, злой и заклевал его, засыпал, замахал руками:

– Ты что это, хрыч старый, нехристь, злыдень? Убить мальчика за сто целковых хочешь? Может, и убил уж? Гляди, не дышит. Дьяволы, звери, али человек-то и ста целковых не стоит?

Старик Чурилов сначала опешил было, а потом окрысился:

– Ты что, заодно с ними? Заступник! Ты, брат, гляди. Тоже разговоры в трактире разводишь, люди-то слыхали. Держите его, православные!¹⁵

О своем настоящем отце, аптекаре Александре Тицнере, Чурилин узнал только в отрочестве, а впоследствии иногда использовал его фамилию как эпистолярный псевдоним¹⁶.

В автобиографических очерках и «Тяпкатани» он описал драматическую историю любви приехавшего в городок аптекаря («прибыльца из

¹⁵ *Замятин Е.* Уездное // Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989. С.81-87 (гл. «Веселая вечерня»). Прототипом одной из героинь повести, Чеботарихи, послужила родственница М.Пришвина. Об анекдоте, связанном с ней, Замятин вспоминал:

На верхях редакции была надпись: «Прием от 2 до 4». Я опоздал – было половина пятого – и потому вошел уже растерянным, а дальше пошло еще хуже. За столом сидел Иванов-Разумник и с ним какой-то черный, белозубый, лохматый цыган. Как только я назвал себя, цыган вскочил: «А-а, так это вы и есть? Покорно вас благодарю! Тетушку-то мою вы как измордовали!» – «Какую тетушку? Где?» – «Чеботариху, в “Уездном” – вот где!».

Цыган оказался Пришвиным, мы с Пришвиным оказались земляками, и Чеботариха – оказалась пришвинской теткой...

(Как мы пишем. М., 1989. С.30).

¹⁶ В незаконченной автобиографической повести «Тайна» Чурилин в характерной гротескной манере объясняет неоднозначность и собственного имени, что связано с мотивами «незаконнорожденности», «маски», «двойничества», особенно в его ранней прозе. Ср.:

...Тишанька-то и не Тишанька – Тимон, Тимоном именовался, именем редчайшим, древнейшим, – таково желание матери его было, бедной белой голубки горемычной горькой.

А Тишанькой – это няня его наименовала; назвала в простоте своей светлой (али темной – деревенская, крепостная девушка няня давно, прежде, была – так где ей интеллигентные, именитые имена знать, где уж тут!).

(Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.32. Л.13).

Москвы» Волександра Кицнера)¹⁷, и своей матери, Александры Васильевны Ламакиной (1857–1894), которая принадлежала к купеческому сословию и происходила из Тульской губернии¹⁸ (в романе она выступает под именем Волександры Чудилиной). Тихон Чурилин всю жизнь говорил о ней как о человеке для своей среды незаурядном и часто с болью возвращался к ее образу в воспоминаниях детства. В заметках, посвященных матери, он создал двойственный, романтический портрет «падшего ангела», отдаленно напоминающий образы некоторых героинь Достоевского. Спустя много лет ее памяти будет посвящена первая и самая известная книга стихов поэта. Сильное увлечение Достоевским в ранней юности, возможно, уже тогда оказало влияние на восприятие собственной биографии¹⁹. Это отчетливо прослеживается в позднейших чурилинских набросках о детстве, где доминируют мотивы семейного неблагополучия, тяжелого наследия, тайных пороков и болезни духа²⁰.

¹⁷ Ср. его «тяпкатанский» портрет:

Крепкой, коренастый, черный – вороной, в золотоочках, как доктор иль прохфесар – он был хорош и дивен, он был, как сон, как песня. Умный и развитой москвич, веселый и бойкий. Чуден, но с заманчивыми светлыми глазами в сертуке черном и антиресном галстуке, рыжишколадном, с чернобелым зегагом. Он покори́л, он взял ее сердце и чуй <?>. Он был грех и был словно бес, но нужен ей, как песня.

(*Тяпкатань*. Ед.хр.39. Л.136).

¹⁸ См.: «купеческая дочь г. Ефремова Тульской губ.» (Автобиографическая справка. – Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.1; далее – Автобиографическая справка).

¹⁹ В разившейся впоследствии психической болезни Чурилин также видел параллель с недугом Достоевского. Ср. в набросках к ненаписанным воспоминаниям о поэте Я.М.Лебедеве:

...на столе у Я.М. стоял Достоевский (лицо). Я поразился сразу сходством лиц: бородатого Достоевского с безбородым Лебедевским <так!>. Теперь про это сказали бы (и говорили) – болезнь, паду́чая, эпилепсия, шизофрения, раннее, позднее слабоумие, дегенератизм etc., т. е. все наименования сильно нормальных урядников и зажиточных приказчиков. Тогда, как и теперь, мне ясно было иное. Творчество. Я был третьим в этом странном содружестве <...>

(О друге, товарище, поэте. – Там же. Оп.2. Ед.хр.19. Л.1; далее – О друге, товарище, поэте).

²⁰ Склонность к созданию мифов в собственной биографии прослеживается не только в литературном творчестве Чурилина, но и в текстах документального характера, где в основе лежит «рассказ о себе» (анкетах, автобиографических справках). Большинство из них связаны общими мотивами и сюжетами с художественной прозой. М.Цветаева отмечала близкую черту и в бытовом поведении писателя, сравнив его в своей записной книжке с В.Д.Милиоти, о котором она там же писала:

В одном из них он писал:

Биографические данные:

Родился в Лебедяни, Тамбовской губернии (там родились для Москвы, Ленинграда и Европы: Замятин Евг. Ив., Игумнов Конст. Ник. (пианист)²¹, Чурилин Т.В. (поэт, переводчик, критик, теоретик). В мае 1885 г. 17/30 числа. По закону – сын купца, водочника-складчика-трактирщика. По факту – сын провизора, служащего, еврея, незаконнорожденный, выб...ядок. С детства дразили: жид, Александрыч, у-у-у!!

Родился у левой стены в красной гостиной, потом – аптеке. Там же, у левой стены в красной гостиной умерла слепой зараженная сифилисом мать в 1894 г. Она была красавицей на весь город, лунатичкой, ходила ночью по стульям, бессознательно. Доведенная импотентом, вдовцом уже 53-летним мужем-сифилитиком до нимфомании, стала разгульно пить и отдаваться направо, налево, прямо, вдоль и поперек всем в городе. Была музыкальна, играла на гармонике отлично, любила музыку, даже шарманку. Умерла ненавидимая всеми в доме, даже нянкой любимого единственного сына, ругавшего ее отраженно – сволочью. Это был поэт Тихон Чурилин, баловник до 9 лет, ходивший в черном лионском бархате, с белым батистовым галстуком, в белых шелковых чулках и шефро-сапожках – ботинках с четырьмя пуговицами. Мать одевалась в черное лионско-бархатное платье из тугого шелка, с коралловым гарнитуром. Это она научила, при осуждении всего города, 4-летнего сына читать. Это она приохотила с детства к Дюма, к Трем мушкетерам, к Андерсену, к русским сказкам и Пушкину с Лермонтовым. Не окончившая прогимназии, была развита чтением (художественным и акафистами). Несомненно, была поэтом, рудиментарно, в действительности романтиком, непрактичной, вспылчивой, доброй, не знающей жизни учет. Никогда не была ни дипломатом, ни помещиком. Любила любить любовь. Не любила и тратила деньги, как воду для

Наговорил, что царской крови – потомок Комненов! – нассказал о происхождении от герцогов Беррийских – какие-то боковые ветви – медальоны с миниатюрами, найденные где-то на чердаке, – черт знает чего наговорил! – с три короба наговорил! – и «с какого блюда я пил чай у Врубеля» – и дружил с Борисом-Мусатовым – и брат (признанный художник) все у него взял – а я, как дура...

Боже, до чего это похоже на Тихона Чурилина!

(Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. М., 2001. С.76-77).

²¹ К.Н.Игумнов (1873–1948) – знаменитый пианист и педагог, родился, провел детство и юность в Лебедяни, откуда уехал в 1887, чтобы поступать в Московскую консерваторию.

мытья грязи. Любила полово моего действительного физического отца, бросившего и предавшего ее. Никогда не любила мужа, Чурилина. Любила и сына Тихона, поэта и нервного до 5000 ампер. Тихона – дурочка <так!>, шемашедшего, жида и урода.

С 4 лет был отдан на воспитание няне, бывшей крепостной, вышивальщице ковров, любовнице барина, жившей у местных тузов купцов и дворян. Няня любила по-своему, таскала по церквям и монастырям, ревновала 12-летнего не по летам взрослого к девочкам и женщинам – и питомец с 4 лет влюблялся в каждую женщину с высокой грудью и большими глазами, в девочку с ярким лицом. Пол неосознанно, незнаемо проснулся с детства и мучал.²²

В 1894 Тихон Чурилин поступил в Лебедянскую мужскую прогимназию, где в это же время учился Е.Замятин²³. Девятилетний гимназист выделялся «хорошими способностями, особенно к любимым предметам» – русский, латынь, рисование²⁴, но из-за болезни – «развивающаяся нервозность»²⁵ – гимназии не окончил. «До 15 лет, – писал он позже, – вследствие болезненного состояния, не учился, но гладко читал и стремился, насколько мог, к самообразованию. С 15 лет – мысль неотступно, приготовиться на аттестат зрелости»²⁶.

²² Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.4. См. также рассуждение в письме Чурилина к К.С.Гуль от 12 марта 1941:

Эдак ежели все сваливать на папашу-мамашу, то откуда это вышел – я? Мамаша – нимфоманка необычайно мучительно сверхчувствительная. Папаша – кулак – <нрзб.> мещанин – во! А сын к 50 годам САМ освободился и от мамашиного наследия, а сверхчувствительность переработал в творчество, да кстати преодолел и папашу <...> Я сам учился у мостakov <так!> поэзии, мысли и жизни. Что ж я в красном доме возле трактира уже родился теперешним или «гением»?

(РНБ. Ф.1294. Ед.хр.19. Л.4).

²³ Ср. воспоминания Замятина о лебедянской гимназии: «Дальше – серая, как гимназическое сукно, гимназия. Изредка в сером – чудесный красный флаг. Красный флаг вывешивался на пожарной каланче и символизировал тогда отнюдь не социальную революцию, а мороз в 20°. Впрочем, это и была однодневная революция в скучной, разграфленной гимназической жизни» (Замятин Е. Автобиография // Замятин Е. Избранные произведения. С.38)

²⁴ Автобиография. (Curriculum vitae). – ЦГИА г. Москвы. Ф.417. Оп.29. Ед.хр.23.

²⁵ Там же.

²⁶ Эти сведения он сообщает в официальной анкете и автобиографии, поданных на имя директора Московского Коммерческого института. См.: Дело слушателя экономического отделения Чурилина Тихона Васильевича. – Там же. Они представляются нам наиболее точными. Сведения о первом этапе его после лебедянской жизни (1904–1910) разноречивы. Общая канва биографии этого

В детстве, по собственному признанию, к стихам был равнодушен, за редким исключением – пережил увлечение Лермонтовым. Позднее это пристрастие осознавалось им как некое фатальное родство:

Я люблю Лермонтова, потому что он мой пред. Он был очень некрасив, как и я, черен, временами грязен и сам имел склонность к демонизму (*façon de parler*), и окружающие считали его «демонном». Женщины его (как и меня) боялись и не любили. Его мать (как и моя) дала ему чудесную природу поэзии и музыки. Его глаза были ее глазами. Они жили особенно красиво (так и в моих есть единственное красивое во мне <одно-два слова нрзб.>). Он был дворянин и поручик. Я – хам и поручик.²⁷

Артистизм натуры проявлялся и в интересе к театру, сохранившемуся до последних лет жизни. В пору своей учебы в прогимназии Чурилин выступал на вокально-литературных вечерах, а позднее – в любительских спектаклях под руководством Уманец-Райской, был членом Лебедянского Музыкального Драматического общества²⁸. Позднее увлекался авангардным театром, был знаком с Мейерхольдом и с интересом следил за его театральными экспериментами²⁹.

В предреволюционном 1904 году, порвав с домом, Чурилин уехал в Саратов, а затем, спустя год, перебрался в Москву³⁰. По позднейшим свидетельствам, этот шаг был сделан отчасти из-за ссоры с отчимом, препятствовавшим его намерениям продолжать учебу. Начало самостоятельного пути сопровождалось поиском своего места в жизни. Он попадает в революционную среду, начинает всерьез писать стихи и даже успеваеет жениться³¹. В сентябре 1907, благодаря «имеющемуся не-

времени легко восстановима, однако некоторые детали, следующие из официальных документов, часто противоречат личным свидетельствам Чурилина. Так, например, в воспоминаниях он сообщает, что в институт был зачислен после окончания гимназического курса.

²⁷ О предках (анналы). О современниках (хроника). – *Тяпкатань*. Ед.хр.39. ЛЛ.27.

²⁸ См. записку к И.П.Уманец-Райской от 14 июля 1903, написанную Чурилиным на собственной визитной карточке. – ГЦТМ им. А.А.Бахрушина (Москва). РО. Ф.288. Ед.хр.197; см. также афиши города Лебедяни. – Там же. Отдел афиш и программ. Фонд дореволюционной театральной провинции. 133Д.

²⁹ См. его письма к Мейерхольду. – РГАЛИ. Ф.998. Оп.1 Ед.хр.2600.

³⁰ Биографо-производственная анкета. – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.4; далее приводится без отсылки на место хранения.

³¹ Этот факт отмечен Чурилиным в институтской анкете (см.: ЦГИА г. Москвы. Ф.417. Оп.29. Ед.хр.23); еще одно упоминание о женитьбе («женился: в 19 лет») встречается в «Биографо-производственной анкете». См. также посвящение «Зое, жене моей» к поэме «Кроткий катарсис», опубликованной в «Альманахе муз» в 1916.

большому капиталу», который он, возможно, получил от жены, Чурилин поступил вольнослушателем на экономическое отделение Московского коммерческого института, где числился в течение года³². В 1908 состоялся его поэтический дебют в литературных приложениях к журналу «Нива»³³. Начинающий поэт увлекался стихами Бальмонта, Брюсова, Ивана Коневского, Сологуба, Андрея Белого. Позже в воспоминаниях он с иронией будет говорить о своей приверженности к символизму в эти годы.

Революционные настроения в Саратове и Москве произвели сильное впечатление на 19-летнего провинциала: в это время под влиянием идей «Народной воли» и Б.Савинкова формируются его политические убеждения³⁴. Впоследствии, подчеркивая и, возможно, сознательно преувеличивая свое участие в революционном движении, он будет писать, что в Москве активно работал в подполье, в 1908 бежал за границу, в Швейцарию; через год, вернувшись, был арестован и подвергся репрессиям царской охранки³⁵.

В одной из его автобиографических драм старушка няня, в мыслях похоронив Тишаньку, причитала:

Тишанька-то как уехал в Москву <...> так и пропал. И, говорят, и деньги бросал и кутил и за границу уехал напослед. И в верситет поступал и, говорят, в газеты писал и сочиненья сочинял и с учительшей еще какой-то жил, босоногой, – разве все то упомнишь.³⁶

³² См.: ЦГИА г. Москвы. Ф.417. Оп.29. Ед.хр.23. Как свидетельствует сам Т.Чурилин, он учился также на медицинском и филологическом отделениях университета (см.: Биографо-производственная анкета). Однако документально эти сведения подтвердить не удалось. Нужно учесть, что такой путь устройства в Москве был наиболее простым. Например, Н.Асеев в 1908, по воспоминаниям его жены, «поступил в Московский коммерческий институт, куда поступить было легче, чем в другие учебные заведения, и одновременно ему удалось зачислиться вольнослушателем в Московский университет на филологический факультет» (Асеева К.М. Из воспоминаний // Воспоминания о Николае Асееве. М., 1980. С.14).

³³ Чурилин Т. Мотивы // Нива: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1908. №6. Стлб.283-284.

³⁴ Ср.: «2-ая политическая ориентация в Саратове: Анархист-коммунист <...> организация рабочих массовок, маевок, прокламации» (Биографо-производственная анкета); см. также: Автобиографическая справка.

³⁵ Ср.: «В 1909 году возвращение в Россию. Вызов в охранку, оскорбление жандармского офицера. Помещение в психиатр<ическую> лечебницу. Голодовка. С 1910–1912 гг. насильств<енное> питание (зонд). В 1912 выписка, освобождение, прекращ<ение> дела, прекращение голодовки» (Биографо-производственная анкета).

³⁶ Чурилин Т. Последний визит. – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.33. Л.22-23.

Так или иначе, смутные шесть лет послелебедянской жизни закончились в 1910 катастрофой: Тихон Чурилин с диагнозом «мания преследования» впервые попал в лечебницу для душевнобольных – Преображенскую больницу Москвы. Судя по официальным данным, он действительно недолгое время состоял под надзором Охранного отделения, куда поступил донос одного из пациентов лечебницы. Дежурный полицейский надзиратель в рапорте по этому делу от 21 июня 1913³⁷ сообщал:

В 4 часа 35 минут дня в Отделение явился неизвестный господин, назвавшийся Московским дворянином Михаилом Яковлевичем Скуратовым, 70 лет, лежащий в Преображенской больнице, и заявил, что <...> больной Тихон Васильевич Чурилин и старший доктор Николай Николаевич Боженов готовят покушение на г. Московского Губернатора. Мною тут же по телефону было установлено, что в Преображенской больнице действительно находятся на излечении вышеназванные больные и что они вольно ходят гулять по городу.³⁸

Из донесения следовало между прочим, что Чурилин «не раз повторял, что ему все равно терять нечего, и он желал бы, вступив в один из розыскных органов, окончить жизнь свою, как Богров»³⁹ (убийца Столыпина). Имя Богрова возникло не случайно: юношеское пребывание Чурилина в Саратове совпало с генерал-губернаторством там П.А.Столыпина, присланного для усмирения «революционного брожения». Однако подозрения не подтвердились, а загадочный бред остался редким свидетельством саратовско-московских перипетий его биографии. Возможно, разговоры в больнице имели под собой реальную почву. В 1906 свежее испеченный революционер составил завещание, в котором распоряжался 2 тысячи рублей «предоставить» своей двоюродной сестре по матери, а оставшиеся 10 тысяч – «употребить наиболее целесообразно для развития духа народного самосознания – средством может служить все, что достигнет этой цели – все дороги ведут в Рим»⁴⁰. Душеприказчиками своей воли, «исполнителем которой <...> сам был бы при жизни», назначал «близких идейно» товарищей⁴¹.

Мотивы «убийства», а быть может, и «самоубийства» звучали позднее не только в разговорах Чурилина с доктором Боженовым, но стали определяющими и в ранней лирике, вошедшей затем в первую книгу стихов:

³⁷ Летом 1913 года, уже после выписки, Чурилин все еще продолжал жить при той же больнице, вероятно, не имея другого пристанища.

³⁸ ГАРФ. Ф.63. Ед.хр.18. Л.275.

³⁹ Там же. Л.279.

⁴⁰ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.1.

⁴¹ Там же.

Перо мое, пиши, пиши.
Скрипи, скрипи, в глухой тиши.
Ты, ветер осени, суши
Соль слез моих – дыши, дыши.

Перо мое, скрипи, скрипи.
Ты, сердце, силы все скрепи.
Скрепись, крепись. Скрипи, скрипи,
Перо мое – мне вещь купи.

Веселый час и мой придет –
Уйду на верх, кромешный крот,
И золотой, о злой я мот,
Отдам – и продавец возьмет.

Возьму и я ту вещь, возьму,
Прижму я к сердцу своему.
Тихонько, тихо, спуск сожму,
И обрету покой и тьму.⁴²

Пребывание в больнице было для Чурилина тяжелым потрясением, впоследствии он назовет это время «двумя годами духовной смерти»⁴³. Образ «мертвеца среди людей», восходящий прежде всего к Блоку, станет сквозным в его поэзии и прозе.

Несмотря на тяжелые условия жизни после выхода из больницы⁴⁴, выздоровление ознаменовалось творческим подъемом. Он вернулся к прежнему кругу литературных интересов и стал настойчиво добиваться признания у метров символизма: посылал свои рукописи А.Блоку и В.Брюсову. Последнему в восторженном письме напоминал о личной встрече в Обществе свободной эстетики в 1909:

М<илостивый> Г<осударь> Валерий Яковлевич,

Вам, вероятно, передадут письмо Г-на Креймана и мое желание видеть Вас лично. Я знаю, что рабочий день Ваш длинен, что минуты отдыха Вам приходится, может быть, прерывать, но на-сущность в моей «жизни» личного свидания с Вами настолько необходима, настолько *краток* срок и моего «Досуга», что я решил просить Вас – и сам идти к этому – принять меня на несколько минут, может больше, серьезно и настойчиво, чтоб <?> скорее.

⁴² Опубл.: Чурилин Т. Весна после смерти. М., 1915. С.49; далее – Весна после смерти, с указанием страницы.

⁴³ Ответ на анкету «Критико-биографического словаря» С.А.Венгерова. – ИРЛИ. Ф.377. Оп.7. Ед.хр.3852.

⁴⁴ См.: «...жил я тогда очень тяжело материально: без комнаты, без паспорта и денег» (О друге, товарище, поэте).

Дело не в одних моих строчках и листках, посланных Вам через М.О.Ларионова, для этого случай обычен Вам, нет – я говорю о встрече моей с Вами в обществе Св<ободной> Эст<етики> в 1909 г. в последнем собрании, где Вы читали ваши переводы (Верхарна). Я был около Вас. Я видел, как Вы смотрели на меня и знаю: забыв, Вы меня помните.

– (Тицнер). Тихон Чурилин –

<Приписка на полях:> Напишите мне время и день свидания, только надо скорее. Адрес Волхонка д. Котова кв. 111. Р.Каплан для Тихона Ч. Напишите и об отказе.⁴⁵

27-летний молодой человек, попробовавший себя в качестве революционера, переживший опыт сумасшедшего дома и до сих пор с литературой соприкасавшийся только от случая к случаю, Чурилин наконец осознал себя писателем. Среди поэтов-символистов «третьего поколения» он оказался сначала в положении «позднего ученика» и эпигона-дилетанта, а затем, после выхода первой книги стихов, в роли чуть было не «пропущенного гения». Цветаева впоследствии писала о чурилинском цикле военных стихов 1914 года, частично вошедших в первый поэтический сборник: «ему даны были лучшие стихи о войне, тогда мало распространенные и неоцененные»⁴⁶. О запоздалом признании свидетельствовала и процитированная в воспоминаниях Чурилина фраза Блока: «Александр Блок говорил, но позже, своему другу В.А.Зоргенфрею: “я прозевал большого поэта”»⁴⁷. Между тем к 1912–1913 относится сближение поэта с литературно-художественным авангардом Москвы. Начинается его сотрудничество с М.Ларионовым, Н.Гончаровой, А.Крученых, знакомство с В.Хлебниковым. Авангардизм позднее станет для писателя синонимом обретения себя.

В марте 1915 вышла первая книга стихов Чурилина «Весна после смерти» (с иллюстрациями Н.Гончаровой), включившая произведения 1908–1914 годов. Она имела успех: «...поэт, – напишет Чурилин о себе в мемуарах, – никогда к<оторого> и не слыхивали раньше – сразу заявил <себя> большим мастером». В авторском предисловии к сборнику

⁴⁵ Письмо к В.Я.Брюсову от 16 мая 1912. – РГБ. Ф.386 (Брюсов). Карт.107. Ед.хр.49.

⁴⁶ *Цветаева М.* Наталья Гончарова: Жизнь и творчество // Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т.2. С.44.

⁴⁷ См. с 475 наст. изд. Судя по сохранившемуся письму Чурилина к А.Блоку, последний равнодушно отнесся к посланным ему стихам начинающего поэта: «Я получил мои тетради. Благодарю: Вы умеете уважать чужую личную жизнь... даже и бездарностей. Извиняюсь за мой нелепый поступок» (Письмо Чурилина к Блоку от 27 сентября 1912, цит. по: Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып.2: Письма к Александру Блоку. М., 1979. С.486).

прозвучал мотив, прошедший впоследствии через всю его биографию и творчество: «я должен был снять посвящение живым – моим друзьям, моим учителям в поэзии и знакомым моим. Да и кого может иметь из таких очнувшийся – воскресший! – весной после смерти, возвратившийся вновь неожиданно, негаданно, (нежеланно)?»⁴⁸.

«Весна после смерти» объединила традиционную декадентскую лирику, отмеченную мотивами болезни и смерти, с экспериментальными стихами, написанными под влиянием поэтики Андрея Белого, из которого книге был предпослан эпитафия. Рецензенты подчеркивали «подлинность» лирического героя Чурилина. Вл. Ходасевич, в частности, писал:

...есть достоинство, ныне у молодых поэтов встречающееся все реже: в стихах этих отразились движения души, правда, болезненные, изломанные и смутные, но, несомненно, подлинные. Правда, дочитав «Весну после смерти», испытываешь такое чувство, словно вырвался на воздух из комнаты тяжело больного, но в конце концов сознаешь, что таким чувством лишь подтверждается внутренняя правдивость книги <...> До сих пор г. Чурилин учился, кажется, только у Андрея Белого, которому и обязан лучшими своими пьесами. Но этого мало: ему предстоит еще очень много работы, если только он не возомнил уже себя гением <...>.⁴⁹

Герой книги – эстет, читающий «Весь», «Аполлон», листающий томик Гонкура, «обернутый в креп», «точно гробик»⁵⁰, – попадает в плен макаберного мира психиатрической лечебницы и становится одним из персонажей больничного «ада». Книга пронизана мотивами «смертных» плясок, образами праздника у умалишенных (см. стихотворения «Елка в больнице», «Пляска», «Покой» и др.). «Сумасшедший», «урод» и «мертвец» – герой «страшного мира» «Весны» – близок к трагикомическому образу поэта не только Андрея Белого, но и раннего Маяковского. Он открыто наделен автобиографическими чертами и выступает под собственным именем автора:

⁴⁸ Чурилин Т. Предисловие // Весна после смерти. С.5.

⁴⁹ См.: Русские ведомости. 1915. №196, 26 августа. Более жесткую оценку книги автор дал в личном письме к Муни (Самуилу Киссину), подчеркивая эпигонскую сущность чурилинской поэзии: «Лидия Яковлевна говорила, что ты просил прислать книгу Чурилина. У Кожебаткина ее, конечно, нет. Стоит она 3 рубля. Могу тебе поклясться, что третьесортные подделки под Белого не доставили бы тебе никакой радости. Гурьева знаешь? Так вот Чурилин – плохой Гурьев» (цит. по: Киссин С. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В.Ф.Ходасевичем. М., 1999. С.255). О влиянии Белого на Чурилина см. также в рецензии Б.Садовского (Лукоморье. 1915. №26).

⁵⁰ Из стихотворения «Мой траур» (1913); см.: Весна после смерти. С.42.

В подушку-теплушку кладу игрушку – из мыла
грушку.

Образ Нины святой...
Мама портрет, дорогой...
Другой...
Ой –

Артюхин лежит – глаза все видят.
Ночью меня обидят.

Подойдет.
Тихо.

Ножик в живот воткнет.
Спи, Тихон.
Не хочу!

Не хочу – кричу палачу
– Искарриот!

Ах – мама другая, рыгая, ругая, в белом халате,
несет подушку.

Ногой мне в живот
– Вот!⁵¹

Рецензенты тесно связывали творчество Чурилина с недавней болезнью. Н.Гумилев писал в «Аполлоне»:

Тема его – это человек, вплотную подошедший к сумасшествию, иногда даже сумасшедший. Но в то время, как настоящие сумасшедшие бесвязно описывают птичек и цветочки, в его стихах есть строгая логика безумия и подлинно бредовые образы.⁵²

Именно эту оценку «Весны...» Чурилин признал наиболее точной: «Много было рецензий, – писал он Гумилеву после выхода «Аполлона» с его отзывом, – почти все “доброкачественные”, иногда пышно-дифирамбические, но слово сказали Вы одни. <...> Но разве о *Поэзии* только

⁵¹ «На ночь защита» (1914) (Там же. С.70).

⁵² Цит. по: *Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии*. М., 1990. С.193-194. Ср. также другие отзывы: «Особое лицо Ч<урилина> резче всего подчеркивается сохранившимися в его стихах следами пережитой им страшной полосы» (*Эс <И.Эйгес>*. Весна после смерти. Стихи Тихона Чурилина. Изд. Альциона. Москва, МСМХV. Автолитографии Н.Гончаровой // *Голос Москвы*. 1915. №99, 30 апреля); «<Чурилин> заразил свои слова каким-то безумием, в котором он заставляет их биться» (*Челионати <С.Вермель>*. Лирики // *Московские мастера*. 1916. С.82; в этом же выпуске опубликована рецензия, подписанная настоящим именем редактора «Московских мастеров» – С.Вермель).

сказали Вы? *О летописи Тайны* т. е. то, что главное в моем творчестве»⁵³.

Черты безумия, приписываемые автору, не только отсылали к факту болезни, но и сближали его фигуру с образом «сумасшедшего» поэта-футуриста, складывавшимся в критике того времени⁵⁴. Уже в первой книге стихов, вместе с народно-христианской символикой и образами, восходящими к Ветхому Завету, присутствовали характерные для декадентско-футуристической поэзии солярные мотивы. В лирике Чурилина они были связаны с образом египетского бога солнца Ра, важного и для позднейшего его творчества. Книга была насыщена мотивами, обыгрывающими архаическое предание о Ра, согревающим не только «живых», но и «мертвых» в подземелье.

«Весна...» завершалась трагическим прощанием героя, остающегося в плену смерти, с уходящим Ра :

Прощай, Ра!

– Солнцу.

Прощай, Ра!

– Рахили.

Потемнело крошка-оконце

– Щель в могиле.

Стемнело...

А солнце... о, солнце!.. а жизнь оживела

– В весеннем пуху.

Весна наверху.

Весна...

Я чую: немеет, немеет десная.

Прощайте, Надежда –

Надежде,

(как прежде)

Урод умирающий, нежный невежда,

У которого сгнила вся одежда.⁵⁵

Выход первой поэтической книги мало изменил материальное положение и образ жизни писателя. Он продолжал нуждаться, «скитался по ночным чайным, бульварам», «ночевал у знакомых», болел туберкулезом, жил в Москве при Мясницкой больнице⁵⁶.

⁵³ Письмо к Н.С.Гумилеву от 11 мая 1916. – ИРЛИ. Р.1. Оп.5. №504.

⁵⁴ Ср.: *Радин Е.П.* Футуризм и безумие. СПб., 1914; *Закржевский А.* Рыцари безумия (Футуристы). Киев, 1914.

⁵⁵ «Вторая весна» (1914) (Весна после смерти. С.90).

⁵⁶ См. письмо И.А.Белуосову, председателю Чеховской комиссии. – РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Ед.хр.1029.

В 1916 во втором выпуске альманаха «Гюлистан»⁵⁷ был впервые напечатан фрагмент его ранней прозы «Любовь» (датирован 1912 годом) – «главы из поэмы» «Из детства далечайшего»⁵⁸. В его основу были положены детские любовные переживания главного героя Тиши – «мальчика мертвого, желтого ликом», который стал впоследствии важным персонажем чурилинской прозы⁵⁹.

В этом произведении, отмеченном словесным экспериментаторством, местами затемняющим сюжет⁶⁰, сохранились подлинные имена и реалии лебедянского быта. Мальчик Тиша на протяжении повести несколько раз спасался от смерти, «бездны своей постоянной», приходящей в образах любви, стыда или болезни. Последняя глава оканчивается выздоровлением героя после «сибирки», но его, однако, по-прежнему тихо стережет смерть:

А сверчок-то стих... А смерть-то... смерть-то пока притаилась
еще раз в красном доме – свою голову змейно-темно перламутро-
во – показав.⁶¹

«Любовь» была опубликована с позднейшим (5 марта 1916) посвящением Цветаевой⁶² и, возможно, это произведение является косвенной отсылкой к сюжету личных отношений поэтов⁶³.

⁵⁷ Чурилин печатался в «Свободном журнале», литературно-художественных альманахах «Московские мастера», «Альманахе муз», альманахе «Гюлистан» (в обоих выпусках).

⁵⁸ Полный текст повести см: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.18, 31; РНБ. Ф.1294. Ед. хр.15.

⁵⁹ Поэма «Из детства далечайшего» является одним из цикла прозаических произведений, написанных в период 1912–1915, объединенных не только общим сюжетом, главным героем (Тимон, Тихон, Тиша), прозрачными биографическими коннотациями, но и повторяющимися фрагментами. По всей видимости, изначально автор предполагал написать трилогию «Тайна», из которой были осуществлены две части: ч.1 «Красный дом», ч.2 «Последнее посещение» (см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.32). На материале этой двухчастной повести была вскоре написана драма «Последний визит» (1915) (Там же. Ед.хр.33).

⁶⁰ В рецензии на второй выпуск «Гюлистана» отмечается, что «даже такой “нутряной”, неуравновешенный поэт, как Т.Чурилин, вместо своих прежних грубоватых, но, во всяком случае, оригинальных выходов, занялся вдруг “словесностью” и целую главу своей поэмы “Из детства далечайшего” посвящает довольно скучным и неумелым упражнениям в стилистике» (*Серебров А.* <Тихононов А.>. Гюлистан. Альманах II. М., 1916 // *Летопись.* 1916. №11. С.310-311). Другой рецензент язвительно предполагал, что «автор только начал учиться поэтической речи» (*Янус.* Птичий апокалипсис // *Пегас.* 1916. №9-10. С.86).

⁶¹ *Чурилин Т.* Стихи и проза 1912–1920 гг. – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.32; то же: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.18.

⁶² На черновом варианте повести сохранился инскрипт, сделанный автором позднее красными чернилами: «март 5 <1>916 Москва Марине Цветаевой от-

В хранищемся в архиве сборнике «Стихи и проза Тихона Чурилина 1912–1921», составленном автором в хронологической последовательности, отчетливо прослеживается путь его лирического героя. Повесть «Из детства далечайшего» как бы вклинивается в «Весну после смерти», представленную в сборнике фрагментарно, и прерывает ее на двух следующих друг за другом стихотворениях 1912 года из разных частей книги – «Осенняя детская»⁶⁴ и «Руина»⁶⁵. Оба текста ретроспективно вводят тему детства, связывая ее с мотивами смерти, переживаемой взрослым героем, и играют роль своеобразного поэтического пролога. Повести, расположенной в сборнике между ранней лирикой и самыми «страшными», «замогильными» стихами 1913–1914 годов, где герой выступает уже в ипостаси мертвеца, придан смысл «воспоминания»⁶⁶, паузы. В следующем через несколько страниц стихотворении «Красная мышь», тоже

даю навсегда) (Там же. Ед.хр.31. Л.10). Отметим также, что М.И.Цветаева в заметке о посвящении ей стихов различными поэтами, в частности, писала: «...от Чурилина – просто плохие стихи (только одну строчку хорошую: Ты женщина, дитя, и мать, и Дева-Царь)» (*Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С.349). Ср. также цветаевскую помету на экземпляре «Верст» (М., 1922): «Тихон Чурилин – мне: Ты – женщина – дитя – и мать – и Дева-Царь. Было много стихов, все пропали, – все, кроме этой строчки. МЦ. Москва 1941 г.» (см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.226; там же см. о стихах, посвященных Цветаевой).

⁶³ Ср. запись М.Цветаевой: «История с М<илио>ти безумно мне напоминает историю с Ч<урили>ным. Тот же восторг – жалость – желание задарить (залюбить!) – то же – через некоторое время: недоумение – охлаждение – презрение» (*Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. С.75).

⁶⁴ Оpubл.: Весна после смерти. С.41.

⁶⁵ Там же. С.46.

⁶⁶ Об этом свидетельствует и сохранившееся в черновиках посвящение, которое указывает на реальность действующих лиц и помогает расшифровать их прозрачные псевдонимы:

Памяти

Александры Васильевны Чурилиной
моей матери

Памяти няни моей.

Памяти Николая Чурилина
и

Александры Денисовой
брата и сестры двоюродных
Посвящаю эти главы.

(Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.31. Л.2).

Ср. начало повести: «Воспоминания веселятся, теснятся сегодня в сердце, – снятся своими снами: – Побудь с нами, с нами... – о, воспоминания детства далечайшего, утенка – уродца серого (лебеда, впрочем), белого, бледного, впоследствии, потом, да...» (РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.8).

разрабатывающем тему «смерти – рождения», сконцентрированы сквозные образы ранней прозы и поэзии, которые участвуют в строительстве мифа его «дореволюционной» биографии: догорающее солнце, черный вороненок, а также развитый в позднейших стихах образ «яркого ягненка»⁶⁷.

Легко распознаваемые по раннему творчеству лебедянские реалии в «Красной мыши» – в частности, «красный дом», где родился поэт, – несут отчетливо символическую нагрузку и нагнетают атмосферу кошмара:

На сносях ходила женщина
Молодая.
Ах, купецкая дочь, не деревенщина
– Дорогая!
И раз, когда золотой таз солнца ярел на закате,
догорая,
Увидела в комнате красной
Мышь.
Забилась в тоске опасной,
Ударила себя по брови прекрасной.
Потом тишь.

Родился ребенок
В волосах черных
Вороненок?
У-у-у-вой ветров горных.
Ччччерный, чернннный яррркий ягггенок.
И на брови у него, на правой – красный знак.
– Так!
Это красная, красная, красная мышь <так!> –
В красном доме какая тишь
Умри ж!⁶⁸

Еще одним «кошмарным» лейтмотивом его творчества стал образ «погребального возка»⁶⁹. Яркое воплощение он получил в повести «Последнее посещение». Один из фрагментов повести («Возок») представляет собой апофеоз макаберной темы, заданной ранними стихами. Пассажира таинственного «возка» – мертвеца – везут все в тот же «красный дом». Чурилинский герой, проделав путь от ранних стихов через воспо-

⁶⁷ См.: Чурилин Т. Яркий ягненок: Поэма. Вступление // Московские мастера: Журнал искусств. 1916. Весна. <№1>. С.17-18.

⁶⁸ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.46; опубли. с разночтениями по тому же автографу: Футурум АРТ.

⁶⁹ См., в частности, стихотворение «Похороны в поле. Новый Фостэн» (1913), опубли.: Весна после смерти. С.54.

минания о детстве и психиатрическую лечебницу до первой поэтической книги, возвращался «домой» в гробу:

...Уже тают снега... теплеет, бухнет земля, и тебя легко могли попортить эти мерзкие черви. Поэтому и потревожили мы тебя, потому и перенесли сюда сегодня – поехать проститься с домом своим, возлюбленной

Взззз...вззз-люб-лен-ли-ли-ли... возликовала, возликовала вдруг весело, взмела взметы свои: – свввв... – о-ои-и-и-и-и – восплакала, взвыла даже потом, да, вьюга – гааа-а-а... и заглушила, замела звук золотой, – только твердометаллический золотой – голоса того – или голос пример, перестал говорить ясно, явственно, или слух наш светлый, свежий еще, еще чемнибудь, не будь плох, занялся – только услышали упорно метели милые меты, только вот они мечутся, возликовав, плачут, скачут... ссссккаччч... взззз... – люб – ... ллли – и – и ...

Продолжает слышь голос ясный, явнотазвительный, язвами язвющий, ох жгуче: Лучше, любезней лежать бы тебе тихонько в теплой теперь, парной землице, золотой мой, мертвец милый – Пьеро, – но неужель улыбаться не будет, не будет больше, твой характерный рот, роскошный в словоизвержениях словесных, снежно-белое поле листов любезной столь тебе литературы украшавших упорноугрюмо – когда увидишь уют усадьбы твоей бывшей, красного дома твоего, темного тогда, давно, – и светлого какого сейчас. Туда и едем мы; в сем веселоосвещенном возке везем мы тебя, рокового родственника нашего, на новоселье – нежно встретят тебя, тело твое тихое, образ, омегу твою – нежно поцелует Ра, Рахиль, принца своего позднего, Рейхсштадского ... – Рррейх – ррррхххх – ссссс – шшшттаддд – шумно дохнув, державно дохнув, разразилась разъяренно, взгремела громом своим белосверкающим снежная буря-бедовая; бурно бубнит она в дымный бубен, в небо дымносерое, белыми руками вихрей, взвившихся ввысь, и поет и подпевает и подыгрывает вновь в бубен бедовый и свистит вновь невеселый свой страстный свой свист: – ссссс – шттаддддд – тсссс... И опять ясный голос, грозно теперь, начинает нечто: полно петь прощальные твои заступания, заступница, – земля уж не в твоей власти – вольная весна уж внутри, уж веселит веселоогненно – уже тают снега – седина спадает с тела земли – весна! Молчи, мертвей! И стих стихии голос грозногогосящий, грозный иногда; меньше и меньше и меньше метя, смирилась метель, – мигая нежно, ни на нет сошла вдруг, внезапно, – тишина, тишина, тише.... тишь настала. <...>

Как из под земли красный дом вырос во тьме; встречает гостей горькоглухой песней прямой арфа золова на крыше, скррри-

пит флюгер филигранный: Пррр – иии – еее – хल्लीии...
Приехали, пожалуйста.⁷⁰

Начиная с 1916, в поэзии Чурилина все более очевидной становится ориентация на футуристическую поэтику, которая отчетливо выражена в опубликованной «полной поэме» «Кроткий катарсис» (1916)⁷¹. Поэтическое творчество этого периода должно было составить книгу стихов «Март-младенец», однако она так и не была издана, за исключением стихотворения «Укромный ужин. Из книги “Март-Младенец”», опубликованного в журнале «Московские мастера».

В мае 1916 писатель уехал из Москвы в Крым, где познакомился со своей будущей женой Б.И.Корвин-Каменской – художницей, ученицей К.Коровина. В Крыму, по всей вероятности, он был мобилизован в армию и прослужил до октября⁷². Тем не менее лето этого года стало плодотворным в творческом отношении: помимо поэтических текстов, где преобладали пейзажные мотивы, образы южной природы, часто исполненные в гиперболической стилистике, Чурилин написал повесть «Конец Кикапу»⁷³, посвященную Корвин-Каменской. Повесть представляла собой пародию одноименного стихотворения 1914 года, в основе которого лежал сюжет ритуальной подготовки героя к смерти, отсылающий к биографической драме пребывания Чурилина в лечебнице для душевнобольных:

Побрили Кикапу – в последний раз.

Помыли Кикапу – в последний раз.

С кровавою водою таз

И волосы, его.

Куда-с?

Ведь Вы сестра?

Побудьте с ним хоть до утра

А где же Ра?

Побудьте с ним хоть до утра

Вы, обе,

Пока он не в гробе.

Но их уж нет и стерли след прохожие у
двери.

Да, да, да, да, – их нет, поэт, – Елена, Ра и
Мери.

⁷⁰ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.49-51.

⁷¹ Ср. рецензию, в которой поэма охарактеризована как «техническое упражнение в поэтике на задачи В.Иванова, А.Белого, В.Хлебникова» (*Выготский Д.* Альманах муз // *Летопись.* 1916. №12. С.322-323).

⁷² См.: Книжка на получение обмундирования и жалованья солдата 12 роты, 2 взвода, 1 отделения Чурилина Т.В. – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.1.

⁷³ Отд. изд.: *Чурилин Т.* Конец Кикапу. М.: Лирень, 1918.

Скривился Кикапу: в последний раз.
Смеется Кикапу – в последний раз.
Возьмите же кровавый таз
– Ведь настезь обе двери.⁷⁴

Имя главного героя повести Кикапу заимствовано из рассказа-фельетона Эдгара По «Несколько слов о комнатной обстановке»⁷⁵, на что указывает один из эпитафов к ней⁷⁶. Однако прямой связи с образом воинственного племени североамериканских индейцев, появляющимся у По и в других произведениях, как кажется, нет⁷⁷. Тем не менее этот персонаж занимает значительное место в текстах поэта («Кикапу-поэта», как он называл себя впоследствии) и имеет множество коннотаций.

Кикапу – это и бессвязный старчески-детский лепет⁷⁸ и «заумный», смертоносный «клик»⁷⁹, и пародийный синоним смерти⁸⁰. Это и отсылающая к чурилинским мифам о детстве кличка «зеленобледного» попугая, привезенного аптекарем в медной клетке и задохнувшегося в «бешеном пиру» чурилинского трактира: «И засосало Кикапу, кров его холубую – заморскую россейское пекло – побрила Кикапу в последний раз матушка-смерть, искарежил ево гам – шум – крик – перестал он сам кричать, и в одну ночь слетел с жердочки на пол клетки – и задрал ножки кверху: помер попугай»⁸¹. Сохранился прозаический набросок, где автор описал некоего поэта, господина Ки-ка-пу, очевидно, наделяя его чертами собственной внешности: «...Господин Ки-ка-пу – проворный поэт. У него желтое длинное лицо, черные длинные волосы и кривые длинные пальцы <...>»⁸². Насколько важен был образ Кикапу для само-

⁷⁴ Весна после смерти. С.65.

⁷⁵ См.: По Э. Собр. соч. В 2 т. СПб.: Изд. Вестника Иностранной Литературы, 1913. Т.2. С.541-547. Судя по всему, Чурилин читал рассказ именно в этом издании; в другом название переведено как «Философия обстановки».

⁷⁶ Ср.: «Готтентоты и Кикапу по-своему очень хорошо устраиваются». – Там же.

⁷⁷ Так же назывался медленный танец, пользовавшийся популярностью в предреволюционные годы, – «печальный кикапу», по выражению А.Блока (см.: Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т.5. М., 1999. С.82).

⁷⁸ Ср. в драме «Последний визит»: «Няня <...> – Ножиньки... туфелёчки Тишаньки. Ручиньки... ки... ки... (захлебываясь, как ребенок) – кикапу – ки... ки... пупп...». – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.33. Л.61-62.

⁷⁹ Ср. из стихотворения «Во мнения» (1914): «Мой клик – Кикапу! На свою, на свою я повел бы тропу» (Весна после смерти. С.63).

⁸⁰ Ср.: «Тишка – кикапу – скакарукался у него хвор-корь краснейшая по телу расплескалась зернами кропами пурпурными». – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.13.

⁸¹ *Тяпкатань*. Ед.хр.39. Л.317 (Гл.7: Трактир анпир и трактир ванпир. Конеч Кикапу).

⁸² РНБ. Ф.1294. Ед.хр.14. Л.12. Отметим, что под аналогичным названием – «Ки-ка-пу» – в Петербурге в начале века выходил юмористический журнал.

идентификации автора, свидетельствует и то, что он иногда использовал это прозвище как эпистолярный псевдоним.

Повесть 1916 года, развивающая словотворчество ранней прозы, окончательно переводила «трагедию» лирического героя Чурилина в стилизованно-архаический план⁸³. Ее образы строились на синтезе элементов тюркской и египетской мифологии: в частности, обыгрывались, как и в раннем творчестве, архаические представления о Ра и жизни «двойников» человека после его смерти. Возможно, отдаленным прототипом подробно описанного ритуала «казни» Кикапу послужили тюркские погребальные обряды⁸⁴:

И там, в темнице, у щели над пропастью приготовили бритие
– брение сделали древнее: пену из пемзы, кила и воды; – остро-

⁸³ Можно предположить, что появляющиеся в повести образы «трех дев» («тронного триптиха»), совершающих ритуал над героем, помимо символического смысла, насыщены прототипическими подтекстами, что само по себе характерно для творчества Чурилина. Не исключено, что в облике «третьей девы» – «Лжемать, Лжедева, Лжедита», «моря Майя», «статуя, дева, палестр, дитя (ложь, море!)» – отразились черты М.И.Цветаевой. Отметим, что иногда прототип у Чурилина мог «приписываться» персонажу задним числом, что связано отчасти с использованием тех же героев в позднейших текстах, которые тем самым оказывались в ином биографическом контексте. Это сравнимо, например, с переадресацией стихотворных посвящений у различных поэтов. Возможно, именно этим можно объяснить полностью противоречащее хронологии свидетельство Т.И.Лещенко-Сухомлиной о прототипах стихотворения «Конец Кикапу»: Елена – «это Бронислава Иосифовна Корвин-Круковская (имеется в виду Корвин-Каменская. – Н.Я.) – жена Тихона Чурилина. Ра – бог Ра – это сам Т.Чурилин. Мэри – это Марина Цветаева, которая в ту пору совместной ранней их молодости очень была влюблена в Тихона. “Версты” посвящены ему – он в стихах о разбойнике» (*Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее. М., 1991. С.69). Отметим также, что образы «дев-мироносиц», сопутствующих мертвому Тихону в костюме Пьеро, появляются уже в драме «Последний визит» (1915), где под именем Ра выступает одна из героинь пьесы, «бывшая еврейская девушка – новобрачная», Роза Давыдовна (см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.33).

⁸⁴ Ср.: «Тело предавалось земле обыкновенно спустя несколько месяцев после смерти. Похороны сопровождались трехкратными торжествами, вырыванием волос и изрезанием лица и т. д.» (*Л.Ш-г.* Тюрки // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А.Брокгауз – И.А.Ефрон, 1902. Т.34. С.346). См. также позднейшую оценку повести Львом Аренсом: «Все древнерусское растворено в поэте. В его бальзамически-благонной полной повести “Конец Кикапу” исконники русские и тюркские спаяны воедино. Как будто мы у ее истоков евразийских. Непостижимая судьба так накрепко и властно сковала наш общий путь. Эта повесть полна прозрачного, словно этер, и тихоструйного лиризма, и в то же время в ней величие мудрой вечности» (*Аренс Л.* Слово о полку будетлянском. Тихон Чурилин (1928) / Публ. Е.Л.Аренса, примеч. А.Мирзаева // Хлебниковские чтения. СПб., 1991. С.142).

слепительная бритва опять блеснула блесной, – но для порядка, для убора в урну, – для последнего туалета.

Так готовились короновать Кикапу – воздвигнуть телу трон (тлену плен); готовились мыть, брить, брать; – и ждали жутко его белые (бедные) близкие <...> и никто не знал: *как* – знали: *что* – и все думали о разном золотом дне – об урожае из урны, о свете из смерти, о воскресении из весны после – после – после странной и страшной смерти – Светлааннаа!!! <...>

Но вот глухо прозвенел в золотомедном зное звук – ток, – точно телеграфная медленно ахнула струна, невидная, грозная, Герцова, – насторожился священник – и гортанноглухой, караимский, татарский ли, тюркский ли словозвук издал – приказание – и оставил покой Одн Инд, с ним и цирюльник тюркский и вдвоем вошли в парадные аппараты, где черный чулан хранил странные останки Кикапу. <...>

Кончено: Кикапу! – По ней поднимется последняя смерть, смерть без весны – воспоминания, воскресшей имитации.

По ней спустятся спутники: три, – двое, – одна; странный старик. По ней отойдут Одн Инд, и цирюльник, и музыканты.⁸⁵

Вместе с тем мотив воскресения приобретал все более широкий, символический смысл, а ряд фрагментов повести отсылал к новозаветным сюжетам.

В следующем прозаическом произведении 1917 года, повести «Агатовый Ага»⁸⁶, тема смерти получала новый поворот, выразившийся в мотивах освобождения «весны» от «ада»: «Ад есть смерть без надежного ожидания. Ад есть смерть без весны после смерти»; «Ведь весна после смерти есть рай – так взиграй же сааз-аз есмь жизнь, Воскрешение, – все то же немного – нежно иначе поныне»⁸⁷. В это время в творчестве писателя важное место занял мотив чала⁸⁸ – народного татарского ор-

⁸⁵ Конец Кикапу. С.7-8. Здесь и далее курсив автора.

⁸⁶ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.105-125 (далее – Агатовый Ага, с указанием листа). Фрагмент повести под названием «Агатовый Ага. (Отрывок о чале)» вместе со стихотворением «Печальный чал» (1917) и переводами Чурилина «Из татарских поэтов» (в действительности только из Чабан-Задэ) был опубликован в 1922 в благотворительном альманахе «Помощь». Там же были помещены рисунки Б.И.Корвин-Каменской «Из цикла “Голод”»: «Цыганка», «Дети – цветы жизни», «Бахчисарай».

⁸⁷ Там же. Л.108, 109.

⁸⁸ Ср. примечание к опубликованному фрагменту повести: «Чал – татарский оркестр из своеобразнейших инструментов: зурна, даул, кавал, скрипок, флейт и кларнетов. Чалом также называется самое действие, музыка, игра. Игроки чала – цыгане-татары. Лучший чал был в Бахчисарае под управлением дирижера и композитора скрипача Ашира (ныне умершего от голода). Ашир был всерос-

кестра (см. стихотворения «Печальный чал» (1917)⁸⁹, «Честный чал» (1918)⁹⁰) и синонимичный ему мотив дождя (в частности, стихотворение «Ождань дождя» (1918)⁹¹). Если в «Конце Кикапу» «оркестр» является только эмблемой экзотического (тюркского) мира и почти не участвует в действии, то в «Агатовом Ага» его звуки символизируют «выздоровление» и освобождение героя от смерти, что имеет отчетливый автобиографический подтекст и, вероятно, свидетельствует о преодолении в эти годы последствий больничного потрясения⁹².

Наряду со «страшными» стихами в лирике 1917–1918 годов ясно прозвучали «светлые» мотивы:

Меркурий машет на мост
Жезлом желтоватолиловым,
И лошади пробуют хвост
Султаном взвезть преново.

Природа преново лютит:
Взогрела – и резко замерзла –
Лель-лебедь в Лету летит
Но солнцу весело ерзать,

Лечить и чикать лучом,
Внедряться в дырявые души,
Сверлить, колоть каблучком
И дуть в одутлые души:

– Прохожий, прохожая, вещи –
Вещаю Вам вещь – изумруд,
Которая смерть оклеветает,
И смерти навек изомрут.

О чудо – чудь не безмолвна:
Толпится и бьется толпа,
Внимает и верит: – тропарь...
– Качаются яростно головы.

Лишь тусклых курток кожа
Блестит сквозь сон свинцом,

сийски известен и записан на граммафонных пластинках» (*Чурилин Т.* Агатовый Ага (Отрывок о чале) // Помощь (Симферополь). 1922. С.15).

⁸⁹ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.104.

⁹⁰ Там же. Л.103.

⁹¹ Там же. Л.145.

⁹² Ср. также позднейшее стихотворение «К спаду ада» (1920). – Там же. Л.160.

Но солнце с весенним венцом
Бессонно блещет тоже.⁹³

Немецкую интервенцию (апрель – ноябрь 1918) Чурилин пережил в Харькове. Возможно, там он познакомился с Григорием Петниковым и присоединился к группе «Лирень»⁹⁴, открыто ориентированной на словотворчество хлебниковского толка. За этот период у него уже складывается новая книга «Льву – Барс»⁹⁵, которая также осталась целиком неопубликованной. Из творческого наследия этого времени свет увидели лишь 14 стихотворений (все датируются 1918 годом), составившие «Вторую книгу стихов»⁹⁶, выпущенную издательством «Лирень» и посвященную Петникову. Рецензентами сборника отмечалось развитие в его творчестве футуристической поэтики⁹⁷: «Стихия Чурилина – слово, настигнутое поэтом в минуту, когда оно плавилось в глубине сознания, – нет знакомых суффиксов и флексий, вылушено ядро слова и вылушенным предстало оно, либо неизвестные нам суффиксы обросли корень, оттеняя резче образ, в нем заключенный»⁹⁸.

В стихах этого времени автор возвращается к образам ранней лирики. Во «Второй книге» снова появляется образ «возка» («Вывозка воза», апрель 1918)⁹⁹. Однако здесь макаберная картинка уступает место футуристической гиперболе – «выползающий волоком» воз с гробами:

Золотое голодное волокно –
Холодость, младость: благовест, воск.

⁹³ «Невероятная весна» (1918). – Там же. Л.130.

⁹⁴ О принадлежности Чурилина к группе см.: *Марков В.* История русского футуризма. СПб., 2000. С.247; ср. свидетельство самого Чурилина: «Участник: в 1918 – “Лирня” (Хлебников – Петников – Асеев), в 1920 – “Кузницы”, с 1924 – соратник Маяковского, Асеева, Мейерхольда» (см.: Автобиографическая справка).

⁹⁵ Стихи этого периода см.: РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15; Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.22.

⁹⁶ *Чурилин Т.* Вторая книга стихов. М., 1918 (далее – Вторая книга стихов).

⁹⁷ См., например, цикл «Предмарт». – РНБ. Ф.1294. Оп.1. Ед.хр.15. Л.98-102.

⁹⁸ *Ланн Е.* Тихон Чурилин. Вторая книга стихов // Камена (Харьков). 1919. Кн.2. С.29-30. В 1918 на творческом вечере Чурилина один из выступавших (профессор Ф.И.Шмит) рассматривал поэтическую генеалогию Чурилина как путь от импрессионизма (видимо, отсылая к кругу Н.Кульбина 1910-х) к кубофутуризму. Ср.: «Прекрасный популярный реферат, прослушанный с большим интересом, ввел слушателей в круг творчества импрессионистов вообще и Тихона Чурилина в частности» (*Эспри.* Вечер поэзии Тихона Чурилина // Вечер (Харьков). 1918. №6, 21(8) марта. С.4; перепеч.: *Крусанов А.* Русский авангард. Т.2. С.230-231). О Чурилине см. также: *Шмит Ф.И.* Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919. С.106). В 1918, возможно, без ведома автора, несколько ранее опубликованных стихотворений были помещены в сборник «Весенний салон поэтов» (М., 1918).

⁹⁹ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.139.

И вот, тово, – морок: волоком
Около выполз воз.
Заворачивай, старче черт!..
Короче, короче, коростовой: гроба!!
Черен
Воз, как кости там черные города.

А дороги, радогой родимец: грязязны.
А людищщи! рогаты, гроозны.
А мы сами, кормилец, – тлим же за ны.

И заныло, заскрипело, запело: хоро-
хорррры

И воз – и возец – и кости-городá: –
До горы – да горы!!!¹⁰⁰

В позднейших стихах «возок» приобретает все более реальные очертания, и этот сюжет свяжется с темой голода и войны. В стихотворении «От Севера» (1919) появится образ «красного воза», из которого «воздеты» детские ручки «суше костей»¹⁰¹. «Война», «голод», «мор» станут основными мотивами «страшных» стихов второго поэтического сборника (см. стихотворения «Бегство в туман», «Орган – хору», «Все невесте» и др.¹⁰²). Однако в завершающем книгу стихотворении «Песнь псов», которое вошло в не опубликованный полностью цикл «Песни о псах»¹⁰³, снова прозвучит мотив «молодой», т. е. спасительной «песни», на этот раз символизирующей революцию:

Под вои осени,
Под гром голода,
Забудем как утро русское молодо,
Заутро ужасом будем скошены.
Вот двое псов –
Воют по восемь часов в истошь
голосов.

Не поможет засов
От острых голодных басов.
– Два
Пса:
Косая,
Голован,

¹⁰⁰ Вторая книга стихов. С.11.

¹⁰¹ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.152. С посвящением Павлу Новицкому.

¹⁰² Вторая книга стихов. С.12-14.

¹⁰³ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.126-129.

их портреты, «футуристический» быт тех лет и взгляды поэта на литературу, в том числе на своих бывших «декадентских» кумиров:

Письмо это повезет Чурилин – помнишь этого черного Тихона, влюбленного в Марину? Вчера я была у него с Далею и Дм<итрием> (узнала от Айвазовской, что он тут) – застала его в комнатке сплошь увешанной футуристическими картинами, с некрасивой горбуньей, которую он представил: «Моя жена». Он не сразу узнал меня, но, когда я заговорила о Марине, о «вороненке» – он просиял (такой же, только оч<ень> похудел), а горбунья нахмурилась ревниво, и я стала говорить с ней, чтоб ее смягчить, и сказала, что он имел значение для Марины только художественное и оказал влияние на ее творчество¹⁰⁹. Она – художница-футуристка Будетлянская (Каменская), и, когда я стала рассматривать рисунки (это все ее), смягчилась совсем и упоенно заговорила о Гончаровой, о Крученых и т. д. У них висит огромное родословное древо футуристов (поэтов и художников), и Чурилин показал мне, где его место и где она. А я с жадностью припаала к книгам, лежащим на столе, взяла себе «Видение поэта» Гершензона, новую книгу Чурилина «Смерть Кикапу» и поэта Петникова, которого он считает гениальным и возлагает на него все будущее (Андр<ея> Белого считает кончившимся, Блока тоже – так что рад его смерти). Он читал нараспев этого поэта (много мычаний, брр... но есть красота и нежность), а сам не пишет уже целый год. Так они сидят среди книг и рисунков – два бедных футуриста – и голодают так же, как судакский библиотекарь.¹¹⁰

В крымский период Чурилин продолжал писать в рамках футуристической поэтики. Возможно, в это время он внутренне переадресует Льву Аренсу стихотворение 1918 года «Льву – Барс. Посвящение»¹¹¹, которое открывало «Вторую книгу стихов» и должно было, по первоначальному замыслу, дать название целой книге¹¹². Поэт обыгрывает имя Аренса

¹⁰⁹ Цветаева признавала влияние на себя раннего творчества Чурилина. В частности, в письме Б.Пастернаку она пишет о нем как о «единственном поэте за жизнь»: «Один раз только, когда я встретилась с Т.Чурилиным (“Весна после смерти”), у меня было это чувство: ручаюсь за завтра, – сорвалось! Безнадежно! Он замучил своего гения, выщипал ему перья из крыл. А Вы бережны?». Цит. по: *Цветаева М.* Неизданные письма. Paris, 1977. С.286.

¹¹⁰ Сестры Герцык. Письма. М., 2002. С.268.

¹¹¹ Отметим, что и статья Л.Аренса 1928 года, состоящая из коротких эссе о В.Хлебникове, Г.Петникове, Т.Чурилине, Божидаре, Н.Асееве, Б.Пастернаке, Вас. Каменском, посвящена Тихону Чурилину. См.: *Аренс Л.* Слово о полку будетлянском... С.138-148.

¹¹² Название «Льву – Барс», видимо, сохранялось до последнего момента, см. анонс «Лирень. Книгоиздательство. Каталог №9», опубли.: Конец Кикапу. С.33.

(Лев) в письмах этого времени и начинает использовать в обиходе и бытовой переписке звериные образы, играющие значительную роль и в его художественном творчестве. Животная символика, как и ряд метафор его ранней поэзии, в словотворческий период опредмечиваются.

Так, в «Конце Кикапу» «зверь» символизирует смерть («зверь-блед») и отчасти отождествляется с главным героем, именуемым в повести «лжезверем», «лжеутенком серым». В «Агатовом Ага» двойное содержание получает образ пса: это пес, стерегущий дворец Мустафы («диво», «агатовый сфинкс») и, с другой стороны, – пес – также символ смерти («блед-пес»). В упомянутом цикле «Песни о псах» (1918) описания животных становятся все более конкретны и натуралистичны (ср., например, изображение раздавленной собачки в стихотворении «Как лен», 1918¹¹³).

Образы пса, собаки и барса сохраняются в лирике вплоть до последних лет жизни поэта: «Ровни-Сравни» (с посвящением Брониславе), 1920¹¹⁴; «Пред морем мор» (с посвящением Софии Прегель), 1920¹¹⁵; «Адыгея», 1932¹¹⁶; «11 октября 1940» («Веду себя лечиться к деревьям...»), 1940¹¹⁷. Имеет свою историю и образ лани, восходящий к библейским преданиям и связанный у Чурилина с образами матери, богоматери, а в конечном счете отождествленный с фигурой жены¹¹⁸:

¹¹³ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.127.

¹¹⁴ Там же. Л.165.

¹¹⁵ Там же. Л.170.

¹¹⁶ Чурилин Т. Избранные стихи 1912–1936 гг. – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.7. Л.15.

¹¹⁷ Чурилин Т.В. Стишки 1940. – Там же. Ед.хр.13. Л.15.

¹¹⁸ В период наиболее тесного сотрудничества с Б.Корвин-Каменской и Л.Аренсом Чурилин составил небольшой рукописный сборник из трех стихотворений под названием «3<-я> книга стихов» как приложение к письму Брониславе Иосифовне с шутивным посвящением:

Списооок сей
Для дорогой Моей Единственноой
Матери Царицы Лани
сиречь
Девы Дивовечки
Послушайте
звук и душу Ваше Величество
Мое Единственное и Неповто
римое, во веки.

налаяно во время отсутствия
Вашего и скуки сущей.

И далее в письме:

Дорогая моя Матерь, Лана-Царица, Ваше Величество Единое, Дево Дивовечко Ваше Высочество – Душе и сердцу ТвоЕМУ <нрзб.> – нош-

«Музыка на пасху» (2 апреля 1918. Утро)¹¹⁹; «Ирисы, ибисы – и бесы себе» (1918)¹²⁰; «Рождество в Крыму» (с посвящением «Бронке», 1919)¹²¹; «К спаду ада» (1920)¹²².

Распределение животных «ролей» в переписке с женой сохранилось вплоть до 1938. Чурилин писал от имени «собаки», «пса», «барса»¹²³ и,

кам Вашим и шейке и ходу-топотку Вашему, Ваше Величество, Царица Лань; – и свету Виноград-очей и ласке, солнышко. Ваше Высочество Дево; – хошь не хошь верь – а тоска а грусть а одИнство окаянного Пса и Барса твоего, души и сердца, тела и Члена! всего, всего, всего, – всемь, всех, всемь волоскам и членам Царского тела Вашего-Твоего Дево! –

Кладу я
Пеессь и Баарсь
Тихонь.

(Письмо от 21 июля 1920, с припиской Л.Аренса
и приложением стихов. – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.6. Л.130-134).

¹¹⁹ Вторая книга стихов. С.6.

¹²⁰ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.15. Л.146.

¹²¹ Там же. Л.154.

¹²² Там же. Л.160.

¹²³ Ср. его письмо от 18 октября 1932 к Б.И.Корвин-Каменской, написанное от лица «собаки» и «барса» одновременно:

Хррр мрррр – хррр – гурррыхррр!
дорогая маман, дорррхррр
хозяйка моя, гррр!

Я, ваш паш, ваш Алискан, люпоющий вас всем хвостом, шерстью и выгннутой в вашей походнейшей постельке, шерстяной плотью, я из глубины моего пустоватого чрева, взываю: ррррадуйся, хррррр, гррррхх, хозяйка моя жжжена хозяйна моего и патрона, хрррргррр, ударника-чудака, поэта и кошконенавистника как и я, гррр хрррр, ибо я – кот, он же – же барс, тот же кот, только крупный, хррр, так и он ненавидит своих кошурых-барсях, а они его, хрррр-грррр – «любют»!!!! (как кошка купанье в речке, грррр, агрррр, врррр!!)

Дорррогая газел, лань и прочая коздрянь, панна Броня Станиславна Картин-Капельская – слушайте: мамчкя, вы там, ет, напрасно хорохоритес соотносительно нашево <нрзб.> комическово крррхррр-изиса! Ирисы ибисы и Юви везде! Совсем наоборот! Я один рас даже все моклоко, хррр грррр-грр, выпил: нотчевала тучка золотая, наш художник Слава, слава, слава! на хруди походнейшей постели – и тогда мы ели, ели, ели! Ели хррргррр, вермишели с маслом, ели люди мерзкие селедки – утром-ше художник в плаванье спустился и достал кувшин хрры, грррры, с молочным! И когда иво, ён, скяпитили, и студить поставили на окно, я туды всешейно забрался, пролил все – и вылакал все лужи! Как тоди я весь не обо...ался, бомбой вылетов в коришневые двери!

(бляп-стих а ла Луговскот <так!>)

Окромя моклока пию я воду и в пятиблютцевой мере: вчера хозяин пришел со свертком, свернул ему шею, и обнаружилось – фффутервроты

возможно, был в свое время посвящен в «кошачью-собачью» игру В.Маяковского и Л.Брик.

1920 год стал переломным в творчестве Чурилина. В это время он снова пережил поэтический кризис, возможно, связанный с сомнениями в способности футуризма стать новой литературой послевоенной России. На специально устроенном поэтическом вечере Чурилин демонстративно отказался от художественного творчества, «так как считал себя внутренне не созревшим для больших тем, которые выдвинула жизнь»¹²⁴. Однако от этого периода (1921–1922) все же сохранилось небольшое количество стихотворений, также исполненных в футури-

с, ет, как ево: востровкусный дырявный – и воняет Орешиновско-Сурковскими ногами! Хозяин, Барс мой, хрррр, грррр, скормил меня ломтем и дал, ет, как ево, соленого-твердого с желтоватой мордой, ена в пузе ластится, ена в кишках маслится, с хлебом очень вкусное, хррр, хррр, и отчень звкусное! <...>

(Там же. Ед.хр.29. Л.12-13).

¹²⁴ Письмо к А.Щербакову (1937). – Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.17 (далее – Письмо к Щербакову). Публичный «отказ от стихов» был для поэта художественно-пропагандистским жестом. Сам акт отказа, по всей видимости, повторялся на нескольких литературных вечерах. Так, корреспондент газеты «Красный Крым» приводит подробный отчет о таком вечере в 1922, цитируя реплики Чурилина:

– Чувствуете ли вы красоту действия, организованного слова? – спрашивает поэт и бросает в зал:

– Дон – басс.

Ошарашены, улыбаются дряблые физиономии, проносится нелепый смех. Это смеются те же самые, для которых «Весна после смерти» явилась откровением.

– Есть здесь рабочие, кузнецы? – спрашивает поэт, – чувствуете ли вы, что это звучит, как два удара молота?

– Верно, точно бьет колокол, – с уверенностью отвечает рабфаковец.

– Есть, больше ничего не нужно, – говорит поэт, забыв о тех, которых он называет дряблыми.

И в самом деле, больше ничего не было нужно. Поэт отверг всю свою прошлую поэтическую работу во имя современности. Он перестал быть поэтом, как его понимали в прошлом и многие понимают и сейчас. Ни «Весна после смерти», ни даже «Песнь» не нужны нашим дням.

Он заявил решительно, что он становится непосредственным деятелем жизни. И в этом все дело.

И вот в этом-то отказе от прошлого и таком ярком и смелом принятии настоящего – все общественное значение вечера. <...>

(<Б/н.> О вечере т. Чурилина //

Красный Крым. 1922. №180(510), 13 августа. С.3).

См. также программы вечеров с участием поэта. – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.8.

стической манере. Позднее, в 1932, Б.Пастернак интерпретировал этот отказ как «толстовскую» неудовлетворенность искусством вообще, знакомую только большому художнику: «Если ты чувствуешь, что это чепуха, что это плоды просвещения, тогда нужно все бросить, и на определенное время так люди бросают искусство, так, может быть, Нарбут бросил стихи, так поступил одно время Чурилин, – это вообще знакомо, этого только нет в серых посредственностях, <...> – они не знают, что художнику, настоящему, стыдно бывает, что он искусством занимается»¹²⁵.

Изменение взглядов писателя на литературу становится все более очевидным. В это время началось его сотрудничество в областной газете «Красный Крым», где он писал критические статьи, и активная общественная работа: руководил политкружками, литературными секциями, был представителем в Крымкубу от Общества писателей, живущих в Крыму. В 1922 Чурилин вступил в Ассоциацию революционных деятелей искусства (АРДИС), декларация которой – «искусство в производство» – была близка эстетике Пролеткульта¹²⁶. В анонсе того самого поэтического вечера, который потом с подробностями был описан в газете, корреспондент «Красного Крыма» сообщал:

В прошлом мы знаем о нем как о художнике формы, производственнике слова, примыкающем к левой группе «будетлянов».

В настоящее время он на наших глазах уходит из области «чистого» художественного и поэтического творчества и переходит в область непосредственного общественного деятеля <так!>. Поэт стал агитатором новых идей в искусстве.¹²⁷

В декабре 1922 Чурилин вернулся в Москву и активно включился в окололитературную жизнь. Он познакомился и сблизился с Асеевым, Бриком, испытал на себе сильное влияние личности Маяковского – именно эти события занимают значительное место в его литературных воспоминаниях¹²⁸. Тем не менее в это время он по-прежнему сознательно старался избегать художественного творчества и в 1923–1926 работал главным образом в критико-библиографическом жанре. Основной

¹²⁵ Из стенограммы выступления Б.Л.Пастернака на 13-м «литдекаднике ФОСП» 6 и 13 апреля 1932; цит. по: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. С.63–64.

¹²⁶ Устав и программу организации см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.12.

¹²⁷ *Шиваров.* О Тихоне Чурилине // Красный Крым. 1922. №174 (504), 6 августа. С.3.

¹²⁸ В наброске о Я.М.Лебедеве Чурилин вскользь упоминает, как его встретили в Москве: «Я вернулся коммунистом и узнал, что Я.М.Лебедев – член организации РКП(б). И встреча с ним была еще более радостной, ибо многие из т<ак> н<азываемых> друзей по поэзии от меня отказались» (О друге, товарище, поэте).

пафос его статей, часто выходивших под криптонимами «Ч.», «Т.Ч.»¹²⁹, был направлен против традиции русского декадентства в послереволюционной литературе («русский лжеимпрессионизм»)¹³⁰. Их идейные установки близки социологической критике и перекликаются с эстетикой Пролеткульта¹³¹. Кроме того, в это время он обращается к поэтическому переводу¹³², фольклорным стилизациям¹³³, а в 1926 по заказу Театра Революции пишет политическую («антисменовеховскую») пьесу «Здорово, Цезари!»¹³⁴. Пьеса («социальная хроника нашего сегодняшнего дня») была написана в авангардной эстетике первых лет советской власти и предполагала использование разнообразных технических трюков при постановке. Враги революции, живущие в Парижске (Париж), Гарбинске (Харбин) и Деревенске, изображались в гротескной форме, с элементами буффонады. Постановка пьесы не состоялась, и автор по-

¹²⁹ В 1923–1924 Чурилин регулярно сотрудничает с журналом «Книгоноша», где печатает рецензии на современную русскую и переводную литературу, а также журнальные обзоры. В частности, им прорецензированы: «Мизгирь» Л.Зилова, «Тринадцать трубок» И.Эренбурга, «Цветы под огнем» М.Герасимова (Книгоноша. 1923. №8-9, 21 июля. С.13, 15); «Море зовет» Новикова-Прибоя (Там же. №10, 28 июля, С.7); «Пустырь» К.Федина (Там же. №11, 7 августа. С.6); «Рванный барин» И.Шмелева (Там же. №13, 25 августа. С.7); «Юмористические рассказы» М.Зощенко (Там же. №17, 22 сентября. С.6); статья О.Мандельштама «Армия поэтов» (Там же. №27, 1 декабря. С.8); «Материалы к роману» Б.Пильняка, «Дикое сердце» Артема Веселого, «Конармия» И.Бабеля (1924. №13(44), 29 марта. С.9); «ленинский» номер «ЛЕФа» (Там же. №21(52), 31 мая. С.4). Его рецензии на текущую беллетристику появлялись также в журналах «Спутник коммуниста», «Коммунист», «Народный учитель» и других, газетах «Известия ВЦИК», «Красная Карелия» (см., например: Чурилин Т. Современная русская беллетристика. Овражин – Артем Веселый // Красная Карелия. 1924. №191, 2 августа), «Наша газета», «Советская Сибирь», «Терек».

¹³⁰ Литературные течения и группировки начала века получили оценку в цикле статей Чурилина «Будем изучать русскую художественную литературу» (На вахте. 1924. №1-4).

¹³¹ Статья Чурилина «Тугие дела на литературном фронте» была помещена в «Альманахе Пролеткульта» (М., 1925).

¹³² Ряд поэтических переводов был опубликован в сб.: Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии / Под ред. Г.Петникова. Харьков, 1926.

¹³³ См.: Песни крымских татар (2 сборника, 24 песни). <Б/м.:> Музсектор, 1925. Сведения об этом труднодоступном издании, упоминаемом Чурилиным, см.: Основные произведения М.И.Красева // Рацкая Ц. Михаил Красев. М., 1957. С.93. Сборник положительно упоминается в обзоре новинок: «прекрасный по текстам (Чурилин)» (см.: Бугославский С. Новое в современной музыке // Известия ВЦИК. 1926. №53(2684), 5 марта. С.5).

¹³⁴ См.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.36. См. объявления о постановке: Наша газета. 1926. №170; Вечерняя Москва. 1926. №267, 18 ноября.

дал на театр в суд¹³⁵. П.И.Новицкий, заведующий отделом Наркомпро-са, пытаясь отстоять пьесу, писал о ней в пространном отзыве:

Пьеса Т.Чурилина <...> представляет из себя чрезвычайно интересную попытку дать образец кино-спектакля. <...> Он широко применяет к своей пьесе средства кино, радио и даже цирк. Эпизоды разворачиваются стремительно и интересно. <...> Следует еще отметить прекрасное использование газетного и журнального литературного монтажа и идеологическое воодушевление, <с> каким пьеса написана.¹³⁶

В 1927 происходит новый рецидив болезни, и Чурилин попадает в Донскую больницу Москвы. «В это время, – писал он позднее, – здоровье мое было сильно подорвано 2 тифами, цингой, перенесенной мною в Крыму, и я заболел тяжелым психическим недугом, державшим меня 4 года в психиатрической клинике»¹³⁷. П.И.Новицкий во время болезни Чурилина безуспешно пытался издать сборник его стихов, куда предполагалось включить избранные произведения 1912–1920 годов.

За годы болезни произошли кардинальные изменения в литературной ситуации, затронувшие близкое окружение поэта: кризис и развал ЛЕФа, разгром формальной школы, самоубийство Маяковского, во что, будучи в тяжелом состоянии, Чурилин отказывался поверить. Вероятно, имел для него большое значение и процесс против Замятина (август 1929), за судьбой которого он следил с юности. Но тем не менее, выйдя из больницы, Чурилин не только вернулся к профессиональному редакторскому труду (работал стилистом в «Литературной газете», редактором переводческого отдела в Главлите), но и испытал новый творческий подъем после 12-летнего молчания (этот срок указывал не раз сам писатель). Первая его публикация после болезни – переработки фольклорных песен – сопровождалась статьей Н.Асеева, приветствовавшего возвращение поэта в литературу¹³⁸. В песнях Чурилин отчасти вернулся и к языковым играм, что выделяло его «народные» стилизации из общего потока фольклорной продукции, особенно бурно расцветшей после 1935 года¹³⁹. В основе чурилинских песен начала 1930-х лежали сюжеты

¹³⁵ Судебные материалы весны 1927 года см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.36.

¹³⁶ Там же. Л.92.

¹³⁷ Письмо к Щербакову. Ср. также еще одно автосвидетельство: «В 1928 году получил Персональную пенсию Республики как инвалид гражданской войны и подполья и за литературные заслуги». – Автобиографическая справка. Л.3-4.

¹³⁸ См.: Асеев Н. Песни Т.Чурилина // Литературная газета. 1932. №15 (184), 29 марта. Тексты Чурилина вошли в сб.: Стихи и песни. М.: ГИХЛ, 1932.

¹³⁹ В это время, по замечанию исследователя, «публикации фольклорных текстов <...> стали наводнять центральную прессу. <...> Преподнесенные как

народного бунта и революции¹⁴⁰ – темы, близкие футуризму. В поэзии этого времени преобладали плясовые мотивы, имитация просторечия и диалектов:

ТРЕПАК

комаринско-болотинский пляс

Аххх, чуда-чудак, болотинский мужик
Заголя грудя по улице бежит,
– Жжик, жжик, жжи, жжи –
Ай да да-да, держи-ии!

—
Он бежит, д"¹⁴¹ бежит, приговаривает
Сам с собой, да с собой разговаривает
— Чумовой.
Чу, где ум твой?
Дддомовой!!!

—
На груди, д на грудях ах и знак!
На груди кляшня: от так-так!!
А сам красный, что рак
А сам выпить не дурак
А сам бурый буерак!

—
Ну уж имя ему: Кась – ян!
В бороде у его – из"ян!
– Пьян, пьян, пьян, пьян
Он собою – облиз"ян!

—
Рррыжий
Кожух в жиже
Башка – ниже.
Ноги, ноги земчуг нижут
По чернявой по земле
Да в тумане, д в мгл-еее!
Эхх! Грееехх! – грех плясать, грех и мясо жрать.
– Ведь март, ведь великий поост!

творения безымянных ашугов и акынов <...>, эти подделки имели единственной своей темой воспевание Сталина и достижений “колхозной жизни”» (*Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. С.265).

¹⁴⁰ Ср. песни «Испанская», «Негритянская», «Песня Салавата», вошедшие в сборник «Стихи и песни».

¹⁴¹ Авторский знак, два апострофа.

Иии-и-ээээх! просто смехх! ну чего от него
и ждатель!

Роспушилась борода, что кобылий хвост.

– Д"ддай!

Д"эдак-так.

Обрыдай

Жистю – в скорби в знак.

Эхх, мужик, мужик болотинский чуддак

Эдак-дак!

Эй, холоп-холоп-болярину ты раб,

В Гашнике – дыра – а' б'

—
Ддай!

Дай!

Д"даром, что пост, пускай и март

Пусть в церквах к намм, к намм – арь-ты!

—
Пусть попы клянут, пусть бояры секут,

Скоро всем им – каюк!

Каюк, д"каюк,

Уэээ, да розог пуук!

—
Ах чудак, чудак, болотинский мужик,

Заголя свой зад по слободам бежит

Д"приговаривает

Д"

Разговаривает!

Ай все в дым, все в прах, все трын-трава!

Лишь бы в шапке, лишь бы в шапке не

клонилась голова!..¹⁴²

Осенью по заданию Наркомпроса вместе с М.Гнесиным и Б.Корвин-Каменской Чурилин уехал в «музыкально-этнографическую экспедицию» в Адыгейскую автономную область для написания либретто оперы «Адыгея»¹⁴³.

¹⁴² Чурилин Т. Избранные стихи 1912–1936 гг. – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.7. Л.19.

¹⁴³ Командировочное удостоверение см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.3; справка Облсполкома о прибытии см.: Там же. Оп.3. Ед.хр.25. Результатом экспедиции являлась пьеса «Адыгея» (Там же. Оп.1. Ед.хр.37) и цикл «Песни Адыгейских племен» (РНБ. Ф.1294. Оп.1. Ед.хр.7. Л.14-16), последний частично публиковался.

Поэтическое творчество 1931–1932 составило сборник «Жар-Жизнь»¹⁴⁴, который должен был стать новой литературной манифестацией Чурилина после поэтического кризиса 1920-х. По внутреннему замыслу автора, сборник был противопоставлен «Весне после смерти»: «по тематике этой 4-й книги идет жизнь – борьба – строительство, оттого я решил ее назвать: – “Да, это жизнь!”»¹⁴⁵. Первоначальный вариант заглавия принадлежал А.И.Цветаеву¹⁴⁶. Однако метафоры жара-жарыжира присутствовали в раннем чурилинском творчестве, но были связаны не столько с образами «жизни», как позднее, сколько с мотивами болезни и смерти (см. стихотворение «Бегство в туман» (1918); повесть «Агатовый Ага» и повторенные из нее образы в стихотворении «К спадущему аду» и др.).

В этом смысле характерна еще одна авторская интерпретация названия и концепции сборника:

*Жар – жизнь – это не жар
болезни, инфекции, а ЖАР калорийный.
Калории дают тепло. Тепло держит –
тело. Тело вмещает и выделяет жар-жизнь.*¹⁴⁷

Сборник был принят к печати в 1932 издательством «Советская литература», но вскоре запрещен Главлитом, что сам Чурилин объяснял скрытой борьбой против него бывших «рапповцев», в первую очередь А.Фадеева. Тем не менее, «по настоянию А.С.Бубнова запрещение было снято, и книга набрана»¹⁴⁸. Однако через некоторое время, после кампании по слиянию и централизации издательств, набор был рассыпан, и сборник в конце концов окончательно законсервирован¹⁴⁹.

Параллельно завязавшиеся отношения Чурилина с «Музгизом» привели к такому же результату: первоначально предполагавшееся издание

¹⁴⁴ См.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.24; Оп.2. Ед.хр.4.

¹⁴⁵ Из недатированного черновика письма к М.Горькому с просьбой о предисловии. – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.18.

¹⁴⁶ Об этом упоминает сам автор в том же письме. Кроме того, в письме приводится устный отзыв Горького на первую книгу стихов писателя:

Вы сказали К<ожебати>ну ваше мнение: «автор талантлив, своеобразен, имеет свое лицо – но тематика его (смерть) <нрзб.> безвыходность не дело талантливых людей. Вот если б Ч<урилин> написал о жизни да по жизненному».

(Там же).

¹⁴⁷ Возможно, фрагмент предисловия (машинопись, лист оборван). – Там же. Ед.хр.14. Л.9.

¹⁴⁸ См.: Письмо к Щербакову.

¹⁴⁹ Копии ответов Чурилину из издательств см.: Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.30.

положенных на музыку фольклорных обработок писателя (композиторы Л.Шварц, Ю.Л.Вейсберг) было приостановлено¹⁵⁰.

Оптимистический период, связанный для Чурилина с надеждами на новую жизнь в литературе, постепенно завершался. В стихах настойчиво зазвучал прежний мотив «мертвеца», бродящего среди людей:

Что ты ходишь, человек,
Что ты входишь, человек,
Оборванный, грязный, жолтый,
Чуть-чуть высунув язык?
Или серый жизни жорнов
Стер тебя, твой прежний зык?
Что согнулся, человек?
Что ты шепчешь, человек?
Что ты хочешь, человек?

Я хожу, как дождь стучу,
Я, как дряхлый гром шепчу,
Я, как стара¹⁵¹ – то хочу,
Что неведомо даже чорту!
Жолты щеки, рябы: дробь.
И сертук мой жирный, черный.
Весь, точь-в-точь, еврейский гроб.
– Я прошедший человек.
Я бродящий человек.
Я хотящий человек!¹⁵²

В начале 1930-х писатель приступает к работе над «Тяпкатанью», которая продолжалась до последних лет жизни. Роман, вслед за пьесой «Здорово, Цезари!», стал новой попыткой в создании экспериментальной хроники¹⁵³. «Тяпкатань» написана в стиле мемуарного гротеска и охватывает события лебедянской жизни автора. В романе, как и в поэзии этого времени, не только воспроизводится живая (индивидуальная) речь героев (реальных жителей Лебедяни), но и все повествование в

¹⁵⁰ См. письмо из концертной редакции Музгиза к Ю.Л.Вейсберг. – ГИИИ. Ф.28. Ед.хр.9.

¹⁵¹ стара – мать, старуха, украинское. (Примеч. автора.)

¹⁵² Ода прошедшему человеку. Памяти исчезающего птеродиактиля от РХ 1600–1917 гг. (1933). – РНБ. Ф.1294. Ед. хр.7. Л.4. В подзаголовке обыгрываются слова «птеродактиль», «дидакт» и «дактиль». Опубликовано с разночтениями по тому же автографу: Футурум АРТ.

¹⁵³ В обширных черновиках сохранились различные варианты авторских названий жанра: «российская комедия (хроника одного города и его народа)», «новосоциальная хроника одного города, быта и бытия, определившего его гибель», «полунемая драма, озвученная песнью» и т. д.

целом строится на имитации местного диалекта. «Тяпкатань» насыщена разнообразными словесными играми, каламбурами, обценной лексикой. В текст вкрапляются графические изображения «тяпкатанских вывесок»: «Протоирей Клавдий Иванович Сомятин», «Во дворе злые собаки», «Отхожево здесь нет», «Здесь продаются и заказываются просфоры». Изображаются в тексте и другие бытовые реалии: заказное письмо, адресованное Еней Сомятиным (Е.Замятин) Патерине Ивановне Лакакиной (Екатерина Ивановна Ламакина, кузина Чурилина), ременная пряжка гимназистов с литерами «ТПГ» («Тресни Пузо Гимназиста»), счет из «чурилинского кабака» и т. п.

Все это свидетельствует о близости писателя к лефовской эстетике документализма. Отметим, что статьи идеологов «Литературы факта» вышли отдельным сборником в 1929, незадолго до начала работы Чурилина над «Тяпкатанью». В романе заметно сильное влияние орнаментального стиля, популярного в начале двадцатых годов и развивающего традиции прозы А.Белого, А.Ремизова и Е.Замятин. В главе «Еня Сомятин», построенной на сочетании детального биографического подтекста и гротескной стилистики изображения, описывается лебедянский быт и портреты семьи Замятиных. Спустя много лет это стало своеобразным ответом замятинскому «Уездному»:

Еня Сомятин, сын тяпкатанского Задонского попа, отца Клавдия Сомятина, законоучителя проемназического, дженьтельмена и красавца и академика со знаком. Еня Сомятин был мальчик во отца. Отец был видом как исусхристос. А сестрица Ени напоминала изячное поминанье в белом бархате, где только и было: о здравии.

А мать его и ея представляла из себя Прекрасную даму: незнакомку Александексаныча господина Блокова, поэта и драмодурха.

– Граждане Тяпкатани, ученики и ученицы всех учебных заведений наших, не забудьте отпраздновать праздник первого мая, который будет происходить в воскресенье – тем, что, во первых, не ходите вы в церкви, ни к ранней, ни к поздней – ну их, эти обедни, к черту и ляду! – а соберитесь вы в *Кузнецком лесу* на нашу массовку, и будем петь там наши революционные быстрые песни, во славу молодости и золотости наших прекрасных дней. Во вторых – помните, что и заграницей давно уже безпрепятственно – чудно справляют праздник первого мая.

Рабочие и юное племя всех стран – демонстрацией и процессиями с музыкой и знаменами алого цвета. В борьбе обретете вы право свое! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Анархия – мать порядка. Боевая Организация П.С.Р. Падком РСДРП. Бюро Анархистов Коммунистов Тяпкатанских Революционных Организаций.

Отречемся от старого мира! Да здравствует революция! Да здравствует борьба с гнусным абсолютизмом и самодержавием царей! Долой полицию и министерство вдудел.

Прокламацию эту составил молодой подпольщик Еня Сомятин вместе с Оней Толстяковым, Ваней Федюньчиковым и Вакаровым Сергуней – все те три отрока из Стрельцов. А учил их по первому снегу, первоуптку, – студент Чудилин Сергей. <...>

– Отец Клавдий! – Почему ты сегодня хмурый и не пьешь ничего и опять натошак куришь? Клавди-ий? Кла-а...

– Оставь, мать. Евге-ний! – Что, папа? – Ктоо составил эту мерр-зо-сть?! вот эту дрянную бумаженку? – Почем мне знать, отец? Что ты меня спрашиваешь, почему? – Не лги!! это из нашей прогимназии положили в историю церкви, да еще с закладкой пуррпуррррного цвету! <...> – Кто, отец, положи тебе, спрашиваю и я тебя? – Идивооон! – Хлоп, стук, бряк, бак – отец Клавди-й!!! Атец Клаввди-ий!!! Мать Дульцене-я и мать Гракха, ха! вот плюну я на вассс, да вввыдиру я Еньку кнутищем, да и тебе хвост отожду, потатчица, тьфу. Хлоп, стук, бряк, бац.

– Гоосподи Клавв, клаа, ха, ха, гага, га, аа!! – Гау, гау, гау вввв ааааа ууу – со двора пес Кабздох Великий. – чччи, чук, чук, чук, прррррр... Кенарь со окна.¹⁵⁴

Вторая половина 1930-х – время интенсивной работы над романом – прошла под знаком крайней нищеты и болезней Чурилина и его жены:

1934 и 1935 гг. были для меня годами самой тяжелой нужды, мне приходилось работать над своей книгой в нетопленной комнате без света, так как электричество было выключено за неплатеж.

Все же, несмотря на голод и нищету, я написал 20 листов художественной прозы, которую слышали и оценили Вс. Иванов, Тренев, Шкловский, Благой, Сельвинский, Ионов и др.¹⁵⁵ И все же двери редакций оставались закрытыми, и для меня, человека трудоспособного, полного сил, энергии и желания работать, нет места в литературе, нет места в жизни.¹⁵⁶

¹⁵⁴ Тяпкатань. Ед.хр.40. Л.97-99.

¹⁵⁵ Не имея возможности опубликовать «Тяпкатань», Чурилин устраивал домашние чтения, куда приглашал известных писателей (см. об этом в его письме К.А.Треневу. – РГАЛИ. Ф.1398. Оп.2. Ед.хр.529). После возвращения к литературной жизни организация чтений и творческих вечеров становится частью его деятельности. См. также письмо к В.Э.Мейрхольду от 11 января 1933 по поводу чествования в связи с 25-летием творчества. – Там же. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2600; пригласительный билет на литературно-музыкальный вечер, посвященный творчеству Чурилина. – Там же. Ф.1222. Оп.3. Ед.хр.21.

¹⁵⁶ См.: Письмо к Щербакову.

Вступление в 1934 в Союз писателей ненадолго улучшило отношения Чурилина с издательствами: в апреле 1935 Музгиз заключил договор на издание сборника «6 песен народов СССР»¹⁵⁷, а в план «Советского писателя» была введена вновь книга «Жар-жизнь»¹⁵⁸. Очередной крах этих планов, навязчиво объяснявшийся Чурилиным как следствие «подпольной» «вредительской деятельности» «наиболее демагогических элементов РАППа», заставил его обратиться с отчаянными письмами в «Советский писатель», к депутатам Верховного Совета А.Щербакову и В.Василевской, секретарю Президиума Союза писателей Д.Поликарпову; а Корвин-Каменскую – «тайно» «написать письмо Сталину с просьбой о защите и помощи»¹⁵⁹. Несмотря на череду неудач, Чурилин продолжал много писать. От этого периода сохранилось несколько рукописных поэтических книг¹⁶⁰. В этих стихах видны безуспешные попытки автора выработать приемы «прямого», «незатейливого» разговора, характерные для советской лирики тех лет. В его поэтическом творчестве все более заметно становится приближение кризиса. Черновую записку некрологического жанра, которую Чурилин набросал под впечатлением от смерти «великого ашуга» Сулеймана Стальского, он завершает авторефлексией на тему собственного места в литературе:

24 ноября <19>37 год
утро

Вчера умер Сулейман Стальский;
Вероятно,
Скоро умрет Джамбул –
Самые поэтические фигуры
мировой поэзии со времен
<нрзб.>
Эти два старика охраняли
молодость поэзии.
Пока ашуги импровизируют
свои песни,
поэзия
остается молодой,
как во времена Гомера
<...>

¹⁵⁷ См.: Договоры Чурилина с Музгизом. – Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.27.

¹⁵⁸ См. письмо Чурилина к Ю.Л.Вейсбергу от 23 декабря 1935. – ГИИИ. Ф.28. Ед.хр.23.

¹⁵⁹ См. письма Чурилина и «срочное заявление» в групповой комитет издательства «Советский писатель» с просьбой дать оценку его произведений и оказать поддержку в их издании. – Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.17.

¹⁶⁰ См.: Там же. Оп.1. Ед.хр.25, 26; РНБ. Ф.1294. Оп.1. Ед.хр.10.

Когда умрет последний ашуг,
поэзия
почувствует
свой
тысячелетний возраст.

Искусственность ее формы
станет явной всем
и возмутит искренних людей,
Она покажется нелепой,
как сказка.
Ее оставят, в конце концов.
Одряхлевшая,
она никому не будет нужна.
Как оранжерейную орхидею
ее будут лелеять
немногие чудаки,
любители экзотики,
манерности и безвкусия,
но – не народ:
Будущее народов принадлежит прозе.
Я люблю язык <?>
простой
как шелест <?>
Но пишу, как истерик <?>
Довольно.
Больше не могу себя терпеть.
Даже при моем равнодушии
к себе.
Я могу высекать фразы,
похожие на барельефы,
и не хочу унижаться расплыв-
чатыми формулами.

Надеюсь,
еще пока надеюсь,
правда, слабо, но все-таки,
мое время
большое,
неисчерпаемое
придет и возьмет меня за
руку.
И я не буду <нрзб.>
презирать себя.

Не буду.
Она шумит мимо,
Я вечно опаздываю на нее,
потому что всегда думаю
о другом,
всегда о другом,
я,
мечтатель, что ли,
или человек раздавленный ее
тяжелой походкой,
такую же тяжелой,
как мое,
ставшее обычным,
равнодушие,
о, нет,
не к жизни,
шелестящей заботами надо
мною,
над землей,
в мировом, блестящем прост-
ранстве,
а к себе,
и только к себе.
Писать,
Рисовать, –
да, – даже рисовать! –
действовать.
О!
писать!
Как бы я мог писать!

днями,
месяцами,
годами,
столетиями
не отрываясь от бумаги и
карандаша.
без еды.
без людей.
без – воздуха.
Но
я не умею отдаваться не весь,
а весь
я не могу ничему отдаться.

и, – очевидно –
ни черта,
ни черта не выйдет – из моей жизни.
Оно идет мелкими дозами,
стало увертливым и бесследным.
Ничего,
Ничего не сделано,
и,
что хуже всего,
кажется, не будет сделано.
Почему?
Тысячи причин,
неуловимых
малозначительных как будто,
но таких нерушимых,
и, – неужели? –
окончательных,
их не рассказать,
ни <так!> устранить,
их нельзя не принять во внимание,
или
обойтись без них.
А между тем
я полон, до краев, сверх краев
полон, полон, полон, полон,
полон энергией.¹⁶¹

Поездку Чурилина осенью 1937 в составе фольклорной экспедиции в Архангельскую область, описанную им в эссе «На Север за фольклором»¹⁶², видимо, можно рассматривать как материальную помощь от Союза писателей¹⁶³.

Вероятно, в это же время он познакомился с Е.С.Гуль, в доме которой, по всей видимости, жил во время экспедиции. Их роман продолжался 6 лет и стал значительным событием последнего десятилетия жизни Чурилина. С этого времени и до 1941, когда писатель окончательно вернулся в Москву, он часто бывал в Подосиновце-Чуприяново под Архангельском, где жила Е.С.Гуль с дочерью, а затем недолгое

¹⁶¹ РНБ. Ф.1294. Ед.хр.6. Л.96-101.

¹⁶² Там же. Ф.1222. Оп.2. Ед.хр.17; см. также материалы, собранные Чурилыным: Там же. Ед.хр.21-23.

¹⁶³ Трудовое соглашение с фольклорной секцией Союза Писателей см.: РГАЛИ. Ф.631. Оп.19. Ед.хр.27; см. также: Стенограмма заседания фольклорной секции. Отчет о поездке Чурилина от 4 июня 1938 г. – Там же. Ед.хр.35.

время в Калуге, куда она приезжала. Б.И.Корвин-Каменская была посвящена как в эти отношения, так и в их переписку. Этот треугольник, возможно, имел все тот же отдаленный прототип в культуре 1920-х – знаменитый союз Бриков и Маяковского.

Летом 1939 на заседании Президиума Союза писателей Чурилину было отказано в дальнейшей помощи Литфонда¹⁶⁴. Это решение руководства Союза (Фадеев, Павленко, Лебедев-Кумач) опротестовала группа литераторов и ученых – Н.Н.Асеев, Ю.Н.Тынянов, В.Б.Шкловский, близких в прошлом к футуризму, и присоединившийся к ним Н.С.Тихонов. Коллективное письмо в «Правду» сыграло свою роль в возобновлении хлопот по изданию сборника «Жар-Жизнь»¹⁶⁵. Но только после повторного обращения летом 1940 года к зам. председателя Совнаркома А.Я.Вышинскому с ходатайством о материальной поддержке Чурилина и издании отдельного собрания его сочинений¹⁶⁶ наконец вышел маленький сборник, объединивший поэзию 1912–1939 годов, с посвящением Б.И.Корвин-Каменской¹⁶⁷.

Однако сборник так и не дошел до широкого читателя, судя по всему он не поступал в продажу¹⁶⁸. В журнале «Ленинград» появилась разгромная статья критика А.Л.Дымшица, нанеся очередную удар по Чурилину. Его творчество, по выражению автора статьи, «отравленное тлетворным дыханием декадентства», характеризовалось в традициях одиозной советской печати как «юродствующее пасквилянство» и «графоманство»¹⁶⁹.

Писатель продолжал защищаться, снова отсылая отчаянные письма к председателю Ленинградского отделения Союза писателей Н.С.Тихо-

¹⁶⁴ См.: Шин А. Очиститься от приживальщиков литературы. Вопросы Литфонда в Президиуме Союза Писателей // Вечерняя Москва. 1939. №160, 15 июля.

¹⁶⁵ См. недатированное письмо (1940–1941?) Чурилина к депутату Верховного Совета В.Василевской с просьбой о содействии в продвижении книги. – Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.17.

¹⁶⁶ См. коллективное письмо. – РГАЛИ. Ф.1334. Оп.1. Ед.хр.1249; копия с пометами М.Ф.Гнесина. – Там же. Ф.2954. Оп.1. Ед.хр.288.

¹⁶⁷ Стихи Тихона Чурилина. М.: Советский писатель, 1940.

¹⁶⁸ Ср. письмо Т.Чурилина Л.Аренсу от 7 апреля 1944:

...после очередной, но самой большой катастрофы с книгой стихов, к<о>т<о>р<а> была *напечатана* <во всем?> *тираже*, пройдя Главлит на сверхотлично и еще 2 *раза* – план ЦК ВКП(б) – и не вышла в свет, хотя оставлена в б<иблите>ке Ленина, нашей (и, кажется, и в Ленинградской), где спокойно выдается в читальный зал, да еще, как слышали, отправлена в Британский музей по конвенции в Лондон!! (посвящена Бронке, и ее чудненькая, хоть подмоченная в печати обложка!).

(Цит. по: Сумерки. 1990. №10+1. С.31-32).

¹⁶⁹ Дымшиц А. Перепутаница // Ленинград. 1941. №1. С.22-23.

нову¹⁷⁰, в секцию художественной литературы при ЦК ВКП(б)¹⁷¹. Получив наконец денежное пособие в 300 рублей, он писал А.М.Еголину:

Мне пришлось, преодолев отвращение, взять это подавание – я купил лекарства и питание больно до сих пор плевритом моей жене, купил дров.¹⁷²

Ясно понимая доносительный характер статьи Дымшица и уже не надеясь на поддержку, Чурилин составил список собственных книг и рукописей, «передаваемых на хранение в архив НКВД»¹⁷³, видимо, ожидая ареста. Однако в марте 1941 снова забрезжила надежда: при содействии К.А.Тренева¹⁷⁴ он получил заказ на новую книгу и уехал в Калугу для разбора архива К.Э.Циолковского. План будущей книги «Гражданин Вселенной» был одобрен Союзом писателей¹⁷⁵.

Жанр «Гражданина Вселенной», как и в случае с «Тяпкатанью», в процессе работы постоянно корректировался: «произведение», «новоисторическая повесть», «исторический роман», «история одной замечательной жизни». Написать «историю» становится основной идеей последнего этапа творчества Чурилина, будь то история города, собственной жизни или биография Циолковского. Герой новой книги Константин Циолковский во многом был близок самому автору и вместе с тем отдаленно напоминал образ Хлебникова, созданный в его мемуарах незадолго до того. Чурилин рисует портрет гениального чудака, покорителя космоса, ученого-самоучки, утописта-мечтателя:

...ведь люди, человеки – это хозяева вселенной, космоса, это будущие хозяева всех планет и всех солнц. Звездоплователи. Астро-аэронавты, аргонавты. Граждане вселенной. Будущие граждане величайшего Союза Коммунистических Планетных пространств. <...> *Была жизнь каждого – как взбаломученный нуль.* Пришли гении человечества и взбаломученный нуль превратили в миллионы расцветающих единиц в садах расцветающего счастья.¹⁷⁶

Однако повесть была насыщена и другими, менее фантастичными мотивами – «непонимания», «непризнания», «горькой зрелости лет жиз-

¹⁷⁰ РНБ. Ф.1294. Оп.1 Ед.хр.26; письмо в Правление Ленинградского отделения Союза Писателей. – Там же. Ед.хр.25.

¹⁷¹ См. письма А.М.Еголину от 2 и 23 февраля 1941. – Там же. Ед.хр.20.

¹⁷² Письмо от 23 февраля 1941. – Там же. Л.3.

¹⁷³ См.: Там же. Ед.хр.5.

¹⁷⁴ См. фрагмент письма Чурилина к Треневу от 17 июня 1933. – Там же. Ф.1398. Оп.2. Ед.хр.529; см. также письмо к А.Фадееву из Калуги от 3 мая 1941. – Там же. Ф.1294. Ед.хр.27.

¹⁷⁵ См. план книги и отдельные главы. – Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.9, 10.

¹⁷⁶ Там же. Ед.хр.10. Л.36, 38.

ни», которые в 1941 звучали как остро-автобиографические. Но и эта работа осталась незавершенной – началась война. Снова пошли письма о помощи к влиятельным лицам. Безуспешно пытаюсь пристроить свой очерк «К.Э.Циолковский в гитлеровском плену» (о разгроме дома-музея), он писал С.Маршаку:

Дело в том, что уже два месяца я не могу достать себе ни работы, ни устроить своих вещей. Меня не страшит ни бедность, ни смерть. Все эти опасности много раз испытаны в жизни, но смерть от голода сейчас в Москве человека еще работоспособного и все же, как-никак, настоящего поэта и профессионального писателя, согласитесь, очень уж неприглядна <i>и</i> возмутительна. А со вчерашнего дня мне и жене не на что обедать у нас в клубе <...>.¹⁷⁷

Тем не менее до конца жизни, несмотря на некоторую поддержку от Литфонда во время войны, положение Чурилиных не поправилось. Судя по больничным протоколам, составленным в 1946 при поступлении писателя в больницу¹⁷⁸, его безнадежное физическое состояние было вызвано, в частности, тяжелой формой истощения.

В последние годы писатель незаметно сошел с литературной сцены. Из старых друзей поддерживал редкую переписку с Г.Петниковым. Однако литературное творчество он не оставил: готовил поэтическую книгу о войне¹⁷⁹, хотя стихотворений этого периода сохранилось мало¹⁸⁰.

* * *

По всей видимости, Чурилин предполагал написать развернутые воспоминания, куда бы вошел и очерк о его дореволюционной жизни, и литературные мемуары. Об этом свидетельствует то, что незавершенный, черновой, фрагмент о детстве, начале самостоятельной жизни и раннем творчестве поэта в рукописи имеет общее название с воспоминаниями о В.Маяковском и В.Хлебникове – «Встречи на моей дороге». Позднее он отказался от идеи многоаспектных мемуаров и ограничился только повествованием о футуристах, свою общность с которыми по-

¹⁷⁷ РНБ. Ф.1294. Оп.1. Ед.хр.22; см. также письмо к В.Г.Лидину (1941) с предложением напечатать очерк в «Новом мире». – Там же. Ед.хр.32; текст очерка см.: Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.11.

¹⁷⁸ Полная история болезни Чурилина погибла во время аварии в канализационной сети больницы.

¹⁷⁹ См. лист с отдельной записью Чурилина в архиве А.Е.Крученых. – РГАЛИ. Ф.1334. Оп.1. Ед.хр.1211.

¹⁸⁰ Материалы этого периода см.: РНБ. Ф.1294. Оп.1. Ед.хр.6; Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.8.

стоянно подчеркивал. В этом смысле совсем не случайны тема неприятия символизма, проходящая через его мемуарные тексты, и попытки задним числом скорректировать свою литературную позицию в ранний период творчества. Таким образом, воспоминания о Хлебникове и Маяковском, подготовленные автором для публикации, должны были еще раз обозначить его «истоки» и «учителей в поэзии».

Самый ранний набросок литературных мемуаров в виде развернутого плана под названием «Маяковский (встречи и отношения и т. д.)»¹⁸¹, судя по авторской датировке, относится к 8 июня 1934. Можно предположить, что изначально это был конспект устного выступления¹⁸². Этот фрагмент вошел в основной текст практически без изменений.

Сохранился и предварительный набросок воспоминаний о Хлебникове, который впоследствии был не только расширен, но подвергся значительной авторской правке¹⁸³.

Воспоминания о Н.Н.Асееве предположительно должны были составить отдельную главу, но не были окончены.

Сохранился также черновой набросок начатых воспоминаний о поэте и переводчике Я.М.Лебедеве «О друге, товарище, поэте» (Л.1-4), фрагменты которого использованы в комментариях в настоящему очерку.

Чистовик литературных мемуаров о футуристах хранится в отделе рукописей Музея Маяковского в Москве и представляет собой отредактированный вариант более обширных черновиков из личного архива Т.В.Чурилина в РГАЛИ¹⁸⁴, которые взяты за основу этой публикации. Из окончательного текста автором были исключены некоторые отрывки, вероятно, по цензурным соображениям.

Все тексты публикуются с максимальным сохранением особенностей авторского правописания и пунктуации. Авторские конъектуры раскрыты в угловых скобках. Вычеркнутые слова помещены в квадратные скобки.

¹⁸¹ Там же. Ед.хр.38. Л.29.

¹⁸² Ср. варианты названия еще одного черновика: «Мои бытовые и рабочие встречи с Маяковским (сообщение)», а также «Маяковский. О встрече в порядке сообщения». – Там же. Л.1-9; 30-34.

¹⁸³ Там же. Оп.2. Ед.хр.19. Л.5-6.

¹⁸⁴ Там же. Оп.1. Ед.хр.38; Оп.2. Ед.хр.19; Оп.3. Ед.хр.7.

Москва. Октябрь –
сентябрь 1940

Хлебников

Вспомянем старые годы, бывшие когда-то – ослепительно новыми для нас. Я начинал свою поэтическую дорогу в Москве. В 1912 году дружил с художником М.Ларионовым, Н.Гончаровой¹, когда у меня уже была половина стихов моей первой книги «Весна после смерти». Ужасно было неловко, когда Ларионов в кафе знакомил меня с Якуловым, Жоржем², и говорил – «Это великолепный поэт – Чурилин».

На вечерах, вечериночках, у Ларионова и Гончаровой впервые я встретился с Велемиром и с Крученых. Как свежий и насыщенный, только испеченный хлеб из новины, помню этот вечер – в Москву приехал из Киева молодой поэт В.Эльснер³, стал издаваться у Кожебаткина в «Альционе»⁴ и начал бывать у Ларионова–Гончаровой в Большом Палашовском⁵, где появлялся всякий раз в новом пиджачном брючном оформлении и с непременным распусканием павлиньего хвоста. Мы над ним очень смеялись – но терпели для забавы, а он лкнул к художникам, своих книжонок ради, – для иллюстраций и украшения.

В один вечер в марте, кажется, 1913 года собрались мы на вечериночку в Большой Палашовский. Давали чай крепкий, в разнофарфоровых чашках, а также и в глиняных каких-то; Михаил Федорович (Ларионов) притащил живой сыр, лимбургский, который, говорят, шевелился, а уж пах он – всенародно, площадно. Был Павел Кузнецов⁶, Шевченко⁷, Татлин, С.Бобров, вдруг явился Эльснер – опять в новом хвосте, палевом с подпалинами! И стал распускать язык – тоже павлиньим хвостом. Бобров, этот злой и неглупый фокстерьер, стал вгрызаться в хвост – и от него полетели и перья и пух⁸. Ларионов давил мою ногу – ножищей, тыкал мне больно под ребра кулаком – словом, жил и наслаждался. Вдруг из дверей вошли Хлебников с Крученых. И стало все по-иному: так – да не так, а вот как.

Хлебников привлекал внимание всех, кто его видел в первый раз – не странностями, которые ему приписывали всю его жизнь, а значительностью и красотой его тогдашнего вида. Он тогда был очень молод – начинал студенческие годы в Ленинграде <так!>⁹. Замечательна была его голова – волосы, которые я и сейчас не могу обыденно определить: рыжевато-каштановые, темные, черные, не густо, не сине? Глаза – синие или серые? До сих пор не знаю верно. Лицо –

очень красивое, свежее тогда, не румяное, но розово-желто-матовое. Сутол – а строен, средний рост – а высок, как радиомачта на крышах Пулково. Гончарова, Наталья Сергеевна, которая на мужчин и внимания не обращала, а проходящих эстетных женщин и совсем недолюбливала – глаз от Велемира не могла оторвать весь вечер. А он пришел, сел в угол и промолчал там на все разговоры и на все округ – все время.

А Крученных – говорил, и от его слов полетели перья и пух и от Эльснера и от Боброва, и оба они, павлин и фокстерьер, – завяли и не рыпались больше. Ларионов и я – ликовали, давили друг другу ноги и ребра, ухали и кричали, а смеялись все хором – и Наталья Сергеевна, которая вообще не смеялась много или сильно – тоже подхватила весело, озорно. Так в ту вечериночку был разделан под орех символячий молодняк, хотя Бобров и вольничал и либеральничал в духе начинавшегося нового – а на самом деле был символяком закадычной <так!>.

Крученных и Хлебников тогда издавали литографским способом тоненькие ярые боевые книжки с рисунками Ларионова – Гончаровой. Это были: «Игра в аду», «Взял» и еще не помню что¹⁰.

Потом встреча со Хлебниковым была у него на дому. Жил он на Садовой, где не помню – помню пустую светлую комнату – стены сосновые неоштукатуренные, чистые, на столе, покрытом скатертью, чернила и перо, бумага. Хлебников сидел за столом и думал, смотрел прямо перед собой своими неизвестного до сих пор мне цвета глазами. Я пришел к нему – звать его в «Свободную Эстетику» и собрание эстетов-символистов в Лит<ературно->Худ<ожественный> кружок, он хотел идти, послушать и посмотреть Брюсова¹¹ – тогда он интересовался им.

Мы поговорили о Брюсове – он хотел узнать его поближе, поговорить, м<ожет> б<ыть>, прочесть свои стихи. А потом – оказалось, что вход в Свободную Эстетику стоил рубль – а для членов или поэтов – 50 к<опеек>. У меня не было ни копейки, у Велемира – ровно полтинник. Тогда он встал, вынул серебро – и отдал мне, сказав: идите вы, я подожду. Я отказался, т. к. знал, что Велемиру очень хотелось побывать у Эстетов, я же много раз там бывал¹².

Таким Хлебников был и оставался всю жизнь. Он отдавал последнее другому: деньги, хлеб, рубашку, платье. Этого не забудешь никогда и нигде.

Третья встреча в этом году была уже у меня на дому. Жил я на теперешней Каляевской улице, в Подвесках, близ Бутырской тюрьмы, снимал мезонин-мансарду у виноторговца, оказавшегося това-

рищем председателя районного суда русского народа. Это мне было на руку, т. к. полиция этот дом не трогала¹³, а виноторговец, не зная моих убеждений, питал ко мне, молодому писателю, род недуга¹⁴, симпатию. Я пользовался гостининой внизу, когда ко мне приходили «гости». Вот я и позвал к себе дорогого гостя Велемира с Крученых (они были неразлучными тогда) – и молодежь: моего приятеля Ивана Николаевича Кротова, студента-технолога¹⁵, О.Ф.Гнесину¹⁶, тогда молодую пианистку-педагога, двоюродную сестру свою Катю Л.¹⁷ и ее подругу, медичку Зину¹⁸. Иван Николаевич дал мне 25 р<ублей>, я купил два торта, чаю, сахар, конфеты, фрукты – стол, пиршественный стол – триклиниюм.

Собрались «гости», молодежь, стали пить чай, разливала Зина, хозяйничала за столом. Вот наконец вошли Хлебников и Крученых. Принесли они свеженькие, как хлеб из печки, 2 книжки свои «Игра в аду», «Взял» и др<угие>. Молодежь робко глядела странные книжонки, особенно протестантски отнеслась – Ольга Гнесина, она была консервативна, хоть дружила с Ларионовым и Гончаровой.

Я – веселился, книжки мне нравились, рисунки тоже, хоть я ногами все еще стоял в топком и мягком суглинке символизма¹⁹. Вот тут за чаепитием выказалась одна особенность Велемира – его равнодушие к быту и чаю. Он сам оказался центром внимания у девушек – все они заговаривали с ним, льстили взглядом, глядели на него безотрывно. Боюсь, что не в стихах тут была сила. А он сидел как всегда чудный – и будто никого и не видел, хотя вежливо изредка отвечал: да. Да. ДА. И пил чай. Выпил стакан – Зина налила и подала ему еще. Выпил второй. Зина подвинула еще 3-ий, Велемир выпил и его. Зина налила 4-ый – и подала. Велемир выпил и его. Зина в ужасе наливает 5-ый. Велемир также тотчас быстро пьет и его. Зина, красная от конфуза, неизвестно какого, подвигает шестой – и я, видя все это, понимал, что Хлебников не знает счету стаканам – это не числа досок судьбы²⁰, – быстро сталкиваю его со стола – все смеются – Зина, счастливая концом конфуза, смеялась громче всех, и инцидент был вычерпан²¹.

А Крученых озорничал, дразнил Гнесину, говорил острые козери²² и бесстыдно съел весь оставшийся торт до конца и еще бесстыднее, ясно демонстративно, громко спросил: а нет ли еще какого-нибудь торта? Его немедленно возненавидели девушки все три – а мне и Кротову это нравилось, и мы всячески поддерживали Крученых. Потом Гнесина играла Шопена, а Крученых мешал, оттаптывал ногами невпопад такт, что привело в ярость пианистку²³. Было очень весело и еще веселее мы пошли провожать Велемира до его дома. –

И как архиерея девушки вели его под руки, а он пел, изредка поддакивая: да. Да. Да. От чего было еще задушевнее и веселее.

Еще встретились мы в 1916 году, когда уже год как вышла моя «Весна», и я стал сразу действительно поэтом, да еще каким: «Кикапу» поэтом²⁴. Был апрель, весна, около меня тогда была разномастная поэтическая компания: Шманкевичи 1-ый и 2-ой²⁵, Глоба²⁶, Цветаева, Парнок²⁷, Мандельштам, Ландау²⁸, Куфтин²⁹ (он и Шманкевичи – почитатели Хлебникова), а потом ко мне пристал и не разлучался некое время поэт и режиссер Самуил Вермель³⁰, с которым мы выпустили журнал «Московские мастера», где почетно печатались Асеев, Хлебников и я. А к Хлебникову прилип полипом Митрей Петровский³¹, цербером не отпускавший Хлебникова от себя.

И вот сидел я раз у Вермеля в его «Башне» на Мясницкой, тут же были Шманкевичи и Куфтин. Позвонили Вермелю, и он торжественно объявил, что к нему едет Хлебников. И, да: из дверей вышли Митрей Петровский и с ним одетый в новенькую сюртучную пару и в зеленом пульверонезном³² галстуке – Велемир. Торжественный Самвермель объявил: Прошу встать перед королем поэтов – Велемиром Хлебниковым! Шманкевичи вспрыгнули и закричали, Куфтин всей рыжей длинной бородой – сиял и лучился как осень на солнце, а я встал, чтобы поздороваться с Велемиром, – я его уже крепко любил тогда.

Велемир принял это шутовство Самвермеля просто, но доподлинно – с достоинством суверена. Сел глубоко в кресло – и точно запал в него. И стал читать стихи глухо, как капли воды из крана понемногу. Но все – и шуты, и мы с Куфтиным слушали, затаив все в себе – так было это велико и прекрасно необыкновенно.

Следующие встречи с Велемиром бывали у меня в кафе «Сиу» на Кузнецком мосту, где тогда бывали поэты: Цветаева, Парнок, Мандельштам, Самвермель. Бывал и Хлебников с Митрием Петровским. И в кафе, как у себя в комнате, он сидел, глядя вперед своими замечательными глазами, думая все время о числах и словах, об их побеге – и во времени и в языке, отзывался своим глухим коротким дадаканьем: да. Да. Да. Да. Все попытки чужих ему поэтов ввести его в разговор были тщетны, зато со своими он говорил охотно и порой страстно, только опять-таки тон речи был сухой, глухой как бы засолненной пустыни – а мысль бродила, пела, бежала, летела страстно.

И, наконец, помню его приход ко мне в 1916 году. Я занимал большой номер в «Северном Полюсе» по тогдашней Большой Никитской, против консерватории. В этот его приход у меня сидели

Шманкевичи, Куфтин, потом пришедший Самвермель. Вошел Велемир с Митрием Петровским, его фактотумом³³, который водил его на цепи якобы преданности и «дружбы».

Разговор шел в ту минуту о Маяковском. Последыши символистов, вернее: около-проходя-спустя, Шманкевичи и наивный большой ребенок из Уэльсовой «Пищи богов»³⁴ Куфтин (тогда бывший молодым ученым-антропологом и этнографом) Маяковского «не принимали». Шманкевичи лаяли его <так!> как разъяренные собачки мелкого роста, – Куфтин, серьезный, все принимавший к поэтическому любвеобильному сердцу, был слеп и глух, и Маяковского не мог ни видеть, ни слышать – был к нему тугоухим. А я, увы мне тогда, еще не протирал тоже глаз как щенок-слепой-кутенок – на него, поэтому мы все его «отрицали». Я особенно нападал на известное: «Эй, вы, небо – снимите шляпу!»³⁵. Я квалифицировал это как выпад, как хулиганство и позу актера для эффекта.

Велемир слушал зорко и остро все, вдруг стал говорить мне: Нет. Вы не видите его – он громадный, да. Он – поэт огромный, да. Таких еще не было, да, нет таких еще у нас, да. И нигде – нет. И замолк в протесте глухом и сухом в речи, и стихийном – в сути защиты Маяковского.

Он видел-слышал-ценил и любил Маяковского и уже тогда знал его удельный вес и кубатуру его великого дела.

Последняя встреча моя с Велемиром была в том же 1916 году в марте месяце. У писателя Горбова³⁶, бывшего тогда еще студентом и писавшего стихи. Собралось слушать мою пиесу «Последний визит»³⁷, интересовавшую тогда не один Камерный театр, а и тогдашнюю литературную среду, – большое литературное общество. Тут были: С.Парнок, М.Цветаева, О.Мандельштам, Ландау, Б.Зайцев, Б.Грифцов³⁸, критик П.Ярцев³⁹, молодой тогда писатель Виктор Мозалевский⁴⁰, «Президиум» Камерного театра: А.Я.Таиров⁴¹, А.Г.Коонен⁴² и Володя Соколов⁴³, талантливый режиссер Камерного, актеры и актрисы оттуда (пиеса была тогда принята театром), поэт А.Глоба⁴⁴, Шманкевичи, Е.В.Гельцер⁴⁵ и еще много. Велемир вошел с Митрием Петровским, когда я только начал 1-ую картину. Велемир остро и чутко слушал все чтение и, когда кончилось, подошел ко мне и сказал только: «Да. Это – значительно. Очень. Страшно. Хорошо», – и ушел, не оставшись на ужин. Больше я его не видел никогда.

Говорят, он меня не любил тогда, верил в разную легендарную чушь, что крутилась, как пыль, около меня тогда, – но книгу стихов моих «Льву – Барс»⁴⁶ он взял с собой в последнюю поездку в Санто-

лово⁴⁷, читал ее и говорил Н.К.Митурич⁴⁸, у которой жил тогда, что это – замечательная, настоящая книга. Она в числе очень немногих книг была с ним до самой смерти там же в Сантолове. Этого я тоже никогда не забуду, особенно потому, что в это же время началась моя новая поэтическая жизнь и дело – учеба у Хлебникова, который дал много жизни для моего творчества, много движения и ввел меня наконец в Единство песенного размера⁴⁹, т. е. в то русло, откуда вытекли такие реки, как: Маяковский, Асеев, Пастернак, Петников⁵⁰, Божидар⁵¹ и наконец – и я.

<В дальнейшем ходе этих воспоминаний я дам подробное описание поэтического учительского влияния творчества Хлебникова на его замечательных собратьев-современников: Маяковского, Асеева, Пастернака, Петникова, Божидара, а также и на себя самого – Тихона Чурилина. Вся эта стая певчих и боевых птиц побывала в великом гнезде Велемира. И он, птица певчая, питал всех их, – нас. Но вылетев из гнезда и выучившись петь – каждая птица запела своим голосом. Об этих голосах поэзии, новой молодой поэзии 20 века, так называемого «русского футуризма», я и упомяну в их особенностях, ладах, манерах, певе. Наиболее полно напишу о своем поэтическом голосе – как этот голос в переключках с другими набирал свои силы, креп – и наконец стал своим голосом.>⁵²

МАЯКОВСКИЙ

О встрече в порядке сообщения

Это сообщение – не историография, не мемуар, не мемориальная доска. Маяковский слишком уж близок к нам, ко мне, ко всем – если очень завспоминаться – обожжешься, как при солнечном перегреве.

Я, его современник и соратник – сам поэт, а не историограф, мемуаристом мне быть – рано еще, я не засох сам, еще слишком для того молод и тоже близок нашей эпохе, а установка мемориальных досок – тоже не мое дело, это вот Перцов⁵³ – тот может. Значит, могу сообщить нечто, что будет важно, как еще одно не лишнее фактическое доказательство того, как действовал Маяковский своим огромным творческим делом на всякую живую человеческую душу (а на мертвых он действовал иначе – разрушительно!! так что всякий прах и песок сыпался и рассыпался).

Из этого сообщения явственно будет видно, как Маяковский своим творческим делом оздоровил окончательно мое творческое дело. Это его огромное начатое дело активизировало мою работу, конкретизировало ее, побудило к живому действию, к деланию правильно-

му, реальному, подлинно, по отношению к прежней литературе – новому, как Пушкин в свое старое время в отношении к Ломоносову, к Державину – он, Пушкин.

Еще раз вспомняем старые годы:
1915-ый

Я, живя в Москве начинал свою поэтическую дорогу книгой стихов «Весна после смерти» (Москва, 1915, издательство «Альциона»). Встречался я тогда с Велемиром Хлебниковым – редко, но ценил его правильно и любил его певчий край – очень, сильно любил. Бывал я также у Вячеслава Ивановича Иванова, вместе с молодыми символяцкими старичками, которые около меня тогда вертелись и ютились. Головой я уже был – вперед, а ноги все еще вязли в декадансе и символизме. Оттого вышедшая в 1915 г. моя первая книга недружелюбно была встречена Маяковским и боевым авангардом русского футуризма. Я рефлекторно тоже невзлюбил тогда Маяковского. Видеть его дело и творчество тогда я не видел – как надо, и в отношении совсем нового дела русской поэзии была у меня тогда – куриная слепота. Каюсь публично.

1917–1921

Прошли года, настала февральская, а потом и великая Октябрьская пора. Я зрелел <так!> большими глотками, здоровел головой, т. е. стал окончательно зрячим, пережив немецкую интервенцию 1918 г. на Украине в Харькове и с <19>20 года стал активно содействовать Крымскому подпольному ревкому РКП(б). Вот в эти самые замечательные в моей жизни годы я окончательно продрал глаза на свет, т. е. увидел весь огромный рост дела Маяковского. И назначенный после подполья Крымревкомом на ответственный пост Завлитокрымпарткома и Завлитокрымполитпросвета, я начал в Крыму параллельную работе Маяковского в Роста: т. е. писал и печатал агитки, работал «Главлитруком» в Пуарм'е 4, на Кавкурсах, на Пехкурсах им. КрымЦика, в Окружкоме ЛКСМ, желдорузле Комсомола⁵⁴ и в «Красном Крыму», местной областной газете. Тут же, в котле работы, я понял – что писать стихи так, как я писал – и писали вообще, до Маяковского, по темам современности, – нельзя. Я тогда применил физический принцип закона сопротивления материалов именно к этому моменту, и осознанию этого момента. Я искренне думал, что замызганное, рафинированное и источенное поэтически-

ми червяками и сверчками слово, прежняя лексика, ни к черту не годна для начинки сильнейшим динамическим и динамитным взрывным материалом революции, современности. Я думал, что слово, лексика не выдержат нагнетения этого сильнейшего действия – его, ее «разорвет». И окончательно и бесповоротно решил отказаться от писания стихов и беллетристики и перейти целиком на газетную, журнальную и литературоведческую работу. И я не писал стихов с 1920 г. по 1931 – т. е. 12 лет.

1923

Я вернулся в Москву в 1922 г. в декабре. В 1923 г. я познакомился и сблизился с Н.Н.Асеевым и через него с Б.Л.Пастернаком и О.М.Бриком. С О.М.Бриком у меня начался настоящий контакт: Осип Максимович своим опытным глазом увидел перемену, во мне произошедшую, увидел и учел значительность этой перемены – ее органичность, – и началась деловая дружба. С большим чувством уважения и благодарности пишу я здесь о том, что этот деловой контакт принес мне большую пользу во всей моей работе, и с настоящим удовольствием заявляю, что он сохранился до сего времени и продолжает приносить пользу моему творческому делу и поныне. Факт, а не реклама. У Н.Н.Асеева, в его жилье на Мясницкой⁵⁵ в доме Вхутемаса были тогда дни приема, куда собирались все боевые и путевые пишущие и делающие. Здесь бывали: Б.Пастернак, М.М.Синякова⁵⁶, Маяковский В.В., Брик О.М. и тогда еще льнувшая к этой буйной заводи «плотва»: В.Катаев, В.Инбер, С.Гехт⁵⁷ – молодежь, без имени, но с порохом!

В один из дней приема я встретился в первый раз там с Маяковским.

Тогда собрались: Брик О.М., Катаевы: В., его жена, ее золотоволосая сестра. Пастернак с женой⁵⁸, Митрей Петровский, тоже с женой⁵⁹. Было часов 11 вечера, как вдруг распахнулась входная дверь – и вошел Владимир Маяковский. Правильно я слышал о нем не раз, что в комнате не очень больших метров он, войдя, берет из нее весь воздух. Так я почувствовал впервые при его ввале <так!> тогда к Асееву. Все невольно обратились к нему, сгрудившись у двери, как в происшествии на улице – и как бы вошли в него с воздухом вместе, за компанию. А он, большой очень, не раздеваясь, с папиросой «Английская» во рту, спросил: «Карты – есть?» И узнав, что карты сегодня – нет, собрался уходить. Асеев был тогда в самом тесном сораотничестве с ним. Брик – и говорить нечего, – это был замеча-

тельный триумвират. Пастернак любил его, как мог любить Маяковского – Пастернак. Я – вглядывался в него – привыкал. Остальные – «благоговели».

Я никогда не видел Маяковского за игрой, но думаю, что карты ему нужны были, как тренаж страстей, м<ожет> б<ыть>, и страсти – взвзывать случай – судьбу-индейку. Так и здесь у Асеева – он шел, чтоб погонять на корде случай. И ушел, не прощаясь, без церемоний, выкачав своей фигурой, голосом – всей своей огромной кубатурой – весь воздух из небольшой передней Асеева.

1925

Второй раз я встретился с Маяковским в Акулове, на даче, где написан известный озорной «Разговор с солнцем»⁶⁰. Я пришел к О.М.Брику в одну летнюю субботу туда в Акулове к ним на дачу вместе со своей подружкой, соратницей, женой – художницей Бронкой Каменской⁶¹. Помню – Лиля Юрьевна Брик только вернулась из Англии⁶² и привезла с собой чудного пса – Скоттика – Шотландца усатого бородатого, пес его знает, какой замечательной породистости⁶³. Бронка Каменская в 1-ый раз увидела Лиллю Юрьевну – и на что уж была свертребовательна своим вкусом к женщинам, а тут очаровалась встречей – такой Лилля Юрьевна встретилась ей дистангэ⁶⁴. В.В.Маяковского в этот день на даче не было – он, кажется, уехал в Москву.

Мы получили приглашение прийти на завтра в воскресенье обедать: в это воскресенье на даче собиралась редакция «Лефа». С утра мы отправились в Акулово. Туда съезжались уже лефы <так!>. Прибыл Н.Н.Асеев с Оксаной Михайловной⁶⁵, Кушнер⁶⁶, еще лефы с женами, нам тогда неизвестные, – народу прибыло порядочно – и все разодетые по-парадному. Мы с Бронкой не блистали нарядом – и у нее и у меня носы ботинок разевали рты и дразнились пальцами, в чулках, понятно. И Маяковский, всегда одевавшийся как мастак, на этот раз без стеснения ходил в заштопанных брюках.

Было, как почти всегда, весело у Бриков и Маяковского – в погребе опрокинули наземь молоко или сливки, нужные для какого-то блюда, – но и блюдо изготовили, и молоко со сливками нашлись еще, и обед был очень вкусный, и ели его все весело под смех, говор, и шутки кругом.

Маяковский сидел возле меня – справа – все время подвигая мне то – то, то это из блюд, и усиленно угощал своими папиросами «Английские» с длинной куркой <так!>. Я все время собирался по-

говорить с ним о самом главном – о поэтическом деле, но это так и не вышло. Каюсь – стеснялся я его, или, вернее, себя стеснял, не мог сразу взять поэтическую лиру, как быка за рога. Курил я его «Английские», ел пододвигаемое, а поговорить все не приходилось к месту. Так дообедали, выпили кофе, встали, Маяковский пошел на большую террасу. Погодя, я и Бронка Каменская пошли туда тоже: она – подышать воздушкой, а я поговорить с Маяковским. Входим, смотрю – стоит он у перил, справа, спиной и курит. Я, решившись сразу броситься в воду, бахнул спине Маяковского: «– Какая ветреная погода, Владимир Владимирович!» Маяковский – обернулся, посмотрел на меня внимательно и рявкнул залпом, оглушая: «Дддааа!!!» У меня оборвалось все внутри и снаружи, я – взмок, смяк. И бежал позорно с террасы. Так в 1<-й> раз я «разговаривал» с В.В. в Акулове.

Затем я встретился с ним в Гендриковом в квартире Брик и его – совместной⁶⁷. Там я бывал часто – в 1926 году особенно⁶⁸. Помню – был прием с знатными иностранцами, т. е. проще: были американцы, не помню журналисты ли или – аматеры, меценаты, антересующиеся <так!>. Был сбор всех гостей – и Маяковский сам, персоной, и Асеев, Пастернак, О.М.Брик, Лиля Юрьевна, художники близкие Лефу – и сочувствующие. Да – был развертывающийся уже тогда Семен Кирсанов и блестяще читал свой «Цирк»⁶⁹ и другие искристые звуком стихи. Втиснулся и вездесующийся Митрей Петровский, который-таки нашел час и место – прочесть свои «шансон-малорусс» на русском вамбире-вамбире⁷⁰ американцам. Стоял говор всеобщий, как на ярмарке в Тяпкатани⁷¹. Пили чудный крющон работы Л.Ю.Брик – известно какой! Ну и выпал мне час и место, вот эдак:

Я пил крющон, чокался с Пастернаком, с Асеевым, с Кирсановым, с Бриком, пил здоровье Лили Юрьевны и какой-то ярковерозной⁷² девушки с мерцающим, как Марс, краснозолотым зубом внизу направо, поспал чуть в кресле напротив нее во время речи О.Бескина⁷³, – словом, пил жизнь полной чашей.

И вдруг заметил, что Маяковский в упор пристально смотрит на меня. Выпил ли я лишнее или вообще был на подъеме, но тогда, помню, впервые так смело – подошел я к нему и спросил: «Что?»

А Маяковский вполголоса мне грустно прочел: «Побрили Кикапу в последний раз, помыли Кикапу в последний раз»⁷⁴.

Еще более осмелев, я сказал: – Что, хорошо?

А Владимир Владимирович – мне: «Это-то – очень здорово, а все-таки хорошо, что вы так больше не пишете.

– Да я совсем никак не пишу!»⁷⁵

– Ну это-то – врете, запишете – вы живучий». И встав, пошел к Лиле Юрьевне, которая осталась сидеть за чашей кружона, где разливала его по кружечкам.

И под конец вечера, когда лил ливень летнего дождя не переставая, Маяковский подошел сам ко мне и сказал: «Побрили Кикапу в последний раз – а вы оставайтесь ночевать у меня, я сегодня пойду к себе на Лубянку работать, а то у вас пальто с собой нет, идите, ложитесь», – и пошел одеваться и ушел.

Я счастливый остался, спал у него в комнате и, встав утром рано, когда все еще спали, глядел при преполнившем жарком свете на его бюро. И много я передумал в эти полчаса, от вставания с его тахты до умывания в бриквской ванной.

Раз я столкнулся с ним на Кузнецком, мы крепко рукопожались и пошли рядом. Я тогда вылетел из Пресс Бюро Госиздата, где хорошо стал было работать в «Бюллетенях»⁷⁶ – вышибленный оттуда соединенной оравой [радовых, тарасовых, радионовых и прочих тех, кто и сейчас окопался у нас в сегодняшнем дне]⁷⁷ рапповских приятелей. И рад я был услышать от Маяковского: – «жалко, жалко что вас выперли из Гос'издата – вы там хорошо работали». [И вспомнили мы с ним со смехом, как он при мне запер на ключ в кабинете члена правления – Троицкого, Накорякова⁷⁸ и меня, чтоб прочесть свою поэму (???)⁷⁹, какую никак не могу сейчас вспомнить. А случился этот казус белли⁸⁰ так: я, работавши тогда Замест<ителем> Завед<ующего> Пресс Бюро Гиз'а, пришел в кабинет Троицкого на доклад. У Троицкого сидел Накоряков, и я стал ждать конца их разговора. Вдруг вошел Маяковский, поздоровался со мной, с ними и сразу заявил: – я буду сейчас читать свою поэму, давайте слушать! Троицкий и Накоряков стали уверять В.В., что сейчас им не время слушать, они идут на заседание к О.Ю.Шми<д>ту⁸¹, бывшему тогда начальником ОГИЗ'а. А Маяковский встал, запер дверь на ключ, ключ положил в карман и стал сразу читать поэму. Я сидел, кусая рот от смеха, – а он так и не выпустил их до конца чтения. Ну – и вещь они тут же приняли, ура.]

Вспоминая, мы шли и глядели в оба на живший тогда по-особому Кузнецкий⁸². Вдруг сюда начался ор: Маяковский!! Владивладимирыч!!! Владим Влад... И к нам побежал во всю прыть, маша руками и отсвечивая красной рубахой, чудачивший тогда в одежде, молодой прозаик, кузнец и потом военмор, печатавший свою вещь тогда в ЛЕФе⁸³. Что-то очень мне не понравилось это вопящее и крикливое обожание – я простился с ВВ и быстро ушел от его восторженного обожателя.

Этот казавшийся талантливым прозаик уже выбыл из строя, а – как писатель – он последнее время держался странно: дружил с Крученыхом и «ненавидел» О.М.<Брика>, Л.Ю.Брик, меня тоже сторонился и чуждался – а я, первый когда-то еще в Крыму, написал о нем в местной газете «Красный Крым» поощрительную статью⁸⁴.

Еще я помню приснопамятную встречу в Гендриковом. Это было перед выпуском очередного № Лефа, где были помещены «воспоминания о Хлебникове» его фактотума Митрея Петровского⁸⁵. Он читал их по рукописи в это собрание. Присутствовали: В.О.Перцов, я, О.М.Брик, Владимир Владимирович – Лиля Юрьевна была тогда, кажется, в Азии⁸⁶, – был еще, кажется, В.Ф.Ашмарин (Ахрамович)⁸⁷ [и состоявший тогда членом редколлегии Лефа, ближайшим соратником, поэт и журналист NN, имя которого трудно сейчас произнести без отвращения: он оказался родинопродавцем и шпионом.⁸⁸] Митрей Петровский, прочтя свои «воспоминания», ждал мнений: как – достаточно ли восхитительно? Воспоминания были плохие, самохвальные, – по ним выходило, что он, Митрей, и был душой Хлебникова, его альтер’эгом⁸⁹. Кроме этого дурного тона вранья и самохвальства – еще был пущен мистичячий дым и ладан. [Поэт и журналист NN яростно напал на «воспоминания» – в пух и прах разлетелись они под его критикой. Это было все чертовски верно по существу, ничего не поделаешь и теперь.] Перцов – помалкивал, он тогда только-только ориентировался в Лефе и Гендриковом, работая главным образом с Чужаком в РИО⁹⁰ Пролеткульта. Осип Максимович [из-за каких-то деловых соображений] довольно мягко критиковал Митриевы писания. А Маяковский мрачно молчал и не смотрел на Митрия вовсе.

Потом, когда гости разошлись и остались свои: Перцов, [NN,] Осип Максимович, Маяковский и я – [NN резко] был поставлен [перед Бриком и Маяковским] вопрос вообще о посещениях собраний Петровским – [он заявил, что если Митрей будет по-прежнему ходить сюда – то он, NN, уйдет из Лефа] Брик, опять мягко, но категорически обещал выставить и не пущать Митрея в Гендриков. Маяковский – молчал, а потом вдруг, обратясь ко мне, сказал: «А вы, Чурилин, тоже не выносите Петровского?» Я встречно смело спросил: «А вы, В<ладимир> В<ладимирович>?» Маяковский ответил мне хлебниковскими про Петровского словами: «Я сего пана достаточно знаю»⁹¹. Потом встал и сказал: ну, я поехал к себе на Лубянку – кто вместе? [NN] Перцов собрался и ушел с ним [, ушел Перцов], а я остался опять ночевать у Владимира Владимировича в комнате, так как хотел поговорить с Бриком о многом.

И еще о двух встречах (их было немного) осталось написать здесь. Опять собрались в Гендриковом к концу лета, опять угощала великолепным нектаром крющона Лиля Юрьевна, – и опять впутался средь нас Митрий Петровский, хотя долгонько его не пускали сюда, – Брик сдержал слово. К счастью для Митрея – [NN] его противников не было – но был зато я, и я [наслаждался] отвел душу, каюсь. В числе своих был Пастернак, с которым у меня тогда очень ладилась приязнь и дружба. За крющоном было весело, звонко раскатывались смехунечки очень веселых тогда девушек лефовских, Лавинской⁹² и Семеновой⁹³, – веселиться не стеснялись. И дернул меня черт, подвыпив, поднять кружечку с крющоном за одну песенку казачью Митрея с припевом «вамбир-вамбир» и потянулся чокнуться с ним. Митрей, отстранясь, перекосясь, передернулся и изрек: – Я – не хочу – пить с вами – я вас – не выношу –. Минута – и я выплеснул бы ему свой крющон в личину, так я рассвирепел тогда. Я уже крикнул – скотина! Но тут Маяковский, круто повернувши, подошел ко мне с кружкой и сказал только «давайте» и чокнулся, и выпил. Я – остыл, и все кончилось ладно. Пред разездом В<ладимир> В<ладимирович> успел сказать мне: «не трожьте пана, так он и не воняет»⁹⁴ и окончательно меня этим развеселил. Я окончил вечер, дурачась и веселясь, как редко веселился в Гендриковом. А Митрей исчез, как дым, как ладан после молебна в гостинной преждего хорошего дома, попав туда – ничего не поделаешь как.

Последний раз в 1927 году встретился я с Маяковским – и не видел его больше [т. к. заболел тяжело и проболел 4 года]. Я работал тогда в Пролеткульте в РИО и еще в Современной Архитектуре Гинзбурга и Веснина⁹⁵, уже тогда боевых и замечательных архитекторов, – и разворачивался – «левой, левой, левой!»⁹⁶ в С<временной> А<рхитектуре>. Запустил я свои приходы в Гендриков, давненько не был. И у окошка, где платят авторский гонорар, я столкнулся с В<ладимиром> В<ладимировичем> – он получал – много, я – мало, но увидев меня, он оживленно крикнул: – А, Чурилин, здравствуйте, где вы пропали? – Я работаю в «Современной архитектуре», В<ладимир> В<ладимирович>, дело там интересное. – А! это – хорошо, свои везде нужны, а чего ж вы к нам не ходите? – Да загружился работой, меня подолгу на работе держат. – Так. Вы приходите в ближайшее <время>. Ну, до свиданья, ждем. – И больше я его никогда не видел на свете – словно он отбыл в далекий безвестный отъезд.

[Вспоминаю, как мне в Донской больнице сказали об его смерти. Пришел ко мне в палату С.Л.Цейтлин, главврач, очень внимательно

и чутко относившийся ко мне за все время болезни и все время нахождения своего главврачом в Донской, на конференциях, отстаивающий в отношении меня на конференциях благополучный прогноз – мое выздоровление, т. к. считал диагноз проф<ессора> Гиляровского⁹⁷ – ошибочным, а мой интеллект – не разрушенным, сохранившимся, – принес он мне первую весть о смерти Маяковского – Вечерку с известием о конце поэта. Я прочел заметку и с негодованием крикнул: фальшивка! неправда!! – и отвернулся к стене. Даже в моем больном горячечном мозгу, бредившем тогда очень тяжело, явился яростный протест против смерти Маяковского – так я любил его и помнил и больной, не поверил я и Бронке Каменской – и с яростью крикнул ей, когда она подтвердила смерть В<ладимира> В<ладимировича>: – врешь! Продаешь Маяковского!!! Аналогично вспоминаю случай, когда меня перевели в 1-ую «наблюдательную» [(буйную)] комнату из-за вспышки ярости и протеста «за Сталина и Маяковского». В течение часа я кричал в спокойной 2-ой палате: «Да здравствует Генеральный Секретарь Компартии Мира – Иосиф Сталин! Да здравствует вождь поэзии 20 века – Владимир Маяковский!» Долго терпели мой патриотизм, социальный и поэтический, медперсонал и врачи – и, наконец, прекратили: очень буйно это было!]

Теперь – самое главное: что дала мне встреча с Маяковским? Встречей с ним я считаю свой вход в то русло, в которое я был введен нашей революцией. Это года 19, 20, 21, когда я продрал глаза и на Маяковского. Я увидел впервые в жизни рост и кубатуру его поэзии. Я увидел его выходящим из наших новых лет, голого, как солнце, т. е. голого без гуньки кабацкой и фрачности старого мира. Его слово было необычно – вернее: такого никогда еще не было.

Повторялось столетнее чудо: 100 с лишним лет назад вставал тогдашний Пушкин тоже новатором своего времени. И так же, как и Маяковского, его лаяли и на него побреживали писатели его современники, даже любящий Кюхельбекер и то повизгивал: слаб Пушкин, слаб Пушкин!.. А слабый Пушкин освобождал русскую поэзию и вообще художественную литературу также от вчерашней и давнишней завали, говорил и «пел» совсем новым русским манером. Теперь это далеко – и заобыкновенилось, – и вошла крепко в быт бывшая новизна, отставая уже от нашей быстроты, хода жизни, темпов. Вот здесь и понадобился Маяковский – его сила, рост и кубатура подлинно новой поэзии.

Так вернемся к вопросу: что же дала мне моя жизненная поэтическая встреча с Маяковским, т. е. с его творчеством – конкретно и

реально? Когда-то в 1920 году, ослепленный, оглушенный и изумленный светом, грохотом и чудесами ломающей все старое новой жизни, я усомнился честно-производственно, т. е. профессионально-литературно: а может ли изветшавшая оболочка литературы-слова вынести атмосферы давления и кипения революционного действия? Я призвал даже как аргумент закон сопротивления материалов. Но, видно, я тогда был плохим физиком, либо – плохим профессионалом, – я просчитался. Благодаря этому просчету я не писал стихов почти 12 лет. Я варился в общем котле, учился, глядел в оба и в полтора – и в 4 глаза! И вернул меня к моему профессиональному делу поэта – Маяковский.

Во 1-ых, я продрал глаза на его поэзию, как сообщал здесь раньше, уже в 19, 20, 21 года революции. Здесь в Москве, встретившись с ним, я глядел на него, слушал его, пытал его стихи, его дело, его работу. Я увидел и узнал именно у него и через него – что именно в его поэзии закон сопротивления материалов, т. е. равновесие силы материала-слова и боевого его смысла и действия – им соблюден, вернее, точно: он нашел словесный материал, его форму, и закалил все своим поэтическим трудом новатора – и зажег гигантское солнце своего поэтического слова и дела.

Это дало и мне уверенность и силу: искать и находить.

Я ищу, нахожу, и буду делать это до самой своей смерти, буду верным соратником и продолжателем великого дела Маяковского. «Маяковский и мы!» – вот лозунг нашего общего большого и важнейшего поэтического дела, работы, литературы!

ВСТРЕЧИ НА МОЕЙ ДОРОГЕ⁹⁸

3 <так!>. Моя дорога

Моя дорога – путь без широкой славы, но и без беславия. Хотя, если слово «беславие» понимать эмпирически просто – то мои эти хронологически последние годы в Москве – это беславие, т. е. просто годы славы, что меня нет нигде. Простите за плохое «мо»⁹⁹.

Мой путь – лесной, через лес – густой, северный «волоку», почти тайга, где меня и не видно. Оттого я и люблю больше всего лес, больше равнины, хотя – степи люблю тоже. В лесу – чудеса, там – леший бродит, русалка сидит на ветвях. А родился я как раз в бывш<ей> Тамбовской губернии, ныне Воронежская область, где лесовто маловато – больше – рощи. Но все-таки – моя дорога лесная. Что ты темный лес – призадумался? Ревет ли зверь в лесу густом...¹⁰⁰ И

дорога моя – зеленая, хлорофилловая – зеленый цвет – любимец Хлебникова и мой. Ведь и поэзия – это озеленение. Правда.

И еще моя дорога – речная, лесная и речная. Реко-движение, все течет. Тебя <так!>, она впадает в море, а то – сливается с неоном. Так и поэзия: ее функция – озеленение, хлорофиллокация, а ее основная жизнь – ритм – течет как река. Вот и новооткрытый – Хлебниковым закон движения ритма: единство песенного распева – это непрерывное движение рек, родников, речушек и речниа <?> поэзии к морям и океанам мирового общего *единства Творчества* (Поэзии). И выходит, что моя сознательная дорога, т. е. в том времени моего сознания, когда оно увидело и поняло – из дремучего леса, полного хлорофиллом, вышла она и пошла по сначала речению, а потом реке двигаться, течь, плыть своими ритмами зрительными и звуками-образами.¹⁰¹

Это было время моей встречи с поэтом Григорием Петниковым¹⁰², ближайшим к Хлебникову его соратником и продолжателем.

До этого я хоть и любил Хлебникова – но любил его полусознанием, а не знанием. Я *чувствовал* его необычайность, а в чем она – не сознавал. Мешал этому сознательно выбросивший меня из своей живой жизни символизм и символисты, хотя крупнейший из них, Вячеслав Иванов, сам очень ценил и любил Хлебникова. Но и он не знал самого главного в Хлебникове, в котором его пленяло – то, что незадачливый нынешний исследователь, с позволения сказать, совсем незрячий и слепой кутенок, Сурков, гордо-самоуверенно называет «архаикой» и «реакционностью»¹⁰³ в Хлебникове. На самом деле это знаменитый по Тютчеву «древний хаос»¹⁰⁴, с которым Хлебников всю свою поэтическую жизнь боролся и преоборел <так!> его. Вот этого-то, одного из самых главных в Веле Мира факторов его замечательного поэтического дела – и не видел в Хлебникове Вячеслав Иванов, как не видел этого и ныне слепой Сурков¹⁰⁵.

И когда вышла первая моя книга «Весна после смерти», в которой уже был переборон <так!> символизм, – я, выросший из недр символизма, все еще самого главного не сознавал, не видел – а предугадывал. То же самое произошло со мной много раньше в моей классовой среде и быту. Родился я в девяностых годах в российской империи, в маленьком уездном городе Лебедяни, Тамбовской губернии. Родился в семье лебедянского купца 2<-й> гильдии Василия Ивановича Чурилина как его единственный сын и наследник. Но и эта единственность и наследование оказались призрачными. Уже подростком 15<-ти> лет я знал от тетки, сестры моей покойной матери, что я не сын В.И. Чурилина, а мой отец – еврей, провизор, и что

я – плод любви, на самом деле то, что в народе называется <2 нрзб.>, а русскими: выб....док.

На самом деле среда моя меня, как и символизм, начала выбрасывать из себя и от себя отбрасывать куда раньше. Да и как иначе? – Мама моя, сама выше своей среды развитием, начала меня учить читать с 3-х лет. 4<-х> лет я уже сносно читал печатное и прочел впервые у мамы наверху ее любимую книгу: Дюма – «Анна Австрийская»¹⁰⁶. Жадность к чтению была у меня огромная. Я перечитал все, что у мамы было наверху, всю беллетристику, и уже 9<-ти> лет удивлял всех в доме и округ своим развитием. Я разговаривал с взрослыми, как взрослый молодой человек со средним образованием. Многие удивлялись, а многие качали головами и пророчили: с ума сойдет, быть худу. Библию уж читает! А я действительно добрался и до Библии, и все, что было там поэтически образным – мной было прочитано и запомнено. С этой стороны я был несомненным вундеркиндом.

Странно, что с детства я не любил особенно чтоб – стихов. У Пушкина меня занимала проза: «Капитанская дочка», «Повести Белкина». Стихи Лермонтова мне пришлось лучше: я их любил больше. Вину тому должны искать в гимназии: с подготовительного класса надо было задалбливать стишки. А вообще художественное чтение меня поглощало – в гимназии уже в 3 классе мне давали книги из... фундаментальной библиотеки: я ухитрился ученическую – проглотить[.] от и до – восьмилетним. [Отсюда – великолепное] Правописание – благодаря зрительной памяти, конечно. Стихов я в детстве не писал. Я только импровизировал пародийные «речи»: так, например, я насмешил и восхитил всю «интеллигентную» часть трактира В.И.Чурилина, его т. е. руководство – знаменитого у нас канареечника и тайно-поэта, буфетчика Гаврила Федоровича Палова и винного буфетчика Игнат<a> Николаевича Прусов<a>, книгочая, – тем, что произнес яркую и «обличительную» речь против нашей горничной <1 нрзб.>, уснастив «речь» цитатами из писания и библии! Эффект был огромный!

Потом помню: мне было 13 лет, третьеклассник гимназии. Приехала к соседям из Ельца знакомая портниха, довольно развитая молодая женщина, читавшая много. Я гулял с ней по улице, мимо наших домов – и говорил, говорил о Художественном театре в Москве (по фельетонам Дорошевича и Яблоновского¹⁰⁷ в «Русском Слове») и Шаляпине (те же источники – но тут же фантазировал и отсебятинны <так!>). И тут я восхитил слушательницу – придя к соседям, дома <так!>, она с восторгом заявила: да это гениальный мальчик! Я

среди студентов не слыхивала такого развития! И получила ответ: да он – полоумный, он книжками считался <так!>; нашла, кого хвалить! Тиша-то – чумной, шамашедший!

Очевидно, и в Лебедяни, и у нас в Союзе писателей у некоторых одинаково незаурядное считается шемашедшим. Трогательное единство, корреспонданс!

Уже после окончания гимназии я пробую писать стихи. Странно – но тогда на меня действовал... Надсон. Я над ним плакал! Ряд стихов я послал в «Ниву». И получил от тогдашнего редактора «Нивы», писателя Светлова¹⁰⁸, письмо, где он, обратив внимание на мои стихи, поощрительно резюмировал: в вас есть поэтическая жилка... учитеесь... работайте – и присылайте нам на просмотр. Через 2 года первые мои стихи появились в «Литературном приложении» к «Ниве», июль 1908 года – «Мотивы».

По приезде в Москву в 1906 г. первые студенческие годы проходят под знаком увлечения символистами: Бальмонтом, Брюсовым, Сологубом. Но особенно пал мне в душу – Иван Коневской. В дальнейшем «властителем дум» сделался Андрей Белый. Его поэзия и проза были трамплином, от которого меня отбросило потом – вперед и выше <?>! В Белом меня привлекло его ритмика и интонационность. В Коневском – своеобразии синтаксиса. Оба поэта серьезно влияли на меня тогдашнего. Вот отсюда вышла «Весна после смерти», первая книга, введшая меня в русскую поэзию 20 века.

Еще в мои студенческие годы, особенно так к окончанию их, я серьезно ознакомился с русским символизмом и декадентством. В 1918 г. за границей, в Лозанне, где я «совершенствовал» себя во французском языке, я, пользуясь библиотечкой русского Мезон Попля¹⁰⁹, где оказался весь комплект «Весов» за все их годы и «Золотое Руно» <так!>. Там же были и Белый, и Брюсов, Блок и Сологуб, и Вячеслав Иванов, Ремизов, Кузмин – кто-то щедро наградил полки <?>. Эмигрантское положение <?>! Все это мной было еще раз прочитано и конспектировано. Еще раз внимательно я прочитывал русских символистов и проверял себя и их – взаимоотношения. И опять ближе ко мне оставались бывшие: Иван Коневской и Андрей Белый. Из французских поэтов тогда восхищал меня Поль Верлен. Пригляделся я и к Лафору. Встречно ахнул я на Франца Вийона, и этот был очень хорош для меня! Еще позднее я познакомился с дружкой Верленом, озорником Ж.<так!>А.Рембо. И этот занял меня, мое воображение. И наконец – еще по и по спусю, уже после выхода «Весны», перед встречей с Петниковым – начал я интересоваться Стефаном Малларме.

Немцев, к сожалению, кроме классиков по переводам, я не знал в эти годы. Позднейше совсем, в зрелости, почти параллельно с Пастернаком заинтересовался я Р.-М.Рильке. Потом благодаря Петникову познакомился я с молодыми поэтами-немцами-экспрессионистами и даже перевел Курта Абира <?>, Курта Теймпля <?>, Августа Штрома, Альберта Эренштейна¹¹⁰.

Помню: сильное впечатление в ранние мои годы на меня оказался Уитмен.

Из русских прозаиков с самых ранних лет восхищал, как восхищает и сейчас, – Лесков. Это – мой спутник. Любил и люблю Гоголя – это тоже и учитель, и спутник до сих пор. В зрелые мои годы пришла любовь к Толстому и Гончарову. Я вижу ясно и поныне – какие это разбойнички, мое почтение! Есть чему поучиться – конечно, не по-фадеевски и подобным. Они просто шьют и кроют по толстовскому фасону. Во-первых, толстовский фасон – это отлично, но старомодно. Во-вторых, раз это – старомодно, увы, тогда для нас не отлично. Попробуйте походить сейчас в галстухе, три раза обматывающем шею. Тогда – это имело смысл, сейчас – никакого, лучше отстегивать летом ворот рубашки, как это и приняли у нас.

Итак изучение и грызба символячьего гранита началось и шло у меня в мои юные, студенческие, годы. Это накапливало во мне поэзию, которая будто и шла из истины символизма, но по существу, как правильно определил это О.М.Брик в своем вступительном слове к моей книге «Жар-Жизнь»¹¹¹, – была пародийной.

Это действительно показала книга «Весна п<осле> смерти», в которой большая часть стихов – пародийны. От этого-то символисты поспешили назвать ее и футуристической или кубофутуристической, ибо они чуяли во мне – их же свергателя, их же разрушителя – и поспешили отмежеваться. А «футуристы» – Маяковский, Асеев, Петников очень внешне <?> отнеслись к «Весне» – отчасти по ее паспорту, по месту ее прописки – «Альциона», отчасти по эмпирическим вехам: Коневской – Андрей Белый. И не отрицая высокого мастерства поэта, ее символячья плаценда не была ей прощена – вместо того, чтоб по-повивальному отрезать ее и наградить новорожденного ребенка звонким шлепком по задку – чтоб закричал: о, – ляло! они и плаценды не отрезали, а к ребенку повернулись сами задом: символяка-де. Напрасно, дорогие товарищи – сами видите, что поспешили. А выход «Весны» в 1915 году был событием двух родов: 1-ый типографски-издательский – издание выделилось замечательной формой и тщательностью. 2-ое: поэт, никогда к<оторого> и не слыхивали раньше – сразу заявил <себя> большим мастером. Об

этом мне говорил Л.Б.Ниславский¹¹². Александр Блок говорил, но позже, своему другу В.А.Зоргенфрею: «я прозевал большого поэта»¹¹³. Но В.В.Маяковский «ругался» – мне передавала моя кузина Е.И.Л<амаки>на¹¹⁴, что он ругал книгу и меня (ясно, что за символический паспорт и эпитафия). Пародийность ее была распознана и определена значительно позже замечательным знатоком русской поэзии 20 века О.М.Бриком. Вот его строки: «Тихон Чурилин прошел хорошую поэтическую школу.

Стихи он начал писать давно – еще в дореволюционное время.

Писал так, как писали лучшие поэты ущербного символизма.

Блестящая техника, тончайшее поэтическое чутье и призрачная сверх-идеалистическая, почти уже пародийная тематика»¹¹⁵.

Выпустив в <19>15 году «Весну» – автор (т. е. я – Т.В.Ч<урилин>) затосковал. Сторожевым отцовским инстинктом (должно быть, есть и такой, параллельно материнскому). Он чуял – то, да не то. Пародийности было ему мало, он тосковал по новизне, по иному. И в 1918 году встреча в Харькове с Григорием Петниковым мне открыла глаза на то, что стало для меня законом поэзии, его же не пройдешь и не объедешь на коне символизма. Это был знаменитый закон Хлебникова «Распевочное единство». Я наконец осознал Хлебникова как надо. И началось для меня музыка о-та! под нее заплясали и лес, и горы!!

«Распевочное единство». Это гениальное исследование Хлебниковского начала поэзии замечательного, рано погибшего юноши земного шара, Богдана Божидара (Гордеева)¹¹⁶. Советую всем интересующимся Хлебниковским началом поэзии внимательно не только прочитать – а и проштудировать эту книжку. Издана она изд<ательств>вом «Лирень» и из<дательством>вом «Центрифуга». В настоящее время – библиографическая редкость. Есть, конечно, в б<иблиотек>е Ленина и должна быть в библиотеке им. Маяковского в Маяковском переулке.

У меня ее украли – «любитель» в Крыму, Симферополе в 1922 г. Просто безвозвратная потеря.

Надо рассказать тем, кто будет читать эти строки, – в чем тут зарыта собака? Собака зарыта в воде, которая *течет*, если она не прудовая, не озерная, не болотная. Речная и Морская вода *течет* – и в этом вся суть. Вспомните изумительное Гераклитово древнее откровение (открытие) – «Все течет». Т. е. все, что *течет* (движется) есть жизнь. Все, что стоит – есть смерть или анабиоз (полу-смерть).

Давайте, друзья, – и «враги» – т. е. не верующие и сомневающиеся (слепые), будущие читатели этих строк, посмотрим назад, в прошлое нашей поэзии, в ее ретроспект.

В очень далеком прошлом, которое и забито <так!> и полуубито в досталь, поэзия не писалась, а пелась или говорилась. Тогда всякий стих был – песней.

Песни эти были прежде всего – живыми, т. е. они не были закованы в доспехи метра – размера, тяжелые и ныне проржавленные, хоть их и чистили мылом, мелом – или иногда слишком усидчивыми задами. Они текли, т. е. двигались ритмом свободно, в так называемом лирическом «беспорядке» ритма. Вот это был исток поэзии народной, ее замечательное русло, полное жизни, – и это мы видим теперь в восстановленной мудростью политики нашего вождя Сталина поэзии и искусства всех народностей нашего Союза. Ашуги, творцы, сказители¹¹⁷ показывают нам это живописное русло поэзии. Оно замечательно, оно живет, п<отому> ч<то> движется, течет в свободе своего ритма.

А вот русское декадентство и особенно русский символизм заковали русскую песню в такую стальную броню изысканных и утонченных всевозможных размеров – метров, что поэзия поржавела <?> от этих жестяных и металлических изделий! Она мертвела не только от символизма и декадентства – тот натурализм, т. е. гробовая доска творчества (roesia), который был в чести и у тогдашнего среднего и высшего мещанина (ибо – кто, как не мещанин в искусстве, был великосветский болван, болванчик, которых так хорошо выставил гениальный старик Лев Толстой в «Плодах просвещения» – да и в «Анне Карениной», да и в «Отце Сергии», да и в «Войне и мире». – Взять и увеликосветить болвана и болванчика в искусстве, также не имевших вкуса и понятия). Известно кто был в чести: в поэзии – К.Р. – плохой плет, вроде Надсона, и ныне поющего так же плохо гражданственной силе <так!>, как и плохо пел патриотичность, да и лирически К.Р. – Константин Романов¹¹⁸, да и Плещеев, да и П.Я. – народносусальный эсер, придворный поэт «Русского Богатства» Л.Мельшин¹¹⁹ – каждый по-своему. Но силы поэзии не было, такой силы, какая была у Некрасова, – а шел Некрасов от народной песни, не стесняя ее оковами строчек и изысканных размеров в ущерб движению – течению – ритму. Да и действительно превосходная мастерская поэзия классическая по существу своему была великолепным озером, которое чудесно отражало воздушную природу своей стоячей водой-зеркалом. В озеро впадали ручьи, роднички, которые сами текли, жили. Это были народные струи песен, сказов, которые, струясь жизнью и живя движеньем ритма, влились – и застыли в чудной стоячей воде озера.

Хлебников первый после Пушкина, нарушившего своим смелым новаторством торжественную оцепенелость русской поэзии, – нарушил великолепный стоячий покой, статику четырехстопных, пятистопных ямбов и иных метров послепушкинской поэзии – вольным движением ритма, беря не одинаковые для того размеры: ямб, анапест, дактиль, хорей, – а пользуя их без церемоний симметрии размеров, а беря их все в чередовании – но в единстве одного цельного распева¹²⁰. Читая его любое стихотворение, вы видите <... >¹²¹

Асеев

Это самый близкий к Маяковскому соратник, собрат-поэт. – «Есть еще у нас Асеев, Колька – этот может, хватка у него моя!»¹²² Асеев вместе с Григорием Петниковым также близко стояли к Хлебникову, были его ближайшими собойцами, братьями-поэтами. Петниковский «Лирень», книгоиздательство крошечное, как ноготь на мизинце возлюбленной – поэзии, было в свое время замечательным по чистоте отбора издаваемых им: Хлебников, Божидар, Асеев, Петников, Новалис – и потом в конце своей жизни и даже в огне революции – Тихон Чурилин. Потом – Хлебниковские «Временники» – боевые бюллетени русского – футуризма – редколлегия: Хлебников, Петников, Асеев, Каменский Василий¹²³. Все это было молодо, романтично, задорно, поэтично, ново, как пенье певчих птиц после зимы – только-только. Хорошее было время в тогдашней кругом плохой жизни.

Я повстречался с Асеевым в 1924 году. Меня свел с ним собственно по телефону этот проклятый NN, поэт и журналист, тогда близко стоявший к Асееву, Маяковскому, Брику. Я стал бывать у Асеева на верхотурье в доме Вхутемаса на Мясницкой. Квартира Асеева была штабом связи с Дальним Востоком, откуда он только что приехал¹²⁴: но твердо его посещали 2 чел<о>в<е>ка, молодых дальневосточников, признающих в Москве – писание чернилом, карандашом, мелом, еще черт знает каким писаком¹²⁵. Туда же собирались все боевые свежие деятели искусств: поэты, художники, музыканты, – студенты.

Внешне Асеев был в то время очень занятым, интересным, особым. Есть книжечка его стихов, изданная «Огоньком» с заголовком «Песни»¹²⁶. Там на обложке его фото – молодой серый волк. Тогда он таким и был – молодой остролицый серый волк – для врагов. Для друзей он был обаятельно прост, открыт, душевен, певуч и тугоупруг, как тетива боевого лука. Помню вечера у Асеева на Мясниц-

кой в 1924–1925 г. Когда собирались свои: Пастернак, Брик, Синяковы, Мария и Вера¹²⁷, Крученых, я – было очень уютно и весело, шумно. Давали чай с сэндвичами – о, вкусный чай! и как, бывало, читали свои стихи за столом Асеев и Пастернак!! Их собственные жены, привязанные, кажется, к ихним стихам¹²⁸, – шалели и пьянели от чтения, глаза становились пьяными, но какой пьянкой! Это был Дионисов пир, дионисов [бубен] и фиал!! Звон – звон, звон! Ей, ей, не вру, правда.

Стихи Асеева и ранние, и после, и теперешние – все почти до одного пронизаны этим пляшущим, скачущим, бегущим рьяно ритмом – значущим одно: любовь к жизни, движению жизни, вперед и выше!

Его творчество никогда не было тем, что по старинке звали – да и теперь еще кое-где в музеях и историях зовут аполлиничным. Нет – это был дионис нового стиля, настоящий Денис Асеев <так!> наших дней. Какой дурак, кроме известных уже нам исторически по Раппу, серьезно может думать, что перевыполняющий планы нашей стройки и рабочего дела ритм нашей сегодняшней жизни должен и может быть передан ямбическими или иными медлительными метрами? Даже классический плясовой хорей – один на один – не сможет, не в состоянии вынести наших ритмов – темпов: кишка слаба, дух выйдет вон! Чудаки, ваше неподобье!

Асеев, как и Маяковский: по-своему, также нашел себя, свои модус вивенди¹²⁹ получил именно в этом ритме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) – художник; Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – художница, жена Ларионова.

² Якулов Георгий Богданович (1884–1928) – театральный художник, живописец.

³ Эльснер Владимир Юрьевич (1886–1964) – поэт и переводчик.

⁴ Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884–1942) – секретарь издательства «Мусагет» (1910–1912), в 1910–1923 – владелец издательства «Альциона». Два первых сборника стихов Эльснера «Выбор Париса» и «Пурпур Киферы» (1913) были изданы в «Альционе».

⁵ В архиве Чурилина сохранился записанный на отдельном листе адрес: «Угол Большого Палашовск<ого> и Трехпрудного д<ом> Гончарова кв.10 М.Ф.Л<арионов>». – РНБ. Ф.1294. Ед.хр.2. Л.8.

⁶ Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878–1968) – живописец, график, театральный художник.

⁷ Шевченко Александр Васильевич (1883–1948) – живописец, участник организованных Ларионовым выставок групп «Бубновый валет» и «Ослиный хвост», теоретик искусства (автор брошюр по неоприми- тивизму и кубизму, 1913), в дальнейшем – видный советский художник. Начало собраний художников группы «Ослиный хвост» на квартире Ларионова и Гончаровой в воспоминаниях Шевченко отнесено к 1911 (см.: *Шалабаева В.Н.* Александр Шевченко. Путь художника. Художник и время. М., 1994. С.178).

⁸ Ср. характеристику С.П.Боброва (1889–1971) – поэта, прозаика, кри- тика, литературоведа – в черновом варианте воспоминаний: «С.П.Боб- ров, символяцкий критик с уклоном в какую угодно левую сторону, очень умная и злая собака и плохой поэт». – Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.19. Л.5.

⁹ В 1908 Хлебников перевелся из Казанского университета на физи- ко-математическое отделение Петербургского университета, в 1909 пе- решел на историко-филологический факультет, а в 1911, не закончив, оставил учебу.

¹⁰ Поэма В.Хлебникова и А.Крученых «Игра в аду», иллюстрирован- ная литографированными рисунками М.Ларионова и Н.Гончаровой, вышла в октябре 1912. В варианте, хранящемся в музее Маяковского, название «Взял!» вычеркнуто (Там же. Оп.1. Ед.хр.38. Л.3; Оп.2. Ед.хр.19. Л.5. Имеется в виду изд.: *Взял. Барабаны футуристов.* Де- кабрь. Пг., <1915>). Ср. в черновом наброске воспоминаний Чурилина о Хлебникове:

Затем мы стали встречаться с ним у Ларионова и Гончаровой. Там его настиг и полонил Алексей Крученых, тоже молодой, с очень подвижным составом всех частей: рук, ног, головы, языка, очень боевой и предприимчивый. Тогда же началась серия лито- графированных книжечек: Хлебников – Крученых – Ларионов – Гончарова. Началось с «Игры в аду» и т. д. Работа кипела, весело, бодро <...> Хлебников, сразу нашедший свою среду, оживился, завеселился; завхозом всего был, конечно, Крученых, при кон- сультанте и соратнике, замечательном тогда боевике, художнике и товарище Ларионове.

(Там же. Л.5).

¹¹ Московский Литературно-художественный кружок (1898–1919) первоначально объединял писателей-реалистов и таковым запомнился ряду мемуаристов более старшего, нежели Чурилин, поколения (Андрею Белому, Ходасевичу, Телешову и др.). Однако уже с 1906 в поме- щении Кружка по средам заседало Общество свободной эстетики (про- существовало до 1917), объединявшее московских поклонников «нового искусства». Брюсов длительное время был одним из его руководителей,

а с 1908 стал председателем дирекции и самого Литературно-художественного кружка. О посещениях Общества Чурилиным в 1909 свидетельствует его позднейшее письмо В. Брюсову от 16 мая 1912 (см.: РГБ. Ф.386. Карт.107. Ед.хр.49). См. также с.418-419 наст изд.

¹² Ср. в черновом наброске:

Третье свидание было у него. Еще у меня он сказал за чаем, что хотел пойти на собрания Свободной Эстетики, его интересовал волк-Брюсов (Т.Ч.). Я перед собранием, узнав от О.Ф.Г<не-синой>, которая была членом С<вободной> Э<стетики>, о дне, пошел за ним.

И далее:

Я сказал: сегодня в 9.30 Эстетика – пойдёмте, вы хотели. – Да, я пойду, очень хорошо, вместе – только надо по полтиннику входных, иначе неловко, там люди тонкие. – А – да – у меня только полтинник – возьмите вы. – А вы? – Я не пойду. – Ну и я не пойду один. И мы остались.

(Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.19. Л.6).

Возможно, результатом этого посещения стало стихотворение Хлебникова, в котором пародийно обыгрываются имя любимого героя Чурилина Кикапу и название Литературно-художественного кружка (см.: *Виктор Хлебников. Отчет о заседании Кикапу-р-но-художественного кружка // Трое: Сборник. СПб., 1913. <С.46>*). К 1913, когда предположительно и произошел упоминаемый в мемуарах случай, у Чурилина уже был написан ряд текстов, где присутствовал этот образ.

¹³ Ср. в черновом варианте воспоминаний: «хозяин мой был вино-торговец, союзник русского народа, ничего не подозревавший о том, что я был – революционер, подпольщик» (Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.19. Л.5).

¹⁴ Аллюзия на слова Репетилова, обращенные к Чацкому из комедии «Горе от ума» А.Грибоедова (действие IV, явление 4):

А у меня к тебе влечение, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга.

(Грибоедов А.С. Сочинения в стихах. Л., 1987. С.136).

¹⁵ Ср. его характеристику в черновом варианте воспоминаний: «И.Н.Кротова, молодого инженера, очень любившего поэзию и музыку» (Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.19. Л.5).

¹⁶ Ольга Фабиановна Александрова-Гнесина (1885–1963) – пианистка и музыкальный педагог, сестра М.Ф.Гнесина, с которым Чурилин тесно сотрудничал в 1930-е. См. его письма к М.Ф.Гнесину (РНБ.

Ф.1294. Ед.хр.17), а также письмо М.Ф.Гнесина от 6 июля 1940 в Совнарком СССР с просьбой о помощи Чурилину. – РГБ. Ф.2954. Оп.1. Ед.хр.288. См. также примеч. 166 к вступит. статье.

¹⁷ Катя Л. – Екатерина Ивановна Ламакина, двоюродная сестра писателя, которая, в частности, упоминается в автобиографической «поэме» «Из детства далечайшего» и романе «Тяпкатань» (см. с.446 наст. изд.). Сохранилось письмо Чурилина к ней от 11 августа 1906 (РНБ. Ф.1294. Ед.хр.30), а также его завещание, где упоминается ее имя:

Две тысячи рублей предоставить в распоряжение двоюродной сестре моей по матери Екатерине Ивановне Ламакиной как способ для достижений ее цели к усовершенствованию и расширению кругозора ее знаний, вместе с пожеланием успешного исполнения ее желаний.

(Там же. Ед.хр.1).

¹⁸ Неустановленное лицо.

¹⁹ Возможно, аллюзия на фразу из футуристического манифеста «Пощечина общественному вкусу»: «стоять на глыбе слова “мы”».

²⁰ «Доски судьбы» – сочинение Хлебникова, попытка создать философию истории, в основе которой лежало представление о циклическом развитии человечества и Вселенной, регулируемом определенным числом лет. Выходило тремя выпусками в 1922–1923.

²¹ Ср. в черновом варианте:

Здесь надо сопоставить <?> настоящего Х<лебникова> с Дмитрием Петровского рукоделия Велемиром – помните, в его воспоминаниях в №1 Лефа о В<елемире>, там Х<лебников> выходит к нему в переднюю филипповскую, с жирными губами и чавкая. Должно быть, Петровский был действительно голоден и в мыслях чавкал и мазал губы себе жиром, а также и Х<лебников>у. Поганое дело делать из такого лица собственную морду.

И далее, описывая готовность Хлебникова пожертвовать «полтником» и отказаться от похода в Свободную эстетику, Чурилин возвращается к этой же теме:

Таков он был как товарищ, это – всегда. Как же мог он выйти к Петровскому с жирными губами, чавкая, и не накормить его? Т. е. он не хотел кормить его филипповской едой, чужой. Эта инсинуация «последователя», «выросшего» ученика (Шкловский) не должна бы забыться никем из действительно близких своих Хлебникову – а теперь Петровский котируется четвертым в нео-гамбургском счете т.т. Мирского, Маслина <?>, Шкловского etc.

(Фонд Чурилина. Оп.2. Ед.хр.19. Л.6).

²² От *causerie* (*франц.*) – непринужденный разговор, беседа, светская болтовня.

²³ Ср. в черновом варианте:

Перешли в гостиную из столовой, О.Ф. (Ольга Фабиановна Гнесина. – *Н.Я.*) стала играть Шопена, Шумана, Грига, Листа. Крученых скучал, брызгал на О.Ф. ядом и всяким злом, а Велемир слушал, как никто, – он вбирал в себя музыку, а что она там делала, мы не знаем. О.Ф. играла оч^{<ень>} хорошо, но все классиков, и Крученых сбежал, забрызгав О.Ф. злом и ядом, – а Велемир остался и долго еще слушал с нами классиков, ни его, ни нас они не раздражали.

(Там же).

²⁴ Имеется в виду стихотворение Чурилина «Конец Кикапу» (1914), особенно запомнившееся современникам. Ср. свидетельство Т.Лещенко-Сухомлиной, относящееся к более позднему времени: «Тихон Чурилин оказался тем самым поэтом, который когда-то написал “Кикапу”, а мы с Милкой Волинской в 1922–1923 годах твердили эти стихи беспрестанно» (запись от 17 февраля 1941, см.: *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Дневник-воспоминания. М., 1991. С.69).

²⁵ Шманкевичи Всеволод и Борис – поэты, участники двух сборников «Гюлистан» (М., 1914 и 1916), где были также помещены и стихи Чурилина.

²⁶ Глоба Андрей Павлович (1888–1964) – поэт и драматург.

²⁷ Сохранилось стихотворное письмо С.Я.Парнок к Чурилину от 12 мая 1932:

Тихону Чурилину

Как тесен нынче стол наш круглый, –
Почти как в космосе земля!
Столкнем стаканы, гость мой смуглый.
Люблю я дребезг хрустала.

Довольно выть мне хмурой выпью...
За новый лад, за новый ритм!
Воскресший друг, дружнее выпьем
За все, что нам судьба дарит!

За то, что ты не обескрылен,
За сей крылатый твой возврат,
За то, что снова ты Чурилин, –
За жизнь, мой нареченный брат!

(Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.18. Л.2).

В последней строке стихотворения каламбурно обыгрывается название сборника «Жар-жизнь», готовившегося в это время.

²⁸ Ляндау Константин Юлианович (1890–1969) – поэт, театральный режиссер. Вместе с К.Лисенковым был одним из соучредителей издательства «Фелана», в котором в 1916 вышел «Альманах муз». Чурилин поместил в нем цикл стихотворений «Кроткий катарсис. Полная поэма».

²⁹ Куфтин Борис Алексеевич (1892–1953) – писатель, археолог, этнограф.

³⁰ Вермель Самуил Матвеевич (1892–1972) – режиссер, театральный деятель, писатель (сборник «Танки», 1915) и издатель (вместе с Д.Бурлюком выпустил сборник «Весеннее контрагентство муз», 1915). С осени 1915 руководил Студией Искусства театра «Башня», где, помимо практических занятий по импровизации, танцу, пантомиме, живописи, музыке и даже жонглированию предполагалась теоретическая работа «о сущности гротеска эротики в искусстве». В Студии «Башня» (Покровка, Малый Успенский пер.) помещалась и редакция основанного Вермелем журнала «Московские мастера» (вышел один номер, весна 1916). Из перечисленных Чурилиным авторов там были опубликованы: стихотворения Н.Асеева «Выход эскадры» и «Донская ночь», два стихотворения В.Хлебникова («Эта ночь такая заячья...», «Ни хрупкие тени Японии») и его рассказ «Ка». Чурилин был представлен вступлением к поэме «Яркий ягненок» и стихотворениями «Укромный ужин. Из книги “Март-младенец”» и «Первый грех». Здесь же была помещена рецензия Вермеля на сборник «Весна после смерти». Далее в тексте мемуаров он именуется «Самвермель» – возможно, это обусловлено тем, что «Сам. Вермель» было формой литературного имени автора (фигурирует на обложке сборника «Танки», подпись под рядом публикаций и т. д.).

³¹ Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955) – поэт, прозаик и мемуарист.

³² Вероятно, обыгрывается название краски «Зелень Веронезе».

³³ От *fac totum* (лат.). Здесь: человек, готовый выполнить любые поручения; проныра, всюду сующий нос.

³⁴ Имеется в виду персонаж романа Г.Уэллса «Пища богов» (глава «Гигантский мальчик»). См.: Уэллс Г.Д. Собр. соч.: В 9 т. Т.6. СПб.: Шиповник, <б/г>.

³⁵ «Эй, вы, небо – снимите шляпу!» – цитата из поэмы В.Маяковского «Облако в штанах».

³⁶ Горбов Дмитрий Александрович (1894–1967) – литературный критик, прозаик, литературовед, позднее ведущий теоретик «Перевала».

³⁷ Драма «Последний визит» (1915), в основу центральной коллизии которой лег сюжет воскрешения «Тихона, Тимона, Тиши», осталась неопубликованной (Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.33). Сохранился при-

гласительный билет (1916) на имя А.А.Шемшурина – на чтения драмы в помещении «Выставки Общества» в Художников “Бубновый Валет”» (РГБ. Ф.339. Ед.хр.10). Драма была одобрена и принята для экспериментальной постановки репертуарной комиссией Камерного театра (объявления см.: Рампа и жизнь. 1915. №18; Голос Москвы. 1915. №101, 5 мая; Московские мастера. 1916). Однако по неизвестным причинам постановка не состоялась.

³⁸ Грифцов Борис Александрович (1885–1950) – критик, переводчик, искусствовед и прозаик.

³⁹ Ярцев Петр Михайлович (1871–1930) – театральный критик, драматург, режиссер.

⁴⁰ Мозалевский Виктор Иванович (1889–1970) – прозаик.

⁴¹ В архиве Чурилина сохранился датированный 25 февраля 1916 договор на бланке Московского Камерного театра за подписью А.Таирова, в котором значится, что Чурилин поступает актером в театр на срок с 20 июля 1916 до Великого поста 1917; подпись Чурилина отсутствует (см.: Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.6. Л.1-1об. См. также письма Чурилина к Таирову. – РГАЛИ. Ф.2030. Оп.1. Ед.хр.38).

⁴² Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) – известная актриса Камерного театра. Сохранилось письмо Чурилина к ней, см.: Там же. Ф.2768. Карт.391. Ед.хр.1.

⁴³ Соколов Владимир Александрович (1889–?) – актер, автор инсценировок.

⁴⁴ В 1926 в Камерным театром была поставлена пьеса А.Глобы «Розита» (режиссер Таиров, декорации Якулова).

⁴⁵ Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – известная балерина, солистка Большого театра, близкая подруга Л.Ю.Брик.

⁴⁶ Имеется в виду «Вторая книга стихов» Чурилина (М., 1918).

⁴⁷ Имеется в виду Санталово – деревня в Новгородской губернии, в которой умер В.Хлебников.

⁴⁸ Имеется в виду Наталья Константиновна Звенигородская (1891–1982) – первая жена художника П.Митурича.

⁴⁹ См. примеч.116.

⁵⁰ О Петникове см. примеч. 102.

⁵¹ О Божидаре см. примеч. 116.

⁵² Фрагмент, заключенный в угловые скобки, отсутствует в черновом тексте и внесен автором в вариант Музея Маяковского.

⁵³ Перцов Виктор Осипович (1898–1980) – советский литературовед, критик, автор книг о В.Маяковском. В 1940 вышло три книги, к которым имел отношение Перцов: Наш современник: О В.В.Маяковском; Маяковский: Материалы и исследования / Под ред. В.О.Перцова и М.И.Се-

ребрянского; *Маяковский В.В.* Сочинения: В 1 т. / Под общей ред. Н.Н.Асеева, Л.В.Маяковской, В.О.Перцова и М.И.Серебрянского; Критико-биографич. очерк В.О.Перцова.

⁵⁴ Имеется в виду работа в должности главного литературного руководителя в Политуправлении 4-й армии, на Кавалерийских и Пехотных курсах имени Крымского центрального исполнительного комитета ВКП(б), в Окружной комиссии Ленинского коммунистического союза молодежи и желдорузле Комсомола.

⁵⁵ Известная квартира Н.Н. и К.М. Асеевых, в которой они поселились сразу после переезда в Москву из Читы в 1922. Описание квартиры на Мясницкой (позже ул. Кирова) сохранилось во многих мемуарных и художественных текстах. См., в частности, рассказы Н.Асеева «Война с крысами» и «С девятого этажа» (*Асеев Н.* Проза поэта. М., 1930. С.64-76, 77-81). К.М.Асеева позднее вспоминала:

В Москве на вокзале нас с Колей встретил Брик и отвез к Маяковскому, который на другой же день достал нам комнату во Вхутемасе на девятом этаже. Многие писатели описывали эту комнату и в стихах и в прозе. Дверь в нашу комнату была из фанеры, окрашена мелом. Когда кто-нибудь из друзей и знакомых приходил к нам и не заставал дома, то оставлял свою подпись на белой странице двери. Так постепенно с течением времени почти вся дверь заполнилась автографами.

(*Асеева К.М.* Из воспоминаний // Воспоминания о Николае Асееве. М., 1980. С.25-28.

Ср. также: *Петровская О.* Николай Асеев // Там же. С.57-58; *Шкловский В.* Крутая лестница // Там же. С.87-88.

⁵⁶ Синякова-Уречина Мария Михайловна (1898–1984) – художница. Сохранился написанный ею портрет Чурилина (Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.32), см. также набросок портрета в архиве А.Крученых (РГАЛИ. Ф.1334. Оп.2. Ед.хр.493). В квартире на Мясницкой у Асеевых жила в это время сестра М.М.Синяковой – Вера. Ср. в воспоминаниях О.Петровской: «Асеевы жили в колоссальной комнате вместе с Верочкой, одной из сестер Синяковых, впоследствии ставшей женой писателя Гехта. Все называли ее “Гоген” – за лицо, очень похожее на лица таитянок с полотен художника» (*Петровская О.* Николай Асеев. С.58). В.М.Синяковой посвящено стихотворение Чурилина, вошедшее во «Вторую книгу стихов» (М., 1918).

⁵⁷ Гехт Семен Григорьевич (1903–1963) – советский писатель. Муж В.М.Синяковой.

⁵⁸ Имеется в виду первая жена писателя Евгения Владимировна Пастернак (урожд. Лурье; 1898–1965) – художница; в начале 1920-х училась во ВХУТЕМАСе.

⁵⁹ Гонта-Петровская Мария Павловна – актриса, сценаристка, журналист. Печаталась в журнале «Прожектор», газете «Красная звезда». Автор воспоминаний о Пастернаке. (См.: *Гонта М.* Мартирик // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С.232-237). Ср. упоминание в мемуарах Е.Б.Черняк, относящееся к 1922 году:

Мы с Яшей пришли (в гости к Пастернаку. – *Н.Я.*) вместе с поэтом Дмитрием Петровским и его женой Марийкой (Мария Гонта). Они жили недалеко от нас, в Мертвом переулке. Странная это была пара. Петровский – неистовый поэт и человек. В гражданскую войну он примыкал к анархистам. Говорили – убил помещика, кажется, своего же дядю. Был долговяз, и создавалось такое впечатление, будто ноги и руки у него некрепко прикреплены к туловищу, как у деревянного паяца, которого дергают за веревочку. Стихи у него были иногда хорошие, но в некотором отношении он был графоман.

(*Черняк Е.Б.* Пастернак. Из воспоминаний // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С.128).

⁶⁰ Вероятно, речь идет не о лете 1925, когда Маяковский находился за границей (май – ноябрь), а о предыдущем лете, которое он вместе с Бриками проводил в Пушкино под Москвой. Там было написано знаменитое стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)». См.: *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т.2. С.35-38).

⁶¹ Корвин-Каменская Бронислава Иосифовна (?–1945) – художница, ученица К.Коровина. Письма Чурилина к ней см.: РНБ. Ф.1294. Ед.хр.29. Иногда упоминается как Чурилина (см.: Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. М., <1965>. Т.1: 1917–1932). См. также рецензию на выставку ее картин, представленную на поэтическом вечере Чурилина в Симферополе 7(20) мая 1920: *Досифей.* Вечер Тихона Чурилина // Таврический голос (Симферополь). 1920. №224, 12(25) мая. С.2; перепеч.: *Крусанов А.* Русский авангард: В 2 т. М., 2003. Т.2. С.274-275.

⁶² Речь идет о мае 1924.

⁶³ Из заграничного путешествия Л.Брик привезла скоч-терьера Скоттика; ср. в письме к В.Маяковскому от 14 апреля 1924: «Кроме того все советуют купить в Англии, потому что там их родина (басаврюков) и есть из чего выбирать. Так что жди нас вдвоем!» (опубл.: В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик. Переписка 1915–1930 / Сост., подгот. текста, введение и коммент. Б.Янгфельдт. Stockholm, 1982. С.121). В неопубликованной драме Чурилина «Здорово, Цезари!» под кличкой Скотт выступает собака англичан Буманнов (см.: Каталог действующих лиц. – Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.36. Л.6).

⁶⁴ От *distingué* (*франц.*) – благовоспитанный, с хорошими манерами, элегантный.

⁶⁵ Синякова-Асеева Ксения (Оксана) Михайловна (1900?–1985) – жена Н.Н.Асеева.

⁶⁶ Кушнер Борис Анисимович (1888–1937) – поэт, один из основателей ОПОЯЗа, в 1918–1919 сотрудничал с Бриком и Маяковским в ИЗО Наркомпроса. Репрессирован. В отредактированном варианте Музея Маяковского его фамилия убрана автором.

⁶⁷ В Гендриковом пер., 15 Брики и Маяковский жили с апреля 1926 по 1930.

⁶⁸ Ср. в письме Л.Ю.Брик к В.Маяковскому от 12(?) июля 1926 из Ялты: «Мы живем роскошно, весело и разнообразно: по понедельникам у нас собираются сливки литературной, художественной, политической и финансовой Москвы – Тихон Чурилин, Перцов, Малкин, Гринкруг!!» (В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик. Переписка 1915–1930... С.152).

⁶⁹ Такого произведения у известного поэта-лефовца Семена Исааковича Кирсанова (1906–1972) не обнаружено. Скорее всего, имеется в виду стихотворение «Мэри-наездница» (1925); см.: *Кирсанов С. Опыты: Стихи* М.; Л., 1927. Вероятно, Чурилин ошибочно приводит название позднейшего (1929) сборника стихов Н.Асеева. «Цирк» (с рисунками М.Синяковой). Чтение С.Кирсанова, возможно, запомнилось еще и потому, что стихотворение строилось на фонетической игре и звукоподражаниях. Ср. в воспоминаниях Лавинской: «Помню также появление мальчика Кирсанова на Гендриковом. Приехал он прямо из Одессы, выглядел юношей лет семнадцати–восемнадцати <...> Читал блестяще свои стихи и восторженно смотрел на Маяковского» (*Лавинская Е.А. Воспоминания о встречах с Маяковским // Маяковский в воспоминаниях родных и друзей.* М., 1968. С.360). Судя по записи, сохранившейся в архиве Чурилина, С.Кирсанов признавал влияние последнего на свою поэзию:

С другим, тоже настоящим, но современным молодым поэтом – Семеном Ис<ааковичем> Кирсановым у меня был такой разговор (кажется в 1926 г.) по поводу его раннего отличного стиха, помещенного в Юголефе, «Красноармейский разговор»:

«Хорошие, говорю, это у вас стихи, Семен Кирсанов».

«Да, неплохие, ведь я у вас учился, Т.В.»

«Спасибо, говорю, за честь – а стихи независимо от сего – отличные».

Тут Семен Кирсанов отличился.

«Ничего, – говорит он страшно гордо, – но это шерстяное изделие. Носки. А надо, – чтоб было – шелковое отличное».

Ах чудак человек Семен Кирсанов! Вы недовольны – шерстяными носками?! Милый человек, у нас до сих пор ценится портянка, самая настоящая есенинско-васильевская. <...>

Так что отличные «шерстяные носки» все-таки большой прогресс. Куда культурнее.

(РНБ. Ф.1294. Ед.хр.14. Л.21).

Имеется в виду, видимо, стихотворение Кирсанова «Красноармейская разговорная» (1924) (см.: *Кирсанов С.* Опыты. С.49-52).

⁷⁰ Имеются в виду слова из рефрена «Песни червонных казаков» Д.Петровского: «Чекувамбыр – вамбимбир / Вамбумбир...» (ЛЕФ. 1924. №1; вошло в кн.: *Петровский Дм.* Червонное казачество. М.; Л., 1928. С.24, 25).

⁷¹ Название неопубликованного романа Чурилина, где под этим вымышленным именем описан родной город поэта Лебедянь.

⁷² См. примеч. 35.

⁷³ Бескин Осип Мартынович (1892–1969) – художественный критик.

⁷⁴ Строчки из стихотворения «Конец Кикапу» (1914). Ср.: «Часто трагически, и не в шутку, а всерьез он (Маяковский. – *Н.Я.*) читал Чурилина:

Помыли Кикапу в последний раз.

Побрили Кикапу в последний раз».

См.: *Брик Л.* Чужие стихи // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С.344.

⁷⁵ Ср. в варианте Музея Маяковского: «Да я совсем никак не пишу – и не буду!».

⁷⁶ «Бюллетени Государственного издательства» – информационно-библиографическое издание, выходившее под разными названиями с 1921 по 1940.

⁷⁷ Здесь и далее в квадратных скобках воспроизводятся фрагменты, отсутствующие в варианте воспоминаний, хранящемся в Музее Маяковского, и вычеркнутые в варианте РГАЛИ.

⁷⁸ Накоряков Николай Никандрович (1881–?) – заведующий торговым отделом Госиздата, с июня 1932 директор ГИХЛа. Автор воспоминаний, см., например: *Накоряков Н.* 1) Зачинатель новых путей советского книгоиздательства // *Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность.* М., 1953; 2) На заре советской книготорговли: Странички из воспоминаний // *Издательское дело.* 1927. №11.

⁷⁹ Видимо, имеется в виду поэма «Рассказ о дезертире» (М.: ГИЗ, 1921).

⁸⁰ От *casus belli* (лат.) – повод к войне.

⁸¹ Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) – директор Госиздата с 1921 по 1924, позже главный редактор «Большой советской энциклопедии».

⁸² На Кузнецком мосту располагался ряд учреждений и магазинов Госиздата. Кроме того, там находились кафе, которые посещала мос-

ковская богема, в том числе кафе «Питtoresк», расписанное Г.Якуловым и другими художниками.

⁸³ Кто имеется в виду, установить не удалось.

⁸⁴ В частности, в газете «Красный Крым» была опубликована статья Чурилина о Всеволоде Иванове, см.: *Чурилин Т.* Новая Крепость. Всеволод Иванов // Красный Крым. 1922. №139(469), 25 июня. С.3; №153(483), 12 июля. С.3. Однако судя по остальным характеристикам, сообщаемым автором (например, публикация «вещи» в ЛЕФе и проч.), речь идет не о нем. Не исключено, впрочем, что Чурилин совмещает ряд сведений, касающихся разных лиц.

⁸⁵ «Воспоминания о Велемире Хлебникове» Д.Петровского первоначально были напечатаны в журнале «ЛЕФ» (1923. №1), вышли отдельным изданием (М.: Огонек, 1926) и были перепечатаны в сб.: Дмитрий Петровский. М., 1929.

⁸⁶ Отсутствие Л.Брик, вероятно, объясняется кризисом их отношений с Маяковским, во время которого (с декабря 1922) они не встречались в течение двух месяцев.

⁸⁷ Ашмарин (наст. фам. Ахрамович; 1882–1930) Витольд Францевич – литератор, кинематографист.

⁸⁸ Вероятно, имеется в виду Третьяков Сергей Михайлович (1892–1939) – поэт (с 1921 – член группы «Творчество»), прозаик, драматург, журналист. Репрессирован. По всей видимости, его арест в 1937 и последовавший затем расстрел как шпиона имел большое значение для ближайшего окружения ЛЕФа, в редакции которого он работал в 1923–1924, а позднее, после ухода Маяковского из «Нового ЛЕФа», стал фактическим редактором журнала. Кроме того, по свидетельству его дочери, при аресте Третьякова погиб или был изъят архив журнала, который собирала его жена, литературный секретарь «Нового ЛЕФа», О.В.Гомолицкая, арестованная вслед за мужем (См.: *Гомолицкая-Третьякова Т.С.* О моем отце // Третьяков С. Страна – перекресток: Документальная проза. М., 1991. С.554-563). В архиве Чурилина сохранился пригласительный билет (1924) Московского Пролеткульта на генеральную репетицию «новой постановки» «Противогазы» (Фонд Чурилина. Оп.1. Ед.хр.11). Очевидно, речь идет о написанной для Театра Пролеткульта пьесе С.Третьякова с тем же названием, премьера которой состоялась 29 февраля 1924.

⁸⁹ От alter ego (*лат.*).

⁹⁰ Редакционно-издательский отдел.

⁹¹ Намек на эпизод из воспоминаний Петровского о Хлебникове:

И последним приветом его мне, последним жестом и взмахом платка «оттуда», из времени, куда унес его корабль, была коро-

тенькая надпись на моем портрете у Крученых: «Где твой кроваво-радужный жупан. Сего разбойника добре знаю...»

(Дмитрий Петровский. С.47).

⁹² Лавинская Елизавета Андреевна (1901–1950) – художница, автор «Воспоминаний о встречах с Маяковским».

⁹³ Семенова Е.В. – художник, оформитель, примыкавшая к группе ЛЕФ. Работала в архитектурной мастерской Ладовского, Кринского и Докучаева, печаталась в «ЛЕФ’е» под псевдонимом «Вхутемаска» (см. о ней: *Лавинская Е.А.* Воспоминания о встречах с Маяковским. С.353).

⁹⁴ Ср. высказывание Чурилина о Петровском в письме к Г.Петникову от 17 ноября 1942:

В качестве смешного без великого – около табашно-водошного сенса вдруг появился каллиграфия Хлебникова и Ваша, вновь фениксом пострелом поспел вездесующийся Митька Шансон-Малорусс, он же Вамбер – вамбера – Петровский. Как дермо гусино-петушье он всегда выплывает наверх – иже везде сый и вся наполняя! <...> Впрочем, с г...ном шутить и нельзя: вот, примером, голубиное гуано – ежели да на хороший огород – то гарбуз дюже добрый буде (организаторам огорода!!!).

(РНБ. Ф.1294. Ед.хр.24. Л.3).

⁹⁵ «Современная архитектура» – журнал группы конструктивистов, выходил с 1926 по 1930. Из трех братьев Весниных ведущую роль в журнале играл Александр Веснин (1883–1959) – ведущий советский архитектор-конструктивист. А.Веснин работал также как театральный художник, в том числе в Московском Камерном театре. Теоретиком и пропагандистом конструктивистского функционализма в журнале был архитектор М.Я.Гинзбург (1892–1946).

⁹⁶ Цитата из «Левого марша» В.Маяковского.

⁹⁷ Гиляровский Василий Алексеевич (1876–1959) – психиатр, академик АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1936). С 1917 заведующий кафедрой психиатрии медицинского факультета МГУ.

⁹⁸ Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.7.

⁹⁹ От тот (*франц.*) – словечко, острота.

¹⁰⁰ Неточные цитаты из поэмы «Руслан и Людмила» и стихотворения «Эхо» А.С.Пушкина, а также из стихотворения А.Кольцова «Лес».

¹⁰¹ Этот фрагмент воспоминаний отчасти повторяет идеи Чурилина о литературе и искусстве, излагавшиеся в статьях 1922 года, в период его сотрудничества в газете «Красный Крым». Подобные идеи излагались и в коллективном некрологе Хлебникова. Ср.:

Он был борцом и далее в своем творческом пути: первый в русской молодой поэзии нашел он, развил и показал Единый сво-

бодный размер стихов – песни, вывел стих из мертвой, уже стоячей воды классических размеров: ямба, хорей, амфибрахия и т. д., показав на деле, что стих есть прежде всего свободная песня и что, если законы нашей теперешней жизни движение / динамика, то и размер стиха-песни должны не покойно застыть, стоять на одном месте, а быть в движении, меняться, течь – как текут живые воды, реки, моря.

(*Чурилин Т., Курзин М., Корвин-Каменская Б.* Велемир Хлебников (Борец, изобретатель-производственник, вождь) // Красный Крым. 1922. №154(484), 13 июля С.3).

¹⁰² Петников Григорий Николаевич (1894–1971) – поэт и прозаик. Ему посвящена «Вторая книга стихов» (М.: Лирень, 1918). Оформление обложки сборника Петникова «Поросль солнца» (М., 1918) принадлежит Корвин-Каменской. Письма Чурилина к нему см.: Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.16.; РНБ. Ф.1294. Ед.хр.24.

¹⁰³ Вероятно, имеется в виду неустановленное высказывание известного советского поэта и идеолога соцреализма А.А.Суркова (1899–1983). Не исключено, впрочем, что оно могло принадлежать также будущему советскому критику и театроведу Е.Д.Суркову (1915–1988).

¹⁰⁴ Цитата из стихотворения Ф.И.Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (начало 1830-х).

¹⁰⁵ Ср.:

Хлебников был настоящим языковедом (ученым лингвистом), но он не обратил своих знаний в археологию, в музей, – нет, в своей творческой лаборатории, мастерской – просто, в своем изобретательном мозгу, упорно искал он и изобретал новые и новые оживления, освежения слов, их укрепления в производстве, – и если он не был признан старой академической ученой знатью, не принимающей ничего живого и революционного, то даже и они в лучших своих единицах ценили его, как знатока языка. Таким был известнейший ученый-филолог и поэт Вячеслав Иванов.

(*Чурилин Т., Курзин М., Корвин-Каменская Б.* Велемир Хлебников...)

¹⁰⁶ Ср. в «поэме» «Из детства далечайшего»: «Анна Австрийская раскинувши руки свои давно брошенная, нечитаемая, – а читатель чудно как-то убегает из дому – диковинно...» (*Чурилин Т.* Из детства далечайшего: Главы из поэмы. Любовь // Гюлистан. М., 1916. С.91). Анна Австрийская – королева Франции. Персонаж трилогии А.Дюма, вероятно, имеются в виду «Три мушкетера».

¹⁰⁷ Имеются в виду известные критики и писатели С.В.Яблоновский (наст. фам. Потресов; 1870–1953/54) и В.М.Дорошевич (1865–1922).

¹⁰⁸ Светлов Валериан Яковлевич (наст. фам. Ивченко; 1860–1935) – прозаик, очеркист, драматург, редактор журнала «Нива».

¹⁰⁹ От *maison peuple* (*франц.*) – народный дом.

¹¹⁰ Курт Абир, Курт Теймпль, Август Штрамм (Stramm; 1874–1915) – представители немецкого футуризма. Альберт Эренштейн (Ehrensteint; 1866–1950) – немецкий поэт-экспрессионист австрийского происхождения. Ряд переводов Чурилина вошел в антологию немецкой поэзии, редактором которой был Г.Петников: из К.Хейнеке (Kurt Heunicke) – «Человек», «Рассвет»; А.Штрамма – «Сон»; А.Эренштейна – «Вечернее озеро». См.: Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии. Б/м.: Гос. изд. Украины, 1926.

¹¹¹ Имеется в виду статья О.М.Брика «Поэт, каких немного» (см.: Фонд Чурилина. Оп.3. Ед.хр.31).

¹¹² Неустановленное лицо.

¹¹³ Источник этого высказывания неизвестен; возможно, это устное сообщение Зоргенфрея. Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882–1938) – поэт, переводчик.

¹¹⁴ Е.И.Ламакина, о ней см. примеч. 17.

¹¹⁵ Чурилин приводит цитату из указанной статьи О.Брика «Поэт, каких немного».

¹¹⁶ Божидар (Богдан Петрович Гордеев; 1894–1914) – поэт, теоретик стиха, член «Центрифуги», один из основателей литературно-издательской группы «Лирень». «Распевочное единство» (М.: Центрифуга, 1916) – стиховедческая книга Божидара, вышедшая посмертно, под редакцией и с предисловием С.Боброва.

¹¹⁷ В 1930-е творчество «народных сказителей» пользовалось особым вниманием властей и было приспособлено к нуждам момента. Об этом свидетельствует обширная издательская практика. См., например: Песни ашугов о Ленине и Сталине. Баку, 1939; Песни ашугов Азербайджана / В пер. Ю.Баласанова и С.Иванова. Баку, 1936; Избранные песни армянских ашугов, исполняемые ансамблем ССР Армении под руководством артиста Ш.Тальян / Пер. <В.Брюсова и Ф.Коган>. Пояснения. Выдержки. М., 1930. Ср. также свидетельство А.Авторханова, приводимое Л.Флейшманом:

Особенной выпренности в то время отличалось «народное» поэтическое творчество о Сталине, которое преподносилось от имени кавказских и туркестанских поэтов и певцов. Тюркское слово «акын» и кавказское слово «ашуг» (народный певец) впервые вошли в словарь русского языка в те годы именно из-за стихов о Сталине. Ставшие тогда знаменитыми на весь Советский Союз казахский 90-летний акын Джамбул или 85-летний даге-

станский ашуг Сулейман Стальский были совершенно неграмотными людьми, а им приписывали не только стихи, но и целые поэмы о Сталине – в полном соответствии с «Кратким курсом истории»<...>

(Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. С.283-284).

¹¹⁸ Константин Романов, великий князь (1858– 1915; псевдоним «К.Р.») – поэт.

¹¹⁹ Якубович Петр Филиппович (1860–1911; псевдонимы «П.Я.», «Л.Мельшин») – поэт, прозаик и переводчик. Неоднократно печатался в изданиях журнала «Русское богатство».

¹²⁰ Здесь в нескольких абзацах Чурилин отчасти воспроизводит свои рассуждения из статьи «Хлебников Велемир», опубликованной в 1922 в газете «Красный Крым». Статья вышла с редакционным примечанием: «Редакция считает эти утверждения слишком смелыми и категоричными» (см.: Чурилин Т. Хлебников Велемир // Красный Крым. 1922. №157(487), 16 июля. С.3). Ср.:

Он (Пушкин. – Н.Я.) изобрел, развил и усовершенствовал русское поэтическое слово <...> Но со дня рождения Пушкина прошло сто уже лет. Еще и еще потом появлялись поэты, крупные и мелкие, ложные и настоящие, но *переизобрести* Пушкина, сделать что-то *впервые новое* с поэзией слова, так-таки никому не удалось. Поэзия крепко была заключена в строгие классические рамки, размеры, *метры* стиха: от ямба начал – ямбом кончил <...> поэзия с Пушкина до наших дней была *статической*, т. е. не движущейся, а стоячей.

Хлебников впервые после Пушкина в России дал нам показательные творческие образцы *движения стиха*, а не его покойное, стоячее, *статическое состояние*. У него каждый стих имеет все размеры: и ямб, и хорей, и *амфибрахий*, и *спондей* – в *одном и том же стихотворении*, и это организуется им в постепенном переходе размеров в другие, в живом течении, *как в реке проточной* всего стиха. Стих *жив в движении*, он движется вперед, как сама жизнь! <...>

Это, товарищи, закон, вновь открытый Хлебниковым: *песня-стих движется в перемене размера все время, как сама жизнь. Закон распевочного единства*, ибо в прежние времена народ, творя свои песни – стихи, – пел их *голосом*, а Хлебников *поет их работой*, *жизненно меняя*<я> *в движении мертвые прежде размеры*.

(Там же).

¹²¹ На этом текст обрывается.

¹²² «Правда, есть у нас Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя», – строка из стихотворения В.Маяковского «Юбилейное» (*Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т.6. М., 1957. С.53).

¹²³ Из запланированных трех книг Новалиса были выпущены только две, обе в переводе Г.Петникова: «Фрагменты» (Кн.І. М., 1914) и «Цветень» (Кн.ІІІ. М., 1915). В издательстве «Лирень» вышли чурилинские «Вторая книга стихов» и повесть «Конец Кикапу» (М., 1918). Каменский Василий Васильевич (1884–1961) – поэт, прозаик, драматург, авиатор. В издательстве «Лирень» вышли первые два номера «Временника».

¹²⁴ Асеев находился на Дальнем Востоке в 1917–1921.

¹²⁵ В августе 1922, вслед за Асеевыми, в Москву переехало большинство участников группы «Творчество»: О.Петровская, В.Пальмов, П.Незнамов, С.Третьяков. Петровская с мужем первое время жили на Мясницкой у Асеевых (см.: *Петровская О.* Николай Асеев. С.57).

¹²⁶ *Асеев Н.Н.* Песня. М.: Огонек, 1931.

¹²⁷ М.Синякова-Уречина (см. примеч. 56) и Вера Синякова (в замужестве Гехт; 1895–1973) – две из пяти сестер Синяковых, из которых еще одна, Ксения (1893–1985), была замужем за Асеевым.

¹²⁸ В частности, один из поэтических сборников Н.Н.Асеева вышел под названием «Оксана» (1916) с посвящением «Ксении Михайловне Синяковой».

¹²⁹ От *modus vivendi* (лат.).

Varia

О.Л.Фетисенко, Н.К.Цендровская
«...ТА ДЕВУШКА ЗВАЛАСЬ – СЕСТРА»
(О жизни и кончине Анжелины Блок)

4 марта (19 февраля по старому стилю) 1918 Александр Блок записал: «Одиночество. – Что-то тяжелое делается. Ничего, кроме музыки, не спасет. Ночью я отодвинул занавеску, вслушиваясь: раздался глухой далекий взрыв (вероятно, цеппелин, прилетевший вчера)». Позднее он сделал приписку: «Никто не прилетал – все вралы обыватели и газеты. А умерла Анжелина, о чем я узнал 24(11) марта»¹.

«Я встречался с ним мало, но помню его кровно», – написал Блок об отце². Та же память соединила его с единокровной сестрой у гроба отца. В первой половине 1910-х они часто виделись, беседовали. Мысли о судьбе Анжелины на несколько лет заняли большую часть внутренней жизни Блока. Она стала героиней его стихов и второй, посвященной ей, редакции поэмы «Возмездие». Памяти Анжелины посвящена одна из последних блоковских книг стихов – «Ямбы».

Если об А.Л.Блоке написаны и воспоминания, и исследования³, в 1970–1980-х появилась серия публикаций о нем и его предках⁴, то

¹ Блок А.А. Записные книжки. М., 1965. С.393 (далее – ЗК, с указанием страницы). Характерно, что поэт, обладавший, по выражению К.Чуковского, сейсмографическим слухом (см.: Чуковский К. Последние годы Блока // Записки мечтателей (Пб.). 1922. №6. С.158), осмыслил звук взрыва как весть. Запись в дневнике в этот день начиналась так: «4 марта (19 февраля) – между вечером и ночью, после чаю, проснувшись после тяжелого сна – часа 3 спал. Делается что-то. Быть готовым. Ничего, кроме музыки, не спасет» (Блок А. Дневник / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. А.Л.Гришунина. М., 1989. С.269; далее – Дневник, с указанием страницы).

² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т.7. С.12.

³ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911; Блок Г.П. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. №3. С.172-186; Измайльская В.Д. Проблема «Возмездия» // О Блоке: Сб. литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП. М., 1929. С.63-92; *Spektorski E.* Poeta Blok i jego ojciec // Srpski Knjivni Glasnik. 1933. №38. S.431-437.

⁴ Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. №3. С.188-191; Гордин М. История – это возмездие // Звезда. 1980. №11. С.87-103; Енишерлов В.П. Семья Блоков // Енишерлов В. Александр Блок: Штрихи судьбы. М., 1980. С.51-81; Небольсин С.А. Из родословной А.А.Блока // Прометей: Историко-биографический альманах. Т.13. М., 1983. С.279-295; Ильин Н.П., Небольсин С.А. Предки Блока: Семейные предания и документы // Известия АН

Ангелина долгое время оставалась в сознании исследователей и читателей полумифическим персонажем. Не случайно посвященная ей небольшая глава книги А.Галиса о Блоке называется «Ангелина Блок – легенда и факты»⁵.

В 1940-х племянник Александра Львовича Г.П.Блок переработал свой очерк «Герои “Возмездия”», опубликованный в 1924, дополнив его, в частности, яркими портретами Ангелины и ее матери⁶. Из этого нового варианта воспоминаний впоследствии были опубликованы только небольшие фрагменты, непосредственно касающиеся А.Блока⁷. Практически единственным источником информации об Ангелине, ее матери, Марии Тимофеевне Блок, урожденной Беляевой, и семье Беляевых долгие годы оставалась небольшая глава в позднем варианте «Воспоминаний об Александре Блоке» Н.А.Павлович⁸. В 1996 вышла составленная И.В.Кузнецовой подробная ро-

СССР. 1975. Т.34. №5 (Сер. лит. и яз.); Письма отца к Блоку (1892–1908) / Предисл., публ. и коммент. Т.Н.Конопацкой // Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн.1. С.249-274; Блок в переписке Блоков и Качаловых / Публ. М.Б.Плюхановой // Там же. С.275-296; Письма Блока к Е.В.Спекторскому / Вступит. ст., публ. и коммент. С.Б.Шоломовой // Там же. Кн.2. С.297-308; *Шоломова С.Б.* Эскизы к портрету отца Александра Блока. Ст.1 // Мир А.Блока: Блоковский сборник. Тарту, 1985. С.126-142 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 657); То же. Ст.2 // Блоковский сборник. VII. Тарту, 1986. С.82-90 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 735); *Старк В.П.* Родословная Блока // Русская литература. 1994. №3. С.127-140.

⁵ *Galis A.* Osiemnascie dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa, 1976. S.181-187. Глава в основном посвящена разоблачению существовавшей в польской литературе о Блоке легенды о католичестве и полонофильстве якобы выросшей в Варшаве Ангелины и о благотворном влиянии ее на Блока в этом отношении. А.Галис полемизирует с В.Ледницким (*Lednicki W.* Poland, Russia and the West. London; N.Y., 1954) и Я.Ивашкевичем (*Iwaszkiewicz J.* Petersburg (fragmenty) VII. Aleksander Błok // Tworszosc. 1970. №8. S.14-16).

⁶ *Блок Г.П.* Из семейных воспоминаний. – ИРЛИ. Ф.645 (Архив Г.П.Блока). В дальнейшем цитируется по машинописной копии из коллекции Н.П.Ильина (ныне – Государственный Музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб.). Фонд XI-1768-р). Авторы выражают благодарность Е.М.Аксененко за предоставленные сведения.

⁷ *Блок Г.П.* Из очерка «Из семейных воспоминаний» / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.Н.Орлова // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т.1. С.105-109.

⁸ *Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // Прометей. Т.11. 1977. С.243-246 (далее – Павлович, с указанием страницы). В этой главе Павлович предприняла попытку защитить М.Т.Блок и семью Беляевых от несправедливых упреков Блока. Черновая рукопись этой главы – «Новая глава к “Воспоминаниям об Александре Блоке”» (1967), содержащая существенные разночтения с

дословная Беляевых⁹. В том же году И.В.Кузнецовой и К.В.Романенчук были опубликованы «Записки русского изгнанника» Ивана Тимофеевича Беляева, дяди Ангелины¹⁰. Изданные в Алма-Ате, эти воспоминания, к сожалению, остались практически неизвестными в России, а между тем в них содержатся интереснейшие сведения и о самом Блоке, и, конечно, об Ангелине и семье ее матери.

Особый интерес представляют опубликованные в академическом собрании сочинений Блока черновые автографы поэмы «Возмездие» и цикла стихотворений «Ямбы», а также комментарии к ним И.А.Ревякиной и Н.В.Лощинской, позволяющие, в сочетании с письмами, записными книжками и дневниками поэта, проследить, как трансформировался в его сознании образ сестры – не только в поэтическом, но и в житейском плане¹¹.

Недостаточная осведомленность широкого круга читателей о судьбе Ангелины Блок заставляет предварить публикацию новых материалов о ней биографическим очерком.

* * *

Для начала приведем несколько характеристик, данных Александром Блоком второй жене отца: «...Самое неподвижное, что есть в мире (т. е. – православная гувернантка из военной семьи, притом не чисто русского происхождения)»; «...Темнота происхождения и умственного уровня <...> классной дамы <...>. Генеалогия m-me Блок: военная, серенькая либерально-бездарная среда (артиллерия – то место, где “военный – штатский” всю жизнь колеблется между правостью и левостью); происхождение – частью английский (т. е. подонки Англии, русские гувернеры, великая сухость и *безжалостность* души, соединенная с русским малокровием)»¹². Может быть, что-то в этих крайне жестких отзывах и соответствовало действительности, но в том, что касается фактов, с Блоком трудно согласиться.

Мать Марии Тимофеевны и бабушка Ангелины Блок действительно была «не чисто русского происхождения». Прапрадед Анге-

опубликованным текстом, была подарена автором коллекционеру Н.П.Ильину (ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-883-р).

⁹ Кузнецова И.В. Род дворян Беляевых // Память сердца: Сб. материалов конференции «Головинские чтения – генеалогия-96». М., 1996. С.20-25 (далее – Кузнецова, с указанием страницы).

¹⁰ Беляев И.Т. Записки русского изгнанника // Простор. 1996. №4-8 (далее – Простор, с указанием номера журнала и страницы).

¹¹ Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. (далее – ПСС). Т.3. М., 1997. С.289-296, 669-714; Т.5. М., 1999. С.139-272, 381-461.

¹² Дневник. С.116 (записи от 18 и 19 марта 1912).

лины Андрей Иванович Эллиот (?–1822), по происхождению шотландец, прибыл, как писал впоследствии И.Т.Беляев, «в числе двенадцати капитанов в Россию при Екатерине на воссоздание флота, покрывшего себя бессмертной славой в эпоху Чесмы и Наварина»¹³.

Сын его, Иван Андреевич Эллиот (1802–1888), пехотный капитан, в середине 1830-х женился на Елизавете Леонтьевне Трефурт (1815–1892), отец которой, Леонтий (Людольф) Федорович Трефурт, швейцарец по происхождению, дипломат, служил некоторое время при А.В.Суворове секретарем по иностранной переписке и проделал с ним его последний поход, знаменитый переходом через Альпы. В его имении Леонтьевское¹⁴, где проводили лето дети Беляевы, а потом и Ангелина Блок, висела олеография, изображающая Чертов мост. Детям передавали рассказ Л.Ф.Трефурта о том, как суворовские герои восстанавливали мост «под пулями, перевязывая его офицерскими шарфами»¹⁵.

У Эллиотов было 9 детей – 3 сына и 6 дочерей, одна из которых, Мария Ивановна (ок. 1845 – 1875), вышла замуж за офицера-артиллера Тимофея Михайловича Беляева (1843–1915)¹⁶. Она умерла тридцати лет отроду, оставив пятерых детей, младшему из которых было 5 дней. Тимофей Михайлович через год женился на 16-летней купеческой дочери Марии Николаевне Сентюриной (1860–1934, Париж).

К 1880 в семье Беляевых было семеро детей. Старшей была Мария Тимофеевна, затем следовали Сергей (1867–1923, Москва)¹⁷, Михаил (1869–1951, Югославия), Владимир (1870–1942, Ленинград), Иван (1876–1957, Парагвай). Все они, как и отец, и сыновья от вто-

¹³ Простор. №4. С.32.

¹⁴ Сельцо Леонтьевское Гдовского уезда С.Петербургской губернии (ныне – Сланцевский район Ленинградской области).

¹⁵ См.: Простор. №4. С.35.

¹⁶ В 1879 Т.М.Беляев был назначен командиром лейб-гвардии 4-й батареи 3-й Гвардейской гренадерской бригады, квартировавшей в Варшаве. Предпоследним местом его службы (с 1899) был Тифлис, где он в звании генерал-лейтенанта возглавлял 2-й Кавказский артиллерийский корпус. «В мае 1903 г. назначен комендантом Кронштадтской крепости, в 1906 в связи с волнениями матросов в Кронштадте ушел в отставку в чине генерала от артиллерии» (Кузнецова С.22).

¹⁷ С.Т.Беляев окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1893), служил в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде, которую затем и возглавил (1911). Во время Первой мировой войны командовал артиллерией Западного фронта. В 1917 перешел на сторону большевиков. Его «послереволюционный формуляр» см.: Павлович. С.243; см. также: Кузнецова. С.23–24.

рого брака – Николай (1878–1955, Париж) и Тимофей (1880–1918, Кронштадт), – служили в гвардейских артиллерийских частях. Артиллеристами были и два брата Т.М.Беляева, и их сыновья, один из которых, М.А.Беляев (1863–1918), был последним военным министром царского правительства.

О единственной дочери Т.М.Беляева, как и обо всей семье Беляевых, до появления воспоминаний И.Т.Беляева было известно очень мало. Н.А.Павлович, встречавшаяся в 1950-е с детьми С.Т.Беляева Елизаветой Сергеевной (1895–1978) и Алексеем Сергеевичем (1904–1987) Беляевыми и с Марией Сергеевной Зверевой (урожд. Беляевой; 1900–?), дополнила полученными от них сведениями свои опубликованные ранее воспоминания¹⁸.

В процессе публикации произошла путаница с датами, и если ошибка в дате рождения Ангелины никого не ввела в заблуждение, то неправильная дата рождения ее матери утвердилась в литературе на 30 лет.

Родилась Мария Тимофеевна 10 марта 1866. Когда в 1875 умерла мать, ей было 9 лет. И.Т.Беляев вспоминал, как Махочка (так звали ее в семье) пыталась заменить братьям мать: «На нее перенесли мы всю свою нежность, любовь и благословение. До рассвета она собирала нас к себе, одевала, учила молиться, разогревала на свечке кусочки сахару и наделяла всех мальчиков, тихонько сидевших вокруг ночника. С годами это чувство росло и превратилось в рыцарское поклонение. Одно слово “Махочка рассердится” прекращало все шалости. Но Махочка никогда не сердилась»¹⁹. В старости, вспоминая сестру, Иван Тимофеевич восклицал: «Махочка – обожание и кумир всей семьи»²⁰.

Когда отец женился, Марию Тимофеевну отдали в Смольный институт, старшего сына Сергея, по стопам отца, – в 1-й кадетский корпус, куда потом, один за другим, поступили и остальные братья. По окончании института Мария Тимофеевна приехала к отцу в Варшаву, где стала преподавать в гимназии. «Положение ее в доме махечи, – вспоминал ее брат, – было тяжелое»²¹.

Семья Беляевых была очень религиозна, но даже в своей семье Мария Тимофеевна в этом отношении выделялась. Позднее, во время Первой мировой войны, она никак не могла понять, как это полу-

¹⁸ Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.446-506.

¹⁹ Простор. №4. С.32.

²⁰ Там же. С.35.

²¹ Простор. №5. С.65.

чилося, что брат ее ранен, – ведь он носил ее ладанку с девяностым псалмом и каждую ночь повторял его наизусть.

А.Л.Блок, напротив, до знакомства с Марией Тимофеевной, отнюдь не отличался религиозностью. А.Н.Бекетов утверждал даже, что его зять вообще не принадлежал к числу верующих, по крайней мере, к моменту вступления в первый брак, и к церковной стороне брака относился вполне скептически²². Где и при каких обстоятельствах А.Л.Блок впервые увидел М.Т.Беляеву и обратил на нее внимание, так как она показалась ему очень похожей на его первую жену²³, неизвестно, но летом 1889, приехав в имение к родным, Мария Тимофеевна рассказывала тетке, заменившей ей мать, как Александр Львович постоянно являлся в церковь, «становился за нею, опускался вместе с ней на колени и производил впечатление кающегося грешника, обожающего свой идеал»²⁴.

История первой женитьбы профессора Блока была известна родным Марии Тимофеевны, и осенью другая тетка, втайне от нее, пошла к Бекетовым и просила Андрея Николаевича откровенно высказать свое мнение о бывшем зяте. «Человек он порядочный, – отвечал старик, – но ваша племянница не уживется с ним и года. Его обуревают такие страсти, что, при всем желании, она не останется с ним»²⁵.

Заметим, что изображавший кающегося грешника Александр Львович еще не был тогда разведен со своей первой женой. Александра Андреевна добивалась развода в течение восьми лет, пока Александр Львович наконец не сдался. 21 сентября 1888 он писал ей: «Я все-таки решился изменить свой *отзыв* на консисторские увещания в благоугодном для Вас смысле – именно в смысле *развода* – и давно принял к тому нужные меры. Авось теперь и у нашего Сашуры будет по крайней мере не столь озлобленная вообще мамуся... Ну а у меня уже окончательно никого и ничего такого не будет...»²⁶. Бракоразводный процесс завершился 5 сентября 1889, Александра Андреевна в том же месяце вышла замуж за Ф.Ф.Кублицкого-Пиоттух, а Александр Львович в скором времени сделал предложение Марии Тимофеевне и получил ее согласие.

²² См. письмо А.Н.Бекетова А.Л.Блоку (б/д, начало 1880-х). – РГАЛИ. Ф.70. Оп.1. Ед.хр.13.

²³ Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С.40 (далее – Бекетова, с указанием страницы).

²⁴ Простор. №5. С.65.

²⁵ Там же.

²⁶ ИРЛИ. Ф.654. Оп.7. Ед.хр.23. Л.12-12об.

В его письме к матери от 29 апреля 1890 речь идет уже о приготовлениях к свадьбе²⁷. Венчание было совершено удивительно удивительно: «Свадьба наша состоялась по разным обстоятельствам уже 30 июля утром, в Павловске, при трех свидетелях, в числе которых был и Петя»²⁸.

Если Александре Андреевне приходилось еще до свадьбы страдать от «проявлений деспотизма и других тяжелых черт своего будущего мужа»²⁹, то на этот раз Александр Львович вел себя как будто иначе. И если, как утверждала М.А.Бекетова, ему «была противна религиозность Александры Андреевны, он плевал на ее крест, бросал на пол ее Евангелие»³⁰, то теперь он изменился или, по крайней мере, стремился измениться.

Об этом свидетельствует хотя бы маршрут свадебного путешествия, совершенного в августе 1890. Молодые посетили главные петербургские святыни и кладбища с могилами родных: были «у Сергия»³¹ (где похоронена мать Махочки), в Невской Лавре, в крепости и у Спасителя³², на Волкове <...> на Смоленском»³³, а затем, приехав в город детства А.Л.Блока – Новгород, продолжили свое паломничество, «обошли многие святыни». Александр Львович побывал даже в Перынском скиту Юрьева монастыря (женщинам сюда разрешалось входить только раз в году)³⁴.

М.А.Бекетова хотя и отмечала, что Мария Тимофеевна женщина «с самыми твердыми правилами», кажется, с подозрением относилась к ее религиозности и утверждала, что Александр Львович впал под влиянием второй жены «чуть не в ханжество», относя это на счет ее отчасти английского происхождения. О степени религиозности Александра Львовича в эту пору его жизни судить трудно, но если что-то подобное с ним тогда и произошло, то Марию Тимофеевну обвинить в ханжестве невозможно: оснований сомневаться в искренности ее религиозного чувства нет.

²⁷ Там же. Оп.6. Ед. хр.1. Л.6-7.

²⁸ Письмо А.Л. и М.Т. Блоков Ар. А. Блок. – Там же. Оп.6. Ед.хр.2. Л.1. Петя – Петр Львович Блок (1854–1916).

²⁹ Бекетова. С.296.

³⁰ Там же. С.521.

³¹ Имеется в виду Троице-Сергиева пустынь близ Стрельны.

³² Речь идет о часовне в домике Петра I (Петровская наб., 6), где хранилась чудотворная икона Нерукотворного Образа Спасителя (в настоящее время находится в Спасо-Преображенском соборе).

³³ Письмо А.Л. и М.Т. Блоков Ар. А. Блок. – ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.2. Л.3об.-4.

³⁴ Там же. Л.3.

Н.А.Павлович из бесед с племянниками М.Т.Блок довольно точно определила ее отношение к мужу: «она страстно его пожалела и полюбила – на всю жизнь»³⁵. Это чувство любви-жалости вообще было свойственно Марии Тимофеевне. Возможно, совсем не случайным был эпизод, описанный ее братом. Когда в конце 1916 И.Т.Беляев, приехав с фронта, жил в квартире сестры, их навестил С.Ф.Ольденбург, который, будучи в отдаленном родстве с Беляевыми, в молодости часто встречался с Марией Тимофеевной в Варшаве и «очень высоко ценил ее чистую христианскую душу и просвещенные взгляды. <...> Разговор шел, главным образом, на отвлеченные темы, касался и Франциска Ассизского и народного взгляда на сущность любви: “люблю–жалею”»³⁶.

Жизнь в Варшаве после свадьбы началась, кажется, вполне благополучно. В письмах к матери А.Л.Блок рассказывал о благодарности, которую он испытывал к жене, вернувшей ему ощущение дома: «В отношении новой семьи ничего лучшего не мог бы себе желать или даже придумать, – стараюсь только скорее стряхнуть с себя последние следы своего бывшего полуодинокого, полутрактирного существования»³⁷.

К началу мая 1891 Блоки ждали ребенка и в течение зимы устраивали квартиру. Письма Александра Львовича к матери полны подробностей: «Мой “кабинет” <...> весь уставлен вещами, полученными мною (в разное время) из дому родительского, и увешан фамильными портретами, чего на прежних “бивачных” квартирах совсем не полагалось. Висит там и образ Александра Невского, а у Махочки в спальне целый большой киот с образами»³⁸.

Первый ребенок – мальчик, которого Александр Львович хотел назвать Сашей, – родился мертвым³⁹. Через год, 2 мая 1892, родилась Ангелина. Роды были страшные, продолжались 3 дня, «врач был призван только в последний час»⁴⁰.

Назвали дочь в честь св. Ангелины деспотиссы Сербской (XVI в.). Имя было выбрано «отчасти для разнообразия», как написал А.Л.Блок матери, добавив: «имянины 30-го июля – в день нашей

³⁵ Павлович Н.А. Новая глава к «Воспоминаниям об Александре Блоке». Л.8-8об.

³⁶ Простор. №6. С.36.

³⁷ ИРЛИ. Ф.654. Оп. 6. Ед.хр.1. Л.10.

³⁸ Там же. Л.10-10об.

³⁹ Павлович. С.244. Напомним, что и первая жена А.Л.Блока сначала родила мертвого ребенка – девочку.

⁴⁰ Там же.

свадьбы»⁴¹. Ученик А.Л.Блока, Е.В.Спекторский, вероятно, со слов самого профессора или Марии Тимофеевны, утверждал, что столь необычное для России имя Ангелина «получила по желанию своего деда, генерала Беляева, в память о Балканах, которые он знал как участник войны с Турцией»⁴². Если это действительно так, надо полагать, столь яркая деталь была известна Блоку.

Ангелина родилась семимесячной, в пору экзаменов. «Немножко поторопилась она явиться на свет Божий; как раз был самый разгар экзаменов, а тетю⁴³ мою мы ждали только в половине мая, так что Саше пришлось по возвращении с экзаменов еще самому хозяйничать, чего он так не любит»⁴⁴, – писала Мария Тимофеевна свекрови 25 мая 1892. Начинала сказываться и скупость профессора (известная и по истории его первой женитьбы): из экономии обязанности няни он возложил на кухарку. А роженице уже на десятый день пришлось «приняться за многие из обычных занятий»⁴⁵.

В том же письме Мария Тимофеевна сообщала свекрови: «На меня она совсем не похожа, зато все находят большое сходство с Сашей; у нее большие темные глаза, маленький и очень подвижный ротик»⁴⁶. Ангелине шла тогда четвертая неделя. В это время она все еще не была крещена. Рассказ А.Л.Блока о подготовке к совершению таинства полон загадочных намеков. Так, говоря о выборе человека, который должен был заменить на крестинах Т.М.Беляева, он объясняет свой выбор следующим образом: «Тимофей Михайлович уже окончательно переселился на днях в окрестности Петербурга, так что и его придется заменить кем-нибудь – вероятно, Калонковым, как “ближайшим сродственником”, притом, кажется, мало сомневающимся в своей чиновной “неприкосновенности”, что ли».

Еще большую загадочность вносят следующие фразы: «Главное затруднение в приискании достаточно храброго представителя от

⁴¹ ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.2. Л.5. Русской православной церковью память прав. Ангелины празднуется только 1(14) июля и 10(23) декабря, а Сербской церковью, кроме того, и 30 июля (12 августа). См.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т.2. Святой Восток. Ч.1. М., 1997. С.231.

⁴² *Spektorski E.* Poeta Blok i jego ojciec. S.435. В этом очерке имеется ряд серьезных неточностей, вплоть до утверждения, что А.А.Блок родился в Варшаве.

⁴³ Генриетта Ивановна Эллиот (1837–1904) – сестра М.И.Беляевой; после ее смерти вместе с сестрой, Елизаветой Ивановной Эллиот (1835–1904), занималась воспитанием племянников.

⁴⁴ ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.2. Л.6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 6-6об.

г. Победоносцева, на что у меня до сих пор не хватало не столько храбрости, сколько времени. Во всяком случае, девочка наша не останется без христианского таинства, а прочее, зависящее от означенного господина, так же тленно, как и он сам, как и все поклонники или противники его талантов...»⁴⁷ Под представителем обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева надо разумеать православного священника. Неприкосновенность и храбрость нужны укрывающимся от кары и нарушающим закон. Почему нужна была особая храбрость для крещения ребенка, родившегося в законном браке? Что за тайна здесь кроется? Не исключено, впрочем, что никакой тайны нет, а мы имеем дело со свойственным А.Л.Блоку ироничным, а иной раз и донельзя запутанным способом выражения мыслей.

Крестной матерью Анжелины была бабушка, Ариадна Александровна Блок (урожд. Черкасова, 1832–1900), заменяла ее на крестинах Г.И.Эллиот.

Письменных свидетельств того, как протекали последующие три года, почти нет. Письма Александра Львовича к матери, относящиеся к первым месяцам жизни Анжелины, казалось бы, не предвещали ничего ужасного. Написанные все в той же затейливо-ироничной манере, они все же передают его нежность: «обе “маленькие”, т. е. и маменька и дочка прилегли поспать или что называется “скисли”, что и я намерен предпринять после обеда...»⁴⁸, а далее все-таки о сыне, как и во всех почти письмах о новой семье.

Пророчество А.Н.Бекетова сбылось, хотя и не так скоро – Мария Тимофеевна продержалась около пяти лет. И.Т.Беляев описывает события скупко: Анжелина «рисковала погибнуть, и сестра решилась бежать»⁴⁹. Н.А.Павлович, со слов детей С.Т.Беляева, рассказала подробности: «Он подымает руку на Марию Тимофеевну, четырехлетняя Анжелина бросается защищать мать... И начинает заикаться от страха и нервного потрясения. Тогда Мария Тимофеевна уходит от мужа, спасая дочь»⁵⁰. Племянник Александра Львовича Г.П.Блок рассказывал, со слов старших, совсем ужасные вещи: «Вокруг Александра Львовича – “дяди Саши” <...> выросло в нашей семье множество сказаний. Встречаться с ним нам, детям, было довольно страшно <...> От него убежали две жены. Он их бил, а одной даже

⁴⁷ Там же. Л.5об.

⁴⁸ Там же. Ед.хр.1. Л.13.

⁴⁹ Простор. №5. С.65.

⁵⁰ Павлович. С.244. Отметим здесь, что «легкое заикание» было и у А.Л.Блока. См.: Бекетова. С.27.

нож приставлял к горлу. Пробовал будто бы истязать и детей. И детей от него увезли»⁵¹.

Когда родные узнали об отчаянном положении Марии Тимофеевны и Ангелины, одна из теток отправила в Варшаву телеграмму от имени Т.М.Беляева, который якобы звал дочь проститься перед смертью. «Я предчувствую, что ты ко мне не вернешься, – сказал Блок, – но Тимофей Михайлович не даст тебе солгать. Поезжай»⁵². Обстоятельства бегства Марии Тимофеевны и Ангелины из Варшавы были изложены и М.А.Бекетовой. По ее версии, отъезд произошел «под тем предлогом, что ее <Марию Тимофеевну> зовут к себе погостить братья, живущие в Петербурге, он <Александр Львович> отлично понял, в чем дело, и, сказав: “ты не вернешься”, – даже не пробовал ее удерживать»⁵³.

Возможно, М.А.Бекетова знала эту историю в изложении самой М.Т.Блок (лично или через А.А.Блока) – это объясняет и столь точную (согласно И.Т.Беляеву) передачу слов Александра Львовича, и то, что предлог для отъезда указан другой. Марии Тимофеевне трудно было бы рассказывать – не только чужим людям, но и, может быть, в большей степени, Ангелине – об обмане, который ее отец так и не простил своей невестке, хотя этот обман, как считал И.Т.Беляев, и спас ее и дочь «от верной гибели». Может быть, за этими словами И.Т.Беляева кроется описанная Г.П.Блоком драматическая сцена с ножом?

В своих книгах М.А.Бекетова по-разному указывает возраст, в котором Ангелину увезли из Варшавы: то 3, то 4 года. Н.А.Павлович пишет о четырехлетней Ангелине. 29 февраля 1896, когда Ангелине до четырех лет оставалось два месяца с небольшим, сестры Бекетовы записали в своей тетради «Касьян»: «Жена Блока ушла от него с дочкой. Он не приезжал в последнее время»⁵⁴. Датировать событие точнее «Касьян» не позволяет: тетрадь и называлась так потому, что события, происходившие с их родными и друзьями, сестры Бекетовы фиксировали в ней только один раз в четыре года, в Касьянов день.

Н.А.Павлович пишет, что после возвращения из Варшавы Ангелина с матерью жили в семье С.Т.Беляева. И.Т.Беляев вспоминал об этом времени иначе: «Ее приютил брат мой Михаил и, когда муж приехал требовать ее обратно, твердо настоял на отказе. Блок клял-

⁵¹ Блок Г.П. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. №3. С.174. Мемуарист не вполне точен: сын А.Л.Блока никогда не жил с отцом.

⁵² Простор. №5. С.65.

⁵³ Бекетова. С.521.

⁵⁴ ИРЛИ. Ф.654. Оп.4. Ед.хр.15. Л.16об.

ся, что в корне переменит свое поведение, сестра волновалась между горькой правдой и иллюзиями, но брат настоял на своем. Девочка была в ужасном состоянии. Она заикалась...»⁵⁵.

Михаил Тимофеевич Беляев, которому в 1895 было 26 лет, служил поручиком в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде и жил в служебной квартире в доме на углу Измайловского проспекта и Первой роты Измайловского полка (Измайловский пр., 2/13). Там и поселились Мария Тимофеевна с Ангелиной. Об этих годах их жизни известно немного.

Александр Львович делал попытки к сближению; вновь обращаться напрямую к жене он, видимо, не решался и прибег к посредничеству брата, Ивана Львовича Блока (1858–1906), но тот в этой просьбе отказал: «Обращаюсь, наконец, к твоему предложению о том, чтобы просить твою жену переехать в Преображенское для наблюдения за именем. <...> Прошу тебя по сему предмету войти в переговоры со своей женой самому»⁵⁶. Дело это ничем не кончилось, и о других попытках Александра Львовича вмешаться в жизнь жены и дочери сведений нет. Посетивший его в декабре 1899 Г.П.Блок вспоминал: «он обвел меня по всем комнатам. Я оглядывал их с большим любопытством, потому что давно уже слышал, что все вещи остались у него на тех самых местах, где были в день ухода его второй жены. Он сам рассказывал моей матери, что по вечерам иногда целыми часами просиживает перед пустой кроваткой дочери»⁵⁷.

Никто не пытался примирить супругов, боясь, как писала Александра Николаевна, жена П.Л.Блока, «своим подчас неосторожным словом напортить, осложнить в таком тонком, щекотливом деле, как супружеские отношения»⁵⁸.

Отличие от первого, второй брак не завершился разводом. Мария Тимофеевна, как когда-то Александра Андреевна, подала прошение о получении отдельного вида на жительство⁵⁹ и, несомненно,

⁵⁵ Простор. №5. С.65.

⁵⁶ Письмо И.Л.Блока от 6 октября 1896. – ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.20. Л.6-7.

⁵⁷ Блок Г.П. Герои «Возмездия». С.176. Ср.: «Портрет дочери стоял всегда перед ним среди хаоса книг, газет и вещей, и был большим трогательным контрастом веночек из цветов на портрете» (*Герцог Е.С.* Отец поэта Блока // Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.303).

⁵⁸ Письмо А.Н.Блок А.Л.Блоку от 17 января 1900. – ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.18. Л.5об.

⁵⁹ В течение всего 1897 года родственники А.Л.Блока пытались разузнать о ходе этого дела. См. письма Ар. А. Блок А.Л.Блоку от 23 января и 16 октября 1897. – ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.19. Л.29-29об., 37.

его получила, что позволило ей позднее поступить на службу надзирательницей (классной дамой) в казенную Екатерининскую гимназию, располагавшуюся недалеко от дома, на том же Измайловском проспекте.

В течение нескольких лет после бегства из Варшавы Мария Тимофеевна не общалась с родственниками мужа. Тем не менее в семье свекрови к ней относились с уважением. Когда в 1899 от И.Л.Блока ушла жена, забрав с собой младшего сына, Ариадна Александровна написала в Варшаву: «Что она будет делать, чем заниматься – захотела подражать М<арии> Т<имофеевне>. Но последняя живет на свои средства трудом. А эта будет проживать деньги мужа ...»⁶⁰.

Ариадна Александровна жадно ловила любые известия об Ангелине, которую не видела с 1893. Наконец, ради внучки и возможности извещать о ней сына, она решила возобновить отношения с Марией Тимофеевной. Забыв об этикете, она уже почти решилась первой навестить невестку в «день рождения дорогой Ангелиночки», но испугалась: «вдруг пророню какое-нибудь неподходящее слово, которое будет раздуть и понято в противоположном смысле»⁶¹.

17 января 1899 Мария Тимофеевна и Ангелина нанесли Ариадне Александровне и семье ее дочери О.Л.Качаловой визит, отчет о котором Александр Львович получил в письме от матери⁶². Судя по последующим письмам, эта встреча в домашнем кругу была единственной. К следующему Рождеству Ариадна Александровна уже приготовила подарок для внучки, но вручить, кажется, не успела, так как в ближайшие дни слегла и 3 января 1900 скончалась. Сестра Александра Львовича обещала ему посещать Беляевых⁶³, обещала это и жена Петра Львовича: «Я бы охотно даже заходила изредка к Вашей жене, чтобы давать Вам известия об Ангелиночке. Братья Ваши и Оля по сдержанности своей натуры не так легко высказываются и поэтому не так легко сами вызывают на откровенность»⁶⁴.

Но осенью 1900 скончалась О.Л.Качалова, А.Н.Блок должна была теперь заботиться сразу о двух семьях, что затрудняло выполнение обещания. В эти годы Блоки и Качаловы проявляли большой интерес не к дочери, а к сыну Александра Львовича.

⁶⁰ Там же. Л.26.

⁶¹ Там же. Л.11.

⁶² Там же. Л.15об.-16об.

⁶³ Блок в переписке Блоков и Качаловых / Публ. М.Б.Плюхановой // Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.288.

⁶⁴ ИРЛИ. Ф.654. Оп.6. Ед.хр.18. Л.5об.-6.

Не вызывает сомнения, что Мария Тимофеевна, подобно Александре Андреевне, которая ежемесячно извещала А.Л.Блока о сыне, исправно посылала в Варшаву подробнейшие отчеты о жизни Ангелины. Во всяком случае, в сохранившихся письмах к сыну с конца 1902 Александр Львович выказывает большую осведомленность в разных деталях жизни дочери.

В первом из этих писем он сообщает адрес Ангелины⁶⁵ и советует при посещении попросить ее прочесть «Мой садик» А.Н.Плещеева⁶⁶. Письмо это было написано 14 ноября 1902, ровно через неделю после того как А.Блок, положив в карман предсмертную записку, отправился на решительное объяснение с Л.Д.Менделеевой. В те дни он жил такой напряженной жизнью, что вряд ли просьба отца могла вызвать в нем иное чувство, кроме досады.

Но Александр Львович был настойчив и через 5 дней повторил просьбу. Из письма видно, что он не только знал, что в квартиру Беляевых надо «звонить крепче», но и во сколько они обедают, и когда удобнее застать Ангелину дома, и то, что по праздникам ее иногда увозят в Царское Село к двоюродной сестре⁶⁷.

В письме к отцу от 29 ноября 1902 Блок ответил, что у Ангелиночки он еще не был и, вероятно, как и другие посещения, отложит этот визит до Рождества⁶⁸. Это первое известное упоминание Блоком имени сестры. Если он исполнил обещание (а в более позднем письме к матери он упоминает, что видел Ангелину 10-летней)⁶⁹, то это могло произойти только после 2 января 1903, дня, когда он сделал формальное предложение и получил согласие Менделеевых: до Нового года он болел и не выходил из дома.

Кажется, эта встреча так и осталась единственной вплоть до получения в ноябре 1909 известий о смертельной болезни отца. Годы, разделявшие эти встречи, были заполнены письмами Александра Львовича к сыну, в которых сообщались и сведения о болезнях Ангелины, и круг ее чтения (в 11 лет – «Давид Копперфильд» Диккен-

⁶⁵ Измайловский пр., 9, кв. 30. Эта квартира располагалась в казармах 2-й артиллерийской бригады.

⁶⁶ Письмо опубл.: Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.261.

⁶⁷ Там же. С.261-262. В Царском Селе (Колпинская ул., дом Голубинской) жила в ту зиму семья С.Т.Беляева, преподававшего там в Артиллерийской офицерской школе (см.: Весь Петербург на 1903. Пб., 1902. Паг.4. С.98). Его дочь Лиля (Елизавета), автор одного из публикуемых ниже писем, была подругой Ангелины.

⁶⁸ Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. <Т.1>. С.81 (далее – Письма к родным, с указанием тома и страницы).

⁶⁹ Письма к родным. Т.1. С.286.

са, «Крестonosцы» Сенкевича, позднее – все лирические драмы Блока), и то, что она «стихотворит»⁷⁰. «Стихотворил» в письмах и сам Александр Львович. Очередной призыв посетить сестру, направленный после получения первой книги сына, он назвал «Стихами о Несравненной Девочке»:

Она поет «вторым сопрано»,
Играет же на фортепиано;
Имеет «в среднем» балл 12-ть,
А лет ей – скоро и 13-ть.⁷¹

Обычно на просьбы посетить сестру Блок отвечал отписками, ссылками на экзамены и т. п. На этот раз он ответил подробно и искренне:

К сестре Ангелине я не пошел до сих пор преимущественно по инертности по отношению к хождениям. Пойду к ней непременно, хотя боюсь своего крайнего неумения обращаться с детьми, а также своего довольно туманного способа выражений в разговоре («für wenige»!).⁷²

Александр Львович продолжал и в дальнейшем извещать сына об успехах сестры, сроках ее отъезда на дачу, временном изменении адреса. В последний раз А.Л.Блок виделся с сыном на Пасху 1909 года, тогда же посетил и дочь. Он сам рассказал об этом визите племяннику, так поразив того одной подробностью, что Г.П.Блок не забыл ее и через четверть века: «Я сказал сегодня Ангелине: ты слишком часто улыбаешься, от этого портятся зубы!»⁷³. Более поздние ответы Блока отцу с упоминанием Ангелины неизвестны.

Встречи отца с сыном описаны и в «Возмездии», и в воспоминаниях М.А.Бекетовой. О том, как протекали визиты А.Л.Блока к Ангелине, рассказала Н.А.Павлович: «Когда Александр Львович приходил к Беляевым, Мария Тимофеевна уходила из дому, а в гостиную к нему выходила Ангелина вместе с девочкой чуть постарше, дочкой Сергея Тимофеевича – Лизой⁷⁴ <...> Александр Львович как-то попросил отпустить к нему Ангелину погостить, но Мария Тимофеевна отказала – “отпустить одну не могу, а поехать с ней считаю для себя невозможным”»⁷⁵.

⁷⁰ Опубл.: Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.262, 268, 274.

⁷¹ Там же. С.272.

⁷² Письма к родным. Т.1. С.134. Für wenige (нем.) – для немногих.

⁷³ ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-883-р. Л.16.

⁷⁴ На самом деле Е.С.Беляева (дома ее звали Лилей) была моложе Ангелины на 5 лет.

⁷⁵ Павлович. С.244.

Прожив зиму 1904–1905 в семье С.Т.Беляева⁷⁶, М.Т.Блок с дочерью вернулись к Михаилу Тимофеевичу, который осенью 1903 женился на своей кузине по матери Наталии Николаевне Энден (1872–?). 18 ноября 1909 Блок посетил Марию Тимофеевну и Ангелину в «огромной полковничьей квартире Изм<айловского> полка»⁷⁷.

Блок отправился к ним сразу же по получении письма от Марии Тимофеевны о том, что отец тяжело болен и лежит в больнице в Варшаве (письмо Е.В.Спекторского с тем же сообщением пришло на следующий день). В письме к матери Блок описал свои впечатления от этого посещения: «Моя сестра, с которой я говорил, такая же, какой была десяти лет. Маленькая, с черными глазами, очень скромная. Мария Тимоф<еевна> совсем без лица, печальная, серьезная и какая-то пришибленная. На улице я их обеих едва ли бы узнал»⁷⁸.

По сведениям Е.С.Герцог, А.Л.Блок, сознавая свое положение, «просил выписать сына, жену и дочь»⁷⁹. Как представляется, сведения Н.А.Павлович в данном случае точнее: она писала, что Александр Львович вызвал только Марию Тимофеевну и Ангелину⁸⁰. Вечером 19 ноября они выехали в Варшаву, а Блок не мог решиться на отъезд, пока не получил 30 ноября письмо Марии Тимофеевны о том, что минуты Александра Львовича сочтены⁸¹. В тот же день Блок выехал в Варшаву. В предшествующие дни, по сведениям Н.А.Павлович, произошло примирение, и Александр Львович «умер, держа руку жены»⁸². Приехавший через несколько часов сын уже не застал отца в живых. Г.П.Блок приводит последние слова Александра Львовича: «Прославим Господа»⁸³. Присутствовал ли отец мемуариста при смерти брата? Был ли он источником этих сведений, или, что вероятнее, они восходят к М.Т.Блок? Так или иначе, далее Г.П.Блок подводит итог: «Бывший богоненавистник обрел в старческие годы то, на чем крепко стояла вся его семья, – строго-церковную, богомольную веру»⁸⁴.

⁷⁶ В здании Константиновского артиллерийского училища (Забалканский пр., 17, кв. 22), в котором преподавал С.Т.Беляев.

⁷⁷ Письма к родным. Т.1. С.286. Квартира находилась в знаменитом доме Гарновского, в котором квартировали офицеры не только 2-й артиллерийской бригады, но и Измайловского полка.

⁷⁸ Письма к родным. Т.1. С.286.

⁷⁹ Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.306.

⁸⁰ Павлович. С.245.

⁸¹ Письма к родным. Т.1. С.250.

⁸² Павлович. С.245.

⁸³ Блок Г.П. Герои «Возмездия». С.177.

⁸⁴ Там же.

На похоронах, по воспоминаниям Е.С.Герцог, «мало было душевной печали». Ангелина была едва ли не единственная, кто плакал. В последующие дни Е.С.Герцог с Ангелиной провели много времени в беседах. «Об отце она говорила мало, так как мало и знала его, но жалела его искренно»⁸⁵.

И.Т.Беляев утверждал, что, умирая, Александр Львович все оставил сыну. То обстоятельство, что Блок настоял на равном разделе денег, найденных при осмотре полицией квартиры отца (по одним сведениям – 75, по другим более 80 тысяч рублей), произвело на всех, узнавших об этом, неизгладимое впечатление. Это отметил даже профессор Е.А.Бобров, с явным неодобрением отозвавшийся об обеих семьях покойного⁸⁶.

В записной книжке поэта на следующий день после вскрытия квартиры в первый раз за эти дни появилось слово «напился»; а потом практически каждый день: «пьянство», «пил, “Аквариум”», «смертельная тоска», «шампанское», «delirium»⁸⁷. Вообще в Варшаве и некоторое время по возвращении в Петербург Блок находился в состоянии сильного нервного возбуждения, о чем он сам писал матери. В письмах к ней и к жене, по крайней мере, в первую половину его пребывания в Варшаве, ощущается какое-то растроганно-приподнятое настроение. Было оно вызвано, в частности, многочисленными беседами об отце, из которых вставал совершенно новый, незнакомый ему прежде облик: «Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры...» – писал он матери в день похорон⁸⁸.

Немалую роль в его состоянии сыграла и финансовая сторона дела: полученное наследство снимало множество проблем, прежде всего самую для него мучительную – какое-то время можно было не думать о литературе как источнике заработка. Сразу возникли самые разнообразные планы – расплатиться с родственниками за Шахматово и избавиться от их раздражающего присутствия, поменять квартиру на лучшую, поехать в Рим. Для начала он поменял комнату в гостинице на более дорогую.

9 декабря – день, когда он «не пошел к обедне на кладбище из-за пьянства» и «бродил один»⁸⁹, – он почти с восторгом пишет матери

⁸⁵ Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.306.

⁸⁶ Бобров Е.А. Из «Воспоминаний» об А.Л.Блоке // Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.301.

⁸⁷ ЗК. С.163. Delirium (лат.) – бред, горячка.

⁸⁸ Письма к родным. Т.1. С.292.

⁸⁹ ЗК. С.163.

и жене о вновь обретенных родственницах: Марии Тимофеевне и Ангелине. Оба письма об одном и том же, но разные оттенки в выражениях, характеризующих Ангелину и ее мать, заметно отличают их одно от другого. Одна фраза, присутствующая в обоих письмах: «Чувствую себя больш<ей> частью молодым», – многое значила в устах Блока, хотя после нее (в письме к матери) он и иронизирует над разговорами, которые приходится вести в гостиных, над тем, что его принимают как человека светского и знаменитого, хотя и «со странностями»⁹⁰.

Он действительно почувствовал себя обновленным. Важную роль в этом играло обретение сестры – это слово он повторяет настойчиво: «Сестра интересная и оригинальная и чистая, у нас много общих черт (напр<имер>, ирония), но в чем-то существенном – коренная разница, кажется, в том, что она – не мятежна...»⁹¹

Неизвестно, что ответила на это Александра Андреевна, а Любовь Дмитриевна откликнулась немедленно: «Я уверена, что она “твоя сестра”»⁹².

Приведенное высказывание Блока – пожалуй, самая пространная характеристика, данная им сестре. Через год в «Возмездии» он нашел для нее такие слова, что Г.П.Блок, вспоминая поразивший его облик Ангелины, процитировал их, находя, что точнее не скажешь:

В романтическом облике этой <...> черноволосой девушки с часточным румянцем на впалых щеках было, вне всяких сомнений, что-то из ряда вон высокое и безукоризненно светлое <...> В черновиках к «Возмездию» есть такие недоработанные полтора стиха:

Черный бриллиант

Сестры печальной Ангелины.

Это очень точно передает характер ее глаз.⁹³

Кажется, обретя сестру, Блок на какое-то время почувствовал точку опоры. Даже визиты к многочисленным родственникам Ангелины не раздражали его в эти дни: «Я часто бываю и обедаю у здешних молодых Беляевых»⁹⁴, страшно типичных военных людей, и к

⁹⁰ Письма к родным. Т.1. С.293; см. также: Лит. наследство. Т.89: Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С.252 (далее – Письма к жене, с указанием страницы).

⁹¹ Письма к родным. Т.1. С.293.

⁹² РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.162. Л.24об.

⁹³ ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-883-р. Л.22.

⁹⁴ В записной книжке с 1 по 16 декабря отмечено 8 визитов к Беляевым. В Варшаве в это время жили родной брат М.Т.Блок В.Т.Беляев и их двоюродный брат П.Н.Беляев (1884–1944). О последнем см.: Кузнецова. С.23.

удивлению, это меня не только не тяготит, а наоборот»⁹⁵. В другом письме он уточнил, что значит «наоборот»: «Я живу как-то по-новому, вижу много “обыкновенных” людей и – к удивлению – очень интересуюсь ими»⁹⁶.

19 декабря Блок вернулся домой очень уставшим от новых впечатлений. «Хочу их переварить в одиночестве», – писал он матери⁹⁷. В Петербурге он предполагал продолжить общение с сестрой и ее матерью, но Ангелина по возвращении заболела, и в сочельник Мария Тимофеевна нанесла визит Блокам одна⁹⁸. 29 декабря Блок уехал к матери в Ревель.

Александра Андреевна, все годы жизни в Ревеле страдавшая от разлуки с сыном и очень тяготившаяся ролью жены командира полка, была в ту зиму в особенно тяжелом душевном состоянии. Известно, что мать Блока не могла простить развода с первым мужем ни себе, ни своим родным, на разводе настоящим. Смерть Александра Львовича, рассказы сына об увиденном в Варшаве, привезенные им письма, фотокарточки с нежными надписями, которые она посылала когда-то жениху, и даже ее платья, сохранные Александром Львовичем, – все это не могло не отразиться на ее состоянии. Несомненно, говорили они и о второй семье Александра Львовича.

Вернувшись в Петербург, Блок, вероятно, в продолжение их ревельских бесед, предостерегает мать от траты времени и здоровья на ненужные визиты. Он писал ей:

*Всякому человеку нужно быть, хотя бы до *minimū*’а таким, каков он есть, существуют черты, которых не преодолешь. Таковы для нас с тобой (обоих соверш<енно> одинаково) – отношения к «обыкновенным», посторонним «ближним». Я знаю твердо, если я начну «исполнять обязанности», вроде твоих (хотя бы по отнош<ению> к родственникам Марьи Тимоф<еевны> Блок, или к своим), то я долго не выдержу. Потому я по неволе (по обязанности перед самим собой) должен экономить себя – и ни за что не отдам ни одной части своей души (или «досуга» или времени) таким посторонним людям. В противном случае – я могу сойти с ума без всяких преувеличений...»⁹⁹*

И тут Блока буквально прорвало. Без всякого, кажется, внешнего повода, да он был и не нужен – несомненно, варшавские впечатле-

⁹⁵ Письма к родным. Т.1. С.293.

⁹⁶ Письма к жене. С.252.

⁹⁷ Письма к родным. Т.1. С.295.

⁹⁸ Там же. С.298.

⁹⁹ Письмо от 18 января 1910, опубл.: Письма к родным. Т.2. С.56.

ния уже были переосмыслены («переварены»), он раздражается почти бранью:

Теперь чувствую, между прочим, что Варшава, т. е. все эти конные и пешие артиллеристы, к которым я ничего, кроме глубокого *презрения*, испытывать не могу, – дались мне не дешево: я сыграл роль хорошо, но второй раз играть ее *не буду*, потому что *мои* нервы расшатаны этим подлым гостеприимством и навозными любезностями.¹⁰⁰

В следующем письме, написанном в тот же день, Блок сформулировал свои ощущения еще определеннее:

Я ужасно зол эти дни, у меня острый мозг, и я особенно чувствую возмущение против т<ак> н<азываемых> «хороших», «любезных», «приличных», «милых» и т. п. людей. Все это, надо полагать, разрешится стихами. Но людей я долго не полюблю и долго не забуду им (особенно «хорошим») того, как они оскорбляли и пытали меня своим гостеприимством и скромностью. Однако, Господь с тобой, желаю тебе быть тише меня <...> Нервы расстроены. <...> Отцовский мрак находится еще на земле и вокруг меня увивается. Этого человека надо замаливать.¹⁰¹

Это уже почти не о человеческих взаимоотношениях. Это, кажется, уже началось разрешение – пока еще не стихами, но их программой. В стихах «все это» начало разрешаться летом, а следующей зимой был написан эпилог второй редакции поэмы «Возмездие», обращенный к сестре:

Земное сердце стынет вновь.
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдья
Неразделенную любовь.
А за любовью – зреет гнев,
Растет презренье – и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.
Пускай зовут: забудь, поэт,
Вернись в прекрасные уюты.
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта – нет! Покоя – нет!¹⁰²

Еще совсем недавно, 13 января, Блок спокойно писал матери: «Ангелина поправляется от инфлуэнцы и в скорости <так!> мы к ней

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С.59-60.

¹⁰² ПСС. Т.5. М., 1999. С.167-168.

пойдем»¹⁰³. Прошло всего 9 дней, и, кажется, не произошло никаких событий, а он пишет: «Ангелину все еще не видал – как огня боюсь Беляевых»¹⁰⁴. Через несколько дней визит все же состоялся, и вот впечатления от него: «Ангелина, говорит Люба, прелесть. Я того же мнения. Но окружают ее православные горбуны. Впрочем, ей самой это не опасно, только затрудняет доступ к ней»¹⁰⁵.

Это первое упоминание Блоком одного из основных обстоятельств, отталкивавших его – и, как мы увидим, очень резко – от семейства Беляевых: их глубокая религиозность, в Марии Тимофеевне особенно сильная.

Это был первый визит Блоков, и вполне возможно, что на него собралась вся большая семья Беляевых во главе с отцом, Тимофеем Михайловичем, отставным генералом от артиллерии, бывшим в свое время ктиторм Сергиевского собора. Через год в один из последних визитов к Беляевым Блок весь вечер проговорил с ним и вынес заключение: «Он старик умный и небезынтересный, только, все-таки, это было лишнее»¹⁰⁶.

В течение всего 1910 года происходил обмен визитами, хотя давались они Блокам «ужасно трудно» (трудно было «преодолеть Беляевых, до такой степени удаленных от жизни») ¹⁰⁷.

В письмах к матери Блок всегда подчеркивал, что общается только с Ангелиной, а других воспринимает как помеху, хотя как-то раз заметил о Марии Тимофеевне: «Последняя – не мешает и, кроме того, довольно несчастна, больна»¹⁰⁸. И.Т.Беляев вспоминал, как протекали эти визиты:

Все время он проводил с сестрою, сидя на диванчике в темном углу зала. Ангелина, прелестная, чистая, даже святая девушка с привлекательной наружностью, с нежным сердцем, сильно реагировала на все, что могло коснуться ее брата, который, со своей стороны, почувствовал к ней неотразимое влечение. О чем они беседовали, посторонние могли только догадываться. Думаю, что одна лишь «мамти», с которой Ангелиночка делилась всем, могла знать происходившее.

¹⁰³ Письма к родным. Т.2. С.51.

¹⁰⁴ Там же. С.61.

¹⁰⁵ Там же. С.62.

¹⁰⁶ Там же. С.109. Ср. высказывание о нем А.А.Кублицкой-Пиоттух в письме к М.П.Ивановой: «Очень, говорят, был умный, бодрый и своеобразный старик...» (опубл.: Лит. наследство. Т.92. Кн.3. С.454).

¹⁰⁷ Письма к родным. Т.2. С.75.

¹⁰⁸ Там же. С.100.

К чаю все собирались в столовую. Общий разговор завязывался.

– Скажите, Александр Александрович, – говорил простодушно мой брат, – отчего я никак не могу понять ваших стихов? – Ангелиночка бросала на него взгляд, полный упрека.

– Чтoб понять стихи, – скромно отвечал поэт, – нужно особое настроение.¹⁰⁹

Как на самом деле воспринимал Блок такое «простодушие», мы уже знаем.

В одну из первых встреч Ангелина показала брату свою поэму об околдованной девушке. О стихах Ангелины, принесенных позднее, Блок записал: «плохие, с хорошими девическими чувствами»¹¹⁰. Но эта поэма, в которой чего только не было – и чадра, и кинжал, и чеченец, и уродливый мохнатый зверь «с человеческим музыкальным голосом, влюбленный в девушку», и упрекающая его лучезарная фея Мароккотепея («Ты покорился, ты не боролся...») – чем-то задела его, и отдельные эпизоды поэмы он пересказал, перемежая их цитатами, в своей записной книжке, оставив без комментариев¹¹¹. Может быть, об этих стихах он говорил: «очень интересные, но неталантливые»?¹¹² Возможно, эта поэма Ангелины сыграла свою роль в восприятии сестры как заколдованной царевны, которую стерегут сказочные чудища.

Полученное наследство внесло изменения и в жизнь Ангелины с матерью. Они поселились теперь отдельно «в скромной квартирке на Сергиевской улице, на втором дворе на 4-ом этаже, но со всеми удобствами»¹¹³. Мария Тимофеевна сама могла теперь помогать родным – поселила у себя старшую дочь умершего дяди¹¹⁴ и брала на каникулы из корпуса и института младших детей. Часто у них бывали И.Т.Беляев с женой Александрой Александровной, которую домашние звали Алька, а Ангелина вслед за дядей – «Чудо Алька» (Ангелина как-то рассказала Блоку забавную историю о ней, и Блок записал ее рассказ)¹¹⁵. Собравшиеся в доме молодые люди играли

¹⁰⁹ Простор. №5. С.65.

¹¹⁰ Дневник. С.172.

¹¹¹ ЗК. С.165.

¹¹² Бекетова. С.94.

¹¹³ Простор. №5. С.65. Адрес: Сергиевская ул., д.20.

¹¹⁴ Елизавета Фридриховна Эллиот – дочь Фридриха Ивановича Эллиота, генерал-лейтенанта (1849 – после 1905).

¹¹⁵ Дочь купца А.Захарова, вторая жена И.Т.Беляева, до замужества – почтовая служащая. См.: ЗК. С.299-300.

на рояле, пели, но хозяйки держались несколько в стороне от веселья. Вспоминая об этом, И.Т.Беляев отметил, что Мария Тимофеевна «постоянно ходила в церковь и держала себя как святая»¹¹⁶.

В 1910 Ангелина с матерью побывали за границей и из Берлина привезли Блоку в подарок ко дню рождения «*Nibelungenlied*»¹¹⁷. За весь предыдущий сезон Блок не пропустил в Мариинском театре ни одного спектакля из тетралогии Р.Вагнера «Кольцо Нибелунга», он был полон в те годы образами вагнеровских творений, и было бы странно, если бы они с Ангелиной не говорили об этом. Несомненно, выбор Ангелиной древнегерманского эпоса, послужившего одним из источников для вагнеровского либретто, случайным не был.

В том же 1910 Ангелина поступила в Императорский Женский педагогический институт, который, как и Екатерининская гимназия, которую она закончила, относился к Ведомству учреждений Императрицы Марии¹¹⁸. Любопытно, что здесь преподавали близкие родственники друзей Блока: химик В.Н.Верховский, родной брат Ю.Н.Верховского, и двоюродный брат В.А.Зоргенфрея – латинист Г.Г.Зоргенфрей. В институте читали лекции многие университетские профессора, у которых в свое время учились Блок и его жена, окончившая Бестужевские курсы (среди них И.А.Шляпкин и А.И.Введенский). В разные годы здесь преподавали П.Н.Сакулин, Н.К.Пиксанов, Э.Л.Радлов и др. Первым директором был профессор-историк С.Ф.Платонов.

Институт располагался на Малой Посадской (дома 24 и 26); Блоки жили тогда поблизости, на углу Большой и Малой Монетной. Благодаря этому соседству, зимой 1910–1911 Ангелина смогла бывать у Блока и без сопровождения матери. Трудно сказать, насколько часто они встречались. За семь лет (1910–1916) в блоковских записях и письмах к родным зафиксировано около двух с половиной десятков встреч с Ангелиной. Несомненно, их было больше – это вид-

¹¹⁶ Простор. №5. С.65.

¹¹⁷ В блоковской библиотеке не сохранилось ни одного издания «*Nibelungenlied*» (см.: Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн.3. Л., 1986), не упоминается оно ни в рукописном каталоге иностранных книг (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед.хр.102), ни в списках проданных и предполагавшихся к продаже книг, составленных в 1920–1921 (ИРЛИ. Ф.654. Оп.1. Ед.хр.389); русское издание также нигде не упомянуто.

¹¹⁸ Институт был основан в 1903 на базе Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях и готовил преподавательниц гимназий, классных и домашних наставниц. Здесь было два отделения — словесно-историческое и физико-математическое.

но в некоторых случаях из контекста, в котором упоминается ее имя. Своей варшавской приятельнице Е.С.Герцог Ангелина писала, что видятся они редко, что Блок очень занят; из писем ее видно было, что она не просто гордится братом, но испытывает к нему «какое-то благоговейное чувство»¹¹⁹.

В последующие годы Блок не раз записывал впечатления от встреч с Ангелиной очень подробно; в первый же год их общения он только коротко упоминал о ней: «Сегодня вечером мы ждем Ангелину...»¹²⁰; «4-го мы пообедали у Ангелины»¹²¹. Впрочем, изредка в записях поэта явно сквозит радость, которую доставляло ему это общение. 8 декабря 1910 он писал матери: «6-го мы были у Ангелины, там были ее подруги; впрочем она сама гораздо замечательнее их»¹²². Через месяц ей же: «Сейчас приходила Ангелина с курсов. Мы хорошо говорили»¹²³. Обычно же эти упоминания лаконичны. Однажды после лекции приват-доцента С.А.Адрианова «О кризисе современной символистской поэзии» в Педагогическом институте они с Ангелиной и Марией Тимофеевной пришли на Монетную пить чай¹²⁴. В каталоге блоковской библиотеки на букву «Р» есть запись: «Русская Литература и язык. У Ангелины»¹²⁵, свидетельствующая, вероятно, о том, что Блок отдал Ангелине учебники, по которым учился в университете.

Тем временем Блок заканчивал вторую редакцию поэмы «Возмездие», начатую летом 1910. 3 января 1911 он сообщил матери, что собирается посвятить поэму Ангелине¹²⁶. В черновом автографе основное название – «Возмездие» – еще стояло под вопросом, уточняющий подзаголовок «Варшавская поэма» – в скобках, одно было уже несомненно: «Посвящается сестре моей Ангелине Блок»¹²⁷.

Основой сюжетной линии этого варианта поэмы стала встреча поэта и его сестры у гроба отца:

Потом за гробом по пятам
Мы торопливый путь и дальный

¹¹⁹ Лит. наследство. Т.92. Кн.1. С.306-307.

¹²⁰ Там же. С.65.

¹²¹ Там же. С.109.

¹²² Письма к родным. Т.2. С.104.

¹²³ Там же. С.111.

¹²⁴ Там же. С.102.

¹²⁵ См. составленный Блоком алфавитный каталог его библиотеки (1916) (ИРЛИ. Ф.654. Оп.1. Ед.хр.388. Л.157об.) (далее – Каталог, с указанием листа).

¹²⁶ Письма к родным. Т.2. С.108.

¹²⁷ ПСС. Т.5. С.148.

По незнакомым площадям
Свершали с девушкой печальной.
Та девушка звалась – сестра.¹²⁸

В этой ранней редакции принципиально важным для Блока был образ Сестры, олицетворявшей ту юность, которая должна стать возмездием страшному миру. Некоторые варианты текста, оставшиеся лишь в черновиках, еще как будто несут в себе впечатления поэта от встречи с реальной Ангелиной:

Была мне < >, право,
Живой души ее игра
Среди тоски твоей, Варшава!
Знакомый холодок мечты
Взрастившей в дорассветной тени
Едва раскрытые цветы.¹²⁹

В письме к матери из Варшавы Блок отметил коренную разницу между собой и Ангелиной: «она – не мятежна». В поэме же образ реальной Ангелины трансформировался в образ юной Сестры, к которой поэт обращается с такими, например, словами:

Я верю в ненависть твою...¹³⁰

Эта строка осталась, впрочем, не включенной в окончательный текст страстного призыва, которым завершалась поэма:

Пусть день далек – мечты все те ж,
Презренье зреет гневом,
А зрелость гнева – есть мятеж.
Где жизнь и смерть, как праздный фант,
Разыграны в тоске гостиной, –
Там – пусть вонзится, Ангелина,
Возмездья черный бриллиант!¹³¹

В начале марта 1911 Блок прочитал поэму Ангелине; его обрадовало и как будто несколько удивило, что поэма ей понравилась – «при всей разительной разнице наших воспитаний»¹³².

Стремясь преодолеть эту «разницу воспитаний», влияние семьи, в которой ему было чуждо все, Блок при каждой встрече пытается открывать Ангелине тот мир, который до сих пор был ей неведом. Он рассказывает ей о Религиозно-философском обществе, и, вероят-

¹²⁸ Там же. С.145.

¹²⁹ Там же. С.146.

¹³⁰ ПСС. Т.3. С.293.

¹³¹ Там же. Т.5. С.168-169.

¹³² Письма к родным. Т.2. С.133.

но, еще в марте 1910, когда они говорили о заинтересовавшем его докладе А.Д.Скалдина «Идея нации»¹³³, Блок думает о том, как интересно и нужно было бы Ангелине посещать эти собрания. Хоть виделись они и не часто, мысли об Ангелине не оставляли его. 21 ноября 1911 Блок слушал в Религиозно-философском обществе прекрасную, по его словам, лекцию Вл. В. Гиппиуса «Пессимизм и религиозное сознание в русской литературе». Отметив в дневнике, что под тонкостью анализа религиозной темы как главной в русской литературе были «и борьба и страсть», «огонь и тревога», он явно пожалел, что среди публики, в основном состоявшей из девушек «возраста Ангелины – “молодое поколение”, еще не известное ни нам, ни себе», – не было ее¹³⁴.

В течение двух лет, с мая 1911 по начало 1913, почти во всех беседах Блока с Ангелиной так или иначе обсуждались вопросы, связанные с верой, Церковью, духовной жизнью, причем «воспитательные» задачи ставили оба. Их троюродная сестра В.К.Берхман, родная сестра которой, поэтесса Татьяна Берхман, училась вместе с Ангелиной и была с ней очень дружна, вспоминала: «Ангелина была очень церковна, религиозна и православна. Ни Блок, ни моя сестра этим не отличались. Ангелина убеждала Блока вернуться к религии, но он говорил, что у него своя вера»¹³⁵.

В эти годы в записных книжках и дневнике поэта появляются подробные записи о разговорах с Ангелиной, о его мучительных раздумьях над тем, как изменить ее жизнь. Открывают этот ряд записи 6 и 7 мая 1911¹³⁶, появившиеся в связи с чтением книги, которую ему принесла Ангелина, – повести М.Корелли «История детской души», изданной К.П.Победоносцевым. В этой английской повести рассказывалось о мальчике, который покончил с собой, так как был воспитан без веры в Бога и потому не имел никакой опоры в жизни.

Блока так уязвило, что его сестра («Ангелина, моя сестра») назвала книгу, которую он сначала оценил только как уютно-пошлую, «хорошей», что на следующий день он посвятил пересказу повести и размышлениям по этому поводу несколько страниц в записной книжке. Он цитирует предисловие книги, обращенное к «самоименным прогрессистам», которые своим воспитанием приобщают детей

¹³³ См.: ЗК. С.167, 551.

¹³⁴ См.: Дневник. С.85, 377.

¹³⁵ Письмо В.К.Берхман Н.П.Ильину от 28 мая 1963. – ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-1210-р. Л.1-1об.

¹³⁶ См.: ЗК. С.179-181.

к безверию. Опасность, по мнению Блока, заключалась в том, что в России эта книга поможет «подавлять великие духовные, умственные и, наконец, политические движения, без которых страна задохнулась бы». В итоге весь его гнев вылился на мать Ангилины и ей подобных («ибо имя Марьи Тимофеевны Блок – легион»), в ком жив еще «дух старого дьявола» – Победоносцева¹³⁷. Идея о необходимости вывести Ангилину «из мрака, ее окружающего» отныне овладевает им: «Надо ли спасти Ангилину или нет? И кто ее спасет? Или, может быть, лучше прожить ей свой век, ничего не услышав – ни о Боге, ни о мире, ни о любви, ни о свободе? Скоро после этого пришла Ангилина с матерью – такая нежная, чуткая, нервная и верующая, что нельзя ее оставлять так»¹³⁸.

В связи с этой необычайно пространной и гневной записью надо сказать следующее. Еще в середине февраля работа Блока над поэмой «Возмездие» остановилась; он размышлял над расширением ее замысла и, в частности, обдумывал предысторию своего героя на фоне «победоносцевского» периода¹³⁹. По мере разрастания замысла и изменения структуры поэмы из ее текста исчезло имя сестры, снято было и посвящение ей. Но при сопоставлении дат и содержания записей, относящихся к Ангилине, с датами, которыми Блок отмечал в черновиках этапы работы над текстом третьей редакции поэмы, становится очевидным взаимопроникновение жизни и литературы. Как в этом новом тексте «Возмездия» отразились раздумья Блока над судьбой сестры, так и – в значительно большей степени – мысли о ней (и гнев против ее матери) оформляются непосредственно в русле его работы над текстом поэмы. Даже слова, в которые он облакает раздумья об Ангилине, – иной раз из поэмы.

В первой, еще краткой записи (6 мая) о книге, изданной Победоносцевым, содержится знаменательная фраза: «Я *слаб*, чтобы вывести Ангилину из мрака, ее окружающего»¹⁴⁰. Между тем, в начале марта, когда Блок читал Ангилине поэму (матери он сообщил об этом 8 марта), – вероятно, вторую, законченную к тому времени редакцию, – у него уже был написан (1 и 2 марта) Пролог для третьей редакции:

Кто меч скует? – Не знавший страха,
А я беспомощен и слаб,

¹³⁷ Там же. С.181.

¹³⁸ Там же. Этот же вывод повторен и в письме к матери от 12 мая 1911 (опубл.: Письма к родным. Т.2. С.141).

¹³⁹ Подробнее об этом см. комментарии И.А.Ревякиной в: ПСС. Т.5. С.386-387.

¹⁴⁰ ЗК. С.179.

Как все, как вы, – лишь умный раб,
Из глины созданный и праха...

6 и 14 марта он работал над тем фрагментом текста, который стал впоследствии «Вступлением» ко второй главе:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла <...>
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, –
И затуманилась она,
Заслав надежды, думы, страсти...

Эти строки Ангелина могла услышать уже в марте или в один из последующих визитов. И если Блок не читал их ей тогда, то, надо думать, говорил с ней на столь важную для него – и для нее, как он считал, – тему. Не потому ли и принесла она ему книгу Корелли?

Что же касается уверенности Блока в том, что Ангелина ничего не слыхала «ни о Боге, ни о мире, ни о любви, ни и о свободе», то согласиться с ним невозможно. Слишком по-разному брат и сестра понимали эти слова.

Церковная тема в разговорах стала особенно значимой весной 1912 и была вызвана делом епископа Гермогена, выступившего против Г.Е.Распутина и в качестве наказания сосланного в Жировицкий монастырь¹⁴¹. После встречи с сестрой 16 марта Блок 18-го и 19-го числа сделал подробную запись о рассказанном ею. Ее однокурсница и подруга Клавдия Сергеева¹⁴², упавшая в ноги царю с просьбой помиловать Гермогена, жила теперь у Ангелины на Сергиевской (вот почему, проезжая по Сергиевской, которая названа им в дневнике «одной из самых непристойных улиц», Блок думал: «вот и здесь, и здесь <...> тоже горячо обсуждают, с кем быть: с Синодом или с Гермогеном»¹⁴³).

Дело епископа Гермогена заинтересовало Блока (возможно, не только потому, что в него оказалась вовлеченной Ангелина), он даже

¹⁴¹ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов; 1858–1918) – епископ Саратовский (1912); прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

¹⁴² Имя К.П.Сергеевой («г-жи Сергеевой», как называет ее Блок в дневнике), устанавливается по трем ее письмам (1913–1915) к С.Ф.Платонову (РНБ. Ф.585 (С.Ф.Платонов). Ед.хр.4145).

¹⁴³ Дневник. С.115.

собирал вырезки из газет на эту тему¹⁴⁴. В связи с этим делом обсуждались такие проблемы, как статус Синода, восстановление патриаршества, созыв Всероссийского Церковного Собора, роль мирян в жизни Церкви и т. д. Страстная вовлеченность Ангелины в церковные дела такого рода пугала Блока, он видел в них только: «ужас призраков – времен отошедших»¹⁴⁵.

Слушая рассказ Ангелины, Блок думал не столько о судьбе православной Церкви, «о Гермогене и Распутине»¹⁴⁶, сколько о судьбе сестры. Это отразилось и в дневниковой записи:

Если Ангелина может ковать свою жизнь (а может ли женщина?), то спасение ей из лап все того же многоликого чудовища – естественный факультет Высших Женских курсов. Из огня нужно бросаться в воду, чтобы только потушить тлеющее платье, чтобы протрезвиться. Сам Бог поможет потом увидеть ясное, холодное и хрустальное небо и его зарю. Из черной копоти и красного огня – этого неба и этой зари не увидеть.¹⁴⁷

И эта запись, как мы видим, полна характерных образов блоковской поэзии, в первую очередь, из того же Пролога к поэме.

Мысль о курсах была не случайной, так как Блок полагал, что Женский Педагогический институт, в котором училась Ангелина, «основан в противовес “крамольным” Высшим Женским курсам» и служит не науке, а православию¹⁴⁸. Сама Ангелина тоже была не удовлетворена институтом, еще в ноябре 1911 Блок записал в дневнике: «Она думает о высших курсах», добавив слова Ангелины: «мать “будет против курсов”»¹⁴⁹. В желании перейти из института на Бестужевские курсы Ангелина была не одинока: в эти годы ряд студенток Педагогического института осуществили такой переход¹⁵⁰. Ангелине это не удалось.

¹⁴⁴ Там же. С.348.

¹⁴⁵ Там же. С.117.

¹⁴⁶ Из записи о разговоре с А.М.Ремизовым 24 марта 1912. – Там же. С.118.

¹⁴⁷ Там же. С.117.

¹⁴⁸ Там же. С.116.

¹⁴⁹ Там же. С.74. Неясно, что именно не удовлетворяло в институте Ангелину. Позднее Блок описывал некоторые события, происходившие в институте, например, как «хитрый директор С.Ф.Платонов, созвав слушательниц, объявил: “а если и вы будете бунтовать (имеется ввиду забастовка студентов Московского университета в начале 1911. – О.Ф., Н.Ц.), то институт закроется”» и т. п. (Дневник. С.116). Неизвестно, была ли Ангелина источником этих сведений и как она относилась к этим событиям.

¹⁵⁰ Бовкало А.А. Последний год существования Петроградского Богословского института // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб., 1998. С.518, 545.

Блок не оставлял надежды изменить строй мыслей Ангелины. 22 ноября 1912 он «уломал» ее пойти на собрание Религиозно-философского общества, на котором обсуждалось, откуда произошла «мрачная сущность православия». Профессору Б.В.Никольскому оппонировали Д.С.Мережковский, А.В.Карташев и Е.П.Иванов, выступление которого особенно понравилось Ангелине. «Она была так мила, внимательна, ее поразило все, она рада, может быть, это принесет ей новое», – писал Блок¹⁵¹.

Мария Тимофеевна, по воспоминаниям М.А.Бекетовой, сразу пришла «в ужас от “вольности” такого направления»¹⁵². «Ангелина звонила по телефону, взволнована, просит пока не посылать повестки на религиозно-философские собрания, что-то у них дается, мамаша ее, вероятно, ее преследует серьезно. Не могу представить себе, как в действительности происходит», – записывает Блок в дневнике¹⁵³. Ангелина просит брата зайти к ним: при нем, наверное, ей было бы легче объясниться с матерью. Но Блок уже давно принял решение: «На предложение Ангелины прийти к ним, и письменное и устное, хоть всегда – с оговорками – я твердо молчу, сознательно. В следующий раз надо будет сказать ясно. Все еще не знаю, прав ли я»¹⁵⁴. Возможно, посещение религиозно-философского собрания стало последней попыткой Блока вмешаться в судьбу Ангелины – по крайней мере, о других попытках сведений нет.

До поры до времени разногласия если и мешали общению, то не прерывали его. Тем же 1912 годом, что и записи, связанные с «г-жой Сергеевой» и посещением Религиозно-философского общества, помечены и записи совсем другого рода. 2 января: «Во время завтрака пришла Ангелина – мы с ней много и хорошо говорили»; 26 апреля: «Утром пришла Ангелина – потом ее мать. С Ангелиной мне было хорошо»; 18 мая: «День упадка сил. Трудно приняться за работу. Вечером была у меня Ангелина, оба мы устали, ночью я проводил ее пешком до дому: серо-синяя ночь после дождя»¹⁵⁵.

Но в январе 1913 характер записей резко меняется, и если раньше у Блока мог быть повод написать: «она недовольна матерью» (после упомянутой истории с книгой)¹⁵⁶, то теперь он ощущает, что Ангелина вне его влияния: «Ангелина “правает” – мерзость, исходящая

¹⁵¹ Дневник. С.154.

¹⁵² Бекетова. С.94.

¹⁵³ Дневник. С.162-163.

¹⁵⁴ Там же. С.163.

¹⁵⁵ Там же. С.104, 123, 125-126.

¹⁵⁶ Письма к родным. Т.2. С.141.

от м-те Блок, на ней отразилась. <...> Что будет с девушкой, которая растет среди сумасшедших? Или – махнуть рукой?»¹⁵⁷.

Через месяц Блок в последний раз пишет о Марии Тимофеевне – с еще большим раздражением и злобой. Он вспомнил о ней безо всякого внешнего повода; ее демонизированный образ, ставший для поэта воплощением всей пошлости страшного мира, сам собой пришел на память, когда он изливал на страницы дневника накопившуюся ненависть к тем, кого он назвал литературным большинством¹⁵⁸. Через пять лет, в феврале 1918, Блок пытался проанализировать сходные чувства, которые он испытывал к своему соседу по лестничной площадке и дальнему родственнику (характерная деталь!) Р.Р.Шульману: «я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить»¹⁵⁹.

Между тем, Ангелина закончила Педагогический институт, получила золотую медаль, но сохранившееся с детства заикание «помешало ей следовать своему призванию быть учительницей»¹⁶⁰. С началом войны Ангелина и Мария Тимофеевна стали сестрами милосердия; уже в октябре 1914 Ангелина работала в Обуховской больнице¹⁶¹. Блок узнал об этом во время ее визита 13 октября; пришла же Ангелина затем, чтобы через отчима Блока узнать о находящемся в госпитале подпоручике лейб-гвардии Гренадерского полка В.И.Кашкарове. «Ангелине события на пользу», – резюмировал Блок беседу с сестрой¹⁶². Должно быть, ему показалось, что в Ангелине исчезает та «удаленность от жизни», которую он считал свойством Беляевых.

Неизвестно, объяснила ли Ангелина брату истинную причину своего беспокойства. Дядя ее, И.Т.Беляев, знал ее тайну: «с детства она затаила любовь к сыну соседнего помещика Кошкарова <так!>. Он приезжал к нам еще кадетом. Когда оба подросли, их соединяла тысяча деревенских воспоминаний... А теперь выяснилось, что он и не мечтал соединиться с нею, и все ее иллюзии пошли прахом... <...> Эту любовь она лелеяла в груди и намеренно закрывала глаза на все окружающее. Только иногда безобидное веселье молодежи вызывало на ее исхудалом личике сочувственную улыбку...»¹⁶³

¹⁵⁷ Дневник. С.173-174.

¹⁵⁸ Там же. С.183.

¹⁵⁹ Там же. С.269.

¹⁶⁰ См.: Простор. №5. С.65.

¹⁶¹ См.: Письма к жене. С.333.

¹⁶² Письма к родным. Т.2. С.264. Ср.: «Ангелина обедает» (ЗК. С.243).

¹⁶³ Простор. №6. С.33. Там же приводятся драматические подробности о сестре В.И.Кашкарова, ставшего впоследствии «красным комиссаром».

Снова имена Ангилины и Беляевых появляются в переписке и записных книжках поэта в ноябре 1915, когда возникли слухи о призыве ратников 2-го разряда, к каковым относился Блок. Чтобы не идти рядовым, нужна была протекция, и ее устроила брату Ангелина, дядя которой И.Т.Беляев тогда находился в Петербурге – перед отъездом на фронт, где он только что получил в командование 4-й Отдельный полевой тяжелый дивизион.

И.Т.Беляев, ошибочно относя этот эпизод к концу 1916, вспоминал:

Ангилиночка, как всегда застенчивая, робко подошла ко мне.

– Дядя Ваня, у меня к тебе большая просьба!

– Прикажи.

– Александра Александровича призывают. Он хотел бы узнать, не возьмешь ли ты его к себе вольноопределяющимся.

– С радостью! Будь спокойна, я сделаю для него все.

Она бросила на меня благодарный взгляд: «Ты знаешь, он очень изнежен... Утром он не может встать с постели, не напившись чаю. Он боится всех этих суровых испытаний, которым он будет подвергаться у вас».

– Пусть не боится, мы его побережем. Я буду держать его у себя в штабе, он помаленьку втянется в нашу жизнь, сам не замечая. Без чая мы его не выпустим, – прибавил я смеясь, – если я сам не буду иметь чего-либо, он всегда получит желаемое.¹⁶⁴

Блок встретился с И.Т.Беляевым¹⁶⁵. Призыв не состоялся, но договоренность осталась в силе на будущее. Хлопотал Блок тогда и о Г.И.Чулкове.

Наступил 1916-й. Чулков, по-видимому, беспокоился, не забыли ли о нем, и Блок вновь обратился к сестре¹⁶⁶. В конце марта И.Т.Беляев получил новое назначение и спешно уехал на фронт, из чего Блок сделал вывод, что теперь поступление к нему вольноопределяющимися отменялось¹⁶⁷. Однако И.Т.Беляев не забыл о своем обещании, и 10 мая Мария Тимофеевна предложила Блоку и Чулко-

¹⁶⁴ Там же. №5. С.65.

¹⁶⁵ ЗК. С.278.

¹⁶⁶ См. письмо Блока Чулкову от 27 февраля 1916 (опубл.: Лит. наследство. Т.92. Кн.4. С.421). Указание в комментарии на С.Т.Беляева, восходящее к примечаниям М.А.Бекетовой (Письма к родным. Т.2. С.475), – ошибочно: С.Т.Беляев был тогда начальником артиллерии Западного фронта, а в переписке Блока и его записных книжках упоминался всегда только командир артиллерийского дивизиона – т. е. И.Т.Беляев.

¹⁶⁷ Лит. наследство. С.422.

ву поступить в «13-й тяжелый дивизион»¹⁶⁸, которым теперь командовал ее брат¹⁶⁹.

Блок всерьез готовился к службе, приобрел даже соответствующие книги, как-то: «Руководство для экзамена на прапорщика»¹⁷⁰, но встреча с рекомендованной Марией Тимофеевной вольноопределяющимся А.А.Страховым, который подробно рассказал о службе, смутила его¹⁷¹. Любовь Дмитриевна тоже решила, что ему «слишком трудно идти в тяжелую артиллерию»¹⁷², и с этими планами было покончено. Вскоре с помощью В.А.Зоргенфрея Блок был зачислен в инженерно-строительную дружину Союза земств и городов («устроился в “земгусары”»), как съязвил И.Т.Беляев¹⁷³.

Ангелина провожала Блока на фронт¹⁷⁴. В августе, пока Любовь Дмитриевна не уехала на зимний сезон в труппу Оренбургского театра, Ангелина часто звонила ей, передавала приветы Блоку, пересказывала письма, которые получала из Шахматова от М.А.Бекетовой. Любовь Дмитриевна, в свою очередь, сообщала эти новости Блоку¹⁷⁵.

Неизвестно, виделся ли Блок с сестрой в октябре, когда приезжал в отпуск. В конце 1916 у Марии Тимофеевны и Ангелины «уже назревало решение уйти в монастырь; они уже вели об этом переговоры с Леушинским подворьем»¹⁷⁶. Ангелиночка с Лилей, дочь старшего брата¹⁷⁷, которая тоже впала в пиетизм, все время бегали

¹⁶⁸ Т. е. 13-й Отдельный полевой тяжелый артиллерийский дивизион. См.: ЗК. С.299.

¹⁶⁹ Письма к родным. Т.2. С.280.

¹⁷⁰ См.: Каталог. Л.90об., 91, 113.

¹⁷¹ См.: Письма к родным. Т.2. С.299. Вероятно, Страхов рассказал Блоку подробности об участии дивизиона в продолжающемся уже месяц наступлении (впоследствии известно как «Брусиловский прорыв»). Блоковское резюме беседы: «“Хорошая” начинается жизнь» (ЗК. С.308). На следующий день, 28 июня, он сделал в записной книжке пространную запись, в которой фактически подвел жизненные и творческие итоги.

¹⁷² ЗК. С.310.

¹⁷³ Простор. №5. С.65.

¹⁷⁴ См.: Письма к родным. Т.2. С.302.

¹⁷⁵ Письмо Л.Д.Блок А.А.Блоку (между 15 и 19 августа 1916). – РГАЛИ. Ф.55. Оп.1. Ед.хр.167. Л.9-9об.

¹⁷⁶ Подворье Леушинского Иоанно-Предтеченского женского монастыря Новгородской епархии, основанного св. прав. Иоанном Кронштадтским, находится на улице Некрасова (бывшая Бассейная), 31. Являлось одним из духовных центров Петербурга.

¹⁷⁷ По сообщению М.А.Беляевой, Лиля – Елизавета Сергеевна Беляева – в 1914 (19-ти лет) во время смертельной болезни выразила желание принять по-

туда, изображая послушниц»¹⁷⁸. Февральскую революцию они встретили, кажется, еще в Петрограде.

Вскоре Ангелина, ее мать и двоюродная сестра уехали в Новгород, где стали служить в Новгородском епархиальном лазарете. Лазарет размещался в епархиальном доме в Новгородском кремле и находился в ведении викарного епископа Тихвинского Алексия (Симанского), будущего Патриарха. Из писем епископа Алексия архиепископу Новгородскому (впоследствии митрополиту) Арсению (Стадницкому) видно, в каких условиях существовал лазарет. В первые же дни после Февральской революции на его помещение претендовали самые разные организации – от Красного Креста до штаба Северного фронта¹⁷⁹. Еще более осложнилась ситуация после Октябрьского переворота, когда епархиальный дом был захвачен большевиками. Часть лазарета была переведена в Мало-Кирилловский Покровский монастырь¹⁸⁰.

О последнем годе жизни Ангелины Блок известно немного. О том, как протекала работа в лазарете, что радовало Ангелину и как относились к ней окружающие, рассказывается в публикуемых ниже письмах. В течение этого года Ангелина переписывалась с Блоком. Переписывались они и прежде, но ни одно из их писем друг к другу не уцелело. Половина зафиксированных Блоком писем Ангелины (три из шести)¹⁸¹ были адресованы в Шахматово; возможно, там они и остались, разделив судьбу других бумаг. О судьбе блоковских писем, со слов племянников М.Т.Блок, рассказала в своих воспоминаниях Н.А.Павлович, но в печатный текст этот фрагмент не попал:

Письма Блока к сестре <...> после ее смерти перешли к Лизе, а позже к брату Лизы Алексею Сергеевичу, но архив Ангелины

стриг. Желание ее (последнее, как полагали) было исполнено, после чего девушка выздоровела. Постриг был тайным; И.Т.Беляев, вероятно, не знал об этом. Свое монашество мать Евфросиния скрывала до 1955, когда смогла поселиться близ Троице-Сергиевой Лавры и трудиться алтарницей в Покровском храме Московской духовной академии.

¹⁷⁸ Простор. №6. С.36.

¹⁷⁹ Эта тема находит отражение во многих письмах викарного епископа (11 марта, 25–28 августа, 8 сентября, 6 октября 1917 и др.). См.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000.

¹⁸⁰ Одна из древних новгородских обителей (XII в.), главной святыней которой являлись мощи преподобного Арсения Новгородского, перенесенные сюда в 1787 из упраздненного Арсеньева монастыря Рождества Богородицы, основанного преподобным на берегу Волхова во второй половине XVI в.

¹⁸¹ См.: Письма к родным. Т.2. С.84,142-143; Письма к жене. С.266; Дневник. С.130,144; ЗК. С.251.

вместе с его бумагами был взят у него при обыске¹⁸². Он рассказывал мне только содержание одного письма Блока, где тот говорит о своей беседе с академиком Ольденбургом об Огюсте Конте и душе человечества.¹⁸³

Фразу из другого письма Блока к сестре запомнила Е.С.Беляева: «Кажется, я понимаю, почему Вам сейчас хорошо»¹⁸⁴. Вот и все, что известно об их переписке.

Обменялись они и весьма значимыми подарками. Блок послал в Новгород оттиск из «Русской мысли» с Прологом и первой главой поэмы «Возмездие». Ангелина «посылает ему в подарок иконку Св. Софии-Премудрости Божьей, новгородского образца, в виде огненного ангела на престоле, с тороками возле ушей, в знак всеслышанья»¹⁸⁵. По предположению Н.А.Павлович, икона была послана в ответ на блоковское письмо «о душе человечества». Возможно, так оно и было, но ведь именно в Прологе «Возмездия» Блок обращается к апокалиптическому образу «Жены, облеченной в Солнце», отождествляемому им с Софией:

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом – юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.

Не попал в печатный вариант воспоминаний Н.А.Павлович еще один фрагмент об Ангелине:

¹⁸² По сообщению М.А.Беляевой, в первый раз А.С.Беляев был арестован в 1929 в Москве, второй раз – в 1941 в Костроме. Вероятно, архив Ангелины и ее матери был взят еще при первом аресте, т. к. Н.А.Павлович высказывала предположение, что он мог сохраниться «в архиве ЧК на Лубянке»: «Там письма Блока к Ангелине <...> и записки самой Ангелины, и 1 ч<ась> “Возмездия”...» (Письмо Н.А.Павлович Н.П.Ильину. – ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-891-р).

¹⁸³ Павлович Н.А. Новая глава к «Воспоминаниям об Александре Блоке». Л.19-19об.

¹⁸⁴ Письмо Н.А.Павлович Н.П.Ильину. – ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-884-р. Л.1. «Они были на “Вы”», — прокомментировала Н.А.Павлович эту цитату.

¹⁸⁵ Павлович Н.А. Новая глава к «Воспоминаниям об Александре Блоке». Л.19.

Сама она в то время была в окружении тогдашнего новгородского архиепископа¹⁸⁶, ныне патриарха московского и всея Руси – Алексия, который относился к ней сердечно и внимательно. Когда она смертельно заболела, он просил извещать его о ходе ее болезни и возможном исходе. Он несколько раз навещал ее больную, говорил с ней, сам прочел отходную и хоронил ее.

Потом Владыка Алексий написал Марии Тимофеевне о том, как свята и высока духовно была ее дочь.¹⁸⁷

О последних днях жизни Ангелины епископ Алексий рассказывал в письмах архиепископу Арсению (Стадницкому), однако для анонимного публикатора писем «сестра Ангелина» осталась «лицом неустановленным», даже ее отчество осталось нераскрытым: «Алекс.». Новгородский архиепископ Арсений, по-видимому, хорошо знал сестер милосердия из дворянок, поэтому епископ Алексий, рассказывая ему о болезни Ангелины, не называет ее фамилии. Приведем два фрагмента из писем 1918 года.

13 февраля:

У нас в лазарете умирает бедная Ангелина Алекс<андровна>. У нее менингит. Ее положение опасно. Очень слабая надежда на выздоровление. Она простудилась, заразилась, переутомилась. Жаль ее, она такая тихая и хорошая.¹⁸⁸

19 февраля:

С<естра> Ангелина умирает, агония со вчерашнего дня, она без памяти и только благодаря здоровому сердцу, по-видимому, не кончается; с часу на час, однако, ожидается развязка.

За этими словами следует приписка:

20 февраля 1918 г.

Скончалась с<естра> Ангелина сегодня в 11 ч<асов> 20 м<и-нут> вечера. Жаль смотреть на ее мать, которая теряет единственного своего ребенка.¹⁸⁹

Погребена была Ангелина в Мало-Кирилловском Покровском монастыре на острове Селезневе, между притоками Волхова – Малым Волховцем и Левощнею. Пророческим оказался ее детский страх, о котором она рассказала брату 15 мая 1916: «Ангелина с детства не любит и боится, когда маленькая речка впадает в большую»¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Правильно: епископа.

¹⁸⁷ Павлович Н.А. Новая глава к «Воспоминаниям об Александре Блоке». Л.20.

¹⁸⁸ Письма патриарха Алексия своему духовнику. С.121.

¹⁸⁹ Там же. С.123-124.

¹⁹⁰ ЗК. С.299. «Вероятно, для Ангелины было страшно поглощение личностями», – прокомментировала Н.А.Павлович эту запись (Павлович. С.145).

24 марта 1918 Блок сделал запись в записной книжке и обвел ее рамкой:

Вечером позвонила Мар<ия> Ник<олаевна> Беляева¹⁹¹ (<телефон> 101-92): Ангелина умерла в Новгородском лазарете, заразившись воспалением спинного и головного мозга в 10 дней – 20 февраля (ст. ст.). Ее хоронили “как святую”, с крестным ходом.¹⁹²

Тогда же, вероятно, была сделана приписка к записи от 4 марта (19 февраля по старому стилю) о далеком взрыве, услышанном ночью.

По свидетельству Н.А.Павлович, Блок написал Марии Тимофеевне, как опечалила его смерть Ангелины¹⁹³. Е.Ф.Книпович вспоминала о знаменательном разговоре с Блоком, во время которого он сказал ей: «Сегодня¹⁹⁴ я узнал, что моя сестра умерла <...>. Странно, когда так Смерть подходит. Она должна была умереть – ее так и воспитывали – к смерти. Я ее поздно узнал. С ней хорошо было»¹⁹⁵.

В апреле 1918 М.Н.Беляева пригласила Блока на панихиду по Ангелине, которая должна была совершаться на сороковой день по ее кончине. На панихиде, как записал Блок, «предполагалось что-то продемонстрировать»¹⁹⁶. Из записи от 12 апреля неясно, ходил ли он туда – скорее всего, нет. Так или иначе, сороковины он отметил по-своему: правил корректуру цикла «Ямбы»¹⁹⁷, два стихотворения которого обращены непосредственно к Ангелине и под заглавием «Моей сестре» были известны ей по публикациям 1914 и 1915 годов. «Ямбы» должны были появиться в журнале левых эсеров «Наш путь», но издание летом 1918 было запрещено. В начале декабря Блок передал цикл в «Новый журнал для всех», но и эта публикация не осуществилась. «Ямбы» были изданы С.М.Алянским в 1919. Книга открывалась посвящением памяти сестры¹⁹⁸. Парадокс заключает-

¹⁹¹ Мачеха М.Т.Блок.

¹⁹² ЗК. С.396-397. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф.654. Оп.1. Ед.хр.364. Л.37.

¹⁹³ См.: ГМИ СПб. Фонд А.Блока. XI-883-р. Л.20.

¹⁹⁴ В разных вариантах своих воспоминаний Е.Ф.Книпович называет разную дату своего визита к Блоку: 24 и 27 марта 1918 (См.: *Книпович Е.Ф.* 1) Об Александре Блоке // Лит. наследство. Т.92. Кн. 1. С.23; 2) Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С.18). Встреча состоялась 27 марта. См.: ЗК. С.397.

¹⁹⁵ *Книпович Е.Ф.* Мои встречи с Блоком // Октябрь. 1986. №8. С.192.

¹⁹⁶ ЗК. С.399.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Подробнее об истории создания и публикации цикла «Ямбы» см. комментарии Н.В.Лошинской: ПСС. Т.3. С.669-674.

ся в том, что Блок посвящает «немятежной» Ангелине самую «гневную» свою книгу.

Александр Блок скончался 7 августа 1921. Пришедшая в тот день в его квартиру Н.А.Павлович вспоминала: «Прекрасное, суровое лицо, лицо Страшного суда. Скрещены руки, а на бледных желтоватых пальцах образ Богоматери. Потом вместо него был положен Любовью Дмитриевной образок св. Софии-Премудрости»¹⁹⁹. И уже вскоре о упокоении его души молились в Софии Новгородской. В доме рядом с древним храмом в квартире священника Анатолия Никифоровского²⁰⁰ жила мать Ангелины²⁰¹. В архиве Блока хранится ее письмо с соболезнованием вдове поэта:

1/14 Августа 1921 г.

Дорогая Любовь Дмитриевна,

Узнала из письма одной из Ангелиночкиных подруг о смерти Александра Александровича и глубоко огорчилась: я надеялась, что он еще долго, долго проживет. Огорчилась я также и тем, что 7/VIII я как раз была в Петрограде (уехала 8-го) и могла бы еще прийти посмотреть на него в последний раз и проститься с ним. Если Вам не очень трудно, я была бы очень благодарна, если бы Вы могли написать про последние годы его жизни и про Александру Андреевну. Адрес мой: Новгород (на Волхове), Кремль, Соборный дом №3, квартира Никифоровского. Буду надеяться получить от Вас несколько строчек. Примите мое сердечное и молитвенное сочувствие, и передайте то же Александре Андреевне, если можно.

Любящая Вас М.Блок²⁰²

¹⁹⁹ Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. С.496. В рукописи главы об Ангелине, рассказывая об иконе, она писала: «Эта икона потом лежала на груди у мертвого Блока. Сейчас она в Пушкинском Доме» (Павлович Н.А. Новая глава к «Воспоминаниям об Александре Блоке». Л.19). В настоящее время икона находится в Музее-квартире А.Блока.

²⁰⁰ Священник Анатолий Никифоровский неоднократно упоминается в письмах епископа Алексия, автор комментария сообщает о нем: «Никифоровский Анатолий Васильевич, священник, хранитель и заведующий библиотекой при церковном археологическом обществе» (Письма патриарха Алексия своему духовнику. С.58). В письме от 19 мая 1918 он упомянут как заведующий хозяйством епархиального лазарета (Там же. С.157).

²⁰¹ Настоятелем Софийского собора с 1919 был протоиерей Павел Евгеньевич Беляев (1877–1937). «Благочинный Беляев» постоянно упоминается в письмах епископа Алексия. С будущим патриархом учился в Московском университете старший брат о. Павла, Иван Евгеньевич Беляев (умер ок. 1943).

²⁰² ИРЛИ. Ф.654. Оп.8. Ед.хр.43.

В 1922 не стало и Марии Тимофеевны, нашедшей упокоение подле могилы дочери²⁰³. В это время монастырь и епархиальный лазарет уже были закрыты. В монастыре разместили инвалидный дом. Во время войны здесь шли бои, но храмы и монастырские корпуса уцелели – уничтожены они были уже после победы, когда для восстановления разрушенного Новгорода понадобился кирпич. По словам новгородского краеведа, «руины древней обители постепенно заросли деревьями и бурьяном»²⁰⁴.

* * *

Вот почти все, что известно об Ангелине Блок. Как всякий человек, от которого не осталось ни строчки и совсем немного слов и поступков, Ангелина остается для читателя лишь бледной тенью. Мы и видим ее в основном глазами брата, почти всегда пристрастного, и практически ничего не знаем о том, какой она была и каков был ее мир, столь чуждый Блоку. Публикуемые ниже письма с описанием страдальческой кончины сестры Ангелины приоткрывают дверь в этот мир.

Письмо М.Т.Блок печатается по ксерокопии с автографа, письмо Е.С.Беляевой – по машинописной копии. Оба документа хранятся в семье одного из внуков адресата. Конец первого письма не сохранился.

Выражаем искреннюю благодарность внучатым племянникам Ангелины Александровны Блок – Марии Алексеевне Беляевой и протоиерею Николаю Беляеву за предоставленные тексты писем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА О КОНЧИНЕ АНГЕЛИНЫ БЛОК

1

М.Т.Блок – С.Т.Беляеву

10-го / 23 марта 1918 г.

Дорогой Сереженька, до сих пор не могла собраться написать Тебе подробно про мою милую Ангелиночку: первые дни, конечно, хотелось посвятить только молитве о ней, да и теперь я продолжаю

²⁰³ По сведениям Н.А.Павлович, день ее кончины – 24 января (Павлович. С.246), по сведениям И.В.Кузнецовой – 8 октября (Кузнецова. С.23).

²⁰⁴ Кириллов монастырь // София. 1997. №1. С.25.

много бывать в церкви; а потом, я считала долгом известить родных, близких и подруг, хотя бы открытками, что взяло и берет много времени. Твоим в Е<катеринода>р я послала сначала подробное письмо о ее болезни, около времени Лешиных именин¹, а потом телегр<амму>. Ваничке² послала открытку, но не знаю, не отрезан ли он? (Киев, Багговутовская, 15). От Мишеньки и Наташ<еньки>³ уже получила ответ на посланную мною телеграмму. Сердечно благодарю Тебя за письмо и открытку и душой скорблю, что пришлось нанести всем такой внезапный удар, т. к. не имела возможности написать раньше. Ангелиночка заболела, т. е. слегла, 4-го февр<аля> ст. ст., но несколько дней перемогалась и скрывала свою болезнь, т. к. было много больных и она хотела не бросать работу. Господь послал все же сестру Елену⁴, кот<орая> случайно пришла и, застав горячую работу, решила попроситься у матушки⁵ остаться на помощь сестрам. На другой же день после того, как Ангелиночка слегла, – обнаружилось, что болезнь очень серьезна, т. к. головная боль была невообразимая; она сама говорила: «наверное, у меня воспаление мозга, – никогда в жизни так голова не болела».

Все в лазарете отнеслись к ней с величайшей нежностью и любовью; тут обнаружилось, как все ее любили и ценили. Доктор⁶ и о<тец> диакон прямо не знали, что только сделать для ее облегчения. Ее перенесли наверх, в более спокойную и уединенную комнату, и меня поселили с ней. В первый же день ее духовник, чудный старец Гавриил⁷, приобщил ее; потом ее навещил случайно пришедший схимник, кот<орый> редко выходит из затвора. Боль в голове была так сильна, что пришлось обрезать волосы; для облегчения клали лед и употребляли особые примочки. Потом я попросила консилиум: пригласили извест<ного> здесь д<окто>ра Лебедева⁸, пот<ом> ее смотрели члены здешней врачев<ной> комиссии. Мнения расходились: одни говорили – тиф, другие – инфлюэнца на мозговой почве; но для меня сразу стало ясно, что это не что иное, как воспаление мозга, головного, а м<ожет> б<ыть> и спинного, что после подтвердилось. Я вспомнила брата Женичку⁹ и его страдания; помнишь ли ты его? Потом я вспомнила сон, который, как теперь стало ясно, Господь послал мне в прошлом году во время революции (расскажу его потом), и я поняла, что Господь хочет взять к Себе мою Ангелиночку. Верно, она достигла «в меру возраста Христова»¹⁰; последние годы служила только Богу и ради Него ближним; а когда попала в Новгород, то радовалась, будто нашла последнее пристанище. Ее радовало, что здесь все служат ближним ради Господа, с постоянным призыванием Его Святого имени, а также бли-

зость святынь, особенно св. мощей. Особенно она любила Свя-
т<ителя> Иоанна¹¹, беседовала с ним, как с живым, прибегая к нему
за помощью во всех печалях, и он удивительно исполнял ее детские
молитвы, так что она часто говорила, что хорошо любить святых
угодников: они так скоро откликаются, и на маленькое проявление
любви отвечают с такой полнотой любви и так скоро, как не могут
отвечать живущие на земле. Поэтому, верно, и Господь во время ее
болезни и после кончины так осыпал ее знаками Своей любви через
Своих святых и Своих рабов, что, несмотря на всю скорбь, я радова-
лась, как написал мне Владыка Алексей¹² на иконе, кот<орую> он
дал мне в память о днях «великой скорби, но и вместе высокого ду-
ховного умиления и благодатного утешения, в знамение благослове-
ния и Покрова Матери Божией над нею и над пребывающей в гор-
них обителях, в неизреченной радости, девой Ангелиной», и приба-
вил из 2-го посл<ания> к Кор<инфянам>, 6: «Яко скорбяще, присно
же радуящися», «Яко умирающе, и се живи есмы»¹³.

На другой день Ангелиночка опять приобщилась и соборовалась,
и потом приобщалась уже каждый день. Все батюшки приходили ее
навещать, благословлять и молиться; потом приехали матушки и
остались в Новгороде; оттуда или из Кириллова¹⁴ они каждый день
приходили и проводили у нее почти весь день. Мать Наталия¹⁵ пере-
селилась в лазарет и вместе с сестрой Еленой помогали мне в уходе
днем и ночью. Из Десятинного <монастыря>¹⁶ принесли икону св.
Велик<омученика> Пантелеймона, и она провела у нас ночь. Влады-
ка Алексей сразу же пришел навещать Ангелиночку, побеседовал с
нею и так был тронут ее терпением, покорностью и желанием идти в
Отечество Небесное, что приходил потом каждый день и последний
раз ушел от нее только за полчаса до кончины.

За три дня до кончины Ангелиночка потеряла сознание и лежала
неподвижно; в ночь же на 20-е февр<аля> (в телеграмме я ошиблась
числом), во время чтения акафиста преп<одобному> Серафиму, она
вдруг на наших глазах перекрестилась; потом пришла в себя и от-
крыла глаза, но говорить не могла. Послали за отцом Гавриилом,
который с большой любовью и лаской все время относился к ней и
просил звать его во всякое время дня и ночи. Он пришел, помолился
около нее, убедился, что она все понимает, и после ранней обедни
пришел приобщить ее. После приобщения она весь день лежала с от-
крытыми глазами, котор<ые> были удивительные: широко раскры-
тые, большие, черные, будто молящие. Иногда она смотрела вверх, а
когда я крестила ее, смотрела на меня и будто просила молиться за
нее. И молитва действительно не прекращалась. Два раза она в тече-

ние дня опять перекрестилась, а потом, верно, правая рука онемела, и она как будто делала попытки перекреститься левой рукой. Владыка долго осенял ее св<ятыми> иконами и св<ятыми> мощами.

В 11½ ч<асов> веч<ера> (на 21 февр<аля> ст. ст.) дыхание ее изменилось, и через несколько минут она тихо отлетела от нас. Все живущие в эт<ой> комнате, мать Наталия, Елена и Лиля¹⁷, были тут со мною. Я не знаю, что бы со мною было, если б не явные знаки милости Божией, которую Он так изобильно излил¹⁸ на Ангелиночку, как бы на святую. Службы около ее гроба – это было такое торжество, такие дивные, неизвестные мне прежде песнопения, столько больных, немощных, монахинь и батюшек, поминавших ее добром за ласку и посильную помощь, что мне дивно было видеть это. Отец Гавриил сказал, что тот уголок, где она лежит, святой и что благодати удостоился тот, кто помолился около нее и за нее. Владыка тоже в прощальном слове сказал, что дни молитвы около ее гроба были днями глубокого умиления и духовной радости, что молиться за нее удивительно легко, но что молитва эта скорей нужна нам, чем ей. Митроп<олит> Арсений¹⁹ тоже написал матушкам и о<тцу> Стягову²⁰, что она была неземная, с потусторонним взглядом, и что Господь взял ее к Себе, п<отому> ч<то> она была готова для вечной жизни.

Теперь я расскажу, что я видела во сне год тому назад, во время начала революции, когда мы прошли <так!> к Твоим делить с ними горе. Я видела, что сплю и просыпаюсь от громкого пения: поет как бы женский хор, так громко и явственно, что я разобрала каждое слово; но, проснувшись, забыла, и помнила только, что это была песнь мученикам. (Когда же пришло время, я вспомнила и слова; это были: «Агнца Божия проповедавшие»²¹.) Потом пошел крестный ход, кот<орый> остановился перед светлым иконостасом; перед ним был аналой, а перед аналоем Ангелиночка, смертельно бледная. На голове у нее была шапочка, надетая назад, т<ак> что волосы были видны, и как бы окровавленная. Тогда под впечатлением революции я подумала, что верно, значит, теперь будут мученики, и, мож<ет> б<ыть>, Ангелиночке тоже суждено мученичество. Тогда меня спросил голос, как я думаю, Ангела Хранителя: «что ты скажешь, когда это будет?» Я сказала: «я раба Господня», потом вспомнила, что это слова Божией Матери и что дальше Она сказала: «да будет Мне по глаголу твоему»²², и мне стало страшно, и я прибавила только: «да будет Его святая воля». Этот сон я рассказала своему духовнику, а Ангелиночке только то, что ее не касалось; хотя я и не понимала, что это значит, но все-таки было немного страшно про это рассказывать.

Когда мы с Ангелиночкой были в Кириллове (я увидела его первый раз в день храмового праздника преп<подобных> Афанасия и Кирилла²³), я узнала виденный мной иконостас, но не была еще уверена, точно ли это так. Потом, когда заболела Ангелиночка, у нее страшно болела голова, и Лиля надела ей шапочку преп<подобной> Евфросинии²⁴; тогда я опять вспомнила сон и поняла, что, верно, Господь хочет взять ее к Себе; и потом исполнилось все остальное: похоронили ее в Малом Кириллове и отпевали у того самого иконостаса, кот<орый> я видела во сне; песнь мученикам, кот<орую> пели, была «Агнца Божия проповедавшие». Этот сон подкрепил меня тем, что из него я поняла, что такова была воля Божия, что болезнь Ангелиночки не случайность, а Господь предупредил меня о ней еще год тому назад и по милости своей еще как бы испросил моего согласия, чтоб дать мне случай выразить Ему свою преданность и покорность Его воле. Только это меня и подкрепляет, и многочисленные знаки милости Божией к Ангелиночке, и трогательные совпадения: напр<имер>, день кончины 20-го фев<раля> в 11½ в<е>ч<ера> накануне папиных именин²⁵, 20-й день на др<угой> день после моего рожденья и в день торжества православия и праздника Иконе Тихв<инской> Бож<ией> Мат<ери>²⁶, 40-й день накануне моих именин в субботу 4-й недели и день празднов<ания> Иверской Бож<ией> Мат<ери> («радуйся, благая Вратарница, двери райские нам отверзающая»)²⁷. А когда возвращаюсь к житейскому, то очень тяжело думать, как она, бедная, уставала, как буквально положила жизнь свою за ближних, как она страдала во время болезни, и как теперь пуста будет жизнь без нее. Я хотела бы до 40 дня никуда не уезжать,²⁸ тем более, что накануне его день Ангела Матушки Иоанны²⁹ <...>

¹ Именины Алексея Сергеевича Беляева (1904–1987) – 12(25) февраля. Семья С.Т.Беляева (жена Елизавета Николаевна (урожд. Наумова), дочь Мария и сын Алексей) находилась в то время в Екатеринодаре.

² Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957) – брат М.Т.Блок.

³ Михаил Тимофеевич Беляев (1869–1950) – брат М.Т.Блок, Наталия Николаевна Беляева (урожд. Энден) – жена М.Т.Беляева, его и М.Т.Блок двоюродная сестра (дочь Николая фон Эндена и Елены Ивановны фон Энден, урожд. Эллиот).

⁴ В письмах епископа Алексия (Симанского) упоминается, в связи с епархиальным лазаретом, Елена Петровна, дважды служившая посредницей в передаче писем (см.: Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С.155, 159).

⁵ Вероятно, мать Иоанна, упоминаемая ниже.

⁶ Известна фамилия лишь одного из лазаретных докторов – Цур-Мюлен (см.: Там же. С.155,157).

⁷ Отец Гавриил упоминается в письме еп. Алексия от 14 марта 1918 среди клириков новгородского Софийского собора (Там же. С.134).

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Один из братьев М.Т.Блок; скончался ребенком не позднее 1875, похоронен на Рудненском погосте Гдовского уезда.

¹⁰ Аллюзия на Еф. 4: 13.

¹¹ Св. Иоанн, архиепископ Новгородский (†1186). Его мощи находятся в Софийском соборе.

¹² Алексий (в миру Сергей Владимирович Симанский; 1877–1970), с 1913 – епископ Тихвинский, впоследствии – патриарх Московский и всея Руси.

¹³ Епископом Алексием были избраны цитаты из апостольского чтения общей службы св. мученице (2 Кор. 6: 1-10).

¹⁴ Мало-Кирилловский Покровский монастырь. О нем см. примеч. 180 к вступит. статье.

¹⁵ Наталия Леонидовна Чичагова (1881 – после 1937), вторая дочь преосв. Серафима (Чичагова). См. о ней: Воспоминания игуменьи Серафимы // Да будет воля Твоя: Житие и труды свщм. Серафима Чичагова. М., 2003. С.742-743. С 1908–1909 Н.Л.Чичагова была монахиней Свято-Троицкого Сергиева монастыря в Риге, с которым и эвакуировалась в Новгород, где стала сестрой милосердия епархиального госпиталя. Из воспоминаний игуменьи Серафимы (Чичаговой) следует, что Чичаговы были в свойстве с Энденами, а следовательно, и с Беляевыми. После 1928 жила в Москве с Е.С.Беляевой.

¹⁶ Десятинный (Десятинов) Богородицкий женский монастырь, названный по урочищу, где расположился, был основан в XIII в. на Софийской стороне в Новгороде великой княгиней Феодосией Мстиславовной, матерью св. кн. Александра Невского, и св. Моисеем, архиепископом Новгородским. В описываемое время им управляла игуменья Людмила.

¹⁷ Елизавета Сергеевна Беляева (1895–1978).

¹⁸ Ср. с одним из прошений сугубой ектении из последования благодарственного молебна: «...о Твоих благодеяниях, яже излиля еси изобильно на рабе Твоем (имярек)».

¹⁹ Арсений (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий; 1862–1936) – епископ Псковский (1903–1910), архиепископ Новгородский и Старорусский (1910–1917), митрополит Новгородский (1917–1933). На Поместном соборе (1917–1918) – один из трех кандидатов на патриарший

престол. С 1922 в ссылке в Средней Азии, с 1932 – митрополит Ташкентский. Умер в ссылке в 1936.

²⁰ Николай Гаврилович Стягов – протоиерей, ключарь Софийского собора.

²¹ Начальный стих одного из заупокойных тропарей 5-го гласа, которые поются на панихиде или отпевании. Он действительно обращен к св. мученикам: «Агнца Божия проповедавшие и заклани быша, якоже агнцы, и к жизни нестареемей, святии, и присносушней преставльшеся, Того прилежно, мученицы, молитв, долгов разрешение нам даровати».

²² Лк. 1: 38.

²³ День святителей Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских; 18(31) января – престольный праздник главного храма Мало-Кирилловского монастыря.

²⁴ Не ясно, о чем идет речь. Можно лишь предположить, что, поскольку Е.С.Беляева получила в постриге имя чтимой русской святой преп. Евфросинии Полоцкой, то здесь речь идет о шапочке, освященной на мощах преподобной. Св. Евфросинии Елизавета Беляева посвятила стихотворение «В белой пустыньке» («Яркий луч скользнул на ризы синие...») (опубл.: Русский паломник. 1915. С.668).

²⁵ 21 февраля (6 марта) – день св. преп. Тимофея в Символех.

²⁶ 1-я неделя (воскресенье) Великого поста посвящено празднованию Торжества Православия. В этот же день в Тихвинском мужском монастыре (относившемся до Октябрьского переворота к Новгородской епархии) совершалась полная служба в честь Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери.

²⁷ Сороковой день по кончине Ангелины приходился на 31 марта ст. ст. Следующий день – 1 (14) апреля – память преп. Марии Египетской. Упомянутый здесь праздник Иверской иконе Божией Матери не отмечен в современных церковных календарях. Происхождение его таково: день обретения на Афоне Иверской иконы (по преданию, 31 марта) в 999 (год явления иконы) пришелся на вторник Светлой седмицы. До революции праздновалась как «подвижная», так и «неподвижная» дата. «Радуйся, благая Вратарнице...» – припев акафиста Иверской иконе, называемой Вратарницей (Портаитиссой), поскольку афонская икона находится в надвратной церкви Иверского монастыря.

²⁸ 30 марта (12 апреля) – день преп. Иоанна Лествичника. Его имя носила настоятельница женской монашеской общины, размещенной в Мало-Кирилловом монастыре, мать Иоанна. Ее как настоятельницу упоминает епископ Алексей в письме от 7 июля 1918 (см.: Письма патриарха Алексия. С.165).

²⁹ Обрыв текста.

16/29 марта 1918 г.

Дорогой мой Папочка, все не могла собраться написать. Как Ты? Ангелиночка уходила от нас так дивно, что я *не могла* желать ее выздоровления. Тетя Маня Тебе пишет. Она умирала, как святая, окруженная святынями, частицами Мощей, Иконами. Владыка приходил каждый день, и он первый спросил ее, хочет ли она оставить нас или лучше остаться на земле. Она сказала, что «скорей, скорей туда, – там так хорошо!» Боли в головке были смертельные, она очень страдала, но жалоб даже не было, и в день Соборования со стоном повторяла: «Ах, как мне хорошо!» Два дня была (и 2 ночи) агония без сознания, на третьи сутки, во время Акафиста Преп. Серафиму (я, счастливая, его читала) она пришла в себя и до ночи жила с нами, хотя видно было, что душа уже не здесь. Ее еще приобщили. Но, что было потом, походило на торжество. Теперь грустнее. Матушки золотые наши сами все время здесь были и дали нам в лазарет м<ать> Наталию и с<естру> Елену. Теперь м<ать> Наталия осталась работать у меня на месте Ангелиночки, и во всем помогает мне. Без нее было бы очень тяжело, особенно во внутреннем отношении. Не знаю, как и Бога благодарить. Она заботится обо мне, как о родной, как о ребенке. Я физически и теперь чувствую себя лучше, чем в Петрограде, и когда бывают маленькие нервные боли, то мне и в этом помогают. Здесь есть хорошая докторша; питание хорошее, не голодаю совсем. Сейчас больных мало, и больше приходится думать об администрации, чем работать руками.

У меня здесь крестница – девочка Ангелина, подкинута в день смерти нашей Ангелины в лазарет, – и крестник чудный, больной солдат Кондратий, которого на днях мы приобщили к правосл<авной> вере из Федосеевского толка (беспоповщины).

Помолись за меня, благослови и прости. Попроси благословения у обоих Владык¹, если увидишь. Не будет ли случая увидеть преосв<ященного> Серафима (Чичагова)², отца моей Матери Наталии?

Да хранит Тебя Матерь Божия. Т<воя> Лиля

Эта Иконочка от Чудотворной Иконы с Мощами Св. Целителя Пантелеймона, которая приходила к Ангелиночке во время ее болезни из Десятинного монастыря, – Тебе и Зинаиде Франц<евне>³.

¹ Возможно, речь идет о митрополите Арсении (Стадницком) и архиепископе Петроградском и Ладожском Вениамине (Казанском). Свя-

щенномученик Вениамин (1873–1922) – с 13 августа 1918 митрополит Петроградский и Гдовский.

² Священномученик Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов; 1856–1937). В 1917 после Февральской революции временный Синод отправил архиепископа Тверского и Кашинского Серафима на покой из-за его монархических убеждений (формально: за суровое обращение с духовенством), что не помешало, однако, ему быть избранным на Поместный Собор и возглавить там секцию монашества. В 1918 преосв. Серафим был возведен в сан митрополита с титулованием «Варшавский и всея Польши». Поехать в епархию ему, в силу понятных обстоятельств, не удалось. Он жил в Петрограде, а затем в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры. В 1928–1933 – митрополит Ленинградский и Гдовский. Был духовником А.С.Беляева. См. письмо к нему из архангельской ссылки (1922 г.): *Серафим (Чичагов), митр.* Да будет воля Твоя. Ч.2. М.; СПб., 1993. С.28-29.

³ Неустановленное лицо.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абир К. 474, 492
Абрамович С.Д. 402
Абызов Ю.И. 229
Ававини Р. 207
Авторханов А.Г. 492
*Аграев Г.В. (Клочков Г.В.) 108, 109
Агриппа Неттесгеймский 182
Адан П. 282
*Адашев (Платонов) А.И. 193, 224
Адрианов С.А. 520
Азадовский К.М. 240, 376, 381
*Азов (Ашкенази) В.А. 68
Айвазовская, знаковая
А.К.Герцык 435
Айзенштат Д.С. 176
Аксененко Е.М. 498
Александр Обренович, король 335
Александра Федоровна, имп. 182
Александров А. 408
Александрова А. 107
Александрова-Гнесина О.Ф. 458, 480, 482
Алексеевский А.П. 152, 153, 158
Алексеевы, семья 248
Алексий, еп. (Симанский С.В.) 530, 532, 534, 537-541
Алябьевы, семья 248
Алянский С.М. 175, 533
Ангелина, деспотисса Сербская, св. 504
Ангело В.Р. 47
Андерсен Х.-К. 413
Андреев Л.Н. 27, 29, 32, 33, 40, 45, 153, 208, 229
Андреев П.З. 110
Андреева А.А. 263
Андреева М.Ф. 111
Андреева-Бальмонт Е.А. 252, 253, 257, 261, 263, 270
Андров, знакомый Л.Д.Рындиной 194
Андроников М.М., кн. 220, 241
Анерт Н. 217
Анерт Э.Э. 183
Анна Австрийская, королева 491
Анненский И.Ф. 137, 232
Антошевский И.К. 211, 236
*Анчар см. Боцяновский В.Ф.
Арабажин К.И. (*Solus) 97, 313
Аренберг Ж. 15
Аренс Е.Л. 429

* Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аренс Л.А. 408, 429, 434-437, 452
- Арсений, архиеп. (Стадницкий А.Г.) 530, 532, 538, 540, 542
- Арсеньев А.Б. 55-57, 63, 65, 122, 123
- Арцыбашев М.П. 27, 45
- Аршедеакон 404
- Асеев А.М. 184
- Асеев Н.Н. 416, 432, 435, 439, 441, 452, 455, 461, 463-465, 474, 477, 478, 483, 485, 487, 494
- Асеева К.М. см. Синякова-Асеева К.М.
- Асеевы, семья 485
- Ауслендер Н.А. 212, 237
- Ауслендер С.А. 98, 179, 212, 237, 239
- Ауслендеры, семья 216, 220
- Ахумян Т.С. 300
- Ашир, композитор 430
- Ашкинази З.Г. 210, 235
- *Ашмарин (Ахрамович) В.Ф. 133, 134, 138, 467, 489
- Ашукин Н.С. 130, 318
- Бабель И.Э. 440
- *Базилевский Вас. (Яковлев В.Я.) 110
- Баженов Н.Н. 86, 87
- Бакеркина М.А. 104
- *Бакст (Розенберг) Л.С. 58, 257, 283, 284, 311-313
- Бакунин М.А. 119, 120
- Бакунина В.А. 119
- Балаховская-Пети С.Г. 281, 282, 337-340, 375
- *Балиев Н.Ф. (Бальян М.) 71, 72, 92- 94
- Балтрушайтис Ю.К. 127, 282-296, 300, 379, 380
- Бальзак О. де 144
- Бальмонт (урожд. Горелина) Л.М. 252
- Бальмонт К.Д. 56, 61, 63, 66, 75, 142, 148, 178, 251-278, 283, 286, 292-294, 297, 298, 321, 332, 334, 337-340, 342, 343, 380, 390, 416, 473
- Банг Г. 33
- Баранова-Шестова Н.Л. 338
- Баратынский Е.А. 141, 143
- Бартенева П.И. 358
- Барятинский В.В. 100, 101
- Басаланов Ю. 492
- Батюшков Ф.Д. 102, 113
- Бауер К. 349
- Бахрушин А.А. 226, 248
- Бebutov В.М. 84
- Безродный М.В. 136, 144, 145
- Бекерат, художник 216
- Бекетов А.Н. 502, 506
- Бекетова М.А. 502, 503, 506, 507, 511, 526, 528, 529
- Бекетовы, семья 502
- Беккерат А.Л., фон 240
- Белинский В.Г. 314, 317, 318
- Белоусов И.А. 422
- *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 75, 127-176, 178, 181, 201, 226-228, 233, 240, 289, 312, 343, 347, 364, 365, 379, 380, 416, 420, 427, 435, 446, 473, 474, 479
- Беляев А.С. 501, 530, 531, 536, 539, 543
- Беляев В.Т. 500, 514
- Беляев Е.Т. 536, 540
- Беляев И.Е. 534
- Беляев И.Т. 499-501, 504, 506, 507, 513, 517-519, 527, 529, 530, 536, 539
- Беляев М.А. 501
- Беляев М.Т. 500, 507, 508, 512, 536, 539
- Беляев Н.А., прот. 535

- Беляев Н.Т. 501
 Беляев П.Е., прот. 534
 Беляев П.Н. 514
 Беляев С.Т. 500, 501, 506, 507, 510-512, 528, 535-539, 542
 Беляев Т.М. 500, 501, 505, 507, 517
 Беляев Т.Т. 501
 Беляев Ю.Д. 66, 179, 244
 Беляева (урожд. Захарова) А.А. 518
 Беляева (урожд. Наумова) Е.Н. 539
 Беляева Е.С. 501, 510, 511, 529-531, 535, 538-542
 Беляева М.А. 529, 531, 535
 Беляева (урожд. Эллиот) М.И. 499, 500, 505
 Беляева (урожд. Сентюри-на) М.Н. 500, 533
 Беляева (урожд. Энден) Н.Н. 512, 536, 539
 Беляевы, семья 498-501, 504, 511, 516, 517, 528, 540
 Бёме Я. 182, 183, 270
 Бенуа А.Н. 106, 364
 Бергенгрин Т.А. 263, 265
 Бердяев Н.А. 228, 251, 257, 292, 293, 297
 Березарк И.Б. 497
 Берков П.Н. 128
 Бернар С. 281
 Бернстайн А. 225
 Бернштейн Генри 51
 Бернштейн Герман 6, 11, 14, 17-19, 22-24, 26, 29-32, 34-43, 45-52
 Берхман В.К. 522
 Берхман Т.К. 522
 Бескин О.М. 465, 488
 Биск А.А. 217, 240
 Благоволина Ю.П. 289
 Благой Д.Д. 447
 Блок (урожд. Черкасова) А.А. 503-506
 Блок А.А. 56, 58, 59, 62-64, 121, 128, 130, 134, 159, 167, 170, 171, 227, 289, 380, 418, 419, 428, 435, 473, 475, 497-499, 501, 502, 510-535
 Блок А.Л. 497, 498, 502-513, 515
 Блок (урожд. Качалова) А.Н. 508, 509
 Блок Анг. А. 497-500, 504-542
 Блок Г.П. 497, 498, 506, 507, 508, 511, 512, 514
 Блок И.Л. 508, 509
 Блок (урожд. Менделеева) Л.Д. 64, 510, 513, 514, 517, 529, 534
 Блок (урожд. Беляева) М.Т. 498-512, 514, 515, 517-520, 523, 525-530, 532-540, 542
 Блок П.Л. 503
 Блоки, семья 498, 509
 Боборыкин П.Д. 314, 316-318
 Бобриков Н.И. 34
 Бобров Е.А. 513
 Бобров С.П. 456, 457, 479, 492
 Бовкало А.А. 525
 Богаевский К.Ф. 247
 Боголюбов Н.И. 104
 Боголюбов С.П. 28, 29
 Боголюбов, знакомый Л.Д.Рындиной 191
 Богомолов Н.А. 148, 177-250, 289, 408
 Богров Д.Г. 417
 Бодлер Ш. 56, 139, 140
 Боженев Н.Н. 417
 Божерянов И.Н. 8
 *Божидар (Гордеев Б.П.) 435, 461, 475, 478, 484, 492
 Бойсман Х. 47
 *Болеславский (Стрженицкий) Р.В. 66
 Болковской, актер 202, 203

- Борджиа Л. 116
Борисов-Мусатов В.Э. 413
Боровой А.А. 225, 232
Борхсениус О. 38
Боцяновский В.Ф. (*Анчар) 107, 108
Брандес Г. 40
Бремзен, учительница пения 198
Брик Л.Ю. 438, 464-468, 486-488
Брик О.М. 439, 463-465, 467, 468, 474, 477, 478, 485, 492
Брики, семья 452, 486
Бродский, знакомый Л.Д.Рындиной 203
Брутян Л. 71
Брылкин Д., отец Л.Д.Рындиной 191, 196, 199, 223, 242, 243
Брылкина Вава, сестра Л.Д.Рындиной 196, 203, 204, 212, 213, 216, 220
Брылкина, мать Л.Д.Рындиной 192, 196, 199, 213, 242, 243
Брюнелли Е.А. 64
Брюнихе Э. 50
Брюсов А.Я. 196, 225, 242
Брюсов В.Я. 57, 58, 63, 73, 75, 134, 142, 159, 160, 169, 170, 173, 178, 181, 188, 200, 201, 223-227, 239, 240, 242, 251, 256, 257, 270, 276, 279, 280, 284-407, 416, 417, 419, 457, 473, 479, 480, 492
Брюсова И.М. 286, 302, 304, 323, 332, 333, 357, 358, 361, 373, 383, 406
Брюэс Д.-О. 114
Бубнов А.С. 444
Бугаев Н.В. 127
Бугаева (урожд. Алексеева, в 1-м браке Васильева) К.Н. 132, 150
Бугаева (урожд. Егорова) А.Д. 127, 128, 134, 142, 162, 164, 166
Бугославский С. 440
Будищев А. 17
Будкевич (Буткевич) Н.А. 62, 204
Булгарин Ф.В. 91
Бунин И.А. 369, 370
Бурлюк Д.Д. 483
Бутова Н.С. 68, 69
Бутру Э. 145
Бухарин М.Н. 105
Быстров В.Н. 284, 350, 391
Бюлов В.Е.А. фон 37
Бюлов Р. фон 48, 49
Вагапова Н.М. 70, 73, 123
Вагнер Р. 150, 210, 211, 221, 519
Ван Бевер А. 358-360, 402
Варламов К.А. 63, 95, 97, 100, 102
Василевская В.Л. 448, 452
Василевский Л.М. 289
Васильева Н.С. 100
Введенский А.И. 519
Введенский П. 46
Вейс П. 38
Вейсберг Ю.Л. 445, 448
Венгеров А.Л. 280
Венгеров С.А. 281, 282, 302, 418
Венгерова З.А. 257, 273, 281-283, 291-293, 297, 334, 342, 365, 375
Венгерова И.А. 281
Вениамин, архиеп. (Казанский В.П.) 542
*Вересаев (Смидович) В.В. 28
Веригина В.П. 57, 60, 63
Верлен П. 56, 324, 473
Вермель С.М. (*Челионати) 421, 459, 460, 483
Вертышев К.Н. 117
Верхарн Э. 59, 61, 419
Верховский В.Н. 519
Верховский Ю.Н. 379, 380, 519
Вершинский, знакомый Л.Д.Рындиной 192, 194

- Веселитская-Микулич Л.И. 302
 *Веселый А. (Кочкуров Н.И.) 440
 Веснин А.С. 468, 490
 Весновская, актриса 117, 118
 Ветошкины, знакомые Л.Д.Рындиной 189, 195
 Ветцером К. 19
 Вивьен Л.С. 114, 117
 Вийон Ф. 473
 Вилькин Н.Л. 280
 Вилькина (в замуж. Минская) Л.Н. 251-278, 279-407
 Вилькина (урожд. Венгерова) Е.А. 280, 292, 293
 Винтер Ю. 36
 Витте Серг. Ю., гр. 11
 Витте Соф. Ю. 30, 31
 Вишневецкий А.Л. 72
 Владимиров В.В. 202, 227
 Власов Н.В. 132
 Вогак К.А. 102, 103
 Волков Н.Д. 57, 59, 79, 90, 107, 120
 Волконская (урожд. Андреева) М.А. 270
 Волконский Д.А., кн. 269-273
 Волконский С.М., кн. 10
 Волохова Н.Н. 63
 Волошин М.А. 75, 76, 96, 137, 181, 223, 226, 247, 248, 379
 Волошина Е.О. см. Кириенко-Волошина Е.О.
 Волинская Л., знакомая Т.И. Лещенко-Сухомлиной 482
 *Волинский (Флексер) А.Л. 254
 *Вольтер (Аруэ М.Ф.) 121
 Воробьев, знакомый Л.Д.Рындиной 192
 Воронин С.Д. 154, 161
 Воронцова Т.В. 300, 381
 Врангель М.Д. 233
 Врубель М.А. 203, 232, 383, 413
 Вульф В.Я. 56, 123
 Выготский Д. 427
 Вышинский А.Я. 452
 Вяземский П.А. 90
 Габрилович Л.Е. 374
 о. Гавриил, клирик 536, 537, 538 540
 Гайдебуров В.П. 313
 Галанина Ю.Е. 55-123
 Галис А. 498
 Гамилькар 160
 Гамильтон Э. 216
 Гамсун К. 80, 229, 312, 314, 315, 353
 Гарновский М. 512
 Гаспаров М.Л. 137
 Гауптман Г. 276, 282, 300, 326
 Гвин Н. 180
 Ге Г.Г. 224
 Гедеонов М. 410
 Гейнц А.Ф. 86
 Гельцер Е.В. 460, 484
 Гераклит Эфесский 142
 Герасимов М.П. 440
 Гермоген, еп. (Долганов Г.Е.) 524, 525
 Герцог Е.С. 508, 512, 513, 520
 Герцык Е.К. 96
 Герцык-Жуковская А.К. 96, 434
 Гершензон М.О. 435
 Гессен С.И. 134, 144
 Гете И.В. 270
 Гехт С.Г. 463, 485
 Гзовская О.В. 70
 Гибшман К.Э. 105
 Гиляровский В.А. 469, 490
 Гиндин С.И. 294, 296
 Гинзбург М.Я. 468, 490
 Гинцбург И.Я. 319
 Гиппиус Вл. В. 522
 Гиппиус З.Н. 23, 145, 181, 259, 284-286, 289, 290, 298, 300, 319,

- 334, 343, 350, 353, 365, 380, 381, 391
Глебова-Судейкина О.А. 56, 111
Глоба А.П. 459, 460, 482, 484
Глюк К.В. 80
Гнедич П.П. 97, 102, 229, 230
Гнесин М.Ф. 443, 452, 480, 481
Гнесина О.Ф. см. Александрова-Гнесина О.Ф.
Гоголь Н.В. 54, 55, 167, 316, 474
Годунов Б.Ф. 99
Голлербах Е.А. 168
Головин А.Я. 80, 81, 84, 85, 99
Головин С.А. 214, 238
Головин Ф.А. 225
Голубинская А.А. 510
Гольдони К. 118
Гомер 448
Гомолицкая О.В. 489
Гомолицкая-Третьякова Т.С. 489
Гонкур Ж. 395, 420
Гонкур Э. 395, 420
Гонта-Петровская М.П. 463, 486
Гончаров И.А. 474
Гончарова Н.С. 419, 421, 435, 456-458, 478, 479
Горбов Д.А. 460, 483
Горвиц Л.М. 227
Гордин М.А. 497
Горемыкин И.Л. 10
Горин-Горайнов Б.А. 100, 102, 117-119
Городецкий С.М. 64, 206, 232, 380
Горский А.А. 78
*Горький М. (Пешков А.М.) 5, 10, 17, 20, 21, 28, 29, 40, 45, 111, 299, 300, 313-319, 444
Горякин П. 5
Гофман, знакомый Л.Д.Рындиной 205
Гречанинов А.Т. 213, 237
Гречанинова М.Г. 213, 237
Гречишкин С.С. 143, 291
Грибоедов А.С. 75, 480
Григ Э. 482
Григорович Д.П. 7
Григорьев П. 225
Гриневская И.А. 23
Грифцов Б.А. 460, 484
Гришунин А.Л. 497
Грузинов И.В. 129, 130, 176
Грузинов, родственник Л.Д.Рындиной 203, 204
Гуль Е.С. 451
Гуль К.С. 414
Гумилев Н.С. 56, 170, 171, 178, 203, 230, 380, 421, 422
Гурвич И. 13
Гуревич Л.Я. 101, 102, 113, 114, 120
Гурецкий Я.В. 106, 107
Гурмон Р. де 396, 397
Гурьев, поэт 420
Гюго В. 116
*Д'Аннунцио Г. 103, 104, 269, 270, 314, 316, 318
д'Обиньи Ф. (маркиза де Ментенон) 73, 74
Давидовский К.А. 60-62
*Давыдов (Горелов) В.Н. 8, 9, 55, 91, 94, 95, 100, 102, 104, 105, 113
*Дагмаров (Жуков), актер 202
*Дальский (Неелов) М.В. 8
Данс М.А. 171
Даргомыжский А.С. 80
Дарский М.Е. 117
Дашкова Е.Р. 180
Дейвенпорт Б. 51
Демиденко Ю.Б. 227
Демьянова А.Н. 279-407
Дениг Л. 52
Денисова А. 424
Депре А.Н. 173

- Державин Г.Р. 461
 Джамбул, акын 448, 492
 *Джонсон (Иванов) И.В. 203, 204
 Диккенс Ч. 510
 Дикман М.И. 361
 Динесен Р. 23, 25, 33, 36
 Дитрих А. 36, 40
 Дмитриев В.Г. 285
 Дмитриев-Кавказский Л.Е. 177
 Добролюбов А.М. 305, 306
 Добролюбов Н.А. 314, 316
 Добужинский М.В. 65, 66
 Докучаев, архитектор 490
 Долинов А.И. 99, 105
 Дорошевич В.М. 318, 473, 491
 *Досифей 486
 Достоевский Ф.М. 7, 45, 155, 173, 220, 262, 316, 412
 Драхман Г. 33
 Дризен (Остен-Дризен) Н.В. 106, 210, 216, 235
 Дроботов, знакомый Л.Д.Рындиной 207
 Дробышов, знакомый Л.Д.Рындиной 203
 Дуван-Торцов И.Е. 229, 243
 Дудкин В.В. 366
 Дункан А. 362, 370, 379
 Дурылин С.Н. 138
 Дыбвад Ю. 42
 *Дымов О. (Перельман О.И.) 257, 283, 374, 397, 398
 Дымшиц А.Л. 452
 Дымшиц С.И. 232
 Дьяков, зять М.А.Бакунина 119, 120
 Дьяконов (Ставрогин) А.А. 386
 Дьяконова Е.А. 296
 Дэвис Р. 5
 Дюма-отец А. 413, 472, 491
 Дюма-сын А. 120, 121, 232
 Дюр Н.О. 91
 Дягилев С.П. 66
 *Евгеньев-Максимов В. (Максимов В.Е.) 298
 Евреинов Н.Н. 178, 180
 Еголин А.М. 453
 Екатерина II, имп. 105, 500
 Елена, сестра милосердия 536-539, 542
 Енишерлов В.П. 497
 Епсен Х. 5
 Ермилов В.Е. 229
 Ермолова М.Н. 91, 180, 314, 316
 Ермолев И.Н. 179, 220
 Есенин С.А. 176
 Евфросиния Полоцкая, преп. 539, 541
 Желанкин, гипнотизер 216
 Животовский С.В. 12
 Жорес Ж. 146, 147
 Жуковский В.А. 246, 309
 Жулавский Г. 237
 Заблоцкий Н.А. 408
 *Загаров (Фессинг) А.Л. 99, 118
 Зайцев Б.К. 75, 178, 208, 226, 245, 246, 249, 250, 460
 Зайцева (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова) В.А. 208, 226, 234, 245, 246, 249, 250
 Зайцевы, семья 201, 207, 234, 246
 Закржевский А.К. 202, 230, 422
 Закушняк А.Я. 60-62
 Залеман Г. 6
 Замятин Е.И. 410, 411, 413, 414, 441, 446
 Замятина М.М. 57, 58
 Зарин А.Е. 11
 Захаренко Н.Г. 176
 Захаров А. 518
 Збруева Е.И. 104
 Званцев Н.И. 189, 223
 Звенигородская Н.К. 461, 484

- Зверева (урожд. Беляева) М.С. 501, 539
Зеланд-Дубельт Е.А. 273
Зелинские, семья 190
Зелинский Ф.Ф. 137, 181
*Зигфрид см. Старк Э.А.
Зилов Л.Н. 440
Зилоти А.И. 110
Зильберштейн И.С. 242
Зимин С.И. 248
Зинаида Францевна, знакомая Е.С.Беляевой 542
Зиновьева-Аннибал Л.Д. 57, 58
Зноско-Боровский Е.А. 85, 216, 237
Зонов А.П. 402
Зоргенфрей В.А. 419, 475, 492, 519, 529
Зоргенфрей Г.Г. 519
Зощенко М.М. 440
Зудерман Г. 222, 229
- Ибсен Г. 21, 59, 60, 141, 143, 180, 299
Иванов Вс. В. 447, 489
Иванов Вяч. И. 57, 58, 63, 73, 75, 132, 136-138, 178, 181, 202, 227-229, 242, 357, 368-370, 380, 386, 427, 462, 471, 473, 491
Иванов Е.П. 526
Иванов П.В. 206, 232
Иванов С. 492
Иванов Э.А. 40
Иванова М.П. 517
*Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 135, 159, 411
Ивановы, семья 57, 59
Ивашкевич Я. 498
Ивский, антрепренер 195
Игумнов К.Н. 413
Измаильская В.Д. 497
Ильёв С.П. 168, 336
Ильин Н.П. 497-499, 522, 531
- Ильинский А.А. 78, 300
Ильяшенко Л.С. 107
Инбер В.М. 463
Ионин Л.А. 55, 107
Ионин С.Л. 91
Иоанн, архиеп. Новгородский 537, 540
о. Иоанн Кронштадтский (Сергиев И.И.) 529
Иоанна, монахиня 536, 539, 540, 541
*Ионов (Бернштейн) И.И. 174, 175, 447
Истомина Е.И. 77
Йованович М. 408
- Кабелла Э.С. 106
Казначеев Д.П. 213, 218, 221, 237
Казначеев П.М. 184, 235, 237, 238
Кайавэ Г.А. 225
Калита И. 410
Калич Б. 41, 42, 47, 51
Калмаков Н.К. 210, 235
Калугин И. 116
Кальдерон де ла Барка П. 262
Кальяве см. Кайавэ Г.А.
Каменский А.Д. 27
Каменский В.В. 435, 477, 494
Кампиони (урожд. Бакунина, в 1-м браке Тургенева) С.Н. 146, 157, 159, 160
Кампиони В.К. 146, 147, 168
Капелюш Б.Н. 7
Каплан Р. 419
Каптерев П.В. 200, 206, 226
Карабчевский Н.П. 90
Кара-Мурза С.Г. 206, 232
Каратыгин П.А. 76
Карпов Е.П. 100
Карташев А.В. 526
Катаев В.П. 463
Кауфман А. 217

- *Качалов (Шверубович) В.И. 68, 86, 88, 208
 Качалова (урожд. Блок) О.Л. 509
 Качаловы, семья 498, 509
 Кашина-Евреина А.А. 177, 180
 Кашины, знакомые Л.Д.Рындиной 206
 Кашкаров В.И. 527
 *Каэль 103
 Кейдан В.И. 143
 Кипен Г.А. 29
 Кириенко-Волошина Е.О. 223
 Кирсанов С.И. 465, 487, 488
 Киселев Н.П. 134
 *Клычков (Лешенков) С.А. 129, 163
 Книпович Е.Ф. 533
 Книппер-Чехова О.Л. 202
 Кобецкий (*Бецкий) М.А. 56, 63
 Коваленская Н.Г. 100
 Коган Ф.И. 492
 Коген Г. 144
 Кожебаткин А.М. 91, 127-176, 420, 444, 456, 478
 Кожебаткина Ж.Е. 149, 150, 151, 156, 158, 161, 163, 165, 169, 175
 Козловская Леля, знакомая Л.Д.Рындиной 198
 Козловская, кн., знакомая Л.Д.Рындиной 195
 Койранский А.А. 195, 225
 Койранский Б.А. 195, 225
 Койранский Г.А. 195, 225
 Колпинский А.Е. 292, 293, 297
 Кольшко И.И. 313
 Кольцов А.В. 490
 Комаров К.В. 210
 Коммиссаржевская В.Ф. 59, 62-64, 185, 222, 243, 248, 314, 318
 Коммиссаржевский Ф.Ф. 244
 *Коновской (Ореус) И.И. 416, 473, 474
 Конечный А.М. 235
 Конопацкая Т.Н. 498
 Конопляникова З.В. 44
 Константин Константинович, вел. кн. (*К.Р.) 8, 476, 493
 Конт О. 531
 Конюс Г. 154
 Коонен А.Г. 72, 460, 484
 Коралли В.А. 179
 Корвин-Каменская Б.И. 409, 427, 429, 430, 434-437, 443, 448, 452, 464, 465, 469, 486, 491
 Корвин-Круковский Ю.В. 100
 Корелли М. 8, 522, 524
 Коренева Л.М. 66
 Коровин К.А. 78, 427, 486
 Короленко В.Г. 319
 Корш Ф.А. 215, 238
 Котляревский Н.А. 91, 96, 111, 113, 116
 Котрелев Н.В. 132, 161, 279-407
 Коутс А.К. 104, 110
 Краев, сотрудник театра Соловцов 205
 Красев М.И. 440
 *Красов (Некрасов) Н.Д. 81
 *Крейд В. (Крейденков В.П.) 408
 Кригер-Богдановская Н.Н. 229
 Кринский, архитектор 490
 Кристмас В. 37
 Кротов И.Н. 458, 480
 Крун М. 23, 33, 43
 Крусанов А. 409, 432, 486
 Крученных А.Е. 419, 435, 454, 456-458, 466, 478, 479, 482, 485, 490
 Крюгер К. 25
 Крюков Е. 107
 *Кто-то 119
 Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в 1-м браке Блок) А.А. 502-504, 508-510, 512-517, 520, 521
 Кублицкий-Пиоттух Ф.Ф. 502, 527

- Куванова Л.К. 286
 Кугель А.Р. 56, 97, 119
 Кузмин М.А. 27, 71, 73-75, 85-87, 91, 92, 95-97, 99, 100, 106, 117, 118, 121, 148, 178, 203, 240, 379, 380, 385, 473
 Кузнецов Н.Д. 148
 Кузнецов П.В. 456, 478
 Кузнецова И.В. 498-500, 514, 535
 Кузьмин Е.М. 204, 232
 Кукель Е. 203
 Куличевская К.М. 106
 Кульбин Н.И. 432
 Куприн А.И. 45
 Куприяновский П.В. 251, 252, 254, 258-278, 334
 Купченко В.П. 75, 96, 223
 Курзин М. 491
 Курихин Ф.Н. 56, 105, 107
 Куфтин Б.А. 459, 460, 483
 Кушнер Б.А. 464, 487
 Кшесинская М.Ф. 104
 Кюхельбекер В.К. 469
- Лавинская Е.А. 468, 487, 490
 Лаврентьев А.Н. 113
 Лавров А.В. 128, 135, 143, 222, 224, 234, 236, 279-407
 Ладовский, архитектор 490
 Ламакина Е.И. 446, 458, 475, 481, 492
 Ланн Е. 432
 Ларионов М.О. 419, 456-458, 478, 479
 Ларссен А. 37, 41, 42, 49
 Лафорг Ж. 473
 Лебедев Н. 114
 Лебедев Я.М. 412, 439, 455
 Лебедев, врач 536
 *Лебедев-Кумач (Лебедев) В.И. 452
 Лебединский, знакомый Л.Д.Рындиной 214
- Лев XIII, папа Римский 335
 Леван А.Я. 33
 Левинсон А.Я. 93, 105
 Ледницкий В. 498
 Лейкинд О.Л. 235
 Лейно Э. 21
 *Лель 229, 232
 Леман, врач 217
 *Ленин (Ульянов) В.И. 492
 *Ленин (Игнатюк) М.Ф. 209, 214, 235, 238
 Ленский Д.Т. 103
 Ленский, знакомый Л.Д.Рындиной 203
 Леонардо да Винчи 144
 Леонидов Л.М. 68
 Леонтович, актриса 179
 Лермонтов М.Ю. 80, 89, 290, 413, 415, 472
 *Лерский (Герцак) И.В. 94, 95
 Лесков Н.С. 474
 Лесман М.С. 424
 Лешков П.И. 116, 119
 Лещенко-Сухомлина Т.И. 429, 482
 Лжедмитрий I, царь 99
 Лидарцева Н.Я. 178, 235, 242, 249, 250
 Лидин В.Г. 129, 454
 Линденбаум В.В. 194, 224
 Линдер Я. 20
 Линдквист Р. 5, 15, 17, 18, 20, 22
 Лист Ф. 482
 Литвин Э.С. 300
 Ломоносов М.В. 461
 *Лопе де Вега 96
 Лопухин И.В. 181
 Лосская Е.К. 211, 236
 Лохвицкая М.А. 23
 Лощинская Н.В. 499, 533
 Лужский В.В. 69, 70, 81
 Лундберг Э. 17
 Львова Н.Г. 129

- Льдов Я. 273
 Людмила, игуменья 540
 Людовик XIV, король 73, 106
 Людовик XV, король 87
 Людовик XVI, король 106
 Лютер А.Ф. 365, 366
 Ляндау К.Ю. 459, 460, 483
 Ляскари, актриса 107
- Маделунг О. 37
 Маковский К.Е. 105
 Маковский С.К. 234, 289, 313, 368-370, 374, 382, 387, 388, 396-398
 Максимов Д.Е. 298, 376, 381
 Малкин Б.Ф. 487
 Малларме С. 473
 Малмстад Д. 127-176
 Малютин Я.О. 116
 Мамонтов С.И. 248
 Мандельштам И.Е. 7, 14, 29
 Мандельштам О.Э. 440, 459, 460
 Манциус К. 37-39, 50
 Маня, горничная Л.Д.Рындиной 210
 Маргерит В. 395
 Маргерит П. 395
 Марджанов (Марджанишвили) К.А. 60
 Мариво П.К. 118
 Мариенгоф А.Б. 130, 176
 Мария Феодровна, имп. 7
 Марков В.Ф. 432
 *Марлинский А. (Бестужев А.А.) 316, 319
 Маршак С.Я. 454
 Масальская С.И. 107, 108
 Махров К.В. 235
 Маяковская Л.В. 485
 Маяковский В.В. 432, 438, 439, 441, 452, 454, 455, 460-470, 474, 475, 477, 478, 483-489, 494
 Мебес Г.О. 211, 236
 Медичи, род 248
- Мей Л.А. 104, 105
 Мейерхольд В.Э. 57-65, 69, 70, 72, 75, 77-87, 89, 90, 92, 93, 97, 99, 103, 107-109, 111, 112, 114-117, 119, 121-123, 178, 396, 397, 401, 402, 415, 432, 447
 Мейерхольд О.М. 58
 Мейлах Б.С. 375
 Мёллер М. 32
 Менделеевы, семья 510
 Мережковские, семья 147, 286, 343-345, 347
 Мережковский Д.С. 75, 117, 119, 120, 181, 257, 259, 283-285, 290, 298, 300, 316, 338, 343, 350, 373, 377, 380, 381, 391-393, 526
 Метерлинк М. 57, 60, 142, 229, 252, 255, 268-270, 281, 293-302, 314, 316, 318, 326, 346, 350, 358-360, 362, 363, 371, 381, 382, 384, 387-390, 402
 Метнер К.П. 158, 171
 Метнер Н.К. 152, 154
 Метнер Э.К. 128, 130, 132, 136, 138, 140-144, 146, 147, 149, 152-155, 157-159, 161, 164, 165, 167, 170, 171, 173
 Микаэлсон К. 39
 Милиоти В.Д. 412, 424
 Мин Г.А. 44
 Минаев Д.Д. 102
 Минин К.М. 99
 Мино да Фьезоле 306, 307
 *Минский Н.К. 147
 *Минский (Виленкин) Н.М. 251, 252, 254, 257-259, 263, 266, 272, 276, 281-283, 285, 289-293, 296, 297, 300-302, 305, 306, 309, 311, 313, 322, 323, 327, 330, 333, 335, 336, 340, 344, 355, 364-367, 373-377, 384, 391, 392, 394-401, 403
 Минские, семья 253, 261, 286, 323, 365, 403

- Минцлова А.Р. 132, 133, 227, 228
 Мирбо О. 282
 Мирзаев А. 408, 429
 Миронова В. 40
 *Мирский Б. (Миркин-Гецевич Б.С.) 481
 Митрофанов, знакомый Л.Д.Рындиной 203
 Митурич Н.К. см. Звенигородская Н.К.
 Митурич П.В. 484
 Михайловский Н.К. 314, 316, 318
 Мозалевский В.И. 460, 484
 Мозжухин И.И. 179, 220, 241
 Моисей, архиеп. Новгородский 540
 Молодяков В.Э. 280, 336, 340
 Молчанова Н.А. 251, 252, 259, 334
 *Мольер (Поклен) Ж.-Б. 79, 80, 96, 102, 103
 Моммзен Т. 181
 Мопассан Г. де 250
 Моро Э. 282
 Морозов С.Т. 248
 Морозова А.И. 248
 Москвин И.М. 207, 234
 Мосолов Б.С. 73, 81
 *Муни (Киссин) С.В. 201, 226, 420
 Мунт Е.М. 58, 63
 Мунштейн Л.Г. (*Lolo) 73, 86, 87
 Муравьева Е.А. 130
 Муратов П. 214, 238
 Муратова К.Д. 300, 317

 Набатов А.Е. 198, 225
 Надеждин С.М. 106-108
 Надсон С.Я. 473, 476
 Накоряков Н.Н. 466, 488
 Нансен Б. 37, 40, 42
 Наполеон I, имп. 106, 324
 Нарбекова О.П. 62

 Нарбут В.И. 439
 *Нароков (Якубов) М.С. 62
 Наумов А.А. 107
 Небольсин С.А. 497
 Неверова Леля, знакомая Л.Д.Рындиной 193, 203, 206, 212, 216, 217, 220
 Невский А.П. 107
 Невский Александр, кн. 540
 Нежинская (Neginsky) P. 338
 Незлобин К.Н. 179, 205, 207, 215, 230, 231, 244, 245, 248
 *Незнамов П.В. 494
 Неклюдовы, знакомые Л.Д.Рындиной 220
 Некрасов Н.А. 316, 361, 476
 Нелидов А.П. 81, 215, 240
 Немирович-Данченко Вл. И. 69, 72, 76, 80, 81, 84, 88, 89
 Никифоровский А.В. 534
 Николаевский Б.И. 224
 Николай II, имп. 8, 13, 182, 319
 Николай Николаевич, вел. кн. 182
 Никольский Б.В. 526
 Нилендер В.О. 134, 142
 Ниславский Л.Б. 475
 Ницше Ф. 9, 349
 *Новалис (Харденберг Ф. фон) 477, 494
 Новиков Н.И. 181
 *Новиков-Прибой (Новиков) А.С. 440
 Новицкий П.И. 433, 441
 Нувель В.Ф. 285
 Нурок А.П. 59
 Ньюкандер Ф. 6, 19, 21, 22

 Обатнина Е.Р. 234
 Оболенская А.Л., кн. 281
 Образцова Е.И. 287, 340
 Овербек Е. 368
 *Одинокий (Гиняков А.И.) 380

- Озаровский Ю.Э. 89, 90, 110
 Озеров Л.А. 153
 Ольденбург С.Ф. 504, 531
 Онегин Я.В. 107
 Орлик, знакомый Л.Д.Рындиной 203
 Орлов В.Н. 498
 Островский А.Н. 55, 65, 68, 99, 100
 *Оффенбах Ж. 100, 101
 Очеретянский А. 408
- П.Ю. 109
 Павел I, имп. 89
 Павленко П.А. 452
 Павлова М.М. 251-278
 Павлович Н.А. 498, 501, 504, 506, 507, 511, 512, 530-535
 Палов Г.Ф. 473
 Пальмов В. 494
 Панов Н. 232
 Пантелеев А.П. 117
 *Папюс (Анкокс Ж.) 182, 212, 238
 *Парацельс (Т.Б. фон Гогенхейм) 182
 Парнис А.Е. 93
 Парнок С.Я. 459, 460, 482
 Пастернак (урожд. Лурье) Е.В. 463, 485
 Пастернак Б.Л. 435, 439, 442, 461, 463-465, 468, 474, 478, 486, 493
 Пашуканис В.В. 131
 Перцов В.О. 461, 467, 484, 485, 487
 Перцов П.П. 330, 357
 Пети Е.Ю. 337, 338
 Петипа М.М. 95
 Петников Г.Н. 432, 435, 440, 454, 461, 471, 473-475, 478, 484, 490-492
 Петр I, имп. 8
 Петров В.И. 56
 Петров Г.С. 28
- Петровская И.Ф. 106
 Петровская Н.И. 75, 187, 188, 189, 191-193, 195, 196, 198-200, 217, 223, 226, 240, 242, 279, 280, 360, 367, 370, 373, 403
 Петровская О. 485, 494
 Петровский А.С. 130, 133-137, 139, 140, 152, 155, 157, 158, 163, 166, 167, 169, 173
 Петровский Д.В. 459, 460, 463, 465, 467, 468, 481, 483, 486, 488-490
 Пешкова-Толиверова А.Н. 326
 Пиксанов Н.К. 519
 *Пильняк (Vogau) Б.А. 440
 Пинес Д.М. 131, 175, 176
 Пионтковский В.И. 95
 Пирожков М.В. 371, 382, 384, 399
 Платонов С.Ф. 519, 524, 525
 Плещеев А.Н. 476, 510
 Плюханова М.Б. 498, 509
 По Э. 262, 427
 Победоносцев К.П. 506, 522-524
 Подгорный В.А. 73
 Пожарский Д.М. 99, 100
 Поликарпов Д. 448
 Полонский В.А. 179
 Полонский Я.П. 89
 Поляков С.А. 248, 300, 312, 376, 377
 Поляков Я.А. 263
 Поляковы, знакомые Л.Д.Рындиной 220
 Померанцев С. 229
 Помпадур Ж.А.П. де, маркиза 180
 Попов И.И. 224
 Попов Н.А. 179, 202-204, 206, 227, 230, 231
 Портер Э. 52
 Постников П.И. 209
 Потапенко И.Н. 60
 Потебня Ал. А. 145
 Потемкин П.П. 85, 203, 204

- Потехин Н.А. 100
 Поццо А.М. 153, 173
 Прево А.-Ф. 73
 Прегель С.Ю. 408, 436
 Преображенская О.И. 110
 Прилежаева-Барская Б.М. 92
 Пришвин М.М. 411
 Прокопе Г. 16, 27
 Пронин Б.К. 58, 60, 61, 63, 72, 85, 92
 Протопопов В. 361
 Прусов И.Н. 473
 Пушкарева В.В. 96, 116
 Пушкин А.С. 90, 91, 99, 135, 141, 143, 193, 290, 316, 413, 461, 469, 472, 477, 490, 493
 Пшибышевский С. 188, 224, 307, 322, 353, 393, 394
 *Пьер-О. 110
 *Пяст (Пестовский) В.А. 137
 Пятницкий К.П. 28, 29

 Равдин Б.Н. 229
 Радин Е.П. 422
 Радин, знакомый Л.Д.Рындиной 179
 Радищева О.А. 81
 Радлов Э.Л. 519
 Раевская-Хьюз О. 224, 241
 *Ракитин Ю.Л. (Ионин Г.Л.) 55-123, 148
 Ранфт А. 22
 *Распутин (Новых) Г.Е. 241, 524, 525
 Расторгуев А.Д. 216, 217, 240
 Рафалович С.Л. 257, 273, 283, 292, 310-314, 316, 318, 320, 322, 346, 364, 372-374
 Рацкая Ц. 440
 Рачинская А.А. 133
 Рачинский Г.А. 134
 Ревякина И.А. 499, 523
 Рейтер Й. 15

 Рейтер О.М. 15
 Рембо А. 473
 Ремизов А.М. 75, 234, 446, 473, 525
 Ренан Ж.Э. 130
 *Репина (Раппонет) М.Н. 202, 229
 Рерих Н.К. 368-371, 378
 Рескин Д. 166, 168
 Ривуар А. 179 А.
 Риккерт Г. 144
 Рильке Р.-М. 474
 Рицци Д. 312
 Ричардсон С. 67
 Рожанская Ю.В. 232
 Рождественский, знакомый Л.Д.Рындиной 199, 242
 Розанов В.В. 208, 257, 283-285, 373, 376, 377, 388, 390
 Романенчук К.В. 499
 Росетти Д.Г. 315, 319
 Рославлев А.С. 13
 Ростан Э. 179, 232, 237
 Ростова Н.В. 117-119
 *Рощина-Инсарова (Пашенная) Е.Н. 119, 120
 Рудницкий К.Л. 120
 Рунт М.М. 286
 Русьева, знакомая Л.Д.Рындиной 212, 213
 Рутковская Б.И. 216, 220, 240
 Рыбакова Ю.Л. 222
 Рыкова Н.В. 121
 *Рындиная (Брылкина) Л.Д. 177-250
 Рышков В.А. 229, 230
 Рэйсбрук Удивительный (Ян ван Рэйсбрук) 139, 141, 142, 144, 146
 Рэнувье Ш. 147
 Рябушинский Н.П. 148, 248

 С. Вл. см. Соловьев В.Н.
 Сабашников М.В. 266, 270, 271
 Сабашников С.В. 266

- Саблин В.М. 299, 300, 362, 363
 Савина М.Г. 94, 95, 104, 118
 Савинков Б.В. 416
 Савинов, знакомый Л.Д.Рын-
 диной 205
 Савиньон А. 282
 Садовская О.О. 91
 *Садовской (Садовский) Б.А.
 75-77, 89-91, 106, 110, 111,
 142, 150, 349, 380, 420
 Сакулин П.Н. 519
 Самарова М.А. 68, 69, 244, 245
 *Санин (Шенберг) А.А. 100
 Сапунов Н.Н. 86
 Сарду В. 282
 Светлов В.Я. 473, 492
 Северюхин Д.Я. 235
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 110,
 178, 211-217, 220, 236-238, 240,
 241, 245
 Седерельм А. 16
 Сельвинский И.Л. 447
 Семенов Л.Д. 374
 Семенов М.Н. 296, 302, 306, 307,
 319, 322
 Семенова Е.В. 468, 490
 Сен-Мартен Л.К. де 182
 Сенкевич Г. 511
 Серафим, архиеп. (Чичагов Л.М.)
 540, 542, 543
 *Серафимович (Попов) А.С. 27
 *Сергеев-Ценский (Сергеев) С.Н.
 27
 Сергеева К.П. 524, 526
 Серебрякова В.В. 176
 Серебрянский М.И. 484, 485
 Серков А.И. 184, 234, 236
 Сидоров А.А. 128, 138
 Сизов М.И. 134, 142
 Синельников Н.Н. 179, 194, 195,
 197, 224
 Сиякова (в замуж. Гехт) В.М.
 478, 485, 494
 Сиякова-Асеева К.М. 416, 464,
 485, 487
 Сиякова-Уречина М.М. 463, 478,
 485, 487, 494
 Скалдин А.Д. 522
 Скаррон П. 73, 74
 *Скиталец (Петров С.Г.) 29
 Скриб Э. 121, 203, 232
 Скрябин А.Н. 221
 Скуратов М.Я. 417
 Слонимская Ю.Л. 101
 Слонимский Л.З. 330, 331
 Слонимский Ю.И. 56
 Случевский К.К. 276, 284, 313,
 340, 341
 Смирнов А.А. 283, 330, 331
 Смирнова Н.А. 107
 Смолич Н.В. 117, 118
 Соболев Ю.В. 239
 Собольщиков-Самарин Н.И. 60
 Соколов В.А. 460, 484
 Соколов П.А. 208, 214, 221, 234,
 242, 243
 Соколов (*Кречетов, *Гриф) С.А.
 177, 179-182, 184-208, 211-228,
 230-234, 238, 240, 242, 243, 245,
 246, 250, 290, 367, 374, 377, 383
 Соколова А.П. 196
 Соколова К.Л. 202, 225
 Соколовы, семья 208
 Соловьев В.Н. 81, 98, 109, 114,
 115, 119-121
 Соловьев Вл. С. 9, 315, 319
 Соловьев М.С. 127, 131, 322
 Соловьев С.М. 153, 289, 369, 379,
 380
 Соловьева И.Н. 66, 67
 Соловьева О.М. 322
 Соловьева П.С. (*Аллегро) 368-
 370, 372, 373
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 27,
 45, 106, 111-113, 122, 178, 204,
 211, 212, 225, 226, 229-232, 235,

- 237, 242, 245, 343, 351, 352, 379,
386, 416, 473
- Сологубы, семья 203, 211, 234,
236, 239, 245
- Сомина В.В. 106
- Сомов К.А. 58, 71, 106, 257, 283,
285, 385, 386
- Сорокина О.Ф. 107
- Спекторский Е.В. 497, 498, 505,
512
- Сперанский В.Н. 119
- *Сталин (Джугашвили) И.В. 469,
476, 492, 493
- Стальский С. 448, 492
- *Станиславский (Алексеев) К.С.
56, 63, 65-68, 70, 71, 81, 84, 97,
123, 248
- Старк В.П. 498
- Старк Э.А. (*Зигфрид) 98-101,
103, 104, 107, 109, 110, 115, 116,
119, 121
- *Стахова (урожд. Врасская; в
замужестве Котляревская) В.С.
68, 117, 118, 121
- Стахович М.А. 55
- Степун Ф.А. 134, 144
- Столица (урожд. Ершова) Л.Н.
242
- Столыпин П.А. 417
- Стражев В.И. 201, 227
- Страхов А.А. 529
- Стрельская В.В. 180
- Стрижевский (Радченко) В.Ф. 179
- Струве П.Б. 170, 374
- Студенцов Е.П. 116
- Стягов Н.Г. 538, 541
- Суворин М.А. 55
- Суворов А.В. 500
- Суомалайнен С. 18
- Сурков А.А. 471, 491
- Сурков Е.Д. 491
- Сухомлина Т.И. 408
- Сухомлинова Е.В. 104
- Сципион Африканский Старший
160
- Сюннерберг (*Эрберг) К.А. 58,
378-380
- Таиров А.Я. 460, 484
- Тальян Ш. 492
- *Тамарин Н. (Окулов Н.Н.) 97-
100, 102, 104, 114, 121
- Танеев В.И. 145
- Танеев С.И. 145
- *Тарасов (Торосян) Н.Л. 71, 72
- Тартаков И.В. 104
- Тастевен Г.Э. 191, 223
- Татлин В.Е. 456
- *Тедер (А.Ш.Дэтре) 208, 211, 218,
235
- Теймпль К. 474, 492
- Телешов Н.Д. 479
- Теляковский В.А. 89, 98, 112
- Тенишева М.К., кн. 375, 379
- Терапиано Ю.К. 181, 183
- Терехов А.Г. 229
- Терьян-Корганова Е.И. 318
- Тиме Е.И. 100, 110
- Тименчик Р.Д. 92, 93, 137, 229,
232
- Тимофеев А.А. 201, 227
- *Тирсо де Молина (Тельес Г.) 114
- Тихвинская Л.И. 71
- Тихонов А.Н. (*Серебров) 423
- Тихонов Н.С. 452
- Тицнер А. 410
- Толмачев А. 220, 241
- Толмачев М.В. 285, 300, 381
- Толстой А.К. 70, 78, 99
- Толстой А.Н. 75, 178, 203, 204,
206, 213, 232, 234
- Толстой Л.Н. 28, 30, 45, 80, 111,
152, 153, 155, 173, 299, 474, 476
- Толстые, семья 234
- Толстых Г.А. 136
- Томашевский М.М. 71

- Тоня, знакомая Л.Д.Рындиной 194, 196, 213
Тренев К.А. 447, 453
Третьяков С.М. 489, 494
Трефурт Л.Ф. 500
Трозинер Ф.В. (*Омега) 120
Троицкий, член правления Госиздата 466
Трофимов В. 13
Троцкий С.В. 211, 236
Трубников А.А. (*Трофимов А.) 396, 397, 405
Тураев Б.А. 181
Тургенев И.С. 30, 65-67, 75, 83, 113, 114, 353
Тургенева А.А. 127, 146, 149, 150, 152, 153, 156, 157-164, 166, 167-171, 173
Тургенева Н.А. 152, 153, 173
Туркин Н.В. 82
Тхоржевская Н.К. 104
Тынянов Ю.Н. 452
Тырышкина Е.В. 280, 284, 387
*Тэффи (Бучинская, урожд. Лохвицкая) Н.А. 179, 211
Тютчев Ф.И. 141, 143, 471, 491
- Уайльд О. 49, 225, 277
Уатсон Л. 47
Уманец-Райская И.П. 415
Унгерн фон Штернберг Р.А. 62
Урусов А.И., гр. 252
Усачев А.А. 94, 95, 117-119
Устинова Е.И. 210, 216
Уэллс Г.Д. 483
- Фадеев А.А. 444, 452, 453
Фаллстрём Д. 36, 38, 39
Фальковский Ф.Н. 326
*Фаррер К. (Баргон Ф.Э.) 202, 230
Федин К.А. 440
Федор Иоаннович, царь 99
Федоров М. 225
- Фельдман О.М. 75
Феодосия Мстиславовна, вел. кн. 540
Феона А.Н. 56
*Фет (Шеншин) А.А. 303, 319, 320
Фетисенко О.Л. 497-543
Фибих К. 229
Филиппов А.И. 202, 229
Философов Д.В. 142, 144, 285, 300, 343, 373, 381, 391, 392
Флейшман Л.С. 224, 229, 241, 439, 442, 492, 493
Флер Р. де 225
Флобер Г. 160
Фокин А.М. 105
Фокин В. 107
Форд Х. 52
Форман А. 404
Форш О.Д. 204, 232
Фредерик П. 52
Фридрих Д.Н. 302, 303, 330
Фульда Л. 232
- Ханжонков А.А. 179
Хедберг В. 43
Хедберг Т. 38, 39
Хейнеке К. 492
Хеллман Б. 5-54
Хидаят Инаят Хан 183
Хлебников В.В. 418, 427, 432, 434, 435, 453-462, 467, 471, 475, 477, 479-481, 483, 484, 489, 490, 493
Ходасевич (урожд. Рындина) М.Э. 195, 225
Ходасевич В.Ф. 74, 75, 178, 201, 223, 226, 420, 479
Ходотов Н.Н. 23, 24, 41, 42, 47, 54, 96, 100, 110
Холодная (урожд. Левченко) В.В. 179
Хольм К. 14, 15
Хомен О. 45
Христофорова К.П. 227

- Хумбле В. 16
Хьюз Р. 224, 241
- Цветаева А.И. 444
Цветаева М.И. 408, 410, 412, 413, 419, 423, 424, 429, 435, 459, 460
Цейтлин С.Л. 468
Цендровская Н.К. 497-543
Циолковский К.Э. 453, 454
Цур-Мюлен, врач 536, 540
Цявловская Т.Г. 130
- Чабан-Задэ, татарский поэт 430
Чайковский П.И. 223
Чарусская, знакомая Л.Д.Рындиной 205
Чеботаревская Ан. Н. 107, 111-113, 122, 178, 204, 232, 234, 235
Челли, художник 239
*Черный пудель 98
Черняк Е.Б. 486
Чехов А.П. 67, 68, 96, 123, 314, 316, 318, 319, 353
Чинский Ч.И. фон 217, 235, 236, 240
Чириков Е.Н. 225
Чичагова Н.Л. 537, 538, 540, 542
Чичаговы, семья 540
*Чужак (Насимович) Н.Ф. 467
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 288, 289, 497
Чулков В. 410
Чулков Г.И. 57, 213, 237, 327, 362, 363, 528
Чулкова (урожд. Степанова) Н.Г. 213, 237
Чурилин В.И. 410, 414, 471
Чурилин Н. 424
Чурилин Т.В. 408-494
Чурилина (урожд. Ламакина) А.В. 412, 424, 472
Чюмина О.Н. 305
Чюрленис М.К. 207, 234
- Шалабаева В.Н. 479
Шалапин Ф.И. 104, 473
Шапир О. 23
Шахов В.В. 410
Шаховская Н.А. 319
Шацкая Ю.Э. 110
Шварц Л. 445
Шверубович Д.В. 88
Шверубович Н.Н. 88
Швоб М. 180, 201, 226
Шевеленко И.Д. 233, 241
Шевченко А.В. 456, 479
Шекспир У. 96-98, 115-118, 229
Шелли П.Б. 251, 252, 263, 274-276
Шемшурин А.А. 484
Шенрок С.В. 138
*Шервашидзе (Чачба) А.К. 97, 99, 100
Шеридан Р. 96, 117-119
Шершеневич В.Г. 130, 176, 239
Шестеркина А.А. 285, 358, 360
*Шестов (Шварцман) Л.И. 337- 339
Шёстрём В. 5, 34
Шиваров, корреспондент газеты «Красный Крым» 439
Шиллер Ф. 309, 370
Шиловская Э.Л. 63
Шин А. 452
Шкловский В.Б. 447, 452, 481, 485
Школьник И.С. 106, 108
Шлеев В.В. 13
Шляпкин И.А. 519
Шманкевич Б.И. 459, 460, 482
Шманкевич В.И. 459, 460, 482
Шмелев И.С. 440
Шмидт О.Ю. 466, 488
Шмит Ф.И. 432
Шнишлер А. 86, 273
Шоломова С.Б. 498
Шоман С. 33, 34
Шопен Ф. 458, 482
Шорникова, знакомая Л.Д.Рындиной 202, 207

- Шостаченко Н.А. 117, 118
 Штрамм А. 474, 492
 Штраус Р. 49, 99
 Штром А. см. Штрамм А.
 Шуберт, театр. менеджер 47, 51
 Шульман Р.Р. 527
 Шуман Р. 482
 Шумихин С.В. 130, 148
- Щепкин М.С. 91
 Щепкина-Куперник Т.Л. 115, 388, 389
 Щербаков А.С. 438, 441, 444, 447, 448
 Щербаков Р.Л. 349
 Щукин С.И. 248
- Эдельман М. 6, 7, 34, 48, 49, 53, 54
 Эдуард VII, король 332, 333
 Эйгес И. 421
 Эквист А. 25
 Экстер А.А. 204, 232
 Экхарт И. (Майстер Экхарт) 182
 Эллиот (урожд. Трефурт) Е.Л. 500
 Эллиот А.И. 500
 Эллиот Г.И. 505, 506
 Эллиот Е.И. 505
 Эллиот Е.Ф. 518
 Эллиот И.А. 500
 Эллиот Ф.И. 518
 Эллиоты, семья 500
 *Эллис (Кобылинский) Л.Л. 135, 140, 142, 143, 153, 163
 Эльзон М.Д. 371
 Эльснер В.Ю. 202, 204, 210, 229, 456, 457, 478
 Эмбер Т. 337
 Энден (урожд. Эллиот) Е.И. фон 539
 Энден Н. фон 539
 Эндены, семья 540
- *Эрастов Г.П. (Эдельман Г.) 5-54
 Эрастова Э. 5, 25, 34, 35
 Эредиа Ж.-М. де 369, 370
 Эренбург И.Г. 440
 Эренштейн А. 474, 492
 *Эсмер-Вальдор (Мерсеро А.) 190
 *Эспри 432
 Эфрос Н.Е. 88
- *Южин (Сумбатов-Южин) А.И. 80
 Юнгрен М. 136
 Юрьев К.С. 130
 Юрьев Ю.М. 96, 111, 119
 *Юрьева Л. см. Вилькина Л.Н.
 Юшкевич С.С. 27, 65, 70, 105
- *Яблоновский (Потресов) С.В. 68, 69, 473, 491
 Якир И.П. 286
 Якобсен Й. 33
 Яковлева Н.А. 408-494
 Якубович П.Ф. (*П.Я, *Л.Мельшин) 476, 493
 Якулов Г.Б. 456, 478, 484, 489
 Янгфельдт Б. 486
 Янечек Д. 408
 *Янтарев (Бернштейн) Е.Л. 199, 225
 *Янус 423
 Ярцев П.М. 460, 484
 Ясинский И.И. 327
 Ященко А.С. 224
- Bernstein Н. см. Бернштейн Г.
 Voisman Н. см. Бойсман Х.
 Christophersen V. 50
 Churilin см. Чурилин Т.В.
 Cvetaeva M.I. см. Цветаева М.И.
 Denig L. см. Дениг Л.
 Edelman M. см. Эдельман М.
 Edelman P. 6
 Erastov G. см. Эрастов Г.П.

- Farrer C. 202
 Forslund B. 5
 Hint D. 16
 Holm K.E. см. Хольм К.
 Home O. 46
 *Homo novus 56, 119
 Humble V. см. Хумбле В.
 Karlinsky S. 408
 Karmor J. 16
 King D. 13
 Krüger K. см. Крюгер К.
 Lantoine A. 16
 Leino E. см. Лейно Э.
 Lewis J. 52
 Linder H. см. Линдер Я.
 Lindqvist R. см. Линдквист Р.
 Loueur, рецензент 46
 Madelung A. см. Маделунг А.
 Markov V. 273
 Mercier, знакомая Л.Д.Рындиной
 203, 204
- Öhqvist A. см. Эквист А.
 Poplavskii B.U. 408
 Porter C. 13
 Procopé G. см. Прокопе Г.
 Rebeyrol, знакомая А.Белого 156
 Redgar M. 16
 Reuter J. см. Рейтер Й.
 Reuter O.M. см. Рейтер О.М.
 Semenov M.N. см. Семенов М.Н.
 Sime, рецензент 53
 Söderhjelm A. см. Седерельм А.
 Spektorski E. см. Спекторский Е.Д.
 Suomalainen S. 16
 Teder см. *Тедер
 Van Bever см. ван Бевер А.
 Winslöv E. 50
 Witte S. см. Витте Соф. Ю.
 Woker, знакомая Л.Д.Рындиной
 218
 Zabolotskii N.A. см. Заболоцкий Н.А.

АЛЬМАНАХ «ЛИЦА».
СВОДНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ 1–9

ТОМ 1

От составителя	3
ПОРТРЕТЫ	
<i>М.К.Поливанов. Очерк биографии Г.Г.Шпета</i>	7
<i>А.Ф.Крашенинников. Зодчий русской национальной школы Владимир Николаевич Максимов (1882–1942)</i>	44
<i>Римма Фатхуллина. Материалы к биографии Давида Выгодского</i>	78
ПУБЛИКАЦИИ	
Письма С.П.Боброва к Андрею Белому (1909–1912). Вступительная статья, публикация и комментарии К.Ю.Постоутенко	113
Д.С.Мережковский. Письма к О.Л.Костецкой. Предисловие и публикация А.В.Лаврова	170
«Здесь общий ропот на Совет...». Письмо Б.Л.Модзалевского из Гатчины 1918 года. Предисловие и публикация Т.Г.Любарской	184
<i>Е.Я.Данько. Воспоминания о Федоре Сологубе.</i> Стихотворения. Вступительная статья, публикация и комментарии М.М.Павловой	190
<i>О.Н.Гильдебрандт. М.А.Кузмин.</i> Предисловие и комментарии Г.А.Морева. Публикация и подготовка текста М.В.Толмачева	262
Новое о Сергее Гедройц. Предисловие, публикация и комментарии А.Г.Меца	291
VARIA	
<i>А.Л.Соболев. Мережковские в Париже (1906–1908)</i>	319
<i>М.В.Безродный. Из истории русского неокантианства (Журнал «Логос» и его редакторы)</i>	372

<i>В.П. Купченко. С.Я. Парнок и М.А. Волошин.</i>	
К истории взаимоотношений	408
<i>И.Н. Пунина. Из архива Николая Николаевича Пунина</i>	427
Указатель имен	445

ТОМ 2

От составителя	3
ПОРТРЕТЫ	
<i>Е. Костикова. Дмитрий Облеухов</i>	7
<i>А.И. Рейтблат. «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги</i>	24
<i>Т. Ходж. «Где ты, мой брат?». Поэт и чиновник Василий Алябьев</i>	39
<i>Р. Темпест. Русские силуэты в парижский архивах</i>	59
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>Загряжский М.П. Записки (1779-1811).</i>	
Публикация В.М. Боковой	81
«...О Шиллере, о славе, о любви» (Вильгельм фон Вольцоген и Н.М. Карамзин). Публикация	
Е.Е. Пастернак и Е.Э. Ляминой	176
Баратынские. Публикация Е.Э. Ляминой,	
Е.Е. Пастернак, А.М. Пескова	206
Письма Д.И. Хвостова к М.П. Погодину.	
Публикация Т.Ф. Нешумовой	269
Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. Часть I.	
Публикация А.А. Ильина-Томича	287
Под сению кулис и под кровлею борделя («Писатель не для дам» М.Н. Лонгинов).	
Публикация А.М. Ранчина	389
Указатель имен	457

ТОМ 3

ПОРТРЕТЫ

<i>В.П. Купченко. Еще один Александр Иванов.</i>	
Приложение: <i>А.П. Иванов. Городище. Предисловие и публикация Л.А. Ильюниной и Е.Р. Обатиной</i>	5
<i>Т. Никольская. Поэтическая судьба Ольги Черемшановой.</i>	
Приложение: <i>О. Черемшанова. Стихотворения</i>	40
<i>М.А. Рыбаков. О Сергее Александровиче Бердяеве</i>	83

ПУБЛИКАЦИИ

Н.А.Бердяев в начале пути (Письма к П.Б. и Н.А.Струве). Предисловие, публикация и комментарии М.А.Колерова	119
Из истории сотрудничества П.П.Муратова с издательством К.Ф.Некрасова. Вступительная статья, публикация и комментарии И.В.Вагановой	155
Борис Пастернак и его семейное окружение (Официальные документы). Публикация Е.Г.Болдиной и О.В.Кузовлевой	266
Е.Н.Чириков. На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний. Вступительная статья, публикация и примечания А.В.Бобыря	281

VARIA

А.М.Грачева. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность	419
Е.Р.Обатнина. От маскарада к третьейскому суду («Судное дело об безьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М.Ремизова)	448
Г.В.Обатнин. Неопубликованные материалы Вяч. Иванова. По поводу полемики о «мистическом анархизме»	466
А.Ф.Белоусов. «Я хочу переписываться с кем-нибудь из подруг по "Задушевному слову"». Письмо Нади Павлович	478
Указатель имен	481

ТОМ 4

ПОРТРЕТЫ

Н.И.Осьмакова. Альманашик из Третьего Отделения	5
Г.В.Зыкова. О позе «педанта» в русской литературе первой трети XIX в.: В.Г.Анастасевич	25
М.Кармазинская. Литературный поденщик, или превращения Межевича	35
О.Е.Майорова. Московский петиметр. (Из истории русского утопизма)	54
В.А.Викторович. Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского»	72
Вера Бокова. Баронесса Иксуль	95

РОДОСЛОВНЫЕ

Д.А.Сонкин. Практическая генеалогия. Опыт применения в литературоведении	127
Е.Меламед. Корни: из родословной В.Г.Короленко	152

ПУБЛИКАЦИИ

Отец и сын. По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л.Толстого. Подготовка текстов, публикация и комментарии В.Н.Абросимовой и С.Р.Зориной. Вступительная статья В.Н.Абросимовой	173
Московские легенды о писателях. Записи Е.З.Баранова. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Боковой	288

VARIA

<i>А.Ф.Крашенинников.</i> Счет за деликатную работу, исполненную петербургским механиком (К предыстории повести Н.В.Гоголя «Нос»)	341
<i>Н.И.Осьмакова.</i> Гоголь и Русский Пустынник	348
<i>В.И.Мильдон.</i> Из ниоткуда в никуда (К метабиографии В.С.Печерина)	355
<i>А.И.Рейтблат.</i> Витязи толкучего рынка. К истории низовой словесности	373
<i>В.Щербаков.</i> Писарев и Даргомыжский	387
Вокруг Д.И.Писарева. Публикация Е.Буртиной	399
<i>Вера Бокова.</i> Платье Элен. Об одном комментарии к роману Л.Н.Толстого «Война и мир»	416
<i>Г.Краснов.</i> В последний путь... («Уход» Некрасова, Достоевского, Тургенева)	418
Неизвестное свидетельство о похоронах Чехова. Публикация Веры Боковой	437
Памяти Д.П.Муравьева	443
Указатель имен	460

ТОМ 5

ПОРТРЕТЫ

<i>М.Л.Гаспаров.</i> Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь	5
<i>А.М.Грачева.</i> Анастасия Вербицкая: легенда, творчество, жизнь	98

ПУБЛИКАЦИИ

В.В.Шульгин. 1917–1919. Предисловие и публикация Р.Г.Красюкова. Комментарии Б.И.Колоницкого	121

Переписка Л.Н.Лунца с М.Горьким. Предисловие, публикация и примечания А.Л.Евстигнеевой	329
Георгий Шенгели. Автобиографическая проза. Предисловие, публикация и примечания К.Ю.Постоутенко	374
Письмо А.Белого к Эллису. Предисловие, публикация и примечания А.В.Лаврова	386

VARIA

М.А.Колеров, О.К.Локтева. С.Н.Булгаков и религиозно-философская печать (1906–1907)	401
Н.А.Богомолов. Михаил Кузмин осенью 1907 года	425
Джон Стюарт Дюррант. По материалам архива Д.В.Философова	444
Т.С.Царькова. «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А.Д.Скалдина)	460
Я.С.Лурье. Жених Наташи Мандельштам	487
Указатель имен	493

ТОМ 6

От составителя	3

STUDIA BIOGRAPHICA

Б.В.Дубин. Биография, репутация, анкета: О формах интеграции опыта в письменной культуре	7
А.Л.Валевский. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла	32
О.Е.Майорова. Мемуары как форма авторефлексии: К истории неосуществленного замысла Константина Леонтьева	69

ПОРТРЕТЫ

Н.В.Самовер. «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В.А.Жуковского с Николаем I в 1830 году	87
Эмма Герштейн. К истории смертельной дуэли Пушкина (Критические заметки)	120
А.М.Ранчин. «...У алтаря пустого я стою!»: Е.П.Ростопчина в 1850-х гг.	172
Е.Ю.Буртина. Мелочи иерейской жизни: Документальный очерк об И.С.Беллюстине	187
Е.Динерштейн. Публицист «крайних убеждений»: Путь А.С.Суворина к «Новому времени»	238

ПУБЛИКАЦИИ

<i>А.И.Колечицкая. Мои записки от 1820-го года. Публикация</i> <i>Е.Э.Ляминой и Е.Е.Пастернак</i>	227
<i>М.А.Дмитриев. Главы из воспоминаний. Публикация</i> <i>Т.Ф.Нешумовой</i>	342
Письма Ф.В.Булгарина к Р.М.Зотову. Публикация <i>Д.П.Ивинского</i>	431
Из воспоминаний К.Н.Леонтьева. <i>Публикация О.Е.Майоровой</i>	453
Указатель имен	473

ТОМ 7

ПОРТРЕТЫ

<i>М.В.Акимова, Л.Я.Дворникова. «Дионисов чудный дар»:</i> Материалы для биографии Л.Н.Столицы	5
<i>А.М.Грачева. «Жизнетворчество» Анны Мар</i>	56

ПУБЛИКАЦИИ

Письма Н.Д.Санжарь к А.А.Блоку. Вступительная статья, публикация и примечания А.Е.Заблоцкой	79
<i>А.Даманская. На экране моей памяти. Вступительная статья,</i> <i>публикация и комментарии О.Р.Демидовой</i>	112
<i>В. Смиренский. Воспоминания об Алексее Ремизове.</i> Предисловие, публикация и комментарий Е.Р.Обатниной	161
<i>К.Н.Бугаева (Васильева). Дневник. 1927–1928. Предисловие,</i> <i>публикация и примечания Н.С.Малинина</i>	191
<i>В.В.Шульгин. Пятна. Предисловие и публикация</i> <i>Р.Г.Красюкова</i>	317

VARIA

<i>Александр Эткинд. Биографический институт:</i> Неосуществленный замысел Н.А.Рыбникова	419
<i>М.Л.Спивак. Андрей Белый и Александр Блок глазами</i> <i>«кадетской дамы» (Из воспоминаний</i> <i>М.Ф.Кокоскиной)</i>	427
<i>Я.В.Леонтьев. К истории взаимоотношений левого</i> <i>народничества и «Скифов»</i>	446
<i>И.Ямпольский. Из воспоминаний</i>	470
Указатель имен	499

ТОМ 8

ПОРТРЕТЫ

- А.Г.Гродецкая.* **Чувствительный и холодный (В.А.Солоницын и семья Майковых)** 5

ПИСЬМА

- Из переписки В.А.Солоницына и Е.П.Майковой 1843–1844 гг.**
Подготовка текста и примечания А.Г.Гродецкой 53
- Л.Н.Модзалевская.* **Письма к родным и близким.** Подготовка текста, вступительная статья и комментарий И.В.Осиповой 135
- Е.А.Салиас.* **Письма к матери.** Подготовка текста Л.В.Маньковой. Комментарии А.А.Кононова и Т.В.Мисникевич 195

ВОСПОМИНАНИЯ

- Майкл де Щербинин (Михаил Андреевич Щербинин).* **Пять веков семейной истории.** Подготовка текста О.Р.Демидовой. Вступительная статья и комментарий Т.В.Мисникевич 237
- В.О.Шервуд.* **Воспоминания.** Вступительная статья А.Л.Дмитренко. Подготовка текста В.А.Воропаева и Т.М.Марсаковой. Комментарии А.А.Кононова 297
- Елена Визенталь, Александр Ольхин.*
Воспоминания об отце. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.В.Абрамова 379
- Н.А.Бычкова.* **Как жили ваши бабушки и прабабушки.** Литературная запись В.В.Юрьевой. Публикация В.М.Боковой 425

СОЧИНЕНИЯ

- В.А.Солоницын.* **Так они наняли дачу!** Подготовка текста А.Г.Гродецкой 483
- В.А.Солоницын.* **Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи.** Публикация и комментарий А.Ю.Балакина 501
- Указатель имен 520

ТОМ 9

ПОРТРЕТЫ

- Андрей Устинов.* **Две жизни Николая Бернера** 5

ПУБЛИКАЦИИ

- Андрей Белый и С.М.Алянский. Переписка.**
Предисловие и публикация Джона Малмстада 67

<i>К.Н.Бугаева (Васильева). Дневник 1929 года.</i>	
Предисловие Е.В.Наседкиной.	
Подготовка текста и примечания Е.В.Наседкиной и Е.Н.Щелоковой	116
<i>Моника Стивак. Андрей Белый в следственном деле антропософов</i>	262
<i>П.Н.Лукницкий. Дневник 1928 года.</i>	
<i>Asumiana. 1928–1929.</i>	
Публикация и комментарии Т.М.Двинятиной	341
VARIA	
<i>Т.В.Мисникевич. «...Я имел достаточно “натуры” вокруг себя» (Новые материалы к ранней биографии Ф.Сологуба)</i>	499
<i>А.В.Лавров. Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства»</i>	516
Указатель имен	531

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТРЕТЫ

<i>Бен Хеллман. Георгий Эрастов – писатель, который пропал</i>	5
<i>Ю.Е.Галанина. Юрий Ракитин в России (1905–1917)</i>	55

ПУБЛИКАЦИИ

«Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А.М.Кожебаткину. Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада	127
Из дневников Л.Д.Рындиной. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.А.Богомолова	177
«Мы не чужие друг другу...». Письма К.Д.Бальмонта к Л.Н.Вилькиной. Публикация и комментарии П.В.Куприяновского и М.М.Павловой. Предисловие М.М.Павловой	251
Валерий Брюсов и Людмила Вилькина. Переписка. Предисловие А.В.Лаврова. Подготовка текста А.Н.Демьяновой, Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова. Публикация и комментарии Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова	279

<i>Т.В. Чурилин. Встречи на моей дороге.</i> Вступительная статья, публикация и комментарии Н.Яковлевой	408

VARIA

<i>О.Л. Фетисенко, Н.К.Цендровская. «...Та девушка звалась – сестра» (О жизни и кончине Ангелины Блок)</i>	497

Указатель имен	545
Сводное содержание томов 1–9	565

ЛИЦА
Биографический альманах

10

Редакторы-составители М.М.Павлова и А.В.Лавров

Редакторы Т.Б.Притыкина, Н.К.Цендровская
Корректор Е.А.Добкина

Издательство «Феникс»: 191123, Санкт-Петербург,
Кирочная ул., 31
Издательство «Дмитрий Буланин»

.....

ФЕНИКС

ИД № 05957 от 3.10.2001

Дмитрий Буланин

ЛР № 061824 от 11.03.1998

Подписано к печати 31.08.2004.

Формат 60x88¹/₁₆. Объем 36 п. л., вкл. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 870.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО Издательско-полиграфическом предприятии
«Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

Заказы направлять по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон, телефакс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www/dbulanin.ru>

ISBN 5-86007-462-X

